САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Яков Борисович
КНЯЖНИН

КОМЕДИИ
И
КОМИЧЕСКИЕ ОПЕРЫ

Издание подготовили
А. Ю. Веселова и Н. А. Гуськов

Санкт-Петербург
«ГИПЕРИОН»
2003

ББК 84(2Р){5}-6
К54

Федеральная целевая программа «Культура России»
(подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)

Ответственный редактор серии
П. В. Дмитриев

Княжнин Я. Б.

К54 Комедии и комические оперы / Сост., вступ. ст., коммент. А. Ю. Веселовой и Н. А. Гуськова. — СПб.: Гиперион, 2003. — 624 с. — (Российская драматическая библиотека. III.)

ISBN 5-89332-082-4

Настоящее издание впервые включает в себя все известные драматические сочинения Якова Борисовича Княжнина (1740–1791), написанные в жанре комедии, в том числе тексты для комической оперы.

На фронтисписе воспроизведен гравированный портрет Я. Б. Княжнина по рисунку Ф. Форопонтова.

ББК 84(2Р){5}-6

ISBN 5-89332-082-4

Комедии Я. Б. Княжнина

Имя Якова Борисовича Княжнина мало известно читателям наших дней и еще не до конца забыто, главным образом, благодаря упоминаниям в «Евгении Онегине» и «Капитанской дочке». Некоторые произведения старинного драматурга переиздаются, но на театр не попадают, почти не привлекают к себе внимания публики и даже исследователей. Быть может, виной тому прочно утвердившаяся в культурном сознании репутация Княжнина: писатель несамостоятельный, «переимчивый», как сказал Пушкин, а значит не достойный прочтения. Немногие обращаются к его сочинениям, чтобы удостовериться в справедливости столь строгого приговора.

Между тем, творчество Княжнина заслуживает внимания уже благодаря своему влиянию на русскую культуру конца XVIII — первой половины XIX вв. В этот период пьесы писателя не сходили со сцены и во многом сформировали театральные вкусы поколения Грибоедова, Пушкина и Гоголя. Современники оценивали произведения драматурга, особенно трагедии, очень высоко и вскоре причислили Княжнина к образцовым авторам. В начале XIX в., когда романтики ниспровергали былые авторитеты, отношение к писателю переменилось на враждебное, но его пьесы порой невольно увлекали самых строгих судей.

На этот раз повезло комедиям. Законодатель литературных мнений профессор А. Ф. Мерзляков в 1812 г. утверждал: «Между комедиями его есть некоторые прекрасные. "Чудаков" и "Хвастуна" можно поставить недалеко от бессмертных "Недоросля" и "Бригадира" Фон-Визина»[1]. Пушкин, неодобрительно замечавший: «Княжнин безмятежно пользуется своей славою»[2], — часто и, кажется, не без удовольствия цитирует строки этого автора как эффектные афоризмы. Самый ироничный и проницательный критик романтической эпохи князь П. А. Вяземский писал в 1817 г.: «Княжнин первый положил твердое основание как трагическому, так и комическому слогу. Лучшая комедия в стихах на нашем театре есть неоспоримо "Хвастун", хотя и в ней критика найдет много недостатков и вкус не все стихи освятил своею печатью. Но зато сколько сцен истинно комических, являющих блестящие дарования автора! Сколько счастливых стихов, вошедших неприметно в пословицы! Сколько целых мест, свидетельствующих <...> о зрелости слога Княжнина!»[3] В. А. Жу-

ковский, давая в 1827 г. суровую характеристику творчеству Княжнина, прибавил: «Он неизмеримо выше Сумарокова. Некоторые из его сцен всегда будут читаться с удовольствием, несмотря на то, что язык с того времени ушел вперед»[4]. Литературоведы XX в. отметили аллюзии на сочинения Княжнина в классических текстах от «Горя от ума» до «Свадьбы Кречинского». Длительный сценический успех пьес драматурга, сочувственное внимание к ним со стороны тонких ценителей литературы заставляют приглядеться к этим полузабытым творениям.

* * *

Жизнь Княжнина так же мало исследована, как его творчество. Вряд ли можно согласиться с утверждением одного из биографов Княжнина, что жизнь его была «бедна внешними фактами»[5]. Стоит лишь с сожалением признать, что часть этих фактов нам, вероятно, осталась неизвестной, другая же часть дошла в искаженном виде. Из всех биографий Княжнина, написанных в XVIII–XIX вв. трудно найти хотя бы две, в которых совпадали бы все излагаемые факты. Биографы Княжнина, отчасти стремясь отретушировать некоторые события его жизни, отчасти по забывчивости и невнимательности, допускали более или менее очевидные ошибки, кочевавшие из одного издания в другое. В результате даже дата рождения Княжнина окончательно не установлена (указывают 1740, 1742 и 1744 гг.). Наиболее убедительной выглядит версия Л. И. Кулаковой, чрезвычайно много сделавшей в области исследования как творчества, так и жизненного пути Княжнина. На основании косвенных свидетельств (указаний Княжнина на свой возраст в более поздних архивных документах) она установила, что Яков Борисович Княжнин родился 3 (14) октября 1740 г. в г. Пскове, в семье товарища псковского воеводы[6]. Получив некоторое домашнее образование, Княжнин в 1750 г. был отправлен в Петербург, где, как было установлено, «на коште отца» обучался в Академической гимназии[7]. Из гимназии Княжнин вынес превосходное знание немецкого и французского языков, потом к ним добавился и итальянский, благодаря знанию которого он смог поступить на службу переводчиком в Канцелярию от строений, прослужив перед этим два года в Юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел. Занимаясь переводами по долгу службы, Княжнин также перевел книгу по гражданской архитектуре, которая должна была стать учебным пособием для «архитектурных учеников» канцелярии. В 1762 г. Княжнин, уже в чине коллежского секретаря, «ловкий, расторопный юноша-красавец», по словам его современника и ученика[8], обратил на себя внимание генерал-фельдмаршала К. Г. Разумовского. И так как по приказу начальника Канцелярии от строений В. В. Фермора Княжнину дозволялось «своего благополучия в другом месте искать», он перешел в штат Разумовского и вскоре был

произведен в чин капитана и назначен на должность «при дежурных генерал-адъютантах за секретаря». Ряд источников указывают на первый поэтический опыт Княжнина того времени — не сохранившуюся «Оду к Икару». Очевидно пробовал свои силы Княжнин и в переводах, но большая часть его ранних переводов не атрибутирована.

Значительно более важным событием не только для самого Княжнина, но и для русского театра в целом, явилась постановка в 1763 г. написанной им мелодрамы «Орфей». Под мелодрамой в данном случае понимается особый театральный жанр — пьеса (или сцена), построенная на чередовании декламационных фраз с краткими репликами оркестра. Первая постановка была осуществлена в Петербурге на музыку Торелли с И. А. Дмитревским и Т. М. Троепольской в главных ролях. В дальнейшем русский музыкант и композитор Е. И. Фомин заново написал музыку к «Орфею» и постановка была возобновлена сразу после смерти Княжнина (возможно, по инициативе так называемого львовского кружка). Первая партитура была утрачена, а у самой пьесы появился счастливый финал.

Постепенно входя в литературно-театральную среду и завязывая личные и творческие связи, Княжнин познакомился с А. П. Сумароковым (исследователи относят это знакомство еще к началу 1760-х гг.), а через него с М. М. Херасковым. В литературе о Княжнине до сих пор идут споры о преимуществах трагедий Княжнина перед комедиями или наоборот. Тем не менее, будучи учеником Сумарокова, Княжнин вероятно на ранних этапах своего творчества скорее мыслил себя трагиком. Его первая трагедия «Дидона» была написана «отменно с удачею»[9] по одним сведениям в 1767 г., по другим в 1769 г. В пользу второй даты говорит цитируемое ниже письмо М. Н. Муравьева. В трагедии Княжнин объединил два мифа: о гетульском (берберском) царе Гиарбе и об Энее, а также ввел такой необычный сценический эффект, как пожар Карфагена и гибель Дидоны в огне. С 1772 г., во время опалы Княжнина, трагедия не ставилась и была возобновлена только в 1779 г. на театре Зимнего дворца, что дало основание Г. П. Макогоненко считать «общественной демонстрацией»[10] постановку на домашнем театре П. А. Бакунина 1778 г., описанную Муравьевым: «Я был вчерась на представлении «Дидоны» Якова Борисовича Княжнина, сего столь тихого и любви достойного человека, который заставляет ждать в себе трагика, может быть превосходнейшего, нежели его тесть»[11].

Глинка в разных изданиях и вариантах своих мемуаров излагает разные истории, связанные с представлением «Дидоны» Сумарокову. Согласно одной, Княжнин привез трагедию в Москву уже после постановки в Петербурге и говорил Сумарокову, что хотел прежде отдать «Дидону» на суд ему, но императрица, узнав о трагедии и прочитав ее, потребовала постановки[12]. По другой версии (она изложена там же, в подстрочных примечаниях издателя мемуаров со ссылкой на самого же

Глинку), Княжнин ответил Екатерине, что прежде чем ставить трагедию, хочет показать ее Сумарокову, и императрица одобрила его намерение. Эти расхождения также запутывают вопрос с датировкой. Известно лишь, что Княжнин действительно отправился в Москву в 1769 г., где вскоре посватался к дочери Сумарокова Екатерине Александровне, образованной девушке, по некоторым сведениям тоже писавшей стихи. Посредником между двумя драматургами выступал Ф. Г. Карин, богач и меценат, который «не уступал в пышности сатрапам древней Персии»[13]. Свадьба состоялась в Петербурге не позднее 1770 г., так как в 1771 г. у Княжниных родился сын Александр.

В этот период Княжнин активно работает над переводами, из которых прежде всего достоин упоминания перевод с французского романа Ш.-О. д'Аржанталя (написанного совместно с К.-А. Герен де Тансен и А.-Ф. де Пон де Вейлем) «Несчастные любовники, или истинные приключения графа Коминжа, наполненные событий весьма жалостных и нежные сердца чрезвычайно трогающих», выполненный в 1771 г. Княжнин не только перевел этот любовный роман (что свидетельствует о его лояльности к такому неоднозначному для русской литературы XVIII в. жанру), но и написал в качестве приложения к нему стихотворное «Письмо графа Коминжа к матери его» (опубликовано «Модным ежемесячным изданием» Н. И. Новикова, известного просветителя, литератора и книготорговца). Некоторыми исследователями также предполагается участие Княжнина в журналах Новикова «Трутень» и «Вечера».

В 1772 г. была написана трагедия «Владимир и Ярополк» и, видимо, в это же время трагедия «Ольга» (не публиковавшаяся при жизни Княжнина), о чем есть косвенное свидетельство в письмах Муравьева[14]. Последняя трагедия являлась переложением «Меропы» Вольтера, и подстрочник Княжнина потом использовал В. И. Майков в своем переводе.

В октябре 1772 г. Княжнин был обвинен в растрате казенных денег, то есть в удержании их «для собственных надобностей» из средств для караула. Молва традиционно связывала растрату с крупным карточным проигрышем. Так, например, Глинка даже изобретает своеобразное оправдание своему учителю: «Княжнин, на беду свою, очень твердо знал математику, а потому и в ставке карт пустился в *гадательные* исчисления»[15]. Несмотря на то, что в следственных материалах, подробно исследованных Кулаковой, нигде не говорится о картах, нельзя однозначно ответить на вопрос, был ли Княжнин картежником, тем более, что такая его репутация была закреплена в пародийной комедии И. А. Крылова «Проказники». Тема карточной игры нередко возникает в его творчестве и даже трактуется обычно более резко, чем в произведениях других сатириков XVIII в. Вместе с тем, сквозь обличительный пафос просматривается некоторая заинтересованность. В качестве примера можно привести описание карточной игры из стихотворения Княжнина «Утро»:

Для должности и славы мертвы,
Какие тени там сидят?
Своей прегнусной страсти жертвы
В порочном бденьи дни губят.
Фортуна, в выборах слепая,
Бумагой их судьбу бросая,
Из них невиннейших разит;
Игрою скрыв щедроты льстивы,
Как сфинкс, опустошавший Фивы,
Гаданьем к гибели манит.[16]

Так или иначе, следствие не заинтересовалось вопросом, куда Княжнин потратил казенные деньги. Ошибочно распространенное утверждение, что Княжнин растратил «почти 6000 руб.», потому что часть суммы была им внесена, и на момент ревизии из взятых из казны 5773 руб. 54 коп. он не возвратил около 3000 руб. Поручителем Княжнина выступил поручик Кавалергардского полка Г. Ф. Шиловский, который обязался заплатить недостающую сумму. Несмотря на это, Княжнин был арестован и «скован в ножные железа», а 16 февраля 1773 г. был вынесен приговор, поразивший современников неслыханной жестокостью: «Учинить Княжнину смертную казнь — повесить, а недвижимое его имение отписать на ее императорское величество» (так как имения не хватало для покрытия долга, остаток его предлагалось взыскать с поручителя Шиловского)[17]. Жестокость приговора неопровержимо свидетельствует о том, что растрата не была единственной и даже главной причиной ареста Княжнина. Вероятно справедливы гипотезы исследователей о политической подоплеке дела и возможной близости Княжнина к панинскому кружку. Единомышленники графа Н. И. Панина, бывшего воспитателя великого князя Павла Петровича, предполагали в 1772 г. возвести достигшего совершеннолетия наследника на престол и надеялись, что новый император будет проводить политику своих ближайших советников, просвещенных аристократов. Политические взгляды автора трагедии «Ольга» позволяют предположить, что он по меньшей мере сочувствовал панинской партии. Позднее, в 1773 г., Княжнин напишет «Оду на торжественное бракосочетание ... великого князя Павла Петровича и ... великой княгини Наталии Алексеевны, 1773 года, сентября 29 дня». Знаменательно, что это была единственная торжественная ода во всем его творчестве. К сожалению, «...о мировоззрении Княжнина мы можем судить только по его произведениям, а хронология их, столь важная для понимания эволюции взглядов писателя, запутана»[18].

За Княжнина вступился его непосредственный начальник К. Г. Разумовский, тоже известный своей оппозиционностью власти. В «особом мнении» на имя императрицы он отмечал в качестве серьезного смягчающего обстоятельства тот факт, что «казна убытка не терпит». Разумовский ука-

зывал, что достаточно разжалования в солдаты, что и было произведено. Указом от 21 марта 1773 г. Княжнин был лишен дворянства, чина, имения и разжалован в солдаты петербургского гарнизона. Управление имением передавалось его матери. Чин капитана был возвращен Княжнину только через четыре года, 30 апреля 1777 г. В период опалы Княжнин состоял домашним учителем в доме Хованских и воспитывал ставшего популярным на рубеже XVIII–XIX вв. поэта-сентименталиста Г. А. Хованского.

Материальные трудности заставляли Княжнина много переводить и сотрудничать с Собранием, старающемся о переводе иностранных книг, и новиковским Обществом, старающемся о напечатании книг. Не все эти переводы сохранились, и даже не все были напечатаны. Так, из переведенных Княжниным двух томов трагедий Корнеля вышел в 1775 г. только первый том, да и тот Новиков смог выкупить у типографии только в 1779 г.

По возвращении чина капитана Княжнин был удостоен высочайшей милости (возможно это было условием помилования): Княжнину было передано пожелание Екатерины II «видеть на нашем собственном языке изображение великого Тита как совершенное подобие ангельской души». Римский император Тит считался в европейской культуре образцовым монархом, справедливым и гуманным. Так в 1777 г. была создана первая русская музыкальная трагедия с участием хора и балета — «Титово милосердие». Как и в случае с «Орфеем», авторство первоначальной музыки не выяснено, а в 1790-е гг. музыку сочинил тот же Е. И. Фомин. Трагедия была новаторской, так как Княжнин использовал вольный ямб, не соблюдал правила единства места и разделил трагедию на три акта, вместо необходимых по классицистическим канонам пяти. Введены были также хор и балет. Следует отметить, что в «Драмматическом словаре» «Титово милосердие» — единственная из трагедий Княжнина прямо названа переводом: «Как автор, так и переводчик в подражании обратили на себя внимание и славу повсюду признаваемую»[19].

О том, что заказчик был полностью удовлетворен, свидетельствует щедрый подарок императрицы: Екатерина подарила автору табакерку с бриллиантами и своим вензелем. Следующую награду Княжнин получил за комическую оперу «Несчастие от кареты», которая была представлена на сцене Эрмитажа в 1779 г. Екатерина пожаловала 2500 руб. игравшим оперу, 400 руб. драматургу. По мнению специалистов в области истории музыки, именно композитор В. А. Пашкевич, обладавший особым талантом «рисовать музыкой жесты»[20], во многом способствовал успеху оперы.

Получив возможность поступить на службу, Княжнин в 1777 г. подал прошение о зачислении его в Контору строений домов и садов переводчиком, которое было удовлетворено. Уже через несколько месяцев он стал исполнять обязанности секретаря при директоре конторы И. И. Бецком, в ведение которого входили также Академия художеств, Воспитательные дома в Петербурге и Москве, Смольный институт, Сухопутный

шляхетный корпус и т. д. Княжнин надолго (вплоть до своей смерти) стал его правой рукой, и по мере того, как Бецкой терял зрение, все больше входил в управление вверенных Бецкому учреждений. Исследователи приписывают Княжнину некоторые документы, которые Бецкой оглашал от своего имени. Так, например, «Предложение совету Академии художеств» Бецкого от 2 мая 1783 г., с точки зрения С. П. Яремича, написано Княжниным: «В каждой строке “предложения” чувствуется вольнодумный автор “Вадима”, ненавидевший всем своим существом самодержавие и не скрывавший отрицательного отношения к рабским навыкам и чинопочитанию. В данном случае Княжнин, дав волю своему чувству, использовал Бецкого как ширму»[21]. Кроме того, Княжнин выполнял частные поручения Бецкого и даже членов его семьи. Так, в письмах к обер-директору Московского воспитательного дома Г. Г. Гогелю[22] Княжнин неоднократно обращается от имени побочной дочери Бецкого с просьбами выслать перчатки или чулки определенного размера, фасона и цвета, изготовленные в мастерских Воспитательного дома.

Сложные отношения Княжнина с Бецким, который хоть и не всегда хорошо исполнял свою должность, но оставался доброжелателем и покровителем драматурга, заставили Княжнина отказаться от выгодного предложения главного статс-секретаря Екатерины II А. А. Безбородко перейти к нему в штат. Глинка пишет, что в качестве поощрения Бецкой организовал на именины Княжнина его выступление перед выпускниками Академии художеств с «Речью о пользе воспитания и художеств», а также со стихотворным обращением: «Послание к российским питомцам свободных художеств». В послании указывается на необходимость образования для творческих людей:

Без просвещения напрасно все staранье,
Скульптура — кукольство, а живопись — маранье.

не забывая о нравственном воспитании —

«Напредь талантов всех нам нужен человек» —

Княжнин подчеркивает и социальную роль художника:

Наука первая — уметь на свете жить.
Она единая искусства в свет выводит,
При жизни славу им она одна находит
И, украшая их, творит блаженным век.

Вместе с тем он призывает выпускников не гнаться за чинами, помня о своем великом назначении:

Не мните также, чтоб почтение обресть,
Нужна бы вам была чинов степенна честь.
Не занимаяся вовек о рангах спором,
Рафаел не бывал коллежским асессором[23].

Последний фрагмент цитируемого послания почти дословно совпадает с первым пунктом «Предложения Академии Художеств» Бецкого, где говорится о неоправданном стремлении к чинам у молодых художников-выпускников Академии.

Помимо выполнения секретарских обязанностей при Бецком, Княжнин занимал должность редактора и составителя журнала «Известия императорского Воспитательного дома, к удовольствию общества служащие», а также преподавал словесность в Сухопутном шляхетном корпусе (сохранились отрывки из читанного им курса риторики). Учениками его были будущие драматурги Д. В. Ефимьев, В. А. Озеров, С. Н. Глинка. Кадеты сохранили самые теплые воспоминания о своем учителе: «Учителя у нас были самые лучшие во всем Петербурге, — вот хоть, например, Княжнин <...> Княжнин одевался очень скромно; но необыкновенно чисто и опрятно; руки у него были полные, белые и замечательно красивые. Кадеты чрезвычайно его любили и уважали»[24].

В 1778–1781 гг. Княжнин участвовал в издании журнала «Санкт-Петербургский вестник», где публиковал свои стихи, басни, переводы из С. Геснера и т. д.

К началу 1780-х гг. популярность Княжнина и авторитет его в литературно-театральных кругах столь упрочились, что в 1783 г. он был избран членом Российской Академии и принял участие в составлении «Словаря Академии Российской», а также сотрудничал в «Собеседнике любителей российского слова», в «Новых ежемесячных сочинениях», «Зеркале света» и др. В этот же период были написаны трагедии «Росслав» (1783), «Владисан» (1784), «Софонисба» (1787), комические оперы «Скупой» (1782), «Сбитенщик» (1783), «Мужья, женихи своих жен» (о датировке см. коммент.) и «Притворно сумасшедшая» (1787), комедии «Хвастун» (1785), «Неудачный примиритель, или Без обеду домой поеду» (до 1787) и «Траур, или Утешенная вдова» (о датировке см. коммент.). Успешно шло и продвижение по службе: в 1784 г. было удовлетворено ходатайство Бецкого о присвоении Княжнину чина коллежского асессора, а в 1786 г. — надворного советника. Первое собрание его сочинений было издано на счет Кабинета Ее Императорского Величества в пользу автора.

Трагедия «Росслав» принесла Княжнину едва ли не наибольший успех и умножила его славу. Обращение к истории Швеции XIV–XV вв. косвенно свидетельствует о связи Княжнина с панинским кружком, так как Панин интересовался шведской конституцией. Трагедия была посвящена Е. Р. Дашковой, и в этом посвящении Княжнин указывал на то, что в пьесе изображена «...не обыкновенная страсть любви, которая на российских театрах только одна была представлена, но страсть великих душ, любовь к отчеству...»

Считается, что именно с премьеры «Росслава» зародилась традиция вызывать на сцену драматурга после представления. Об этом первом вызове

рассказывают многие мемуаристы и исследователи: «Публика пришла в восторг и потребовала автора; но как поощрение такого рода было еще новостью, то и поставило Княжнина в недоумение. Дмитревский нашелся при этом случае: он вышел на сцену и объявил, что для автора восхитительно лестное благоволение публики; но как в театре его нет, то он, в качестве его почитателя и друга, осмеливается за него принести благодарность публике. Раздались громкие рукоплескания, и с этого времени, когда пиэса ознаменовывалась успехом, принято за обыкновение вызывать автора»[25].

Но именно «Росслав» заслужил больше всего обвинений в надуманности конфликта и неестественности действий и побуждений героев. Галахов даже назвал «Росслава» «комической трагедией»[26], а Вяземский отметил, что «о "Росславе" можно заметить, то имя *Хвастуна* ему приличнее, нежели действительному "Хвастуну". *Верхолет* более лжец и обманщик: *Росслав* есть трагический хвастун»[27]. С началом революции во Франции в 1789 г. пьеса была исключена из репертуара петербургского театра до 1801 г., хотя в Москве шла и в 1790-х гг.

Стихотворная комедия «Хвастун» уже в самом начале XIX в. воспринималась как образцовая: «...план в сей комедии правильный, действие исполнено живости, свойства и разговоры действующих лиц естественны, слог чистый, украшенный приятными, острыми и шутливыми мыслями, словом, вся комедия вообще наполнена прекраснейшими стихами»[28]. Мемуаристы отмечали злободневность «Хвастуна». Например, Глинка писал: «Нынче много писали о судьбе чересполосных владений, но Княжнин первый высказал это в "Хвастуне"»[29].

В то же время, уже современники отмечали неестественность некоторых персонажей в контексте русской действительности. В частности, много претензий предъявлялось к образам простолюдинов, которые больше походили на европейских наемных слуг, нежели на русских крепостных. Плавильщиков в статье «Театр» писал, имея в виду, вероятно, именно слуг из комедий Княжнина: «Многие сочинители <...> подумали, что российский крепостной слуга будет низок на театре и не заблагорассудили войти во внутренность сего состояния и с прилежанием испытать, что можно извлечь из него, решились по образцу французских комедий выставлять наших слуг Криспинами и уверили себя, что они правильно поступили, когда вложенные остроты в роли сих слуг производили громкий смех в театре. Но я думаю о том совсем напротив: я хочу видеть крепостного своего слугу в собственном его виде, возбуждающего приятный смех; и со всем тем никогда не позволю ему говорить на мой счет колкой остроты и мне в глаза; а тогда я в беседе с равными мне, то никогда ему вмешаться в наш разговор тоже не позволю»[30].

Одним из главных художественных достоинств комической оперы «Скупой», отразившей «психологию сквалыги»[31], современники считали введенный Княжниным речитативный монолог Скрягина: «...монолог

оной, подражая монологу Скупого из Мольера, будучи расположен речитативою, приносит отменную честь сочинителю»[32]. Существует и крайняя точка зрения, согласно которой успех речитатива — целиком заслуга композитора Пашкевича: «... именно композитор вдохнул жизнь в этот монолог: попади этот текст в руки к какому-нибудь Керцелли — ничего бы путного не получилось»[33].

Третья комическая опера Княжнина, «Сбитенщик», считалась простонародной пьесой, в которой комическими сценами автор хотел угодить и «партеру и райку»[34]. Особое возмущение блюстителей нравственности вплоть до XX в. вызывал монолог сбитенщика Степана «Счастье строит все на свете...», в котором усматривали «цинический взгляд на человеческую природу»[35] или «циничное отношение к общественной морали»[36].

В 1789 г. актер и драматург Плавильщиков написал оперу «Мельник и Сбитенщик соперники», в которой столкнул героя Княжнина с персонажем не менее популярной комической оперы А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779). В пьесе оба персонажа оказывались обманутыми и тем самым уравнивались. На самом деле Плавильщиков отдавал предпочтение Аблесимову: «Опера "Мельник", сочинения г-на Аблесимова, с самого издания его, столь много раз на всех театрах в России представляема была, что ни одно подобное сочинение похвалиться тем не может. Покойный Яков Борисович Княжнин написал оперу "Сбитенщик", чтобы ею заменить "Мельника"; и хотя "Сбитенщик" хорошо был на театре принят, однако ж "Мельника" не уронил, и он остался навсегда в прежней славе своей и всегда с удовольствием смотрят его на театрах. <...> Лица в "Мельнике" естественны в действиях своих и разговорах, но сквозь все искусство, с каковым опера "Сбитенщик" обработана, видно в ней заимствованное из иностранных сочинений»[37].

Возможно косвенным ответом Княжнина явилось стихотворение «Послание трем грациям» (1790), в котором Аблесимов выведен под именем Ферта, а его простонародному водевилю противопоставлена изящная светская комедия Д. В. Ефимьева (в послании — Ефим) «Преступник от игры, или Братом проданная сестра»:

Напрасно Ферт уверить хочет всех,
Что стих его вместил приятство ваше;
Что написать никто не может краше;
Что от его быть может драмы смех,
Затем что слог, по правилам шутливый,
Комический и острый и игривый,
Не ввел его проказной музы в грех;
Что он так чист, как ясная водица.
То правда; но и столько ж вкусен он;
И зрителей упрямая станица
В тот час, как сам он им давал закон

Хвалить себя, в ладони ударяя,
Сидела вся, по правилам зевая.
Меж тем Ефим, любезный новичок,
Сшиб мастера своею драмой с ног.
Ваш, грации! служитель он покорный,
И, несмотря на суд от Ферта вздорный,
Понравиться без правил смел и мог,
Риторики всея на посрамленье[38].

К 1787–1788 гг. относится скандал, связанный с написанием И. А. Крыловым комедии «Проказники», в которой очень резко и даже грубо был высмеян Княжнин и его жена. Княжнин был изображен как автор с говорящей фамилией Рифмокрад, сочиняющий комедии методом механической компиляции из иностранных источников: «Сочинять стихи, а особливо трагедии, есть вещь довольно трудная. Для нее оставил я попечение о доме, о жене, о детях и, кажется, с помощию Расина и прочих пишу не хуже других. Но, к несчастию, живу в такой век, когда французский язык сделался у нас употребителен, и всякий стих... (*Слуга вносит книги.*) Но вот и трагедии. Подай сюда ... поди вон — (*Слуга выходит.*) Вот отселе один стих, дай замечу. (*Развернув другую.*) Отселе можно шесть ... эти два стиха очень хороши. Ах! этот стих из "Аделаиды": он сделает украшение не только монологу, но и всей трагедии. Я им заключу ... ну, кажется, он будет изряден. Хотя я наружно скромен, но внутренне надобно отдать себе справедливость, что я великий автор. Вить вот и один монолог трудно набрать: каково же целую-то трагедию! ей-ей очень мудрено!»[39]

Комедия также включала грубые намеки на супружеские измены жены Рифмокрада, Тараторы:

«Т я н и с л о в. Вы можете узнать его по голове: она у него очень не гладко причесана.

А з б у к и н. По-городски, мой друг, у нас так в деревнях, бывало, кваском примочишь, а здесь везде дух французский нос воротит: и зато кого ни посмотри, все с рогами, так как же я его узнаю? неужели он рогатей всех?

Т я н и с л о в. Да, сударь, у него очень не гладка голова, для того, что он всегда занят»[40].

Крылов изображал любовную связь Тараторы с домашним врачом Ланцетиным, в котором угадывался образ Ивана Ивановича Виена[41] — домашнего врача Княжниных, автора сочинений по медицине и истории искусства. Его «Диссертация о влиянии анатомии в скулптуру и живопись. Объясненное доказательствами, извлеченными из преданий искусства и из самой опытности, по существующим творениям славнейших художников претекших веков и наших времен» (1789) была посвящена Бецкому. Кроме того, Виен перевел оперу «Севильский цирюльник».

Первоначально «Проказники» были одобрены к постановке в театральной дирекции П. А. Соймоновым, но впоследствии Соймонов узнал, что это — комедия «на лица» и запретил постановку. Показательно, что сам он не видел в пьесе знакомых ему лиц, пока ему об этом не сообщили: «Ошибка Соймонова, не узнавшего в Рифмокраде и Тараторе из “Проказников” своих знакомых Я. Б. Княжнина и его жену, свидетельствует о том, что дом Княжниных не пользовался той скандальной репутацией, которую приписал ему Крылов»[42]. Возможно также, что Соймонов, находившийся в приятельских и деловых отношениях с Безбородко (вероятные причины недовольства последнего Княжниным будут рассмотрены ниже), сознательно «не разглядел» объект сатиры.

На запрещение пьесы Крылов ответил издевательскими письмами Княжнину и Соймонову, которые распространял в списках. В письме Княжнину Крылов утверждал, что не имел в виду знаменитого русского драматурга и его семью, и если Княжнин увидел в комедии себя, значит он сам признал все обличенные в тексте пороки: «Я бы во угождение вам уничтожил комедию свою и принялся за другую, но границы, положенные вами писателям, толь тесны, что нельзя бранить ни одного порока, не прогневя вас или вашей супруги: так простите мне, что я не могу в оные себя заключить. Но чтобы доказать вам, [сударь] государь мой, колико я послушлив, вы можете выписать из сих характеров все гнусные те пороки, которые вам или вашей супруге кажутся личностию, и дать знать мне, а я с превеличайшим удовольствием постараюсь их умягчить, если интерес комедии не позволил совсем уничтожить». Подробно объясняя содержание комедии, Крылов лишний раз повторил все оскорбления в адрес своего литературного противника: «В муже вывожу я парнасского шалуна, который, выкрадывая лоскутии из французских и италианских авторов, выдает за свои сочинения и который своими колкими и двоесмысленными учтивостями восхищает дураков и обижает честных людей»[43].

«Неутомимую ненависть Крылова к Княжнину»[44] затруднялись объяснить даже современники. Большинство из них сходилось на том, что Княжнин помогал молодому Крылову войти в литературную жизнь и принимал его у себя дома, а утверждение Крылова, что он «не имеет чести быть вам знакомым» считали ироническим приемом. Существовало несколько распространенных версий случившегося. Например, рассказывался анекдот о том, как Е. А. Княжнина оскорбила Крылова: она спросила, что он получил за свою первую комедию, и узнав, что это был бесплатный вход в партер, которым Крылов воспользовался пять раз, презрительно заметила: «Нашелся писатель за пять рублей!» Мемуаристы единодушно признают вспыльчивость Крылова и даже мстительность. Например, драматург, переводчик М. Е. Лобанов писал: «Он был вспыльчив, иногда до крайности, любил отомстить своим врагам, особливо за

оскорбленное самолюбие. Вся комедия "Проказники" есть не что иное, как мщение, в котором он и сам впоследствии признавался и раскаивался»[45]. Большинство исследователей XIX в. также сходились на личных мотивах обиды Крылова, но подчеркивали, что уязвлено было именно писательское самолюбие Крылова: «...дерзость его отместки объясняется свойством нанесенной ему обиды: оскорблено в нем было именно то, что составляло самую светлую сторону его существования, его бескорыстное стремление посвятить себя литературе»[46]. В литературоведении XX в. появилась версия о социальном (и даже классовом) происхождении конфликта, а Крылов рассматривался как борец с «дворянской фрондой» и аристократизмом в литературе[47]. Такое объяснение нельзя признать исчерпывающим, ведь Крылов в конце своего письма к Княжнину напоминает о равенстве происхождения со своим соперником: «Впрочем, напоминаю вам, что я — благородный человек, хотя и не был столь много жалован чинами, как вы, милостивый государь»[48]. В последние полвека внимание было уделено эстетической составляющей полемики. И. З. Серман отметил, что «Проказники» — комедия «...о нравственном облике писателя, о зависимости его творчества от его личности»[49]. «По мнению Крылова, этическая неоправданность поведения княжнинских героев ведет за собой эстетическую слабость его трагедий, в которых немотивированность поступков делает конфликт нелепостью, а театральные эффекты — чепухой»[50]. Наконец, Л. Н. Киселева, отчасти развивая рассуждения Сермана о том, что «Проказники» были «диалогом с литературной традицией», предполагает возможный критический отзыв Княжнина на драматические сочинения Крылова и утверждает, что «Крылов мстил Княжнину за собственные неудачи»[51].

В начале 1789 г. Княжнин закончил самую свою известную пьесу — «Вадим Новгородский». Интерес к фигуре Вадима был достаточно устойчив в культуре этого периода. Еще в 1766 г. в программе экзамена по классу скульптуры в Академии художеств было дано следующее задание: «Взбунтовавши противу великого князя Рурика новгородцы (так!), сей храбрый и мужественный князь, убивши своими руками первейшего бунтовщика Вадима, великого и храброго мужа, и тем бунт усмиря, советников его казнить повелел»[52]. В 1786 г. Вадим был выведен в трагедии Екатерины II «Историческое представление из жизни Рюрика». Поэтому в самом факте обращения к этому историческому сюжету ничего крамольного не было. «Вадим» Княжнина был допущен к постановке, и актеры приступили к репетициям. Но началась революция во Франции и Княжнин, который, по словам Глинки, «первый понял порыв и полет этой бури»[53], предпочел сам забрать свою пьесу из театра. Тем не менее, были изъяты из репертуара также пьесы «Владимир и Ярополк», «Росслав» и «Несчастие от кареты». Главная же история с «Вадимом» развернулась уже после смерти Княжнина, в 1793 г., когда было подготовлено первое

издание трагедии. 5 марта 1793 П. Я. Чихачев, псковский помещик и опекун детей Княжнина, продал книготорговцу И. П. Глазунову несколько рукописей Княжнина. Среди них были «Вадим», «Чудаки», «Траур», «Жених трех невест», «Мужья, женихи своих жен» и т. д. Глазунов отдал тексты в типографию Академии наук. По представлению О. П. Козодавлева, Е. Р. Дашкова разрешила напечатать трагедию «Вадим Новгородский», не найдя в ней ничего предосудительного[54]. 4 июня поступило определение канцелярии Академии о напечатании 1212 экземпляров отдельного издания (14 июля напечатаны). Кроме того, «Вадим» был напечатан и в 39 части «Российского Феатра» (30 сентября). Традиционно считается, что неблаговидную роль в судьбе «Вадима» сыграла рецензия А. И. Клушина на эту трагедию, опубликованная в журнале «Санкт-Петербургский Меркурий» и обратившая на пьесу внимание императрицы. Тут же началось следствие, которое вел генерал-прокурор А. Н. Самойлов. Дашкова, по ее собственным словам, пыталась отстаивать трагедию, утверждая, что «...это произведение гораздо менее опасно для государей, чем некоторые французские трагедии, которые играют в Эрмитаже». Она убеждала императрицу: «...прежде чем совершить поступок, столь мало гармонирующий со всем тем, что вы делаете и говорите, прочтите пьесу и вы увидите, что ее развязка удовлетворит вас и всех приверженцев монархического образа правления...»[55] Тем не менее, 7 ноября Самойлов запросил псковского и смоленского генерал-губернатора о Чихачеве, а 12 ноября командование Измайловского полка, где служил сын Княжнина, и Горный корпус, где печаталось первое собрание сочинений драматурга в 1787 г. Чихачев, Глазунов и А. Я. Княжнин были допрошены. Было также дано распоряжение о конфискации экземпляров отдельной публикации и уничтожении ее в экземплярах «Российского Феатра». При этом, в письме Самойлова московскому главнокомандующему князю А. А. Прозоровскому о допросе Глазунова и конфискации подчеркивалось: «Благоволите, ваше сиятельство, исполнить все оное с осторожностию, без огласки, по данной вам власти, не вмешивая высочайшего повеления»[56]. В Москве изъяли всего около 150 экземпляров, но «Российский Феатр» был опечатан еще в типографии. 7 декабря 1793 г. Самойлов обратился к Сенату с «предложением» вынести решение о «Вадиме», так как «в сей трагедии помещены некоторые слова, не токмо соблазн подающие к нарушению благосостояния общества, но даже есть изражения противу целости законной власти царей», а «таковые дерзкие изречения противны вначале божественным, а потом и гражданским законам». Решение Сената было следующим: «Поелику книга сия наполнена дерзкими и зловредными противу законной власти выражениями, а потому в обществе не может быть терпима и достойна сожжена быть публично»[57]. Трагедия была сожжена на Александровской площади у Александро-Невской лавры. «Российский Феатр» с вырванными листами поступил в продажу толь-

ко через тридцать лет. По иронии судьбы вместе с «Вадимом» была вырвана первая страница трагедии Крылова «Филомела», которая шла в том же номере сразу после опальной пьесы. 30 декабря Сенат разослал секретные предписания в губернии присылать в Петербург экземпляры на сожжение. Но предписание исполнялось чрезвычайно медленно, и еще при Павле I в 1798 г. Сенат слушал 48 «репортов» о «Вадиме». Полное издание пьесы вышло только в 1914 г.

Но в 1789 г. Княжнин еще не знал о грозившей его трагедии судьбе, и хотя на ходатайство Бецкого о представлении к следующему чину ответ из Сената не был получен, преследованиям Княжнин все же не подвергался, вопреки ходившим слухам. Тем не менее, материальное положение Княжнина резко ухудшилось и в 1789 г. он был вынужден выдать купцу Степану Усачеву вексель на 175 руб. Вексель был опротестован надворным советником Литинским, которому Усачев его передал. Княжнину пришлось закладывать в ломбард вещи, а когда он не смог их выкупить, Бецкой поручился за него в счет будущего жалования. Книги Княжнина тоже плохо продавались, в переписке с Гогелем, Княжнин неоднократно просит о содействии в распространении его собрания сочинений в Москве, причем по самым низким ценам.

Несмотря на тяжелые жизненные обстоятельства, Княжнин не переставал заниматься творчеством и в 1790 г. написал комедию «Чудаки». Предполагается также, что в конце жизни им были созданы комедия «Жених трех невест», начало трагедии «Пожарский» и поэмы «Петр Великий», но произведения эти не сохранились. К последнему году жизни относится также комическая поэма «Попугай», переложение из Ж.-Б. Грессе. Глинка свидетельствует о начатом Княжниным публицистическом трактате «Горе моему Отечеству»: «Предполагают, что рукопись его, под заглавием «Горе моему отечеству», попавшая в руки посторонние, отуманила последние месяцы его жизни и сильно подействовала на его пылкую чувствительность. В этой рукописи страшно одно заглавие». Текст этот должен был, по словам Глинки, содержать предложения о том, как устроить «внутренний быт России», чтобы избежать крутого перелома, аналогичного французскому. Глинка также предполагает, что рукопись могла быть «неумышленно» перетолкована «людьми пугливыми» не в пользу Княжнина[58].

С XIX в. распространено устойчивое мнение о том, что Княжнин преследовался властями и подвергся допросу «с пристрастием» в Тайной экспедиции. Так, в словаре Д. Н. Бантыш-Каменского сказано: «Трагедия Княжнина "Вадим Новгородский" более всего произвела шума. Княжнин, как уверяют современники, был *допрашиван* Шешковским в исходе 1790 г., впал в жестокую болезнь и скончался 14 января 1791 г.»[59]. Слово «допрашиван» выделено курсивом, что, вероятно, намекало на характер допроса. Эта версия была популярна в декабристском кругу. В примечаниях к «Разбору Следственной комиссии в 1826 году» по делу декабристов упомина-

ется, что «писатель Княжнин за смелые истины в своей трагедии "Вадим" подвергался пытке в Тайной канцелярии»[60] (ср. у Пушкина «Княжнин умер под розгами»[61]). Но очевидных доказательств этой версии нет, так как свидетельства современников грешат неточностями. Например, в записных книжках библиографа и журналиста В. Г. Анастасевича, наряду с информацией о применяемых к Княжнину пытках указано, что он был другом Крылова, а также неправильно названа должность С. И. Шешковского (в вопросе о том, как следует писать его фамилию, исследователи расходятся): «Кн<яжнин> также был другом Ивана Андр<еевича> Крылову <Так!> и едва ли оба не были в руках у Степана Ив<ановича> Шишковского оберполицмейстера <?>. Княжнин точно был за Вадима»[62].

Во всяком случае Княжнин умер в молодом возрасте 14 (25) января 1791 г. в Петербурге и был похоронен на Смоленском кладбище. В 1950-е гг. надгробный камень был перенесен на Лазаревское кладбище Александро-Невской лавры. Эпитафия на могиле Княжнина гласит:

Творения его Россия не забудет!
Он был и нет его — он есть и вечно будет!

* * *

Я. Б. Княжнин принадлежал к поколению, рожденному в 40-х годах XVIII в., поколению Е. Р. Дашковой, Г. А. Потемкина, А. А. Безбородко, М. И. Кутузова и блистательной плеяды самых прославленных писателей Екатерининской эпохи. Княжнин — старший по возрасту в этой группе, почти ровесниками ему были А. О. Аблесимов (1742–1783), М. Д. Чулков (1743–1793), И. Ф. Богданович (1743–1803), Г. Р. Державин (1743–1816), И. И. Хемницер (1744–1784), Н. И. Новиков (1744–1818), Д. И. Фонвизин (1745–1792), несколько моложе — А. Н. Радищев (1749–1802) и Н. А. Львов (1751–1803). Почти всем им суждена была недолгая жизнь, немногим довелось встретить новое столетие. Первые их литературные опыты и вступление на службу пришлись на пору воцарения Екатерины II (1762), которое вслед за самой императрицей называли революцией. Это были годы оптимистических надежд, когда в Россию, встречая радушный прием при дворе и в свете, пришли сперва идеи французских просветителей, а затем и сами философы, мечтая воспитать в стране северной Семирамиды идеальных людей. Прекращение литературной деятельности у большинства перечисленных авторов совпало с годами революции (уже настоящей) в Париже (1789–1794), которая, как ни была далека, печально отозвалась на судьбе русских деятелей просвещения и поклонников просветителей.

Княжнин в полной мере разделил судьбу своих ровесников. Время расцвета его творчества — конец 1770-х — 1780-е гг. — совпало с закатом эпохи Просвещения и зарождением, часто на уровне бессознательного

предчувствия, идеалов грядущей эпохи — романтической. Противоречивость переломной поры мало на ком из деятелей русской культуры сказалась так сильно, как на Княжнине и его ближайшем окружении. Возможно, это произошло потому, что прекрасно знавший иностранные языки и следивший за западной литературой драматург был самым европейским из видных русских писателей XVIII в. и оказался отзывчивее, чем его соотечественники, к новейшим умонастроениям, которые традиционно приходят покорять русское общество с запада. Итак, для того чтобы лучше почувствовать своеобразие творчества Княжнина, следует сначала дать общую характеристику состояния умов в его эпоху.

XVIII век верил в безграничную силу разума, поскольку мироздание, казалось, устроено разумно, все сферы жизни регламентированы, и стоит научить людей, которые рождаются с чистой и доступной добру душой, жить по правилам, поступать естественно, руководствоваться доводами рассудка, стоит просветить заблуждающихся и воспитать новорожденных — и человечество достигнет счастья. Но шли годы, росли и рассеивались надежды, и вместо счастья наступило разочарование в просветительстве. В России было оно более робким, чем в Европе, поскольку идеи иноземных философов прошли еще слишком малый испытательный срок и опровергнуть их время не успело, но с запада уже слышались недовольные голоса, в том числе самих вождей учения, отвергших былые теории. Едва ли не первым утратил оптимизм Вольтер: он заявил, что нами играет судьба, а высший разум бездействует. Ж.-Ж. Руссо, вдохновитель сентименталистов, прославлял в противовес разуму чувство. Приобретавшие все большую популярность франкмасоны обещали постижение истины путем мистического откровения. В умах уверенность сменилась растерянностью, скепсисом, поисками достойной замены для просветительских теорий.

Эти поиски привели к изменению нравов и вкусов. Прежде общее предпочиталось частному. Энциклопедисты говорили, что, хотя цель жизни — личное счастье и наслаждение, но человек — член общества и представитель человечества, поэтому прежде всего обязан исполнять свой долг. К концу века, однако, усиливаются индивидуалистические настроения: чем меньше веры в разумность мироустройства, тем больше внимания к себе самому. Русский дворянин XVIII в. знал, что его долг — служение Отечеству, но в глубине души все сильнее мечтал о личной славе. Поколение Княжнина верило вслед за просветителями, что ее можно совместить с общей пользой, и потому, когда указ о вольности дворянства (1762 г.) превратил службу из обязанности в право, подавляющая часть образованных аристократов не вышла в отставку, ибо лишь заслугами перед государством могли они добиться торжества своей личности. Следующее поколение принимало подобную позицию как завет отцов, во многом против воли. Княжнин, быть может, почувствовал эту перемену,

общаясь со своими детьми и воспитанниками. В комедии «Хвастун» ровесник драматурга — Честон уговаривает сына забыть обманчивую любовь ради службы, а тот, хоть и сознает, сколь это благородно, не может справиться с чувствами, тем более что числиться поручиком ему неинтересно, он мечтает командовать («Когда б хоть ротою я мог повелевать!») и прославиться[63]. Характерно, что оба собеседника вызывают симпатию и сочувствие автора, который не может и не хочет решать их спор.

Разочарование в идеалах просветителей заставило людей конца XVIII в. искать счастья не в службе, а в частной жизни: более образованных и серьезных — в волнениях сердца, мечтах и творческом уединении; иных — в светских развлечениях и погоне за материальными ценностями. Энергия деятельных авантюристов, столь многочисленных и влиятельных в XVIII в., лишилась просветительского прожектерства и облеклась в корыстный расчет или сменилась пассивностью чувствительных созерцателей. Не случайно в сочинениях Княжнина, рисующих его век, герои заняты лишь достижением личного счастья, и чаще всего это либо плуты, либо чудаки. Знаменательно, что писатель не склонен, подобно своим предшественникам, судить их сурово. Дело в том, что кризис просветительства привел к отказу от категорических оценок. В одних случаях, это доходило до цинического отрицания любых нравственных принципов: глашатай подобной философии, знаменитый племянник Рамо, выведенный в одноименном очерке Дидро, тоже был ровесником Княжнина. В других случаях, отказ от максимализма приводил к пониманию сложности человеческой души и к невозможности трактовать однозначно любой поступок. Литература, пока еще неосознанно, готовилась вступить на путь психологизма.

Все спокойное и логичное мало интересует смятенного человека конца столетия, его влечет к себе либо яркое, эффектное, разительное, потрясающее душу, либо утонченное, изысканное, дающее отдых и забвение насущных проблем. Если раньше казалось, что искусство должно услаждать, непременно поучая, то теперь дидактика оказалась неуместной: художник своим творением стремился либо тронуть душу, либо развлечь ее. Для этого не обязательно соблюдение строгих правил, и грозные авторитеты, чьих предписаний недавно не смели ослушаться поэты, поколебались.

Тогда-то, в эпоху переоценки ценностей и пышного расцвета стиля рококо, в европейской культуре вновь восторжествовало игровое начало, примирявшее рационализм и скептицизм, этикет и свободное проявление личности[64]. Ведь игра всегда непредсказуема и не дает устойчивых гарантий успеха, хотя и предполагает правила. Поэтому она и волнует, и увлекает, и пугает, и доставляет наслаждение, осуществляется одновременно и «понарошку», и всерьез. Мудрость и притягательность философии игры постигли и претворили в слово многие наши писатели XVIII в.

И Княжнин — одним из первых. Он, картежник, участник политических интриг, почитатель французских и итальянских драматургов, изведал сладость игры. Ее азарт и одушевлял творчество писателя.

«В его творениях, — заметил князь П. А. Вяземский, — нет природы истинной, чистой. Комедия его переработана в природу искусственную, условную. Но если допустить, что на сцене позволительно созидать мир театральный, только по некоторым степеням соответственный миру действительному, то, без сомнения, должно признать Княжнина первым комиком нашим. "Хвастун" его не в наших нравах, но и не в нравах иноплеменных, а разве в нравах классической комедии. "Чудаки" тоже»[65]. Суждение критика справедливо лишь отчасти. Далее будет показано, что в сочинениях Княжнина отразились не только русские нравы, но и конкретные события XVIII в., многие персонажи имели реальных прототипов, распознать большинство из которых, увы, уже невозможно. Однако Вяземский по праву присуждает Княжнину первенство в создании условных игровых пьес, которые нельзя судить по законам реалистической эстетики. Автор творит из фактов действительности свой гротескный мир чистой театральности, которая до Княжнина была почти неведома русской драматургии.

Небогатый отечественный комедийный репертуар (несколько пьес Сумарокова, Фонвизина, Веревкина, Екатерины II, Хераскова и ряда второстепенных авторов) ставил перед собой преимущественно дидактические цели и чуждался игры. Самые легкомысленные французские комедии при «склонении» на наши нравы превращались в серьезные и рассудительные. Даже в «Недоросле» Фонвизина почти половина текста приходится на обстоятельные беседы резонеров о вещах весьма важных, но утомительных; даже создатель русского театра Сумароков, подражавший итальянским фарсам, утверждал: «Свойств комедии — издевкой править нрав. / Смешить и пользовать — прямой ее устав»[66]. Княжнин возразил ему в пародийном толковом словаре: «Комедия — наперед сего значило школа нравов; а ныне ничто иное есть как школа остроты»[67]. В этом определении, казалось бы, чувствуется сожаление об измельчании жанра. Но преображение драматургии свершилось, и в значительной мере стараниями Княжнина. Он затрагивал самые важные проблемы, не отказывался и от поучения, но делал это так, чтобы не нарушить принципов театральности, и добился успеха, потому что не стремился, подобно своим предшественникам, заставить игру быть серьезной, а сам серьезно отнесся к ней.

Канонический свод пьес Княжнина включает девять трагических и девять комических текстов (в этой статье речь идет о последних). Жизнь в них предстает как действо, подчиненное законам игры. Внешне эта игра ограничена формальными правилами, почерпнутыми во французских нормативных поэтиках, и в этом отношении не противостоит русской драматургии XVIII в. Писатель придерживался традиционных стилисти-

ческих принципов: трагические герои говорят у него высоким слогом, комические — низким, резонеры и влюбленные в комедиях — средним. Большинство из этих действующих лиц принадлежит к классическим амплуа. Обычно Княжнин соблюдал правило трех единств: места (все события происходят в одном помещении), времени (от завязки до развязки проходит не более суток) и действия (все сюжетные линии стянуты в один узел).

Однако по отношению к литературным канонам Княжнин держался более независимо, чем его учитель Сумароков, и, наряду с сугубо драматическими жанрами — трагедией и комедией, особенное внимание уделял музыкальному театру — мелодраме и комической опере, в которых строгого соблюдения правил не требовалось, зато приветствовались свобода творческой фантазии и обилие эффектов, сильно действующих на эмоции зрителя. В шести музыкальных пьесах и двух трагедиях с хорами Княжнин иногда отступал от канона, например, нарушал единство места.

Впрочем, во всех текстах драматурга литературные нормы господствовали лишь на уровне внешней формальной организации, действие же подчинялось законам игры. Это проявлялось, прежде всего, в том, что, несмотря на свое единство, действие в комедиях Княжнина двупланово: движение прослеживается как на сюжетном (интрига), так и на стилистическом уровне. Вероятно, сознавая, что в современной ему русской драматургии разговоры преобладают над событиями, и не зная, как преодолеть разрыв между речами и поступками персонажей, писатель постарался активизировать элементы обоих уровней параллельно.

* * *

Склонность к языковой игре выделяет драматургию Княжнина среди произведений его современников. Пожалуй, лишь Фонвизин умел не менее эффектно строить ряды каламбуров и цепи комических алогизмов. Однако в «Бригадире» и «Недоросле» подобные приемы чаще всего ощущаются как вставные остроты, у Княжнина же они столь многочисленны, что сплетаются между собою и составляют важнейшую, неотъемлемую особенность стиля. Драматург основывает языковые игры обычно на взаимном непонимании персонажей, приводящем к нелепой реализации переносного или омонимичного значения высказывания. Порой прием выходит за пределы фразы и провоцирует миниатюрную сценку (например, непонимание Чванкиной, а затем и Мариной слова «роман» в «Хвастуне» или обсуждение имени Синекдохоса в «Неудачном примирителе»). В других случаях на стилистической игре строится вся роль персонажа. Так, партия Фаддея в «Сбитенщике» состоит из забавных попыток реализовать устойчивые метафоры: «чтоб и червяк не прополз»,

«найди дубинку потолще», «баранья голова» и т. д. Аналогичны, хотя внешне не столь абсурдны, диалоги майора и судьи с другими героями «Чудаков», особенно с Ветромахом. Подвижности стиля Княжнин противопоставляет повторы, которые задерживают действие и вызывают смех (ср. сцену из «Хвастуна», где Простодум униженно кланяется по очереди всем присутствующим).

В комической опере стилистические сдвиги подчеркиваются чередованием прозаического текста и арий, дуэтов, хоровых партий. Особенно хорошо это видно в пародийных музыкальных номерах (арии шута в «Несчастье от кареты» или знаменитый речитатив Скрягина в «Скупом», отчасти бурлескно перерабатывающий стансы Сида из трагедии Корнеля: душевные терзания героя в данной сцене, кстати, также переданы через речевой контраст). В отличие от большинства опер XVIII в. музыкальные эпизоды в произведениях Княжнина чаще всего вставные, подобно куплетам в водевилях XIX столетия, они нужны именно для резкого переключения зрительских эмоций.

Вообще, стилистический план комедий Княжнина почти самодостаточен, развитие диалога в них увлекает независимо от сюжета. Быть может, именно эта черта и восхитила князя Вяземского, виртуоза острой светской беседы, и определила ориентацию салонной драматургии начала XIX в. (школа князя Шаховского) на творчество Княжнина.

Мастерство в области стиля позволило драматургу создать русскую высокую комедию (в 5 актах, в стихах). Жанр стихотворной комедии был для русской сцены еще не очень привычным. М. М. Херасков в пьесе «Ненавистник» (1770) вложил в уста одного из своих героев рассуждение о новом жанре:

Я слышал, сделана комедия в стихах,
Как будто вирши есть у нас в простых словах...
Стихами говорить там будут и лакеи,
А мы, собравшися в один кружок вверху,
Все будем принимать за вздор и чепуху.[68]

В первых русских стихотворных комедиях, таких как «Корион» Д. И. Фонвизина, «Ненавистник» М. М. Хераскова, «Самолюбивый стихотворец» Н. П. Николева, «Русский парижанец» Д. И. Хвостова, не использовались богатейшие возможности стиха, и поэтому они не имели успеха. Княжнин сумел сделать шестистопный ямб, торжественный и неторопливый, гибким и подвижным: часто распределял стих между несколькими репликами, в «Чудаках» вместо парной рифмовки ввел вольную. Избавившись от монотонности, драматург научился добиваться эффектов, которые способна производить поэтическая речь на сцене: стих придает репликам условный, стилизованный характер, одновременно усиливая их эмоциональность. Ритмизация речи способствует афористично-

сти, поэтому многие остроумные фразы высоких комедий легко делаются пословицами. Наконец, стих подчеркивает приемы стилистической игры, особенно этому содействует комическая рифма и параллелизмы, ярче выступающие как раз в поэтической речи. Не удивительно, что после успеха «Хвастуна» и «Чудаков» в течение более 30 лет на русской сцене господствовала именно стихотворная комедия.

* * *

Сюжетный план действия подвергся в творчестве Княжнина тем же преобразованиям, что и стилистический. Стремясь сделать интригу сценичной, драматург насыщал ее событиями, ведь всякая игровая ситуация подвижна и предполагает развитие. Не случайно поэтому на фоне русских пьес XVIII в. сюжеты произведений Княжнина кажутся очень динамичными. В первую очередь, это связано с обилием перипетий, любимых западной комедией: переодеваний, qui pro quo (подмен), подслушиваний, потасовок.

Игровой характер интриги пьес Княжнина обнаруживается и в том, что она строится на соперничестве или перевоплощении персонажей и имеет, как всякая игра, несколько законченных этапов. Итог подобного состязания зависит в равной степени от возможностей противников и от стечения обстоятельств, успех такого актерства непредсказуем. Персонажи княжнинских комедий поступают как актеры, как игроки или как зрители, непосредственно не втянутые в конфликт, но делающие ставки на одного из участников, сопереживая ему. Иногда в пьесах Княжнина параллельно разыгрывается несколько поединков, тогда принцип единства действия если и не нарушается, то оказывается под угрозой.

Игровое начало неодинаково реализуется в трех группах комедийных текстов писателя — музыкальных, прозаических и стихотворных драмах. В борьбу вступают различные типы персонажей, меняется суть конфликта; от оперы к высокой комедии идет углубление проблематики и усложнение характеров.

В операх Княжнина цель драматической борьбы традиционна — любовь и деньги. В трех пьесах опекун посягает на руку воспитанницы, у которой есть приданое и возлюбленный. В «Притворно-сумасшедшей» дан классический вариант ситуации: Эраст, Лиза и их помощники-слуги с легкостью дурачат Алберта, который наивно полагает, что обуздывает питомицу. Пожалуй, можно сказать вслед за Мочульским: «...такое накопление плутов в одной пьесе является неестественным»[69]. Интересно, что Эраста возвышает в глазах зрителя не благородство (соперникам одинаково важно получить и невесту, и приданое), а то, что он избран Лизой. В «Скупом» опекун ведет уже два поединка, причем оба оказываются мнимыми: Скрягин думает, что ему противостоят графиня, которую надо

склонить к замужеству, и воспитанница, у которой надо отобрать деньги. На самом деле он состязается с Пролазом и с Миловидом. В борьбе с первым ставка — Марфа, со вторым — Изабелла. Однако цели у соперников разные: Пролазу и Миловиду нужны их возлюбленные, а скупому — приданое обеих героинь. Хотя все персонажи оперы противостоят Скрягину, победить его гораздо сложнее, чем Алберта, но двойной атаки и он не выдерживает. В «Сбитенщике» Волдырев полагает, что у него один счастливый соперник Болтай, формально — их два (Болтай и Извед, из которых удачлив только один), реально же опекуну противостоит Степан, цель которого — вовсе не Паша, а деньги. Сбитенщик ведет сложную игру: он должен отвести подозрение от Изведа и, поскольку в этой пьесе у опекуна есть помощники, а героиня держит нейтралитет, склонить их на свою сторону. В опере имеется боковая сюжетная линия (Степан и Власьевна), но она почти не разработана. Параллельные любовные поединки двух пар — господ и слуг — разворачиваются в другой пьесе, «Мужья, женихи своих жен». Эффектная запутанность игры состоит здесь, однако, не в противостоянии героев, а в тройном перевоплощении и подмене.

Самая неожиданная сюжетная ситуация, основанная на борьбе за деньги и невесту, дана в «Несчастье от кареты». Тот из соперников, который счастлив в любви (Лукьян), не имеет шансов победить и не участвует в состязании. Борьба идет между приказчиком и шутом, причем они добиваются благосклонного решения не героини, а господ Фирюлиных. Выигрышем для первого является Анюта, для второго — кошелек Лукьяна. Карета, виновница несчастий, в прикупе у барина. Анюта, Лукьян и Трофим — положительные герои, поэтому занимают особое место среди персонажей комических опер Княжнина. Их положительность связана с полемическим заданием текста и незавершенностью творческих поисков драматурга («Несчастье от кареты» — первая его опера).

Остальных персонажей комических опер можно разделить по сюжетной функции — на плутов и простаков. Первые движут действие, вторые становятся их жертвами. Как и положено участникам игры, они вне оценок этических, их поступки рассматриваются лишь с эстетической точки зрения. Симпатию вызывает тот, кто эффектно ведет игру — обычно плуты: шут, сбитенщик, Марфа в «Скупом» и т. д. Осуждаются же простаки, вообразившие себя плутами: Волдырев, Болтай, Скрягин, Алберт. В мире комических опер выигрывает ловкий и талантливый, и правда на его стороне.

В прозаических комедиях Княжнина любовный сюжет редуцирован и показано соперничество идейное: параллельно состязаются две пары героев, желающих настоять на своем; третий персонаж оказывается при них примирителем, подстрекателем, судьей.

Сюжет «Траура» построен как настоящая азартная игра. Каждый акт начинается с интермедии: врач требует денег за леченье, а слуга сам хочет их присвоить, Ветран выступает в роли третейского судьи. Герои

торгуются с азартом, ведь игра идет на интерес. Параллельно заключается двойное пари Ветрана с Постаном и Миленой о возможности утешить вдову. Ставки значительны: Милена, проиграв, теряет брак по любви и счастье; Постан — деньги и веру в свои принципы, Ветран — и то, и другое, и третье. В первом действии показана подготовка к состязанию, во втором — сам поединок. Карачун и Евдоким разыгрывают две партии, сражаясь за каждый империал. Игра, которую ведет Ветран, имеет больше этапов, ознаменованных очередным приобщением вдовы к жизни. Сложность задачи героя в том, что состязаться надо не с истинными соперниками, а с Изабеллой, не позволяя ей догадаться о сути происходящего. Единство действия в комедии осуществляется благодаря внесценическому персонажу — покойному Добросердову, поскольку лишь он связывает героев с Карачуном.

В «Неудачном примирителе» одновременно Миротвор примиряет супругов, отстаивающих свои точки зрения, а Марина ссорит повара и педанта, кичащихся своей ученостью. Две сюжетные линии скрепляются аналогичными тройными партиями: Синекдохос мирит супругов, Ростер при Марине спорит с Кутерьмой и т. д. Миссия Миротвора изначально безнадежна: он вмешивается в чужую игру, ведь муж и жена, стыдясь раздоров, получают от них огромное удовольствие, и примиритель — помеха в их бесконечном поединке. Марина же сама в игре не участвует, а только наблюдает за соперниками, являясь одновременно для них недостижимой наградой. Во всех эпизодах пьесы разворачивается аналогичная игровая ситуация, но при новой комбинации участников она реализуется иначе.

Княжнин ввел в русскую литературу жанр философской комедии, действующие лица которой уже не плуты и простаки, а выразители определенных жизненных позиций, естественной и неестественной. В них нетрудно узнать классические типы из средневековых карнавальных действ, уцелевшие в западной комедиографии, людей веселящихся и мрачных агеластов, врагов веселья и свободы. Торжествуют первые, ибо за них закон жизни. Подобные герои есть и в операх Княжнина. Так, злобный агеласт Алберт, посрамленный окончательно не побегом воспитанницы, а презрением толпы венецианского карнавала, близок Карачуну, лекарю-убийце (если намеки Крылова на связь Е. А. Княжниной с И. И. Виеном имели основание, понятно, почему драматург недолюбливал врачей). Сбитенщик и шут — карнавальные персонажи иного склада, исповедующие крайний гедонизм. И все же герои «Траура» и «Неудачного примирителя» психологически сложнее. Синекдохос и тем более Ростер — не аскеты и не пессимисты, Постану и Миротвору чужда злоба. Их порок не столько в мрачном поведении, а в ложном, неестественном взгляде на мир. Княжнин, как ученик Сумарокова, не выносил отвлеченного от жизни педантизма, вроде умозрительной логики Синекдохоса и догматической меди-

цины Карачуна, и, как человек позднего Просвещения, не доверял науке, которая казалась тяжеловесной схоластикой или софистикой, даже если обращалась к проблемам гастрономии; он терял уважение к любого рода этикету, даже столь оправданному, как принципы Постана и Миротвора. К персонажам прозаических комедий нравственная оценка так же неприменима, как и к оперным. Здесь побеждает тот, чье поведение естественно, и его позиция вызывает эстетическое удовольствие и симпатию зрителя. Так, неожиданно, в этих скептических текстах косвенно проявилась связь Княжнина с сентиментализмом.

В действии высоких комедий сочетаются два типа соперничества — любовно-финансовое и философское, в сюжет вплетаются и столкновение претендентов на руку героини, и параллельно развивающиеся любовные поединки господ и слуг, и идейные разногласия между супругами, детьми и родителями, соперниками в любви. Формальное распределение участников пародийно воспроизводит трагедийное: главные герои имеют наперсников: старшего родственника (Простодум, Чванкина, Честон, Лентягин, Лентягина) и слугу (Полист, Пролаз, Высонос, Марина), возникает даже универсальный наперсник — Трусим. Однако три линии действия симметричны, но не тождественны: наперсники есть не у всех действующих лиц, функции персонажей одного ряда могут перераспределяться: так, Честон — активный персонаж и единомышленник Замира, а Чванкина и Простодум — пассивные герои и мнимые помощники Верхолета и Милены. В «Чудаках» в центре действия находится Улинька — лицо не только бездействующее, но и нейтральное, чего никак нельзя сказать о Милене из «Хвастуна».

Аллюзия на трагедийную модель используется Княжниным одновременно для указания на серьезность проблематики пьес и для пародийного обыгрывания модели высокого жанра. На самом же деле система персонажей «Хвастуна» и «Чудаков» близка к оперной. В первой пьесе есть три положительных героя (Милена, Замир и Честон), появление которых объясняется так же, как и в «Несчастье от кареты». Прочие действующие лица — плуты, причем обычно обладающие идейными принципами (в операх таких персонажей было мало) и чудаки (то есть философствующие простаки). Последний тип, пожалуй, серьезно разработан именно Княжниным (более ранние авторы считали чудачество либо пороком, либо психическим недугом) и является наиболее сложным и итоговым из созданных писателем. Слова Пролаза: «Увидишь, ежели не слишком ты дурак, / Что всякий, много ли иль мало, но чудак; / И глупость, предстоя при каждого рожденье, / Нам всем дурачиться дает благословенье» — показывают, что чудачество (чрезмерная увлеченность чем-либо, которую Гоголь в «Мертвых душах» назвал «задором») для Княжнина, особенно в поздний период творчества, было неотъемлемой чертой всякой натуры. У героев высокой комедии (не исключая и поло-

жительных) есть, наряду с браком, богатством или доказательством своей правоты, более масштабная цель — обретение права на свое место в мире и на определенную репутацию. Эта цель принципиально меняет соотношение черт борющихся сторон. В «Хвастуне» плутам (хвастун Верхолет, мечтающие о богатстве и знатности Полист и Марина) свойственны чудачества, а чудаки (тщеславные Простодум и пожилая кокетка Чванкина) стремятся плутовать. Обе группы объединяют свои усилия, но проигрывают. В «Чудаках» плуты (Пролаз и Марина) устраивают свои дела за счет поединка чудаков (Лентягиных и т. д.), и не только добиваются успеха, но и ухитряются удовлетворить запросы большинства прочих персонажей. Причина в том, что выигрыш в художественном мире высоких комедий зависит не от таланта героя и не от естественности его жизненной позиции, а от удачливости. Поэтому главный поединок для персонажей высоких комедий — состязание с Фортуной, которую они стремятся «поймать за тупей».

Вообще, судьба, случай, «счастье», как говорили в XVIII в. не только центральное понятие для мировоззрения Княжнина, но и едва ли не главное действующее лицо всех его пьес. В трагедиях она проявляется как рок, в комедиях и операх — как случайное стечение обстоятельств, но везде, подобно театральному режиссеру или банкомету за карточным столом, организует игровое действо. Из комедийных пьес лишь в «Хвастуне» и «Чудаках» столкновение героев с судьбой подано как борьба, в других произведениях герои только подстерегают удачу, зато шут в «Несчастье от кареты» и особенно сбитенщик прямо формулируют философское кредо автора: «Счастье строит все на свете, / Без него куда с умом!» Княжнин — скептик и фаталист, он уже не верит в высший разум и в жизненные закономерности, в торжество правды и добра, но зато верит в силу удачи и красоты, что торжествуют в игре. Поэтому в художественном мире драматурга побеждают только те, кому повезло, развязку определяет случайность: пьяный Высонос проболтался о намерениях своего барина, сбитенщику чудом попался под руку Болтай, Лукьян и Анюта случайно знали несколько французских слов, Простодум слишком разоткровенничался с Честоном...

Действующим лицам высоких комедий Княжнина дана уже не только эстетическая, но и этическая оценка, однако подчеркивается, что однозначная трактовка и сатирическое осуждение характера невозможны, поскольку несовершенства свойственны человеческой природе. Княжнин, как и его предшественники, поучает, развлекая, но он не наказывает, а показывает пороки, не обличает, а эффектно обыгрывает разнообразие закономерных жизненных ситуаций.

С таким подходом связано новаторство Княжнина в обрисовке характеров. Едва ли не первым в России он стал пользоваться сложными психологическими ремарками, которых нет, например, у Фонвизина

(«П р о с т о д у м (*струся, с радостью*). Да как...») и стремился создать неоднолинейный характер (Лентягин, Простодум, Чванкина и т. д.). В пределах одного текста могли подаваться внешне несходные разновидности какого-нибудь амплуа или, напротив, сближались, казалось бы, различные типы. Так в комедиях Княжнина выстраивались своеобразные системы двойников (Миротвор — Синекдохос — Ростер — Марина; Простодум — Чванкина — Полист — Марина и т. д.). В результате писатель отказался от разделения персонажей на положительных и отрицательных и осмеливался даже на дерзкие, с точки зрения эстетики XVIII в., сюжетные ходы: резонер Честон попадает в безвыходное, унизительное и нелепое положение (так, у Фонвизина Стародум или Правдин могут смеяться над другими, но сами не бывают смешны и жалки), зато беспринципный циник Степан, заявляющий: «Кажется, неложно / Все на свете можно / Продавать, покупать...» — торжествует.

Неоднозначность характера и игровое действие привели к тому, что в комедиях Княжина появляется, едва ли не впервые в русской драматургии, «миражная интрига» (термин Ю. В. Манна), то есть действие пьесы слоится, мерцает и внешнее его развитие оказывается мнимым. В результате двойственности, прослеживаемой в произведениях Княжнина на всех уровнях текста — от стилистического и сюжетного до образного и оценочного — произошло и раздвоение конфликта. Сюжетный конфликт в комедиях драматурга разрешался по традиционным законам классического театра — симпатичные автору и зрителю герои приходили к благополучному финалу. На уровне же проблемы, породившей конкретный конфликт, противоречие оставалось неразрешимым. На это обратили внимание еще исследователи XIX в. применительно к опере «Несчастье от кареты»: Лукьян и Анюта счастливы, но карета еще не куплена, и аналогичное несчастье может грозить другим крестьянам. Подобную ситуацию можно видеть во всех остальных комедиях: вдова утешена, но не навсегда; Верхолет арестован, но только потому, что он не настоящий вельможа; Прият женится на Улиньке, но самодурства Лентягиных неискоренимы и т. д. В «Неудачном примирителе» конфликт не разрешен и на сюжетном уровне. Для русской комедии XVIII в. это исключительный случай.

Неразрешимость конфликта на проблемном уровне придает веселым комедиям Княжнина оттенок горечи и тревожности и заставляет подозревать в авторе пессимиста. Трудно сказать, в какой мере это справедливо. Во всяком случае, скорее всего, драматург еще обладал жанровым мышлением и старался писать, «не раздражая муз худым своим успехом: / Слезами Талию, а Мельпомену смехом»[70]. Воспитанный на рационалистических идеалах, он невольно смущался и печалился, видя, что жизнь опровергает их, а в комедиях, вероятно, все же не стремился давать реальности серьезную и мрачную оценку, представляя ее как напряженную, увлекательную и все-таки забавную игру.

* * *

Однако действо, разворачивающееся в комедиях Княжнина, не было самодостаточным. Драматург живо реагировал на современную жизнь, а порой и сам, подобно своим персонажам, вступал в соперничество с недоброжелателями, но делал это не в форме грубого памфлета, переходящего к личным оскорблениям, а посредством изысканной игры. Портретность, свойственная сатире XVIII в., в конце столетия, в связи с отказом от максимализма оценок, все чаще отождествлялась с пасквилем, и драматург (в отличие от его противников) ограничивался довольно туманными намеками. В целом, при напряженной литературной борьбе в XVIII в. в России, Княжнин для своего времени и положения не так уж часто вступал в прямую полемику, и скорее сам подвергался нападкам, нежели нападал. Вероятно во многом справедливы слова С. Н. Глинки: «При всей остроте ума своего Княжнин не был насмешлив и только раз намекнул о падении драмы какого-то сочинителя, не означая, однако, имени его; он имел завистников и недоброжелателей за то, что ревностно защищал человечество»[71]. Во всяком случае, Княжнин предпочитал сводить счеты иным образом. Почти нет сомнений в том, что он выводил своих врагов и соперников в комедиях, но делал это столь изящно и завуалировано, что не только последующие исследователи, но и современники, видимо, не всегда узнавали в его персонажах знакомых лиц. По крайней мере, ни одно из его произведений не вызвало скандала, в отличие от тех комедий, в которых был выведен он сам («Самолюбивый стихотворец» Николева и «Проказники» Крылова).

В первую очередь сказанное относится к активному участию драматурга в литературной полемике 1780-х гг., не столь бурной, как в предыдущее и последующее десятилетия, но все же достаточно оживленной.

В русской словесности, как и в общественной жизни тогда уже наметилось два полюса — московский и петербургский.

Москва — центр просвещения и университетский город, блюстительница патриархальных традиций и убежище опальных аристократов. Словесность здесь трогательная и серьезная, с чувством собственного достоинства, с поучительным пафосом и философской глубиной, слегка опережающая свой век, поэтому внешне, быть может, дерзкая, но на деле вполне благонамеренная. Московские литераторы (масоны — кружок Хераскова и Новикова, позднее — карамзинисты), ученые и издатели, мало обремененные службой или неслужащие, чуждые светской суете, живущие уединенно и видящие цель свою в просвещении и творчестве.

Петербургские дворяне, к которым принадлежал Княжнин, не были столь независимы и вели двойную жизнь — то «парадную» (на службе и в свете, в непосредственной близости от императорского двора), то «приватную» (у себя дома). Поэтому и литература мыслилась ими либо как

придворная служба, либо как отдых в дружеском кругу, забава. Первая форма творчества (официальные оды В. П. Петрова, В. Г. Рубана и др.) считалась почтенной, но вместе с тем вызывала у большинства литераторов неприкрытую иронию. Вторая подарила России творения Богдановича и поэтов львовского кружка (Хемницера, Львова, Капниста, Державина) и дала возможность реализоваться незаурядному драматургическому таланту Екатерины II, организовавшей в Эрмитаже небольшое общество сочинителей-вельмож. Первый тип творчества отдавал дань традиции, считавшей, что искусство обязано быть серьезным, возвышенным и общественно значимым; второй связан с утверждением во всей Европе стиля рококо, провозгласившего торжество изящного, приятного и забавного, даже если оно бесполезно.

Литературная полемика шла, во-первых, между московскими и петербургскими авторами, во-вторых, между официальными придворными поэтами и столичными кружками, в-третьих, между различными дружескими объединениями. Основным предметом споров было соотношение в искусстве индивидуального и предписанного канонами, серьезного начала с игровым.

Наиболее энергично отстаивал свою позицию львовский кружок, выразитель новейших эстетических тенденций. Его представители, к которым Княжнин, хозяин одного из столичных салонов, если и не принадлежал, то был очень близок, считали, что какой бы темы автор ни касался, он должен писать непринужденно и искренне, подчиняясь настроению, поскольку искусство, даже если оно рассуждает о серьезных вещах, дело частное, почти интимное и всегда игра, предназначенная для отдохновения души и любования красотой. Впоследствии Державин в «Памятнике» поставил себе в заслугу то, что первым применил игровые стилистические принципы львовского кружка к самым серьезным и возвышенным темам одической поэзии, тем самым отвергнув канон. Аналогичными были преобразования Княжнина в драматургии.

Львовский кружок осуждал стремление москвичей писать лишь серьезно и о серьезном, но их призыв к дружескому уединению и погружению в мир своей души, видимо, находил сочувствие, поэтому отношение к кружку Хераскова в петербургских салонах было одновременно почтительным и ироничным. Гораздо большее недовольство вызывала придворная поэзия, которая не отделяла творчество от службы и не видела разницы между индивидуальным образом и каноническим штампом. Особенное же негодование возбуждали молодые писатели (Н. П. Николев, князь Д. П. Горчаков и др.), которые организовали в духе новейших веяний дружеский кружок, придерживаясь традиционного понимания искусства.

Княжнин часто полемизировал с противниками львовского кружка. Правда, он мягче, чем его единомышленники, иронизировал над окружением Хераскова, ведь с московскими литераторами его сближала при-

надлежность к сумароковской школе. От Сумарокова Княжнин унаследовал, с одной стороны, преклонение перед Вольтером, уважение к строгим правилам поэтического искусства, к эстетике Буало; с другой, — внимание к жизни души, неприятие отвлеченных аллегорий, напыщенных од и схоластического педантизма. Подобно другим поэтам сумароковской школы, Княжнин тяготел к сентиментализму: увлекался творчеством чувствительного немецкого поэта А. Галлера и швейцарца С. Геснера, чьи идиллии в то время покорили европейского читателя, и не только переводил этих авторов, но, по свидетельству С. Н. Глинки, даже говорил: «Если б я не родился в России... то желал бы, чтобы Швейцария была моей колыбелью», ибо там «все дышит жизнью золотого века»[72]. Тот же мемуарист свидетельствует о приятельских отношениях между Княжниным и А. А. Петровым, ближайшим другом Карамзина. Письма последнего из-за границы, вошедшие позднее в книгу «Письма русского путешественника», драматург читал своим воспитанникам-кадетам с трогательными и восторженными комментариями[73]. Неудивительно, что баллада Княжнина «Флор и Лиза» перекликается с карамзинской «Бедной Лизой», а его лирика напоминает и предвосхищает произведения сентименталистов 1790-х гг.

Вместе с тем путь стареющего Сумарокова и писателей из кружка Хераскова — уход в масонство — был чужд Княжнину, далекому от мистического восприятия жизни. Фатализм его не содержит религиозного оттенка и восходит к философии Вольтера. Идеалы просветителей драматург усвоил, как и большинство людей его круга и воспитания, еще в юности и до конца жизни, служа под начальством Бецкого, стремился следовать педагогическим принципам Дж. Локка. Служебная и литературная деятельность писателя протекала близ императорского двора, где уважение к просветителям сохранялось: Екатерина II относилась к ним с симпатией и, напротив, не любила и боялась масонов. Поэтому Княжнин окончательно не примкнул к сентименталистам и часто высмеивал утрированную чувствительность, распространившуюся в конце XVIII в. под сильным влиянием литературы. Особенно заметно ирония писателя выразилась в обрисовке Свирелкина и Прията в комедии «Чудаки». В первом высмеян кто-то из поэтов-сентименталистов или создан их собирательный образ. Упомянутая Свирелкиным «Ода на мороз» позволяет, возможно, усматривать намек на М. Н. Муравьева, прославившегося стихотворением «Желание зимы» (1778), напоминающим зимние картины в «Россиаде» Хераскова, изданной через год. Муравьев был одновременно почитателем и Хераскова, и Княжнина. Указание на то, что Свирелкин сочиняет эпиталаму, также знаменательно, ведь подобное жанровое определение редко встречается в лирике нового времени. Один из создателей эпиталам в России, сентименталист Ю. А. Нелединский-Мелецкий, уже известный в 1780-х гг. любовными песнями. Интересно, что Свирелкин,

подобно некоторым сентименталистам — Муравьеву, Дмитриеву и др. наряду с лирикой обращается к сатире. Драматург не сообщает ничего о размерах дарования Свирелкина, потому что само его творчество убивает всякий талант: оно отвлечено от жизни и потому неестественно (казалось бы, для чувствительного поэта внешность возлюбленной вне критики, но описывая ее портрет, Свирелкин заменяет описание реальных черт на штампы, предписанные каноном).

Одним из первых Княжнин почувствовал силу (порой губительную) воздействия сентиментальной литературы на поведение человека. Жертвой Свирелкиных стал Прият. Он живет в мире, созданном его любимыми авторами, неестественном, иллюзорном, но освященном идиллической традицией. Описание героя «Чудаков», начитавшегося Свирелкиных и их учителей, почти дословно совпадает с обликом эпигона ранних сентименталистов знаменитого князя П. И. Шаликова, которого значительно позднее князь П. А. Вяземский вывел под именем Вздыхалова: «С собачкой, с посохом, с лорнеткой, / И с миртовой от мошек веткой, / На шее с розовым платком, / В кармане с парой мадригалов / И с чуть звенящим кошельком...»[74]

Княжнин, воспитанный на идеалах разумного XVIII в., скептически показал доводящую до чудачеств власть сентиментальной книги над сознанием молодого поколения: аффектированная чувствительность забавляла. Эпоха Татьяны Лариной была впереди. Однако стоит отметить, что резкого авторского осуждения Свирелкин и особенно Прият не вызывают.

Слегка подшучивая над сентименталистами, официальную столичную литературу Княжнин воспринимал, пожалуй, враждебнее, чем его единомышленники по львовскому кружку. Как ученик Сумарокова он не признавал одической высокопарности. «Я ведаю, что дерзки оды, / Которы вышли уж из моды, / Весьма способны докучать», — писал Княжнин в послании княгине Дашковой. Одописцы высмеяны в комедии «Чудаки» в лице Тромпетина: не сказано, как и про Свирелкина, талантлив ли он, но очевидно, что само сочинение од делает его творчество отвлеченным, неестественным.

В «Чудаках» не только пародируются литературные споры, но содержится и косвенное суждение драматурга о судьбе двух наиболее авторитетных направлений русской поэзии, восходящих к Ломоносову и Сумарокову соответственно — одическом и сентиментальном. У обеих школ равные шансы в борьбе и нет никаких перспектив: произведения их представителей одинаково нелепы, потому что лишены индивидуального своеобразия и составлены из штампов. Однако Тромпетин и Свирелкин не понимают, что их претензии на личную славу несовместимы с прямолинейным следованием канонам, которое кажется им серьезным делом. Талант, стилистические и идейные принципы ничего не

меняют, и вражда стихотворцев неустранима. Соперники руководствуются теорией жесткого разделения и иерархии жанров и готовы признать за противником заслуги на том поприще, которое кажется им недостойным для подлинного стихотворца. Вместе с тем каждый автор считает себя способным с легкостью прославиться в этой не стоящей внимания сфере творчества, поскольку лишь он является по-настоящему серьезным поэтом. Именно такой раздел славы предлагал Сумароков Ломоносову: не желая сам отказаться от писания од, советовал своему сопернику творить лишь в этом жанре. В «Чудаках» Тромпетин, не признающий любовной и сатирической поэзии, готов уступить ее Свирелкину, но тот, хотя и называет собеседника почтенным одописцем, не меньше гордится собственной «Одой на мороз». Для Тромпетина это не только посягательство на его творческую привилегию, но и подмена подлинной поэзии (высокой и государственной) ничтожным воспеванием частных тем. Поэтому взаимные похвалы одописцев и элегиков сменяются бранью, их компромисс невозможен. Княжнину не откажешь в проницательности. Впоследствии ситуации, подобные спорам Тромпетина и Свирелкина, неоднократно повторялись в реальности: от выступления Кюхельбекера против школы Жуковского до диспутов между Маяковским и Есениным.

Итак, ломоносовское и сумароковское направление в литературе зашли, с точки зрения Княжнина, в тупик. Творческая деградация авторитетных представителей этих школ высмеяна в пародийном прошении от стихотворца, которое читает Верхолет («Хвастун»). Старый поэт, услышав о новом фаворите, умоляет признать его первенство в русской словесности по выслуге лет. Идея служения литературы государству доведена до абсурда: благородные помыслы заменились унижением перед вельможами, доносами, лестью; стремление к высокому качеству творчества отступило перед заботами о количестве написанного. Важно, что насмешка Княжнина в равной степени может метить и в В. П. Петрова, который гордился тем, что императрица называла его своим карманным стихотворцем, и в М. М. Хераскова, который ежедневно, как машина, писал запланированное число страниц.

Однако наибольшее недовольство Княжнина вызывали не корифеи литературы, а его соперники на театральном поприще, молодые писатели, не стремящиеся к творческой самостоятельности, бездумно следующие канону или идущие на поводу у публики. Олицетворением первых стал Н. П. Николев, вторых — М. В. Попов. Княжнин уважал правила искусства, не избегал серьезнейших проблем, но не стремился представить свое творчество как священнодействие, подобно Николеву. Вместе с тем, ученик Сумарокова, он ориентировался на зрителя с изысканным вкусом и стремился воспитывать публику, а не угождать ее желаниям, подобно Попову.

Определить, когда именно началась полемика с Николевым, трудно, но уже в 1779 г. в «Санкт-Петербургском вестнике», который издавал Княжнин, появилась сатира В. В. Капниста, направленная против Николева и его друзей, вызвавшая литературный скандал и ответные выпады. Прямые и очень резкие намеки на Княжнина содержатся в комедии Николева «Самолюбивый стихотворец», поставленной в 1781 г., но написанной около 1775 г. Герой этой пьесы Чеснодум, чтобы жениться на племяннице поэта Надмена, сочинил и преподнес будущему тестю трагедию, не зная, что тот ценит только свои творения. Ловкая служанка спасла положение, хитростью заставив соперника Чеснодума, щеголя, принять на себя авторство злополучной трагедии. Надмен соединил влюбленных, взяв с зятя клятву никогда не писать стихов. Прототипическая ситуация комедии очевидна — это сватовство Княжнина к дочери Сумарокова, произошедшее, согласно преданию, после того, как молодой автор посвятил «северному Расину» свою первую трагедию «Дидона». Персонажи комедии были узнаваемы, и из рассказов современников следует, что пьеса была освистана стараниями Е. А. Княжниной: «...он (Николев) отдал на театр трехактную комедию в стихах «Самолюбивый стихотворец», и как заранее было известно, что в роли Надменова, стихотворца, был выведен в смешном виде Сумароков, то жена Княжнина, дочь Сумарокова, когда играли эту пиесу послала своего сына Александра в парадиз, чтоб он свистнул по окончании спектакля; он это исполнил с некоторыми приятелями; публика поняла насмешку, свист усилился и Самолюбивого стихотворца уже не давали»[75]. Впрочем, эта легенда выглядит сомнительной, так как старшему сыну Княжниных в год премьеры «Самолюбивого стихотворца» было всего десять лет.

Княжнин неоднократно возвращался к полемике с Николевым, не только мстя за личную обиду, но и вследствие эстетических разногласий со своим соперником.

Николев казался современникам графоманом, жертвующим ради соблюдения канонов художественным эффектом и естественностью образов. Видимо, Княжнин разделял это мнение и потому спародировал в «Хвастуне» самое известное произведение своего соперника — трагедию «Сорена и Замир», поставленную 12 февраля 1785 г. Сюжет пьесы Николева таков: царь Мстислав домогается любви пленницы Сорены, хранящей верность мужу, князю Замиру, который пропал без вести. Выясняется, что Замир под чужим именем оказался невольником Мстислава. Царь тщетно требует, чтобы Замир отрекся от своих богов и принял христианство. Сорена, не желающая подчиниться Мстиславу, решает его убить в храме, но по ошибке закалывает мужа и кончает жизнь самоубийством. Возможно, недостаток естественности в характерах и интриге, тяжеловесный слог, обилие повторений побудили Княжнина спародировать «Сорену», снизив и трансформировав ее сюжетную ситуацию. Явное указание на пародийность любовной линии «Хвастуна» — нехарактерное для

комедии имя героя — Замир, введение которого трудно объяснить иными причинами. Впрочем, имя героини (Милена) тоже созвучно Сорене. Разговоры Верхолета, Милены, которую хотят за него выдать насильно, и ее возлюбленного Замира странно напоминают сцены из трагедии Николева. Порой встречаются почти дословные совпадения. Так, у Княжнина на уговоры выйти за Верхолета, поскольку он граф, Милена отвечает: «Пусть он будет хоть царем. / Замир владеет мной и в сердце он моем». Сорена у Николева заявляет: «Мстиславу, всем царям... и всем престолам мира / Сорена предпочтет единый взгляд Замира!» (действ. I, явл. 4). Явл. 3 действия IV «Хвастуна», где героиня умоляет Верхолета отказаться от брака с ней, доказывает превосходство чувства над чином и свою неспособность истребить любовь к Замиру, пародирует разговоры Сорены с Мстиславом (действ. I, явл. 4; действ. II, явл. 2; действ. III, явл. 6). Комизм этой пародии нашему современнику доступен не вполне, но зритель XVIII в. должен был оценить его. Эффект строится на снижении социального статуса героев, на замене властителя-тирана авантюристом, выдающим себя за вельможу, на изменении мотивировок (Мстислав одержим страстью к Сорене, Верхолету нужно лишь приданое; муж Сорены убеждается в ее верности, возлюбленный Милены терзаем ревностью). В результате, страдания героев в «Хвастуне» оказываются мнимыми, а патетические тирады в духе Николева — неуместными.

Вскоре после постановки «Хвастуна», в 1787 г. Княжнин обратился к прямой полемике. В ответ на «Рассуждение о стихотворстве российском» Николева Княжнин поместил в восьмом номере журнала «Новые ежемесячные сочинения» стихотворение «От дяди стихотворца Колинева» (в последующих публикациях анаграмма фамилии Николев была заменена именем Рифмоскрып). Княжнин высмеял не только литературные амбиции Николева, но и претензии молодого поэта на роль теоретика литературы.

Княжнина и поэтов львовского кружка раздражала мода 1770-х гг. на грубоватые пьесы из простонародной жизни (наиболее известны из них комические оперы «Анюта» (1772) М. В. Попова, которая стала первым опытом этого жанра в России, и «Мельник-колдун, обманщик и сват» (1779) А. О. Аблесимова), рассчитанные на вкусы широкой, в том числе малообразованной публики. Возможно, Княжнин создал «Несчастье от кареты» как своеобразный ответ Попову. Драматург демонстративно называет свою героиню Анютой и первой репликой Лукьяна: «Уф! как я устал бежав из города...» — отсылает к первым словам оперы Попова: «Ух! как жо я устал: / А дров още не склал...» В «Анюте» крестьянин хочет против воли выдать замуж за работника приемную дочь, но Анюта влюблена в дворянина, который доказывает благородное происхождение девушки, и насильственный брак расстраивается. Простонародная жизнь представлена варварски-дикой, подчиненной тяжелому физическому труду и чувственным желаниям, речь крестьян передана как чудо-

вищно грубый диалект. Конечно, придворный круг забавлялся звероподобными существами, выведенными в опере, и удовлетворялся кастовой моралью — природная дворянка не полюбит крестьянина и суждена лишь благородному.

В «Несчастье от кареты» холопы и господа поменялись местами. Поклонник западных сентименталистов идеализировал поселян, подлинных детей природы, поэтому их речь проста, но возвышенна и правильна, души чисты, а чувства благородны. Господа проигрывают в сопоставлении с такими крестьянами и, считая своих слуг скотами, вызывают сами презрение и негодование зрителя. Исследователи спорили, чье восприятие простонародной жизни реалистичнее и демократичнее — Попова или Княжнина. Пожалуй, вопрос поставлен неверно: оба писателя по-своему сочувствовали тяжелому положению крестьян, но отнюдь не выступали против крепостного права; в обеих пьесах деревенский быт стилизован далеко не правдоподобно. Различие опер в другом. В «Анюте» герои мечтают о господской жизни, устав от непосильного труда. В «Несчастье от кареты» Анюта и Лукьян не завидуют господам: жизнь в сельской простоте для них приятнее светской суеты. Однако Княжнин вовсе не утверждает, что существование крестьян безоблачно, только их несчастье не в бедности и невежестве. «Нам должно, — сетует Лукьян, — пить, есть и жениться по воле тех, которые нашим мучением веселятся и которые без нас бы с голоду померли». Крестьяне страдают не оттого, что не могут быть господами, а оттого, что им запрещают быть людьми. Перенесение конфликта из плана социального в нравственный, общечеловеческий и сделало оперу Княжнина полемическим ответом Попову.

Полемика с комической оперой Аблесимова «Мельник — колдун. обманщик и сват» велась скорее композитором «Несчастья от кареты» Пашкевичем. Княжнин, в отличие от Аблесимова, не вводил фольклорных элементов в пьесу, что позволило ему подчеркнуть общечеловеческую сущность конфликта, построенного на разлучении влюбленных, и дало определенную свободу композитору, избавив его от необходимости стилизации народной музыки: «У Пашкевича крестьяне подняты на уровень трагизма, что в те времена могло быть достигнуто лишь ценой утраты присущих им эмпирико-характерных черт»[76].

Почти одновременно с «Несчастьем от кареты» и «Мельником» была поставлена и комическая опера Николева «Розана и Любим», стремящаяся к героизации персонажей-крестьян. «Современники правильно почувствовали в этом совпадении элемент "состязания" драматургов»[77]. Но по сравнению с другими авторами комических опер Княжнин избрал наиболее нейтральную позицию в разработке характеров.

Хотя пьесы Попова, Аблесимова и Николева имели успех, вражда Княжнина с этими писателями не была проявлением зависти. Против гораздо более серьезного соперника — Фонвизина в зрелом творчестве

Княжнина нет сатирических выпадов, а ведь и по манере, и по настроению творчества два крупнейшие драматурга екатерининской эпохи — абсолютные антиподы. Это было отмечено еще Вяземским: «Фон-Визин не был комиком <...>, даже каков например Княжнин; по крайней мере в художественном отношении последний был изобретательнее его в распоряжении, в хозяйственном устройстве комедии»[78]. Фонвизин, несмотря на новаторство своего творчества, органично продолжает отечественную драматургическую традицию, для которой было весьма необычно игровое и двуплановое построение сюжета в пьесах Княжнина. Конечно, мотив соперничества использовался, например, Сумароковым («Три брата-совместники», «Мать-совместница дочери»), но активной, многоэтапной борьбы между персонажами на протяжении действия не возникало. Даже в пьесах с напряженной интригой противоборство героев проявлялось эпизодически. У Фонвизина Бригадир узнал о том, что его счастливый соперник в любви — сын, лишь в финале, поэтому никакой борьбы и не вел. Непосредственного столкновения героев нет и в «Недоросле», где сцена ссоры Скотинина и Митрофана и подобные ей — не существенные для интриги эпизоды: Стародум не намерен выдавать Софью замуж против ее воли. Даже попытка Простаковых увезти героиню на сцене не показана, и зритель сразу узнает о ее неудаче. Хотя игровое начало присутствует в пьесах Фонвизина, оно ослаблено, ведь решение конфликта известно заранее. Пороки и противоречия, по Фонвизину, — нарушения разумного миропорядка, которому невозможно сопротивляться, поэтому для любой госпожи Простаковой всегда найдется управа в лице своего Правдина. Конфликт в произведениях Фонвизина всегда разрешен полностью, характерам дается нешуточная этическая оценка и поэтому в веселых комедиях может на равных правах присутствовать серьезная и трогательная линия. Уместным поэтому представляется уподобление интриги в комедиях Фонвизина игре коммерческой, основанной на расчете, а в произведениях Княжнина — азартной, подверженной воле случая.

В 1760-х гг. Княжнин и Фонвизин принадлежали к враждебным литературным партиям. Княжнин в 1765 г. пишет шуточную поэму «Бой стихотворцев», направленную против елагинского кружка (прежде всего против самого И. П. Елагина, а также В. И. Лукина, Б. Е. Ельчанинова, Ф. А. Козловского и Фонвизина,) и сервильных традиций в литературе и отстаивавшую позиции Ломоносова и Сумарокова. Текст, характеризующий его литературных противников, довольно груб и прямолинеен:

О Муза! нареки их, гордых, именами,
Что, не стыдившися быть названы страмцами,
Для славы вечныя пошли вослед скотин:
Учитель Лукина, фон Визен, сам Лукин,
Козловской разноглаз, Елчанин — друг сей верной
И в дружбе человек и в враках беспримерный...

Елагин у Княжнина взывает к своим ученикам и соратникам:

Благопристойности завесу разорвем,
В природе гнусно что, то на театр взведем...[79]

Пожалуй этот случай можно признать единственным в творчестве Княжнина, когда он обратился к прямым обвинениям в адрес других литераторов. Ответом было «Дружеское увещание Княжнину», вероятно написанное Д. И. Фонвизиным. Ответ довольно вялый и не содержит полемики по сути, а просто является обвинением Княжнина в отсутствии писательского дара:

Когда не можешь ты Пегаса оседлать,
Почто тебе на нем охота разъезжать?[80]

Полемика не была продолжена, так как вскоре елагинский кружок распался самостоятельно. Но в 1780-х гг. два драматурга, скорее, — союзники. Впрочем, проблема их взаимоотношений, столь важная для осмысления литературной жизни XVIII в., остается неразрешенной. Современники почти не оставили сведений на этот счет, за исключением известного анекдота, пересказанного П. А. Вяземским:

У авторов приязнь со всячиной ведется.
«Росслав твой затвердил: *я росс, я росс, я росс.*
И все он невелик; когда же разрастется?» —
Фонвизин Княжнину дал шуточный запрос.
«Когда? — тот отвечал, сам на словцо удалый. —
Когда твой бригадир поступит в генералы»[81].

Соль анекдота в том, что каждый драматург подметил слабость самых прославленных в то время сочинений своего собеседника. В самом деле, «Росслав» сошел со сцены раньше других пьес Княжнина, а нарушающий законы вкуса, по мнению современников, «Недоросль» вскоре затмил «Бригадира». Вероятно, именно литературная проницательность и привела очень непохожих писателей к терпимости и взаимному уважению. Оба они дружили с участниками львовского кружка, а по общественным взглядам были даже вольнодумнее и сближались с политической оппозицией.

* * *

Княжнин и его единомышленники стремились сделать творчество сферой частной жизни, но не избегали обсуждения социальных проблем. Драматург включался не только в литературные, но и в общественные споры, что сближает его с Фонвизиным. Княжнин тоже принадлежал к знатному роду и, с юности состоя на службе при высокопоставленных

просвещенных вельможах, недовольных правительством, рано стал участвовать в политических интригах, но в 1780-х гг., в отличие от Фонвизина, высказывался осторожнее, вероятно, наученный печальным опытом. Возможно, это иллюзия: ведь автор «Недоросля», рассуждая на социальные темы, впадал в серьезный и нравоучительный тон, Княжнин же и здесь сохранял, подобно Державину, шутливое настроение.

Продолжатели Сумарокова совмещали аристократические амбиции с горячей верой в то, что бескорыстная служба на благо отечества — долг каждого дворянина. Княжнин обличал сословную спесь и чинопочитание, но высмеивал также мелких дворян и простолюдинов, незаслуженно занявших высокое положение в обществе при помощи обмана или богатства. Таковы, с одной стороны, купец Макей, превратившийся в дворянина Волдырева («Сбитенщик»), и Лентягин, попавший из кузнецов в дворяне, женатый на благородной («Чудаки»), с другой, — герои «Хвастуна». Однако наряду с обличением враждебных ему социальных типов, Княжнин касался основополагающих общественных проблем.

В «Чудаках», высмеивая плебея-представителя новой знати, автор подвел итог размышлениям своего поколения о просветительском учении. Представляется, что у Лентягина был прототип, не замеченный исследователями, — П. А. Демидов (см. также коммент. к пьесе). Понятна личная обида драматурга на этого богатого и странного человека, разорившего тестя и учителя Княжнина — А. П. Сумарокова: опротестовав векселя, полученные от поэта за «приятельскую» ссуду, и потребовав непредусмотренные проценты, Демидов добился продажи с торгов имущества должника и купил его дом. Через два дня Сумароков умер. Интересно, что этот случай не был исключительным: в 1780 г. подобным способом миллионер расправился и со своим прежним помощником, архитектором В. И. Баженовым[82]. Не исключено, что Княжнин вынужден был общаться с Демидовым благодаря связям последнего с Бецким и бывшим дворецким, позднее секретарем вельможи, М. И. Хозиковым. Возможно, это общение не доставило писателю удовольствия. К личной неприязни примешивалась сословная, а характер Демидова казался неестественным: дворянин, но кичится простонародным происхождением; сказочно богат — и щеголяет простотой; жертвует огромные суммы на благотворительность, меценатствует, слывет поборником просвещения и человеколюбия, почти вольнодумцем, а наряду с этим проявляет жестокость и самодурство, готов по прихоти погубить деятелей культуры, которым сам же покровительствовал. Изобразить женитьбу Хозикова на А. П. Демидовой (1785 г.) писатель осмелился лишь спустя некоторое время после кончины Демидова (1787 г.) и (не из осторожности ли?) перенес действие в 1790 г., но суть проблемы осталась прежней.

Лентягин предстает в своих речах подвижником просветительской философии: он отвергает сословные предрассудки и светские условности, презирает роскошь и этикет, проповедует простоту, естественность. Высказывания героя разумны, а поведение не лишено благородства: богатство и знатность не ослепили Лентягина, он не гнушается обыкновенными людьми, стремится поступать логично и целесообразно (есть и одеваться, когда и как хочется; не общаться с тем, кого не уважает) и умеет трезво оценить собеседника. Показательно его ироническое отношение к женихам дочери. Естественность поведения Лентягина придает его уму проницательности. Вместе с тем он далек от истины, его поведение смешно и недостойно. Философствование бывшего кузнеца по понятным причинам ограничено бытовой сферой, его борьба за светлые просветительские идеалы исчерпывается инвективами против пуговиц и модных париков, отстаивание убеждений превращается в грубые и дикие, по понятиям образованного круга, выходки. Проповедник естественности и свободы впадает порой в крайнее самодурство и готов выдать дочь замуж против ее воли, чтобы иметь собеседника-единомышленника в зяте и внуков, воспитанных по принципам нового учения. Оценить характер Лентягина однозначно нельзя: он подается и сочувственно, и саркастически; это обаятельный, забавный и вместе с тем опасный, непредсказуемый человек. В карикатуре на Демидова проявилось неоднозначное отношение Княжнина к просветительству. Выбор прототипа закономерен: благородное учение порождает людей, подобных Демидову и Лентягину (их социальное происхождение особенно значимо), и их невольными стараниями обращается в свою противоположность, само себя компрометирует. Этот процесс очевиден и неизбежен, поэтому в душе Княжнина, как и в душах его современников, убежденность в разумности и справедливости просветительской философии борется со скептическим ощущением, что эти теории — лишь мечтания чудаков, искусно используемые ловкими проходимцами.

В «Хвастуне» выведен иной, нежели в «Чудаках», тип представителя новой знати — «случайный» человек и выявлены причины безграничной власти подобных особ. Фаворитизм — специфическая черта политической жизни России XVIII в.: люди, часто безвестные, порой заурядные, неожиданно, понравившись чем-то царице или ее любимцам, обретали титулы, высшие чины и должности, баснословные богатства, право на удовлетворение прихотей. Могущество большинства счастливцев было кратким, но ощутительным. Княжнин, презиравший фаворитов и как природный аристократ, и как исполнительный чиновник, и как воспитанник просветителей, выразил негодование резче, чем его единомышленники.

Верхолет — мнимый фаворит, но в его образе собраны черты реальных любимцев императрицы, противников той придворной партии, которой сочувствовал драматург. Главный объект сатиры — А. А. Безбородко[83]. Правда, он покровительствовал львовскому кружку (что, впрочем, не

помешало Державину зло намекнуть на пронырливого выходца из Малороссии в оде «На счастие»: «...вьется локоном хохол»[84]) и даже, как уже было сказано, предлагал Княжнину поступить к нему на службу, но писатель не захотел покинуть Бецкого и отказался. Карьера небогатого малороссийского шляхтича, ставшего ближайшим советником царицы, у многих вызывала иронию и неодобрение. В 1784 г., незадолго до появления «Хвастуна», Безбородко был пожалован титулом графа Священной Римской империи. Это неожиданное событие вызвало пересуды и насмешки. При дворе ходила карикатура, составители которой, несмотря на высокое положение, жестоко поплатились за нее. Возможно, графство Верхолета — конкретный намек. Есть и иные аналогии между судьбой всесильного вельможи и героя комедии.

Хвастун говорит о своем героизме при взятии Очакова, который, поправившись, заменяет Бендерами. Карьера Безбородко началась в канцелярии П. А. Румянцева во время войны с Турцией. О его реальном участии в военных действиях известно мало, трудно сказать, брал ли он Бендеры, хотя воевал именно в тех местах, но не слишком вероятно, чтобы современники верили в его доблесть. Очаков взят Безбородко на бумаге в проекте, адресованном австрийскому правительству, где досрочно декларировалось право России на эту крепость. Подобно Верхолету, вельможа вел обширную дипломатическую переписку, фактически руководя коллегией иностранных дел; он имел дело и с королями: организовал встречу Екатерины II с Иосифом II и входил в небольшую свиту при встрече царицы с Густавом III. Иностранные послы (ср. упоминание агента и резидента в «Хвастуне») считали Безбородко едва ли не главным двигателем русской политики. Он состоял при императрице секретарем для подачи прошений и с 1784 г. был допущен в качестве постоянного участника интимных собраний в Эрмитаже (ср. сцену чтения Верхолетом челобитных и упоминание о беседах «по комнате»). На этих вечерах вельможе было поручено собирать в особый ящик пошлины за вранье, возможно потому, что современники особенно ценили графа за умение гладко, красиво говорить и ловко улаживать дела. Безбородко входил в комиссию по увеличению государственных доходов, получая награждения за очередные проекты, но не уменьшая денежных расстройств. В середине 1780-х гг. граф имел около 6000 душ и получал приблизительно такой доход, какой приписывает себе Верхолет. Основной источник богатства вельможи — украинские местечки, сборы с которых поступали ему как киевскому полковнику (войско и офицерство содержалось на Украине за счет налогов с сел и местечек). Ср. у Княжнина: «Столичное село как будто городок...»

Отождествлять Верхолета с Безбородко, однако, не следует. Многое из сказанного о них можно отнести к другим фаворитам, прежде всего к товарищу и своеобразному двойнику Безбородко, отчасти повторивше-

му его судьбу, П. В. Завадовскому. Этот вельможа, кстати, тоже был известен своим хвастовством. Важные особы XVIII в. часто щеголяли, подобно Верхолету, свитой. Рассказывали, что М. Н. Кречетников, став тульским наместником, «окружил себя почти царскою пышностью и начал обращаться чрезвычайно гордо даже с людьми, равными ему по своему значению и положению при дворе». Когда он однажды, «окруженный толпою парадных официантов, ординарцев, адъютантов и других чиновников, с важной осанкой явился в свой приемный зал пред многочисленное собрание тульских граждан», остроумный генерал С. Л. Львов, по поручению Потемкина, устроил ему овацию, как театральному актеру, и пристыдил надменного вельможу[85]. Екатерина II именно в гостях у Кречетникова пожелала увидеть постановку «Хвастуна», намекая на хвастливость наместника.

Похвальбы, обещания и угрозы Верхолета смешны только потому, что являются плодом его лжи, но вполне правдоподобны: все выдуманное им настоящий фаворит мог претворить в реальность. Поэтому действующие лица комедии легко верят ему. Такая вера, как прозорливо показал автор, помогает хвастунам добиваться возвышения: поддержка богатого дядюшки позволяет выгодно жениться, а огромное приданое открывает пути дальнейшему продвижению в обществе. Власть «случайных» людей в значительной степени основана на вере в их могущество, которая, в свою очередь, порождена жаждой выгоды. У каждого из поддерживающих Верхолета одна и та же корыстная цель — власть, дающая право на произвол и спесь по получении титула (Чванкина), чина (Простодум), свободы и богатства (Полист и Марина). В результате даже в очевидных случаях герои не уличают графа во лжи («Так что ж, что ты Честон, хоть знаю, да не верю» — возражает, потакая Верхолету, Чванкина Честону). Властолюбие и корысть заставляют людей унижаться перед сильными мира сего, чтобы потом отомстить им при первой возможности; Простодум забывает о родовой чести, чтобы поживиться за счет своих влиятельных соседей. В русском обществе возникла своеобразная круговая порука: одержимые тщеславием, поддерживая друг друга, взбираются по общественной лестнице, творя «любимцев счастья». Это мнимые фигуры, в случае удачи обретя капитал и признание, из пустых хвастунов становятся надменными царедворцами, из неуклюжих мирных провинциалов — мстительными сенаторами. Думается, драматург заметил общественный механизм, характерный не только для XVIII в.

«Хвастун» направлен не столько против фаворитов, сколько против общественной системы, сложившейся в России. Не случайно, Верхолет вызывает у зрителя, пожалуй, меньшую антипатию, чем его окружение (подобный прием использовал позднее Гоголь в «Ревизоре»), но и Чванкина, и Простодум по-своему тоже заслужили снисхождение, ведь они следуют общепринятым взглядам. Над сознанием людей XVIII столетия

властвовало понятие чина: чин давал положение в обществе, был объектом вожделения и поклонения. Княжнин едва ли не первым показал, что «Табель о рангах» изжила себя и превратилась в чудовищную фикцию, способную узаконить любой порок. Чины уже не отражают реальных заслуг и даются по протекции, поэтому графский дядя — такой же официальный чин, как, например, советник, и производят в дяди, исходя не из родства, а из предыдущего чина. Взаимоотношения людей, построенные на расчете, одновременно алогичны и подчинены особой, уродливой и бесчестной, закономерности, порождением которой оказываются Верхолеты и их гораздо более опасные прототипы.

Выступая против фаворитизма и новой знати, вульгаризаторов просветительства и аферистов, вроде прожектера, подавшего прошение Верхолету, Княжнин не противопоставлял им никакой общественной силы. В «Хвастуне», правда, имеется «полицейский» финал, где правительство вершит правосудие по представлению порядочного чиновника Честона. Нетрудно заметить, однако, что Верхолет привлечен к суду за долги только потому, что он вельможа мнимый; с настоящим фаворитом справиться было бы значительно труднее. Пылкое благородство в современном мире имеет мало цены, поэтому чувствительный Замир совершенно беспомощен даже перед Верхолетом. Выше говорилось о сочувственной иронии Княжнина по отношению к молодому поколению, которое ищет только личной славы и счастья в любви и мало думает о судьбах отечества. Замир, Извед, Прият — юноши достойные и чувствительные, но слабовольные, пассивные, а энергичный и исправно служащий в армии Ветран («Траур») столь легкомыслен, что, как он ни обаятелен, возлагать на него надежды бесполезно.

Преклонение перед знатностью, власть денег и безволие благородной молодежи приводят, как показывает драматург, к активизации традиционно презираемого русской литературой типа — галломанов, поклонников французской моды. Вслед за Кантемиром, Сумароковым, Новиковым, Фонвизиным Княжнин создал галерею подобных персонажей. Таковы господа Фирюлины, Верхолет, Болтай, Ветромах и, что самое интересное, слуги — Полист, Высонос и, особенно, Марфа и Пролаз в опере «Мужья, женихи своих жен». Для типа щеголя характерны: особый жаргон (смесь русских слов с французскими, обилие терминов из лексикона иностранных портных, модисток и парикмахеров и эффектных словечек, предназначенных для флирта), подчеркнуто беспечное и одновременно жеманное поведение, внимание к внешности и пренебрежение умственными и душевными качествами, восторг перед всем иноземным и презрение к отечественному. Перечисленные черты присущи всем княжнинским галломанам, несмотря на несходство их характеров. Любовь к чужому возникает при собственной ничтожности: внутренняя пустота заставляет Верхолета демонстрировать внешний блеск, подме-

нять истинное мнимым, порождает глупое безразличие и спесь Ветромаха и Болтая. Предпочтение материальных вещей духовным ценностям делает галломанов жестокими и равнодушными. Особенно поражают господа Фирюлины, готовые продавать своих крестьян, ломать их судьбы ради приобретения карет и чепчиков. Презрение к своему и любовь к иноземному укореняется в невеждах, вроде Фирюлиных, удивленных тем, что в их деревне недалеко от столицы никто не говорит по-французски, хотя во Франции этот язык знают всюду. Не удивительно, что галломания делается пороком не только барства, но и челяди, которая, подражая господам, усваивает их манеры, добавляя к жеманству долю холопской грубости. Если щеголи-дворяне — карикатура на человека, то их слуги — уродливые существа, в которых неестественность доведена до гротеска. В опере «Мужья, женихи своих жен» драматург показал на примере условной театральной ситуации обмена социальными ролями между барином и слугой, как опасно возвышение модничающего простолюдина, в котором власть дает волю дурным и жестоким наклонностям, рядящимся во внешне утонченный, но на деле безвкусный и пошлый наряд. Нетрудно, как и в «Чудаках», заметить грустную иронию над просветительской теорией равенства сословий, применение которой, при всей ее основательности, на практике дает нерадостные результаты. В отличие от Фонвизина, Княжнин, видимо, не связывал галломанию с распространением просветительских идей, но стоит обратить внимание на то, что «Чудаки» созданы в период французской революции и одновременно отражают рост антифранцузских настроений и кризис просветительства в русском обществе.

* * *

Игровому переосмыслению подверг драматург и принцип подражания великим писателям. Чем ближе текст оказывался к образцу, тем в XVIII в. считался совершеннее. Поэт гордился, когда его называли «российским Горацием» или «северным Расином». Понятия плагиата практически не существовало, и заимствование признавалось обыкновенным явлением. Так, одна из известнейших строф Ломоносова: «Науки юношей питают...» («Ода... 1747 года») — переложение отрывка из речи Цицерона; Сумароков указывал на вставки в своих трагедиях из пьес Расина и Корнеля. Самый, казалось бы, национальный русский писатель XVIII в. Д. И. Фонвизин почерпнул часть сюжета «Бригадира» из пьесы Л. Гольберга «Jean de France». В «Недоросле» есть заимствования из комедии О. Гольдсмита «Ночь ошибок». Даже знаменитая реплика госпожи Простаковой о том, что «география — наука не дворянская» — из повести Вольтера. Широко использовался прием «склонения» на русские нравы иностранных пьес, разработанный в 1760-х гг. драматургами ела-

гинского кружка, куда входили Д. И. Фонвизин и В. И. Лукин, теоретик нового метода. Увлеченные теориями Дидро, молодые писатели стремились обогатить отечественный репертуар и сделать театр школой народа. Не считая себя в силах создать хорошие комедии, они занялись переводами, причем заменяли иностранные реалии русскими, чтобы пьесы были интересны отечественному зрителю. Подобные механические переработки западных произведений стали появляться десятками, но наиболее талантливые литераторы вскоре начали «склонять» творчески, полностью переосмысляя источник.

Княжнин, подобно своим современникам, энергично подражал образцам и делал это не больше других. Впрочем, он уже принадлежал к поколению, способному иронически отнестись к славе «северного Расина», о чем может свидетельствовать известный литературный анекдот: «Княжнин, написав свою первую трагедию "Дидона", читал ее в нескольких домах. Все слышавшие восхищались ею. Молва о прекрасной трагедии дошла до императрицы Екатерины. Она пожелала видеть "Дидону" на придворной сцене, была очень довольна и похвалила автора. Кто-то из придворных, желая польстить Княжнину, сказал ему:

— Вы наш Расин.

— Молчите, — отвечал Княжнин, — ради Бога молчите, не то ктонибудь услышит ваши слова и впредь ничего не станет вам верить»[86].

Так что репутацией плагиатора Княжнин во многом был обязан своим соперникам. Уже в упоминавшемся «Самолюбивом стихотворце» Николева слуга Чеснодума на вопрос, своей ли трагедией хочет его господин добиться успеха, лукаво отвечает: «Конечно, не чужой, / Ужли ты думаешь, что барин крадет мой?» В сатирических сочинениях И. А. Крылова Княжнин выведен под именем Рифмокрада, Рифмохвата и Крадуна. В комедии «Проказники» будущий зять Рифмокрада буквально понимает слова другого поэта, Тянислова, о воровстве Рифмокрада:

«Т я н и с л о в: ...я вам докажу, что он обокрал Волтера, Расина, Кребильона, Метастазея, Мольера, Реньярда...

А з б у к и н: Смотри, пожалуй! эдакой зверь! может быть, эти бедные люди от него по миру пошли»[87].

Пожалуй, драматургу просто не повезло. Во-первых, иным писателям не досталось таких остроумных и впоследствии знаменитых противников, как Крылов, чьи обвинения имели успех и не забылись. Во-вторых, период славы Княжнина пришелся на эпоху, когда идея подражания образцам начала подвергаться критике и популярный автор оказался удобной показательной жертвой. Наконец, он не только использовал чужие тексты, но усвоил дух европейской литературы, и заимствования выступали разительнее. Авторитет Крылова и Пушкина, назвавшего в «Евгении Онегине» драматурга «переимчивым», привел к тому, что мысль о несамостоятельности творчества Княжнина стала общим местом, кото-

рое зачастую принимали на веру не только читатели, но даже комментаторы, в том числе и самые авторитетные. В примечаниях к юбилейному изданию Пушкина под редакцией классиков литературоведения Б. В. Томашевского, А. Л. Слонимского и С. М. Бонди о Княжнине сказано: «За исключением “Ябеды”, резкой сатиры на тогдашнее чиновничество, его пьесы представляют собой простые переделки на русский лад французских комедий XVIII века»[88]. Почтенные издатели даже не заметили, что приписали Княжнину знаменитую комедию В. В. Капниста. Можно ли верить остальной части их утверждения? В течение всего XIX в. ученые, изначально уверенные в «переимчивости» драматурга, без труда находят параллели к его произведениям в западной литературе и подобно критикам романтической эпохи «...в Княжнине не видят Княжнина»[89]. Лишь в XX в. в многочисленных работах Л. И. Кулаковой[90] и особенно в весьма содержательной и интересной статье Б. В. Неймана[91] было показано, насколько поверхностным является распространенное суждение о Княжнине. Однако место драматурга в культурной памяти нации, вероятно, уже определено. И все же, справедливости ради, стоит сопоставить пьесы Княжнина с источниками, тем более, что не все они были отмечены исследователями.

Комедии писателя распадаются на три группы: вариации («Хвастун», «Притворно сумасшедшая»), импровизации («Скупой», «Неудачный примиритель») и компиляции («Сбитенщик»). Особняком стоит пьеса «Чудаки». Источники прочих текстов не установлены.

Произведения первой группы внешне близки к источнику, но изменение некоторых деталей приводит к трансформации конфликта или к оригинальной трактовке заимствованной темы.

«Хвастун» — переработка комедии О. Брюэса и Ж. Палапра «Важная особа». Княжнин сохранил почти всех персонажей, общее развитие сюжета и даже отдельные эпизоды. Однако внесенные изменения заставляют признать пьесу абсолютно самостоятельной.

Во-первых, переложение прозаической комедии стихами принципиально изменило темп диалога и действия, стиль текста, а следовательно и все его восприятие. Стоит заметить, что это редкий случай: переводчики XVIII в. обычно использовали обратный прием — излагали стихотворные сочинения прозой.

Во-вторых, перенеся действие из Франции XVII столетия в современную ему Россию, драматург не просто заменил иноземные реалии, а попытался приблизить изображаемое к отечественным нравам, что потребовало радикального переосмысления образов. Француз времен Людовика XIV стремился в Версаль, где концентрировалась жизнь королевства. Цель героя комедии Брюэса — прослыть важной при дворе особой, которая нигде не служит, но имеет влияние; его средства — примитивный шантаж доверчивой провинциалки. Для дворян Екатерининской эпохи гораздо

большее значение, чем положение в свете, имел чин, понятие сугубо российское, не имеющее точного западного эквивалента. Высокий чин давал возможность почти по-царски жить и в столице, и в самом отдаленном поместье, не подвергая себя опасностям придворных интриг. Как только писатель перенес внимание на жажду чинов и почтение к ним, изменилась проблематика пьесы, приобретя сугубо национальный колорит, о чем уже говорилось выше.

В-третьих, Княжнину пришлось изменить мотивировки поступков главных действующих лиц. У Брюэса дядя знает, что его племянник — обманщик, но желает ему счастья и богатства и потому помогает; в «Хвастуне» Простодум верит в карьеру Верхолета и из корыстных расчетов готов унижаться перед ним. У Брюэса потенциальная теща обманщика — маркиза, она ищет не знатности, а счастья дочери, поэтому постоянно меняет женихов. На протяжении действия она так и не решила окончательно, за кого выдать дочь: в пользу графа говорит лишь страх перед его близостью ко двору. Чванкина гораздо менее легкомысленна, чем ее французский прототип, и ее поведением не меньше страха руководит тщеславие, торжествующее над материнской любовью («Пожалуй, ты умри, / Да только лишь умри графиней»), поэтому она уже в начале пьесы согласна на предложение Верхолета. Честон в комедии Княжнина разоблачает хвастуна не только ради счастья сына и из-за личной обиды, но и руководствуясь общественными убеждениями. Никаких подобного рода идей у соответствующего героя из пьесы Брюэса нет. Наконец, французский граф — ловкий аферист, типичный для светского круга. Показательно, что он не подвергается никакому наказанию, хотя его проделка не удается. Верхолет, обманывая, тоже ищет богатства, но находится в критической ситуации: он наделал столько долгов, что в конце концов попадает в тюрьму. Долги же объясняются в свою очередь тем, что он хвастун, любящий покрасоваться, натура увлекающаяся. Заметно, что вранье доставляет ему наряду с выгодой эстетическое удовольствие; он иногда даже забывает о том, что его рассказы вымысел (действ. I, явл. 7). В результате, характеры персонажей «Хвастуна» заметно отличаются от французских прототипов и, пожалуй, обрисованы острее и психологически достовернее. Княжнин создал на сюжет комедии Брюэса произведение о других людях с другими интересами и темпераментами с иным конфликтом и иной развязкой.

«Притворно сумасшедшая» ближе к западному источнику, чем остальные произведения драматурга, но и здесь изменения существенны. Трехактная стихотворная комедия Ж.-Ф. Реньяра «Любовное безумие» превратилась в комическую оперу в двух действиях, причем стихами написаны лишь музыкальные сцены, остальной текст — прозаический. Княжнин изменил порядок нескольких сцен и дописал финальный эпизод (см. коммент.). Жанровая и фабульная трансформация не только

повлияла, как в «Хвастуне», на стиль пьесы, ставший непринужденнее, поскольку опера — жанр, рассчитанный на широкого зрителя, и на темп действия, которое стало компактнее и динамичнее, но и усилило игровое начало, присущее комедии, ее праздничный настрой.

Пьесы-импровизации Княжнин писал, опираясь на готовую краткую формулировку сюжета или на отдельные его детали.

Б. В. Нейман указал на источник оперы «Скупой»[92]. Это реплика сводницы Фрозины из одноименной комедии Ж.-Б. Мольера. Героиня предлагает следующий план борьбы со скупцом Гарпагоном: «Найти бы женщину в летах да половчее... мы бы ей имя почуднее придумали, свитой бы ее снабдили, и пусть бы она знатную даму разыгрывала, маркизу какую-нибудь... сто тысяч капиталу имеет, не считая домов; без памяти влюблена в него, желала выйти за него замуж и все свое состояние готова ему по брачному контракту отписать... А когда он... согласится на этот брак, нам и горя мало, пусть разделывается со своей маркизой как знает» (действ. IV, явл. 1). План Фрозины остался нереализованным и не отразился на дальнейшем развитии событий мольеровской комедии. Зато Княжнин на основе этого краткого «либретто» сочинил целую пьесу.

Аналогичным образом создана комедия «Неудачный примиритель», источник которой — глава из романа Г. Филдинга (см. коммент.) еще не отмечен исследователями. Из маленькой вставной новеллы возникает трехактная пьеса со всеми последствиями, неизбежными при переходе из эпоса в драму. Английские персонажи утратили портрет и биографию, об их прежней жизни почти ничего не известно, а характеры, разработанные гораздо подробнее, передаются исключительно через реплики, полностью сочиненные Княжниным на основе краткого изложения сюжета. Конфликт усложняется за счет введения двух дополнительных и весьма колоритных действующих лиц. Наконец, психологическая новелла Филдинга имела открытый финал: она внезапно оборвана, поскольку ее вялое действие могло тянуться бесконечно. Напряженная интрига «Неудачного примирителя» неизбежно разрешается комической катастрофой.

Пьеса-компиляция «Сбитенщик» принадлежит к группе пьес об опекуне, желающем жениться на воспитаннице. Драматург берет за основу два текста, где по-разному разработан этот сюжет — «Школу жен» Мольера и «Севильского цирюльника» Бомарше — и совмещает их элементы так, что два источника начинают пародировать друг друга, и действие превращается в забавную игру общими местами известных произведений. Все три опекуна воспитывают для себя жену. Мольеровский Арнольф держит Агнесу в полной изоляции, радуясь ее наивности. То же делает и Волдырев, но его побуждает к женитьбе не столько любовь, сколько выгода: Паша дочь его покойного компаньона, и он не хочет делить капитал. Герой «Школы жен» стоит на грани трагедии и комедии: при всем своем деспотизме он не преследует в браке корыстных целей и заявляет, что

достаточно богат для обретения покорной жены; он запугивает воспитанницу и одновременно ревнует ее, сгорая от страсти. Опекун в опере Княжнина — фигура сугубо комическая и по характеру гораздо ближе к доктору Бартоло из «Севильского цирюльника». Орас в «Школе жен» — персонаж активный, он сам добивается любви Агнесы и сам похищает ее. Княжнин, во-первых, распределяет черты Ораса между двумя соперниками — Изведом и Болтаем, реализовав психологическую противоречивость характера через сюжетное столкновение. Во-вторых, оба поклонника Паши представлены совершенно беспомощными и подобны графу Альмавиве из комедии Бомарше. В результате Княжнину понадобился и персонаж, аналогичный Фигаро. Биография сбитенщика напоминает историю севильского цирюльника, есть своеобразная перекличка и между их занятиями и сюжетной функцией (соединение влюбленных). Однако Фигаро помогает графу не только за вознаграждение, но и благодаря очевидной симпатии, Степан руководствуется почти исключительно расчетом. Наконец, Паша наивна не меньше, чем мольеровская Агнеса, но потерянная подвязка, данная ею Изведу, приобретает ту же функцию, что записка, брошенная в окно Розиной, умной и лукавой героиней Бомарше. Итак, Розина подменяется Агнесой, Арнольф — доктором Бартоло, Орас распадается надвое и превращается в Альмавиву, а в результате создается неожиданный вариант классической ситуации.

Особое место занимает в творчестве Княжнина комедия «Чудаки». Ее источниками считаются пьесы Детуша «Особенный человек» и «Тщеславный». Б. В. Нейман указал на несправедливость такого суждения[93]. В первой пьесе выведен странный господин, ведущий уединенную жизнь философа, приглашающий своего слугу сесть в его присутствии и разговаривать с ним, не обнажая головы. Все это герой делает оттого, что не решается признаться в любви своей избраннице. Эти мотивы, действительно, использованы Княжниным, но они оказываются эпизодическими и, кроме того, черты персонажа Детуша распределяются между Лентягиным и Приятом. В «Тщеславном» показан буржуа, вышедший в дворянство и склонный к самодурству, но это не главное лицо пьесы, наделенное к тому же совсем иным характером, чем Лентягин, который не просто самодурствует, а философствует и вовсе не кичится своим дворянством. Сюжет и содержание «Чудаков», как было показано выше, гораздо шире деталей, почерпнутых из комедий Детуша, и служит откликом на конкретные факты русской жизни. Возможно, французский источник понадобился писателю для того, чтобы эффектнее изобразить сходную реальную ситуацию или, напротив, чтобы несколько замаскировать ее.

Итак, Княжнин «склонял» французские тексты, но весьма своенравно. Прочная связь с европейской драматургической традицией не лишила его творчество оригинальности, но позволила ему создать новые для русского театра типы пьес. Он внимательно читал Расина и Мольера,

Реньяра и Детуша, Вольтера и Метастазио, Гольдони и Бомарше — и чувствовал, что их сочинения так впечатляющи и неповторимы, потому что любое событие — от величественного до ничтожного — предстает в них как увлекательное действо и захватывающее зрелище. Княжнин заимствовал из иностранной литературы не столько реплики и сюжеты, сколько дух театральности и философию игры, чуждаясь которых, невозможно стать подлинным драматургом. Некоторые современники поняли, что Княжнин стремился сделать достоянием русской сцены формальные достижения европейской драмы и глубину ее смысла. В анонимном «Разговоре Ломоносова с Княжниным...» сказано: «Правда ты много подражал Корнелию, Расину, Вольтеру, Метастазию, но подражая им не преобращался ли ты посредством твоего таланта то в Корнелия, то в Расина, а то в Метастазия? Подражания твои не сверял ли ты с естеством? не обращал ли ты очи свои попеременно то на картины естества, то на картины сих великих людей? Ты выразил на нашем языке то, что сии славные мужи выражали на своем, но выразил по-своему»[94]. Из русских комедиографов XVIII в. только Княжнину удалось не только количественно и качественно пополнить русский репертуар, но и создать целую школу (В. В. Капнист, Д. В. Ефимьев, Н. Р. Судовщиков, князь А. А. Шаховской, Н. И. Хмельницкий, А. С. Грибоедов и т. д.), на долгие годы удержавшую первенство на сцене. Влияние Фонвизина утвердилось лишь позднее, в реалистическую эпоху. Впрочем, и в середине XIX в. наша литература откликалась на произведения Княжнина. Цитаты из них в изобилии встречаются не только в «Горе от ума» (см. коммент.), но и в комедиях Гоголя и Сухово-Кобылина. Очевидна связь Хлестакова и Кречинского с Верхолетом (от вдохновенности вранья до упоминания гоголевским героем курьеров). Гоголевская «миражная интрига», комический гротеск при изображении государственной системы, отказ от введения положительных героев (единственный положительный герой — смех) — все эти приемы восходят к княжнинской комедии. Стоит указать и на связь с «Хвастуном» комедии И. С. Тургенева «Безденежье» (1846). Завязка старинной пьесы осовременена и снабжена ироническим финалом: погрязший в долгах столичный щеголь настоял на своем и вовлек провинциального дядюшку в «светскую» жизнь. Подобное обыгрывание чужого сюжета также вполне в духе Княжнина.

Еще с XIX в. Княжнину во множестве приписывают пьесы, ему не принадлежащие. Но только в одном случае доказательства авторства Княжнина выглядят достаточно убедительными — речь идет о переделке комедии К. Гольдони «Лжец» (выполнена в 1774 г.). Тем не менее, споры по поводу этого текста продолжаются[95], и поэтому он не был включен в это издание, так как в него вошли только несомненно атрибутируемые Княжнину пьесы. Такое полное собрание комедий Княжнина предлагается читателям впервые (в планах издательства также выпустить том

трагедий Княжнина, поэтому им почти не было уделено внимания в этой статье). Быть может, подобное издание покажет, что вошедшие в него пьесы представляют несомненный исторический интерес, являясь чутким откликом настроений эпохи, и наряду с этим, несмотря на архаичный слог, сохраняют определенную эстетическую ценность.

А. Ю. Веселова, Н. А. Гуськов

[1] *Мерзляков А. Ф.* Рассуждение о российской словесности в нынешнем ее состоянии // Литературная критика 1800–1820-х годов. М., 1980. С. 129.

[2] *Пушкин А. С.* Первое письмо А. А. Бестужеву. Конец мая — начало июня 1825, из Михайловского в Петербург // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М., 1937. Т. 13. С. 178.

[3] *Вяземский П. А.* О жизни и сочинениях В. А. Озерова // Вяземский П. А. Сочинения: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 18.

[4] *Жуковский В. А.* <Конспект по истории русской литературы> // В. А. Жуковский-критик. М., 1985. С. 160.

[5] *Веселовский Ю.* Я. Б. Княжнин. (Жизнь и творчество). М., б. г. С. 8.

[6] *Кулакова.* Здесь и далее в сносках мы пользуемся системой условных сокращений, оговоренных нами в списке, предваряющем комментарии в конце тома (см. с. 508).

[7] *Крестова Л. В.* Двенадцать лет из жизни Я. Б. Княжнина (По неизданным письмам Г. Гогелю. 1779–1790) // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. 1961. Вып. 24. С. 260.

[8] *Глинка.* С. 85.

[9] Драмматический словарь. С. 45.

[10] *Макогоненко Г. П.* Письма русских писателей XVIII в. и литературный процесс // Письма русских писателей. С. 10.

[11] Письма русских писателей. С. 348.

[12] *Глинка.* С. 86.

[13] Там же. С. 85.

[14] Письма русских писателей. С. 369.

[15] *Глинка.* С. 86.

[16] *Княжнин Я. Б.* Избранные произведения. Л., 1961. С. 640.

[17] *Кулакова.* С. 9.

[18] Там же. С. 9.

[19] Драмматический словарь. С. 138.

[20] *Рабинович.* С. 62.

[21] *Яремич С. П.* Влияние воспитательных идей на художественную школу. Президентство Бецкого // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. 1934. Вып. 123. С. 196.

[22] *Княжнин Я. Б.* Письма Г. Г. Гогелю. (96) 1779–1790. Коммент. В. Д. Кузьминой // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. 1961. Вып. 24. С. 280–345.

[23] *Княжнин Я. Б.* Избранные произведения. С. 644.

[24] Воспоминания В. Селиванова. Цит. по: *Гордин М. А.* Владислав Озеров. СПб., 1991. С. 29.

[25] *Арапов П.* Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 123

[26] *Галахов А. Д.* Сочинения Я. Б. Княжнина // Отечественные записки. Т. 69. Кн. 4. Отд. V. С. 54.

[27] *Вяземский П. А.* О жизни и сочинениях В. А. Озерова. С. 18.

[28] *Р. Ц.* Письмо к приятелю. (О третьем чтении Беседы любителей русского слова) // Вестник Европы. 1811. Ч. LVIII. № 15. С. 215.

[29] *Глинка.* С. 96.

[30] *Плавильщиков П. А.* Театр // Плавильщиков П. А. Собрание драматических сочинений. СПб., 2002. Изд. подгот. А. Ф. Некрылова. С. 558.

[31] *Кулакова.* С. 30.

[32] Драматический словарь. С. 130.

[33] *Рабинович.* С. 69.

[34] Краткое начертание жизни Якова Борисовича Княжнина // Сочинения Якова Княжнина. СПб., 1817. Изд. 3. Т. 1. С. 10.

[35] *Незеленов А.* Литературные направления в екатерининскую эпоху // Исторический вестник. 1884. Май. Т. XVI. С. 514.

[36] *Мочульский В. Н.* Комические оперетты XVIII в. Одесса, 1911. С. 39.

[37] *Плавильщиков П. А.* Собрание драматических сочинений. С. 582.

[38] *Княжнин Я. Б.* Избранные произведения. С. 681.

[39] *Крылов И. А.* Проказники // Крылов И. А. Полное собрание драматических сочинений. СПб., 2001. Сост., вступ. ст., коммент. Л. Н. Киселевой. С. 212.

[40] Там же. С. 182.

[41] См. коммент. к «Проказникам»: *Крылов И. А.* Полное собрание драматических сочинений. С. 601–603.

[42] *Киселева Л. Н.* Загадки драматургии Крылова // Крылов И. А. Полное собрание драматических сочинений. СПб., 2001. С. XI.

[43] *Крылов И. А.* Сочинения в двух томах. М., 1969. Т. 1. С. 409–410.

[44] *Серман И. З.* Молодой Крылов и театр // Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества. Л., 1975. С. 34.

[45] *Лобанов М. Е.* Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 76.

[46] *Майков Л. Н.* Историко-литературные очерки. СПб., 1895. С. 19.

[47] *Гуковский Г. А.* Заметки о Крылове. 1. Крылов и Княжнин // XVIII век. Сб. 2. М.; Л., 1940. С. 142–154.

[48] *Крылов И. А.* Сочинения в двух томах. М., 1969. Т. 1. С. 411.

[49] *Серман И. З.* Молодой Крылов и театр. С. 26.

[50] Там же. С. 34.

[51] *Киселева Л. Н.* Загадки драматургии Крылова. С. XIII.

[52] См.: *Крестова Л. В.* Двенадцать лет из жизни Я. Б. Княжнина. С. 276.

[53] *Глинка.* С. 100.

[54] Версия, изложенная той же Дашковой в письме брату А. Р. Воронцову (ноябрь 1793 г.) несколько отличается от варианта, помещенного в мемуары. В письме вообще не упоминается Козодавлев, вместо Салтыкова посредником между нею и императрицей выступает некто Попов (возможно, В. С. Попов, начальник канцелярии князя Г. А. Потемкина), а Дашкова в большей степени берет вину на себя, так как признается, что не приказала прочесть «Вадима».

Она дословно приводит Воронцову все то, что просила передать Екатерине: «Прошу доложить Ея Величеству, что повинную голову и меч не сечет; из приложенных выписок увидите, что я виновата в том, что не вспомнила приказать прочесть трагедию, когда о комедии "Чудаки", помыслив, что может быть сатиру на кого-нибудь содержит, я приказала оную рассмотреть; что я очень сожалею, что проскочило, что в одиннадцать лет впервой я не остереглась и что это проскочило...» Далее Дашкова жалуется, что ее «обременили Академиею» «противу желания» из-за чего она не может, как все остальные статс-дамы, получать ласки и награды от императрицы (См. Архив князя Воронцова. М., 1872. Т. V. С. 219).

[55] *Дашкова Е. Р.* Записки 1743–1810. Л., 1985. С. 172–174.

[56] Комментарий. С. 731.

[57] Там же. С. 732.

[58] *Глинка*. С. 100.

[59] *Бантыш-Каменский Д. Н.* Словарь достопамятных людей. Т. 3. СПб., 1836. С. 78.

[60] *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 1907. С. XIX.

[61] *Пушкин А. С.* Заметки по русской истории XVIII в. // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. М., 1949. Т. 11. С. 16.

[62] *Лотман Ю. М.* О третьей части «Почты духов И. А. Крылова» // XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958. С. 511–512.

[63] Подробнее об этом новом «поколении Наполеона» и о взаимоотношениях Княжнина с его представителями см.: *Гордин А. М.* Владислав Озеров. С. 7–54.

[64] Подробнее см.: *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 209–216.

[65] *Вяземский П. А.* Фон-Визин // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 221–213.

[66] *Сумароков П. А.* Избранные произведения. Л., 1957. С. 121.

[67] *Княжнин Я. Б.* Толковый словарь // Русская сатирическая проза XVIII в. Л., 1986. С. 178.

[68] *Херасков М. М.* Ненавистник // Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль конца XVIII — начала XIX века. Л., 1990. Т. 1. С. 160.

[69] *Мочульский В. Н.* Комические оперетты XVIII в. С. 14.

[70] *Сумароков П. А.* Избранные произведения. С. 117.

[71] *Глинка*. С. 100.

[72] Там же. С. 85, 92.

[73] Там же. С. 92–93.

[74] *Вяземский П. А.* Стихотворения. Л., 1986. С. 58.

[75] *Арапов П.* Летопись русского театра. С. 143.

[76] *Рабинович*. С. 65.

[77] *Степанов В. П.* К истории литературных полемик XVIII в. («Обед Мидасов») // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. 1976. Л., 1978. С. 133.

[78] *Вяземский П. А.* Фон-Визин // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. С. 214.

[79] *Кулакова Л. И.* Неизданная поэма Я. Б. Княжнина: Эпизод из истории литературной полемики 1765 г. с приложением текста поэмы «Бой стихотворцев» // Русская литература и общественно-политическая борьба XVII–XIX вв. Л., 1971. С. 89, 91.

[80] Там же. С. 93.

[81] *Вяземский П. А.* Стихотворения. С. 138.

[82] Подробнее см.: Письма русских писателей. С. 220–222.

[83] Подробнее об этом вельможе см. например: *Карнович Е. П.* Замечательные и загадочные личности XVIII и XIX столетий. Л., 1990. С. 191–304.

[84] *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 2002. С. 142.

[85] Русский литературный анекдот конца XVIII — начала XIX века. М., 1990. С. 44.

[86] Из жизни русских писателей. Рассказы и анекдоты. СПб., 1882. С. 63.

[87] *Крылов И. А.* Проказники. С. 182.

[88] *Пушкин А. С.* Сочинения: В 3 т. М.; Л., 1937. Т. 2. С. 729.

[89] *Р. Ц.* Письмо к приятелю. С. 210.

[90] Помимо указ. соч. см. также: *Кулакова Л. И.* Я. Б. Княжнин. М.; Л., 1951; *Кулакова Л. И.* Я. Б. Княжнин // Русские драматурги. XVIII век. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 293–337.

[91] *Нейман Б. В.* Комедии Я. Б. Княжнина // Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. М.; Л., 1940. С. 121–182.

[92] Там же. С. 128–129.

[93] Там же. С. 139–141.

[94] Разговор Ломоносова с Княжниным в Елисейских полях. С приобщением примечаний на славную оду господина Ломоносова, выбранную из Иова. СПб., 1793. С. 9.

[95] См.: *Стронская Е.* Гольдони на русской и советской сцене // Гольдони К. Комедии. М.; Л., 1959. С. 663; *Горохова Р. М.* Драматургия Гольдони в России XVIII в. // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 329–330.

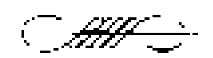

ХВАСТУН

НЕУДАЧНЫЙ ПРИМИРИТЕЛЬ,
или
БЕЗ ОБЕДУ ДОМОЙ ПОЕДУ

ТРАУР,
или
УТЕШЕННАЯ ВДОВА

ЧУДАКИ

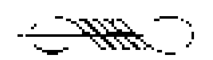
НЕСЧАСТИЕ ОТ КАРЕТЫ

СКУПОЙ

СБИТЕНЩИК

ПРИТВОРНО СУМАСШЕДШАЯ

МУЖЬЯ,
ЖЕНИХИ СВОИХ ЖЕН

ХВАСТУН

Комедия в стихах, в пяти действиях

Действующие лица:

Верхолет, хвастун.
Полист, слуга его.
Простодум, дядя Верхолетов, сельский дворянин, недавно из деревни приехавший.
Чванкина, богатая новоприезжая из деревни дворянка.
Милена, дочь ее.
Марина, служанка Чванкина.
Честон, советник из наместничества.
Замир, сын его, влюблен в Милену.
Портной.
Приказчик.
Благочинный.
Лакеи, гейдуки, скороходы Верхолетовы.

Действие в Петербурге, в наемном доме, где Верхолет и Чванкина живут.

Действие первое

Явление 1

Полист
(*богато одетый*)

О, скучный дяди вид! нечаянный приезд!
Седой наш Простодум свалился будто с звезд.
Он шел за мной... Его давно мы не видали
И гостя этого отнюдь не ожидали...
Боюся, чтобы он Полиста не узнал
И чтобы наперед слуги не потазал
За шалость своего племянника в задаток.
Уже давно отвык от русских я ухваток,
Которы бедных слуг толь тягостны бокам...
Однако перед ним приосамлюсь и сам.
Как барин наряже́н, могу я притвориться,
Что я — не я... А вот уж он и сам вали́тся.

Явление 2

Полист, Простодум.

Простодум
(*издали рассматривая Полиста*)

Так, это плут Полист, племянников слуга...
Нет, кажется... тепла у этого нога;
Весь золотом облит, спесив и рыжий волос.

Полист
(*гордо*)

Что вам угодно?

Простодум

Так, Полистов это голос.
Полист! здоров ли ты?

Полист
(*дразнит*)
Полист, здоров ли ты?
Какие в голову вселились вам мечты?
И кем я вам кажусь?

Простодум
Какое вижу сходство!
Прости, коль ваше я обидел благородство;
Вы Верхолетовым казались мне слугой.

Полист
(*гордо*)
Кто этот Верхолет? и кто ты сам такой?

Простодум
Племянник он, а я ему ближайший дядя.
Дивлюся, на твою высоку милость глядя:
Вовек не видывал я двух сходнее рож.
Племянников слуга во всем на вас похож.
Замашки те ж, лицо, не погневися, то же;
Лишь только десять лет назад он был моложе,
Да черны волосы; еще ж не так одет,
Еще ж великий плут...

Полист
(*с досадой*)
Довольно сих примет;
Оставши грубости не нынешнего века,
Они вредят ушам честного человека.
Узнай, старик, узнай: кто прежде звался плут,
Того уже теперь искусником зовут.

Простодум
В деревне живучи, мы ваших мод не знаем.
Бездельников всегда плутами называем, —
Вот так у нас в глуши. Да дело не о том:
Сказали, Верхолет свой здесь имеет дом;
Вы это знаете?

Полист
Я ведал бы, конечно;
Но я не слыхивал...

Простодум
Жалею я сердечно.
К слуге было его привез я добру весть;
Да, видно, будет мне ее назад отвезть.
Весть эта не плоха, довольно сребриста,
Обрадовала бы она весьма Полиста.

(*Хочет идти.*)

Полист
(*останавливая его учтиво*)

А! а! Полиста — вы изволили сказать;
Авось-либо о нем могу я толк вам дать.
Мне кажется, его, не знаю, как-то знаю.

Простодум
Вам кстати ль знать слугу! Я вас не унижаю
Знакомством таковым и верить не хочу...

Полист
Я не спесив, и мне все люди по плечу.
Полист известен мне, и я вам в том божуся,
И, может быть, его представить обяжуся...
Да что вы привезли?

Простодум
В наследство сто рублей.

Полист
(*с радостью*)

Что слышу я! Да кто ж, по милости своей,
Оставя здешний свет, Полисту сделал дружбу?

Простодум
Старуха тетушка его, которой службу
Я буду помнить ввек, оставила ему
По смерти всю свою накопленну суму.

Хоть милости такой плут этот недостоин,
Но в совести своей не буду я спокоен,
Когда я теткиных деньжонок не отдам.
Я знаю, пьяница Полист...

Полист

Не стыдно ль вам
Такою клеветой злословить добродетель?
Я сам, суд рь, всегда бывал тому свидетель,
Как он по улицам чиннехонько идет,
Как прямо он себя, как вежливо ведет,
Ногами никогда он вензелей не пишет;
А если о вине он как-нибудь услышит,
Всегда наморщится, и придет тошнота.
Поверьте мне, Полист лакеев красота.
Моим слуг м всегда его в пример я ставлю...
Когда изволите, я дело всё исправлю,
Отдайте деньги мне, а я ему отдам
И, может быть, тотчас его...

Простодум

Не стыдно ль вам
В дела чужих людей без просьбы их мешаться?
Прощайте.

Полист
(*останавливая его*)

На часок.

(*Сам себе.*)

Ну, можно ль удержаться?

(*К Простодуму.*)

Скажите ж мне, за что вы гневны на него?

Простодум

Скажите, н жда вам какая до того?

Полист

Я жалостлив, до ссор я очень не охотен,
И добрых я людей мирить всегда заботен.

Простодум

Да я с плутягами мириться не люблю:
Полисту прежде я ударов сто влеплю,
А там и сто рублей отдам на том же месте
Охотно.

Полист

Итого Полист получит двести.
Он мог бы сотнею одной доволен быть,
То есть рублевою.

Простодум
(*с сердцем*)

Нет! нет!

Полист
(*подставя спину*)

Извольте ж бить.

Простодум

Проказить надо мной еще ты молоденек.

Полист

Удары палошны моих на выкуп денег
Изволь отсчитывать: извольте, я — Полист.

Простодум

Не верю.

Полист

Я клянусь!.. И вашей трости свист,
И молодецкое моей спины терпенье
Докажут, что у вас в руках мое именье.
Всмотритесь, у меня Полистов глаз, рот, нос…

Простодум

Такого ж вора вид, да он черноволос.
Ты не Полист.

Полист

Я — он и телом и душою!..
Вот что, французы, вы наделали со мною!

От желтой, сударь, их причинныя муки
Такие вышли мне ужасные крюки.
Французам да чертям лишь можно так штукарить,
Чтоб даже в моду ввесть и пудру в печке жарить,
И ею волосы природны засыпать
На то, чтоб не могли наследника узнать!

(*Указывая на брови.*)

Поверьте хоть бровям, природного остатку,
Они уверят вас, реша сию загадку,
Что черен волосом я, как винновый туз;
А что я рыж кажусь, виновен в том француз,
У коего муку мой барин покупает,
Племянник ваш.

Простодум

Вот как повеса мой мотает!
Я слышал, по уши он врютился в долги?
Скажи, мошенник, мне, скажи же, да не лги.

Полист

Скажите прежде, кем теперь я вам кажуся?

Простодум

Преплутом, наглецом!

Полист

Прекрасно! я божуся!
Мне обхождения приятней без чинов,
И всякий ужесть мне противен пустослов.
Пусть незнакомые между собой чинятся,
А нам, приятелям, недалеко считаться.

Простодум

Кто? мы приятели?

Полист

А для чего ж не так?
Или...

Простодум
(*подняв трость*)
Как смеешь ты равняться мне, дурак?

Полист
Потише! господин, прокиснувший в деревне,
Потише, говорю! Ведь здесь вы не в харчевне:
Великий господин в сих комнатах живет.

Простодум
(*струся*)
Так, видно, у него племянник служит?

Полист
Нет.
Какой же человек ты, сударь, непонятный!
Теперь племянник ваш и сам уж барин знатный,
А я секретарем имею честь служить.

Простодум
Не вправду ль?

Полист
Стану я пустое говорить!

Простодум
Да как секретарем? Ты грамоты не знаешь.

Полист
Что нужды!

Простодум
Как же ты дела-то отправляешь?

Полист
Пословиц господин не помнит Простодум:
Вы это знаете, что честь рождает ум.
Как с прочими в чинах с пустою головою,
Сия пословица сбылася и со мною.

Простодум
Да как же в письменных без грамоты делах?

Полист

Мы с барином дела все кончим на словах.
Он знатный человек.

Простодум

Какая же причина?
Какого ж, секретарь Полистушка, ты чина?
Губернский ли? или?..

Полист

Не знаю, я какой,
А только ведаю, что самый я большой.

Простодум

Коллегский?

Полист

Более.

Простодум

Ахти! Сенатский?

Полист

Боле.

Простодум

Ума не приложу!.. В твоей, однако ж, воле:
Сенатских выше нет у нас секретарей.

Полист

Вы ничего в глуши не знаете своей.
Вы скудны разумом, хоть хлебом там богаты.
Недавно новые чинам здесь вышли штаты.

Простодум

А! а!

Полист

Племянник ваш, делами здесь вертя,
Всё это сработ л, за службу мне платя.

Простодум

Итак, племянник мой нешуточный здесь барин.
За добру весть тебе, мой друг, я благодарен;
Вот денежки твои. Пожалуй, позабудь
Прошедшую вражду и милостив мне будь.

Полист

Надейтесь на мое у барина старанье
И, если нужда есть, откройте мне желанье.

Простодум

Как н жды не иметь тому, кто дворянин;
Есть споры по земля́м, притом же малый чин...

Полист

Всё это сделать он безделкой почитает.
Чего изволите, всё, всё вам обещает.
Он губернаторства, как щепки, раздает,
И, словом то сказать, на милости он мот.

Простодум

Что будет он таков, я ведал то и прежде;
Хоть он пошаливал, я был всегда в надежде,
Что он исправится и будет человек.
Ты видишь ли, Полист, я истину прорек.

Полист

Конечно, сударь, так.

Простодум

С такою головою,
Всегда я говорил, не п йдет он с сумою.

Полист

(*сам к себе*)

Вот как теперь совсем оборотился лист.

(*К Простодуму.*)

Скажите же, каков вам кажется Полист?

Простодум
Таких разумников на свете, право, мало.

Полист
Скажите лучше, что еще и не бывало.

Простодум
И будет ли вперед, того нельзя сказать.

Полист
Вот, сударь, каково на свете выйти в знать!
Давно ли вы меня дубинкою пугали?

Простодум
Пожалуй, то оставь, теперь друзья мы стали.

Явление 3

Простодум, Полист, портной.

Портной
Твой барин дома ль?

Полист
Нет.

Портной
А где же?

Полист
Во дворце.
Да разве подождать не мог ты на крыльце?
И без доклада к нам осмелился ввалиться.

Портной
Да у кого, скажи, мне было доложиться?

Полист
Как? мало ли людей? не там ли наш гейдук?

Портной
Там нету никого... Мне деньги за сертук.

Полист
(*тихо портному*)

Потише говори...

(*Вслух.*)

Где наши скороходы?

Портной
(*громко*)

Нет, я хочу кричать...

Полист
(*громче его*)

О, скверные народы!
Лишь барин со двора — и все с двора тотчас.

Портной
(*громко*)

Я денег...

Полист
(*зажимая рот у портного, кричит*)

Водится лишь только то у нас.
Нет хуже тамо слуг, где знатный барин кроток.

Простодум

Да, у племянника день может быть короток.
Всегда он у двора, всегда в больших делах.
Нет время посмотреть, а людям надо страх.
Хотя бы ты...

Полист

И я всегда в делах бываю.

(*К портному.*)

Всё будет сделано, поди, я обещаю.

Портной

Скажи же барину, Полист, чтоб в сей же день...

Полист
(*толкая вон портного*)

Всё будет, слышишь ли, негодный, грубый пень?
Вон!

Явление 4

Простодум, Полист.

Простодум

Этот человек ремесленник, как видно.
Чего он требовал так нагло и бесстыдно?

Полист

Ему есть надобность, она у нас в руках.

Простодум

Какая?

Полист

Люди все рехнулись на чинах.
Портные, столяры — все одинакой веры;
Купцы, сапожники — все метят в офицеры;
И кто без чина свой проводит темный век,
Тот кажется у нас совсем не человек.
Портной, что был теперь, старанием Полиста
Желает чин достать себе протоколиста.

Простодум

Так может и Полист уже давать чины?

Полист

Да; мелкие одни во власть мне отданы,
А крупные себе племянник ваш оставил.

Простодум

Скажи, как он себе такую знать доставил?
Какой заслугой стал великий господин?
Каков богатством он? Какой имеет чин?

Полист

(*увидя входящего Верхолета*)

А вот он сам вам всё расскажет.

Явление 5

Верхолет, Простодум, Полист.

Верхолет

(*вдали, с смятением увидя Простодума*)

Это дядя!

Он.

Простодум

(*сам к себе*)

Сердце прыгает, на знать такую глядя.
Как светлый месяц он, весь в злате, в серебре!
Кого поищет Бог...

Полист

(*Верхолету*)

Сегодня при дворе
Необычайно вы как долго были.

Верхолет

(*важно и надменно*)

Меня делами там сегодня задушили...
А! кстати, я было сказать и позабыл...
Оно безделица, я, право, не просил...
Иной бы вздором мог себя таким забавить...
Но я... поздравь меня.

Полист

Имею честь поздравить!
Да только, сударь, с чем?

Верхолет

Так... ничего... я граф.

Полист

Я рад.

Простодум

(*сам к себе*)

Как счастлив я, роднею графу став.

(*К Верхолету*.)

Я, ваше графское сиятельство, желаю
Благополучия и с тем же поздравляю.

Верхолет
Чем вам могу служить?.. Полист, кто он такой?

Полист
Бывал он дядя ваш, теперь пусть будет мой.
Когда племянником его быть не хотите,
Из милости к нему, мне в дяди уступите.

(*К Простодуму*.)

Полисту быть роднёй, ей-ей, не малый чин:
За счастье то сочтет и знатный дворянин.

Простодум
Я рад всем быть, чем граф сиятельный прикажет;
И, сделав дядею твоим, меня обяжет.

Верхолет
Со временем опять в мои произведу.

Простодум
То есть, когда в чинок поболе попаду
По вашей милости, чтоб дядей быть достойным...

Верхолет
Я обещаю вам дотоль не быть спокойным,
Доколе вашего желанья не свершу.

Простодум
Я очень многого уже и не прошу;
Хотя бы штабского чинишка мне добиться.

Верхолет
(*с сердцем*)

Стыдитесь, дядя мой!.. Как можно не сердиться!
Тот самый, кто моим в свет дядею рожден,
Быть может столько подл и духом унижен,

Чтоб дале не хотеть, как быть лишь асесс ром.
Нет! я произвести хочу вас сенат ром.

Простодум
(*струся, с радостию*)

Да как...

Полист

Пожалуйте, не приводите в гнев:
Он втюрит в канцлеры, на вас освирепев.

Простодум

Ахти! беда моя... боюсь.

Верхолет
(*грозно*)

Ни слова боле,
Иль с глаз моих долой.

Простодум

Ин быть по вашей воле.

Верхолет

Меж тем вы можете мне сами услужить.

Простодум

Готов! но чем могу полезен графу быть?
Я рабски услужу.

Верхолет

Мой прежний управитель
Доходов был моих весьма дурной хранитель.
Я сбил его с двора.

Полист

Он на руку нечист.

(*В сторону.*)

Чтоб пыль в глаза пускать, как барин мой речист.

Верхолет

Без управителя я мог бы обойтиться
Дней несколько, но мне задумалось жениться,

И свадьба может быть сегодня ввечеру…
Уж город знает то, известно и двору…
А управителя...

Простодум

Я буду, коль угодно.

Верхолет

Вам можно показать на месте сем свободно
Природой данные способности к делам

(*он треплет Простодума по плечу*)

И выйти в свет; а там… увидим мы… а там…
Ни слова наперед.

Полист

А там и в сенат ры.
Но только вы, прибрав доходов наших сборы,
Не делайте того, как было прежде вас,
Чтоб голодом морить в иное время нас.

Простодум

О, боже упаси!.. А сколько в год дохода?

Верхолет

Да было... сколько бишь прошедшего мне года?
Пятнадцать тысяч?

Полист

Нет, суд рь, до тридцати.

Верхолет

Он знает то... Полист! пожалуй, ты сочти.

Полист

(*в сторону*)

Короток будет счет.

Верхолет

Но прежний управитель
Негодный человек!

Полист

Проклятый разоритель,
Доходов много он и будущих пожрал.

Верхолет

Полист! на сколько, бишь, меня он обокрал?

Полист

Я думаю, суд рь, что на пятнадцать тысяч.

Простодум

Какой же плут!.. А вы не приказали высечь
Или бездельника на каторгу сослать?

Верхолет

Ну, кстати ль мне, суд рь, так низко помышлять
И за безделицу так много рассердиться...
То правда, что, когда мне надобно жениться,
Он сделал то со мной, что в самый свадьбы день
Я от бездельств сего мошенника стал в пень;
И, право, как мне быть, того не разумею.
Но много денег я еще в долгах имею.
Полист! ты ездил ли?

Полист

Куда, сударь?

Верхолет

К купцу,
Который должен мне; ведь надобно к венцу...

Полист

Я был.

Верхолет

Что ж деньги?

Полист

Он сегодня неисправен.

Верхолет

А я в сей день женюсь... куды как он забавен;
Взбеситься надобно, купец богатый толь...

Простодум
Возьмите у меня, сиятельный, изволь!
Три тысячи скопил я дома лет в десяток,
Не хлебом, не скотом, не выводом теляток,
Но кстати в рекруты торгуючи людьми.
Сиятельнейший граф, пожалуй, всё возьми,
Я после получу.

Верхолет
Мне, право, это стыдно.

Простодум
Когда откажете, мне будет то обидно.

Полист
(*Верхолету на ухо*)
Рехнулись, что ли, вы? берите что дают:
Занять уж негде нам, и рок наш очень крут.

Верхолет
(*Простодуму*)
Я соглашаюсь от вас принять услугу
И должен вам, сударь, открыться так, как другу,
Что мне не хочется женитьбы пропустить.

Простодум
А кто особа та, коль смею я спросить,
Избранна вашего сиятельства невеста?

Верхолет
Вдовы богатыя из отдаленна места,
Дворянки Чванкиной молоденькая дочь;
Они, гонясь за мной, не отступают прочь
И даже в этот дом ко мне переселились.

Простодум
Эк лакомы!

Полист
Они в нас по уши влюбились.

Верхолет
Подумай, от меня девчонка без ума.

Простодум
(*любуясь Верхолетом*)
Я это думаю.

Полист
И так же мать сама.

Верхолет
Из жалости одной я должен согласиться.

Полист
На ней из милости изволит он жениться.

Простодум
А для чего ж? когда приданое притом.

Полист
Как чаша полная, дворянки этой дом;
И душ две тысячи, и денег страшна бездна.

Простодум
Так эта девушка, ей-ей! весьма любезна.
Извольте же со мной, чтоб деньги получить.

Явление 6

Полист
(*один*)
Благодаря судьбе, о чем теперь тужить?
Есть денежки у нас и также управитель.
Не дядя это, клад: он наш от бед спаситель.
Нам очень кстати то, что этот глуп старик.
Уж наша было знать заехала в тупик.
За недостатком бы блистательного света
Узнали б все, что мы фальшивая монета;
И Чванкина, что нам так алчет быть родной,
Сошедшая с ума на знатности одной,

Дочь барину отдать конечно б отказала,
Но глупость дядина нам крылья подвязала
И превратила нас из черепах в орлов.
Что б делать хвастунам, коль не было б скотов?

Явление 7

Верхолет, Полист.

Верхолет

Вот деньги; дядя мой...

Полист

Ошиблись, — управитель.
Признайтеся, что он ваш ныне воскреситель,
Что им...

Верхолет

Но я ему за то и отслужу,
И сколько я силен, над ним то покажу.
Чему ж смеешься ты?

Полист

Снимите ваши маски
При том, кто различать умеет всяки краски.

Верхолет

Я еду гейдуков, лакеев нанимать,
Чтобы себя во всем сияньи показать
И чтоб за мной всегда блестящи скороходы
Давали знать, что я презнатныя породы.

Полист

Опомнитесь, суд рь, и тех, кому должны,
Спокойте мало хоть из дядиной казны.

Верхолет

По свадьбе нам о том подумать будет можно;
Дотоле поступай лишь только осторожно,
Увидишь ты, что я умею награждать.

Явление 8

Простодум, Полист.

Простодум

Его сиятельство изволил поскакать?

Полист

Поехал ко двору, а после к нам заедет.

Простодум

А у меня весь ум о сенат рстве бредит.
Когда о том у нас услышат в деревнях,
Всплеснув руками, все дворяне скажут: ах!
Которые себе в дворянстве мер не ставят,
Которые меня своею спесью давят,
Увидя пыхи там вельможески мои,
Опустят крылышки, как мокры воробьи.
Как это мне смешно!

Полист

Еще смешнее будет!
Меж тем, я думаю, сенатор не забудет,
Что управителем он прежде должен быть.

Простодум

Чем только управлять, а то как мне забыть.
Не вижу гейдуков, лакеев, скороходов,
О коих ты кричал, не ведаю доходов.

Полист

Сам граф вам это сдаст.

Простодум

Сиятельство его,
На мне не полюбя кафтана моего,
Из денег мне моих пожаловал на пару;
Не лишне ль это?

Полист

Нет; наружный блеск товару
В глазах людей цены безмерно придает.

Иной бы, кто себя, как куколку, ведет,
Кафтаном лишь одним умен и благороден:
Сними с него убор, куда б он был пригоден?
Наряд достоинствам замена и умам;
Итак, вы видите, как это нужно вам.
Марину вижу я; вот Чванкиной служанка,
Вот сердца моего любезная приманка.

(*Громко*.)

Смотрите ж, дядюшка, и, управляя дом,
Вы не ударьтеся бесчинно в грязь лицом.

Явление 9

Простодум, Полист, Марина.

Полист

Девице горничной, прекрасной, несравненной,
Красе всех горничных, Марине пребесценной
Мое почтение.

Марина

За то благодарю
Превеличайшему из всех секретарю.

Полист

Примолви: графскому.

Марина

Я этого не знаю.

Полист

Что графом Верхолет, я это объявляю.

Марина

Давно ли?

Полист

Вот теперь, при дядюшке моем,
Приехав, объявил о счастье он своем.

Марина

А это дядя ваш?

Простодум

К услугам лишь на время.

Марина

На время?

Полист

Да, он, дел имея здесь беремя,
Приехал на часок было, да в добрый час.
Он управителем останется у нас.

(*Простодуму на ухо*.)

На привязи язык держите свой болтливый.

Простодум

(*так же*)

Забылся, виноват.

Марина

Вот дядя молчаливый.

Полист

С дороги он устал.

Марина

Далек ли путь его?

Простодум

Я прямо из села приехал моего.

Марина

(*Полисту*)

Ваш дядя дворянин?

Полист

Не шутишь ли, Марина?
Ты видела всегда в Полисте дворянина,
А родом дядя мой со мною одинак.

Простодум
Дворянство докажу я множеством бумаг;
Лишь выну грамоты, всяк будет безответен.

Полист
Я ближе всех ему, а дядя мой бездетен.
Не правда ли?

Простодум
Да, так, нет у меня детей.

Полист
Подите ж, дядюшка, вы к должности своей.

Марина
(*сама к себе*)
Что дворянин Полист, всё это не притворство.

Простодум
(*отходя, сам к себе*)
Не стал бы потакать, кабы не сенат рство.

Явление 10

Полист, Марина.

Полист
Теперь ты видишь ли, какой я сладкий кус?
Ты можешь свесить всех моих достоинств груз:
Породой дворянин, изрядного я чина;
Достаток есть, служу у знатна господина;
Молодчик станом я, недурен и лицом;
И, правду говорить, могу своим умом
Какому хочешь ты уму свернуть я шею, —
Итак, мне кажется, всё право я имею
То думать, что моей быть счастьем ты сочтешь.

Марина
Теперь уверена я став, что ты не лжешь,
Дворянству твоему всем сердцем предаюся.

Полист
Итак, сегодня же я с графом и женюся.

Марина
А я так думаю, что надо отложить.

Полист
А для чего? Смотри, чтоб после не тужить.
Вздыхательной любви не сильный я работник,
И долго ждать конца я, право, не охотник.

Марина
По мне, мой свет, хотя б сегодня свадьбе быть,
Мне, право, хочется дворянкою пожить;
Но барыня моя, вертушка престарела,
Сегодня отдавать Милену отхотела.

Полист
Какие дерзости! Рехнулась, что ль, она?

Марина
Нет; я затем от ней нарочно прислана.
Ты знаешь, только дочь у ней в окошке света;
Хоть хочется иметь ей зятем Верхолета,
Но, плачем дочери растрогана своей,
Была принуждена дать несколько ей дней,
Чтоб разгулять угар ее любви к Замиру.
Готово было всё ко свадебному пиру,
И уж приданое вселилось в сундуки.

Полист
А с графом верим мы, как будто дураки;
Но знатными людьми не можно так ругаться.

Марина
И я советую никак не дожидаться,
На барыню мою как можно наступать,
Чтоб обе свадебки сегодня окончать.
Я точно слышала и знаю без ошибки,
Что можем ускользнуть от вас мы так, как рыбки.

Пред слабой матерью проливши слезный ток,
Милена лишь на то и выпросила срок,
Чтоб только ей отца Замирова дождаться;
С Честоном же не как с иным легко тягаться:
Правдуха человек, не любит он шутить;
И барыне моей не знаю как и быть;
Дав слово, от него она не отвертится,
Так лучше без хлопот сегодня б вам жениться.

Полист

Что должно, сделаем мы с нашей стороны;
Но знай, мы к низостям никак не рождены:
Марина для себя сама должна проворить.

Марина

Я постараюся любовников поссорить.
Лишь только б удалось любовь отсель прогнать,
А там безделица, всё дело — наплевать.

Действие второе

Явление 1

Чванкина, Марина.

Чванкина
(*смотрясь в карманное зеркало*)
Я что-то не к лицу сегодня нарядилась.

Марина
(*в сторону*)
Лет двадцать не к лицу, сегодня спохватилась.

Чванкина
(*смотрясь так же*)
Не знаю, что-то бровь одна не такова.

Марина
(*в сторону*)
Не так написана.

Чванкина
(*смотрясь*)
И что-то голова.

Марина
(*в сторону*)
Пуста, да как же быть?

Чванкина
Причесана прескверно.

(*К Марине*.)

Марине битой быть, и это очень верно.

Марина
А мне так кажется, что ваши красоты
Сегодня новые пустили в рост цветы.

Хоть прелесть ваша свет уже давно прельщает,
Но старость к ней еще напрасно приступает,
И...

Чванкина

Старость? Бредишь ты, Маринушка, мой свет;
Скажи-ка, сколько бы ты думала мне лет?

Марина

По свежему лицу, еще цветут где розы,
На ваших парниках хоть были уж морозы,
Однако ж, ежели поверить мне глазам,
Не больше... но боюсь сказать я правду вам:
Вы вздумать можете, что это будто шутки.

Чванкина

Ну! говори, оставь излишни прибаутки.
Ведь я люблю, когда мне правду говорят.

Марина

Хоть зависть говорит, что вам за пятьдесят,
Но зависть это ведь; а я так без издевки
Могу сказать вам то, что есть вас старе девки.

Чванкина

То правда; но мои ты лета мне сочти.

Марина

По виду кажется вам меньше двадцати.

Чванкина

И столько б мне еще, Марина, не казалось,
Коль сердце бы мое печалью не терзалось;
Но дочь упрямица, Замира полюбя,
Любовью низкою и мать свою губя
И в глупой горести никак не видя света,
Не видит счастья быть женою Верхолета.
Подумай, он какой случайный человек!
Он только при дворе проводит весь свой век.
Богатства у него и знатности палата;
И графы и князья все с ним запанибрата.

Марина

Боюсь, откажет он, теперь спесивей став.

Чванкина

А что?

Марина

Вы слышали ль, что он и сам уж граф?

Чванкина

Ну! что я сделала, душа моя Марина!
О, дочь негодная! какая ж я скотина,
Что в жалость я пришла!.. Однако как же быть?
Я также не хочу Милены уморить...

Марина

Не слушайте никак Милены вашей вздора,
Замужство будто бы для девушек умора;
Не верьте этому и, поступя как мать,
Извольте только ей построже приказать.

Чванкина

Ты правду говоришь.

Марина

А впрочем, ваша воля...
Какого будете вы ягодою поля,
Когда графинею звать станут вашу дочь.

Чванкина

Когда придет Замир, гони его ты прочь.

Марина

К нам станут приезжать графини да княгини;
И наши сельские, всему дивясь, разини,
Которым здешняя за диво и коза,
На вас, сударыня, как выпялят глаза!
А вы так и взглянуть на них не захотите.

Чванкина

Как скучны мне они!

Марина

Смотрите ж, не введите
Себя, сударыня, вы с графом-то в разлад.
Подумайте о том, какой же это склад:
Вы свадьбу окончать сегодня дали слово,
А после отложить...

Чванкина

Нет, нет, ведь всё готово.

Марина

А как же барышня сама...

Чванкина

Пустое врет!
И вправду, от того она ведь не умрет.

Марина

Графиней сделаться нимало не смертельно,
И всё отчаянье Миленино не дельно.
Скажите, кто Замир? Дворянчик он простой,
Такой же, как Полист, жених любезный мой.
Смотрите, ваша дочь, Замиру став женою, —
Не стыдно ль это вам? — сравнялася б со мною.

Чванкина

Она глупа; смотреть не надо на нее.

Марина

Быть графской тещею — какое вам житье!

Чванкина

Графиней сделаю ее и поневоле.

Марина

А вот она сама.

Явление 2

Чванкина, Милена, Марина.

Милена

В моей ужасной доле
Без вас я, матушка, не нахожу утех.

Марина

(*на ухо Чванкиной*)

Приосамитесь...

Чванкина

(*на ухо Марине*)

Я сердита не на смех;
Не бось, увидишь ты.

Милена

Вы мне во утешенье
Со свадьбой удалить изволили мученье;
Что в том, сударыня? Сужденна умереть
И смерти ждя, могу ль спокойствие иметь?

Чванкина

Не плачь, Милена.

Милена

Вы всегда меня любили.
А ныне...

Марина

(*на ухо Чванкиной*)

Вы уже и крылья опустили.

Чванкина

(*на ухо Марине*)

Не бось, Маринушка... Миленушка, мой свет,
Ты это слышала ль, что графом Верхолет?
Или уже тебя и графство не искусит?

(*К Марине*.)

От этого она, я думаю,ποструсит.

(*К Милене.*)

Графиней будешь.

Милена

Пусть он будет хоть царем.
Замир владеет мной, и в сердце он моем.

Чванкина

И в сердце он твоем! диковина какая!
Да знаешь ли ты, дочь, в невежестве слепая,
Что должен завсегда чин чина почитать;
И в сердце у тебя, тебе то надо знать,
Чтоб не подвергнуться законов строгих штрафу,
Так должен уступить дворянчик место графу.

(*К Марине.*)

Марина, каково?

Марина

Изрядно.

Чванкина

Знай ты, дочь,
Какую сверх того сей граф имеет мочь.
Такие у него, как твой Замир, дворяне
В слугах.

Марина

Я думаю, и все его крестьяне
Не много менее дворян.

Милена

Пускай всё так;
Но если мне он мил не может быть никак,
Что в знатности его, в которой он сияет:
Она ведь не всегда нам счастье составляет.
Пусть жертвы свет несет случайности его.
То лестно гордости, но сердцу — ничего.
С Замиром в низкости стократ счастливей буду;
Забыта всеми, я с ним целый свет забуду.

Чванкина
Марина! слышишь ли, как жалко говорит?

Марина
А мне смешно. Она ведь это всё твердит
Из книг, которые по всякий день читает.

Чванкина
И вправду, точно так. Тот вечно не вздыхает
И весел завсегда, кто в книги не глядел.

(*К Милене*.)

Что ты ни говори, а графство твой удел;
Ты слышишь ли, хочу, чтоб ты была графиня.
Марина! каково сказала?

Марина
Как княгиня!

Явление 3

Чванкина, Милена, Марина, Полист.

Чванкина
А! господин Полист! уж вы забыли нас.

Полист
Никак, сударыня; лишь только сей же час
У графа речь была о всячине со мною.
Я и об вас ему напомнил; он душою
На вашей дочери сей день жениться рад.
Хоть это для него, по правде, и не клад,
Но делать счастье он другим всегда желает;
Притом же любит вас и очень почитает.
Уже об этом он уведомил и двор.

Чванкина
(*с радостью*)
И двор уведомил!.. Как в милостях он скор!
Так знают во дворце о нас?

Полист

Не только знают,
Но и по комнате о вас лишь рассуждают.

Чванкина
(*с радостью*)

Уж и по комнате!

(*К Милене.*)

Смотри, какая честь!

Полист

И имя вашего не смеют произнесть
Иначе, как всегда с учтивостью, с почтеньем.

Чванкина
(*с радостью*)

С почтеньем!

(*К Милене.*)

Спрячься, дочь, с любовным ты мученьем,
И надобно тебе исчезнуть от стыда.

Полист

Того я и смотрю, что кучею сюда
Наедут наши все придворны кавалеры;
И я, поверьте мне, сударыня, той веры,
Что свадьбе надобно сегодня точно быть;
Вы это знаете: двором нельзя шутить.

Чванкина

Такое мне родство прелестно и священно;
И свадьбу кончим мы сегодня непременно.

Милена

Да как же?..

Чванкина

Перестань.

Милена

Ах, матушка!

Чванкина

Не ври.

Замолкни.

Милена

Я умру.

Чванкина

Пожалуй, ты умри,

Да только лишь умри графиней.

Милена

(*отходя*)

Нет надежды!

Полист

А вот и граф идет.

Явление 4

Чванкина, Полист, Марина, Верхолет.

(*Перед ним выходит толпа лакеев, скороходов, гейдуков*.)

Верхолет

(*держа пук бумаг и притворясь, что никого не видит, говорит сам с собою громко*)

Как скучны мне невежды

Просители! они прохода не дают;

Как будто лишь для них все знатные живут.

Да если б были хоть их просьбы справедливы;

Без основания докучливы, брюзгливы,

Их все желания лишь только вздор один.

Полист

(*к Чванкиной*)

Смотрите, знатный как страдает господин.

Марина

Зато какая ж честь ему!

Чванкина

Какая слава!

Верхолет
(*не примечая никого, развертывает одну из бумаг*)

Вот на еще какой! Он мастер танцевать,
За то — в судьи; нет, друг, тут надо рассуждать
И дело головой вертеть, а не ногами.

(*Развертывает другую бумагу.*)

А этот что поет?.. «Я разными стихами
Лет сорок всем служу; вельможей тешу, двор;
Я старе всех теперь в России стихотвор;
А старшинство мое другие отнимают
И более меня уж нравиться дерзают.
Нельзя ли, государь, мне выходить указ,
Чтоб мне лишь одному принадлежал Парнас».
Ну, вот желание, достойное поэта!

(*Развертывает еще бумагу.*)

Посмотрим, это что? «Из стран далеких света
Я дарования мои принес пешком.
Когда изволите, я к вам приду с мешком,
В котором кроются проектов важных силы;
Для государства все они златые жилы.
Лишь только надо мне вперед сто тысяч дать».
Все можно ль глупости людей перечитать.
Гей! господин Полист! где вы?

Полист

Что граф прикажет?

Верхолет

Любезный секретарь меня весьма обяжет.

(*Отдает бумагу.*)

Все это рассмотрев, доложишь после мне.

Полист
(*указывает на Чванкину*)

Оборотитесь вы к этой стороне.

Верхолет
(*к Чванкиной*)

Вы здесь! простите мне, я вас и не приметил.
Народ просителей меня вокруг осетил
И голову вскружил.

Чванкина
Извольте продолжать,
Не беспокойтеся.

Верхолет
Мне слова два сказать,
Вы не поверите, как жить нам, знатным, тошно.

Чванкина
Я это чувствую.

Верхолет
(*тихо Полисту*)
Так можно ль жить оплошно:
В передней я нашел заимодавцев тьму;
Они наделали б ужасну кутерьму.

Полист
(*тихо*)
Но вы умеете всё так облагородить;
Ваш ум изо всего вам выгоды выводит.

Верхолет
(*громко Полисту*)
Отправил ли мои ты письма к королям?

Полист
(*громко*)
Уже ко всем, суд рь, отправлены дворам.

Чванкина
(*Марине*)
Он пишет к королям, ты слышишь ли, Марина!

Марина
Пред знатностью его всё червь и паутина.

Верхолет
(*Полисту*)
Тот князь, который мне отды́ха не давал?..

Полист
Уже определен.

Верхолет
А этот генерал,
Который к моему так дому был привязан?

Полист
Он вам за пенсион во весь свой век обязан.

Верхолет
Я очень рад тому; доволен я теперь:
Сегодня запереть могу щедр ты дверь.

(*К своим слугам.*)

Скажите всем, что я в сей день невидим боле.

(*К Чванкиной.*)

Теперь, сударыня, я весь, весь в вашей воле.

Чванкина
Сиятельнейший граф, как рада я тому,
Что делаете честь вы роду моему
И милостиво дочь мою...

Верхолет
Моя то должность
Служить, угодным быть, колико есть возможность.
Готов начатое сегодня окончать...
Вот на, еще забыл я нечто приказать!
Простите мне.

Чванкина
О граф! со мною не чинитесь
И как с покорнейшей своею обходитесь.

Верхолет
(*пошептав на ухо Полисту, к Чванкиной*)
Итак, сегодня мы...

(*Опять к Полисту.*)

Послушай-ка, мой друг,
Имея пропасть дел, всего не вспомнишь вдруг...
К знатнейшим барам я в сей день на ужин прошен,
Там в спальне на окне билет зазывный брошен...

(*К Чванкиной.*)

Я буду ль ужинать, сударыня, у них?

Чванкина
Ах, граф, за что лишать нас милостей своих?
Иль свадьбу уж свою отсрочить вы хотите?

Марина
(*на ухо Чванкиной*)
Поберегитеся, его не упустите.

Чванкина
Ах, граф, не сделайте несчастными вы нас.

Верхолет
Уж я сказал, что я завишу весь от вас.

(*К Полисту.*)

Вы после съездите сказать, что к ним не буду.

(*К Чванкиной.*)

Не знаете, меня как ловят все на ду.

Явление 5

Чванкина, Верхолет, Полист,
Марина, Простодум.

Простодум
(*Верхолету*)
Приказчик от купца...

Верхолет
Но я велел сказать,
Чтоб никого ко мне в сей день не допускать.

Простодум
Ему я сказывал такое повеленье,
Да он не хочет прочь.

Полист
Какое дерзновенье!
Вот я его ужо, вот я… да вот он сам.

Явление 6

Чванкина, Верхолет, Полист, Марина, Простодум, приказчик.

Приказчик
Хозяин говорит, какой-де это страм,
Что денег…

Верхолет
(*прерывая скоропостижно*)
Ничего. Пускай он не стыдится.

Приказчик
Я должен-де и сам сегодня же платиться.

Верхолет
(*тихо*)
Пришлю иль привезу,
(*громко*)
конечно, через час.

Приказчик
Мы это слышим-ста уже не в первый раз.

Верхолет
(*тихо*)
Негромко говори.

Приказчик
Как брали, то кричали,
А как пришло отдать, так мы же бы шептали.

Верхолет
(*громко*)

Ты слышишь, через час — довольно ли того?

Приказчик

Когда то истина, порадую его;
Хозяин бедный мой горюет да хлопочет.
Одна боярыня свою дочь выдать хочет:
Хозяин должен ей десятков тысяч до семи.
Так, слышь, проклятая, где хочешь, там возьми.

Чванкина
(*приказчику*)

А кто?..

Полист

Не стыдно ль с ним беседой унижаться;
И вам, сударыня, не должно забываться,
Что тещей будете вы графа моего.

Чванкина

Хотелось только знать, хозяин кто его.
Мне нужда есть.

Полист

Спросить о том вы мне велите.

(*К приказчику.*)

Послушай...

Верхолет
(*приказчику*)

Через час моей присылки ждите.

(*К Чванкиной.*)

Вот как, сударыня, в долг деньги отдавать.
Я жалостлив, ссудил и должен вечно ждать;
Но более час терпеть я не намерен.

Чванкина

А сколько должен вам?

Верхолет

Хоть долг и не безмерен,
И двадцать тысячей плевать бы для меня, —
Порядок нужен мне, люблю порядок я.

Чванкина

Судить изволите вы очень справедливо.

Верхолет

Я долго ожидал и очень терпеливо.

Полист

Хозяина его Выфантьичем зовут.

Чванкина

Узнала, этот же и мне ведь должен плут.

(*К приказчику*.)

Скажи хозяину...

Полист

Опять вы позабылись,
Быть знатной дамою еще не приучились;
И становитеся всегда вы с чернью в ряд.
Ведь дамы знатные с купцом не говорят.

Чванкина

То правда... Вы мое желанье изъясните
И через час привезть мне деньги прикажите.

Полист
(*отведши приказчика на сторону*)

Вот этой барыне хозяин должен твой,
А дочь ее берет сегодня барин мой;
Ты разумеешь ли? а?

Приказчик

Очень разумею;
Не промах я, считать не меньше вас умею;
И сколько должен нам твой барин, Верхолет,
Точнехонько того у нас недостает.
Так сделать перевод нам оченно свободно.

Полист

О чем шуметь?

Приказчик

Никак и всё-ста благородно.

(*К Чванкиной*.)

Теперя ни за чем не станет уж у нас.

Чванкина

Чрез час!

Верхолет

Чрез час.

Приказчик

Чрез час.

Полист

(*выводя приказчика*)

Ты слышишь ли? чрез час.

Явление 7

Верхолет, Чванкина, Марина, Полист, Простодум.

Верхолет

Я думаю, опять купец меня обманет;
Но управитель мой те деньги мне достанет.

Простодум

Я здесь, сиятельный, за деньгами готов.

Верхолет

(*Простодуму*)

Нет. Я люблю всегда моих держаться слов
И, время дав на час, с терпеньем ожидаю.

(*К Чванкиной*.)

Я управителя вам в милость поручаю:
Он добрый человек, изрядный дворянин.

(*Простодум Верхолету кланяется*.)

Марина

Полисту дядюшка.

(*Простодум кланяется Марине*.)

Полист

И скоро в знатный чин…

(*Простодум кланяется Полисту*.)

Чванкина

Он стоит этого.

(*Простодум кланяется Чванкиной*.)

Верхолет

Мое он знает слово,
Лишь надо потерпеть.

Простодум

(*кланяясь Верхолету*)

Не скоро, да здорово.

Верхолет

(*Чванкиной*)

Так точно свадьбе быть, сударыня, у нас?

Чванкина

Сегодня ж, граф!

Верхолет

(*Простодуму*)

Поди. Я скоро дам приказ
Готовить всё.

(*Простодум уходит*.)

Полист! как близко нам до срока,
Когда со всех мне сел привозят сбор оброка?

Полист

Мне кажется, еще немного не дошло.

(*К Чванкиной*.)

Не думаете ль, что у нас одно село?
Его сиятельство их множество имеет.

Чванкина

О том иначе кто, суд рь, и думать смеет!

Верхолет

Столичное село как будто городок…
Какой бы, например?..

Полист
(*Чванкиной*)

Вы знаете ль Торжок?

Чванкина

Чрез этот город я нередко проезжала.

Полист

А Тверь, сударыня?

Чванкина

И тамо я бывала.

Полист

Сложите ж вместе вы в уме Торжок и Тверь —
Вот графское село, вы видите ль теперь?

Чванкина

От удивления, смутясь, мой разум вянет!

Верхолет

И тут, мне кажется, чего-то недостанет.

Полист
(*на ухо Верхолету*)

Не надо ли еще Москвы мне приложить?
Извольте, я готов и тем вам услужить.

Верхолет
(*тихо Полисту*)

То будет через край.

Чванкина

Как дочь моя счастли́ва!

Верхолет

Да где ж она?

Марина

Она, суд рь, весьма стыдлива...
Хотя та честь, что ей оказана от вас,
Велика, но она... застенчива у нас.

Чванкина

Спасибо! из хлопот твой ум меня выводит.

Полист

(*Чванкиной*)

Марину также я хочу облагородить;
Когда согласны вы, чтоб я ее был муж,
То будет госпожой она моих ста душ.

Чванкина

От чести этакой возможно ль отрицаться.

Полист

(*Марине*)

Что ж ты молчишь?

Марина

Хочу стыдливою казаться.

Верхолет

(*Чванкиной*)

Однако мысль мою я должен вам открыть.
Я слышал... кажется, того не может быть...
Но, право, слышал я, что ваша дочь Милена
Не хочет быть за мной.

Чванкина

То сущая измена
И злая клевета!

Верхолет

Подумайте о том;
Из снисхожденья к вам в супружестве таком
Хочу я только быть; а впрочем, я покорный...

Чванкина

Не ведаю, отколь дошел слух этот вздорный.
Марина! ты?

Марина

Никак, клянусь.

Полист

Нет. В целый мир
Пустил дворянчик...

(*к Марине*)

как его зовут?

Марина

Замир.

Полист

Да, он... что ваша дочь к нему любовью тлеет.

Чванкина

Бездельник сей Замир!.. Милена не имеет,
Поверьте, подлых чувств, и, графу полюбясь,
Дворяне кажутся теперь ей все как грязь.

Верхолет

Однако слышал я, что вашу дочь прельстили.

Полист

Как видно, то с пути ее романы сбили.

Чванкина
(*с сердцем*)

Романы!.. я ее поотучу от них!
Романы!.. слушаться таких людей дурных!
А где они живут? И где она видалась?
Марина, от тебя и дочь избаловалась.

Марина

Клянуся, у меня таких знакомцев нет.

Полист

Замир же виноват, что то болтает свет.

Чванкина

Бездельник он!.. Но чтоб яснее оправдаться,

(*к Марине*)

Милене под венец вели ты одеваться.
А как нечаянно с тобой случилась честь,
Что хочет рок тебя в дворянки произвесть,
Чтоб быть достойною толь знатной перемены,
Надень любимое ты платьице Милены.

Марина
(*уходя, к Полисту*)

Теперь наверное дворянкою мне быть.

Полист
(*Марине*)

Я очень рад, что тем могу тебе служить.

Явление 8

Верхолет, Чванкина, Полист.

Чванкина
(*Полисту*)

Пять тысяч ей рублев приданым обещаю.

Полист

Из снисхожденья к вам я это принимаю.

Верхолет
(*к Чванкиной*)

Позвольте съездить мне невестам отказать.

Полист

Вы как же их, суд рь, заставите стонать!

Верхолет

Пускай стонают; я ль виновен в этом буду.

Полист

На что ж так милым быть?

Верхолет
(*Чванкиной*)

Невест всю эту груду
Для вашей дочери...

Чванкина

Какая милость нам!
Не в силах отслужить, сам Бог отплатит вам.

Верхолет
(*Полисту*)

Что скажет вдовушка, ты ведаешь, какая?

Полист

С ума сойдет. Она ведь женщина презлая.

Верхолет

А о графине ты что думаешь, мой друг?

Полист

Наверное, умрет; уж носится здесь слух,
Что, из отчаянья, занемогла смертельно;
Вы знаете, она вас любит беспредельно.

Верхолет
(*Чванкиной*)

Вы видите ли, что я делаю для вас?
Прощайте же.

Чванкина

Нельзя ль приехать через час, —
И деньги привезет купец наш в то же время;
Когда их вам отдам, то с плеч спадет беремя.

Верхолет
(*с видом негодования*)

О! о! сударыня!

Явление 9

Чванкина, Полист.

Чванкина

Что этим граф сказал?
Он недовольный вид, прощаясь, показал;
Боюсь.

Полист

Такой его поступок мне не дивен:
О деньгах разговор ему весьма противен;
Вы тем, сударыня, обидели его.

Чванкина

Я это сделала из страха одного,
Боясь, чтобы он от нас не увернулся.
Приманку тем ему дать ум мой поскользнулся.

Полист

Приманка — деньги? Ах, какой же это вздор!
Вы знаете, что нам не нужен этот сор
И нас лишь честь одна, а не прибыток водит.
Вы нас обидели.

Чванкина

Меня с ума то сводит.
Теперь, суд рь, теперь, храня я вашу честь,
Велю купцу мешки не вам, себе принесть.

Полист

Нет, нет, сударыня, вы всё спроста берете;
Из вашего вы льна нить грубую прядете.
Конечно, надобно вам графа уловить,
Но так, чтоб нежности его не повредить.
Вы это на меня, сударыня, взложите.
Приданые мешки к секретарю пришлите.
Как сделать, знаю я. Он знатный кавалер;
Давать же знатным есть совсем иной манер.

Чванкина

Пожалуйте, в мое незнание вступитесь.

Полист

Охотно, на меня лишь только положитесь.

Чванкина

(*отходя, сама к себе*)

Как чудны знатные! хотят и не хотят.

Явление 10

Полист

(*один*)

Нашедши в Чванкиной такой огромный клад,
И вправду, кажется, надеждой можно льститься,
Что можем наконец мы в знатные пробиться.
Фортуну только раз поймать бы за тупей,
А там, что хочешь, всё уж сделаешь из ней.

Явление 11

Марина, Полист.

Полист

Как в этом платье мне прелестна ты, Марина!

Марина

Не называй меня... преважная причина
Для общей выгоды меня сюда ведет:
Замир приехал к нам и уж сюда идет.
Вот в этом платье дав ему я вид измены,
Я голову ему вскружу против Милены.
Нетрудно сделать то: с ее мой сходный рост,
Моя похожа речь и этот длинный хвост
Обманут молодца, — а нрав его ревнивый...

Явление 12

Замир, Марина, Полист.

Замир

(*не видя никого*)

Приехал мой отец! Какой мне день счастливый!
И как обрадую Милену... вот она!
Что вижу я? Она с Полистом, и одна!
Тихонько подойду.

Марина

(*к Полисту, подражая голосу Милены*)

Уверь ты графа дорогого,
Чтобы злословия не слушал он пустого;
Что сердце предано мое навек ему...

Замир

(*бросается к Марине, которая опахалом закрывается*)

Клятвопреступница! к смятенью твоему
Увидь меня, увидь!

(*Марина закрывается опахалом, кланяется и уходит. Замир за ней бежит, но находит двери заперты*.)

И мною так ругаться!
И дверью в нос толкать!

Полист

(*издали*)

Вы часто ль объедаться
Изволите, суд рь, так сильно белены?
Или все в вас должны быть девки влюблены?

Замир

(*приближаясь к Полисту*)

Бездельник, смеешь ли!..

Полист

(*удаляется*)

Пожалуй, берегися,
Когда быть хочешь цел, то издали сердися.

Замир

Я глупо делаю, что столько горячусь.
Не бось, поверь ты мне, с тобою не свяжусь.

Полист

(*издали*)

Не бось? кого? тебя? пустое, друг, затеял.
Ты, видно, тамо жать привык, где ты не сеял;
Находишь страх во мне, а страсть к себе в Милене.

Замир

Так нет сомнения о лютой сей измене?

Полист

Ты слышал сам. Да что изменою зовешь?
Худое вкусу ты название даешь.
Когда бы, например, вот пряжки ты дурные

(*указывает на Замировы пряжки*)

Возмог переменить на пряжки золотые,
Ты был бы очень прост, в обмене отказав.
Ты — пряжки медные, а золотые — граф.

Замир

Я заколю тебя в награду дерзновенья...

Полист

(*бежа*)

Не трушу, а бегу я прочь из сожаленья.

Явление 13

Замир

(*один*)

Темнеет свет в глазах, кипит моя вся кровь!
Вот верность женская! вот страстная любовь,
Которую хранить ко мне клялася вечно.
Милена! мучишь ты меня бесчеловечно!

Уверен быв тобой, к родителю писал,
Чтобы спасти меня сюда он поспешал;
Что спесью Чванкиной, а больше простотою
Могу расстаться я с Миленой дорогою;
Что, знатностью прельстясь и слово пременя,
Мать хочет погубить Милену и меня...
Приехал честностью своей старик прославлен.
Зачем? Чтоб видеть, как сын пр зрен и оставлен!
Пред целым светом я, а пуще пред отцом,
Милена, делаюсь тобою я глупцом.
Коль с счастием меня лишаешь ты и чести, —
Умру, неверная! умру! но не без мести.

Действие третье

Явление 1

Честон, Замир.

Честон

Что ты так тверд, мой сын, я радуюсь тому.
Забудь неверную и, следуя уму,
Кажи ты ей, кажи хладнейшее презренье.

Замир

(*с жаром*)

Я позабыл бы всё к себе и к вам почтенье,
Когда хоть искру бы питал я к ней любви!

(*Сие говоря, он рвет шляпу*.)

Честон

(*усмехаясь*)

Так; точно так, мой сын, — да шляпы лишь не рви.

Замир

Не кажется ли вам, что будто огорчаюсь?

Честон

Нимало; твоему спокойству удивляюсь.

Замир

Подумайте, суд рь! так люто мной играть!
А наконец и дверь пред носом запирать!
Как можно сделать то?

Честон

То правда, что обидно.

Замир

Обеспокоя вас, мне жаль того и стыдно.
Когда бы я один в сем случае терпел,

Нималой, право бы, досады не имел;
За вас я...

Честон

Обо мне прошу не суетиться.
Не знаю, надобно ль чего тебе стыдиться;
А если надобно, так только лишь любви,
Что и презренная горит в твоей крови.

Замир

Кто? я люблю? о! нет, я только лишь сержуся.

Честон

Да сердце отчего?

Замир

За вас, сударь, бешуся.

Честон

Оставь меня, мой друг, себя побереги.
Ты любишь.

Замир

Право, нет.

Честон

Пожалуй же, не лги.
Ты знаешь, как порок толь низкий безобразит.
Лжец равен с тем почти, кто в окны тайно лазит...
Признайся, что хотя желал бы не любить,
Однако ж пламени не можешь истребить;
Что если б знал, что то поможет от измены,
Тотчас упал бы ты к ногам своей Милены.

Замир

Увидя по глазам, что плакать я готов,
Узнайте, батюшка, своих вы правду слов:
Люблю Милену я, люблю ее, как душу,
И, может быть, и ввек сей страсти не разрушу,
Но не подам краснеть нималых вам причин.
Я горько мучуся, однако я ваш сын.

Милену потерять или не жить — мне то же,
Плачевна будет жизнь, но жизни честь дороже.
Достоин буду вас, и в горести стеня.

Честон

Любви твоей, мой сын, нимало не виня,
Твоим борением доволен я неложно.
Хоть слабым можно быть, но подлым быть не должно.
Что обманулся ты, виновно сердце в том;
Ошибку сердца ты теперь поправь умом.

Замир

Увидите, как я исполню то охотно.
При вас расстануся навек, бесповоротно.

Явление 2

Милена, Замир, Честон.

Милена
(*не видя их*)

Быть можно ли тому? Замир бесчестен так,
Что был причиною о мне толь подлых врак.

(*Увидя Замира.*)

Вот он!.. Вы здесь?..

Замир
(*перерывая Милену скоропостижно*)

Я здесь, сударыня, не с тем,
Чтоб ш том вашим быть в мучении моем,
Чтоб ваше стонами тщеславье позабавить
И новый способ вам к ругательству доставить.
Нет, нет, сударыня, я создан не к тому.
Ищите жертв иных притворству своему
И верьте, ваше мне не столько сердце лестно,
Чтоб для него стерпел я то, что мне бесчестно.
Прощай.

(*Идет потихоньку прочь.*)

Милена

Изменник!

Замир

(*возвратясь к отцу*)

Я ж, суд рь, изменник стал!

Честон

Поди, Замир; теперь ты ей уж всё сказал.

Замир

Смотрите, как, смутясь, она оцепенела.
Когда бы обо мне еще не сожалела...

Честон

Замир! вот как свою одолеваешь страсть;
И сам ты над собой шутить даешь ей власть.
Влюбленных без любви сердечных сих воровок
Иль модных женщин ты не ведаешь уловок:
Чтобы вздыхателя в оковах удержать,
Они и в обморок готовы упадать.

Милена

(*с сердцем*)

Такой обидою до сердца пораженна,
Кляну мою любовь; я ею посрамленна.

(*Уходит.*)

Явление 3

Честон, Замир.

Замир

С каким презреньем к нам она отсель ушла!

Честон

Досадно, что тебя не дураком нашла...
Но чтобы свободить себя любви от бремя,
Не трать ты в праздности, мой сын, напрасно время,

Которого и так довольно погубил.
Что в свете делал ты? лишь только что любил.
Наставлен понимать всю должности подробность,
Имея обществу полезным быть способность,
Не стыдно ли тебе, скажи, любезный сын,
Носить ничем еще не заслужённый чин?
И, титлом пользуясь природного дворянства,
Иных прав не иметь, окроме только чванства?
В род титла государь заслугам отдает,
Чтоб славну предку был потомков равен род;
И всякий человек, породой отличенный,
Быть должен гражданин, заслугами отменный;
А в прочем род — мечта; и что дворянство есть?
Лишь обязательство любить прямую честь.
Но в чем она? мой сын, ты это точно знаешь:
Чтоб должность исполнять; а ты не исполняешь.
Ступай в свой полк, служи ты, взяв с меня пример.

Замир

Замешанный в толпе последний офицер,
Какую пользу тем я обществу доставлю,
Когда в полку число поручиков прибавлю?
Когда б хоть ротою я мог повелевать...

Честон

Тогда б ты сам не знал, что делать, что начать.
Чтобы нам с честию во власти показаться,
Так надо наперед уметь повиноваться.
Я мог бы, может быть, подобяся иным
И слишком дорожа рождением своим,
Чрез хитры происки, чрез теток, через лести
Тебя довесть больших чинов к бесчестной чести,
Которые, тобой не быв заслужены,
Бесстыдству моему лишь были бы даны;
Но я о том совсем иначе помышляю
И счастья легкого я сыну не желаю.
Мне сносней, чтобы ты обижен в службе был,
Как отнял у других чего не заслужил.

Замир

Вы обижаете, суд рь, меня напрасно.
В том с вашим мнением мое во всем согласно;
И совесть бы меня угрызнула моя,
Когда б я принял то, чего не стою я.
Я только говорю, что ныне, в мирно время,
Я буду при полку ненадобное бремя.
Когда б была война, поехал бы лить кровь…

Честон

(*При сих стихах Чванкина выходит*.)

Вот это говорит одна твоя любовь;
И должность ты свою на то лишь унижаешь,
Что при Милене ты остаться здесь желаешь.
Останься здесь, мой друг, чтоб плакать перед ней…

Явление 4

Чванкина, Честон, Замир.

Чванкина

Не плакать вас прошу я, к дочери моей, —
На свадьбу.

Замир

А когда?

Чванкина

Сегодня.

Замир

Всё свершилось!

Чванкина

Как рада! Сердце уж ее совсем отворотилось
От сына вашего; и вот теперь, сказав
Она сама мне то, что ей милее граф,
Сказала, что и вы сюда же прискакали…
Конечно, вы ее по дружбе уломали?
Любя меня, совет вы точно дали ей

Не погубить и вас, и матери своей.
Куда, отцы мои, одолжена я вами!
Она барахталась руками и ногами.
Твердила плачучи: «В Замире весь мой свет!»
Ну, если б это граф услышал Верхолет!
Лишь вспомню — волосы все дыбом становя́тся!

Честон

Чего ж боялись вы?

Чванкина

Как знатных не бояться!
Да всё уже прошло. Дурное позабыв,
Мы станем думать, как мой будет дом счастли́в.
За вашу дружбу вас обоих не оставлю
И графу в милость вас когда-нибудь представлю.

Честон

Нам в этом н жды нет.

Замир

(*к Честону*)

Теперь иду от вас,
Чтобы готовиться к отъезду сей же час.

Чванкина

(*ухватя за руку Замира*)

Нет, нет, не отпущу: я н жду в вас имею.

(*К Замиру.*)

На свадьбе выступлю с тобою минавею.

(*К Честону.*)

С тобою польш; всю ночь провеселимся все.
А там счастливый путь по утренней росе.

(*Замир, вырывая руку, уходит.*)

Явление 5

Чванкина, Честон.

Чванкина

Что, батька, так сердит? и чем он так гордится?
Так с знатной барыней возможно ль обходиться?
Не худо бы тебе сынка-то пощунять.

Честон

Учите лучше дочь людей не обижать.

Чванкина

Ах, батька! это что? Вам, кажется, обидно,
Что дочь графинею? Я знаю, что завидно;
Да как же быть? добра себе желает всяк.

Честон
(*в сторону*)

Кто спорит с дураком, тот будет сам дурак.

(*К Чванкиной.*)

Я счастью вашему нимало не мешаю;
Но верьте, я графинь с разбором почитаю.

Чванкина

Вот на... я слышу шум! конечно, граф идет;
Головушка моя навеки пропадет;
Рассердится, узнав, что ты отец Замиру.
Пожалуйте, меня поберегите сиру;
Чтобы не снять с меня вот этой головы,
Замировым отцом не сказывайтесь вы.

Честон

Не бойтеся, я вас хочу совсем оставить...

Чванкина

Нет, можете себя вы графом позабавить
И нашей посмотреть блестящей славы свет.

Честон

Но графов я видал.

Чванкина

Таких под солнцем нет.

Явление 6

Верхолет, со скороходами, лакеями и проч.,
Честон, Чванкина, Полист.

Верхолет

Со мною встретиться и — шляпы не подвинуть!
За это должно бы его с крыльца мне скинуть.

Чванкина

А кто осмелился, сиятельнейший зять,
Такие грубости пред вами показать?
Какой-нибудь дурак, невежа и скотина!

Верхолет

Замир, сударыня.

Чванкина
(*испугавшись*)

Я, право, не причина.

Честон

Что будет далее, но только этот граф,
Как кажется, одним своим нахальством прав.

Верхолет
(*Честону*)

Подумайте, суд рь!.. известно вам то буди:
И графы и князья, все, словом, знатны люди,
То ведая, кто я, почтенье кажут мне.
Всей здешней, думаю, известно стороне...
Да что, известно то в местах и дальних света,
Как должно почитать всем графа Верхолета;
А мальчик...

Честон

Может быть, он вас и не узнал.

Верхолет
(*хохочет*)

Вот что смешно! не знать! меня!

Чванкина

Нет, он нахал,
Мальчишка!..

(*На ухо Честону*.)

Не сердись; уж д лжно тут браниться,
Коль знатный господин изволит рассердиться,

Честон
(*на ухо Чванкиной*)

Я знатности слуга; и знатным я не чту,
Кто...

Чванкина

Разве виснет брань кому на вороту?
Иль сына твоего он этим поубавит?
Изволит побранить, а после не оставит.

Верхолет

Не знаю, отчего такой молокосос
Возмог осмелиться пред графом вздернуть нос?
Иль, быв соперник мой, он равен мне быть мыслит?

Честон

Он вас достойнее себя Милены числит.

Верхолет

Я это думаю.

Чванкина

Милена и сама
И спит и видит, чтоб...

Верхолет

Она не без ума.

Чванкина

И всё уж сделает, когда ей растолкуют;
Она ведь знает т , где раки-то зимуют.

Верхолет

И графа, думаю, мальчишке предпочтет…

(*К Честону*.)

Но дерзость мне, суд рь, его с ума нейдет.
Вот так-то молодость и счастие теряет,
Когда таких уже, как я, не почитает.
Я, может, тем его немного огорчил,
Что сердце от него Милены отлучил;
Но было у меня ему во утешенье
За то уже совсем готово награжденье.
Когда бы не таков он был и груб и рьян,
То был бы гвардии он завтра капитан.

Честон

Того не надобно, пусть в армии послужит.

Верхолет

Изрядно сказано; пускай его потужит,
Пускай научится, как графов почитать;
И лучше бы отец его не мог сказать…
Но кто его отец?

Чванкина

Его он ожидает.

Верхолет

Для свадьбы, слышал я?.. Напрасно прогуляет
Путь дальний старичок; его мне очень жаль.

Честон

Отцу увидеться со сыном не печаль,
И верьте, что ему не будет то досадно…

Верхолет

Что у меня со всех сторон с Миленой ладно,
Не правда ли? Итак, умнее сына он?
А как его зовут?

Честон

Зовут его Честон.

Чванкина

Пречестный старичок! и он сюда не будет…

(*На ухо Честону*.)

Прошенья моего Честон не позабудет?

Честон

(*на ухо Чванкиной*)

Докуда можно мне.

Верхолет

Где служит он? и чем?

Чванкина

Делами так вертит, как будто бы мячем.
Такой учтивец он! такой ко всем приветник!
И в городе у нас коллежский он советник.
За то от всех почтен он в нашей стороне.

Верхолет

Честон?.. Советник?.. Ба! да он известен мне.
За чином долго здесь у знатных волочился, —
Ничто не помогло; но я уже вступился.

Честон

Так должен вам Честон за чин благодарить?

Верхолет

Кому ж? неужто вам? коль смею я спросить.

Честон

(*в сторону*)

Бесстыднейший хвастун!

Верхолет

Когда неймете веры,
Откройте только мне желаний ваших меры —
В минуту сделано; и я служить всем рад.

Честон

На просьбы я, суд рь, немного туговат.

Верхолет

Да без меня нельзя ж вам будет обойтиться:
Пришло бы ведь ни с чем Честону возвратиться,
Напрасно время здесь и труд свой погубя...

Честон

Да знаете ли вы его?

Верхолет

Как сам себя;
И этот батюшка любовника Милены
В передней у меня потер спиною стены.
Не правда ли, Полист? Вам скажет секретарь.

Полист

Бесплодно потоптав он кры́льца здешних бар,
Которые ему совсем уж отказали, —
Знать, невозможностью дать чин ему считали, —
Не помню, у меня как случай он нашел —
И я его тотчас чрез графа произвел.

Честон

Божуся вам, что вы не знаете Честона.

Верхолет

Не знать его, суд рь, мне не было б урона,
Но если я его вам живо опишу,
Со мною о эт м я спор ваш утишу.

Чванкина
(*Честону на ухо*)

Не спорь, отец мой, с ним: он, знаешь, барин знатный.

Честон
(*на ухо Чванкиной*)

Он дерзкий человек, хвастун, шалун развратный!

Чванкина
(*заткнув уши*)

Не слышу я.

Верхолет

Что там вам смеют говорить?

Чванкина

(*с трусостью*)

Нет... право, ничего... Изволит вас хвалить.

Верхолет

Да почему же то быть может непонятно,
Что мне Честон знаком?

Честон

Мне то невероятно.
По слуху одному, который говорит,
Что, честно он служа, в передних не стоит,
Что он чрез подлости достоинств не ловитель,
Что барин — честь его, а служба — покровитель,
Что молвить за себя не просит он словца, —
А впрочем, я его не знаю и лица.

Верхолет

Так я ж вам сделаю его изображенье.
Лицо широкое его, как уложенье,
Одето в красненький сафьянный переплет;
Не верю я тому, но, кажется, он пьет;
Хоть сед от старости, но бодр еще довольно...

Честон

А я вот слышал так, что говорит он вольно:
И если бы когда и граф какой стал лгать,
В глаза бы он сказал, что граф изволит врать.
Он сух, лицо его нимало не широко,
И хвастунов его далеко видит око;
А впрочем, он во всем походит на меня.
Но чтобы всё сказать — Честон, суд рь, сам я.

Верхолет

Какое же вранье, какая дерзость эта!..
Ну, кстати ль, старичок, в твои почтенны лета
Лгать нагло...

Чванкина

Подлинно!

Честон

Нет, вам, когда вы граф,
Не стыдно ль, честности, суд рь, презрев устав,
Который вам хранить...

Верхолет

Я вас не разумею.

Честон

Поди, сударь, поди, я вместо вас краснею,
А вы...

Верхолет

Полист! уже ль все письма к королям?..

Полист

Готовы все, суд рь.

Честон

(*к Чванкиной*)

А вы, не стыдно ль вам,
Когда при вас меня уверить в том дерзают,
Что я — не я, когда притом меня ругают,
А вы, сударыня, молчание храня...

Чванкина

Ох, боже мой! на что ссылаться на меня...
Честон ли ты иль нет, я этого не знаю;
Угодно графу как, я так и почитаю.

Честон

Как! столько подлости вы можете иметь,
Чтоб уличить его в толь видной лжи не сметь!
И, быв знакомы мне, сударыня, так близко,
Хотите потакать, и потакать так низко?..
Не граф, поверьте мне, — хвастун престрашный он,
И это правда так, как то, что я Честон.

Чванкина

Так что ж, что ты Честон, хоть знаю, да не верю.

Верхолет

(*с видом насмешливым и презрительным*)

О нет, нет, что я граф, я в этом лицемерю.
Не граф я, а такой вот точно дворянин,
И темный и простой, как этот господин.

Честон

Поверьте, быть таким желаю вам неложно.

Верхолет

(*с насмешкою*)

О! много чести мне — мне в том признаться д лжно.

(*К Чванкиной*.)

А впрочем, пусть по мне он будет то, что он,
Да в свете только ли, что он один Честон?..
Что чином одолжил Честона я безмерно,
Я это ведаю и знаю очень верно.

Честон

Так я вам изъясню...

Верхолет

Того-то не терплю
И изъяснений я нимало не люблю.

(*К Чванкиной*.)

Вы видите ль, что стал он признаваться
И с благодарностью уж хочет унижаться?
Но благодарности стараюсь избегать:
Я не для этого желаю одолжать.

Чванкина

Какой бесстыдник он!

Верхолет

То правда, что бесстыден;
И он, как в зеркале, в своем Замире виден,
Который подло так Милену клеветал.

Честон

Неправда, и мой сын...

Чванкина

Бездельник и нахал!

Верхолет

(*Чванкиной*)

Пойдем, уж он опять беситься начинает.

(*К Честону, отходя.*)

О ваших дуростях сегодня ж двор узнает.
Прости!

Чванкина

(*к Честону, отходя*)

Не знаешь, как он силен у двора;
Пропал ты, и навек.

Честон

Убила ты бобра.

Явление 7

Честон

(*один*)

Не знатный барин он, нет, нет! а он притворщик
И наглый с глупостей людских он пошлин сборщик,
Каких и много есть, которы тем живут...
Тем лучше, если муж Миленин будет плут:
Судьба и Чванкину накажет, и Милену
За толь обидную нам слова перемену...
Однако, может быть, не виновата дочь.
Сей граф, чтобы от ней отгнать Замира прочь,
Ей басенку о нем бесчестную составил
И девушке его ругателем представил.
Я слышал сам, как он то Чванкиной сказал,
Что будто дочь ее Замир оклеветал...
Жаль этой девки мне... Но надо всё разведать
И графа этого поближе поотведать...

Он, право, лжец; или не знаю я людей;
Но, кажется, видал их в жизни я своей.
Привыкнув к знатности, прямые знатны люди
Своей, как этот граф, не надувают груди.

Явление 8

Честон, Простодум (*друг друга не видят*).

Простодум

Да где ж племянник?.. Тьфу! хоть что проговорюсь
И графу дядею не быть не научусь...
Да не во гнев ему, мое мне сенат рство
Выходит несколько уж, так сказать, и черство.
Всё денег дай да дай, а где их взять, Бог весть.
Вот тут-то надобно ужом и жабой лезть.
Как знатный барин, граф не мыслит о доходе.
Что было у меня, вот всё тут и в приходе.
Уж я и сверх того, что дал, еще давал...
Кабы скорей свой долг привез купец-провал;
Какой бессовестный... Да вот он сам, я чаю.

Честон

Кто это?.. кажется, его как будто знаю...
Да это Простодум! Зачем быть здесь ему?
Быть здесь при месте, то не по его уму.
Да полно, к счастию ведь глупость не препона.

Простодум

Когда я не ослеп, то вижу я Честона.

Честон

Да, я Честон; а ты или не Простодум?

Простодум
(*обнимая Честона*)

Я это.

Честон

Как тебе, мой друг, то впало в ум,
Чтоб из норы своей себя в столицу врютить?
Или в большой ты свет вступил?

Простодум

Чем черт не шутит.
Я только прискакал, а уж и в сенат ры.

Честон

Ну полно! говоришь ты, кажется мне, вздоры.

Простодум

Чтоб правда то была, не хочешь ты того,
Я вижу.

Честон

Не хочу.

Простодум

Скажи же, для чего?

Честон

А для того, что я тебе добра желаю.

Простодум

Я, право, этого добра не понимаю.

Честон

Когда изволишь, толк о том тебе я дам.

Простодум

Послушаем; горазд я, брат, на толки сам.

Честон

Тем лучше... Например, когда бы ты был болен,
В болезни мог ли бы врачом тем быть доволен,
Который, никого до тех пор не леча
И не учась, себя вдруг выдал за врача?

Простодум

Ну нет!

Честон

Не правда ль, что б он был больным умора,
Здоровым смех?

Простодум

Тут нет нималого и спора.

Честон

Не спорь же, что такой ты точно сенат р.

Простодум

Лих нет! вот тут у нас и выйдет спор.

Честон

Какой?

Простодум

Такой, что я не лекарь и не болен,
Так от сравнения я этого уволен.

Честон

А я тебя никак уволить не могу.
Тот равен завсегда всеобщему врагу,
Кто должность на себя такую принимает,
Которой он и сам совсем не понимает,
В которой действуя, он только что вредит;
Не действуя, смешон, за то, что пнем сидит;
Который...

Простодум

Сам ты, пень, пожалуй, не бранися.

Честон

Я правду говорю, а ты себе бесися.

Простодум

Какая правда то? Чем я не сенат р?

Честон

Безделкой — головой.

Простодум

Вот на! какой же вздор!
Скажи, иль головы тут надо золотые,
Глаза алмазны?

Честон

Нет; однако ж не такие,
Какие у тебя.

Простодум

Какие же, дружок?

Честон

Умнее.

Простодум

З   это могу я дать толчок,
Как буду сенат р; и у меня забудешь...

Честон

От этого, мой друг, умнее ты не будешь.
Вся только разница, когда поступишь так,
Что добрый ты теперь, а будешь злой простак.
И потому уже, что ты толико злобен,
К сему достоинству нимало не способен.
Которы на сию чреду возведены,
Те сердцем, как умом, равно отличены;
Не мысля о себе, о пользе помышляют,
Чем общества они блаженство подкрепляют;
Они хранители единой правоты...

Простодум

Какой же вздор, мой друг, от страха мелешь ты.
Нет, нет, не бось меня, тебя не изувечу.
Я сердцем только лишь на тех дворяней мечу,
Которы вкруг меня по деревням живут,
Которые меня, равно как скот мой, жмут.
Я так же их пожму во время сенат рства
И покажу мои им разные проворства.
Покрепче буду их держать в моих руках
И, как на собственных, на их косить лугах.

Честон

Так ты лишь для себя быть хочешь барин сильный?

Простодум
А для кого ж? И вот какой вопрос умильный!
Неужто для других?

Честон
Да кто же обещал
Тебе?

Простодум
Есть собственный мой знатный генерал,
У коего теперь я в службе управитель:
Случайный самый граф, надежный покровитель.

Честон
Граф?

Простодум
Да, да, Верхолет… Чему ж смеешься ты?
Считаешь, думаю, всё это за мечты?
Не веришь, что ко мне такую милость кажет
Великий господин?.. Когда Честон прикажет,
По дружбе я ему открою весь секрет…
Узнай: племянник мне граф этот Верхолет.

Честон
Племянник!

Простодум
Так, мой друг.

Честон
Не тот ли он развратный,
Который...

Простодум
Да; теперь племянник очень знатный,
Богат, как Соломон, и си́лен у двора,
И в слове он так тверд, как будто бы гора.
Теперь поверишь?

Честон
Твой племянник?

Простодум

Что ж за диво?
Да только лишь тебя прошу весьма учтиво,
Чтоб ты до времени того не говорил,
Что дядя я ему; он сам о том просил.
Доколь не сенат р, я в дяди не гожуся.

Честон
(*хохочет*)

Давно не хохотал, как я теперь смеюся.

Простодум

От радости?

Честон

Да, да.

Простодум

Я очень рад тому,
Что услужить могу я другу моему;
За сенат рство я тебе не побожуся:
То дяде надлежит; а в прочем всё...

Честон

Клянуся,
Что надо кровь тебе с племянником пустить.

(*В сторону*.)

Однако же, как всё на свете может быть,
Пойду разведаю, чтобы не ошибиться.

Простодум
(*в сторону*)

Ну, можно ль так кому от зависти беситься?

Честон
(*Простодуму, отходя*)

К сенаторству ума старайся припасать.

Простодум

Уж не твоя беда в Сенате заседать.

Действие четвертое

Явление 1

Милена
(*одна*)

Как я несчастлива и как судьбой гонима! —
Одной любовию ко счастию манима,
В Замире видела я всё, что льстило мне!..
Но, ах, исчезло то и было как во сне!
Неверный! позабыв, как верным быть мне клялся,
Забыв, как он любил, как мною восхищался
И как любила я изменника сего...
Любила?.. Ах, люблю еще теперь его!..
Но тягостная честь, как сердце ни страдает,
Презревшего меня презреть повелевает!..
А что и боле, с тем должна в союз вступить,
Кто так противен мне... Как можно то свершить!..
Граф этот, знатностью одною лишь гордяся,
Мне мыслит делать честь, со мной соединяся...
Замир жестокий! чем виновна пред тобой,
Что поступаешь так бессовестно со мной?
Со нравом то твоим, с твоей душой не сходно,
Чтоб...

Явление 2

Милена, Марина.

Марина

Вашей матушке, сударыня, угодно,
Чтоб одеваться вы изволили спешить.
К вечерне скоро уж везде начнут звонить,
А после должно вам тотчас и повенчаться.

Милена

Марина! а Замир?

Марина

(*испугавшись*)

Где видите его?

Милена

Чего ж пугаешься Замира?

Марина

Ничего.

Я думала, он здесь.

Милена

Да разве то ужасно?

Марина

(*в сторону*)

Немного для меня то было бы опасно.

Милена

Желала б я, чтоб он пришел в последний раз.

Марина

На то, чтобы еще обидеть больше вас?

(*В сторону*.)

Ну, если он придет, мою узнает штуку,
Что я сыграла с ним.

(*Хочет идти*.)

Милена

Мою несносну муку
В сей горький час и ты не хочешь облегчить
И от меня бежишь?

Марина

Мне надобно спешить;
Мне ваша матушка накрепко приказала,
Чтобы от вас я к ней немедленно бежала.

Явление 3

Верхолет, Милена, Полист.

Милена

А вот и этот граф... Несносный вид глазам!

Верхолет

Еще я ничего о том не молвил вам,
Что, половиною я вас избрав моею,
О выборе таком никак не сожалею;
И не смотрю на ту безмерну высоту,
С которой нисходя, я вашу красоту
Украсить знатностью, как бисером, желаю.
Я очень добр и в том утеху обретаю,
Что удовольствие могу вам показать...
Хотя могу притом я нечто потерять,
Но вам хочу добра... и этого довольно.
Что сердцу вашему не может быть то больно,
Об этом спрашивать совсем и н жды нет;
И если граф чего захочет Верхолет,
Я мыслю, никому не будет то противно.

Милена

Мне самолюбие такое очень дивно...
О том, мне кажется, нет н жды говорить,
Что сердца гордостью не можно покорить;
Что знатности не всех блистанье ослепляет;
Что часто человек и графство проклинает;
Что титла для иных не что, как только груз.
Вы знаете, суд рь, у всякого свой вкус,
И всякий счастьем то лишь только почитает,
Что мило для него, что сердце услаждает.
Иные, видя вас сияния в лучах
И только спесь нося в бесчувственных сердцах,
Чтя пышность знатности, несметное богатство,
В вас могут находить душе своей приятство.
Но я, не быв горда, к спокойству, к счастью века,
Желала бы иметь супругом человека.

Верхолет
(*с негодованием величавым*)
Так я не человек?

Милена
Вы больше, может быть.

Верхолет
(*с довольным видом*)
По крайней мере тем могу себя я льстить.

Милена
Но для меня, суд рь, вы меньше...

Верхолет
Человека?

Милена
Такого, надобен какой к блаженству века.

Верхолет
А что ж препятствует, когда спросить мне сметь,
Со мной, сударыня, вам счастие иметь?
Позвольте вам сказать, мне это не обидно,
Но вам, сударыня, как это вам не стыдно,
Когда, оставя я различных здесь госпож,
Блестящих знатностью и красотою рож,
Которы на меня со всех сторон стреляют,
Не видя, мучатся, а видя, воздыхают;
Которы...

Милена
(*прерывает с досадой*)
Любят вас.

Верхолет
А вы?

Милена
Я не люблю.

Верхолет
Да я, сударыня, того не потерплю,
Чтоб, безрассудством вы толико ослепленны,
Могли бы своего быть счастия лишенны,
Которое хочу я вам собою дать.
Иных ведь надобно и к счастью принуждать.
Я вашей нелюбви нимало не боюся
И, несмотря на вас, на вас тотчас женюся.
Когда не можно мне в задаток милым быть,
Вы после станете ж таки меня любить,
Поверьте, станете, за это я беруся.

Милена
Любить вас не могу, я вам, суд рь, божуся.

Верхолет
Пустое... видите, я сам себе не льщу;
Но вам ручаюся, что после вас прельщу.
Хотите ль об заклад?

Милена
Я выиграть не желаю.

Верхолет
Именьем всем моим против того дерзаю,
Что ваша матушка в приданое дает.
Хотите ли держать?

Полист
(*в сторону*)
Мой барин знает счет.

Милена
Уверить вас могу без всякого заклада,
Что вас, суд рь, любить была б я очень рада,
Да этого уже никак не может быть,
И прямо можно лишь однажды полюбить.
Я сердце не для вас имею сотворенно.

Верхолет
Да сердце лишь тому и будет покоренно...

Милена

Кто для кого, суд рь, произведен на свет.
Хоть молодость моих еще незрелых лет
Не всё так, может быть, как должно, понимает,
Но чувство в том меня неложно уверяет;
И спорить об эт м я стану до конца,
Что друг для друга есть рожденные сердца;
Они должны к себе взаимно устремиться
И в сердце наконец едино претвориться.
Тогда такой союз есть небо на земли,
Пред счастьем их ничто и сами короли.
А если же сердца, корыстью увлеченны,
Без всякой склонности лишь н ждой сопряженны,
Находят не любовь в себе — один товар,
Тогда супружество не есть небесный дар:
Негодование и грусть его вся доля;
И не супружество оно, сударь, — неволя;
И словом, на земле оно-то сущий ад, —
И проиграете вы графский свой заклад.

Верхолет

Для девки молодой в вас много уж искусства.

Милена

Чистосердечно я мои открыла чувства.

Верхолет

Условье с матушкой положено у нас,
Исполнить матери вам надобно приказ.

Милена

То правда, матушке угодно это стало,
Но сердце мне любить Замира приказало.

Верхолет

Замира? Этого, кто тронул вашу честь!

Милена

Он этим то во мне мог только произвесть,
Что, отказав ему, должна я ввек терзаться;

Однако не могу иному я отдаться;
И мне приятнее, коль правду вам сказать,
Мою любовь к нему вовек одолевать,
Впоследок в монастырь от бед моих сокрыться,
Как с вами иль с другим навек соединиться...
Я вас прошу: когда...

Верхолет

Не сделаю того,
Нет, нет; потребуйте иного вы чего,
А этого нельзя мне сделать одолженья.

Полист
(*Милене*)

Не надобно ли вам в чины произвожденья?

Верхолет

Какую вы сыграть хотите мне игру?
Вы знаете ль, что то известно уж двору...

Милена
(*с презрением*)

Прощайте же, суд рь.

Явление 4

Верхолет, Полист.

Полист

Ее слова не льстивы.

Верхолет

Смотри, как мелкие дворяночки спесивы.

Полист

На эту дрянь на что нам, знатным, и смотреть;
Нам только бы одно приданое иметь.

Явление 5

Верхолет, Замир, Полист.

Замир

(*Верхолету*)

Мне с вами можно ли немного изъясниться?

Верхолет

(*гордо и с видом, довольным собою*)

Я не спесив, и в том всяк может поручиться.
Я позволяю вам, поближе подошед,
Сказать мне смело, в чем граф нужен Верхолет.
Привыкнув одолжать, и вас я не оставлю.
Хотите ли, я вас обогащу, прославлю?..

Замир

От вас мне милостей не надо никаких.
Благодаря моей душе, нет нужды в них.
Я к вам…

Верхолет

О! о суд рь, без робости просите.
Иль должно угадать мне, вы чего хотите?

Замир

Я ничего…

Верхолет

Так, так, чин, вижу, нужен вам.
Извольте…

Замир

Нет, суд рь.

Верхолет

Ин я его не дам.
Конечно, деньгами хотите награжденья?

Замир

Нимало. Вашего желаю лишь терпенья!
Извольте выслушать, что я хочу сказать,

И дерзко так меня не смейте унижать,
То думая, что я пришел с уничиженьем,
Как все, вам докучать покорнейшим прошеньем.
Я ваши милости себе вменил бы в стыд.

Верхолет
(*Полисту*)

Полист! мне кажется, он дерзко говорит.

Полист

И мне так кажется.

Верхолет

Иль он меня не знает?

Полист

Он к нам почтения совсем не наблюдает.

(*К Замиру.*)

Хотите разве вы погибели себе?

Замир

Оставь меня! хочу я в горестной судьбе,
Чтоб мною он погиб иль я его рукою.

(*Верхолету.*)

Коль есть в вас честь, должны вы резаться со мною.

Верхолет

За что?

Замир

Лишаяся всего, что я люблю,
Я вами горести несносные терплю.

Полист

Кто ж в этом виноват, что мы тебя милее?

Замир

Я в том и не виню. Но что того подлее,
Что может быть гнусней, как на меня всклепать,

Что будто я дерзнул Милену клеветать?
Бесчестием таким до сердца пораженный
И вашей знатностью совсем не изумленный,
Пришел сказать в глаза, что тот бездельник сам,
Кто...

Верхолет

Коль услуги все мои не нужны вам,
Когда ни чина вы, ни денег не хотите,
Для вас тем хуже то... тем хуже... Ну, простите.

Замир
(*останавливая его*)

Проститься должно нам со шпагами в руках!
Вы знатностью меня не приведете в страх.
Тот равен всякому, кто чувствует обиду.
Я к вам из должного почтения не выйду,
Однако умереть мне должно или вам!

(*Полист, испугавшись, крадется, чтоб уйти.*)

Верхолет
(*то приметя*)

Куда?

Полист

Иду писать я письма к королям.

Верхолет

Будь здесь!

Полист

Он против вас груб очень становиvтся,
А я сердит и так боюсь разгорячиться.

(*Хочет идти.*)

Верхолет

Будь здесь, я говорю.

(*К Замиру.*)

Ты был ли на войне?

З а м и р
Нет, не был.

В е р х о л е т
Хорошо. Слыхал ли обо мне,
Какие чудеса в последнюю я строил?
Когда бы слышал ты, то храбрость бы спокоил.

(*К Полисту*.)

Ты помнишь?

П о л и с т
На моих всё было то глазах.
Я вижу: льется кровь! вы рубите, о, страх!
Как молния ваш меч, как тучи ваши брови!..
Всё гибнет!.. не могу текущей видеть крови
И для того бегу, бегу, бегу...

(*Бежит, а Верхолет его останавливает*.)

В е р х о л е т
Постой.

П о л и с т
Забылся... Ясно так представился мне бой,
И храбрость ваша мне так живо вобразилась,
Что струсила душа и в бегство обратилась.

В е р х о л е т
О, трус! безделицы пугаться таковой;
А если бы ты был еще тогда со мной,
Как приступом я взял ту страшну батарею.

П о л и с т
Как скромны вы, сударь... ведь я язык имею...
И славы вашея не потаю никак:
То город, помнится мне, был, иль я дурак...

В е р х о л е т
Очаков.

Замир

Быть нельзя.

Верхолет

Очаков иль Бендеры,
Не всё ли то равно? Но видите ль, что меры
Тягаться шпагами нам нету никакой:
Я не хочу, чтоб вы убиты были мной.

Замир

А я, я очень рад, что с тем могу сразиться,
Которого руки всяк должен устрашиться.
Я думаю, что вы, забыв мой малый чин,
Но помня то, что я такой же дворянин...

Верхолет

Я граф, суд рь, я граф; мне низко с вами драться;
С Полистом можете вы шпагой повидаться.

Полист

(*на ухо Верхолету*)

Нет, нет, за вас готов, что вам угодно, лгать...

(*Вслух*.)

На то ль я дворянин, чтобы мне умирать?
Мне надо поберечь и для Марины душу.

Верхолет

(*грозно*)

О, трус!

Полист

О нет, суд рь, нимало я не трушу...
Да только у меня вот шпага не остра...
Пойду я поточить... А вам быть у двора
Теперь же надобно, вы это позабыли.

Верхолет

Так точно, позабыл.

(*Хочет идти*.)

Замир
(*останавливая*)

Где б вы, суд рь, ни были,
Меня со шпагою увидите везде,
Поверьте, от меня не скроетесь нигде!
Чтобы бесчестить вас, я следую за вами,
Иду...

Полист

Пропали мы с руками и ногами!

Замир
(*вынимает шпагу*)

Деритесь, или я...

Полист
(*кричит*)

Гей! люди, караул!
Разбой! разбой!

(*С одной стороны выходят Верхолетовы люди, а с другой — Чванкина с Миленою.*)

Явление 6

Чванкина, Милена, Верхолет, Замир, Полист.

Чванкина

Кто шум такой начать дерзнул?

(*К Замиру.*)

Ты?

Верхолет

Это ничего; приятельская шутка.

Замир

Кто, я приятель вам?

Полист
(*Замиру*)

Теперь ты сунься, ну-тка.

Чванкина

Скажите, граф, что он пред вами надурил?
Вы что-то вне себя, — он шпагу обнажил!

Полист
(*Чванкиной*)

Мы вспомнили, как мы давно уж воевали,
Как брали крепости, как войска разбивали;
А чтоб, сударыня, то в лицах показать,

(*указывает на Замира*)

Мы были крепость, он хотел прист пом взять,
Да лих не удалось, и вы пришли к нам с войском.

Замир

Обоих видел вас я в подвиге геройском.

Чванкина

Когда сиятельный изволит зять шутить,
Так всё и счастливо; о чем же мне тужить?

Верхолет

Пойдем, сударыня, поговорим о деле.

Замир
(*Верхолету*)

Вас буду ожидать по выходе отселе.

Явление 7

Замир, Милена,
которая идет медлительными шагами.

Замир

Иди, сударыня, иди за графом вслед;
Он вашея любви предорогой предмет;
Судьба честнейшего супруга вам готовит!

Милена

По крайней мере он невинных не злословит.

Замир

Клевещет только он и взводит на других
Все мерзки низости прегнусных чувств своих.
И если шпагою его зовут к ответу,
То смел он обижать, а драться сердца нету...
Вот тот, для коего я вами так презрен!..
Но что, мой дух уж тем не будет возмущен...
Жалею, что теперь унизился укорой...
Причиною тому мой нрав горячий, скорый...
Но знайте же вы то, что я каков ни есть,
Но выше я всего одну считаю честь.

Милена

Что вы, суд рь, что вы о чести мне твердите?
Или меня любить бесславием вы чтите?
Так знайте же, что честь не меньше любят вас;
Чтоб это доказать, моих сокройтесь глаз,
Подите.

Замир

Я иду. Прости навек, неверна!

(*Идет и останавливается.*)

Милена

Какая дерзость в нем и наглость беспримерна!
Обидевши меня, меня ж пришел ругать.

(*Увидя, что Замир еще не ушел.*)

Что ж вы нейдете?

Замир

Я?.. еще забыл сказать...
Тем больше докажу я ваше мне презренье...
Имею ль право к вам питать я огорченье?
Скажите и меня судите вы с собой.
Вы помните, как вы клялися предо мной
Всегда, сударыня, в то платье одеваться —
Не для того, чтоб мне прекраснее казаться,
Вы мне прекрасней всех казалися во всем —

Но чтобы повторять во сердце то моем,
Как в этом платье мне «люблю тебя» сказали,
Как в этом слове мне вы рай мой показали;
Всё кончилось, и та одежда вам гнусна!

Милена

Она, суд рь, уже Марине отдана.

Замир

Марине?.. Хорошо... и этого довольно...
Уж сердцу моему теперь ничто не больно...
И правда, платье то нам стыдно надевать,
Которо кое-что нам может вспоминать.

Милена

Что значит «кое-что»? Вы, кажется, рехнулись.
Не угорели ль вы? от сна ли не очнулись?

Замир

Рехнулся я; а вы, я знаю, вы с умом,
Сегодня поутру, одевшись в платье том,
О графе нежно так с Полистом говорили.

Милена

Кто? я?

Замир

Нет, нет, не вы, сударыня, то были,
Но привидение.

Милена

Кто? я с Полистом? я?

Замир

Я говорю — не ты; не ты, но тень твоя...
Притворщица!

Милена

Теперь ты бредишь очень ясно.

Замир

Не так измена, как притворство мне ужасно!

Милена

Я, видя то, что ты свой разум потерял,
Могу и в том простить, что ты о мне наврал.

Замир

(*обрадовавшись*)

Простить?.. Хотя ни в чем не винен пред тобою,
Однако же прости.

Явление 8

Милена, Замир, Марина.

Марина

(*скоропостижно*)

Извольте-ка со мною,
Уж время...

(*Увидя Замира.*)

Ах!

Милена

Чего ты испугалась так?

Замир

Что вижу?.. так она... Конечно, я дурак...
Быть может, несколько ее с Миленой сходства
Причиною, что я наделал сумасбродства.

(*К Марине.*)

Поговорим-ка мы, голубушка моя:
Скажи, как в первый раз сегодня был здесь я,
С Полистом кто тут был? она ль? иль мне мечталось?

Марина

Вы сами видели.

Замир

Мне точно показалось.

Марина
О чем же спрашивать? У вас глаза ведь есть.

Замир
(*к Милене*)
Изобличилась мне теперь вся ваша лесть.

Милена
(*к Марине*)
Как смеешь говорить?

Марина
Не говорю ни слова.

Замир
(*к Марине*)
Ты в том стоишь?

Марина
Стою и клясться я готова.

Милена
А в чем, плутовка?

Марина
В чем угодно будет вам.

Милена
Клянись, была ль я здесь?..

Марина
Да он то видел сам.

Замир
И слышал.

Марина
Слышите ль? Что чувств своих вернее?

Замир
Скажи, сударыня, что этого яснее?
Обманы низкие и с наглостью такой...

Милена
(*к Замиру*)

Опять ты бредить стал…

(*Увидя, что Марина хочет уйти*.)

А ты куда?.. Постой!

Марина

Мне делать нечего, уж всё известно стало.

(*Хочет уйти*.)

Милена
(*удерживая ее*)

Что ты вредишь нам, то мне сердце угадало.
Я вижу всё.

Марина

Итак, во мне и н жды нет.

(*Хочет уйти*.)

Милена
(*удерживая ее*)

Я вижу, обольстил тебя граф Верхолет;
Чтоб услужить ему, прельщенная надеждой,
Ты, пользуясь моей вот этою одеждой,
Котору матушка тебе велела взять,
Дерзнула на себя и вид мой в ней принять;
И, зная, близок как Замир всегда повздорить,
Меня имела ты удачу с ним поссорить.
Признайся, говори.

Марина

Пускай то будет так.

Замир

Что больше ей сказать; но я ведь не дурак.

Милена

Чтоб извинилась я, того ты недостоин…
Что хочешь думай, мой невинный дух спокоен.

Я больше не хочу сносить обид твоих.

(*Отходя, к Марине.*)

А ты, бездельница, поди от глаз моих.

Марина уходит.

Замир
(*останавливая Милену*)

Постой, сударыня, я верю, ты невинна.
Достойна казней всех моя любовь бесчинна.
Клянусь у ног твоих тебя не огорчать.

Милена

Клянуся для тебя всех графов презирать.

Явление 9

Честон, Замир, Милена.

Честон
(*Милене*)

Мне также надобно просить у вас прощенья
За все, сударыня, пред вами дерзновенья,
В которых винен я, за сына огорчен.
Я скоростью его был очень ослеплен;
Но вижу всё теперь. Граф этот плутоватый...
Я всё о нем узнал... не знатный, не богатый,
Но дерзостный хвастун, слух этот пропустил,
Что будто бы о вас сын дурно говорил.
Имели право вы, я должен в том признаться,
За то, хоть солгано, Замиром возгнушаться.
Забудьте этот вздор, я должен вас просить...

Милена

Замир мне мил всегда, могу ли не забыть?

Замир

Я должен, батюшка, вам жизнию моею.

Честон
(*Милене*)

Где ваша матушка? Увидевшися с нею,

Потщуся ей глаза на хвастуна открыть
И всё употреблю, чтоб вас соединить.

Явление 10

Честон, Милена, Замир, Простодум.

Простодум
(*Честону*)

Ты тут?.. Напрасно, брат, повздорил ты со мною.
Довольнее тебя моею головою,
Которую ты, друг, не жаловал в Сенат,
Племян... тьфу! нет, бишь, граф уже привел всё в лад:
И завтра ж, может быть, в Сенате я засяду.

Честон
(*с насмешкою*)

Я рад.

Простодум

Да нечего уж, надобно быть раду.

Честон

Да чем же он тебя уверить так умел?

Простодум

На плечи всем своим он случаем насел;
Ко всем при мне писал, я видел и ответы.

Честон
(*смеясь*)

Теперь имеешь ты неложные приметы.
Племянник твой...

Простодум

Что ты? какой племянник он?

(*К Милене и Замиру*.)

Не верьте, шутствует по-дружески Честон
И мелет вздор.

Честон

Ну, что таить: вот графский дядя!

Милена

Не тем он кажется; и, на него бы глядя,
Подумать можно...

Простодум

Что б подумать обо мне?

Честон

Что кажется тебе сенаторство во сне
И что, как дурака, тебя твой граф обманет.

Простодум

Пустяк!.. Что скажет он, то мимо уж не канет;
То будет всё во рту, чем гладит по усам.
И как не верить мне тому? Я видел сам.

Честон

Что ж видел?

Простодум

Ничего, считаешь ты всё вздором.
А я таки на смех вот буду сенат ром...
Ну, если покажу тебе я нечто, брат...

(*Вынимает бумагу. Читает*.)

Смотри-ка... «Помещен достоин быть в Сенат».
А подпись!.. «Верхолет»... Что тут болтать пустое!

(*Честон, Милена и Замир смеются*.)

Вот графский аттестат! Ну! смейся, семя злое!

(*К Милене*.)

Тебе, сударыня, хотя б не хохотать.
Я скоро дядя твой...

Честон

Ну, кто ж велел сказать,
Что дядя этому ты графу Верхолету?

Простодум
Да с вами пропадешь.

Честон
Поверь, мой друг, мне эту
Бумагу на часок.

Простодум
На что тебе она?

Честон
Для пользы мне твоей, поверь, она нужна.

Простодум
Тут нет ли штук каких?

Честон
К твоей всё будет чести.
Я скоро возвращу, и ты услышишь вести…

Простодум
Я понимаю: ты всем хочешь показать,
Чтоб знали все, что мне в Сенате заседать.

Честон
Конечно.

Простодум
Ну, изволь; давно бы так со мною.

(*Уходит.*)

Честон
Я вашей матушке теперь глаза открою.
От зятя-хвастуна ее освобожу,
И вас обрадую, и плута накажу.

Действие пятое

Явление 1

Полист
(*один*)

Мы нынче хвастали некстати слишком много.
Честон всё в городе разведывает строго...
Что будет, если нам раззнатиться придет?
Когда честь наша с нас, как епанча, спадет,
Простите, все друзья... Марина и Милена!
Друзья ведь таковы: хоть мала перемена,
Хоть только крохотно несчастье — все и прочь,
А пуще женщины... Пожалуй, рок! отсрочь
На несколько часов нас, бедных, обнаружить,
Доколе мы себя возможем осупружить...
Да сердце говорит: тому-де не бывать...
Когда бы не Честон, нам всё бы наплевать.
Да он для нас тяжел... Повсюду он проворит
И с благочинием нас, кажется, он ссорит...
Я благочинного вот здесь у дома встрел,
Который на меня бесчинно посмотрел...
От взора этого кровь в жилах застывает.
Ох, дурно!.. Сердце мне добра не предвещает...
По нашей милости и дядя наш уж чист.

Явление 2

Марина, Полист.

Марина
О чем задумался, любезный наш Полист?

Полист
О суете мирской, любезная Марина,
О бренности вещей.

Марина

Да что ж тому причина?

Полист

Всё: счастье, случай, честь, сама твоя краса.
Или вертливости не знаешь колеса,
На коем счастие слепое здесь кружится?
Мне всё, не знаю как, неверно становится.
Что будет с нами впредь, возможно ль то узнать?
Растаять могут вдруг богатство наше, знать;
Нельзя надеяться на счастье, как на стену.
Фортуна — женщина, так любит перемену.

Марина

Да ты ведь дворянин?

Полист
(*смутясь*)

Я?.. я, конечно, так.
На что такой вопрос?

Марина

На то, что ты дурак...
Что графу не везет, ты, может быть, то слыша,
Смутился; плюнь!.. своя ведь у тебя есть крыша.
Пусть граф твой упадет, в деревне заживем
И по-дворянски век с тобою проведем.
Итак, ты видишь ли, ты прост по этой смете.

Полист

Да что, скажи ты мне, есть верного на свете?

Марина

Я вижу, ты свою деревню промахнул,
И оттого теперь ты точно пригрустнул.

Полист

Вот на! иль мотом ты Полиста почитаешь?

Марина

Мне, право, кажется, то видя, как скучаешь,
По крайней мере ты деревню заложил.

Полист

Нет, нет, дурную весть оттуда получил.

Марина

Какую?

Полист

Так.

Марина

Скажи.

Полист

Что хлеб не уродился
И скот весь извелся.

Марина

Ну, право, ты взбесился
Иль мыслишь о моей так мало красоте,
Что ты, как я твоя, скучаешь о скоте.

Полист

О нет! поверь тому: мне прелести Марины
Милей всего, что есть... и даже и скотины.
Однако ежели во всем неурожай,
То как моя душа любовью ни пылай,
Но если нечего уже кусить нам будет,
То сердце и любовь, я думаю, забудет.

Марина

Приданым я любовь такую подкреплю;
Скотины я тебе сколь хочешь накуплю.

Полист

Мне вместо этого тебя одной довольно...
Но сердцу моему то было б очень больно,
Что н жду для меня должна ты потерпеть.

Марина

Мне только хочется дворянство лишь иметь,
А там уж кое-как мы заживем с тобою.

(*Полист вздыхает*.)

Что значит вздох? что ты скрываешь предо мною?
Иль так в дворянстве, как во всем, неурожай?

Полист

О! о! пожалуй, ты меня не обижай!
Коль было бы всего так много, как дворянства,
Куда бы нам девать... Однако ж наши чванства
Рок чем-нибудь всегда умеет прижимать,
Величить нас в одном, в другом же унижать...
Но слышу голос я Честона-грубияна!
Чтоб знатного пред ним не уронить нам сана,
Пойду.

Явление 3

Честон, Замир, Полист, Марина.

Честон

(*Полисту*)

Постой, мой друг, куда бежишь от нас?

Полист

Мне нужда крайняя; мне должно быть сей час...

Замир

Не у двора ли?

Полист

Нет; но к одному агенту...
Я еду... а оттоль поеду к резиденту...
А после надобно к послу мне, может быть...
Я занят ужесть как.

Честон

(*с насмешкой*)

Нельзя ли отложить?
Вы тем изволите нам сделать одолженье.

Полист

Желал бы оказать охотно снисхожденье,
Но, право, не могу.

Честон

Я очень несчастли́в.

Полист

(*отходя, сам к себе*)

Недаром что-то он против меня учтив.

Честон

(*Марине*)

Что здесь мы, то скажи ты барыне, служанка.

Марина

(*отходя*)

Учтивей говори, и я почти дворянка.

Честон

Теперь-то хвастуна, мой сын, изобличим,
Чрез благочиние законом обнажим.

Полист

(*возвратясь с торопливостью, в сторону*)

Что видел я?.. о, страх!.. тот самый благочинный!..
Который... ах, какой усов широкий, длинный!

Замир

Что скоро так, суд рь, вернулись вы назад?

Полист

Ей-богу, я тому, суд рь, и сам не рад.

Честон

Никак уже отсель дорога вам запала?

Полист

Еще, суд рь, моя карета не бывала.

Замир

Да время хорошо, вы можете пешком.

Полист

Чему же, господа, смеетесь вы тишком?
Или... или меня не дворянином чтите?

Замир

О нет, считаем вас мы тем, чем вы хотите.

Честон

Мы верим, что граф — граф, и дворянин — Полист;
Но есть тут человек, хотя и не речист,
Да лучше доказать породу вашу может
И даже сделать вам гербовник он поможет.

Полист

Нам в этом н жды нет; я не люблю гербов.
Во знаках лошадей, подков, медведей, сов
Заслуга истинна себе не видит чести;
И с графом без того велики мы… по чести.

Честон

Увидим.

Явление 4

Честон, Замир, Чванкина, Милена,
Марина, Полист.

Чванкина

Н жда вам какая до меня?
Я вижу, прежний вы проступок свой виня,
Уж струсили… Не бось, мы с ним уж всё забыли.

Честон

Нет; я пришел сюда уверить, что я прав;
То ясно доказать, что Верхолет не граф,
И ваше странное разрушить ослепленье.

Чванкина

О Боже! отпусти такое прегрешенье.

(*К Полисту*.)

Вы видите, суд рь, что я невинна в том.

Полист

(*на ухо Чванкиной*)

Да вы клеветников пускаете в свой дом.

Чванкина

Что делать?..

(*К Честону*.)

Иль за тем меня сюда вы звали,
Чтобы в беду ввести, чтоб вместе мы пропали?

Милена

Поверьте, матушка, не граф...

Чванкина

И ты туда ж!
Ты забрала опять старинну блажь.

Честон

Что скажете, когда как скоро граф приедет,
Пред ним докажем мы, что знатностью он бредит,
Что он обманщик...

Замир

Трус.

(*Чванкина затыкает уши*.)

Марина

Полист! что ты молчишь?
Обижен граф, а ты как вкопанный стоишь.

Полист

Не воин, секретарь, — так я не защититель;
Я графа моего лишь только тайн хранитель.

Честон

(*Чванкиной*)

Не закрываючи, сударыня, ушей,
Ответствуйте вы нам, по милости своей.
Что скажете, когда мы, снявши маску знати
С того, которого примаете вы в зяти,
В нем вам бесчестного покажем шалуна,
Кем будет ваша дочь в несчастье введена?
Что скажете?..

Чванкина

Кто? я?.. да это небылица...
Он знатный граф. Видна и по полету птица.

Замир

Ее подстрелим мы.

Полист

Мы слишком высоки.

Замир

Молчи... Ты видел там?.. Он тотчас за виски.

Чванкина

Кто там?..

Полист

(*струся*)

Сударыня!.. там общий нам знакомец.

Честон

Он скоро будет с ним и с графом однодомец.

Чванкина

Я милости прошу его войти сюда.

Полист

О нет, застенчив он и часто от стыда
Он вздорит, бесится и делает содомы.

Чванкина

Мне все приятны те, которы вам знакомы.

Полист

Я верю этому, да этот не таков...
Упрям он и угрюм, притом же нездоров.

Марина

(*в сторону*)

Полист смущен, Честон и сын его смеются;
Тут что-нибудь да есть.

Явление 5

Чванкина, Милена, Честон, Замир, Полист, Марина, Простодум.

Простодум

Вот скоро заведутся
И денежки у нас! Приказчик...

Чванкина

Пусть войдет.

Простодум

Он графа, говорит, дождется наперед.
Мое сенаторство, всё графству на подпору
Отдав, должно само во всем терпеть умору;
Да как же быть: терпи, так слюбится вперед.

Чванкина

Неужто лишь тобой богатый граф живет?

Полист
(*струся*)

Да, точно так; у нас... вы слышали, оброки...
Немного не дошли, сударыня, им сроки...
Но скоро привезут.

Честон

Откуда привезут?

Чванкина

Откуда?.. вот смешно! Не наше горе тут.
И графское село — Торжок да Тверь и с лишком.
Тут можно повернуть и с маленьким умишком;
А с графским разумом!.. Ась, господин Полист?

Полист

Вы это знаете.

Простодум
(*Честону, который смеется*)

Ты сущий атеист,
Смеешься ты всему и нет тебе святого.

Ты взял ведь аттестат, чего ж тебе другого?
Граф сильный человек и, следственно, богат...
Однако же, мой друг, отдай-ка аттестат.

Честон

Он скоро будет вам правительством доставлен.

Простодум
(*с радостию*)

Правительством!.. Вот он куда тобой отправлен!
Итак, сказать могу, что я уж сенат р...
Но ты, по дружбе мне, немного слишком скор;
И граф было велел до завтра дожидаться...
Однако этим он не будет досаждаться,
Что ране сенат р я несколько часов...
А хоть посердится, да будет же таков...
Признаюсь, поклонюсь: спина моя не черства;
Охота смертная, скажу, до сенат рства...
А как теперь себя не стыдно показать,
То графа уж могу племянником назвать.

Марина

Что слышу! а, Полист?

Полист

Час от часу дурнее.

Марина
(*Полисту*)

Так ты не дворянин?

Полист

Нет, я теперь знатнее.
Ты слышишь ли, что я и графу уж родня?

Марина

Я вижу, обманул, негодный, ты меня.

(*К Простодуму, указывая на Полиста*.)

Так вы не дядя?

Простодум

Нет. Пускай не погневится;
Полист в племянники мне больше не годится.

Чванкина

Что слышу я теперь, всё это мудрено!
Почто ж...

Полист

Мне ваше всё сомнение смешно.
Или, племянником кого не почитает,
Того уж Простодум дворянства тем лишает?..
Я дворянин...

Простодум

Полист! ей, надобна душа.

Явление 6

Чванкина, Милена, Честон, Замир, Простодум, Полист, Марина, портной.

Портной

И у него есть, да... не больно хороша.
Уж сколько времени за долгом я скитаюсь.

Полист
(*в сторону*)

Отвсюду нам беда!..

(*К портному*.)

Я скоро расквитаюсь.

Портной

Мне то же барин твой твердит, мой друг Полист.

Простодум

Вот это давешний портной-протоколист.

Портной
(*к Полисту*)

Ужо ли кончится моя теперь забота?

Простодум
Эк сильно забрала его к чинам охота!

Портной
Всяк должен по себе и остальных судить:
Как тошно ждать того, что должно получить...

Простодум
Он целит на меня, как будто бы на диво,
Что я сенаторства искал нетерпеливо.

(*К портному*.)

Некстати бы тебе равняться, друг, со мной.
Я дядя графский ведь, а ты его портной;
Так должен был мое он кончить дело прежде.
Ты можешь потерпеть и быть дотоль в надежде...

Портной
В надежде быть всегда? Вот выскочил какой!
Надежда, господин, плательщик предурной.

Простодум
Нахально так, как ты, те только приступают,
Которые свое желанье покупают.
Ты разве заплатил?

Портной
И очень заплатил.

(*Указывая на Полиста*.)

Спроси-ка у него: на них я мало ль шил?

Простодум
Когда то так, не бось: старанием Полиста
Достанешь вскорости ты чин протоколиста.

Портной
А кто наврал тебе, что чина я хочу?

Простодум
О чем же хлопоты?

Портной

О деньгах хлопочу.
Два года фраками ссужал я их по моде!
Одеждой всякою, всё см тря по погоде.
Пусть деньги отдадут — и вот тут весь мой чин!..
Нечестен Верхолет, хотя и дворянин.

Чванкина

Бесчестишь графа ты, случайна господина,
Считая только лишь его за дворянина.

Портной

Неправда, он простой. Я с ним знаком давно.
Иль знатен потому, что шью ему, равно
Как знатным всем, одним покроем я кафтаны
И что не платит мне?

Полист

За что платить!.. Карманы
Ты сделал узки все…

Портной

На что им шире быть?
Довольно широты, ведь нечем их набить.
Притом же заплатить из узких также можно.

Полист

Молчи! ты страшный плут, ты с нас дерешь безбожно.

Портной

Лишь только заплати, я тотчас замолчу.

Полист

Невежа! я тебе вот скоро заплачу.
Гей, люди!

Портной

А на что своих людей скликаешь?
Без денег ты меня теперь не протолкаешь:
Запасец припустил у ваших я ворот.

Полист

(*на ухо портному*)

Да слуги платят ли, скажи мне, за господ?

Портной

Ни слова. Твоего ждать барина намерен.
Приедет скоро он домой, я в том уверен.
Сегодня, чтоб из рук его не упустить,
За ним я издали везде успел кружить...
В изрядных домиках изволит забавляться.
На то — так деньги есть; а мзде — так дожидаться.

Простодум

Не можно их понять, сумятица и вздор.
Ей-ей, тут шашни есть, иль я не сенат р.

Явление 7

Чванкина, Милена, Честон, Замир, Простодум, Полист, Марина, портной, Верхолет.

Верхолет

Какую нахожу я дружеску беседу...

(*К Чванкиной.*)

Окончив все дела, теперь венчаться еду.
Заехал к вам, чтоб вас уведомить о том,
Что силою моей и что моим умом, —
Какие ни были мне деланы препятства,
Чтоб вам начата мной не довершить приятства

(*к Милене*)

И чтобы я мог вам в женитьбе отказать, —
Я всё то опроверг... и смею вам сказать,
Быть надобно лишь мне, чтоб козни уничтожить...
Однако не должно уж это вас тревожить...
Замолкли барыни, завидущие вам;
Я сильный дал щелчок их дерзким языкам...
Когда б вы видели, как все меня стыдили...
Я рад, что у двора со мною вы не были...

Хотя б и надобно туда представить вас,
Но после свадьбы там насмотрятся на нас.

Портной
Вы были у двора? Вот на! Да у какого?

Верхолет
Я сроду не видал, как ты, глупца такого.

Портной
Не горячитеся, я с вами соглашусь.
Вас видел у двора, я в этом признаюсь,
Вот там, где короли владеют вдруг четыре:
А именно, сударь, я видел вас в трактире.

Верхолет
В трактире! врешь, дурак, по этаким местам
Я...

Портной
Точно вашу я карету видел там.

Верхолет
Быть может... из дворца взял князь мою карету,
Он, видно... отплачу ж ему я шутку эту...
Дерзать употреблять на то мой экипаж...
Хоть знатен этот князь, однако же он блажь.

Портной
Я видел вас... да в том нет нужды мне нималой...
Каков тот бархатный кафтан прекрасный алый,
Который я прислал?

Верхолет
Мы после уж о том...

Портной
Не после, а теперь.

Верхолет
(*на ухо портному*)
Своим ты языком

Не сделай мне вреда: ты видишь, я женюся.
Я, повенчавшися, сегодня ж расплачуся.

Чванкина
А вот и с деньгами приказчик от купца!

Простодум
Во всем счастливого дождался я конца.

Чванкина
Поди-ка, друг, тебя давно я ожидала.
Поди.

Явление 8

Те же и приказчик.

Приказчик
(*указывая на Верхолета*)
Меня его лишь милость задержала.
При нем наш будет счет так чист, так чист, как скло.

Верхолет
(*Чванкиной*)
Боюсь, сударыня, чтоб время не ушло.
Вам будет сделать счет и после свадьбы можно.
Препятства могут быть, спешить нам очень д лжно.

Чванкина
Но вы сказали нам: уже препятства нет.

Приказчик
Так, лучше наперед окончить нам свой счет;
Не будет длинен он, за это я ручаюсь,
И я в минутную чистенько расквитаюсь.
Он зять ваш?

Чванкина
Точно так. Ведь он, ты знаешь, граф.

Приказчик
Он граф иль дворянин, мой счет не меньше прав.

Чванкина

Да что до этого? и н жда в том какая,
Что граф зять будет мой?

Приказчик

О! н жда в том большая.

Простодум
(*приказчику*)

Я вижу, графа ты желаешь оболтать,
Чтоб долга на тебе изволил подождать.
Да воля в том его, а мне уж очень тесно.
Плати-ка всё сполна.

Приказчик

Плати-ка? вот что честно.

Верхолет
(*Чванкиной*)

Или меня из рук хотите упустить?
Иль деньги и меня нужнее могут быть?

Чванкина

Сиятельнейший граф, за мною ведь не стало.

Милена
(*Честону*)

Вы медлите.

Честон
(*Милене*)

Еще помедлить надо мало.

(*К приказчику*.)

Старайся поскорей ты свой окончить счет.

Приказчик

Дотоль моя нога и с места не сойдет.

Чванкина

Да долго ли считать: мне тысяч семь десятков.

Простодум
Да графских двадцать ведь?

Приказчик
Увидим из остатков.

Простодум
Плати же поскорей.

Приказчик
Изволь! Ну, выставь ручку.

Простодум
(*протягивая руку*)

Вот.

(*Приказчик подает бумагу.*)

Что это?

Приказчик
Долговой чистейший перевод.

(*К Чванкиной.*)

Которы нам должны, те платят векселями,
Что будущий ваш зять давал... Читайте сами.
И если приложить, чем он сам должен нам,
То придет лишь додать двенадцать сотен вам
С десятками рублей и несколько копеек.

Простодум
(*Верхолету*)

Сиятельный! каких ты подпустил нам змеек!

Чванкина
Что слышу я? вы, граф!..

Верхолет
Полист! ты сущий плут.

Полист
Когда угодно вам, пусть так меня зовут.

Верхолет
(*приказчику, указывая на Полиста*)
Так он не привозил к вам денег?

Приказчик
Ни полушки.

Верхолет
(*Полисту*)
Теперь узнал я все твои со мной игрушки.

(*К приказчику*.)

Так не был он у вас, чтоб деньги отдавать?

Приказчик
Он, правда, приезжал, да только занимать,
И ваша в том рука на векселях свидетель!

Верхолет
Вот как ты поступал с тем, кто твой благодетель!
Кто вывел в честь тебя!

Простодум
Из самых подлых слуг,
Который некогда в деревне был пастух.

Марина
Так оттого-то он охотник до скотины.

Полист
Тем лучше: недалек я родом от Марины.

Марина
Молчи, негодный лжец.

Простодум
Обманщик ты, Полист.
Как будет плакаться портной-протоколист,
Который от тебя напрасно ожидает...

Честон
И также сенат р уж скоро зарыдает.

Простодум
(*к Верхолету*)
Неужто? Слышишь ли, мой граф, какой в нем толк?

Честон
(*к кулисам*)
Извольте отправлять вы правосудья долг.

Явление 9

Те же и благочинный.

Благочинный
От благочиния я прислан с повеленьем,
Чтоб графства мнимого его уничтоженьем
Невинну вашу дочь от бедствия спасти,
Открыть глаза, вас всех в рассудок привести:
Сказать, что он не граф, — дворянчик плутоватый
И только хвастовством, обманами богатый,
Который здесь давно живет на счет других,
Сбираючи всегда оброк с голов плохих,
Который жалует и даже в сенат ры...

Верхолет
Престаньте! Мы в суде окончим наши споры.

Благочинный
Я вас веду. И вот пустой ваш аттестат,
Которым дядя ваш пожалован в Сенат.
Изодран он.

(*Бросает.*)

Простодум
(*к Верхолету, подхватя аттестат*)
О, плут!

Чванкина
Хвастун пренедостойный!

Простодум
Почто не удавил его отец покойный!

Чванкина
(*к Верхолету*)
Где графство делося? село с Торжок и с Тверь?
Скажи?

Полист
Где было, там всё это и теперь.

Верхолет
(*ко всем*)
Кто я, вы вскорости увидите то ясно,
И благочинью то не будет безопасно...
Теперь я замолчу; ни слова больше вам.

Благочинный
Покуда просим вас мы в дом смиренья к нам.
Пойдем.

(*Верхолет с благочинным отходит;*
за ним бегут приказчик и портной.)

Простодум
Попался я к пречестным людям в лапки:
Я без сенаторства, без денег, как без шапки.
Ну! съел я гриб!..

(*Уходит*.)

Марина
(*к Полисту*)
А ты, стеклянный дворянин!..

Полист
Ну что ты чванишься? Иль мало есть Марин...
Стеклянный дворянин!.. название прекрасно!..
Кто я, вы вскорости увидите то ясно...
Теперь я замолчу... ни слова больше вам...

Честон
(*Чванкиной*)
Вот очередь пришла, сударыня, и нам.
Что скажете теперь?

Чванкина

Мне случай этот тошен;
И тот, до времени кто чванится, оплошен.
Теперь, суд рь, на вас мне стыдно и смотреть.

Честон

Коль прежне дружество к нам будете иметь,
Коль, сына моего приняв себе вы в зяти,
Дадите честности, что отдавали знати...

Чванкина

Согласна я на то.

Замир

Кто сч стливей меня!

Милена

(*Чванкиной*)

Вы жизнь мне отдали...

Марина

Теперь-то вижу я:
Чтоб глупо не упасть и чтоб не осрамиться,
Так лучше не в свои нам сани не садиться.

НЕУДАЧНЫЙ ПРИМИРИТЕЛЬ,
или
БЕЗ ОБЕДУ ДОМОЙ ПОЕДУ

Комедия в трех действиях

Действующие лица:

Господин Кутерьма.
Госпожа Кутерьма, жена его.
Господин Миротвор, их друг.
Марина, их служанка.
Яков Ростер, их повар.
Синекдохос, студент, знакомец Миротвора, с ним приехавший.

Действие в селе Кутерьмы.

Действие первое

Явление 1

Я к о в Р о с т е р (*один*). Какая это справедливая пословица: ученье свет, а неученье тьма! Как тому хорошо, кто учен! Например-таки, и я в поваренной науке... Мусье Кассероль, славный французский кухмистер, мой мудрый учитель, правду говаривал: на что учиться прочим разным наукам? они только замешивают разум. В поваренной все есть: астрономия, физика, химия, мораль, политика и сама медицина... и точно так... в астрономии толковал он мне часто обращение около своей оси небесных шаров, в том числе и нашей земли. Жареное была земля, а вертел — ось ее. То правда, что оттого он, заговорясь о небесах, часто пережигал жаркое; но для просвещения ума это безделица... Физика изъяснялась разными скотинами, птицами, травами и кореньями, которые на кухне употребляются... химия, вареньем и смешеньем оных... медицина выдумана для здоровья; но что лучше от болезни сохраняет, как уменье делать кушанье здоровое. Медицина попорченное исправляет, а поваренное искусство не допускает портиться. Особливо это правило медикополитическое мусье Кассероля мне нравится: не надобно — говорил он — допускать объедаться; и для того должно всегда из отпущенного на кухню готовить самомалейшую часть, а остальное удерживать в свою пользу... Мораль и политику, то есть, уменье обходиться с людьми, не ясно ли преподает нам поваренная наука? В этом я живой пример. Я посмотрел бы, как бы другой, не так ученый, мог жить с такими вздорными господами, каковы мои. Мусье Кассероль, ты превеликий человек, а я по тебе первый.

Явление 2

М а р и н а, Я к о в Р о с т е р.

Р о с т е р. Что скажешь, Маринушка?
М а р и н а. От досады ничего говорить не могу.

Р о с т е р. А я было думал, ты приказ от барыни вынесла, что к столу мне готовить.

М а р и н а. Вынесла. Коли хочешь, я его тебе отдам?

Р о с т е р. Пожалуй, отдай поскорее. Мне очень не хочется принять его прямо от барыни.

М а р и н а (*замахиваясь*). Прими же от меня.

Р о с т е р (*назад отступая*). Что это такое?

М а р и н а. Пощечина, которую она мне дала.

Р о с т е р. Нет, нет, не принимаю. Этого нельзя ни изжарить, ни в соус положить. Побереги для себя. Она замена румянам, так тебе нужнее... да за что этак тебя попотчевали?

М а р и н а. Здорово живешь. Ты знаешь, барин уехал на охоту. Ей не с кем спорить, и так, от скуки со мною повздорила.

Р о с т е р. Да за какое дело?

М а р и н а. За важное. Я ей подала новые башмаки; она спросила у меня, нет ли новее? Я ей сказала, что новее быть не может, потому что эти ни разу не вздеваны... и пошла потеха... Я ей ясно доказала, что я права.

Р о с т е р. А она еще яснее. Вот оттого-то и дурно тебе, что ты не умеешь на свете жить... не надобно спорить с теми, кто нас сильнее и кто кулаком доказывать может.

М а р и н а. Вот-на, еще выехал какой учитель жить на свете! Я посмотрела бы, как бы ты отделался от барыни, или от барина, когда они в духе спорить.

Р о с т е р. Да для чего же у меня с ними ладно?

М а р и н а. Для того, что ты не всегда у них на глазах.

Р о с т е р. Нет, для того, что я умею с людьми обходиться; а этому научился от поваренного искусства. Знаешь ли ты, Маринушка, что поварская наука первая на свете. Кто ее знает совершенно, тому нечему учиться.

М а р и н а. Я тут мудрости никакой не вижу, кроме только, что можно всегда хорошо быть сыту.

Р о с т е р. То так, если смотреть простыми, грубыми глазами. Но благодаря моему учителю, мусье Кассеролю, я смотрю на все так, как он говаривал, — философическими глазами; и всегда кушанье сравнивая с людьми, я знаю, если на большой огонь вдруг поставишь, то переваришь, пересушишь. И так как первое правило на кухне все делать на маленьком огне; по тому же

правилу и с людьми, поступая полегоньку, потихоньку, скромно, осторожно, я счастлив, всем угождаю, и даже с барами у меня не только раздора не бывает, да еще они меня и любят.

Марина. Увидим. Вот сама идет с тобою говорить.

Ростер. Я очень рад.

Марина. Отчего же ты побледнел?

Ростер. От радости, что имею случай тебе мой ум показать.

Явление 3

Госпожа Кутерьма, Яков Ростер, Марина.

Г-жа Кутерьма. О чем у вас спор?

Ростер. Мы, сударыня, не спорим, а говорим, что спору бы никогда не было, если бы все были благоразумны.

Г-жа Кутерьма. Кто ж по-твоему неблагоразумен?

Ростер. А тот, кто видит, что он не прав, а все-таки спорит.

Г-жа Кутерьма. Слышишь ли, Марина? Вот так-то и тебе надобно рассуждать. Мне спорить — острый нож! да нельзя: как ни остерегайся, против воли заведут.

Ростер. Вот только лишь теперь я об этом рассуждал. Барыня у нас — говорил я — такая умная, что никогда не в деле спорить не станет.

Г-жа Кутерьма. Слышишь ли, Марина?

Марина. Слышу, сударыня. (*В сторону*.) Кабы этого рассказчика черт попутал.

Ростер. Я надивиться не могу, как можно с такою преразумною госпожою, как ваша милость, спорить? Что вы изволите говорить, то надобно слушать, разинув рот; и хотя, что и не так покажется, но должно непременно согласиться, потому что это точно так, как вы говорите.

Г-жа Кутерьма (*Марине*). Ну! спорю ли я с Яковом Ростером? Вот уж я давно с ним говорю, а во всем согласна. Право, если бы все так рассуждали, как он — все бы спокойно было; да то лих и беда, что у нас в доме он только один порядочный человек.

Ростер. Много чести, милостивая государыня!

Г-жа Кутерьма. У нас все наголову вздорные спорщики, не выключая и мужа моего.

Р о с т е р. Много милости, милостивая государыня!.. Я пришел затем, чтобы услышать самолично, что вы изволите приказать к столу готовить?

Г - ж а К у т е р ь м а. Сегодня, мой друг Яков Ростер, будет у нас гость.

Р о с т е р (*Марине, с видом, довольным собою*). Слышишь ли? мой друг Яков Ростер!

Г - ж а К у т е р ь м а. И гость очень почтенный, — Миротвор, старинный друг мужу и мне, которого мы давно не видали; а с ним еще какой-то его знакомец, которого тяжелого имени я не помню; но, кажется, он иностранец.

Р о с т е р. Жаль, что изволили запамятовать его название, а то бы можно было такое блюдо приготовить.

Г - ж а К у т е р ь м а. Какой вздор! по имени гостя кушанье стряпать.

Р о с т е р. А как же, милостивая государыня! Можно бы узнать, какой он нации, а по тому бы я так и смекнул. Итальянцу бы макерони, испанцу олио, французу суп алоаньон, немцу лапша с гусиным салом.

Г - ж а К у т е р ь м а. В этом нужды нет, а надобно только получше приготовить.

Р о с т е р. Все будет исполнено, извольте приказывать.

Г - ж а К у т е р ь м а. Вместо того, чтобы исчислять подробно, я тебе одним словом скажу; сделай столько же и таких же блюд, как в прошедшее воскресенье.

Р о с т е р. Слышу, сударыня.

Г - ж а К у т е р ь м а. Только с прибавкою.

Р о с т е р. Слышу, сударыня. (*Идет вон.*)

Г - ж а К у т е р ь м а. Куда же, не выслушав, идешь? Эх, Ростер, я почитала тебя умнее. Ну, с чем бы ты пошел, и как узнаешь, какой прибавке быть?

Р о с т е р (*в сторону*). Ну, попался я!

Г - ж а К у т е р ь м а. Скажи, можешь ли ты мои мысли угадать?

Р о с т е р (*в сторону*). Вот и вызов на поединок!

Г - ж а К у т е р ь м а. Что ж ты молчишь? говори!

Р о с т е р. По усердию моему, стараясь замечать вам угодное, кажется, я применился к вашему вкусу... и нетрудно угадать.

Г - ж а К у т е р ь м а. Смотри, какая дерзость! он может угадать! Да разве у меня только один вкус?

Р о с т е р. Я не спорю.

Г - ж а К у т е р ь м а (*к Марине*). Ну, как же он не спорит? скажи Марина?

М а р и н а. Конечно спорит, сударыня, и спорит не в деле. (*В сторону*.) Как я рада!

Г - ж а К у т е р ь м а. Ну, отгадывальщик, отгадывай.

Р о с т е р. Когда стол будет нарядный, то и прибавка должна быть такая же.

Г - ж а К у т е р ь м а. Да какая ж?

Р о с т е р. Я думаю, бланманже.

Г - ж а К у т е р ь м а. Врешь.

Р о с т е р. Ин желе?

Г - ж а К у т е р ь м а. Врешь, врешь! Видишь ли, что ты с своим желе и бланманже скот?

Р о с т е р. Вижу.

Г - ж а К у т е р ь м а. Я хочу, чтоб был пирог; только не могу решиться, с чем: с цыплятами ль, или с куропатками?

Р о с т е р (*в торопливости*). То есть, вы с собою в споре.

Г - ж а К у т е р ь м а. Ты опять заводишь спор?

Р о с т е р (*испугавшись*). Никак, сударыня.

Г - ж а К у т е р ь м а. Ну, как же? скажи, можно ли мне самой с собою спорить?

Р о с т е р (*с замешательством*). Я не это хотел сказать... а то, что в вас цыплята спорят с куропатками.

Г - ж а К у т е р ь м а. Какой это злой спорщик, Марина!

М а р и н а. О! презлой, сударыня. Ему нет нужды, что он дурачества говорит, лишь только бы на своем поставить.

Р о с т е р (*тихо Марине*). Добро, плутовка!

Г - ж а К у т е р ь м а. Ну, скажи мне, как цыплятам спорить с куропатками? да еще и во мне! Что, разве я курятник?

Р о с т е р. Боже оборони, чтоб я это думал!

Г - ж а К у т е р ь м а. А что ж ты думал?

Р о с т е р. Я думал... Ничего, сударыня, не думал... я признаюсь, в другой раз, что я прост.

Г - ж а К у т е р ь м а. Скажи ж мне теперь, что лучше в пирог положить: цыплят, или куропаток?

Р о с т е р (*в сторону*). Еще! О, какое мученье! (*К г-же Кутерьме*.) Это от вашей воли зависит.

Г-жа Кутерьма. Какой глупый человек! Я знаю, что от воли моей зависит; да как тебе кажется?

Ростер. Мне кажется, сударыня, и то и другое хорошо.

Г-жа Кутерьма. Не может быть; надобно, чтоб одно другого было лучше.

Ростер. Да разве не бывает двух вещей, которые обе равно хороши?

Г-жа Кутерьма. Не бывает, и быть не может. Найди-ка мне такие две вещи.

Ростер. Ежели подумать, то как не найти.

Г-жа Кутерьма. Подумай-ка. (*Она между тем прохаживается.*)

Марина (*Ростеру*). Ну-ка искусник жить на свете, выдумывай. Опять, я чаю, чтобы отделаться, назовешь себя дураком? Да это не мудрено. С простофилями, как со стеной, никто не спорит. Только скажи мне, не стыдно ли тебе, так много хвастая своим умом, иного способа не находить, кроме с радостью называть себя болваном. Этак отвечал бы и пень, если бы пень говорить умел; а ты знатного и богатого помещика господин первый повар, которого все село чудом почитает, которого все помещики зовут столы готовить, когда у них праздник, который учился у французского повара, а у него, как он-то сам сказывал, был учителем какой-то король, который, от скуки, сам стряпал... Итак, ты видишь, что ты, по поваренному искусству, королевской внук... а ты не стыдишься называть себя простаком!

Ростер. Она правду говорит. Этак я потеряю мою репутацию.

Г-жа Кутерьма. Что ж, долго ли мне ждать?

Ростер. Прошу небольшого терпения. Я едва успел вздеть мои мысли на вертел моего рассудка, а уж вы и хотите, чтоб я вам их подал. Я не хочу себя обесчестить; и докуда мастерски не изжарю, потуда не отпущу.

Г-жа Кутерьма (*грозно*). Знаешь ли ты, враль, что я тебя могу принудить скорее...

Ростер (*испугавшись, в сторону*). Не гневайтесь, сударыня, выдумал... например... что мне ей сказать! Например...

Г-жа Кутерьма. Ну!

Ростер. Солнце и месяц.

Г-жа Кутерьма. Будто это одно.

Ростер. Не одно, да равно хорошо.

Г-жа Кутерьма. Солнце и месяц равно хороши?

Ростер. И конечно. Одно в день, а другой в ночь равно пригодны.

Г-жа Кутерьма. Безмозглый! одно сильно светит и греет, а другой только светит, и то слабо... еще же, если солнце переставить в ночь, а месяц в день, то ночь была бы днем, а день ночью. Ты понимаешь ли разность, и видишь ли, что ты в третий раз дурак?

Ростер. Не может быть, сударыня, довольно и двух раз.

Г-жа Кутерьма. Да разве ты не ясно видишь, тупица!

Ростер. Я ничего не вижу, кроме только, что вы солнце и месяц с места на место передвигаете, чтобы меня переспорить.

Г-жа Кутерьма. Мне надобно с тобою, как с поваром говорить. Скажи, если бы тебе должно было из солнца или из месяца сделать пирог, из чего бы ты лучше сделал?

Ростер. Я бы сделал... нет, не сделал бы ни из того, ни из другого: обе эти вещи в пирог не годятся. А поэтому вы видите, что я прав.

Г-жа Кутерьма. Как?

Ростер. Потому солнце и месяц равно годны, что оба в пирог не годятся.

Г-жа Кутерьма. Потому годны, что оба не годятся? Можно ли так врать? ну, можно ли?..

Ростер (*испугавшись*). Не гневайтесь, я другое нашел. Признаюсь, что я ошибся оттого, что высоко забрался. Это часто бывает с нашими братьями, с учеными... Я сыскал гораздо ближе, две совсем равные вещи, и нашел сам у себя... когда покажу, то вам нечего будет сказать.

Г-жа Кутерьма. Что такое?

Ростер. Два глаза.

Г-жа Кутерьма. Так ты думаешь, что один глаз с другим совершенно сходен?

Ростер. Не только, сударыня, думаю, да и чувствую.

Г-жа Кутерьма. Не может быть. Один другого сколько-нибудь или поменьше, или хуже видит.

Ростер. А я уверяю, что у меня оба равны и одинаково хорошо видят.

Г-жа Кутерьма. Как смеешь ты уверять в том, что я знаю?

Ростер. Не погневайтесь; о моих глазах я лучше вас знаю. Это уж не солнце и не месяц.

Г-жа Кутерьма. Я по моим глазам точно знаю, что один не так хорошо, как другой, видит.

Ростер. Да ведь не вы смотрите, а я моими глазами; и я вас вижу как правым, так точнехонько и левым… я вижу правым, что вы покраснели, левым то же вижу… и уверяю…

Г-жа Кутерьма. А я тебя уверяю, что ты дерзкое животное! (*Дает ему пощечину*.) вот тебе… сделай пирог с куропатками. (*Уходит*.)

Явление 4

Марина, Яков Ростер.

Ростер (*закрывая щеку рукою*). Дурные это куропатки!

Марина (*смеется*). Вот оттого-то тебе и хорошо, что ты умеешь жить на свете.

Ростер. Какая привычка — языку рукою помогать.

Марина (*смеется*). Поваренное искусство первая наука на свете. Кто ее совершенно знает, тот потихоньку, полегоньку, скромно, осторожно пощечины достает.

Ростер. Добро, госпожа Марина, я отчасти тебе за это должен… и я…

Марина. Вот и барин с охоты приехал. Прощай; желаю тебе так же и перед ним показать твое искусство. (*Уходит*.)

Ростер. Убираться ж и мне поскорее. (*Идет*.)

Явление 5

Господин Кутерьма, Яков Ростер.

Г. Кутерьма. Куда ты от меня бежишь?

Ростер (*остановясь, с трепетом*). Я, сударь, не спорю.

Г. Кутерьма. Я знаю, что ты не споришь, да прочь идешь.

Ростер. Для того, что я прочь шел, я, сударь, и воротился; а кабы не шел прочь, то бы и не воротился.

Г. Кутерьма. А не для того ты воротился, что я тебя кликнул?

Ростер. Конечно, сударь, для того, и я не спорю.

Г. Кутерьма. Ну, так о чем же много говорить?

Ростер. Прикажете ль теперь идти? мне время на кухню.

Г. К у т е р ь м а. Чтоб был сегодня пирог к столу.

Р о с т е р. Будет. Уж барыня приказала.

Г. К у т е р ь м а. Как, жена моя согласна со мною? Слава Богу! этого давно не бывало.

Р о с т е р. Это, сударь, так случилось оттого, что она не знала, что и вы то же прикажете.

Г. К у т е р ь м а. Пирог начини куликами, которых я настрелял.

Р о с т е р. Да барыня приказала куропатками, которые она изволила настрелять по моей щеке.

Г. К у т е р ь м а. А я разве тебе не приказываю?

Р о с т е р (*хватаясь за щеку*). Она мне крепко-накрепко приказала.

Г. К у т е р ь м а (*грозно*). А я могу еще крепче.

Р о с т е р. Слышу, сударь. Исполню.

Явление 6

Р о с т е р (*один*). Вот тут-то надобен ум. Когда положишь в пирог куропаток, то достанется пощечина от барина, а когда куликов, то от барыни. Изволь любую выбирать. Барыня женщина, ее помягче. Однако все-таки не меньше бесчестия от того моей особе, а потому и всей поваренной науке... Как бы это сладить, чтобы дурное от себя отворотить, и чтобы один и другая сказали: спасибо, брат Яков Ростер, за пирог!.. Неужто поваренная наука меня в том не наставит. Посмотрим философическими глазами и сделаем, как то мой учитель говаривал: конклюзион, или заключение. Например, если один любит кислые, а другой сладкие соусы, а надобно обоим угодить, то смешай с лимонным соком сахар, и будет благословенно и обоим любезно. Итак, смешай куропатки с куликами; следственно по этому правилу и барин и барыня непременно должны будут сказать: спасибо, брат Яков! виват! браво! Ростер, систематически наученный первой на свете науке поваренной, смотрящий философическими глазами как на блюда кушанья, так и на людей, и потому одному умеющий жить на свете!

Действие второе

Явление 1

Господин Кутерьма, госпожа Кутерьма.

Г. Кутерьма. Ты знаешь, матушка, что друг наш, господин Миротвор, сегодня к нам пожалует...

Г-жа Кутерьма. Знаю ли? изрядный вопрос! Он к нам обоим писал, и ты, душа моя, сам читал мне его письмо.

Г. Кутерьма. Читал, то правда; однако, ежели я говорю: ты знаешь, матушка, — это не то значит: знаешь ли ты? но то есть: ты известна-де, что он будет. Это не вопрос, а только начало речи, которую ты мне помешала кончить.

Г-жа Кутерьма. Помешала? я помешала? и это не вопрос?.. я на весь свет сошлюсь, сердце мое.

Г. Кутерьма. Ты, моя душа, хоть на всю землю и на все небо сошлись, но это не вопрос; потому что я и не думал спрашивать о том, о чем я уверен, что ты знаешь.

Г-жа Кутерьма. Оставим то, знаю ли я, только ты у меня...

Г. Кутерьма. Ох! нельзя оставить, что ты это знаешь: ты сама призналась, вот теперь же, что я тебе читал письмо, которое он обоим нам писал.

Г-жа Кутерьма. Так что ж, что ты читал; разве я не могу позабыть?

Г. Кутерьма. Ну, ежели ты позабыла, так и вопрос годится.

Г-жа Кутерьма. Нет, не годится, потому что я не позабыла.

Г. Кутерьма. А когда ты не позабыла, так это не вопрос.

Г-жа Кутерьма. А почему же не вопрос?

Г. Кутерьма. Если бы ты выслушала меня, то узнала бы, что я хотел сказать следующее, а именно: как этот гость, обоим нам любезный, со дня нашей свадьбы нас не видал и думает, что мы, быв влюблены друг в друга, теперь живем как ангелы на небесах, то недурно будет, если, притворясь до тех пор, докуда он у нас проживет, мы кое-как, закуся язык, скрепимся и воздержимся от споров. Он, человек умный, и нам стыдно перед ним показаться шалунами.

Г-жа Кутерьма. Да кому же стыдно? и кто ж из нас таков? Если тот, кто, будучи не прав, спорит, — так это ты.

Г. Кутерьма. А может быть и ты.

Г-жа Кутерьма. И я?

Г. Кутерьма. Да, точно так.

Г-жа Кутерьма. Что этого быть может несправедливее, злобнее, ужаснее? Говорить, будто я спорю, чувствуя, что я не права.

Г. Кутерьма. Да кто ж и это сказать может, что я спорю, чувствуя, что я не прав?

Г-жа Кутерьма. Однако ж, ты никогда прав не бываешь.

Г. Кутерьма. А я уверен, когда я спорю, я всегда прав бываю, и готов в том умереть.

Г-жа Кутерьма. Если бы ты хотя несколько был прав... хотя бы, например, ты темно-кофейный цвет называл черным, я, не любя вздорить, тотчас бы согласилась; да нельзя, без унижения себе и себя не одурача, этого сделать, для того, что ты белое черным, а черное прямо белым называешь, чтобы только поспорить.

Г. Кутерьма. Чтобы отвечать тебе, надобно мне то же самое из слова в слово сказать; итак, избавь меня от труда и переговори себе за меня свои слова.

Г-жа Кутерьма. За тебя говорить?.. Боже избавь!.. надобно, чтоб это было криво, глупо; а я этак никогда не говорю.

Г. Кутерьма. А я, чтобы тебе отвечать, хотел так же глупо говорить, как ты, и для того просил тебя себе самой твои собственные речи повторить.

Г-жа Кутерьма. Ну, скажи, ежели в тебе хоть капля есть ума, как можно умному, кроткому человеку ужиться с сумасбродом?

Г. Кутерьма. В этом я согласен, ежели ты не меня сумасбродом называешь.

Г-жа Кутерьма. А кого же? Неужто нашего Якова Ростера, который как ни прост, а все-таки тебя в тысячу раз смышленее?

Г. Кутерьма. Жена!

Г-жа Кутерьма. Муж!

Г. Кутерьма. Образумься.

Г-жа Кутерьма. Тебе это очень нужно, да только невозможно, потому что нечем.

Г. Кутерьма. Нечем?

Г-жа Кутерьма. Да. Кто каким родился, тому таким вечно быть.

Г. Кутерьма. То есть...

Г-жа Кутерьма. Ну, дураком.

Г. Кутерьма. Не доведи меня до крайности избавиться от предрассудка, без которого крестьяне, мои подданные, меня счастливее тем, что могут жен своих делать так кроткими, так кроткими, как овечки.

Г-жа Кутерьма. Подлая душа! какое низкое чувствие!

Г. Кутерьма. И которое во мне ты производишь... о, Боже! перемени ее нрав, или сделай ее немою.

Г-жа Кутерьма. Это не поможет: я с тобою стану спорить знаками, руками, ногами и чем ни попало.

Явление 2

Господин Кутерьма, госпожа Кутерьма, Марина.

Марина. Гости едут и уж близко.

Г. Кутерьма. В каком состоянии нас найдут! какой стыд!

Г-жа Кутерьма. Кто ж в этом виноват?

Г. Кутерьма. Положим, что я.

Г-жа Кутерьма. Не положим, а точно ты.

Г. Кутерьма. Ну, я, я, я; только сделай милость, дай мне слово, при Миротворе не спорить.

Г-жа Кутерьма. Дай же и ты.

Г. Кутерьма. Вот тебе моя рука. Я с тобою во всем согласен буду.

Г-жа Кутерьма. Вот и моя; да смотри ж!.. а чтобы не показать нам смятения, которое от спора видно на лице, пойдем в сад прогуляться.

Г. Кутерьма. Пойдем. Ты, Марина, останься здесь и извини какнибудь нас.

Г-жа Кутерьма. Не лучше ли нам не вместе прогуливаться, а по разным дорогам?

Г. Кутерьма. Разумею... чтобы опять нас черт не попутал.

(*Уходят в разные стороны.*)

Явление 3

Марина (*одна*). Бедный этот черт. Люди всеми своими шалостями его винят... а! да вот и гости. Господин Миротвор, а с ним

конечно тот, которого имени барин, читая письмо, не мог выговорить. И он, так же, как имя его, туг, неповоротлив и неловок. Какая странная тварь!

Явление 4

Миротвор, Синекдохос, Марина.

Миротвор. Где же хозяева?

Синекдохос. Сие не благоговейно, что они не кажутся. По обычаю гостеприимства древних, надлежало бы хозяину и хозяйке, встретя гостей у врат дома, разрешить ремень их сапогов.

Миротвор. Да вот их горничная.

Марина. Барин и барыня, не ожидая вас так скоро, занялись домашними делами. Я пойду сказать им, что вы изволили приехать.

Миротвор. Это не к спеху. Когда отделаются, то сами придут. Я не хочу им мешать... мне кажется, я тебя знаю.

Марина. Я имею эту честь... я, сударь, Марина.

Миротвор. Как же ты выросла! Мы все переменились в шесть лет.

Марина. То правда, что вы несколько переменились. (*Указывая на Синекдохоса*.) А его милость, не знаю, переменился ли, потому что я его в первый раз вижу.

Синекдохос (*Миротвору*). Эта девушка, без сомнения, училась логике. Она доказала, почему не знает, переменился ли я.

Миротвор (*Марине*). Это человек ученый.

Марина. Нижайше кланяюсь его учености.

Миротвор. По приязни своей, он мне сделал одолжение и согласился со мною ехать в деревню, чтоб мне не так было скучно.

Марина. Я думаю, вам очень с ним забавно, потому что лишь только я взглянула на него, то мне так весело стало, что все хочется смеяться.

Синекдохос (*сам себе*). У нее везде есть потому. Нельзя, чтоб она не училась логике; а потому нельзя, чтобы не могла тронуть, как должно по хрии, сердца моего.

Миротвор (*Марине*). Скажи, как поживают твои бари? Так ли они счастливы, как прежде, любя друг друга безмерно.

Марина. Почти так же.

Миротвор. Что значит это «почти»?

М а р и н а. Это значит, что их любовь та же, которую и вы знали; да как все переменяется... Вот и вы, и я, хотя мы те же, однако уже не таковы, как прежде были; то и в их любви есть отмена небольшая, хотя их любовь та же самая, какая была.

С и н е к д о х о с. Неоцененное сокровище! Это не девица, но сущий вживе аргумент.

М и р о т в о р (*Марине*). А я слышал от верных людей, что они живут как кошка с собакой.

М а р и н а. Эти, сударь, верные люди великие клеветники.

М и р о т в о р. Нет, очень честные люди. Они меня уверяли, что твои господа только тогда не ссорятся, когда вместе не бывают; что их все упражнение в том, чтобы вздорить с утра до вечера.

М а р и н а. Я, сударь, так настращена спорами, что и в этом вам не смею противоречить.

М и р о т в о р. Итак, я правду слышал?

М а р и н а. Я этого не говорю, а только не спорю.

М и р о т в о р. Пожалуй, не притворяйся. Я не для того выспрашиваю, чтобы во зло употребить то, что от тебя услышу. Ты ведаешь, я их друг, и больше всех им добра желаю. После моей отставки я затем и поспешил сюда на другой день приехать, чтобы все средства употребить сделать их жизнь спокойною. Я это почитаю моею первою должностью.

М а р и н а. Я вам желаю счастия. Только вы, сударь, приняли на себя должность безмерно трудную, и, можно сказать, невозможную. Сделать чтобы они не спорили, все равно что сделать, чтобы кошка не ловила мышей, чтобы пух по реке против воды плыл, чтобы на березе огурцы росли, чтобы щука петухом запела...

С и н е к д о х о с. Хорошо! прекрасно! изрядно! optime! Это мастерское риторическое сравнение, и притом также гипотипозис. Оле! красоты ученые! оле учености прекрасной!

М а р и н а (*к Синекдохосу*). Это, сударь, находит часом на вас; или вы отроду таковы?

С и н е к д о х о с. Нет, существо, заключающее в себе неопровержимую силлогизму, не отроду я таков и не часом на меня находит. Не отроду, потому что, спустя несколько лет после рождения моего, начали меня погружать в учение; а не часом, потому что я с тех пор, как изучился, всегда и беспрестанно ученый.

М а р и н а. Тем хуже.

С и н е к д о х о с. А почему? О... по метафору, светило души моей!

М а р и н а. А потому, что вы перебиваете мои речи... О!.. затмение моего ума!

С и н е к д о х о с. Опять доказательство, однако не без возражения; ибо я могу сказать, что мое удивление о твоих совершенствах тому причиною; и каждое слово устен твоих воскриляет криле восторга моего, меня окриляющего.

М и р о т в о р (*к Синекдохосу*). Опустите криле вашего восторга... Говори, Маринушка.

С и н е к д о х о с. Маринушка! уменьшительное женского существительного, как например: голубица, голубка, голубушка.

М и р о т в о р (*Марине*). Продолжай.

М а р и н а. Словом сказать, спорить между собою у моих господ сделалось их душою, жизнью, Они не споря дышать не могут; и это в них так сильно вкоренилось, что даже ночью, во сне, если барин какое слово пробредит, то барыня, не просыпаясь, не пропускает заспорить. Барин также, как наяву, ни для чего ей не уступает; и часто выходит у них сонный весьма забавный спор, о котором, проснувшись, не помнят и начинают новый.

М и р о т в о р. Какая перемена! Поэтому их вся прежняя любовь исчезла?

М а р и н а. Никак, сударь. Они друг без друга жить не могут, и притом такие добрые господа, что лучше бы их не было, если бы охота спорить их не одолела. Вот теперь же, на этом месте, они так разгорячились, что им самим стыдно стало в расстройке вам показаться; и вот те домашние дела, для которых они от вас скрылись.

М и р о т в о р. Я очень рад, что они могут меня стыдиться. Это мне подает надежду.

С и н е к д о х о с. Стыд ничего не подействует, а надлежит иметь прибежище к моей логике. Без логики несть спасения ни душе, ни телу.

М а р и н а (*в сторону*). Он с своею логикою точно как наш Яков Ростер с своею поваренною наукою.

М и р о т в о р. Зная, сколько учение, просвещая разум, должно способствовать к счастию людей, я об этом-таки и хотел говорить с вами, друг мой господин Синехдохус.

С и н е к д о х о с. Синехдохус!.. Вы меня изволили унизить.

М и р о т в о р. Чем и как?

С и н е к д о х о с. Вы меня так обидели, что если бы я не был столько вами одолжен, то непременно надлежало бы мне искать бесчестия.

М и р о т в о р. Я очень сожалею, и хотя не знаю, чем виноват, но прошу прощения.

С и н е к д о х о с. Вы меня назвали Синехдохус вместо Синекдохос.

М и р о т в о р. Только?

С и н е к д о х о с. Чем же можно более обидеть такого человека, как я?

М а р и н а. Вот еще какое имя: хоть немного проговорись, так и обидишь!

С и н е к д о х о с. *Ос* переменить на *ус* — величайшее оскорбление!

М и р о т в о р. Да почему ж?

С и н е к д о х о с. Я это докажу вам логически.

М и р о т в о р. Пожалуй, помоги моему неведению.

С и н е к д о х о с. Какою силлогизмою хотите быть доказательству? барбара, целарент? ферио, баралиптом? или какою иною?

М и р о т в о р. Как-нибудь, лишь только поскорее, для того, что мне нужда с вами об ином говорить.

С и н е к д о х о с. Извольте. Я стану сколько возможно сокращенно говорить. Преклоните ухо. Надобно предпочитать то, что благороднее другого. Вот первое положение. Что возможно против сего сказать?

М и р о т в о р. Ничего.

С и н е к д о х о с. Ergo оно истинно, неопровержимо. Надобно предпочитать то, что другого благороднее. А как частица *ос* греческая, а частица *ус* латинская; а греческий язык благороднее, по старшинству и по всему, латинского, следовательно, и частица *ос* благороднее частицы *ус*. А как тот, кто пременяет благородное на унизительное, обижает: следовательно вы обидели меня.

М и р о т в о р. Это очень ясно.

М а р и н а. Какой легкий способ все доказывать! Этак я могу доказать, что вы козел.

С и н е к д о х о с. А каким образом?

М а р и н а. У козла два глаза и у вас два глаза: следовательно вы козел.

С и н е к д о х о с. О, хитросплетательное испытание! хотите меня уловить фальшивою силлогизмою; но я...

М и р о т в о р. Не зная старинных языков, всякий может, подобно мне, ошибиться, и так было бы выгоднее по-русски называться. Не силлогизму ли я сделал?

С и н е к д о х о с. Это силлогизма, только не по форме; а притом не весьма справедлива, потому что привлекает возражение.

М и р о т в о р. А какое?

С и н е к д о х о с. Если бы я не греческим словом назывался, кто бы знал, что я ученый? Следовательно, по греческому наименованию всем известно и ведомо, что я ученый и такой, который притом знает греческий язык как свой собственный.

М и р о т в о р. Согласен… теперь я хочу вам сказать…

С и н е к д о х о с. Позвольте вкратце подать вам извещение о том, чего ради я слово Синекдохос предпочтительнее другим еллиногреческим словам употребил к наименованию себя?

М и р о т в о р. Я верю, что это кстати, только теперь…

С и н е к д о х о с. Я вам хочу истолковать и изъяснить.

М и р о т в о р. Нельзя ль теперь уволить?

С и н е к д о х о с. Нет, никоим образом невозможно. За ваши одолжения я обязан вам служить моим просвещением.

М и р о т в о р. В другой раз, сударь, в другой раз.

С и н е к д о х о с. Не должно отлагать до другого времени, чем можно теперь же воспользоваться; итак, извольте выслушать. Есть еллиногреческое слово синекдоха. Оного первые два слога *сине* звуком своим походят на *синус*. Известно ли вам, что такое синус?

М и р о т в о р. Я учился математике.

С и н е к д о х о с. А! следовательно сие знаменует, что я знающ в математике. *Синекдоха* также походит на слово *анекдот*, или достопамятное приключение, что все одно, что история: следовательно, я сведущ и в историях как в деятельной, так и в естественной, то есть в физической, или натуральной. А целое слово *синекдоха* означает меня отменным ритором; потому что так нарицается одна из знаменитейших тропов, или фигур риторики, которая или часть принимает за целое, или целое за часть.

М а р и н а. Эта фигура не дура. Вам, я думаю, с нею хорошо жить. То есть когда вы отдаете, то часть за целое, а берете целое за часть.

С и н е к д о х о с. О, влагалище остроумия! Это шутствование довершает меня пленить, тем наипаче, что есть латинская пословица: ridendo castigat mores.

М и р о т в о р. Все ли теперь?

Синекдохос. Finis и омега.

Миротвор. Я вас хотел попросить: когда хозяева станут спорить между собою, что, без сомнения, должно случиться, то если будут требовать моего суда, сделайте мне одолжение, берите труд на вашу логику решить их споры. Для вас это ничего не стоит.

Синекходос. Это для меня то же, что имеющему сто тысящей златых талантов дать из них другому драхму.

Миротвор. А для меня это тем хорошо, что, не будучи принужден брать ничьей стороны, я никому из них не досажу. Впрочем, господин Синекдохос, за помощь вашей учености я могу вам отплатить наставлением в том, чего вы не знаете.

Синекдохос. А чего бы я не знал? грамматики, что ли?

Миротовор. Нет.

Синекдохос. Риторики?

Миротвор. Нет.

Синекдохос. Логики?

Миротвор. Нет.

Синекдохос. Пиитики?

Миротвор. Нет.

Синекдохос. Истории и географии?

Миротвор. Нет, нет.

Синекдохос. Математики, философии, морали, юриспруденции, феологии, физики, метафизики, политики, ифики, иерополитики, медицины?

Миротвор. Нет, нет, нет, нет! вы это все знаете.

Синекдохос. Следовательно, чего ж я не знаю?

Миротвор. Самой безделицы. Привыкнув обращаться с древними великими мужами, вы не умеете обходиться с нынешними малыми людьми.

Синекдохос. О, это враки!

Миротвор. Ну, не правда ли я сказал?

Синекдохос. Я оное презираю.

Миротвор. Чувствуете ли, как вы отвечаете грубо и несносно?

Синекдохос. Аристофан, Ювенал и прочие еще резче говорили.

Миротвор. Да ныне этого не терпят. Надобно согласоваться с временем и обычаем людей, с которыми живешь, если не хочешь быть смешон.

Синекдохос. Когда я один буду всем смешон, зато будут все мне одному смешны.

М и р о т в о р. Вы проиграете. Ваше состояние принуждает вас угождать людям. Итак, послушайтесь меня.

С и н е к д о х о с. Извольте. Для вас до сего унижусь и стану в сих недостойных мелочах всегда требовать вашего наставления.

Явление 5

Господин Кутерьма, после госпожа Кутерьма, Миротвор, Синекдохос.

Г. К у т е р ь м а (*обнимает Миротвора*). А, любезный друг! какое величайшее для меня удовольствие, после такой долгой разлуки видеть вас!

Г - ж а К у т е р ь м а (*выходя с другой стороны, целуется с Миротвором*). Дорогой наш господин Миротвор! Насилу мы вас дождались!

М и р о т в о р. По моей поспешности судите о моем нетерпеливом желании увидеть вас и о той преданности и дружбе, которая во мне никогда к вам не переменялась и не переменится.

С и н е к д о х о с. Почтенный наставник мой в светском житии, целовать ли мне господина и госпожу?

М и р о т в о р. Если они то позволят.

С и н е к д о х о с (*обнимает Кутерьму и, подошед к госпоже Кутерьме, останавливается*). Однако греки и другие древние чужих жен не целовали, потому что их запирали.

Г. К у т е р ь м а (*в сторону*). Какое прекрасное обыкновение, а особливо для спорщиц.

Г - ж а К у т е р ь м а (*Синекдохосу*). Ваши древние — великие скоты.

С и н е к д о х о с. Как, сударыня! Я вам аргументально докажу, что ныне живущие глупее их.

Г - ж а К у т е р ь м а. Вы по себе судите.

С и н е к д о х о с. Нет, исключая меня, потому что я с сими великими мертвыми обращаюсь.

Г - ж а К у т е р ь м а. Вот, какой вздор? Покойники всегда глупее живых.

Г. К у т е р ь м а (*жене, на ухо*). Ты позабыла свое обещание... (*Вслух.*) Душа моя!

Г - ж а К у т е р ь м а (*мужу, на ухо*). Я ведь не с тобою спорю; что ты ввязываешься... (*Вслух.*) Сердце мое!

С и н е к д о х о с (*Миротвору*). Она недоумевает, что я ученый, и так дерзко...

Миротвор (*г-же Кутерьме*). Извините, сударыня, его: он человек ученый. Он все знает, что за три тысячи лет было; а ничего не ведает, что ныне есть.

Г-жа Кутерьма. Нет, ничего, сударь. Всякий может сказать свои мысли, и я это люблю; от того разговор живее и не так скоро кончится.

Г. Кутерьма. Я в этом с женою совершенно согласен. Если бы люди были всегда одинаковых мнений, то ничего бы не говорили.

Г-жа Кутерьма. И какая бы им нужда была в языках?

Г. Кутерьма. Вот мы с женою, случается по целому дню, иного кроме «да», друг другу не отвечаем. И нам бы очень скучно было, если бы нас не поддерживала та неугасаемая нежная любовь, которая вам известна.

Миротвор. И чему, как истинному вашему счастию, я безмерно радуюсь. Сверх пылкой страсти любви, сходство ваших нравов мне это предвещало. Оно для единодушия супругов...

Г-жа Кутерьма. О! что касается до единодушия, то нельзя больше. Мы видим, слышим, чувствуем как один человек. Зная дружеское участие, которое вы принимаете в нашем состоянии, я очень рада, что вы сами это увидите, тем более, что...

Г. Кутерьма. Тем более, что есть слухи, вредные для нас.

Миротвор. Я не всем слухам верю. То правда, молва носится, будто вы охотники стали спорить; однако...

Г-жа Кутерьма. Какая клевета! сказать это о нас, о нас! которые споров как огня боятся.

Г. Кутерьма. И которые лучше в неправде согласятся, нежели в правде станут спорить.

Синекдохос. А я утверждаю, что надлежит спорить, потому что, в противном случае, не было бы нужды в логике.

Г-жа Кутерьма. И для чего иногда не спорить, если неправда очевидна?

Г. Кутерьма. Как не сказать нет, если надобно. Это с нами случилось и в самый день нашей свадьбы. (*К жене.*) Ты помнишь ли, матушка, тебе хотелось, чтоб я к венцу с белым кафтаном надел розовый камзол; я сказал: нет, душа моя, приличнее, чтобы и камзол был белый. И так я и был в белом камзоле.

Г-жа Кутерьма. Ах, батюшка, как тебе не стыдно! Ты в розовом был.

Г. Кутерьма. Нет, матушка, я в белом был. Ты позабыла.

Г-жа Кутерьма. Ну, может ли это статься, чтоб я позабыла? Я помню, еще тогда говорили: ты бел лицом, как кафтан, а румян, как камзол.

Г. Кутерьма. Итак, я был бледен, потому что на мне был белый камзол.

Г-жа Кутерьма. Нет, точно твои щеки были розовы, как камзол.

Г. Кутерьма. Это разве слепые говорили, для того, что я был в белом камзоле.

Г-жа Кутерьма. Тотчас и слепые! По крайней мере, я не в их числе. Я видела, видела моими собственными глазами, — вот этими глазами, которыми гляжу, и как теперь смотрю на розовый камзол.

Г. Кутерьма. Это для меня чудно.

Г-жа Кутерьма. Ха, ха, ха! это мне смешно, белый камзол!

Г. Кутерьма. Ха, ха, ха! это еще смешнее, розовый камзол!

Г-жа Кутерьма. Как ни смейся ядовитым смехом, только камзол был розовый.

Г. Кутерьма. Белый.

Г-жа Кутерьма. Не стыдно ли тебе спорить при нашем друге, который тут же был и видел розовый.

Г. Кутерьма (*Миротвору*). Чего лучше! Он изволит решить. Скажи, любезный друг, ведь белый?

Миротвор. Извините меня. Шесть лет я не видал вас. В это время военные походы и тьма разных дел из памяти моей совсем истребили те наряды, в которых вы были. Я только того не мог никогда забыть, что вы мои друзья.

Г. Кутерьма. Однако, по здравому рассудку, не правда ли, что жениху складнее быть всему в белом?

Г-жа Кутерьма. Не правда ли, что розовое с белым прекрасно для жениха?

Миротвор. О вкусах спорить не можно. Что касается до меня, я, как военный человек, предпочитаю зеленый.

Г. Кутерьма. Жаль, что вы не помните, а то бы верно сказали, что камзол белый.

Г-жа Кутерьма. Нет, верно бы сказал розовый, потому что господин Миротвор умный и честный человек, и ни для чего не солжет.

Г. Кутерьма. А я разве лжец и глупый...

Г-жа Кутерьма. Я этого не говорю. А кто скажет, что на тебе был камзол белый, тот лжец и безумный.

Г. Кутерьма. Да! я это говорю и утверждаю.

Г-жа Кутерьма. Эх, душа моя! как тебе не стыдно самого себя под лжеца и под дурака подводить.

Г. Кутерьма. Ты спятила с ума, сердце мое!

Г-жа Кутерьма. Можно ли терпеть...

Синекдохос. Тс!.. тише! Я решу спор и докажу.

Г. и г-жа Кутерьма (*вместе*). Скажите, господин ученый, не правда ли, что был в камзоле

Г. Кутерьма	Г-жа Кутерьма
...я в белом?	...он в розовом?

Синекдохос. Я вам докажу, что на нем совсем не было камзола, ибо...

Г. и г-жа Кутерьма (*вместе*). Вздор, господин ученый! был камзол на

Г. Кутерьма	Г-жа Кутерьма
...мне белый.	...нем розовый.

Синекдохос. А я утверждаю и докажу аргументально, что никакого не было.

Г. Кутерьма. Ха, ха, ха! да мы очень просты, что у него спрашиваем. Ведь он не был на свадьбе нашей.

Г-жа Кутерьма. И в самом деле так. Не стыдно ли вам?

Синекдохос. Нет нужды. Ученый человек может вернее неученых знать о том, чего он не видал и где он не бывал. Например, был ли я слишком за три тысячи лет в Греции, однако я знаю, что тогда чулков не носили.

Г-жа Кутерьма. Вот какая диковина! Тогдашнего времени писатели, живописцы, скульпторы, оставили нам память.

Синекдохос. Следовательно, я прав.

Г. Кутерьма. Что за две или за три тысячи лет не носили чулков, вы правы, потому что не стыдно чулков не надевать, когда их ни у кого нет. А чтоб я без камзола венчался, это вздор, потому что неблагопристойно без камзола казаться в люди, а особливо жениху.

Синекдохос. Я на это скажу... я скажу... враки!.. Господин не так отвечал, как надобно моей логике... но оставим это... я все-таки вам докажу, что не было камзола. (*К г-же Кутерьме.*) Вы говорите, что на нем был розе подобный камзол?

Г-жа Кутерьма. Точно.

Г. Кутерьма. Нет, белый.

С и н е к д о х о с (*г-ну Кутерьме*). А вы говорите, что на вас камзол был белизною лилиям равный?

Г. К у т е р ь м а. Без сомнения.

Г - ж а К у т е р ь м а. Нет, розовый.

С и н е к д о х о с. Вы утверждаете, что оба видели?

Г. и г - ж а К у т е р ь м а (*вместе*). Как теперь гляжу.

С и н е к д о х о с. А как двум, имеющим здравый рассудок, не возможно видеть одной вещи в двух разных видах; следовательно, эта была мечта.

Г - ж а К у т е р ь м а. Сам ты мечта.

С и н е к д о х о с. А как то, что мечта, того нет; следовательно, на вас не было камзола.

Г. К у т е р ь м а. Сам ты разве без камзола ходишь; а я был в камзоле, и был в белом.

Г - ж а К у т е р ь м а. Он был в камзоле, и был в розовом.

С и н е к д о х о с. Вы мне должны поверить, ибо я вам доказал.

Г - ж а К у т е р ь м а. Теперь я тебе докажу. Кто чего не видал, тот, имея здравый рассудок, не должен спорить с теми, которые сами видели; а кто так спорит, тот не имеет здравого рассудка: следовательно ты не имеешь здравого рассудка, следовательно ты глупый человек. Вот тебе аргумент!

С и н е к д о х о с. Nego. Отвергаю. Послушайте...

Г - ж а К у т е р ь м а. Не хочу! Я на твои слова плюю.

С и н е к д о х о с. Как смеете плевать на слова ученого, которого одно славное имя должно всякому рот зажать?

Г - ж а К у т е р ь м а. Тем, что его никто выговорить не может.

С и н е к д о х о с. Не сердите меня; или, в противном случае, я докажу, что на нем был белый камзол.

Г. К у т е р ь м а. Слышишь ли, матушка, какой он умный и ученый человек?

Г - ж а К у т е р ь м а (*уходя*). Тот сущий невежда, кто скажет, что камзол не розовый, потому что он был розовый, розовый, очень розовый. (*Уходит.*)

Г. К у т е р ь м а (*бежа за нею*). Нет, белый, белый, как снег белый. (*Возвратясь к Миротвору.*) Не прогневайтесь, любезный друг... что на мне был белый камзол... Пожалуйте туда, а между тем здесь стол накроют. А вы, господин ученый, сдержите ваше слово. Вы обещали доказать, что мой камзол был белый.

С и н е к д о х о с. Будет доказано.

Действие третье

Явление 1

Синекдохос (*один, читает*). «Купидо сердце мое, как всадник коня, лозою подстрекает; и оно к очам моей всевожделенной бежит, стремится, летит, парит; и скрывается от очей моих: а меня оставляет единого бесчувственна, бездушна, безгласна, бездыханна». Вот вступление речи, мною сочиненной на всерадостнейшее мое влюбление во красоты логические Марины. Начало пылко, страстно, выразительно! сравнение живо, прекрасно! Купидо, как ездок, сел верхом на сердце мое, как на лошадь, и погоняет его лозою. Браво! превосходно!.. а я один… и конечно один. Купидо на моем сердце ускакал, то я без сердца, в уединении… прекрасно! Брависсимо! следовательно ничего не чувствует… Это такое начало, которое с первого раза, поколебав до основания, приведет в изумление дражайший предмет, который от сего сотрясения ослабнет; а наконец, слыша слова: бесчувствен! бездыханен и прочая, тронется жалостью; ибо сие весьма патетично… Потом последует хрия, из множества силлогизм соплетенная, против чего никому устоять не можно, хотя бы то была и каменная Сухарева башня. Я сильными доводами докажу, что должно Меня любить той, которую я люблю… Она, зная сама логику, конечно, в неопровержимой сей истине согласится; и я восторжествую!.. Ежели же сие не проймет дражайший предмет, то у меня готовы и стихи, сочиненные совершенно по правилам пиитики… Стихи важные, увесистые, аки Геркулесова палица… (*Увидя Марину*.) А! вот и очаг, в коем душа моя сожигается наподобие утлыя поленницы… Сокрою мою хартию… ибо нечаянное нападение несравненно поразительнее.

Явление 2

Синекдохос, Марина, неся на подносе графин и чарку.

Марина. Ученые пьют ли перед обедом водку?

Синекдохос (*говоря, выпивает несколько чарок*). Не только до… но и по… обеде… и всегда… и поутру рано… и ввечеру поздно… Сей

нектар, приводя в движение жизненные духи, расширяет сферу наших знаний... и делает, что мы превосходим человеков...

М а р и н а. В питье водки. Потому что все пьют по одной, а вы опорознили вдруг целый графин.

С и н е к д о х о с. Целый? Нет, еще осталось. А чтоб тебя во лжицах не оставить, то надлежит допить. (*Допивает.*) Ибо я люблю поправлять ошибки тех, которых почитаю.

М а р и н а. Это походит на тех людей, которых зовут пьяницами.

С и н е к д о х о с. От злословия нельзя уйти; а мудрый превыше клеветы... Но оставим это... О, ты, которая для меня то же, что в орфографии или в правописании punctum exclamationis, или точка восклицания, позволь осмелиться мне учинить предложение.

М а р и н а. Какое?

(*Синекдохос вынимает бумагу.*)

М а р и н а. Что это?

С и н е к д о х о с. Сами услышите. (*Читает.*) Exordium. «Купидо сердце мое, как всадник коня, лозою подстрекает, и оно к очам моей возлюбленной стремится, летит, парит».

М а р и н а. Это для меня тарабарская грамота; нельзя ли на словах попросту изъяснить, чего вы хотите?

С и н е к д о х о с. Чего я хочу?.. Вы не хотите понимать, что сердце мое, аки конь, на коем любовь скачет, бежит к вам.

М а р и н а. Неправда, сударь, оно мимо меня проскакало.

С и н е к д о х о с. Нет, у вашей красоты остановилось навеки, так крепко, что ничем нельзя ни отбить, ни отманить.

М а р и н а. Как? ни сеном, ни овсом?

С и н е к д о х о с. Любовь ваша — вот сено, вот овес.

Явление 3

С и н е к д о х о с, М а р и н а, Я к о в Р о с т е р.

Р о с т е р (*выходя к лакеям*). Накрывайте на стол: уже кушанье готово. (*Сам к себе.*) Сегодня я сам себя превзошел; и смешение куропаток с куликами в пироге, доказав искусство мое угождать людям, сделает мне бессмертную честь.

С и н е к д о х о с. Кто его милость?

Марина. Преученый человек.

Синекдохос (*сам к себе*). Ну, пропал я!.. (*К Марине.*) Да знает ли он по-гречески?

Марина. Как по-русски.

Синекдохос (*сам к себе*). Ну, что мне делать? (*К Марине.*) И очень учен?

Марина. Как черт. Он рассуждает так, как жарит. Вот с ним-то переведайтесь; а то что на меня, сироту, нападать. Господин Ростер! вот вам достойный собеседник, человек ученый. Теперь-то вы можете показать себя.

Ростер. Да знающ ли он в поваренной науке?

Марина. Без сомнения. Она основание его учения. Он ужо за столом это тебе докажет, равно как мне за водкою доказал.

Ростер. Я не боюсь. Кто у мосьё Кассероля учился, чего опасаться?

(*Ростер, Синекдохос, боясь учености друг друга, сходятся потихоньку с взаимным подобострастием.*)

Синекдохос (*сам к себе*). У него лицо точно, как Сенека изображается.

Ростер (*сам к себе*). Вид его показывает мне глубокое знание в поваренном искусстве.

Синекдохос (*сам к себе*). Когда бы не присутствие Марины насмешливой, к которой любовь подстрекает мое любочестие, я пред сим ученым наедине признался бы, что я по-гречески не разумею, и моею просьбою умолил бы его человеколюбие никому о том не разглашать.

Ростер (*к Марине*). Марина, видишь ли, кто я? Ученость его в недоумении. Почитая единый мой вид, надумывается, с чего начать говорить со мною.

Марина (*Синекдохосу*). Что, сударь, вам сделалось? Конечно логика ваша заехала в тупик?

Синекдохос. Нимало... (*К Ростеру.*) А в какой части учения более простираться изволили?

Ростер. Во всех... Тот для меня не учен, кто только в одном упражняется... Чтобы ученым быть, надобно все знать, и выбрать такую науку, которая одна все замыкала бы в себе.

Синекдохос. То есть, философию.

Р о с т е р. Нет. Есть наука гораздо выше этой, и в которой и сама философия не что иное, как только малая часть ее.

С и н е к д о х о с (*сам к себе*). Это у меня волосы дыбом поднимает... О такой науке я и не слыхивал.

Р о с т е р (*к Марине*). Марина, видишь ли, как он боится моего ума?

С и н е к д о х о с. А в какой академии изволили обучаться?

Р о с т е р. Я учился не в академии, а у одного человека, который выше всех академий на свете... Называли его мусье Кассероль.

С и н е к д о х о с. Поэтому он не россиянин, а, кажется, француз?

Р о с т е р. Нет, настоящий грек. Он сказывал мне, и ему должно верить, потому что он, сверх великого учения, был честный человек... Он сказал, что он по мужескому колену от Сократа, а по женскому от Диогена.

С и н е к д о х о с. Но сколько мне известно по моим книгам, Диоген не был женат.

Р о с т е р. Да разве только и книг, которые вы читали?

С и н е к д о х о с. Нимало не спорю.

Р о с т е р. Это показывает, что вы не знаете хронологии.

С и н е к д о х о с. Только, кажется, Кассероль название не греческое.

Р о с т е р. А почему?

С и н е к д о х о с. Потому, как кажется мне, что все слова греческие кончатся или на *ос* или на *эс*.

Р о с т е р. Поэтому видно, что вы по-гречески не знаете.

С и н е к д о х о с (*в сторону*). Он догадался, и я пропал.

Р о с т е р. И он в древней Греции назывался Кассеролес, так, как Диоген — Диогенес, Сократ — Сократес; но как время у Диогена и Сократа отъело кончики эс, то для чего хотите вы, чтоб того же не случилось и с мусье Кассеролем?

С и н е к д о х о с. Поэтому вы сильны в греческом языке?

Р о с т е р. Как сами видите.

С и н е к д о х о с (*кланяясь низко*). Вижу, признаю, поклоняюсь и уступаю.

Р о с т е р (*сам к себе*). Либо он по-гречески ничего не разумеет, либо я стал великий мастер; а как это случилось, я право не разумею.

(*Во время сей сцены стол накрыт и кушанье подано.*)

Явление 4

Господин Кутерьма, госпожа Кутерьма, Миротвор, Синекдохос, Яков Ростер.

Г. Кутерьма. Кушанье подано, а никто и не скажет. Ростер! это твоя должность.

Ростер. Я делал вам честь, рассуждая с ученым.

Г-жа Кутерьма. А почему его должность, душа моя? Кушанье запахом само о себе нам сказалось.

Г. Кутерьма. Однако...

Г-жа Кутерьма. Тут нет никакого однако.

Г. Кутерьма. Я сказал «однако» потому, что милости прошу садиться, любезный друг Миротвор... (*Миротвор, г. Кутерьма и г-жа Кутерьма садятся за стол.*) Господин ученый! Милости прошу.

Синекдохос. Не подобает низшему пред вышним... (*К Якову Ростеру.*) Господин! вам честь и слава, прошу воссесть.

Г-жа Кутерьма (*к Миротвору*). Что это? ваш ученый нашего повара сажает с нами за стол!

Ростер (*к Синекдохосу*). Истинные ученые едою мало занимаются, а особливо такие, как я, которых наука с избытком насыщает. (*К г-ну Кутерьме.*) Вы увидите, что пирог с куликами превосходит все на свете.

Г. Кутерьма. Изрядно.

Ростер (*к г-же Кутерьме*). Если я вам не угодил пирогом с куропатками, то я уже не знаю.

Г-жа Кутерьма. Спасибо, Яковушка.

(*Ростер уходит.*)

Явление 5

Господин Кутерьма, госпожа Кутерьма, Миротвор, Синекдохос за столом.

Г-жа Кутерьма. Покушайте, дорогие гости, что вам угодно.

(*Синекдохос наливает себе большой стакан вина и выпивает.*)

Миротвор (*к Синекдохосу*). Друг мой, я бы тебе советовал выбрать другую риторическую фигуру, которая не такими бы большими стаканами вино глотала.

Синекдохос. А для чего?

Миротвор. А для того, что твоя ученость и так уже шатается на стуле. Я советую лучше пищей укрепиться.

Синекдохос. Истинные ученые едою мало занимаются... Вы слышали сие изречение из уст великого ученого, кой отсюда вышел, и не удостоил нас своею беседою.

Г-жа Кутерьма. Этот ученый теперь у очага занят.

Синекдохос. Упражняется в химии.

Миротвор. Не прогневайтесь, сударыня, на его враки; вы видите, что он пьян.

Синекдохос. Кто, я?.. Поэтому мы все пьяны.

Г. Кутерьма. Мне кажется, матушка, доколе наш любезный гость не накушается, попотчевать бы его пирогом, который, думаю, хорош.

Г-жа Кутерьма. И мое то же мнение, душа моя.

Г. Кутерьма. Я для того и сказал… а впрочем…

Г-жа Кутерьма (*разрезая пирог*). Я этот пирог нарочно для дорогого гостя велела сделать, и сделать с куропатками.

Г. Кутерьма. А я думаю, что он с куликами.

Г-жа Куттерьма. Как тут говорить «думаю», когда я точно знаю, что с куропатками?

Г. Кутерьма. Ну, а ежели и я точно знаю, что с куликами?

Г-жа Кутерьма. Как можно спорить даже о том, о чем я так же верно знаю, как и о том, что я — я?

Г. Кутерьма. Ты-таки ты, а пирог-таки с куликами.

Г-жа Кутерьма. Он так же с куликами, как голова твоя с умом.

Г. Кутерьма. Я и доволен.

Г-жа Кутерьма. Нечем.

Г. Кутерьма. Поэтому моя голова набита умом, как пирог куликами?

Г-жа Кутерьма. Твоя голова набита куликами, а в пироге нет их; а чтоб тебе доказать — вот лапка куропатки: видишь ли, что я права?

Г. Кутерьма. Ха, ха, ха! да это, душа моя, куликов нос.

Г-жа Кутерьма (*встает из-за стола*). Как можно это вытерпеть!.. черт возьми пирог, и спорщиков глупых. (*Бросает пирог на пол.*)

Г. Кутерьма (*встает из-за стола*). Вот и попотчевали гостя пирогом!

Синекдохос (*приподнявшись от хмеля, опять опускается на стул*). В сем треволнении единый я тверд и недвижим.

Г-жа Кутерьма (*к Миротвору*). Скажите, сударь, не куропачья ли это лапка?

Миротвор. Я право не могу узнать; а кажется лучше всех этот спор может решить ваш повар.

Г. Кутерьма. Позовите Ростера.

Г-жа Кутерьма. Яков тоже скажет, что тут куропатки.

Г. Кутерьма. Увидим.

Явление 6

Господин Кутерьма, госпожа Кутерьма, Миротвор, Синекдохос за столом сидит, Яков Ростер.

Ростер (*входя*). Меня позвали затем, конечно, чтоб сказать: спасибо, брат Яков Ростер, за пирог. Точно позвали для того, чтобы осыпать похвалами и увенчать славою. Виват кухмистру, знающему политику и мораль! (*К г-ну Миротвору*.) Каков, сударь, пирог?

Миротвор. Я его не отведывал.

Ростер. А для чего, сударь?

Г. Кутерьма. А для того, что надобно решить спор.

Г-жа Кутерьма. Я говорю, что в пироге куропатки.

Ростер (*подошед к ней*). Конечно куропатки; когда хотите, я в том присягну.

Г. Кутерьма. Я говорю, в пироге кулики.

Ростер (*подошед к нему*). И без сомнения кулики; хотите ли, я побожусь... Ну, решен ли теперь спор?

Г. Кутерьма. Конечно решен, ежели она согласна, что тут кулики.

Ростер. Я уверяю, что барыня согласна.

(*Подходит к г-же Кутерьме*.)

Г-жа Кутерьма. Уверил ли ты его, что в пироги куропатки.

Ростер. Все сделано, и он согласен. (*Вслух*.) Теперь уж не о чем спорить.

Г. Кутерьма. Конечно; спасибо, что ты нам глаза отворил.

Г-жа Кутерьма. Спасибо, мой друг, Ростер.

Ростер. Еще больше скажете спасибо, когда отведаете порога.

Г. Кутерьма. Это дело уже невозможное. Посмотри на пол. Вот его развалины.

Ростер. Что вижу! самое превосходнейшее произведение ума человеческого в таком жалостном положении!.. такое произведение, которое, можно сказать, более начинено политикою и моралью, нежели фарсом.

Миротвор. Как быть, не печалься, мой друг Ростер. Прекрасного сочинения ничем унизить и затмить не можно.

Ростер. Ваша похвала меня утешает.

Г-жа Кутерьма. В этом во всем мой муженек виноват, вздумав, что пирог не с куропатками, а с куликами.

Г. Кутерьма. Да я и теперь то же думаю.

Г-жа Кутерьма. Как! разве ты не согласился, что в пироге куропатки?

Г. Кутерьма. Нет. Да ты сама разве не согласилась, что в пироге кулики?

Г-жа Кутерьма. Нет, и никогда не соглашусь.

Г. Кутерьма. Яков Ростер! слышишь ли ты?

Ростер. Да о чем изволите горячиться? вы оба правы.

Г-жа Кутерьма. Оба? Я не хочу быть с ним вместе права. Скажи, разве ты не исполнил моего приказа, и куропаток...

Ростер. Они в пироге.

Г-жа Кутерьма (*мужу*). Слышишь ли? я права.

Г. Кутерьма. Так ты мое приказание пренебрег и куликов...

Ростер. Положил в пирог.

Г. Кутерьма (*жене*). Слышишь ли? я прав.

Г-жа Кутерьма (*Ростеру*). Как, бездельник...

Ростер. Извольте только выслушать, я решу вам эту загадку, и я уверен, что вы меня похвалите.

Г. и г-жа Кутерьма (*вместе*). Говори.

Ростер (*к госпоже*). Вы мне приказали положить куропаток?

Г-жа Кутерьма. Так.

Ростер (*к господину*). А вы куликов?

Г. Кутерьма. Ну, да.

Ростер. Иной бы невежа стал в пень и попался бы под ваш гнев, а я употребил политику и мораль, чтобы обоим угодить, и куропаток и куликов вместе положив, смешал. Теперь, исполнив вам угодное, ожидаю увенчания.

Г-жа Кутерьма (*дает ему пощечину*). Вот тебе увенчание! (*Уходит.*)

Г. Кутерьма (*дает ему другую*). А вот и от меня!

Синекдохос (*услыша пощечину, упадает со стула*). Между учеными великая аналогия; одному дают пощечину, а другой поражается.

Ростер (*в сторону*). Как теперь жить на свете, не знаю. Когда две власти равносильные, одной угодишь, другая бьет; обеим угодишь, обе бьют. Живи просто, то есть дураком — дурно; живи с политикою и с моралью — и того дурнее.

Г. Кутерьма (*Ростеру*). Подними господина ученого и отведи к месту.

Ростер (*Синекдохосу, поднимая его*). Пойдем в мою академию, и станем там, умствуя, перед огнем оплакивать развратные нравы человеков.

Явление 7

Миротвор, господин Кутерьма.

Г. Кутерьма. Мне очень стыдно вас, любезный друг...

Миротвор. Вы не имеете причины стыдиться того, который любя вас искренно сожалеет.

Г. Кутерьма. Вы сами видите мое несносное состояние, от которого мне жизнь в тягость.

Миротвор. Позвольте мне чистосердечно говорить с вами.

Г. Кутерьма. Боже мой! чем чистосердечнее, тем приятнее.

Миротвор. Мне кажется, вы не имеете причины жаловаться на вашу судьбу.

Г. Кутерьма. Я не имею?.. Вы сами свидетели.

Миротвор. Так, я свидетель, что вы мучитесь... но ваше страдание от вашей воли зависит.

Г. Кутерьма. От моей воли?.. Ах! если бы от меня зависело переменить мою участь, я ничего бы не пощадил.

Миротвор. Я обязался быть искренним. Извольте выслушать. Ваша супруга вас любит...

Г. Кутерьма. Что ж от этого радости? и я ее люблю, но любовь наша хуже иной ненависти. Сварливый ее нрав принуждает меня часто даже завидовать таким супружествам, в которых

муж и жена, друг друга меньше любя, или совсем не любя, оставляют один другого в покое.

Миротвор. Я верю тому, что вы говорите: всякому человеку, как бы он счастлив ни был, свойственно не быть довольным своею судьбою, и желать иногда того, отчего он бы более несчастлив был, если бы то получил. Однако свойственно благоразумию поправлять то, что огорчает жизнь человека. Вы, сударь, муж; следственно вы более обязаны быть благоразумны, имея на вашей стороне твердость, терпение, более нашему полу приличные.

Г. Кутерьма. Но вы сами видели, может ли какое терпение устоять...

Миротвор. Потому-то, что я видел, и удивляюсь, что вы не можете иметь столько твердости, чтобы не спорить о том, розовый ли, или белый камзол был на вас в день свадьбы; куропатки ли, или кулики в вашем пироге.

Г. Кутерьма. Так что ж? Вы хотите, чтобы я признался, что я виноват, когда я знаю, что я прав.

Миротвор. Конечно, сударь.

Г. Кутерьма. Да если соглашаться на все, то со временем ей придет в голову поспорить, что не я, а другой ее муж: так и на это мне будет надобно согласиться?

Миротвор. Этого быть не может, потому что ваша супруга добродетельна. Что ж касается до ваших споров, не делающих вам особенной чести, то чего стоит вам уступить?

Г. Кутерьма. Однако вы признаться должны, что я всегда прав.

Миротвор. Я очень вижу, и всякий может легко видеть, что вы правы; а для того-то, без всякого зазрения, и можете всегда соглашаться; и тем более чести будет для вас, чем более станете уступать. Все, видя справедливость на вашей стороне, станут удивляться вашей умеренности и снисхождению; и... позвольте сказать... сама ваша супруга, которой кровь не будет более разгорячаема упорными спорами, что обыкновенно человеку мешает рассуждать, приметя добродетельную хитрость вашей скромности, войдет в себя и с хладнокровием размышляя, почувствует ваше превосходство над нею, устыдится и исправится и, сравняв себя с вами, сделает и свою и вашу жизнь стократно счастливее.

Г. К у т е р ь м а. Мой друг, вы рассуждаете как истинно мудрый человек.

М и р о т в о р. Не как истинно мудрый, но как истинно усердный вам человек.

Г. К у т е р ь м а. Я чувствую, сколь благородно, находя себя правым против жены, ей уступать. Я чувствую, что это, исцеляя жену мою от болезни спорной, доставит мне спокойный век. Я вам даю слово с этих пор с нею всегда соглашаться. Сколько я вам благодарен! Теперь-то я вижу, как счастлив человек, у которого есть верный друг. Я иду к жене, чтоб начать с нею не спорить.

Явление 8

М и р о т в о р (*один*). Благодаря Небо, кажется я нашел надежный способ восстановить покой между мужем и женою. То правда, средство, которое я употребляю, есть ложь. Я мужу сказал, что он в спорах прав, и жене то же скажу; но совесть моя спокойна. Тогда можно лгать и обманывать, когда это способствует к благополучию человеческому. Такое коварство есть добродетель, так как коварство для своей корысти есть гнуснейший порок.

Явление 9

Госпожа Кутерьма, Миротвор.

Г - ж а К у т е р ь м а. Я оставила вас с мужем... я думаю, что вы меня с ним до смерти забранили...

М и р о т в о р. Вы, сударыня, изволили забыть, что я вам такой же, как и вашему супругу, друг, и что я не бесчестный человек.

Г - ж а К у т е р ь м а. Я, сударь, и в том, и в другом уверена; но как всегда мужчины берут сторону мужей, то и думаю, что вы меня винили.

М и р о т в о р. То правда, что я винил, но винил не вас, а его. Я принял смелость ему всю правду высказать и пожурить его за то, что он, будучи всегда не прав, против вас спорит.

Г - ж а К у т е р ь м а. Вы, любезный Миротвор, меня тем безмерно одолжили. Кто истинный друг, тот должен правду говорить, не оставляя ничего на сердце, и малейшее его притворство есть измена дружеству.

Миротвор. Позвольте же мне теперь и противу вас исполнить тот же долг.

Г-жа Кутерьма. О том я вас покорно прошу.

Миротвор. Вас нечего уверять мне, что вы в спорах всегда правы: это вы и без меня очень изволите знать.

Г-жа Кутерьма. Боже мой! кто бы стал спорить, будучи не прав? Если б это могло случиться со мною, я за честь бы почла, что имею случай показать справедливость признанием своей ошибки.

Миротвор. Но скажите мне, сударыня, если честно признаться в ошибке, то не верх ли будет великодушия и славы, имея правду на своей стороне, уступить упорному и горячему спорщику, у которого все право в сильной груди и громком голосе, и который, как, например, ваш супруг, имея довольно ума, после кроткого ответа, почувствовал, сколько он не прав, раскается и, наверное, станет сам себя винить. Нельзя, чтоб этого не случилось, потому что только одним дуракам свойственно, прияв в мысль заблуждение, остаться в нем; но ваш супруг, так как и вы, не можете никоим образом быть подвержены такой каменной упорности. Из этого что выйдет? вы будете иметь честь поправить вашего супруга. А сверх того, позвольте довершить мою искренность: пускай мужчины ищут взять верх силою и принуждением, а вашего пола славнейшая есть доля, кротостью и приятностью побеждая, владеть сердцами.

Г-жа Кутерьма. Я, сударь, чувствую, что вы правы. Вы видите, когда кто прав, я с ним совершенно согласна. Однако скажите мне: согласиться с тем, кто в грубой неправде уверяет, не есть ли показать себя глупым, и не унизительно ли?..

Миротвор. Нимало. А вместо того это-то и славно. Все зная, что вы разумны, кто может подумать, чтобы вы от доброго сердца согласились в нелепости и не могли бы доказать того, что вы правы. Верьте, сударыня, всегда остается смешон вздорный спорщик; а тот достоин похвалы, кто ему уступает. Например: кто мне поставит в вину, когда я не соглашусь с бешеным человеком драться, и ему уступлю; и этот бешеный, когда часы его сумасбродства пройдут, не придет ли сам ко мне просить извинения?

Г-жа Кутерьма. Вы говорите так, что нельзя лучше, и будьте уверены, что чем больше я права буду, тем меньше стану спорить.

Явление 10

Господин Кутерьма, госпожа Кутерьма, Миротвор.

Г. Кутерьма. Я, душа моя, тебя искал.

Г-жа Кутерьма. Итак, сердце мое, потому ты меня и нашел, что искал.

Г. Кутерьма. И конечно, матушка, кабы не искал, не нашел бы.

Г-жа Кутерьма. Однако бывает, что не ища найдешь, а ища не найдешь.

Г. Кутерьма (*с горячностью*). Как это?.. (*Вспомня, что дал слово не спорить, зажимает себе рот рукою.*)

Г-жа Кутерьма (*с горячностью*). А вот так это!.. (*Вспомня, что обещала уступать, также зажимает себе рот рукою. Муж и жена в сем положении стоят несколько времени.*)

Г. Кутерьма (*сам себе*). Я было позабыл. (*К жене.*) Ты права, душа моя!

Г-жа Кутерьма (*сама себе*). Из ума было вышло. (*К мужу.*) Ты прав, сердце мое!

Г. Кутерьма. Нет, матушка, ты права, и я чувствую мою вину.

Г-жа Кутерьма. Можно ли, батюшка, тебе быть виноватым, когда я не права? Я прошу только меня извинить.

Г. Кутерьма. Об этом мне надобно просить, потому что я не прав.

Г-жа Кутерьма. Боже мой! в кои веки случилось мне захотеть быть виноватой, ты и тут упорствуешь.

Г. Кутерьма. Я теперь никогда уже не буду прав перед тобой, чтобы только не спорить.

Г-жа Кутерьма. Чтобы только не спорить?.. Так верь же мне, что я-то спорить не буду... пожалуй себе, говори какие хочешь нелепости.

Г. Кутерьма. Нелепости... увидим, кто больше их вытерпит; я ни слова не буду говорить.

Г-жа Кутерьма. Посмотрим, кто более молчать умеет. Что касается до меня, если я вооружусь великодушием, ври себе что хочешь, я буду терпелива, так терпелива, как камень, и мнения моего ни для чего не скажу.

Г. Кутерьма. Я не знаю, кто меня может перемолчать: когда я рот сожму: никакие дурачества его растворить не могут; и я стану только смотреть, пожимать плечами, улыбаться и молчать.

Г-жа Кутерьма. И молчать? Тебе ли молчать! это мое свойство. Чувствуя себя правою, ничего не стоит, вооружась приятностью и кротостью, приличною нашему полу, смотреть на вздорного спорщика, не отвечать ему ни слова, и тем сделать его смешным и пресмешным. Не правда ли, господин Миротвор?

(*Миротвор головою дает знак согласия.*)

Г. Кутерьма. Спрячься с своею приятностью и кротостью, приличною вашему полу. Мое свойство уступить. Я мужчина и больше обязан быть благоразумным; следовательно, я могу, будучи правым и имея на своей стороне твердость и терпение, свойственное нашему полу, смотреть с жалостью на вздорную спорщицу, или спорщика, и тем привести в чувство и поправить. Не правда ли, любезный друг, Миротвор?

Г-жа Кутерьма. Господин Миротвор, не смешно ли вам, что он правым себя почитает?

Г. Кутерьма. Вы, я думаю, любезный друг, удивляетесь, как можно, подобно ей, заблуждаться, и будучи всегда неправою, думать, что она права.

Г-жа Кутерьма (*со смехом, мужу*). Ему это известно.

Г. Кутерьма (*со смехом жене*). Мы двое с ним знаем то, что знаем.

Г-жа Кутерьма. Что это значит, господин Миротвор, и что вы знаете двое?

Г. Кутерьма. Чего таить? Он нам общий друг и клялся мне быть искренним.

Г-жа Кутерьма. И мне тоже.

Г. Кутерьма. Верю, верю. Только я думаю, он тебя не называл правою в спорах, а меня уверял наедине, что всегда справедливость на моей стороне, и говорил, что, для спокойствия, надобно уступать твоей слабости.

Г-жа Кутерьма. Вот как он нас обоих дурачит!.. Он теперь же, говоря со мною, уверял меня, что я права, и то же, что тебе, из слова в слово твердил и мне.

Г. Кутерьма. Так-то вы издеваетесь над нами!

Миротвор. Любезный друг...

Г-жа Кутерьма. Он нас обоих за малых ребят считает.

Миротвор. Послушайте, сударыня.

Г-жа Кутерьма. Вы не стоите того, чтобы вас слушать.

Г. Кутерьма. Мы уже вышли из тех лет, чтоб нас за нос водить.

Миротвор. Мое намерение не то было.

Г-жа Кутерьма. Ваше намерение было подурачить нас.

Г. Кутерьма. И позабавиться на счет тех, кои всем сердцем приняли вас как искреннего друга.

Миротвор. Дайте выговорить...

Г-жа Кутерьма. Мне и смотреть несносно на того, который к нам приехал, как к своим дуракам.

Миротвор. Да пожалуйте...

Г. Кутерьма. Напрасно вы почитали себя так умным, и унижали нас, думая, что не скоро догадаемся о вашем умысле... но это с честию не согласно, и я ваш покорный слуга. (*Уходит.*)

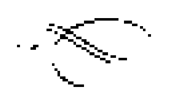
Г-жа Кутерьма. Прощайте, господин умник... Ищите в другом месте для себя шутов. (*Уходит.*)

Явление 11

Миротвор (*один*). Вот так-то самое честное намерение с беспутными людьми принимает дурной вид! Правду сказать, я достоин этого, предприняв невозможное, и наказан неудачею моего предприятия и тем, что без обеду домой поеду.

ТРАУР,
или
УТЕШЕННАЯ ВДОВА

Комедия в двух действиях

Д е й с т в у ю щ и е л и ц а:

И з а б е л л а, вдова.
М и л е н а, сестра ее.
П о с т а н, друг их и дядя Ветрана.
В е т р а н, племянник его и любовник Милены.
К а р а ч у н, лекарь.
Е в д о к и м, слуга Изабеллы.

Действие происходит в доме Изабеллы.

Действие первое

Явление 1

Евдоким (*один, держа кошелек с деньгами*). Сто рублей золотых заплатить лекарю Карачуну, который лечил барина... покойного... странное дело — дело, совсем противное справедливости... Когда бы он вылечил, я, любя барина, своих бы денег приложил... а то плати за то, что уморил... За это надобно бы с лекаря взять. Однако, уж я, по добродушию своему, то уступаю ему, что на нем... а этих денег не видать ему, как ушей своих... Я за барина на этого живодера так сердит, так сердит, что деньги себе в карман положу.

Явление 2

Ветран и Евдоким.

Ветран (*осматривая все*). Какая перемена! все здесь уныло! без меня этот веселый дом сделался монастырем... Вот я каков! где нет Ветрана, там скука, грусть... (*Увидя Евдокима.*) А, Евдоким! ты весь в черном! по ком тебе сгрустнулось?

Евдоким. Ах, сударь!

Ветран. Я из твоего ах ничего не понимаю. Сказывай скорей!

Евдоким. Увы!

Ветран. Ты меня бесишь.

Евдоким. Печаль у меня отняла язык.

Ветран. Как же ты это мог выговорить?

Евдоким. С великою нуждою.

Ветран. Да скажешь ли ты мне?..

Евдоким. Ах, сударь! такой печали не было и не будет. Все, что ни есть в доме, грустит... рыдает.

Ветран. Кто же у вас умер?

Евдоким. Вы знаете ли барынину постельную собачку?

Ветран. Она?

Е в д о к и м. Нет, сударь; она жива; да с грусти все визжит... еще знаете ли вы нашего попугая, который такой говорун?

В е т р а н. Черт с ним, когда он околел!

Е в д о к и м. Он жив, да от тоски, повеся голову, ни слова не говорит.

В е т р а н. Долго ли тебе меня мучить?

Е в д о к и м. Вы знаете, сударь, обыкновение, чтобы печальную весть не вдруг сказывать... Я вас не хочу уморить.

В е т р а н. Чтоб тебя черт взял! ты и так твоею медленностью меня уморил... Я не смею спросить... Жива ли Милена?

Е в д о к и м. Жива, сударь, только отчаянием своей сестрицы Изабеллы так тронута, так тронута, что чуть дышит.

В е т р а н. Все живы и все чуть дышат!.. да кончишь ли ты?

Е в д о к и м. Неужто вы догадаться не можете?

В е т р а н. Нет; я знаю, муж Изабеллы, Добросердов, мой друг, мой покровитель, твой барин, жив.

Е в д о к и м. А почему вы это знаете?

В е т р а н. А потому, что я от него письма имею, что я, по его просьбе, от полку уволен жениться на дорогой, на прекрасной Милене, которую я обожаю.

Е в д о к и м. Да разве, написав вам письма, нельзя умереть?

В е т р а н. Что слышу! он умер?

Е в д о к и м. Да, сударь, изволил скончаться!..

В е т р а н. Какое несчастие!.. Ну, да ежели это случилось, так и быть... Мне очень жаль его; он был мне вместо отца... Однако, по дружбе к покойнику, я хочу за его милость одолжить его и, рассея веселие в его доме, утешить всех, и даже жену его... и для того иду...

Е в д о к и м. Постойте, сударь, велено никого не впускать.

В е т р а н. Никого, быть может... а меня, меня, который взрос, воспитан у них в доме как сын...

Е в д о к и м. Вас-то именно и не велено впускать.

В е т р а н. Врешь!.. для чего?

Е в д о к и м. Для того, сударь, что барыня моя, Изабелла, лишь увидит покойниковы туфли, то зальется слезами и обомрет.

В е т р а н. Бездельник!.. разве я похож на туфли?

Е в д о к и м. Нет, сударь; однако вы ему близки были, он вас любил, как сам себя. И для того-то ваш дядюшка, Постан, который во время печали управляет всем вместо барыни, и запретил вас впускать. Его благоразумие боится вашей пылкости и ветрености.

В е т р а н. Его благоразумие бредит. (*Увидя входящего Карачуна.*) Кто это идет в черном платье? Не родня ли какая Добросердова?

Е в д о к и м. Родня, сударь, и очень близкая... Он его уморил.

В е т р а н. Как?

Е в д о к и м. Вы очень стали недогадливы... Это лекарь.

Явление 3

Ветран, Карачун и Евдоким.

К а р а ч у н. Евдоким! доложи барыне, что я пришел ее кондолировать.

Е в д о к и м. Как вам не стыдно, господин Карачун. В таком ли теперь она состоянии, чтоб могла быть кондолирована.

К а р а ч у н. Ох! пожалуй доложи; это необходимо нужно, и мне надобно исполнить мою должность.

Е в д о к и м. Да что это такое? зачем вы пожаловали?

К а р а ч у н. Это не твое дело.

В е т р а н. Я тебе растолкую. Это все то же, что поздравить с благополучным отъездом на тот свет.

К а р а ч у н. Господин офицер, я вас не знаю, и уверяю, что никому не дозволяю со мною шутить, разве только моим больным, в случае нужды, для растягивания их селезенки.

В е т р а н. Поэтому вы для больных великий шут, для того, что они все до смерти захахатываются.

К а р а ч у н. Чем вы можете это доказать?

В е т р а н. Господином Добросердовым.

К а р а ч у н. Я не отвечаю за это.

Е в д о к и м. И вправду; ведь он взялся лечить, а не вылечить. (*На ухо Ветрану.*) Постарайтесь эту харю выгнать.

К а р а ч у н. И доказать могу, что я его как должно, во всей форме лечил. Я не виноват, что его натура такая упрямая, что с формою медицины никак не согласилась.

В е т р а н. Разве люди сделаны для медицины, а не медицина для людей? Поэтому я сделан, чтоб шубу греть, а не шуба меня?

К а р а ч у н. Как вы осмеливаетесь такую священную науку равнять с шубою и думать, чтоб она была выдумана для всех людей без разбору? Есть только избранные, привилегированные натуры...

В е т р а н. Разумею... которых медицина одолеть не может.

К а р а ч у н. Мне с вами говорить долго не можно. Кто великую практику имеет, тому нет времени пустословить. (*Евдокиму.*) Скажи же барыне, что я приехал с кондолированием.

Е в д о к и м. Поезжайте с Богом, господин Карачун. Я ей скажу, что вы были и сказывали мне, как вам жаль покойного.

К а р а ч у н. Да разве только?

Е в д о к и м. А что ж еще?

К а р а ч у н. А за труды-то мои заплатить?

Е в д о к и м. А сколько бы, например?

К а р а ч у н. С другого бы я гораздо более взял; но, по знакомству и по приязни моей с покойным, я только двести рублей возьму.

Е в д о к и м. Двести рублей! Ах, господин Карачун! хотя вы лекарь, однако надобно быть христианином. Двести рублей!.. если будете так дорожиться, кто вперед захочет у вас умереть?

К а р а ч у н. И ты уж начинаешь шутить… Тебе можно бы лучше других знать, что он сам виноват в том, что умер. Оставя его натуру, которая так была глупа, он не все то исполнял, что я ему предписывал.

Е в д о к и м. Ах, сударь! нельзя точнее исполнять: он ни черты не пропускал.

К а р а ч у н. Я знаю то, что говорю.

Е в д о к и м. А что бы такое например?

К а р а ч у н. А вот что… я тебе скажу… Что бишь такое? Да, да, я ему велел прописанные мною порошки принимать из чайной чашки, а он их из стакана принимал. (*Ветран смеется.*) Чему вы смеетесь? Вы не знаете, что малейшее против ордонации медицины преступление наказывается смертью. (*Евдокиму.*) Слышишь ли, Евдоким, я должен неотменно получить двести рублей… Ты знаешь, как долго болезнь барина твоего меня волочила.

В е т р а н. Волочила, как будто старинный воевода челобитчика. Однако вы апелляцию внесли в коллегию смерти.

К а р а ч у н. Знаете ли вы, что я сердиться начинаю за ваши плоские шутки.

В е т р а н. Плоские? Ах ты, побочный сын Эскулапа! подкидыш Бургава! знаешь ли ты, что я могу тебе кровь пустить!

Е в д о к и м (*Ветрану*). Ах, сударь, не заводите шуму.

К а р а ч у н. А ты знаешь ли, молодчик мой с темляком, что у меня последний цирюльник лучше тебя это разумеет?

Е в д о к и м (*лекарю*). Господин лекарь!

В е т р а н. Знаешь ли ты, что ежели б каким сверхъестественным случаем ты стал лечить меня, и если б ты своим смертоносным искусством довел меня до крайности, то я бы тебе наперед заплатил за твои труды, велев выкинуть тебя за окно?

Е в д о к и м. Господин Ветран!

К а р а ч у н. Я рад, что ты так прост и открылся. Я постараюсь, чтоб ты при самом начале твоей болезни без чувства был.

Е в д о к и м. Господин Карачун!

В е т р а н. А как я еще здоров и в совершенной памяти, то теперь же исполню мое обещание... и в задаток...

Е в д о к и м (*удерживая Ветрана*). Господин Ветран! опомнитесь, что вы делаете в печальном доме! (*К Карачуну.*) Господин лекарь, извините его, он молодой человек и был лучший друг моего барина; успокойтесь и поезжайте с Богом, возить себя по больным вашим... В другой раз можете заехать... Неужто вам покойниковы двести рублей дороже, нежели жизнь ваших больных, которые еще живы и которых, я думаю, очень много, потому что вы модный лекарь.

К а р а ч у н. Изрядно. (*К Ветрану.*) Слуга ваш! слуга!.. до первой горячки.

(*Уходит.*)

Явление 4

П о с т а н, В е т р а н, Е в д о к и м.

П о с т а н. Так, я узнал, что мой племянник приехал, и кому бы другому можно было так шуметь?

В е т р а н. Здравствуйте, дядюшка.

П о с т а н. Здравствуй. С кем ты здесь шумел?

В е т р а н. С лекарем, который недоволен тем, что уморил моего благодетеля, да еще и против меня неучтив.

П о с т а н. Так ты уже знаешь о нашем общем несчастии? Но удивляюсь, что ты так равнодушен.

В е т р а н. Что ж, дядюшка, разве вы хотите, чтоб я так же морщился, как вы? Верьте, что мне его более жаль, нежели вам, что я ничего бы не пощадил для него; но плакать не могу. Я и тогда не заплачу, если и сам умру.

Постан. Однако благопристойность велит, чтоб ты умерил твою живость, которая не может быть приятна Изабелле, неутешной о муже, и сестре ее Милене; а лучше бы всего сделал, если бы возвратился в полк.

Ветран. Возвратился? нет, сударь, я честный человек. Я отпущен жениться и непременно то исполнить должен.

Постан. Да такое ли время?

Ветран. А для чего не такое? Я могу во всякое время жениться.

Постан. Этому быть нельзя теперь, хотя б Изабелла и Милена не в таком были отчаянии; но во время траура, благопристойность...

Ветран. Пускай ваша благопристойность не прогневается на мою любовь; и что тут неблагопристойного? Я Милену люблю, она меня любит; притом же мой друг, Добросердов, выпросил меня в отпуск, чтоб жениться на ней: он хотя умер, однако ж, как честной человек должен сдержать свое слово... Слово честного человека никогда не умирает.

Постан. Все это хорошо; да разве нельзя отсрочить?..

Ветран. Отстрочить?.. Нельзя, сударь... я также дал всему нашему полку честное слово жениться. Вы знаете, ежели офицер отправлен за чем-нибудь от команды, а того не исполнит, то его военным судом засудят.

Постан. Ты, любезный племянник, там приучился повесничать, что и отучиться не можешь.

Ветран. А вы, дорогой дядюшка, так благопристойничать некстати привыкли, что никак не хотите от того отстать.

Постан. Кто же из нас выиграет?

Ветран. Я думаю, мое ремесло веселее вашего; следовательно перевес на моей стороне.

Постан. Я уступаю. А что твоей женитьбе великая остановка, сама Милена тебя уверит, и, как мне кажется, теперь ее желание быть замужем за тобою не так уже велико.

Ветран. Не верю.

Постан. А для чего?

Ветран. А для того... мне кажется, вы хотите меня опечалить, чтобы и я так же нахмурился, как вы... Да вам не удастся... Я печалью себя безобразить не буду.

Постан. Когда не веришь, сам увидишь.

Ветран. Увижу?.. Я посмотрю, как осмелится!

П о с т а н. А что ж ты сделаешь?

В е т р а н. А что я сделаю? она увидит... я занемогу; а чтоб ее доканать, то и умру. И если не для меня, то, конечно, для отечества она не погубит такого храброго офицера.

П о с т а н. Да где же был ты храбр?

В е т р а н. Не был, так буду. Я для того и спешу жениться, чтоб в нынешнее военное время сделать ей честь умереть ее мужем.

П о с т а н. Того-то она и боится. Пример ее сестры...

В е т р а н. Какая разница! Добросердов умер на постеле, а я умру на поле чести.

П о с т а н. Для жены это все равно.

В е т р а н. Да, для жены какого-нибудь мякенького дядюшки; а моя иначе думать будет.

П о с т а н (*увидя Милену*). Да вот и она.

Явление 5

М и л е н а, П о с т а н, В е т р а н, Е в д о к и м.

В е т р а н. Обожаемая Милена! какое для меня счастие и несчастие!.. счастие видеть вас, а несчастье видеть вас такою печальною, такою смутною... Ну, да как же быть? Теперь если вы меня любите, о чем я не сомневаюсь, возьмите с меня пример. Я, видя вас, забываю нашу общую грусть; видя меня, забудьте и вы ее и хотя немного улыбнитесь.

М и л е н а. Вы не можете сомневаться, что я вас люблю; но это самое умножает мою тоску. Как я ни креплюсь, при вас мои слезы более текут.

В е т р а н. Ежели от радости, это хорошо.

М и л е н а. Нет, сударь, от горести.

В е т р а н. Это новое! Разве вы не рады, что я приехал?

М и л е н а. Можете ли вы так думать?

В е т р а н. Я вас не понимаю. Вы любите меня, а вам горько меня видеть.

М и л е н а. От того-то и горько, что я вас люблю.

В е т р а н (*Постану*). Дядюшка! мне кажется, вы правы.

П о с т а н. Я тебе сказывал, но ты верить не хотел.

В е т р а н. Однако я на своем поставлю, и уверяю вас, что вы солгали. Мне, сударыня, мой дядя сказывал... Правда ли то, что он

говорил?.. Вы молчите... Жестокая! я вижу, вы хотите смерти моей... и будете довольны. Я теперь же занемогу и велю себя лечить лекарю Карачуну. Прощайте, сударыня!

М и л е н а. Вы, сударь, вините меня, не выслушав; но если узнаете мои мысли, то отдадите мне справедливость и согласитесь со мною.

В е т р а н. Вот что хорошо! Я соглашусь на вас не жениться! Я соглашусь!.. мне вами не владеть, все то же, что не жить.

М и л е н а. Но благоразумие велит, для избежания больших бед, подвергнуться не так великим. Не правда ли, сударь?

В е т р а н. Неправда. Я вижу, куда ваше благоразумие гнет.

М и л е н а. Тем лучше, если вы догадались.

В е т р а н. Нет, сударыня, я не догадался. Я ничего не знаю, и знать не хочу, кроме того, что я вас люблю как душу... что я вас люблю... так же, как мою роту... что я приехал сюда на вас жениться... и что верно женюсь, или беда вам.

М и л е н а. А какая, сударь?

В е т р а н. Когда я умру, то полк с вас ответ возьмет, для чего вы меня уморили?

М и л е н а. Вы шутите. Станемте говорить дело... Что я вас люблю более всего... что все мое счастие в том полагаю, чтоб вечно быть вашею, — об этом вас уверять не хочу: вы без того знаете.

В е т р а н. О! я точно уверен...

П о с т а н. Какое самолюбие, племянник!

В е т р а н. Дядюшка! вы всегда не в свое дело мешаетесь; и с вашею благопристойностью вы очень неблагопристойны. (*К Милене.*) Я знаю, дорогая Милена, что вы меня любите, и уверен в том, не для того, чтобы я был всех лучше; есть сто раз меня знатнее, прекраснее, богатее, которые за счастие почли бы, если бы вы их любили; но я крепко в том стою, что никто из них так смертельно, как я, не станет вас любить... Вы это увидите, как будете моею женою.

М и л е н а. Ах, сударь!

В е т р а н. Что значит этот ах?

М и л е н а. Видя страдание моей сестры, которая мужа любила, так же как я вас люблю, и по ее отчаянию соображая то, что хотя горько лишиться любовника, но сто раз несноснее потерять любимого мужа, мне брак кажется союзом ужасным. Состояние моей сестры хуже смерти.

В е т р а н. Только, сударыня?.. Не верьте же вашей сестрице; она вас морочит... Знайте, что мужа, самого любезного, легче лишиться, нежели любовника, каков бы он ни был.

М и л е н а. Ах, сударь, как вам не стыдно это говорить! Если б я вас меньше знала, то получила бы дурное мнение... Однако со всем тем вы меня рассердили.

В е т р а н. Не сердитесь, сударыня, это мне несносно, потому что вам не к лицу... Чтоб вас не сердить, я верю, что муж дороже любовника... Я верю, и для того, женясь, прежде вас не умру; если хотите, я дам в том подписку.

М и л е н а. Вы военный человек и ближе других к смерти.

В е т р а н. На войне умереть не смерть, а слава. Подумайте, как это прекрасно! завтра или послезавтра я на вас женюсь. Через неделю, или много через две, как Марс из рук Венеры, от вас отправлюсь в полк. При расставании, любя меня, вы будете плакать. Я вас так же много любя, плакать не буду; потому что не слезами, а моим поведением хочу доказать, что я вас достоин. Полк наш пойдет против неприятеля. При первом случае, для того, что я упрошу прежде всех меня послать, при первом случае покажу я, что вы отдали себя не подлому человеку. Если я останусь жить, вообразите себе восхищение, когда вы увидите меня в лаврах; а если убьют, ну что ж делать, ведь надобно ж когда-нибудь умереть. Когда убьют меня, и тогда еще не умру. Я стану жить в вашей памяти и всех честных людей. Все станут говорить о Ветране, рассказывать о его делах. Вы будете расспрашивать о том и о сем, в которое место его убили. Ежели в сердце, вы вспомните, как оно вас любило, как оно, видя вас, трепетало, как рвалось из меня к вам... Вы плачете, прекрасная Милена! не плачьте, я еще жив... или для того вы теперь плачете, чтоб тогда меньше плакать? Ин плачьте... Потом, сударыня, видя вас, все станут говорить: вот она, вот она! вот прекрасная Ветранова вдова! как печаль по муже к ней пристала!.. молодые щеголи будут к вам подходить, станут ласкаться к вам, будто для меня; ничего не бывало, для вас. Между тем, кто-нибудь из них проворнее, милее, вкрадется в ваше сердце, и вы прежде будете на него вбок смотреть, и потом прямо, а потом далее, да далее... вы отворачиваетесь, вы сердитесь и хотите уверить, что этого быть не может? О, сударыня! по-

верьте, что вы тем досады мне не сделаете: я не из тех вечных мужей, которые на своих женах и после смерти хотят быть женаты. Я вам наперед даю позволение, хоть на другой день, после меня, а не при мне выйти замуж.

М и л е н а. Вы, сударь, много наговорили, и все, что ни говорили, одни только вашего воображения басни. Посмотрите на мою бедную сестру, и вы узнаете, как вы совершенно ошибаетесь.

В е т р а н. Прекрасная Милена! как вы добросердечны! поверьте, эта басня, которую я говорил, истинная история вашей сестрицы.

М и л е н а. Нет, сударь, я в ее отчаянии уверена моими собственными чувствами; и чем более вас люблю, тем менее соглашусь за вас выйти.

В е т р а н. Поэтому вы хотите выйти замуж за противного, за мерзавца, за урода, чтобы обрадоваться, когда он умрет. Дядюшка, вы вдовец: уж не за вас ли она хочет?

П о с т а н. Ни лета мои, ни благоразумие Милены, не дозволяют мне льститься таким счастием.

М и л е н а. Если я за вами не буду, то нет такого человека, за кем бы я быть могла.

В е т р а н. Так вы намерены вечно девицей быть? Нет, сударыня, я до этого греха вас не допущу. Я взял вас на свои руки и не хочу Небесам дать ответа. Послушайте, сударыня, вы для того не хотите выйти за меня замуж, что боитесь быть неутешною после смерти моей?

М и л е н а. Точно так.

В е т р а н. И ваша сестрица вас настращала?

М и л е н а. Конечно.

В е т р а н. Так будьте же уверены, что я ее утешу.

М и л е н а. Этого быть не может.

П о с т а н. Это так же возможно, как месяц поймать зубами. Кажется, мы все способы употребляли, но ничто не помогло.

В е т р а н. Вы все способы употребляли, и не успели; это не мудрено; надобно за всякое дело уметь приняться. Я ручаюсь, что не только ее утешу, да она будет у меня сегодня же петь и танцевать.

М и л е н а. Она, которая гнушается светом?

П о с т а н. Она не ест, не пьет.

В е т р а н. Все это будет. Она у меня и покушает. Я с этого-то и начну.

П о с т а н. Пустое, любезный племянник, ты бредишь.

В е т р а н. Не изволишь ли об заклад, любезный дядя?

П о с т а н. Что хочешь стану держать, любезный племянничек!

В е т р а н. Я не хочу, любезный дядюшка, ввести вас в великий убыток. Не изволите ль о тысяче рублях: это мне на свадьбу пригодится?

П о с т а н (*подает ему руку*). С радостию! поздравляю тебя без тысячи рублей.

В е т р а н. Увидим! (*К Милене.*) Прекрасная Милена, вы, я надеюсь, позволите мне и у вас выиграть заклад несравненно дороже дядина; то есть, выйти за меня завтра же если увидите, что сестрица ваша не только утешится, но будет танцевать и песенки попевать.

М и л е н а. Согласна, сударь. Но если вы проиграете, то не принуждайте меня быть за вами.

В е т р а н (*целует с восторгом ее руку*). О, вы моя! вы моя жена. Это так верно, что я теперь же еду приготовляться к свадьбе. И тотчас ворочусь. (*Ветран и Милена уходят.*)

П о с т а н. Шалуну и ветренику все возможно кажется... Евдоким! заплатил ли ты лекарю?

Е в д о к и м. Нет, сударь.

П о с т а н. А для чего?

Е в д о к и м. Он меньше двухсот и слышать не хочет.

П о с т а н. Он врет! этого много.

Е в д о к и м. Конечно много, сударь.

П о с т а н. Сделай с ним счет... уходит.

Е в д о к и м (*один*). Счет с лекарем! это трудно; однако если он силен в сложении, то я не слаб в вычитании. Ах, если бы изо ста мне хоть сколько-нибудь осталось!

Действие второе

Явление 1

Карачун и Евдоким.

Карачун. Вот я и заехал.
Евдоким (*в сторону*). Черт бы тебя взял!
Карачун. Сказывал ли ты, что я был здесь?
Евдоким. Сказывал
Карачун. Ну, что же?
Евдоким. Все хорошо... велено мне вам заплатить... (*Лекарь протягивает руку*.) Господин лекарь, вы не знаете, как я вас люблю.
Карачун. Благодарен, давай же деньги?
Евдоким. И как почитаю.
Карачун (*протягивая руку*). Спасибо.
Евдоким. Я не только для того одного вас люблю, что люблю, да и для того, что вы великий лекарь, и быть вашим больным ужасное удовольствие, — и такое удовольствие, что по мне лучше от ваших лекарств умереть, нежели от другого вылечиться, потому что вы не так долго мучите.
Карачун. Итак, я тебе и вправду нравлюсь?
Евдоким. Ах, сударь! неужто вы иное могли обо мне думать? Я и сплю и вижу, как бы мне занемочь, чтоб у вас полечиться.
Карачун. С охотою, мой друг, с охотою. Хотя ты и слуга, но за то, что ты меня любишь, буду лечить так же усердно, по такой же строгой медицинской методе, как и барина твоего.
Евдоким. Покорно благодарствую за ваши отеческие милости. Когда вы барина лечили, я не мог довольно вашею методою налюбоваться.
Карачун. И в самом деле, мой друг, ты видел, как все хорошо шло. Я не проронил ни черты употребляемой формы; что бы, впрочем, ни могло случиться, но больной всегда может быть уверен, что все по порядку происходит.

Е в д о к и м. И покойник на вас ни в чем не может пожаловаться. Это великое утешение и вам, и вашим покойникам, что они на вас сердиться не могут.

К а р а ч у н. И конечно. Ежели умереть, то всякий рад по крайней мере методически умереть; впрочем, я не из тех врачей, которые дают волю болезням долго шалить. У меня, по вашей русской пословице: либо полон двор, либо корень вон, то есть: или болезнь к черту, или больной со двора.

Е в д о к и м. Я то же самое вот перед вами с офицером говорил, который охотник медицину за окно кидать.

К а р а ч у н (*испугавшись*). Разве он здесь еще?

Е в д о к и м. Нет, сударь; да скоро будет.

К а р а ч у н. Заплати же мне скорей, чтобы мне за добра ума убраться.

Е в д о к и м. Я вашу сторону против него брал и доказывал ему, как вас должно почитать.

К а р а ч у н. Что ж он?

Е в д о к и м. И слышать не хочет.

К а р а ч у н. Докуда здоров; а как занеможет, увидим.

Е в д о к и м. Чего моя усердная к вам любовь и преданность не делала?

К а р а ч у н. Послушай, Евдокимушка, продолжай всегда так любить меня, и защищай против шалунов, которые моей науке не верят; а за то из тех денег, которые мне заплатишь, возьми себе рублей... два.

Е в д о к и м. Как, сударь, за такую любовь только два рубля?

К а р а ч у н. Ну, ну, возьми себе три.

Е в д о к и м. Нет, господин Карачун, менее пяти не уступлю. Я знаю мою любовь: она слаба не бывает.

К а р а ч у н. Согласен, заплати же остальное.

Е в д о к и м (*вынимает из кармана лист бумаги, карандаш и пишет*). За любовь Евдокима к господину Карачуну, изо ста пять рублей; в остатке девяносто пять.

К а р а ч у н. Что это? не изо ста, а из двухсот.

Е в д о к и м. Нет, сударь. Я господина Постана просил, но он говорит, что это дорого. Вообразите себе, какой скупой человек: за лучшего друга своего не хочет двухсот рублей заплатить!

К а р а ч у н. Какая негодность! если бы я знал, иначе бы поступил.

Е в д о к и м. А что ж бы вы сделали?

К а р а ч у н. Я бы его просто, а не методически лечил. И вот за все труды, за все попечения великим людям какая плата! я все мое знание истощил на покойника. Ты помнишь, когда он жаловался на сильную боль в голове? Мне это по симптомам показалось сомнительно. Я всех авторов перерыл… Какого труда мне это стоило! однако же доискался в Галиене, что болезнь врет, и что не голове должно болеть, а печенке.

Е в д о к и м. Смотрите, какая лгунья болезнь.

К а р а ч у н. Если так станут платить, то медицина всех искусных людей потеряет, а останутся одни простаки, которые не умеют ценить ее сокровищей и даром бросают свой бисер. Ну, да как быть: это вперед мне наука. Подавай же хоть сто рублей.

Е в д о к и м. А пять-то рублей за мою любовь?

К а р а ч у н. Нет, это теперь слишком дорого.

Е в д о к и м. Как изволите, я тверд в своем слове; и не уступлю… господин лекарь, право я вам пригожусь.

К а р а ч у н. Ну, перед тобой; подавай же остальные?

Е в д о к и м. Постойте.

К а р а ч у н. Что еще?

Е в д о к и м. Господин Постан приказал и в этих с вами счет сделать.

К а р а ч у н. Счет! какой?

Е в д о к и м. Он всем вашим товарам цену назначил.

К а р а ч у н. Посмотрим, какую.

Е в д о к и м. Извольте вы наперед сказывать вашу; а чтоб не ошибиться в платеже, то я по назначенной господином Постаном цене, за каждую вещь буду отсчитывать деньги.

К а р а ч у н. Изрядно, пиши. В первые три дня за шесть раз кровопускания, по пяти рублей за раз: пятью шесть тридцать пять.

Е в д о к и м (*пишет*). Изрядно. В первые три дня за шесть раз кровопускания, по два рубли за раз: дважды шесть, десять рублей.

К а р а ч у н. Я менее пяти не возьму, чтоб не унизить достоинства врачей под такую подлую цену.

Е в д о к и м. Я более двух не дам, чтобы не унизить достоинства слуг под брань господина.

К а р а ч у н. Притом же арифметика твоя не верна: дважды шесть двенадцать, а не десять.

Е в д о к и м. А разве ваша вернее? пятью шесть тридцать, а не тридцать пять.

К а р а ч у н. Ныне всякий дурак хочет уметь считать; разве ты не знаешь, что это счет медицинский?

Е в д о к и м (*отдавал один империал*). Вот вам десять рублей; а остальные два останутся в этом империале.

К а р а ч у н. Слышишь ли, меньше пяти...

Е в д о к и м. Что-то шумит; конечно, давишний офицер.

К а р а ч у н (*вырывая из рук Евдокима империал, хочет уйти*). Отдай это, а в остальном после сочтемся.

Е в д о к и м. Постойте, сударь; нет никого. (*В сторону*.) Что Ветран так долго не едет?.. (*К Карачуну*.) Продолжайте ваш счет.

К а р а ч у н. За десять дней визитов; всякий день по три раза, тридцать визитов; по крайней мере за каждый визит по три рубля; итого трижды тридцать, девяносто.

Е в д о к и м. Не стыдно ли вам, господин лекарь, обсчитывать честных покойников, как дураков? В эти десять дней, вы дни три ни разу не приезжали.

К а р а ч у н. Не все ли равно? микстуры мои у него были вместо меня.

Е в д о к и м (*в сторону*). Ветран все еще не едет. (*К Карачуну*.) Нет, сударь; за микстуры особливая была плата. (*Пишет*.) За три дни ничего. За остальные семь дней, по рублю на день, итого семь рублей. Семь да два, что от кровопускания осталось, итого девять... (*Подает ему другой империал*.) Вот вам десять рублей; теперь на вас один рубль.

К а р а ч у н (*не принимая*). Ни йоты не уступлю. Как можешь ты думать, чтоб я это взял? Знаешь ли ты, что мои лошади гораздо более рубля мне в день стоят?

Е в д о к и м (*в сторону*). Какой этот Ветран, все не едет! (*К Карачуну*.) Кто же виноват, господин лекарь? ездили б вы не четверкой, а на парочке, или бы еще на одной: тогда бы вам и от лошадок ваших кое-что осталось. Впрочем, больным вашим нет нужды, как вы ездите. Или вы хотите, чтоб они и лошадям вашим, как вам, платили за визиты? Ведь лошади к медицине не принадлежат.

К а р а ч у н. Я сам к господину Постану иду.

Е в д о к и м (*увидя Ветрана*). Какое счастие! (*К Карачуну*.) А вот и господин офицер, и как сердит! он вам заплатит.

К а р а ч у н (*с торопливостью вырывает империал*). Подай десять рублей.

Е в д о к и м (*вслед ему*). Хотя на вас рубль, однако квит.

Явление 2

Ветран и Евдоким.

В е т р а н. Скажи Милене и дяде, что я воротился, и что готов начать мою операцию. Поди, а наперед вели внести все крендели, которые из Выборга я привез.

Е в д о к и м. Конечно, для покойного господина Добросердова.

В е т р а н. Да.

Е в д о к и м. Как же он их жаловал! если бы он ведал, что вы их привезете, может быть, погодил бы умереть.

В е т р а н. Кто ж виноват? на что он так спешил?

Е в д о к и м. Теперь ваши убытки пропали?

В е т р а н. Ничего не бывало; они мне более пригодны, нежели ты думаешь. Да это не твое дело. Поди и сделай, что я тебе велел. Послушай, не забудь велеть, чтобы шеколат был готов.

Явление 3

В е т р а н (*один*). Надобно мне как можно более печальным при Изабелле казаться. Чтобы понравиться тому, кого хочешь утешить, должно точно так же пригорюниться, как тот, кто стонает. Но мне не случалось ни о чем печалиться, и не знаю, как за то приняться. Однако я видывал разного рода унылых. Когда оригинала нет, и копия хорошая годится. Неужто нельзя подделаться под страсти чужие? можно... Искусные актеры, преобратясь в героя, охают и плачут лучше тех, которые в самом деле плачут... Вот зеркало, начнем твердить роль. (*Смотрится в зеркало*.) Какие странные черты! никоторая не хочет склониться к печали: все бы им смеяться... Ну, Ветран! протягивай лицо... длиннее... еще длиннее... вот так... чтоб рот был немножко разинут... хорошо!.. и щеки впали... очень хорошо! пошевеливай губами и горлом, будто хочешь плакать и насилу удерживаешься. Надобно при этом всхлипывать... Беленький платок в руке. Нет слез... табак есть; но это я успею сделать и при Изабелле осторожно... Веки надобно на глаза опустить, будто и на свет не хочется смотреть... Изрядно!.. а если не нарочно взглянешь, то, чтобы зрачки были красны, будто от многого плаканья... для этого есть кулаки, чтоб натереть глаза. Пре-

красно!.. В сильной печали не надобно прямо и твердо на ногах стоять, немножко сгорбиться, будто голова с плеч валится… и пошатываться. О, этому я горазд! такая печаль мне знакома от портера… Голос!.. А! это очень нужно! надлежит говорить протяжно, с перерывкою, будто язык не ворочается… и томным умирающим голосом… вот так… (*При сих словах выходят Изабелла, Милена, Постан.*) Несчастная Изабелла!.. злополучный Ветран!.. дорогой! любезный!.. дрожайший Добросердов! на кого ты нас бедных покинул?

Явление 4

Изабелла, в глубоком трауре, Милена, Постан и Ветран.

Изабелла. Ах, бедный Ветран! помня дружбу его, так же отчаян, как и я!

Ветран. Ах, сударыня!.. видя вас… промолвить не могу… ноги меня не держат. (*Садится.*)

Изабелла. Ах, дорогой Ветран!.. кто б это думал!.. поддержите меня!.. (*Милена и Постан ее сажают.*)

Ветран. Какое злейшее несчастие!.. мой благодетель!..

Изабелла. На свете все кончилось для меня…

Ветран. Я не дивлюсь, что вы так отчаянны… Если б вы видели мое сердце!..

Изабелла. Я вижу, любезный Ветран!.. ваше лицо мне доказывает.

Ветран. Скажите мне, как это случилось?

Изабелла (*плача*). Ах!..

Постан. Не стыдно ли, племянник, растравлять горесть, твердя о печальном случае.

Ветран. Растравлять горесть!.. я виноват ли, что не могу одолеть себя? А ежели я моей тоской несносен, то лучше выйду отсюда, чтоб наедине по воле плакать.

Изабелла. Не оставляй меня, любезный Ветран! Мне приятнее быть с тем, который мне сострадает, нежели с тем, который утешает; и если что может, хотя и не утешить, но по крайней мере усладить мое отчаяние, то ваши слезы о моем любезном супруге.

В е т р а н (*плача*). Ах, сударыня! какой он был пребесценный человек.

И з а б е л л а (*рыдая*). Ах!..

В е т р а н (*плача*). Нежный муж.

И з а б е л л а (*рыдая*). Ах!..

В е т р а н (*плача*). Добрый друг!

И з а б е л л а (*рыдая*). Ах!

В е т р а н (*плача*). Добродетельный гражданин!

И з а б е л л а (*рыдая*). Ах!

В е т р а н (*плача*). Как он любил добро делать! как любил вас! как любил меня!.. а его уж нет с нами... уф! я тресну от тоски!

И з а б е л л а. Ах! я чувств лишилась... (*Упадает в обмороке*.)

П о с т а н. Ты, я думаю, хочешь ее уморить... Шалун! можно ли быть так жестоку!

В е т р а н. Вы радуетесь этому. Вам кажется, что вы уже выиграли заклад.

М и л е н а. Любезная сестра, опомнись... она чуть дышит. Помогите ей! Изабелла! Изабелла!

И з а б е л л а. На что вы стараетесь возвратить мне чувства? как бы я была счастлива, если бы навеки перестала себя чувствовать!

П о с т а н. Сударыня! если бы вы не были так умны, так рассудительны, я не удивлялся бы вашему малодушию; но вы имеете рассудок превосходный и столько твердый, что если захотите им воспользоваться, то можете умерить вашу горесть и не допустить себя до самоубийства, зная, что вы тем только сделаете ужасное пред Небесами преступление, а не возвратите того, которого им угодно было взять у вас.

В е т р а н (*в сторону*). Пошла проповедь! эти умные люди очень глупы.

И з а б е л л а. Вот твои друзья, несчастный супруг! не хотят, чтоб я тебя и оплакивала.

В е т р а н. Я посмотрю, как осмелятся меня утешать.

П о с т а н. О! ты можешь пробыть и без утешения.

В е т р а н. Вот какие ныне друзья!.. покойника не велят оплакивать, а живого не хотят утешать!.. да хорошо и делают. Я ни для кого не перестану плакать и рваться.

П о с т а н. Пожалуй, сколько угодно будет.

В е т р а н. Ах, бедный Добросердов!.. мой покровитель!.. мой наставник!.. Ты из памяти моей ни на минуту не выйдешь. Я вижу

тебя; ты как будто передо мной стоишь: вот кроткая его поступь!.. вот привлекательная его улыбка!.. вот так-то он язычок мило выставлял... ах!..

Изабелла. Ах!

Ветран. Как я счастлив, что я тобою воспитан, наставлен... как я радовался, что, видя меня, говорили: он как две капли с г. Добросердовым... А теперь только одна капля осталась!..

Изабелла. Ах, любезный Ветран!

Ветран. Я не знаю, как это сделалось; но все его чувства, даже все его вкусы стали моими... Помните ли, сударыня!.. начнемте с самого утра, когда он с постели вставал... сперва, бывало, поцелует вас нежно... (*целует Изабеллу*), потом... время завтракать... выборгские крендели... а! сударыня! как он их жаловал! и я, в горести моей, ничего кроме их не ем (*вынимает несколько кренделей*). Они и потому мне приятны, что он их очень любил, и потому, что я ими не себя, а горесть мою питаю. Когда я их ем, мне кажется, что не я, а г. Добросердов их кушает... Я все знаю его приемы... как он, чтоб продолжить сладость вкуса, их сухие долго жевал.

Изабелла. Нет, дорогой Ветран, вы забыли, он их не сухие, а всегда с шеколатом кушивал...

Ветран. Точно так, сударыня!.. Евдокимушка, подай шеколату... Мы, сударыня, не для укрепления себя станем пить его, но для того, чтобы воспоминовением всех и самомалейших подробностей любимого человека, продлить тоску, которая без того может ослабнуть... (*Приносят чашки с шеколатом, а Ветран подносит к Изабелле с кренделями*.) Он всегда любил, чтоб я ему подавал. Бывало, о любезный человек! с какою приятностью, накроша целый крендель в шеколат, все вместе выкушивал.

Изабелла. Нет, мой дорогой Ветран, он не клал кренделей в чашку, а откусывал и запивал шеколатом.

Ветран. Как, сударыня?

Изабелла. Вот точно так. (*Прикусывает кренделя и запивает шеколатом*.)

Ветран. Дядюшка! что же вы не кушаете?.. видно, вам не так жаль того, который мне был вместо отца.

Постан (*в сторону*). Шалун, поминанье делает шеколатом. (*Ветрану*.) Ты знаешь, что я его в рот не беру.

В е т р а н. Тем больше бы жертвы принесли, принудя себя... Если бы покойник и деготь кушивал, я со вкусом стал бы его пить... когда он пивал шеколат, тогда был веселее, нежели в другие часы. Как остро шутил, как приятно рассказывал прибасенки... Вы помните, сударыня, рассказы его о том, как он на вас женился... о первом-то случае, как вы, слыша то, краснели! А я как хохотал!.. А теперь хотя улыбнемся вместе, потому что его уж с нами нет!

И з а б е л л а. О, Боже мой! уж нет его!

П о с т а н (*Милене*). Примечаете ли, что стоны слабее становятся. Я начинаю думать, что он у нас выиграет.

М и л е н а (*Постану*). Я от всего сердца желаю проиграть.

П о с т а н (*Милене*). Вы прибыльно проиграете; а я тысячу рублей! однако еще далеко до совершенного успеха...

В е т р а н. О чем бишь мы говорили?.. да, что его лучшее время было за шеколатом... Чего он не делал? шутил, резвился, пел песни... Признайтесь, сударыня, что у него голос был очень приятный.

И з а б е л л а. Ах! нельзя приятнее!

В е т р а н. А особливо, когда он певал любимую свою песенку... Я его голосом и манером точно ее спою... (*Поет песню.*)

И з а б е л л а. Нет, сударь, не так.

В е т р а н. Кажется, точно так.

И з а б е л л а. На конце он иначе выводил. Притом же с превеликою приятностью поднимал и опускал, то вверх, то вниз.

В е т р а н. Куда как бы я хотел точно так же делать!.. (*Поет; Изабелла поправляет, где ей кажется не так, и сама подпевает.*)

П о с т а н (*в сторону с досадою*). Повеса выиграет!

В е т р а н. Точно так, сударыня. Я признаюсь, что я без вас далеко отставал, но вы мне помогли поймать настоящий его тон; повторимте еще... (*Повторяет с Изабеллою.*) Какой прекрасный голос этой песни!.. нельзя и не быть, потому что покойник ничего дурного не мог любить... Какой у него был вкус во всем высокий!

И з а б е л л а. Ах, сударь, очень высокий! вы лучше всех чувствуете, сколь велика моя потеря.

В е т р а н. Нельзя не чувствовать: она равно и моя. Он в нас только в двух разделен, и в нас только будет продолжать жизнь свою по смерти. Мы всякий день будем делать то, что он делал: поплачем, да и попоем; попоем да и поплачем... Какой приятный долг для

печальных питать горесть беспрестанно. Мы, сударыня, живя так, скорее можем быть сочтены покойниками, нежели г. Добросердов, потому что мы оба будем не мы, а г. Добросердов.

И з а б е л л а. Как вы мне милы, любезный Ветран!.. Каждое ваше слово есть новое одобрение любви моей к супругу, которая никогда не угаснет.

В е т р а н. Я не понимаю безрассудства этих говорунов, которые хотят утешить, которые желают уменьшить горесть о любимом человеке. Я их никогда не слушаю... Они смешные пустомели... Не правда ли, дядюшка?

П о с т а н (*с досадою*). Правда, правда.

В е т р а н. Вы при мне не смейте рта разинуть со своим утешением... Слышите ли? я хочу печалиться... О, милый Добросердов! что ни говорю, а ты-таки тут, как тут... Когда развеселится, какой же он был живой; бывало, на балах беспрестанно танцует... как теперь гляжу... когда он танцовывал свой любимый контроданс, в котором он отменно мастерски делывал плечом... По справедливости, его почитали душою танцев, потому что без него все было мертво... какая приятная живость! какая неподражаемая быстрота в ногах!.. (*Поет и танцует контроданс.*) Однако без фигуры нельзя показать всего искусства!.. Прекрасная Милена, будьте моею парою; а вы, дядюшка, хоть со стулом.

М и л е н а. Мне танцевать?

В е т р а н. Да; со стулом... только, чтобы показать госпоже Изабелле, что я умею его любимый контроданс, и которой он сам выдумал... (*Становит стул против Постана, а сам становится с Миленою в пару и поет и танцует с нею.*) Нет, ошибся.

И з а б е л л а. Ошиблись, любезный Ветран; балансировать должно с дамою не сначала, а обошед пару.

В е т р а н. Это правда, да пара-то у нас другая деревянная... Так ли я теперь сделаю? (*Поет и танцует.*) Вот тут-то он делывал свой любимой па, с отменною приятностью... Вот этак.

И з а б е л л а (*встав со стула*). Не так, сударь.

В е т р а н. Которою ногою он начинал?.. (*Делает па.*) Кажется так?

И з а б е л л а (*показывая*). Нет, сударь, начинал этою, и вот этак делал.

В е т р а н (*Милене*). Станьте с дядею, а я с госпожою Изабеллою. (*Став с Изабеллою, поет и танцует.*)

Изабелла. Вот теперь точно так.

Ветран. Еще один раз... (*Повторяет то же с Изабеллою.*) Ну дядюшка, начинайте.

Постан. Я не умею.

Ветран (*Милене*). Покажите ему... (*Ветран поет, а Милена водит Постана; по окончании их Ветран опять начинает с Изабеллою.*)

Постан. Я более не могу. (*В сторону.*) О, женщины!

Ветран (*Постану*). Я и тем доволен, что вы мне помогли (*на ухо*) у вас выиграть. (*К Изабелле.*) Сударыня, как приятно мне разделять с вами горесть мою!

Изабелла. Я рада, что в вас вижу сотоварища моей тоски; что вы, не утешая меня, печалитесь вместе со мною.

Ветран. Любезный наш покойник будет в нас двух беспрестанно жить... Мне хочется, чтоб ваша сестрица поближе участвовала в том, вышед за меня. И нам троим еще веселее будет печалиться. Согласитесь на мое счастие, которое наш любезный Добросердов мне определил.

Изабелла. Можете ли вы сомневаться, чтоб я не согласилась?.. но теперь... сами рассудите...

Ветран. Сударыня, не беспокойтесь об этом; мы сделаем такую тихую, такую печальную свадьбу, что все будут плакать.

Изабелла. Что скажешь, сестрица?

Милена. Я не могу не согласиться на то, к чему и мое и все дает право Ветрану.

Изабелла. Я согласна, будьте счастливее меня.

Ветран. Нет, сударыня, мы не намерены быть счастливее вас, а так же, как вы, не переставая крушиться...

(*Изабелла и Милена уходят.*)

Ветран (*проводя Изабеллу и опять воротясь к Постану, смеясь*). Любезный дядюшка, о женщинах спорь до слез, а об заклад не бейся. (*Уходит.*)

Постан. Я вижу, что повесы, такие как ты, из них все могут сделать.

ЧУДАКИ

Комедия в стихах в пяти действиях

Действующие лица:

Господин Лентягин, недавно вышедший в дворянство, весьма богатый и по-своему философствующий человек.

Госпожа Лентягина, жена его, знатного рода, женщина гордая.

Улинька, дочь их, ветреница смиренная.

Прият, молодой, весьма романический дворянин, влюбленный в Улиньку.

Ветромах, человек знатный, но бедный, за которого жена Лентягина хочет дочь выдать.

Трусим, приятель всемирный; глух и хром; охотник без просьбы всем услуживать и приискивает женихов для Улиньки.

Судья, отставной	
Майор, отставной	женихи, которых
Тромпетин,	Трусим приводит
Свирелкин, стихотворцы	

Высонос, слуга Ветромахов в службе у госпожи Лентягиной.

Пролаз, слуга Приятов в службе у господина Лентягина.

Марина, служанка Лентягиных.

Лакей.

Действие первое

Явление 1

Лентягин (*недоодетый, в креслах*) и Пролаз.

Пролаз
Позволено ль слуге открытно рассуждать?
Сегодня в службу к вам, суд рь, определяся
И в первый раз я честь имея одевать,
Не смею...

Лентягин
Говори, меня ты не бояся.
Я искренность люблю. Я чудный господин,
Я странный человек, — так свет о мне болтает.
Но философия те враки презирает.
Кажуся странным я за то, что я один
Таков, как должно быть. Скажи: кому мешаю,
Что я по дудочке всемирной не пляшу?

Пролаз
За это вас, суд рь, я боле почитаю;
Но, барин...

Лентягин
Говори открытно, я прошу.

Пролаз
Извольте: всё скажу, что на сердце имею.
Вы согласитеся, у всякого ведь есть
Своя — у барина ль, царя ль, слуги ли — честь;
Однако ж таки честь.

Лентягин
Я это разумею
И знаю, что не род приносит честь с собой.

Пролаз

Вот точно я таков: унижен хоть судьбой,
Но духом я высок. Я не могу измерить,
Как выше я других, — аршином ли, двумя ль,
Да только честь люблю и в том могу уверить;
Ох, горько, сударь, мне! Ох, горько!

Лентягин

Что? Не я ль
Разгневал чем тебя? Не я ли досаждаю?

Пролаз

Вы, сударь, вы! Я вас впервые одеваю;
От девяти часов ударит скоро час,
А вы еще, а вы и вполы не одеты.
Вот это честь мою и колет прямо в глаз.
Вы знаете, суд рь, дурных людей наветы;
Злоречье скажет так: не барин виноват,
Слуга его один и глуп, и непроворен.

Лентягин

Весь свет лишь глупостьми и злобою богат;
И в платье видно то, сколь свет сей зол и черен.
Чтоб мучить лишь меня и всех честных людей,
Он бездну выдумал и петель и завязок,
И пуговиц пустых, и пряжек и подвязок.
На что? На то, чтобы, подобно как злодей,
День каждый мучася, терзался и давился
И, как невольник бы, в оковах я томился.
И думать некогда. Не бедны ль мы, скажи?
Что свяжешь поутру, то к ночи развяжи.
И вот у всех у нас главнейше упражненье.

Пролаз

То правда; но тому возможно бы помочь
И сократить, скорей одевшися, мученье.
Уж пять часов не отхожу я прочь, —
В такое время бы оделась и кокетка.

Лентягин

Садись.

(*Пролаз оглядывается.*)

Садись, суд рь, я говорю тебе.

Пролаз

Мне, сударь?

Лентягин

Да, тебе.

Пролаз

Иль то от вас наветка,
Что смело говорить я волю дал себе?
Я замолчу, суд рь.

Лентягин

Ты думаешь пустое.
Мой друг! Я не сержусь; садись и будь в покое.

Пролаз

Да я ведь ваш слуга.

Лентягин

Так что ж?

Пролаз

Где ни служил —
У мелких, у господ, у всякого народа, —
При барах завсегда я стоя жил
И думал: господа совсем отменна рода.

Лентягин

Кто честный человек, тот равен мне во всем.

Пролаз

Давно вертелось то, суд рь, в уме моем.
Я рад, что разум ваш с моим сошелся близко.
Чтобы слуга сидел, почто для бар то низко?

Итак, коль честному даете право сесть,
Без угрызения моя садится честь.

(*Садится возле Лентягина.*)

Лентягин

Вот это я люблю. Простое обхожденье
И поступь дружеска милее мне всего.
Как в платье, так во всем на свете принужденье:
А этого мне нет несносней ничего.
Приемы вежливы, учтивые изгибы —
Коварства гнусного один лишь только лак:
То сети грубые для самой глупой рыбы,
Чему не верит, кто хоть мало не дурак.
Не правда ли, мой друг, не правда ль?

Пролаз
(*протягиваясь на креслах*)

Точно так.

Лентягин

Не прав ли я, когда со всеми поступаю
Иначе от других?

(*Надевает на себя колпак.*)

Надень и ты колпак.

Пролаз
(*надевает на себя колпак*)

Нельзя правее быть, я в этом уверяю.
То правда, что для всех то кажется смешно;
Но что людей смешит, не всё ведь то грешно.
Насмешки, сударь, их считаю за пустое.
Пусть все себе стоят, сидеть мы будем двое.

Лентягин

Ты золотом, мой друг любезный, говоришь!
Не видывал ни в ком ума я толь прямого!
Ты истину сказал. То, чем людей смешишь,
Нимало не грешно. Для этакого слова
Достоин ты, мой друг, чтоб обнял я тебя.

(*Обнимает Пролаза. Пролаз, не вставая с места, принимает объятия.*)

Я, разность глупую меж нами истребя,
Хочу, прошу, чтоб ты мне другом назывался.

Пролаз

Вам другом быть, суд рь, я сердцем обязался.
Да… только… опыты потребны для друзей.
Что до меня, то я, полушки не имея,
Уверю в дружбе вас лишь честностью моей.
Я вам всю честь отдам, такой безделки не жалея.
Вот всё, сударь, вот всё, чем я служить могу.

Лентягин

Ты, рок, сокровище мне дал, а не слугу!
То правда: опытом лишь дружество крепится.
Ты обещаешь мне твое именье — честь;
Поверь и мне, мой друг! я говорю не лесть:
Твоим и всё мое именье становится.
Я обещаю то.

Пролаз

А я, суд рь, не скуп:
Теперь же чести вам, сколь надо, отсчитаю…

(*В сторону.*)

Для филоз фа он немного слишком туп:
Не понимает он того, чего желаю…

(*К Лентягину.*)

Когда бы, например, я был, как вы, богат,
А вы бы голы так, как я, — я уверяю,
Что случаю тому я был бы очень рад:
Пустые бы места у вас тотчас наполнил
И опыт дружества без просьбы я б исполнил.

Лентягин

Ты знаешь, всякий мне противен обиняк;
И для чего ты мне не говоришь открытно?
Вот весь мой кошелек.

Пролаз
(*приняв кошелек, в сторону*)

Любезнейший чудак!
Служить мне у него как будет любо, сытно.
Но осторожно мне с ним надо поступать.

Лентягин

Ты что-то говоришь?

Пролаз

Я то теперь считаю,
Мне сколько в кошельке на нужды надо взять.
Корысть мне острый нож; я деньги презираю,
И остальное вам...

Лентягин

Что деньги почитаю
Я более тебя, иль думаешь ты так?
Что другу отдал, я того не возвращаю;
Не обижай меня.

Пролаз

Что? разве я дурак?
Я философию равно люблю как душу
И нежной совести ни для чего не рушу.

Лентягин

Час от часу милей! Что скажешь, знатный род?
Красней ты от стыда, такую честность видя!
И, в слабостях своих себя возненавидя,
Признайся, верь ты мне, что ты пред ним урод.

Пролаз
(*в сторону*)

Он что-то честь мою безмерно выхваляет:
Боюся, кошелька чтоб н взял он назад.

(*К Лентягину.*)

Коль бескорыстие мое вас оскорбляет,
Могу найти тому для нас обоих лад.

Взяв нужное, отдам остатки я убогим
И, чести следуя, суд рь, законам строгим...

Лентягин

Прекрасно! этому я средству очень рад! —
О вы! которые суетностями льститесь,
Вы у Пролаза все быть честными учитесь!

Пролаз

А я, суд рь, у вас учиться буду сам.
Ах! сколько я за то благодарю судьбам,
Что вас они теперь мне к счастию послали.
Доселе я служил профессору морали;
Хотя профессор он, пред вами — ничего.
Пред вашею, суд рь, его мораль пустая:
На языке была лишь только у него,
Ребятам к занья сухие соплетая, —
На деле точно так жила, как все живут.
Твердила всем одно, а делала другое.
Без практики, суд рь, теория — пустое.
Чтоб словом то сказать, мораль его преплут:
Она себе одно на пользу всё клонила
И жалованья мне мораль недоплатила.

Лентягин

Ты видишь то, мой друг, все люди каковы;
Для нас с тобою их поступки не примеры.

Пролаз

Из собственной всё брать нам должно головы;
Одни лишь люди мы, другие — лицемеры;
Мы лучше всех.

Лентягин

Еще один лишь договор
Хочу, любезный друг! я заключить с тобою.
Не умножай меня ты, говоря со мною;
Рассудку здравому не говори в упор
«Вы» вместо «ты». О том пусть гордость лишь хлопочет,

Котора, в пышности не стоя одного,
На свете многими в одном казаться хочет;
Все эти «вы» и «вас» не значат ничего,
Когда один ничто.

Пролаз

Всегда я думал то же.
Как рок меня во всем подобным вам создал!
Я было говорить «ты» барам начинал,
Но мне сказали так, что это мне не к роже.
Ты видишь ли, мой друг! каков развратен свет.

Явление 2

Лентягин, Пролаз, Лентягина
(*видя, что муж ее сидит с слугою, протирает глаза, не доверяя тому, что видит*).

Ленягина

Мой муж сидит с слугой? — Не может быть; нет, нет.
Да! так, с слугой сидит! — что этого ужасней!
О, люта часть моя! — и оба в колпаках! —
О, подлая душа! — ах, кто меня несчастней!
Я чувств лишаюся, и меркнет свет в глазах!

(*Плачет.*)

Лентягин

Что сделалось тебе, супруга дорогая?

Пролаз

Так эта женщина, мой друг! жена твоя?

Лентягина
(*с сердцем, Пролазу*)

Бездельник! смеешь ли ты, с места не вставая,
Почтенья не казать, забывши то, кто я?

Пролаз

Или нельзя сидеть, тебя мне почитая?

Лентягина
(*мужу*)
Ты видишь глупости твоей теперь плоды.
Какую горьку я должна с тобой пить чашу!
Подлец дерзает мне...

Пролаз
(*Лентягиной*)
Поди и сядь сюды;
И философию не разрушай ты нашу.

Лентягина
Дивлюсь великому терпенью моему.
Мне должно бы, позвав моих лакеев штатных,
Ударов тысячу велеть влепить ему.

Пролаз
Вот философскому какая честь уму!

(*К Лентягину.*)

Мой друг, что скажешь ты при нравах столь развратных?
Системы нашей мне страдальцем должно ль быть?
Я опыт дружества готов тебе явить,
Мое именье, честь, подвергнувши побоям,
Твоей премудрости казать себя героем.

Лентягин
Не бойся ничего и будь подобен мне.

Пролаз
Как камень просижу.

Лентягина
Увидим то, — гей, люди!

Лентягин
Суровости моей приличны ли жене?
Сенека...

Лентягина
Плюю я на всех твоих Сенек.

Пролаз
(*Лентягину*)

Ты этого, мой друг, пожалуй, не забуди,
Что я, хоть филоз ф, однако ж человек;
И если у меня терпенья недостанет,
То философия моя со стула встанет.

Лентягина
(*в сторону*)

Как мне ни хочется за грубость наказать,
Но я стыжусь сюда моих людей позвать:
Увидя этот страм, они о том расскажут.

(*Мужу*.)

Ну, сходно ли, суд рь, то с честию твоей?
Какое мнение к нам люди те привяжут,
Которы делают мне честь нам быть родней;
Те люди знатные, придворны и случайны!
Мне страшно возразить, кружится голова!
Такие подлости совсем необычайны...

Лентягин

Какие, матушка, пустые то слова!
Ты честность бедную за подлость почитаешь,
А ты сама того никак не примечаешь,
Что языком твоим одна лишь правит лесть.
Ты подлость делаешь, себе то ставя в честь,
Что есть тебе в родне страмцы из знатна рода.
Велико дело — быть почтенным для родни!
Ты знай: родня моя — достоинства одни,
А добродетели — одна моя порода.

Лентягина

Вот так-то завсегда та сволочь говорит,
Котора, вышед в свет из черни самой грязной,
Скрывая глупою премудростью свой стыд,
И с добродетелью, для света безобразной,
Старается мрачить бесплодно знатный род.
Но льзя ль, чтобы со львом когда сравнялся крот?

Лентягин

Нельзя; но человек всегда другому равен.

Лентягина

О, чувство гнусное! ах, как же ты забавен!

(*Смеется злым смехом.*)

Лентягин

Я знаю то, что я кажуся всем смешным, —
То есть тебе, жена, и прочим же таким.
Ну, смейся, смейся, — я того-то и желаю.

Пролаз

Вот наши лавры!

Лентягина

Я с досады умираю!
Я будто всем равна! Как можно то сказать?
Я, дочь, племянница князей и генералов,
Могу ль я быть равна с жен ми всех капралов!
Ты хочешь, муж, меня до смерти затерзать.

Явление 3

Лентягин, Лентягина, Пролаз и лакей.

Лакей

Здесь Ветромах...

Лентягина

(*застанавливая собою сидящего Пролаза*)

Поди скажи: я тотчас выду.

(*Лакей уходит.*)

(*Мужу.*)

Забыв мне всю твою смертельную обиду,
Из милости у ног твоих прошу тебя,
Чтоб ты, как я тебя учила, так убрался,
Чтоб ты пред знатными хоть мало притворялся...

Лентягин
(*вскоча с кресел*)
Чтобы притворствовать унизил я себя?
Всегда гнушался я прегнусным толь искусством.
Не будет никогда язык мой разен с чувством.
Послушай: для тебя и так уж я дурак.
Я там ношу парик, где прежде был колпак.
Широкий мой сюртук я серенький оставил
И платьем шалунов себя я обесславил.
Не требуй более; вот всё, что я могу.

Лентягина
Для нашей дочери, которую ты любишь...

Лентягин
Твоими пыхами ты Улиньку погубишь;
Собьешь ее с пути, — поверь мне, я не лгу.
Научишь пялиться, как ты сама, за знатью;
И, все достоинства включая в пышный род,
Научишь почитать за дрянь всю нашу братью.

Лентягина
Иль хочешь ты, чтоб наш единородный плод
Фамилии моей упадшей не восставил,
Которой знатности ты много поубавил,
Женясь на мне.

Лентягин
Итак, испортил я ваш род?

Лентягина
Ты знаешь сам, кто я.

Лентягин
Была девица прежде,
А стала женщиной, как вышла за меня.
Вот всё, что ты.

Лентягина
А я всегда была в надежде,
Что сделала я честь, унизясь до тебя.

Лентягин

Честь эта пустяки, изволь ты это ведать.
Все люди из всего выводят странну честь:
Отправить свой поклон, жениться, отобедать
И даже показать преподлу саму лесть.
Всё честь да честь, а честности нимало.
Коль честь ты сделала своим замужством мне,
Я тою ж честию сам отслужил тебе;
Мы квит; а сверх того, что мне принадлежало,
Я сделал госпожой тебя, жена, над тем.
Твоей я чести дал великие доходы,
Чтоб пышна честь твоя дурачилася всем.
Скажи, лишаю ли я честь твою свободы
Казаться, нос подняв, в каретах золотых,
В алмазах, в фандарах, в накладках кружевных,
В повесах длинных тех, которы за тобою,
Как башни, тащатся; спесивы, как кони́,
Что я твой муж, того не ведают они;
Не при́дут никогда и посидеть со мною.
Да дело не о том. Не делаю препятств,
И честь твоя живет всегда, как ей то нравно:
Плачу за все ее я придури исправно.
Почто же честь мою лишать ее приятств?
Пускай себе твоя в карете цугом скачет,
Моя же у меня себя пусть в сердце прячет.

Лентягина

Согласна б я была, когда б не б дна дочь...

Лентягин

Дочь б дна! чем? и как? наследница именья
Несметна моего достойна ль сожаленья?

Лентягина

Верь, с чем приехала, поедет с тем же прочь.
Не для того ли мы ее везли в столицу,
Чтобы достойного сыскать ей жениха?

Лентягин

Конечно, для того.

Лентягина

Не сделай же греха.
Ее красой любовь уже поддела птицу,
Котора всякий день летает томно к нам.

Лентягин

Ну что же? Хорошо.

Лентягина

Когда ты все узнаешь
Достоинства его, согласен будешь сам.

Лентягин

Когда согласна дочь, коль он, как уверяешь,
Достойный человек.

Лентягина

Нельзя достойней быть.
Всем барам лучший друг, и знатен, и чиновен,
И, словом, Ветромах. Теперь ты стал бессловен?
Но только лишь, чтобы его не упустить,
Ты должен и себя хоть крохотку подладить;
Возвысясь несколько, мещанский дух повадить
Твой низкий род на свет за знатный выдавать.

Лентягин

Не вправду ль?

Лентягина

Точно так.

Лентягин

Тому-то не бывать.
Прости, прошедшая княжна, иду я кушать.
Я чувствую, ко мне приходит аппетит.

Лентягина

Еще нет двух часов — так рано есть! — о, стыд!
Мещанам сродно то... Постой, изволь послушать.

Лентягин

Я докажу, что мой презнатный аппетит.

(*Уходит.*)

Явление 4

Лентягина, Пролаз (*хочет идти*).

Лентягина

Куда ты в колпаке изволишь отправляться?

Пролаз

(*сняв колпак*)

Премудрость и моя желает поклевать.

Лентягина

Постой...

(*В сторону.*)

Бешуся я; но должно унижаться.

(*Пролазу.*)

Послушай: хочешь ли и мне ты угождать?

Пролаз

Коль философию не будет повреждать
Угодливость моя, я ваш слуга покорный.

Лентягина

Оставь, пожалуйста, ты свой язык притворный
И слушай.

Пролаз

Буду вам с прилежностью внимать.

Лентягина

Ты плут или дурак, ты то или другое.

Пролаз

Супруга вашего я ученик.

Лентягина

Пустое.
Я вижу, пользуясь ты странностью его,
Покорствуешь ему для счастья твоего.
Я знаю, ты пред ним лишь только лицемеришь.

Пролаз

Вы можете...

Лентягина

Меня ничем ты не уверишь.
Дай мне всё высказать и после отвечай.
Против тебя могла б я быть строга, сурова,
И выгнать из дому могла б, ты это знай:
Но лучше я хочу с тобой без бранна слова,
Одною ласкою вступая в договор,
Тебе два ясные представить предложенья.
Возможешь отвратить ты все мои мученья
И мне помочь скрывать несносный тот позор,
В который странностью меня мой муж приводит.
Коль радости с тобой равняться он находит,
Как хочешь, чудаком будь с ним наедине;
Сиди и в колпаке, но только не при мне
И ни при ком: чтоб всё то было скрыто, тайно, —
И одолжишь меня ты этим чрезвычайно.
Когда ж не то — беда тебе! ты это знай!
Вот два предмета: ну, ты выбери из пары.

(*Вынимает кошелек с деньгами.*)

Иль денег кошелек — иль палошны удары.
Размысли, рассуди, любое принимай.

Пролаз

Или вы мыслите, что мудрецы так тупы?
Не думайте, чтоб я поколебаться мог.
На выборы я скор: примаю кошелек.

Лентягина

Смотри ж.

Явление 5

Пролаз
(*один, держа в руках по кошельку*)

За вздор платить как люди все не скупы!
Мой милостивый рок, каких господ мне дал!
Вот деньги, чтоб сидел; вот деньги, чтоб стоял.
Всё это хорошо; но горничной не вижу.
Служанка Улиньки не кажется глазам...
Да вот она.

Явление 6

Пролаз, Марина.

Пролаз
Я тем Марины не обижу,
Я думаю, что я своей особой сам
Являюсь ей.

Марина
Слуга влюбленного Приятa
У нас! зачем? и как осмелиться ты мог?

Пролаз
Что делать, пламень нас любовный в уголь сжег;
И барин мой и я...

Марина
Надежда вся отнята
Жениться вам на нас. Ступайте вы домой.

Пролаз
Так гордо? и домой! Так знай же, что я дома.
Я здесь хочу зажить.

Марина
Я не люблю содома.
Я позову людей.

Пролаз
(*надев колпак*)
Потише, светик мой.

Марина
И ты еще у нас быть хочешь грубияном!

Пролаз
Не горячись: тебе я крылья отшибу.
Имею право я носить колпак на лбу
При барине твоем.

Марина
С таким, как ты, болваном
Терять не стану слов; иду я то открыть,
Что ты...

Пролаз
(*с ласкою*)
Постой. Хочу с тобой поговорить
По-дружески, как то у нас бывало прежде.
Мой барин на тебя, Маринушка, в надежде.

Марина
Пустое.

Пролаз
Также я.

Марина
То враки.

Пролаз
Ты горда;
Но отчего, скажи, такая перемена?
Ты смотришь барыней, а прежде ты всегда...

Марина
Теперь уж всё не то.

Пролаз
О, лютая измена!
Я признаюсь, что я теряю весь кураж;
И если Улинька к Прияту...

Марина
Такова ж.

Пролаз

На что ж убытчиться нам с барином несчастным?
С подарком я его поеду лучше прочь.

Марина

С подарком, говоришь?

Пролаз

С подарком, и с прекрасным.
Прости, свирепа...

Марина

Ну, отъезд ты свой отсрочь.

Пролаз

Ах нет, пред гордостью твоей я так робею,
Что только показать тебе подарок смею.

(*Показывает перстень*.)

Марина

Блистает очень он! не   жели алмаз?

Пролаз

Нет, так, стекло. Прости, жестокая Марина.

(*Хочет идти*.)

Марина

Постой.

Пролаз

Зачем? Ведь вы не любите уж нас.

Марина

Хотя к тому у нас великая причина,
Однако... ежели... твой барин столько чив,
Авось-либо и льзя мне будет согласиться.

(*С ласкою*.)

Пролаз! ты ужесть как теперь красноречив,
И от тебя нельзя никак отговориться.

Пролаз
Ни слова, кажется, тебе не говорю.

Марина
Да перстень говорит.

Пролаз
На, на, возьми, плутовка.

Марина
Как мил Пролаз! как я его благодарю!

Пролаз
У всех красоточек всегда одна уловка,
У них то, кажется, как будто бы в крови:
Коль нет блестящего, так нету и любви.
Итак, теперь мы вам по-прежнему приятны?

Марина
Не сомневайся.

Пролаз
Уф! на сердце отлегло.
Теперь мне будут все твои рассказы внятны.
Скажи же?..

Марина
Сам скажи, как то произошло,
Что ты у нас?

Пролаз
У вас — того еще мне мало;
Я в службу принят здесь.

Марина
Но кем введен ты в дом?

Пролаз
Вот этим чудаком, услужником всесветным,
Который, несмотря, что он и глух, и хром,
По улицам с лицом таскаяся приветным,
Надоедает всем, стараясь угодить;

Который, всех ловя и кстати, и некстати
И суетяся всем без просьбы услужить,
Знаком и черни всей, и самой первой знати.

Марина

Трусим?

Пролаз

Так, точно он.

Марина

Привыкнув плутовать,
Ты прежним принялся товаром торговать
И в службу для того ты к нам определился,
Чтобы?..

Пролаз

Чтоб услужить Прияту моему,
Который барышней твоей навек пленился.
Я мой товар принес к товару твоему;
Соединим его. Пускай весь свет узнает,
Что свадебки сшивать искуснее нас нет.
Вот всё, Маринушка, чего Пролаз желает.
Еще ж — тебя любить; и вот мой весь предмет;
Докажем то, что сам и даже черт скотина,
Коль примется за что с Пролазушкой Марина.

Марина

Я обещаю то; но я должна сказать,
Что много трудностей...

Пролаз

Всегда путь к славе труден! —
Боюсь, не может ли меня кто здесь узнать?..

Марина

Не бойся ничего. Ведь сколько барин чуден,
Не меньше барыня в своих делах чудна.
Из всех служителей осталась я одна;
И все теперь у нас наемны, новы люди,
А деревенские отправились назад.

Несносен барыне всех этих чучел взгляд.
Теперь у наших слуг выс ки, г рды груди.
Они спесивы так, как будто господа, —
И ты пред ними сам не годен никуда.

Пролаз

Изрядный комплимент!

(*Увидя Высоноса.*)

Кто это к нам выходит?
Он выступает так, как театральный царь.

Марина

Он барынин слуга, ее путем и бродит.

Явление 7

Марина, Высонос, Пролаз
(*сняв колпак, кланяется учтиво Высоносу*).

Высонос
(*гордо смотря на него, не откланивается*)

Марина! с кем ты здесь? какая это тварь?

Марина

Спросите у него, он сам то вам расскажет.

Пролаз
(*с насмешливым унижением*)

Коль ваша милость мне раскрыть мой рот прикажет.

Высонос

С Мариной говорю.

Пролаз

Великий государь!
Себя я более Марины вашей знаю.

Высонос

Моей Марины? так, ты это угадал,
И я, любя ее, своею почитаю.

Пролаз
(*тихо Марине*)
Плутовка! ну за что ж тебе я перстень дал?

Марина
(*тихо Пролазу*)
За барина.

Высонос
У вас какие-то секреты?

Марина
Секреты? никаких.

Пролаз
А если б было то?

Высонос
Я дал бы дружески тогда тебе советы.

Пролаз
Какие?

Высонос
Выбросил тебя бы за окно.

Пролаз
Толь знатна барина высоко ставя дружбу,
И я бы оказал ему с почтеньем службу.

Высонос
Какую?

Пролаз
Ухватя б за волоса его,
Измял бы кудри все я друга моего,
И после б сильными моими кулаками
Повеселил себя над гордыми щеками,

Высонос
Бесчинно говоря, ты знаешь ли, кто я?
Я принят в этот дом из дома Ветромаха.

Здесь Улинька его, Марина же моя.
Итак, как смеешь ты бесчинничать, неряха!

Пролаз

Поближе подойди; ну, вот окно, вот я!

Марина

Уйти мне поскорей, бранятся не на шутку!

(*Уходит.*)

Пролаз
(*Высоносу*)

Что ж ты, мой друг, нейдешь?

Высонос

Противно то рассудку,
Чтобы унизился к тебе я подойти,
Чтоб честь тебе иметь побитому быть мною.
Приблизься ты ко мне.

Пролаз
(*немного приближась*)

Готов; я рад с тобою
Через пощечины знакомство завести.

(*Размахивая руками.*)

Давай!..

Высонос

Не стану рук марать я недостойно;
Толь подлой челяди не бью я никогда.

(*Уходит.*)

Пролаз
(*один*)

Недурно, что у нас всё кончилось спокойно.
Когда б не струсил он — я струсил бы тогда!

Действие второе

Явление 1

Улинька, Марина.

Марина

Так вы, сударыня, намерены забыть
Прията милого?

Улинька

Я не хочу любить
Того, который всё исподтишка вздыхает,
Который робкими шагами подступает,
Которого любовь как будто хочет красть.
Он сердца не берет, а щиплет всё по точке:
Во фраке мердоа и в розовом платочке,
По вечерам один, задумчив и смущен,
Так томен и уныл, как будто Селадон,
По рощам и лугам с овечками гуляет
Иль под окном моим по холодку пылает...
Как скучен! он меня до смерти залюбил.

Марина

Так, видно, Ветромах страсть вашу прохладил.

Улинька

Какая разница все модны кавалеры,
Которым Ветромах дает собой примеры!
И ловок, и остер, и весел, и пригож,
Что был вчера, на то сегодня не похож.
Один налюбит он на разные манеры,

Марина

Вы льститесь, что прошла к Прияту ваша страсть,
Но ошибаетесь.

Улинька

Кто? я? Вот что прекрасно!
И вздумать мне о нем и гадко, и ужасно.
Я чувствую, что с ним мне замужем пропасть.

Марина

Не верю, он вам мил; я в этом уверяю.

Улинька

Как можешь уверять меня во мне самой?
Иль то, что чувствую, тебя я меньше знаю?

Марина

О, меньше не в пример... Изволите ль со мной
Удариться, о чем вы сами захотите.

Улинька
(*смеется*)

Как это мне смешно! Ты дура.

Марина

Не шутите.
Наверно выиграю, сударыня, заклад.
Теперь ослеплены вы щегольства блистаньем,
Манерным прыганьем вперед, и вкось, и взад;
Оглушены его пребыстрым лепетаньем,
Вам кажется, что вы нашли великий клад;
Ваш дух от радости и млеет, и трепещет,
И, в знатность утонув вы с матушкой своей,
Вам кажется, он тварь особа от людей:
Не всё то золото, сударыня, что блещет.
Когда раскусите толь гладенький орех,
Найдете не зерно, а пыль одну без вкуса.
Приятa для него оставить, право, грех.

Улинька

Чего же было ждать от этого мне труса!
Два года от любви по мне он воздыхал,
А страсти мне своей приметить не давал.
Как гуливала я в деревне в нашей роще, —

Ты знаешь то, скажи, что этого есть плоше? —
Не смея к нам войти через знакомство в дом,
Всегда старался мне в гулянье повстречаться,
Чтоб шляпу снять, вздохнуть и от меня бросаться.
Потом, как несколько мне сделался знаком,
Молча, не говоря о страсти мне ни слова,
Он потчевал меня год целый табаком.
Потом, как я уже совсем была готова
Оттуда с матушкой отправиться сюда,
Оковы своего разрушив он стыда
И повстречавшися со мной опять в гулянье:
«Я вас люблю», — шепнул на самом расставанье.

Марина

То правда, робок он, застенчив, трусоват;
Но то неложный знак любви и обожденья.
Не может к нам иметь нимало тот почтенья,
Который дерзостью быть смеет виноват,
Который, будто бы в военный час сраженья,
Как грозный гранодер, отважный супостат,
На сердце лезет так, как будто бы на стену.
Надеюсь, женщина должна иметь отмену
От башни городской, от городских ворот, —
Однако ж таковы почти мы все уж стали,
Благодаря всяк день приезду новых мод,
Что мы хотим, чтоб нас всегда прист пом брали.

Улинька

А вот и матушка, а с нею Ветромах.

Явление 2

Лентягина, Улинька, Ветромах, Марина.

Ветромах

Ma charmante Улинька! Ах, как же вы прелестны!
Tous ces gens, madame! как глупы, как бесчестны,
Которы не найдут у вас того в глазах,
Что вижу я.

Улинька

А что изволите вы видеть?

Ветромах

Friponne! будто бы не ведаешь того,
Что вас, сударыня, не можно ненавидеть;
Что вы прекраснее и неба самого!

(*Улинька приседает.*)

Вы приседаете! какое просвещенье!
Иметь такую дочь какое утешенье!

(*Лентягиной.*)

Не правда ли, maman?

Лентягина

Признаться я должна,
Что воспитание дано пристойно роду;
И, в обращении имея всю свободу,
Какая дочери, рожденной мной, нужна,
От низостей, суд рь, она весьма дал ка;
И, крепко всё храня, что так велит нам честь,
Она не знает, что такое шить и плесть;
То всё для черного оставя человека,
Танцует, как павлин, как соловей, поет;
И, как француженка умея по-французски,
Желала бы забыть совсем она по-русски;
Ложится в три часа, в двенадцатом встает,
Проводит два часа всегда у туалета.

Ветромах

Брав , мадам! вот всё, что надобно для света
И для людей — как бишь? — pour les gens du haut ton.
Меня вы извинить, мадам, должны немного
В том, что и я, храня свою честь так же строго,
Считаю наш язык за подлинный jargon.
И экспримировать на нем всего не можно.
Чтоб мысль свою сыскать, замучишься безбожно.
По н жде говорю я этим языком

С лакеем, с кучером, со всем простым народом,
Где думать н жды нет. А с нашим знатным родом,
Не знав французского, я был бы дураком.
Скажите, как бы мне влюбиться было можно?
Je brule, je languis! — мне как бы то сказать
Прелестной Улиньке? — неужто бы мычать:
«Я млею, я горю!..» — fi donc! — мне думать должно,
Что по-французски вы и также ваш epoux...

Лентягина
(*скоропостижно*)

Сомнения в том нет! comment vous portez-vous?

Ветромах

Брав , мадам!

Лентягина

Теперь немного поотстала,
А прежде никогда по-русски не болтала.

Ветромах

Je vous jure, мадам! что русский мне язык
Как будто кляп во рту; притом же очень вреден.
Вы не поверите, я сколько с русским беден!
По-русски разум мой как узок, невелик;
А по-французски, о! que le diable m'emporte!
Выходит разум мой par une grande porte.
Я расскажу о том, случилось что со мной:
Однажды я сидел у дамы молодой,
Французских ни двух слов она не разумела;
И оттого ma t te horriblement болела,
Так что я целый день был дома не одет.

Лентягина

Не думала бы я, чтоб мог такой быть вред:
От нажимации, конечно, боль случилась.

Ветромах

Imagination — хотели вы сказать.

Лентягина

Так точно... Видите ль, что я хотя и сбилась,
Но я могу еще французским украшать
Прегрубый наш язык, который мне противен.
Как мой ероux мне тем всегда казался дивен,
Что, по-французски он умея, как француз,
Прелестным языком не хочет забавляться.

Ветромах

Тому, сударыня, я должен удивляться,
И дворянин...

Лентягина

О! род его, что в картах туз,
И древностью никто не может с ним сравняться.
За тысячу он лет умеет предков счесть.

Ветромах

Итак, теперь мне нет нималого препятства,
Ma charmante Улинька, тебя моей почесть!

(*Улинька приседает.*)

И всё у нас равно: и грасы, и приятства,
И ум, je m'en flatte, и даже рода честь.

(*Улинька приседает.*)

По чести, выдумка прекрасна — приседанье.
Оно — другой язык, и может сокращать
De discours frivole излишнее болтанье.
На всё умеет та прелестно отвечать
И с скромностью казать нескромное желанье,
Подобно Улиньке умеет кто присесть.

(*Увидя мужа Лентягиной*.)

Скажите, к нам какой медведь изволит лезть?

Лентягина

Мой муж.

Ветромах

Вы шутите. Не тот ли это предок,
Что лет за тысячу в свет и́здал род его?

Лентягина

Наружность, знаете, не значит ничего.
На свете ведь, суд рь, такой пример не редок,
Что знатность скрытая обманывает глаз;
Хоть не блестит в коре алмаз, но всё алмаз.
Он знатный дворянин, могу уверить смело,
Да — не прогневайтесь — немного филоз ф.

Ветромах

Не стыдно ли себя поставить в счет ослов?
И филозофствовать — дворянское ли дело?

Лентягина

(*Улиньке*)

Теперь ты, Улинька, не можешь с нами быть.
Нам должно о тебе с отцом поговорить.

(*Улинька, присев, уходит.*)

Явление 3

Лентягин, Лентягина, Ветромах.

Лентягина

(*сама с собою*)

О небо! помоги окончить мне всё славно.
Дрожу, боюсь, что муж меня изобличит,
Что по-французски он никак не говорит
И что, к несчастию, он дворянин недавно.
Как злополучна я! как то мне можно снесть!

(*Мужу*.)

Вы видите того презнатна кавалера,
Который делает отменную нам честь,

(*Ветромах, искривяся, щегольски кланяется*.)

Желая зятем быть, суд рь.

Лентягин

(*садясь*)

Кто хочет сесть,
Тот сядет. Не люблю я вашего манера,
Чтоб принуждать сидеть... Ну, знатный кавалер!

(*Ветромах так же щегольски кланяется*.)

Да перестань водить ты вензели ногами.
Кудряво кланяясь, будь сказано меж нами,
Не много у меня найдешь себе ты мер.
Со всеми этими козлиными прыжками
Мне всякий кажется лишь с ветром без души.
Пожалуй же, в уме ты это запиши,
Коль хочешь зятем быть.

Ветромах

Хочу ли я? о, ciel!
В том только tous mes voeux!.. Сама Agnes Sorel
Французским королем так не была любима,
Как мною ваша дочь. — Je jurerai toujours,
Что я могу сказать, не делая ей кур,
И тем не сделаю нималого я крима:
Она divinit !

Лентягин

(*жене, с удивлением*)

Где бог тебе послал,
О женушка моя, такого кавалера?

Ветромах

Beaucoup d’honneur, monsieur! Так я угоден стал?
Я знал то наперед. — Не найдете примера
Другого мне, monsieur!

Лентягин

Опомниться мне дай,
Мосье!.. Из милости...

Ветромах

Но вы меня стыдите.
Вы флатируете, когда вы говорите,
Что будто от меня забылись…

Лентягин

Продолжай,
Мучитель!

Ветромах

Правда то, что есть во мне мерит,
Без хвастовства, j'ose vous это dire,
Однако чтоб он мог вас привести в delire,
Не чаю… только свет весь это говорит,
Что, кто б ни был, меня в талантах не объедет;
Qu'un homme tel que moi…

Лентягин

Не верь, свет часто бредит!

Ветромах

Comment?

Лентягин

Скажи-тка мне, ты русский иль француз?

Ветромах

Helas! я не француз!

Лентягин

О чем же ты стенаешь?

Ветромах
(*с жалостию*)

Я русский! — у меня на сердце это груз.

Лентягин

Итак, ты русским быть обидой почитаешь?
Вот знатный дворянин!

Ветромах

Я очень, очень рад,
On ne peut plus, что вам, мосье, попал я в лад,
Que мысли vous avez со мною одинаки.
И благородство чем мы можем доказать?
По-русски не уметь, всё наше презирать —
Вот это знатности v ritable признаки.

Лентягин

Хоть не могу тебя я очень разуметь,
Не зная слав чужих, однако ж по приметам...

Ветромах

Vous-vous moquez, monsieur. — Изволите уметь
Вы по-французски...

Лентягин
(*с сердцем*)

Нет, нет, нет!

Ветромах

По вашим летам
Обманывать меня, monsieur, не должно б вам.
Вы точно, как француз, иль так же, как я сам...

Лентягин
(*с нетерпением*)

Жена, уверь его и кончи эту вздорность.

Ветромах
(*с досадою*)

Je ne le croirai point! Какая ж в вас упорность!

Лентягин
(*с сердцем*)

Чтоб черт!..

Лентягина
(*торопливо*)

Душа моя, пожалуй, не сердись!

Лентягин
(*с запальчивостью*)

Пожалуй, с ним, душа моя, ты провались!
Вовек не видывал такого человека!

Лентягина

Ты филоз ф, и то ль, суд рь, тебе велит Сенека?

Лентягин
(*с хладнокровием*)

Готов скрепиться я, лишь только б он болтал
Со мной по-русски.

Ветромах

Как! вы очень знатна рода,
А пикируетесь...

Лентягин
(*скоропостижно*)

А кто тебе сказал?
Моя мещанская, но добрая порода.

Ветромах

Уже лет тысячу, мосье, вы дворянин.

Лентягин

Верь мне, недавно я еще спеченный блин;
Но я жирнее тех, которы зачерствели.

Лентягина

Оставьте то...

Лентягин

Чтоб мы друг друга разумели,
Скажу я наотрез: покойный мой отец —
Запомнят это все — пречестный был кузнец.

Ветромах

Qu’entends-je!

(*Уходит, запев французскую песню.*)

Лентягин

Прощай.

Лентягина
(*упадая в обморок*)

Погибла я! ох, тошно!

Лентягин

Какие дурости! тошнится от того,
Что по-французски я не знаю ничего,
Что мой отец кузнец. Не должно б, так оплошно
Налгавши на меня, со мною поступать.
Нет, Улиньке моей за этим не бывать.

Явление 4

Лентягина (*в обмороке*), Лентягин и Трусим.

Трусим
(*хромая*)

Насилу до тебя, любезный друг, добрался.

Лентягин

Ну, здравствуй, господин Трусим.

Трусим

Весь день в трудах.
Чужих дел у меня препропасть на руках.
Сегодня я для вас безмерно заметался.

Лентягин

Да разве я просил?..

Трусим

Погромче говори.
Я крепок на ухо, и ты ведь знаешь это.
Я от усердия оглох в прошедше лето.
И ногу изломал.

Лентягин

Коль хочешь, повтори,
А я забыл, тебе как это приключилось.

Трусим

У милостивца мне Андроса то случилось:
В тот раз, чихнув, платок изволил уронить.
Обрадовавшись, я вдруг низко поклонился;
И чтоб в усердии других опередить,
Как самый быстрый конь, платок поднять пустился.
Пол гладок был, как лед, я как-то зацепился
И ногу повредил, ударившись виском.
Был долго болен я; с тех пор и глух и хром.

Лентягин

О, низость!

Трусим

Склизость? да, и пол был вытерт воском.

Лентягин

Я «низость» говорю.

Трусим

Хоть низко я упал,
Но я расшибся весь на этом месте плоском.
Нет н жды — Улиньке я женихов сыскал
И пригоню их к вам сегодня целу кучу.
Я думаю, что вам я этим не наскучу.
Да где же барыня твоя?

Лентягин

(*указывая*)

Вот здесь она.

Трусим

Что вижу я? лежит, чуть дышит и бледна!
Не может... тотчас я...

(*Шарит в карманах*.)

Со мною всё, что нужно
В припадках помогать. Я, вечно жив услужно,
Смешон бы был, когда б в карманах не носил
И спиртов, и маз й, и порошков, и капель.

Когда во флоте я еще бывал констапель,
У доктора всего на случай напросил.
С тех пор всегда со мной походная аптечка.

(*Лентягиной.*)

Что сделалось с тобой, любезная овечка?

Лентягина
(*слабым голосом*)

Подите прочь, меня оставьте умереть.

Трусим

Что чувствуешь, скажи? я то тебе и выну.
Не надо ль где тебе помазать, потереть?
Где колет у тебя: в живот, иль в грудь, иль в спину?
Иль инде где?

(*Лентягина отталкивает его.*)

Она толкается в бреду.

Лентягин

Нет у тебя лекарств от этого припадка.
У ней спесивая и знатна лихорадка.

Лентягина
(*с запальчивостью, вскочив*)

Ты шутишь, сделав мне ужасную беду!
Но я, верь мне, тебя всем сердцем презираю;
И, как ни тошно мне, хотя несносно рвусь,
Хотя в досаде я с душою расстаюсь,
Однако, чтоб тебя бесить, не умираю!

(*Уходит.*)

Трусим

Принудь ее принять, у ней пресильный жар.
Приметил ли, как взор у ней стал смутен, вздорен?
Да ты ведь увалень, ленив и непроворен.
Вот капли утишать внутри, хотя б пожар.
Пойду я ей задать приема вдруг четыре.

(*Уходит.*)

Лентягин

Чем более живу я в этом жалком мире,
Тем боле вижу я, что нету в нем пути;
И что мне мудрено таких людей найти,
Каков Пролаз и я.

(*Увидя Пролаза.*)

Поди, мой друг сердечный!

Явление 5

Лентягин и Пролаз.

Пролаз

Что сделалось тебе? Ты, кажется, смущен.

Лентягин

Смущен? — Измучен я: здесь был бесчеловечный
Какой-то кавалер... Я очень рассержен.

Пролаз

Я знаю, Ветромах, — каков он показался?

Лентягин

Болван, распудрен весь, душист и распещрен.
Болтал не знаю что, жеманился, кривлялся.
И вот всё тут — совсем от естества далек.
Речами — попугай, поступком — обезьяна;
И не было б ему животным быть изъяна.
Он с человеческим лицом совсем не человек.

Пролаз

Однако ж Улиньке...

Лентягин

Не быть за ним, клянуся.
Лишь вздумаю о нем, досадою я рвуся.

Пролаз

Спасибо, брат, тебе; что я, ты мыслишь то ж.

Лентягин

Таких, как ты да я, на свете не найдешь.
За то... но после я поговорю с тобою
И, что мне вздумалось, я то тебе открою.
Один достоин ты... да хочется мне спать.
От этого я так замучен кавалера,
Что не могу совсем и ног моих таскать.

(*Хочет идти. Пролаз его останавливает.*)

Пролаз

Есть некий у меня знакомец без примера,
Который так, как ты, и честен, и умен,
И очень филоз ф; зовут его Семен.
Хотя сверх имени прозвание имеет,
Но именем одним велит себя он звать.
Он крепко в том стоит и не робеет,
Что глупо несколько имен себе давать,
Что имя одного для всякого довольно.

Лентягин

Вот прямо филоз ф! мне очень, очень больно,
Что это у меня другой перехватил.
Вот то-то век живи, мой друг, и век учися.
А как меня зовут Андреевич Памфил,
Еще ж Лентягин, то, пожалуй, потрудися,
Чтоб звали все меня Памфилом лишь одним;
И познакомь меня с знакомцем ты своим.
Меж тем пойду заснуть.

Пролаз

К тебе я тотчас буду
И сделаю тебе компанию схрапнуть.

Лентягин

Добро пожаловать, я рад.

Пролаз

Ну, добрый путь!

Явление 6

Пролаз
(*один*)

Вот так-то надобно людей ловить на уду.
Хвали их мнения, их вкусы принимай;
И сколько б ни были дела их пл хи, стр нны,
Гляди ты барам в рот и только потакай, —
И будешь человек и лучший, и избр нный.
Вот всё достоинство нередко тех людей,
Которы, вышед в свет чрез грязные дороги,
Над нижними себе вели́чатся, как боги.

(*Увидя Прията.*)

Ба! вы уж здесь!

Явление 7

Прият и Пролаз.

Прият
(*идя на цыпочках, дает знак, чтоб тихо говорить*)
Тс! Тс!

Пролаз
Да будьте посмелей.

Прият
Могу ли не робеть? в храм божества вступаю,
Которое душой и сердцем обожаю.

Пролаз
Оставьте чепуху вы этих сладких слов.
То было хорошо, я в этом уверяю,
В проказны времена аркадских пастушков.
А ныне всё не то: иные нравы, время.
И так ты, барин мой, пожалуй, не мигай.
Оставя робости романныя беремя,
На селадонство плюнь, будь смел и помогай

Мне в хитростях моих. Имейте на примете,
Что хитрость лишь одна пружина в этом свете
К успехам всяческим, что люди только с ней
И с крохотным умом больших людей умней.

Прият
К чему же это ты ведешь нравоученье?

Пролаз
Всё к вам, суд рь, клоню я это наставленье,
Чтоб вашу Улиньку для вас навек поймать.

Прият
Как буду я тебе, Пролаз! навек обязан!
Ты знаешь, жизнью я моею к ней привязан!
Итак, уже могу ту сладость вображать,
Как буду я всегда у ног ее вздыхать
На мякеньких лугах, между цветов у речки,
Пасутся издали невинны где овечки...

Пролаз
Ох, загоните вы овечек ваших в клев
И выдьте из земли безделиц и романов.
Не стыдно ль вам, сударь, в тот час пасти баранов,
Как надо действовать... Будь сказано не в гнев:
Я отрекусь от вас...

Прият
Меня ты умертвишь.
Я делать всё готов, что ты мне ни велишь.

Пролаз
Изрядно; слушайте ж: скажу я вашу ролю.
Лишь от того успех вам должен быть во всем,
Когда исполните мою вы точно волю.
Во-первых, как вы здесь не знаемы никем,
Окроме Улиньки и горничной Марины,
То, сделав тайный я с Мариною совет,
Судом определил для важной вам причины:
Чтоб барин мой в сюртук был серенький одет,

Чтоб не Приятом он, Семеном назывался
И в виде том отцу дражайшей показался...

Прият
Семен! коль жесткое название ушам!
Не лучше ль Филемон, иль Тирсис, иль Арсам,
Или хотя Аркас?

Пролаз
Опять ушел в эклогу!
Да долго ль этого?..

Прият
(*оторопев*)
Не заводи тревогу!
Лишь только не сердись, доволен будешь мной;
Нет н жды, чем ни быть — лишь Улиньку б увидеть.

Пролаз
Еще нельзя.

Прият
Так мне жизнь должно ненавидеть!
Зачем же я, скажи, сюда введен тобой?

Пролаз
Зачем? Затем, чтобы на Улиньке жениться.

Прият
Да как же, не видав?

Пролаз
Мне надобно взбеситься...

Прият
(*оторопев*)
Лишь только не сердись — и, не видав, женюсь.

Пролаз
Коль слово скажете, я, право, отступлюсь.
Вам надо выслушать мои все речи прежде

И точно делать то, что я вам повелю.
Хоть есть запиночка в любовной вам надежде,
Но если вас моим советом наделю
И если по тому изволишь поступать,
То на соперников нам можно наплевать.

Прият
(*с горестью*)

Я вижу, Улинька жестока изменила!

Пролаз

Опять свирелочка пастушья задудила!
Нет сил, пойдем ко мне; Марина будет там.
Она и я за вас, чего бояться вам!

Действие третье

Явление 1

Ветромах и Высонос.

Высонос

Не стыдно ль вам, суд рь, позвольте мне сказать.
Пребогатейшую невесту потерять?

Ветромах

На внуке кузнеца жениться Ветромаху?
Fi donc! поэтому и всякую неряху
Взять можно мне в жены́? и курицу?..

Высонос

Да, так;
Лишь курица б несла нам яйца золотые.
Имея в знатности вы нуждицы такие,
Подумайте, сударь, какой вам нужен брак.

Ветромах

Maraud! мне кажется, что ты учить дерзаешь
И смеешь...

Высонос

Нет, суд рь.

Ветромах

Ты всё позабываешь,
Что я велел «суд рь» меня не называть,
А говорить «мосье».

Высонос

Вперед не позабуду:
Мосье, а не суд рь; и также я не буду

Советами мосье моими прогневлять.
Да, низко вам, мосье, на Улиньке жениться;
И дедушка ее — fi donc! умел ковать.
Имели на меня причину вы сердиться.
Велико ли, мосье, достоинство, что он
Для внучки выковал преполный миллион!
На это плюнем мы, и о делах домашних
Позвольте мне, мосье, вам нечто предложить.

Ветромах

Ну!

Высонос

Повар ваш Сибуль не хочет вам служить.

Ветромах

Pourquoi?

Высонос

Чего и ждать от этих вертопрашных!
За что он сердится? — да на него плевать!

Ветромах

Скажи, я не могу причины отгадать.
На дружеской ноге с Сибулем быть стараюсь
И очень poliment всегда я с ним встречаюсь:
Зову мосье Сибуль. Ты знаешь это сам,
С какой отличностью я обхожусь.

Высонос

Да эта,
Он говорит, мосье, не ходкая монета.
О жалованье он велел напомнить вам.
Он год не получал.

Ветромах

Безделка, я отдам.

Высонос

И также кучер ваш Яган, немчин с усами.
Не больно пестрыми доволен красот ми

Ливреи; хлопает, на вас сердясь, бичом,
И денежек...

Ветромах

Отдам. Bagatelle!

Высонос

(*в сторону*)

Да чем?

(*Ветромаху.*)

Любимый перюкье, к лицу который чешет,
Который пукольки вам ставит по яйцу,
Велел сказать, мосье, что это не к лицу,
Что не хотите вы заплатою потешить.

Ветромах

Безделица, отдам.

Высонос

И также ваш портной,
Башмачник ваш, мясник, травни́к, кондитор, лекарь,
И винный погребщик, и длинный ваш аптекарь...
От них и заглянуть не смею я домой.

Ветромах

Tais-toi, не говори о подлости мне этой.

Высонос

Уже я о себе, мосье, не говорю,
Я после всех могу прийти с моей к вам сметой.
Вы дали место мне, за то благодарю,
У здешней барыни, породы также знатной.
Умея в свете жить, я делаю ей честь.
Я здесь как в масле сыр: служитель первоштатный.
Пью, ем и веселюсь. Умею в гору лезть
Пред прочей челядью, котору презираю.
Как кукла, ничего я здесь не работ ю:
Лишь только, ежели блеснуть мне надо в глаз,
Являюсь, как звезда в параде на показ.

Итак, могу от вас я ждать спокойно денег. —
Но, ах, мосье!..

Ветромах
О чем ты?

Высонос
(*притворно плача*)
Вздумать не могу.

Ветромах
Ты плачешь?

Высонос
Сердце рвет мысль эта, ей! не лгу. —
Та честная мамзель — она зимой без кенег,
А летом нежная нога без башмаков.

Ветромах
О ком ты врешь?

Высонос
О той, которую любовь
Сердечная, мосье, вам вечно покорила;
Та непорочная и нежная Жавот,
Которая себя любить вас подрядила
За восемь тысячей, мосье, на каждый год.
Надеяся на то, она в долги входила;
Но умер уж кредит год целый...

Ветромах
Полно врать.

Высонос
Чтобы разделаться со всеми, где нам взять?

Ветромах
Где взять нам?

Высонос
Уй, мосье.

Ветромах
Я сам того не знаю.

Высонос

Должонки мелкие успел я только счесть;
А если крупные на память вам привесть…

Ветромах

О, скушно! перестань, мысль эту отгоняю.

Высонос

Вот новы способы долги свои платить!

Ветромах

Чтобы спокойно жить, их должно позабыть.

Высонос

Да нас они, мосье, никак не позабудут
И беспрестанно вслед ходить за нами будут;
А наконец, мосье, и могут подцепить.

Ветромах

Надеюсь, Высонос, я на твое проворство.
Ты…

Высонос

Ах, мосье! оно и так мне очень черство.
Один мне способ был доставить вам покой,
Чтобы уверить всех заимодавцев алчных,
Что в обстоятельствах теперя вы удачных,
Что Улинька несет приданое с собой.

Ветромах

Так полный миллион, ты говоришь, за нею?

Высонос

Нельзя полнее быть; отсчитан и лежит.

Ветромах

Подумать должно.

Высонос

Что тут думать надлежит?
Жена и миллион.

Ветромах
Тебя я разумею.
Ты судишь иногда...

Высонос
Не правда ли, умно?

Ветромах
Je me rends, Высонос, tu triomphes, а я сдаюся;
И, сердце я скрепя, на Улиньке женюся.

Высонос
Хватились вы за ум! вот этак бы давно.

Ветромах
Пусть скажут обо мне: что вздумалось срамиться?

Высонос
А вы им скажете: а целый миллион!
Притом, коль надо взять жену иль удавиться,
Так лучше, кажется, тогда, мосье, жениться;
А чтобы не было в женитьбе вам препон,
То с тестем надобно вам тотчас помириться.
Да вот его слуга, любимец-филоз ф, —
Каков и господин, он точно же таков.

Ветромах
А как его зовут? Мне надо приласкаться.

Высонос
Я знаю только то, что он великий скот,
И с этой не хотел я чернию якшаться.

Явление 2

Ветромах, Высонос, Пролаз.

Ветромах
(*Пролазу*)
Скажи, мой друг, кто ты таков? какой твой род?

Пролаз

Такой же человек и так же я родился,
Как ты; спроси, тебе то скажет сам Памфил.

Ветромах

Да кто же тот Памфил?

Пролаз

Который рассердился
Безмерно на тебя.

Ветромах

(*Высоносу*)

Моих не станет сил.
Он груб и неучтив. Меня звать «ты» дерзает.
Не вытерплю. Ты с ним, коль хочешь, говори.

Высонос

Скрепися, о мосье! и в мысль себе впери,
Что денег миллион учтивым не бывает.

Пролаз

(*в сторону*)

Теперь я щеголька потщуся рассердить,
Чтоб вздумалось ему меня поколотить.
Тем более его с Лентягиным поссорю.

Высонос

(*Пролазу*)

Теперь, любезный друг, с тобою не повздорю.
Что было между нас, ты в том меня прости.
Тогда не знал твоих достоинств я отменных.

Пролаз

Как хочешь, всё равно, ты так меня чести —
В числе ли простяков, в числе ли просвещенных, —
Не меньше от того я буду то, что я.

(*Садится.*)

Ветромах

Какая дерзость! встань!

Пролаз

Нет, я сидеть желаю.

Высонос

(*Ветромаху*)

А миллион, мосье!..

(*Пролазу.*)

Того не осуждаю,
Что философия охотница твоя,
Когда захочется, сиденьем забавляться.

Ветромах

(*Высоносу*)

Ты знаешь ли, как он, такой и ты свинья!

Высонос

Мосье! а миллион!.. Мы станем заниматься,
Чтоб другом нашим был слуга и филоз ф.
Мой барин, дворянин толь знатныя породы,
Желанья изъяснить найти не может слов,
Чтоб мудрость преклонить твою к себе в любовь.

Пролаз

На что бы то ему?

Высонос

Внушение ль природы,
Или иное что ему любить велит,
Равно как Улиньку, и твой премудрый вид.
Как хочет вас любить до самой он кончины,
То надо имя знать...

Пролаз

Зовут меня Пролаз.
Как в дружбе, так в любви для некакой причины
От Улиньки ему и от меня отказ.
Тебе же, Высонос, всё то же от Марины.

Ветромах

L’impertinent! le fat!

Высонос

Смутило б это нас,
Когда б не думал я, что филоз ф Пролаз
Возможет, как и все, в системе ошибаться.

Пролаз

Как хочешь надо мной ты можешь издеваться;
Всё это мне как пыль, которую топчу;
Но Улиньке не быть за ним — я так хочу.

(*Встает гордо со стула*.)

Ветромах

Как смеешь столько ты, бездельник, забываться?
И должного тому почтенья не казать,
Кого и барин твой обязан почитать?

Пролаз

Не горячись, дружок, я разности не знаю
Меж нас.

(*Надевает колпак*.)

Ветромах

Тебе тотчас я разность покажу.

Пролаз

Увидим.

Ветромах

(*дает ему пощечину*)

Вот она!

Пролаз

Я в то себя сравняю.
Такие ж у себя я руки нахожу.

(*Дает пощечину Высоносу*.)

Мы квит.

Высонос

(*возвращает пощечину*)

Одною квит, осталася другая.

Пролаз
(*дает знак, что хочет ударить Ветромаха*)

Не бойся, равенства по праву поступая,
Не буду этому я другу должником.

Ветромах
(*Высоносу*)

Держи его, а я бадинкою отмечу
Всю разность между мной и дерзким дураком.
Увидишь, как твою я спину изувечу!

Высонос держит Пролаза, а Ветромах бьет его тростью.

Пролаз
(*кричит*)

Разбой! разбой! Памфил! избавь меня, Памфил!

Явление 3

Лентягин, Ветромах, Пролаз и Высонос.

Лентягин

Кто здесь?.. Что вижу я!.. Какая это дерзость!

Пролаз

Меня за правила он мудрости прибил!

Лентягин
(*Ветромаху*)

Поступка твоего ты чувствуешь ли мерзость?

Ветромах

Но человек такой, как я, как может снесть,
Когда слуга его офискир ет честь?
И, говоря ему и в колпаке, и сидя,
Зовет «тебя» и «ты»!

Лентягин
(*обнимая Пролаза*)

А! мой любезный друг!

Ветромах

Что это?

Лентягин

А вот то, что ты, его обидя,
Обидел и меня, и добродетель вдруг;
Что ты несносен мне; что вон прошу из дома.

Ветромах

Когда б я знал, мосье! что этим досажу!..
Но я его, мосье, за это награжу.

Пролаз
(*Ветромаху*)

Нет, вон!

Лентягин
(*Ветромаху*)

Поди отсель!

Явление 4

Лентягин, Лентягина, Ветромах, Пролаз, Высонос.

Лентягина

Такого я содома
Не вытерплю...

(*Увидя Ветромаха.*)

Вы здесь!

Ветромах

Я здесь в последний раз.

Лентягина

Ах, что сказали вы!

Ветромах

Хотя против желанья;
Но ваш poux, а с ним слуга его Пролаз...
Мне кажется, что здесь они сильнее вас.

Лентягина
(*Пролазу*)

Как смеешь?..

Лентягин

На твои не смотрим мы кричанья.

(*Ветромаху.*)

Поди и знай, что ты мне ввек не будешь зять.

Лентягина
(*Ветромаху*)

Согласны разве вы, мосье, дочь нашу взять?

Ветромах

H las, madame! лишь в том мои желанья.

Лентягина
(*указывая на мужа*)

Как? несмотря на род вот этого страмца?

Ветромах

Довольно; ваша дочь, нет н жды до отца.
И если к вашему, madame, мой род прибавлю,
Что подло от отца, я то собой поправлю.

Лентягина

Благодарю судьбу, вот вам моя рука,
Что Улинька моя женою вашей будет.

Лентягин

О женушка моя! спрыгн ла ты с сучка;
Что я отец, она того не позабудет.

Лентягина

Ох, как бы это я желала позабыть!

Лентягин

Верь мне, что Улиньке за ним вовек не быть.

Лентягина

Лих, будет!

Лентягин

Нет. И я ей жениха сготовил.

Лентягина

А кто бы он такой? Какой-нибудь подлец?

Лентягин

Преблагороднейший.

Ветромах

(*Лентягиной*)

Какой-нибудь кузнец?

Лентягина

(*мужу*)

Неужто без меня ты Улиньку помолвил?

Лентягин

(*посматривая на Пролаза*)

Нет, нет, еще того не ведает жених;
Сам сделаю ему о этом предложенье.

Лентягина

Кто?

Лентягин

Я.

Лентягина

Так и того твой разум не постиг,
Что сделаешь себе бесчестье, униженье.
Бывало ль то когда!

Лентягин

Что н жды до того,
Что этого еще на свете не бывало.
Коль здравый смысл велит, я сделаю начало.
Когда бы накормить хотела ты кого,
Ведь ты спросила бы у гостя твоего,
Желает ли он есть?

Лентягина
(*Ветромаху*)

Какое рассужденье!
Но как бы ни было.

(*Мужу*.)

Кто ж этот господин,
Который заслужил такое уваженье?..

Лентягин
Преблагороднейший!..

Лентягина
Конечно, знатный чин
Тебя к тому склонил?

Лентягин
Нет, матушка, пустое!

Лентягина
Кто ж? Князь ли он? иль граф? или хотя барон?

Лентягин
Нет, нет; таких, как он, на свете только двое.

Лентягина
(*с радостию сама себе*)
Он вправду, кажется, затеял недурное!
На свете двое их! не близко ли корон?..

Лентягин
Недолго счесть: лишь он да я, лишь я да он.
А чтобы разрешить скорее нам задачу —
Пролаз,

Ветромах
Qu'entends-je! o, ciel!

Лентягина
С досады рвусь и плачу!

Лентягин

Приближься ты ко мне, любезный друг и зять.
Пусть треснут все с сердцов, хочу тебя обнять.

Лентягина

С ума ли ты сошел? иль шутишь ты над нами?
Или ты бредишь?

Лентягин
(*с сердцем*)

Нет.

Лентягина

Послушай, муженек...

Лентягин

Не слушаю.

Лентягина
(*Пролазу*)

А ты, что ты вертишь глазами?

Пролаз

Мне столько кажется диковинным мой рок,
Что будто я несусь теперь над облаками.

Лентягина

Я с этой высоты тотчас тебя стащу.

Лентягин

Не бойся, от всего тебя я защищу.

Лентягина

Чего б ни стоило, чтоб столько пострамиться,
Жива я этого никак не допущу.
Верь мне.

Лентягин

Ты на меня в том можешь положиться,
Что мудрый мой Пролаз мне верно будет зять.

Лентягина

А я, верь мне, я с ним велю тебя связать.

Лентягин
Вот прибыль от жены высокия породы:
За денежки свои мучителя купить,
Лишиться равенства и милыя свободы
И в доме у себя слугою первым быть!

(*Указывая на Ветромаха.*)

Однако дочь моя за ним не будет.

Лентягина
Будет.

Лентягин
А как?

Лентягина
Когда на то пойдет, то, наконец,
Скажу, что дочери моей не ты отец.

Лентягин
Да! Знатности твоей от этого прибудет,
Беспутная! чтобы поставить на своем,
Не видит в бешенстве бесчестного ни в чем.

Лентягина
На всё я поступлю!

Явление 5

Лентягин, Лентягина, Ветромах,
Пролаз и Трусим.

Трусим
О чем, друзья, шумите?
Иль, чтобы слышал я, вы громко говорите.

(*Увидя Ветромаха, низко кланяется.*)

Ах, мой отец, прости, что я не усмотрел.

(*На ухо Лентягину.*)

Любезный! женихов я кучу вам привел.
Вот то-то молодцы! Один умней другого.

Лентягин

На что их множество? нет н жды ни в одном.

Трусим

Да ведь из множества ты выберешь любого.

(*Ветромаху.*)

Родимый! вас могу ль поздравить женихом?

Лентягина
(*сама с собою*)

Поздравьте.

Лентягин
(*приближась к жене, с досадой*)

Нет.

Лентягина
(*приближась к мужу, с досадой*)

Да.

Лентягин
(*приближась*)

Нет.

Лентягина
(*приближась*)

Лишаюся терпенья.

Лентягин

Хоть тресни ты себе...

Лентягина

Скорее треснешь ты.

Трусим
(*становясь между ими*)

Опять, я вижу, мне приходят суеты.
Не можно ль между вас мне сделать примиренья?

(*Лентягиной, отведши ее подале*.)

В чем дело?

Лентягина

Мой дурак не хочет, чтобы дочь

(*указывая на Ветромаха*)

Была за ним.

Трусим

А! а!

(*Ветромаху*.)

Жениться не хотите?

Ветромах

Желаю очень я.

Трусим

О чем же вы шумите?
Вступился только я, ну, вот и ссора прочь.

Лентягина

Глухой! не он, тому мой глупый муж противен.

Трусим

(*глядя на Лентягина*)

А! а! любезный мой!

(*Лентягиной*.)

Вот я уговорю.

(*Подбегая к Лентягину*.)

Ты кажешься, мой друг, мне очень, очень дивен.
Толь знатный кавалер...

Лентягин

Тебе благодарю,
Но ведай, мне в твоих советах н жды нет.
Увещевай мою жену, когда ты хочешь.

Трусим

(*подбегая к Лентягиной*)

А! а! о чем же ты, родимая, хлопочешь?

Благодаря, сказал: спасибо за совет.
Итак, поэтому с тобою он согласен.

Лентягина

Когда согласен он, меня ты одолжил.
О дружестве моем чтоб он уверен был,
Скажи ему.

Трусим

(*подбегая к Лентягину*)

Я рад, что труд мой не напрасен.
Мне барыня твоя велит тебе сказать:
Всё сделает, что ты изволишь приказать.

Лентягин

Не вправду ль?

Трусим

Точно так, родимый и любезный,
Ведь знаешь ты меня, и я не стану лгать.

Лентягин

Трусим! ты человек чудесный и полезный,
Коль с мужем ты жену привесть умеешь в лад.

Трусим

За что примусь, не бось, я всё исправлю, брат.
Умею помирить и с кошкою я мышку.

(*Подбегая к Лентягиной*.)

На всё, что хочешь ты, согласен твой супруг.

Лентягина

Благодарю, Трусим, и ты прямой нам друг.

Трусим

Спасибо моему проворному умишку,
А то бы без него наплакалися вы.
Ведь надобно ж такой родиться головы,
Которая служить всегда и всем готова.

Ну! подойди же ты, любезная, к нему
И помиритеся.

Лентягина
(*подошед к мужу*)

Оставь мне жесткость слова,
Чем досадила я супругу моему.

Лентягин
(*жене*)

Забудем то, что нам так голову вскружило;
Когда виновна ты, я боле виноват,
И как я филоз ф, то надобно мне было,
Мой гнев преодолев, иной найти бы лад.

Лентягина

От этого терплю ужасную я муку.

Лентягин

Мне стыдно самому.

Трусим

Чтоб дело окончать,
Ну! обнимитеся.

Лентягин
(*жене*)

Дай мне в знак мира руку.

Лентягина
(*мужу*)

Чтоб ты простил, хочу тебя поцеловать.

(*Целуются.*)

Трусим

Вот ладно!

Лентягин
(*Трусиму*)

Мы тебе должны, наш друг сердечный.

Трусим

Когда за труд меня хотите наградить,
Велите только мне всё к свадьбе закупить.

Лентягина

Поверь мне, хлопотник у нас ты будешь вечный.

Лентягин

И станешь наши все дела ты отправлять.

(*Лентягин, дая знак Пролазу, а Лентягина Ветромаху*).

Вместе

Поди и обними скорее

Лентягин

тещу, зять.

Лентягина

тестя, зять.

(*Ветромах к Лентягину, а Пролаз к Лентягиной с распростертыми руками подбегают, чтоб обнять; но Лентягин и Лентягина, отталкивая с сердцем обнимателей.*)

Вместе

Что это?

Лентягин
(*указывая на Пролаза*)

Вот кто зять!

Лентягина
(*указывая на Ветромаха*)

Нет, вот!

Лентягин

Опять вздурилась!

Лентягина

Я вижу, что с тобой напрасно я мирилась
И вместо бы того, чтобы поцеловать,
Мне должно бы тебе лишь в рожу наплевать
И выдрать вон глаза.

Лентягин

Так ты не согласилась,
Чтоб зятем был Пролаз?

Лентягина

Что? разве я взбесилась?
Трусим, ты нас мирил, скажи, на чем и как?

Трусим

Я знаю только то, что очень вы бранились
И уговаривал я вас и так и сяк.
Вам должно лучше знать, за что вы рассердились, —
То дело не мое, мое лишь помирить.

Лентягин

Ты знаешь ли, глухой! что з   это бранятся,
Кто, не в свои дела стараяся мешаться,
Лишь боле портит то, что должно починить.

Трусим

Ась? должно починить? извольте, всё умею:
Стакан ли, чашку ли — все мастер я склеить;
Карету ль, дом ли — всё исправить разумею.

Лентягин

О чем мы ссорились, ты разве не слыхал?

Трусим

Любезный! нет, всего ведь слышать мне не можно.

Лентягин

Трусим! таких, как ты, я глупых не видал.

Явление 6

Лентягин, Лентягина, Ветромах, Трусим, майор, Пролаз.

Майор

(*выглядывая в двери*)

Трусим! заставить ждать так долго — ей! безбожно.

Лентягина

Войди сюда, кто вы?

Майор

Я отставной майор.

Трусим

(*Лентягину*)

Один из женихов.

Лентягина

В чем н жда вам?

Майор

Жениться.

Лентягина

(*в сторону*)

Он бешеный, его то кажет дикий взор.

(*Майору*.)

Напрасно, видно, вы изволили трудиться
И не туда зашли, где вы хотели быть.

Майор

Со мною никогда не может то случиться.
Знаток маршировать, ничто не может сбить
С пути, с дороженьки, в которую пускаюсь.
И без кварт рмистра занять умел бы дом.

(*Показывая на шпагу*.)

Вот мой кварт рмистр был; как подниму содом,
Бывало, на чужой постели и валяюсь.
Бывало, всё мое; а здесь у вас не так.

Пролаз

(*Лентягину*)

Вот чудный филоз ф!

Майор

А как я не дурак,
Вы видите, и жить на свете я умею,
То взял кварт рмистра. Нам общий друг Трусим,
Что ж не прибавишь слов твоих к словам моим?

Трусим

Уж всё говорено; ты знаешь, разумею,
Служить когда возьмусь.

(*Лентягиной*.)

Из всех тех женихов,
Которых вам сыскал, здесь лучший...

Майор
(*смотря на Лентягину*)

Вот невеста.
Сударушка моя! ну, без обиняков.
И я, и сердце уж мое давно без места,
То есть без службы я и также без жены,
Котора с полгода тому назад свалилась.
Итак, когда мы друг для друга сужены,
Когда быть замужем совсем ты снарядилась, —
И я совсем готов, сей день, сей час, коль хошь.

Ветромах

Постойте, господин майор, не торопитесь...

Майор

Я крут, и у меня вот вынь, да и положь.

Лентягина

Придите прежде в ум и прежде вы всмотритесь...

Майор

Уж всё рассмотрено, и мне ты так мила...

Лентягина

Да вы не милы мне.

Майор

О светик мой, пустое!
Жена покойница такая же была:
Сначала страшен я, потом любезен втрое,
Умею хошь кого принудить полюбить.
Когда добром нельзя — иначе может быть.

Лентягина

Лакеи! гей сюда!

(*К лакеям.*)

Избавьте от урода
И вон его…

Лентягин

Не тронь.

Майор
(*Трусиму*)

Коль мне придет невзгода,
Трусим! я за тебя тогда примусь, мой друг,
На что ты раздразнил, дурак, меня жениться.
Вишь, н жда до всего.

Трусим

Ты можешь положиться,
Любезный, на меня… всего не можно вдруг.

Майор
(*Трусиму*)

Поди ж, уговори спесивую невесту.
Ты видишь ли, она дурачится не к месту.

Трусим

Да это не она, невесты это мать.

Майор

Да черт вас разберет! и как бы мне узнать?
Ты в этом виноват… Ин, теща дорогая,
Не прогневись за то, что я, тебя не зная,
Жениться на тебе хотел, — мне б всё равно…

Трусим

А вот и батюшка.

Майор

Почто ж ты мне давно
Того не объявил? Давно пошло бы дело.

(*Лентягину*.)

Вот мне Трусим сказал, у вас-де дочка есть;
И что желаешь ты кому-нибудь быть тесть;
Итак, к услугам вам душа моя и тело.
Надеюсь, что майор вам лучше по плечу,
Как низшие меня другие офицеры.

Лентягин
Я дочь мою тому отдам, кому хочу,
Чины же разбирать — то не мои манеры.
Всё для меня равно, лишь был бы человек.

Майор
Такой я глупости не слыхивал вовек.
Не стыдно ль, брат, тебе плести такие враки.
Поэтому тебе все люди одинаки:
И я, старинный штаб, и офицер простой?

Лентягин
Не так же ли, как все, ногою ты ступаешь?
Не так же ли ешь ртом, рукою принимаешь?
Какая разница меж нас?

Майор
О! о! постой!
Предбудущий мой тесть! пустое ты болтаешь.
Иль я не весь майор, а если весь майор,
Так всё то, что мое, как я, такого ж чина:
Рука, нога и всё.

Лентягин
(*Трусиму*)
Какой он дурачина!

Майор
Иное скажет кто, тот скажет только вздор.

Лентягин
(*Трусиму*)
Зачем привел его?

Трусим

Ну, если он не нравен,
Другие есть: ведь я в моих делах исправен.

(*К дверям.*)

Войдите все сюда, хозяин просит вас.

Явление 7

Лентягин, Лентягина, Ветромах, Пролаз, Трусим, майор, судья, Тромпетин и Свирелкин, два стихотворца.

Судья
(*указывая на Трусима*)

По поводу сего приятеля всемирна
Сюда...

Тромпетин
(*указывая на Трусима*)

Чтоб воскрылить меня на сей Парнас,
Где вы...

Свирелкин
(*указывая на Трусима*)

Он так же был, суд рь, и мой Пегас,
Чтоб к вам...

Судья
(*стихотворцам*)

Позвольте мне, речь будет не обширна.

Свирелкин

Мне слова три сказать.

Тромпетин

Двумя всё кончу я.

Судья

Иль вы не знаете, что я бывал судья?
Итак, мне подлежит подать свой голос прежде.

Тромпетин

Чтоб этак говорить, быть надобно невежде;
Пииты завсегда свой голос подают;
Их просят ли иль нет, коль дух придет, поют.

Судья

Ин пойте ж оба вы, а говорить я стану.

Свирелкин

(*Тромпетину*)

Чтоб муз не пострамить, уступим грубияну;
Учтивость, вежливость — удел пиитов есть.

Судья

И должно быть тому: пиита что такое?
О рангах штат прочти. Его какая честь?
Сравненье чином с кем положено? какое?
Ни слова нет о том.

Тромпетин

Тот выше всех чинов,
Кто чести раздает, кто славою...

Майор

Пустое.
Майором кто бывал от рифм и от стихов
И в рифмах пишутся ль когда-нибудь патенты?

Тромпетин

Не худо б завести...

Трусим

Оставьте комплименты.
Пора бы к делу нам...

Судья

(*Трусиму*)

Извольте, я готов.
Быть стряпчим за меня вы, друг мой, обязались.
Уже ли сделать здесь экстрактец постарались?

Трусим
(*Лентягину и Лентягиной*)

Я рода разного сыскал вам женихов.
Военный сам умел вам рекомендоваться.
Вот два великие писателя стихов.
Им, сами говорят, свет должен удивляться,
На ветхость не смотря их темных сертуков.

Лентягин

Добро пожаловать, люблю чистосердечность.
И правды о себе почто не говорить?
Достоинства сертук не может повредить.

Тромпетин

Необычайная о нас Трусима печность
Приводит в стыд меня.

Свирелкин

                    В глаза все похвалы
В смятенье вержут дух, и я, я весь краснею.
Охотнее стократ я слушаю хулы.

Тромпетин

Что свет о мне твердит, того сказать не смею;
Но если б свет всегда по правде поступал,
Свирелкин бы давно весь в золоте сиял.

Свирелкин

Давно б Тромпетину поставили стат ю
В весь рост, не мраморну, не бронзову, — златую.

Лентягин

Вам свет не нравится? Я очень рад тому.
Вы мной причислены к знакомству моему.
Прошу ко мне ходить всегда, когда хотите.
Мне хочется теперь поесть; друзья! простите.

(*Лентягин уходит и за ним Пролаз.*)

Лентягина
(*стихотворцам*)

Кто дерзость к голову такую вам вложил,
Чтоб замуж дочь мою...

Свирелкин

Не с тем приход наш был,
Сударыня, сюда, чтоб тотчас и жениться.
Или не можем мы знакомством вашим льститься?

Лентягина
(*озирая их с головы до ног*)

Знакомством!

Свирелкин

Точно так. Вам сделать можем честь;
И я в моих стихах, позвольте лишь влюбиться,
Бесценной красоте хвалу могу соплесть
Прелестной дочери, которой нет примера;
Она мне Грация, вы будете Венера.

Лентягина

Недурно б.

Тромпетин

У меня ж на ваш презнатный род
Вертится в голове клубок похвальных од.

Лентягина

Довольна буду тем. Когда ж то всё поспеет?

Свирелкин и Тромпетин
(*вместе*)

Всё в самой скорости, сударыня, созреет.

Лентягина

С нетерпеливостью ждать буду я того.

(*Уходит, а с нею и Ветромах*.)

Майор

Да у меня никто не отобьет мово.
Ты слышишь ли, Трусим, к чему я это мечу?
Когда я не женюсь, тебя я изувечу,

(*указывая на стихотворцев*)

А этих в рифму я заставлю завизжать.
И не таких, как вы, умею я пужать!

(*Уходит*.)

Трусим
(*догоняя майора*)

Не бойся ничего, всё, братец, будет ладно.

(*Стихотворцам.*)

Не бойтеся, уж я за вас взялся.

Тромпетин и Свирелкин
(*вместе*)

Изрядно!

(*Уходят.*)

Судья

Мне кажется, что я с майором в дураках.
Или, как пешка, я, Трусим, в твоих глазах?
Я, знаешь, не привык марать мою честь даром.
Ты ведаешь, каким торгую я товаром.
Пускай в отставке я; однако же в судах
Доныне, лишь приду, на всех я страх пускаю.
Овчинки добрые по векселям сдираю.
Умею я прижать; и если захочу,
Тебя, коль не женюсь, в суде заволочу.

Трусим

Поди, родимый мой, и спи за мной спокойно.

Судья

Смотри ж, чтоб было всё и честно и достойно.
А буде захотят в невесте отказать,
Законец натяну с тебя бесчестье взять
И за оказанно мне тем бесчеловечье,
Поверь мне в том, сыщу я даже и увечье.

(*Уходит.*)

Трусим

Ну как же людям мне возможно помогать?
Майор грозит побить, судья — с меня же взять!

Действие четвертое

Явление 1

Пролаз и Марина.

Марина

Что сказывали мне о женихах чудесных,
Которых приводил для Улиньки Трусим,
Смешно мне...

Пролаз

Бросим то. Старанием твоим
Каков теперь Прият во чувствах куролесных
Вертлявой Улиньки? дай лучше знать о том.

Марина

Я сделала моим проворным языком,
Что искра прежняя, под пепелом закрыта,
Уж сердце начала девицы шевелить;
Что голова ее, повесою набита,
Уже перестает дурачиться, шалить.
Старайся с барином теперь Прията сладить,
А я уж Улиньки сердчишком поверну;
А пуще бы всего нам барыню отвадить
От Ветромаха...

Пролаз

О! его я оттяну.

Марина

Ох, это мудрено!

Пролаз

Мне это так, как плюнуть.

Марина

Не верю этому.

Пролаз

Тебе ль о том судить!
От разных я наук умел на свете клюнуть.
Ты знаешь?

Марина

Знаю.

Пролаз

Ну, о чем же говорить.

Марина

Какая может тут наука пособить,
Коль хочет женщина чего безмерно алчно!

Пролаз

Искусству моему всё может быть удачно.
Наука первая — водить людей за н с.
Маринушка, Пролаз в науке этой взрос.
Ты знаешь, ремеслом таким весь свет торгует.
Здесь всякий, почитай, на счет других пирует.
И, честность становя одну себе в предмет,
До чести крадется, как будто плут весь свет.
В науке этой я умел себя прославить;
И если захочу кому я крюк поставить,
То мудрено тому мой крюк перешагнуть.

Марина

Ты, право, хвастовством себе надсадишь грудь.

Пролаз

Когда я намекну, что разум мой готовит,
Не будешь хвастуном Пролаза ты злословить.
В той куче женихов, которых видел я,
Полезну мысль мне дал отставленный судья
Он в ябеде себе находит содержанье,
Из одного в другой переходя приказ.
Иной ему дает хлеб, мясо, соль указ,

Иной — вино, его нужнейше пропитанье.
Ему-то щеголя руками я отдам...

(*Увидя судью.*)

Поди отсель, ко мне идет судья и сам;
А между тем кажи ты Высоносу виды,
Которы были бы наполнены обиды.
Беси его, беси!

Марина
(*уходя*)

Увидишь, как взбешу.

Явление 2

Судья и Пролаз.

Судья

Га! га! ты с красными девицами шу-шу,
Сиречь всё шепотом, дружок, да тихомолком.

Пролаз

Какая н жда вам?

Судья

Мне н жда до всего.
Пожалуй, одолжи нижереченным толком:
Девица эта кто? и ты мне для чего
Велел прийти, чтобы с тобою повидаться?

Пролаз

Так вы не можете о этом догадаться?

Судья

Никоим образом; ответствуй на допрос.

Пролаз

Не чуток может ли быть так судейский нос?
На первый пункт скажу: здесь бывшая девица
Служанка Улиньки, любезна очень ей;
А на второй — что вы из отставных судей

Миляй мне всех. За вас огонь мне и водица —
Все беды — трын-трава. Я броситься готов...

Судья

Таких ни от кого не слыхивал я слов.
Мне должно приписать какому это чуду?
Скажи же, от чего любовь твоя? откуду?
И для каких причин? и как? и почему?

Пролаз

Друг друга любим мы не часто по уму,
А так. Я думаю, случалось то и с вами,
Что любите кого, не знаючи и сами
За что...

Судья

Нет; не было за мной того греха,
Чтоб я любил кого безвинно, сиречь даром.
Там только любо мне, где ложка не суха.

Пролаз

Коль делаете вы любовь свою товаром,
Так знайте ж вот: меня нельзя не полюбить.

Судья

А как? за что?

Пролаз

Я вам желаю пособить.

Судья

А в чем? когда? и как?

Пролаз

Хотите вы жениться
На Улиньке?

Судья

О том ты можешь ли сумниться?
Ну, будем же друзья. Пожалуй, помоги,
А от меня — ей-ей! — придет на сапоги.

Пролаз

Готов; однако же вы можете поверить,
Что можете себе не менее меня
Или и более еще помочь.

Судья

Кто, я?
А как?

Пролаз

Молодчика вам должно подтетерить,
Который вам, суд рь, как будто спица в глаз:
Соперник ваш, одно препятство он для вас.
И ежели его, суд рь, с седла сшибете,
То ваша Улинька...

Судья

Ни для чего, нет, нет,
Чрез драку не введу моей души в лабет.
Чтоб я дрался, того в судах вы не найдете,
А многажды был бит и брал с того доход.

Пролаз

Да кто же говорит, чтоб вам подраться?
Законами к нему вы можете придраться
И, сделав вексельным уставом оборот,
Указов силою отбить его невесту.

Судья

Вот это сказано по сердцу, кстати, к месту.
Но только намекни, молодчик кто таков?
В отставке, в службе ли и много ли долгов?

Пролаз

Известный Ветромах...

Судья

Ну, этого довольно.
И сердцу моему то было б очень больно,
Когда бы победил меня сей Ветромах,

Которого весь ум в французских лишь словах,
В помадах и духах и в пудре благовонной.
Как модная мадам, так точно пахнет он.
Молчи ж, коли то так, колодезь ты бездонный!
Ты рода знатного, но есть у нас закон.

Пролаз

Мать Улиньки своим пленил он родом знатным;
И если бы ее в том можно убедить...

Судья

Молчок! могу его не только засадить...
Ни слова... сделаюсь по-свойски с ним, развратным.
Он жизни за меня своей не будет рад.

(*Уходит.*)

Явление 3

Пролаз, а после Прият.

Пролаз

Вот как изволил наш судья разгорячиться!

(*Увидя Прията.*)

А! барин.

Прият

Я, скажи, умел ли нарядиться?

Пролаз

Прекрасно! надо лишь принять суровей взгляд,
Высматривать на всех печально, исподлобья,
И точно говорить, читают как надгробья.

Прият

Какую пользу даст мне этот весь обряд?

Пролаз

Ведь я вам сказывал, Марина то ж твердила.
Уж сердце Улиньки она поворотила.

Вам надобно теперь понравиться отцу,
Чтоб это привести удачливо к концу.
Забыв, что вы Прият, вам надо быть Семеном;
Не «вы» ему, а «ты» и в шляпе говорить.
Еще ли надо мне вам то же повторить,
Что тысячу я раз твердил?

Прият

Я чту законом
Всё то, что ты сказал. Лишь то противно мне,
Что надо грубым быть, подобно как стене,
Против родившего красы неоцененны.

Пролаз

Лишь только от того успехи несомненны,
Вы слышите ль, суд рь, вам Улиньку достать!

Прият

Ин быть по-твоему… Однако что сказать,
Когда увижусь с ним? — Что ты твердил недавно,
То всё из памяти к тебе ушло назад.
Могу я оробеть и молвить невпопад.

Пролаз

Могу и в этом вам я пособить исправно.
Я стану вместо вас высказывать слова.
Смотрите же, суд рь, чтоб ваша голова
Всегда была смежна с моею головою,
Чтоб голос мой всегда казаться вашим мог.

(*Увидя Лентягина.*)

Вот он сам.

Прият

Помоги, любви всесильный бог!

Пролаз

Старайтесь быть, сударь, всегда передо мною.
Никак не двигайте ни языка, ни ног.

(*Прият стоит как вкопанный.*)

Явление 4

Лентягин, Прият, Пролаз.

Пролаз

(*подошед к Лентягину*)

Вот тот знакомец мой, умом набитый, честью,
Тот твердый филоз ф и, словом, — вот Семен.

Лентягин

То сказывает вид, как честен он, умен.

Пролаз

Ты это видишь сам, что не знаком он с лестью.

(*Пролаз, подводя Лентягина к Прияту, становит его одаль. Прият, забывшись, хочет шляпу снять; но Пролаз, проворно становясь за ним, удерживает его и говорит следующие речи притворным голосом вместо Прията.*)

Пролаз сказал, что ты хотел меня узнать,
Итак, к тебе пришел я, этому поверя.
То правда ли, скажи, что ты, всё честью меря,
Не смотришь ни на что? Иль лучше так сказать,
Что, не хотя плясать по светской подлой дудке,
К ногам твоим поверг поганы предрассудки?

Лентягин

Ты слышал правду. Кто ж тебе сказал о том?

Пролаз

(*вместо Прията*)

Весь свет, смеясь, тебя считает дураком,
А я же, несмотря глупцов на гнусну едкость,
Тебя за Феникса считаю и за редкость.

Лентягин

О, чудо наших дней! и в младости такой!
Пожалуй, твоего знакомства удостой.

Пролаз

(*вместо Прията*)

«Знакомства удостой»! и то тебе не стыдно?

Ты не очистился еще от дрязгу, видно,
И светский комплимент сказал.

Лентягин

Ты очень прав.
Я признаюсь, что, быв со глупым светом близок,
Остатки от него еще мой кажет нрав.
Прости мне то, что был теперь я столько низок.

Пролаз
(*вместо Прията*)

Другой проступочек ты сделал предо мной:
Иль будь со мной простей иль я уйду домой...

(*С сердцем.*)

Просить прощения честн му человеку!

Лентягин
(*Прияту*)

Коль хошь, побей меня, терпенье лишь возьми.
Тобой кажусь себе к златому близок веку.

(*Пролазу.*)

Любезный мой Пролаз, меня ты обними,
Ты мне доставил дар бесценный и небесный.

Пролаз
(*Прияту на ухо*)

Теперь, суд рь, скорей стрелчка отселе дай.

(*Прият скоропостижно уходит в то время, когда Пролаз обнимается с Лентягиным.*)

Явление 5

Лентягин и Пролаз.

Пролаз

Ты видишь, молодец какой он пречудесный.

Лентягин
(*думая, что Прият еще тут, хочет его обнять*)
О мудрый мой Семен, будь другом мне и знай,
Что я... Да где же он?

Пролаз
Пришла охота, видно,
Ему иль есть, иль спать. Он так, как я с тобой,
Без принуждения.

Лентягин
Зачем пошел домой?
Он мог бы у меня — или казалось стыдно?

Пролаз
Иль может нашему что стыдно быть уму?
Однако у себя спокойнее ему.

Лентягин
Ты сделаешь ли мне навеки одолженье?

Пролаз
Скажи, и я готов.

Лентягин
Не пощади всех сил,
Мой друг, чтобы Семен мне сделал утешенье,
Переселясь ко мне, со мною б вечно жил.

Пролаз
Трудненько это мне, однако постараюсь...
Да знаешь ли, что мысль мою теперь тягчит?
Не менее тебя Семену удивляюсь,
Но, видя, он каков, я совестью терзаюсь:
Бунтуя, честь моя против меня шумит.
Как! счастье действует над мудрецами даже?
Я буду зять тебе, а лучший наш Семен...

Лентягин
Да склонен ли, скажи, мой друг, к женитьбе он?

Пролаз

Верь мне, жениться он меня умеет глаже.
Я помню, говорил он мне однажды так,
Что для того себе считает нужным брак,
Чтоб вывести семью премудрых, нам подобных;
И, свет стараяся совсем преобразить,
Побольше развести людей честны́х, не злобных.
Не должно ль мне ему невесту уступить?
Мне это честь велит; тебе велит честь тоже
Дать Улиньку тому, кто больше философ.
Семену более на ней жениться к роже.
Ты видишь, мудростью преодолев любовь
И всё, я честности несу на жертву счастье
И лучшему меня я право отдаю.
А за мое, мой друг, толь редко беспристрастье,
Коль можно, мне отдай Марину ты твою.
Премудрости моей довольно и Марины.

Лентягин

О, честный человек! не согласиться как
На философские толь важные причины!
Что ты сказал, верь мне, мой друг, тому быть так.

Явление 6

Лентягин, Ветромах, Пролаз, Высонос.

Ветромах
(*Лентягину*)

Я к вам, мосье, пришел exprès, чтоб извиниться.

Лентягин

Оставь меня, оставь, иль должен я взбеситься.

Высонос
(*на ухо Ветромаху*)

Оставьте вы теперь французские слова.

Ветромах

Да без того моя в пень станет голова.

Высонос

Как можно жалобней по-русски говорите.

Ветромах

Превозмогу себя.

(*Лентягину.*)

Меня, суд рь, простите…

Пролаз

Какая подлость то — прощения просить!

Лентягин
(*указывая на Ветромаха*)

Кто так пестер, кудряв, могу ль тому простить?

Пролаз
(*Лентягину*)

На попугая нам возможно ли сердиться?
Нам должно от него скорее удалиться.

Лентягин

Ты правду говоришь.

(*Хочет уйти.*)

Ветромах
(*останавливая Лентягина*)

Позвольте всё сказать.

Лентягин

Как хочешь можешь ты, когда уйду, болтать.

Ветромах
(*останавливая его*)

Три слова лишь скажу, и после в вашей воле.
Каков доныне был, таков не буду боле.
Я чувствую, что я испорчен светом был,
И вижу всё теперь.

Пролаз
(*на ухо Лентягину*)

Ты видишь ли притворство?

Ветромах

Системой вашей я глаза мои открыл.
Вперед увидите мое к себе покорство;
И ваших правил я прилежный ученик.

Лентягин

(*Пролазу*)

Смотри-ка ты, мой друг! какой промышленни́к!

Пролаз

(*Ветромаху*)

Мы разве дураки? Окончи ты насмешки.

Ветромах

(*Пролазу с сердцем, топая ногою*)

Бездельник, замолчи!

Лентягин

Вот как ты лучше стал!
Поди, точи твои, кому ты хочешь, пешки.

Пролаз

(*уходя*)

От нашей секты прочь, ты нас бы замарал.

Явление 7

Ветромах и Высонос.

Ветромах

(*грозя вслед Пролазу*)

Заплатишь мне, maraud! ты жизнию твоею.
Что сделал я bassesse, о том лишь сожалею.
О честь! ты мне obstacle бездельника убить,
Который смеет мне, о, sort! ривалем быть.
Я знатный дворянин, а он слуга ничтожный,
А то бы на тот свет ссудил я подорожной.

(*Высоносу*.)

Ты, мой слуга, скажи, имеешь ли ты дух
Из счету выключить его живущих слуг
И умертвить?

Высонос

Что вы, мосье! побойтесь бога.
Иль мыслите, в Сибирь приятна мне дорога?
Мосье! то на Руси не водится у нас,
До смерти чтоб убить, и очень то бесчестно.

Ветромах

Иль право чести мне, ты мыслишь, неизвестно?
Maraud! И можешь ли мне тем колоть ты в глаз,
Чтоб point d'honneur возмог забыть в моей я мести?
Хочу, чтоб ты убил путем французской чести.

Высонос

А как, мосье?

Ветромах

О, sot! Служа так долго мне,
Быть надобно тебе так глупу, как стене.

Высонос

Скажите только как, готов убить я честно,
То есть, чтоб не было за то чего спине.
А впрочем, истребить его мне очень лестно.
Я склонность чувствую отмстить не меньше вас.
Марина, сколько мне догадкою известно,
Неверный на него коробит также глаз.

Ветромах

Дуэлем истребить бездельника возможно.
Ты вызови его, и с шпагами в руках...

Высонос

А ежели его, мосье, не пр ймет страх?

Ветромах

Он трус, поверь мне в том.

Высонос

Мне разве осторожно,
Искусненько, мосье, на это поступить.
То есть чтоб чем-нибудь всё тело обложить,
Чтоб проколоть нельзя.

Ветромах

Как хочешь, но исполни,
Иль сто ударов я тебе... ты это помни.

Явление 8

Высонос
(*один*)

Исполнить должно мне, отмстить за нашу честь
И дело славное хоть разик произвесть.
Но прежде, нежели я тем себя прославлю,
Я в безопасность грудь мою от ран поставлю
И множеством дестей бумаги обложу.
Тогда-то храбрость я надежно покажу.
Мне сделать то велят различные причины:
И что из рук у нас выходит миллион,
И хладнокровие изменницы Марины.
Увидит то злодей, какой я дам трезвон!
О ты, которого я столько ненавижу,
Который столько мне причин сердиться дал,
Дрожи!.. Притом же я в дуэле то увижу,
Чего родясь еще я сам и не видал,
То есть каков я храбр...

(*Увидя Марину*.)

А вот моя неверна.

Явление 9

Высонос, Марина (*выходит, отворачиваясь от Высоноса*).

Высонос

Давно ль ты стала так, мой свет, высокомерна,
Что и прист пу нет?

Марина

Пожалуй, ты отстань.

Высонос

И рожу в сторону воротишь.

Марина
(*отталкивая его*)
Перестань.
Мне время нет, поди.

Высонос
За что ж ты так вздурилась?
А прежде — помнишь ли?..

Марина
Не помню ничего.

Высонос
Я знаю, отчего ты столько возгордилась:
Ты к философии с Пролазом пристрастилась.

Марина
Не трогай ты ничем Пролаза моего.

Высонос
Пролаза твоего?.. Ту грубую скотину?
Не узнаю мою я более Марину.

Марина
Не узнавай; о том лишь я тебя прошу.

Высонос
Так знай же, твоему Пролазу отомщу!
Ты будешь плакать, верь!

(*Уходит.*)

Явление 10

Улинька (*выходит, задумавшись*), Марина.

Марина
(*в сторону*)
Вот как она уныла.
Пилюли действуют, которы я дала.

Улинька
А я тебя ищу; скажи, где ты была?

Марина

Что вы печальны так?

Улинька

Сама себе постыла.
И свет мне стал немил с тех самых пор, как ты
Изобразила мне так черным Ветромаха.
Исчезли предо мной те мнимы красоты́.

Марина

Женою быть его, поверьте, много страха.
Всё прожил, весь в долгу; не вами пл нен он,
А любит искренно ваш только миллион.
И можно ль ожидать любви от вертопраха?
У модных молодцов прелестна только та,
Которая мотать им средство доставляет;
А после — денег нет, и прелесть исчезает.
И нынече жена подобно как руда:
Лишь выйдет золото, оставят навсегда.

Улинька

Речь каждая меня смертельно ужасает.

Марина

Вы скоро правду слов узнаете моих,
Что мало женихов, каков Прият, таких.

Улинька

Почто ж он был, почто так робок, непроворен?

Марина

Ему казался путь ко счастию затворен.
Он, смертно полюбя, считал вас божеством
И думал, что он вас не может быть достоин.
Болезнь его, болезнь уверить может в том:
Отъездом вашим был он столько беспокоен,
Размучен, что без вас тотчас же занемог.
Мне сказывали: он не мог таскать и ног,
И тотчас после вас горячкой слег в постелю,
И бредил Улинькой он целую неделю;

Потом, как жар прошел, то прискакал сюда
Затем, чтоб умереть у ваших ног от страсти;
И шпагу уж купил.

Улинька

Какая же беда!
О, бедненький! Нельзя ль ему помочь в напасти?

Марина

Его вы можете лишь только исцелить.
Он, право, хочет кровь свою при вас пролить.
Он тотчас будет к нам и, ставши на колени,
Вот так...

(*Становится на колени*.)

«Сударыня! — тогда вам скажет он. —
Вы не услышите ниж малейшей пени,
Не вы виновны в том, что мне судьбы закон
Велел, навеки в вас влюбяся, лишь терзаться.
Однако не могу судьбе повиноваться.
Я должен умереть, не могши быть любим.
Когда надежды нет желаниям моим, —
Прости, дражайшая!»

(*Марина, вынув опахало, хочет им заколоться*.)

Улинька

Постой!.. Ах, как же я забылась!
Казался сам Прият.

Марина

Не грех ли будет вам,
Когда от вас умрет Прият?.. Да вот он сам.

Явление 11

Улинька, Марина, Прият (*которого силою тащит Пролаз*).

Прият
(*Пролазу*)

Беда! ах, Улинька от нас отворотилась!

Пролаз

Не стыдно ль! робость в вас опять, суд рь, вселилась.

Прият

Отложим на сей раз открытие любви:
От страха чувствую, Пролаз, мороз в крови.

Пролаз

Приближьтесь к Улиньке, и будет потеплее.

Марина
(*Улиньке*)

Смотрите, он дрожит, — кто может быть страстнее?
Как бледен!

Улинька

Бедненький!

Пролаз
(*таща Прията*)

Хотите ль, чтобы я,
За вас к ногам ее упав, открыл ваш пламень?

Прият

Любезный мой Пролаз, ты одолжишь меня.

Пролаз
(*тащит его*)

Вы знаете ль, суд рь, что с вами треснет камень!

Прият

Пожалуй, не сердись. Иду... я трепещу!
Как примет то она, что столько я нахально,
При всех... Как горько мне и будет то печально,
Когда рассердится... Я случай приищу,
Когда куда-нибудь поедет на гулянье.

Пролаз

Я разумею вас: на поле, на лужку,
Овечек миленьких и пастухов в кружку...
Не стыдно ль пропускать толь сч стливо свиданье?

Представьте вы себе Маринушку кустом,
Меня хоть с сною, себя же — пастушком,
Пастушкой — Улиньку, а зеркало — рекою.

(*С силою притаща к Улиньке*.)

Я к вам привел его и телом и душою.

Прият
У вас во власти всё: и жизнь и смерть моя...
Не гневайтесь... или навек погибну я.

Улинька
За что сердиться мне? О вас я сожалела.

Прият
Что слышу! в радости... не знаю, что сказать,
И сердце вон летит, и не могу дышать!

Марина
(*Прияту*)

Мне барышня, сударь, велела то сказать,
Что не противны вы.

Улинька
(*Марине*)

Солгала на меня;
Но, нагло так меня бесстыдством ты виня,
Скажи: когда тебе я в этом открывалась?

Марина
Не говорили вы, сама я догадалась.

Прият
(*Марине*)

Такою дерзостью меня ты погубишь.
Марина! для чего неправду говоришь?
На первый случай я доволен сожаленьем,
И больше ничего не смею я хотеть.

Пролаз
Такого не видал охотника терпеть,

Всегда откладывать и, веселясь мученьем,
На свете только жить одним воображеньем.

(*К Улиньке.*)

Узнайте, я его поверенный в делах.

(*Становится на колени пред Улинькой
и с собою Прията становит*.)

Услышьте просьбу вы его в моих устах...
Вы видите, как худ он стал от жаркой страсти...
Немного уж ему осталось догореть;
А жизненной свечи прибавить в вашей власти...
Не дай, сударыня! от вас нам умереть...
Коль барин мой умрет, и я за ним туда же!
Скажите, много ли его собою глаже?
Молодчик хоть куда; и мастер так любить,
Что этаких нельзя ни з что и купить.
Скажите же ему: не тщетно ты мной страстен.

Марина

Когда за барина умел ты проболтать,
Равно за барышню мне должно отвечать.

(*Жеманным голосом Прияту*.)

Ты знаешь: жребий мой родителям подвластен;
Прият! когда они согласны будут в том...

(*Улиньке.*)

Окончите теперь остаток вашим ртом.

Улинька

Согласна буду я.

Прият
(*целуя руку Улиньки*)

О, радость несказанна!
Мне жизнь обновлена прещедрым божеством!

Пролаз

Я вижу гостя здесь, Маринушка, нежданно.
Выходит Высонос; отсель подите прочь.

Явленние 12

Высонос (*с двумя кортиками под полою, бумагой толсто обложен и кафтан весь застегнут*) и Пролаз.

Высонос
(*сам с собой вдали*)

Я так сердит, что свет мне кажется, как ночь.
Надеяся на то, что глупый этот струсит,
Намерен я его на поединок звать...
Ну, ежели его черт храбрости укусит
И если вместо он того, чтобы дрожать,
Приободрившися, не вздумает бежать?..
Пропал я!.. Но тому быть, кажется, не можно.
Слыхал я: филоз ф не любит умирать.
Притом же поступил я очень осторожно:
Бумаги десть на грудь взложил я вместо лат.

Пролаз
(*издали*)

Зачем ты здесь один, любезный друг и брат?

Высонос
(*сам себе*)

Один? любезный друг и брат! — о! он робеет!

(*К Пролазу гордо и смело.*)

Коль чести правила бездельник разумеет...

Пролаз
(*так же гордо и смело*)

Ну что ж?

Высонос
(*струся*)

Ну, только...

(*Сам себе.*)

Черт его пускай возьмет!
Он смотрит, будто бы меня совсем сожрет.

Пролаз
(*сам себе*)
Его мне бледный вид добра не предвещает:
Он, кажется, меня, как репку, искусает.

Высонос
(*сам себе*)
Ну, милый Высонос! приободрись, дружок!
Он храбрым кажется, быть может, только с рожи.

(*Пролазу*.)

Ты знаешь ли, на что твои дела похожи?

Пролаз
На что?

Высонос
На то, за что сажают вас в острог.

Пролаз
(*сам себе*)
От ужаса ни рук не чувствую, ни ног,
Однако должно скрыть мне робость ради чести.

Высонос
(*сам себе*)
Изрядно! он дрожит!

(*Пролазу*.)

Что ж ты не говоришь?
Не видя ничего, уж ты как лист дрожишь.

Пролаз
Не горячися так; сказать тебе без лести,
От сердца я дрожу

(*отступая дале*)

и бойся ты меня.

Высонос
(*также отступая дале*)
Бояться мне? тебя!.. тебя? такого пня?

Ты должен отвечать за смертную обиду,
Котора сделана и барину и мне.
Хоть тресни, но отсель дотоле я не выду,
Доколе кортиком не прилеплю к стене.

(*Вынимает кортик*.)

Пролаз

Разбойник ты! ведь я, ты видишь, безоружен!

Высонос

Ты судишь по себе равно и обо мне:
О чести знать тебя я более досужен.
Для защищения тебе коль кортик нужен,
Возьми, вот он,

(*бросает Пролазу один кортик издали*)

и знай: я честный человек.

Пролаз
(*поднимая кортик*)

Увидишь, я каков; твой кортик поднимаю;
Но, как я филоз ф, то ведай, что вовек
Я первый брани, драк ни с кем не начинаю.
Ты наступай.

(*Отходит подале*.)

Высонос

Нет, ты.

(*Отступает подале*.)

Пролаз

Ведь ты обижен был.

Высонос

Ты правду говоришь, я это позабыл.
Давай!

(*Не вынимая кортиков из ножен, оба машут издали*.)

Постой! еще мы не уговорились,
Колоться ль должно нам иль рубку произвесть.

Пролаз
Что до меня, моя рубиться любит честь.

Высонос
Моя колоть.

Пролаз
Так мы еще не согласились?

Высонос
Не соглашуся я рубиться никогда.

Пролаз
А я колоть, — итак, дуэль не состоялся.

Высонос
Хоть трусом почитал тебя я завсегда,
Не думал, чтоб Пролаз колоться отказался.

Пролаз
Кто колет, разве тот считается храбрей?

Высонос
Конечно.

Пролаз
Ин изволь, и стань же в позитуру.
Увидишь, проколю как я твою фигуру!
Да отчего, скажи, ты кажешься толстей?
За час ты тоне был.

Высонос
Трус только лишь худеет,
А храбрый человек час от часу толстеет.

Пролаз
Да что та храбрость вся застегнута твоя?

(*Расстегивая несколько камзол и показывая грудь.*)

А пред тобою — на! — открыта вся моя.

Высонос
Коль хочешь, ты себе, пожалуй, застегнися.

Пролаз

Послушай!.. Человек ты честный, говоришь?

Высонос

И очень.

Пролаз

Если так, ощупать мне велишь
Ты прежде честь твою.

Высонос

Нет, нет, ты тем не льстися,
Она и без того, дружок! видна, как скло.

Пролаз

Однако ж твой кафтан не так ведь, как стекло.
Не видно, под него какую вещь заправил.
Знать надо, из чего ты честь твою составил,
Котору грубо так ты скрыл под твой кафтан.
Честь оттопырилась твоя, мне очень видно.

Высонос

Так думать обо мне или тебе не стыдно?

Пролаз

Послушай: я, узнав преподлый твой обман,
Когда начну колоть, то метить в рожу стану.
Изрежу, проколю твое лицо насквозь.

Высонос
(*в сторону*)

Бездельник сделает мою красу хоть брось.

(*Пролазу.*)

Уверить чем тебя, что нет во мне обману?
Божиться ль?

Пролаз

Не божись, а лучше договор
Мы сделаем с тобой. Чтобы окончить спор,
Положим кортики мы прежде на пол оба,
Чтобы с оружием осталась наша злоба;

Потом, по-дружески сошедшись, разберем;
И если честь твоя толста не от обмана,
Опять, коль хочешь ты, мы кортики возьмем.

Высонос

Изволь,

(*кладет кортик*)

кладу тебе толь страшного тирана.

Пролаз
(*положа кортик*)

И я.

(*Шагнув один раз.*)

Вот я уже шагнул.

Высонос
(*так же шагает*)

И я ступил.

(*Оба вместе сходятся.*)

Вместе

Раз, два, три.

Высонос
(*останавливаясь*)

Лишний шаг ты, плут, с меня слупил.

Пролаз

Изволь, я раз еще ступлю в твою угоду.

(*Скоропостижно прибегает к Высоносу, расстегивает его, и множество дестей бумаги сыплется.*)

Бездельник! храбрость вся рассыпалась твоя!
Мошенник!

(*Дает оплеуху Высоносу.*)

Высонос
(*дав оплеуху Пролазу*)

Не спущу такому я уроду!

Пролаз
(*бежит к кортику*)

К ружью! к ружью!

Высонос
(*также бежит к своему кортику*)

К ружью! взбешен теперь-то я!

Пролаз

Кровопролитие у нас пойдет ужасно.
Кто так сердит, как я, что может быть опасно!

(*Высоносу.*)

Бездельник! будь готов себя оборонять.

(*Издали выпав, отступает.*)

Высонос

Прощайся с светом!

(*Так же, издали выпав, отступает.*)

Пролаз
(*в сторону*)

Нас никто нейдет разнять.

Высонос
(*в сторону*)

Как люди нонече немилосерды стали!
Мы кровь лием, а к нам не выглянет никто!..
Я стану-ка шуметь, авось поможет то.

Оба вместе
(*друг на друга издали выпадая*)

Ге! ге! ге!

Пролаз

Никого. Как будто все пропали.
Вот люди каковы: пожалуй, ты умри, —
Никто из них тебе не скажет добра слова.

Высонос
Пролаз! по совести, что ты ни говори,
А чтобы умереть, в том много есть пустого.

Пролаз
Ты правду говоришь... Что ж нам — начать ли снова
Тот бой, который мы так храбро провели?
Противу чести мы не сделали прорухи.

Высонос
Довольно, кажется, мы крови пролили,
И помнится, у нас по полной оплеухе.

Пролаз
Мы равной храбрости и одинаких сил,
И если б, Высонос, день целый мы дралися,
Из нас никто б один другого не убил.

Высонос
А как у нас теперь и раны завелися,
То мы скорее их пойдем перевязать.

Пролаз
Не лучше ль в доме нам питейном побывать?
От храбрости всегда ужасна жажда мучит.

Высонос
То правда, у меня от ней и брюхо пучит.
Привычка храбрецов приятна очень мне,
Подравшись, утопить свою вражду в вине.

Действие пятое

Явление 1

Лентягина и Высонос (*пьян*).

Лентягина

Подумать можно ли! служитель Ветромаха
Так пьян!.. Поди, поди; мне стыдно и смотреть.

Высонос
(*шатаясь*)

Когда бы так, как я, вы были близко страха!..
Случилося ли вам в дуэле умереть?

Лентягина

Поди отселе вон; хоть стоишь наказанья,
Но думаю, что впредь не будешь вечно пьян.

Высонос

На что же думать так? — При перевязке ран
Все таковы, чтобы не чувствовать терзанья.

Лентягина

Он бредит, и в вине весь ум свой утопил.
Когда бы ты не так собою статен был,
Когда бы не умел по-светски обращаться
И столько щегольски, манерно представляться,
Я отослала бы тебя назад тотчас,
И верь, за то тебя твой барин сбил бы с глаз.

Высонос

Я вижу, чванишься, что ты богата слишком.
Мой барин гол, да мы работаем умишком.
Не думай, без тебя мы, право, не умрем.
И лучше Улиньки твоей себе найдем.

Поверь, не Улинька, а миллион нам нужен.
Мой барин не весьма с богатством, видишь, дружен.
Он с ним поссорился, из дома выгнал вон.
Совсем бессребреник и бескорыстник он.

Лентягина
(*в сторону*)

Что слышу? Небеса мне сами случай дали
Узнать о всем... дрожу... ну, ежели он мот?..
И если правда то, что мне о нем сказали?..

(*Высоносу.*)

Да чем же держится его толь знатный род?

Высонос

Чем хочет... Был старик у нас, приятель честный,
Который помогал... всем людям друг известный...
Который милостью молодчикам вредит.
Жаль; умер он... совсем...

Лентягина

Кто он таков?

Высонос

Кредит.

Лентягина

Так много должен он?

Высонос

Всё выведать желаешь.
Да скромность я мою, как сам себя, люблю.
О наших ничего долгах не объявлю.

Лентягина

Ты спьяну, кажется, пустое мне болтаешь.

Высонос

Пустое? — Честь мою ты этим обижаешь.
И если рассержусь, по пальцам всё сочту.
За всё мы существо должны презнатна рода.

Заимодавец наш — вот вся почти природа.
За некую должны мы также красоту.
Мы ею, а она безмерно нами стр стна...
Французская мамзель — ах, как она прекрасна!
Какой румяный рот! какой открытый глаз!
Хотите ли того: я познакомлю вас?
Какие зубки, нос и розовые щечки!..
У вашей всё не так единородной дочки.

Лентягина
Молчи, негодный ты и с барином твоим!

Высонос
Негодный!.. Мы давно ль негодны стали с ним?
За что?.. Что любим мы то всё, что нам приятно:
Богатство в Улиньке, красу в мамзель Жавот?
Знай, Улинька ее у нас не отобьет.
Послушай, было бы тебе то всё понятно:
Женясь на Улиньке, любовь мы подкрепим.
Из ваших денег долг Жавоте отдадим.
Ни для чего Жавот мой барин не утратит,
И Уля за любовь француженке заплатит.
Так барин говорит.

Лентягина
(*с запальчивостию*)
Поди ты с глаз долой!

Высонос
Прости ж, когда тебе быть хочется одной.

Явление 2

Лентягина
(*одна*)
Моею дочерью бесчестно так ругаться,
Обманывать меня, на наш чтоб только счет,
Обогатясь, мотать — и после нам смеяться
С французской девкою, которой подлый род

Не стоит и того, чтоб на нее взглянуть!
Теснится грудь моя, и не могу вздохнуть!..
Возможно ль не любить девицу благородну,
Любя такую тварь, у коей нет колен
Дворянских родовых?.. Мне даже стыдно стен!

Явление 3

Лентягина, Пролаз.

Пролаз
(*в сторону*)

Лентягина теперь играть изволит в ёдну,
То есть сама с собой изволит говорить.

Лентягина

Бездельник! смеешь ли глазам моим казаться!..

Пролаз

Извольте после вы, сударыня, бранить,
А прежде выслушать...

Лентягина

Ты хочешь притворяться;
Но более меня не можешь обмануть.

Пролаз

Пускай теперь же гром в мою ударит грудь,
Когда хоть слово я скажу несправедливо!..
Неужто вы могли себе вообразить,
Чтобы намеренье имел я горделиво
С супругом вашим в том согласным глупо быть,
В чем он от странности забыл себя так много,
Чтоб барыне такой быть зятем льстился я? —
Похож ли я на то, судить извольте строго:
Фортунина крыльца я на низу стоя́,
Лишь посмотрю на то ужасно расстоянье,
Которое нас так без милости делит, —
От страха на меня тотчас придет зеванье

И омрак голову мне кубарём вертит...
Когда б король какой на Улиньке женился,
Нимало б он таким узлом не острамился.
То как же думать мне, Пролазу, бедняку,
Не только графу, но и даже не барону.
И черт ли понесет так высоко ворону!

Лентягина
Ты правду говоришь, быть надо дураку.

Пролаз
Дурак ли я?

Лентягина
Когда б толь умных было боле,
Куда бы хорошо!

Пролаз
(*кланяясь*)
Итак, чтоб вам помочь,
Супруга вашего покорствовал я воле.
Теперь же от него отшел бред этот прочь,
И я преобратил в ничто его желанье,
Чтоб выдать за меня любезну вашу дочь...
Хотел бы я мое употребить старанье
За Ветромаха, но...

Лентягина
Пожалуй, докончай.

Пролаз
Быть может, на меня вы станете сердиться.

Лентягина
Что хочешь, говори о нем и это знай,
Что случай я о всем имела объясниться.

Пролаз
Он рода знатного, все это говорят,
Хорош, пригож, — ваш вкус не может ошибиться;
Однако родом он не станет с вами в ряд.

Лентягина
Вот новое еще.

Пролаз
Ваш праотец был сват
Осколду древнему, что Киевом ворочал;
А Ветромахов род лет тысячу просрочил.
Не знаю для чего, гордяся родом так,
Он вас, сударыня, и вашу дочь порочил.
Пленяяся одним богатством...

Лентягина
Он дурак,
И ветреник, и мот!

Пролаз
Он прожил три именья.

Лентягина
И думать не могу о нем без омерзенья.

Пролаз
Есть некий дворянин, и молод и пригож,
Из одного он к вам, сударыня, почтенья,
Поверьте в этом мне, я говорю не ложь,
Пылает к Улиньке нежнейшей самой страстью
И хочет с нею быть навек под вашей властью.

Лентягина
А как зовут?

Пролаз
Прият.

Лентягина
Он, помнится, сосед
По нашим деревням, и мне его хвалили.

Пролаз
Сама хвала за ним всечасно ходит вслед.
Одни беспутные его не полюбили.
Позволите ль ему почтенье вам отдать?
Он все мои слова сам может оправдать.

Лентягина
Представь ты мне его, ему я рада буду.

Пролаз
(*в сторону, отходя*)
Нам счастье, кажется, открыто отовсюду.

Явление 4

Лентягина, Свирелкин.

Свирелкин
Уж всё окончено, что вам я обещал.
И как, сударыня, вы знаменита дама,
То вот похвальная для вас эпиталама.
Простите — дочери перёд я вашей дал
И красоту ее я прежде описал.

Лентягина
Нет н жды, и стишков начните ваших чтенье.

Свирелкин
Чтоб лучше изъяснить любовное мученье,
Я прелесть живо так ее изобразил,
Как будто с нею лет я десять вместе жил.
Пиитам лишь дано толь сильно воображенье.
Потом, сударыня, увидите себя
Достойной матерью толь дочери прелестной...

Лентягина
Увидим. — Ну, суд рь!

Свирелкин
Смертельно полюбя,
Я громов не искал поэзии чудесной:
Всё нежно, плавно всё, всё сердце говорит.

Лентягина
Да где ж узнали ту, кем так ваш дух горит?
Где видели вы дочь?

Свирелкин

Нигде, и н жды нету
Предмет дражайший знать великому поэту.
Хотя б любовница была крива, урод, —
Загладит это всё струя пермесских вод;
Но в вашей дочери что есть, то всё прелестно.
По вас, сударыня, то ясно мне известно.

Лентягина

Читайте же, суд рь!

Свирелкин

Извольте же внимать.

(*Читает*.)

«Эпиталама. Драгой Ирисе...»

Лентягина

Как изволили сказать?

Свирелкин

Ирисе.

Лентягина

Кто ж она?

Свирелкин

То ваша дочь неложно.

Лентягина

Моя дочь Улинька.

Свирелкин

Да быть тому не можно.

Лентягина

Не можно быть? Что вы! мне надо лучше знать.

Свирелкин

Да имя Улиньки в стихах весьма не звучно.

Лентягина

Я Улиньку хочу, не спорьте, мне уж скучно.

Свирелкин

Ин быть по-вашему. Я стану так читать,
Как вам, сударыня, угодно приказать.

(*Читает.*)

«Дражайшей Улиньки в очах
Мне с мо ясно небо видно.
А то самой заре обидно,
Что нет того в ее цветах,
Что видим Ули на устах.
Глаза пресветло-голубые...»

Лентягина

Постойте — вздор! вам то сказали люди злые.
По этому моя была бы дочь коза.
У дочери моей каштановы глаза.

Свирелкин

Богини были все всегда голубооки;
А верьте, в красоте богини были доки.

Лентягина

Что н жды до богинь!

(*Увидя Тромпетина.*)

А вот другой идет
И целую тетрадь с собою к нам несет.

Явление 5

Лентягина, Свирелкин, Тромпетин.

Лентягина
(*Тромпетину*)

Прошу пожаловать с своими вы стишками.
Увижу я теперь всю разность между вами.

Свирелкин
(*Тромпетину*)

Я рад тому, что рок соперника мне дал,
Который, как Алкид, вовек не упадал.

Тромпетин
Вкушаю также я неизреченну радость,
Что в поле славы с тем вступать имею честь,
Из уст которого течет Венеры сладость.

Свирелкин
Что вы великий муж, вещает то не лесть.

Тромпетин
Творенья ваши всем, как летний день, прелестны.

Свирелкин
И ваши обществу достоинства известны.

Тромпетин
Никто не сочинит подобных вам стихов.

Свирелкин
А в ваших никаких не может быть грехов,
За кои Аполлон с Парнаса низвергает.

Тромпетин
В идиллиях ваш дар, как ясный Феб, сияет;
В элегиях у вас плачевнейший содом.

Свирелкин
А в одах пышных вы — и молния и гром.
От тяжкой силы их дрожит читатель, стонет.

Тромпетин
Коль острота кого сатиры вашей тронет,
Ручаюся, тому на свете не живать;
А чтобы словом всё единым окончать,
Что в остром, в нежном вы — я то в гремящем, в пышном.

Свирелкин
Однако ж громкое и я могу писать.

Тромпетин
Но что уверит в сем о вас, еще не слышном?
Не знаю, чтоб ваш стих причастен был тех гроз,
Которые в моих.

Свирелкин

А «Ода на мороз»!

Тромпетин

(*со злою усмешкою*)

Растаяла давно студена ода эта.

Свирелкин

Но если голосу всего поверить света,
Есть нечто в ней, чего и вам не удалось.

Тромпетин

(*с сердцем*)

Не удалось и мне? Сказать кто это смеет,
Который ни ума, ни вкуса не имеет?

Свирелкин

Не ведаю и сам, как это всё сбылось;
Но «Ода на мороз», мне музами внушенна,
Пред вашими навек пребудет предпочтенна.

Тромпетин

(*усмехаясь гордо*)

Которы скажут так, тем плюньте вы в глаза.
Свирелкин! верь, они не знают ни аза
Иль забавляются, шутя над вами едко.

Свирелкин

Кто цену так, как я, возможет знать уму,
Да если сочинит, что нравится ему,
Тромпетин, верь мне, тот обманывается редко.

Тромпетин

А как же в оде так ошибся ты своей?
Впервые ты запел, запел и острамился.

Свирелкин

Не видишь ты красот?

Тромпетин

Нет складу, толку в ней.
Когда б я так писал, я б тотчас удавился.

Свирелкин

Поди ж и удавись, и весь избавь народ
От пухлых ты своих безмозглых, подлых од.

Тромпетин

Поверь мне и сожги с собой любовны вздоры,
В которых без ума ты холодно сгорал
И в полном здравии на рифмах умирал.

Свирелкин

Влюбленные сердца, однако ж, то читают.

Тромпетин

Влюбленные сердца, что делают, не знают.
А если б из твоих лишь торг повел стихов,
Давно б от голода скончался Глазунов.

Свирелкин

Я видел, как твои, изодраны в прилавки,
Свиваются змеей в обертки на булавки.

Тромпетин

Я видел: с семгою обнявшися, судак,
В стенаниях твоих, сказал, что ты дурак.

Свирелкин

Дурак ты сам! ты сын побочный Аполлона!

Тромпетин

Презренный музами, парнасский ты болван!
Не нежный ты певец, но глупая ворона!

Свирелкин

Умолкни предо мной, негодный барабан!
Или...

(*Хватается за стул, и Тромпетин то же делает.*)

Лентягина

Постойте! Вы забыли уваженье,
Которое хранить должны передо мной.

Тромпетин

Неисчерпаемо глубокое почтенье
Заставило меня войти теперь в смиренье;
Но после, после, друг! разделаюсь с тобой.
Потоками мои чернила полиются.

Свирелкин

Все члены у тебя сатирой потрясутся,
Которою тебя я проколю насквозь,

Явление 6

Лентягина, Тромпетин, Свирелкин, Ветромах.

Ветромах

Что вижу! стали вы, мадам, теперь хоть брось!
Не стыдно ль с чернью вам такою унижаться
Или хотите вы, мадам, денигреваться?
Что скажем мы о вас, nous, des gens du haut ton.
Подумайте, мадам, a quel propos, fi donc
Все эти рифмачи что делают здесь с вами?

Лентягина

Всё, что б ни делали, всё будет лучше вас.

Ветромах

Итак, пленились вы их рифмами, стихами?
Но берегитеся взмоститься на Парнас.
Ведь вы не знаете, что то у знатных нас
Считается за honte читать стихи по-русски.
Какие б ни были, лишь только б по-французски, —
И лучших наших всех получше во сто раз.

Свирелкин

Вы можете ль судить? и столько есть ли силы?

Ветромах

Я ведал наперед, что скажет он сотиз.
Как эти русачки с стишками очень милы!

Иль н жда в силе есть? — На то ли, чтоб бетиз
Мне русских понимать? Не жди, того не будет.

Тромпетин

Да чтоб судить, суд рь, знать надобно язык,
Грамматику и то...

Ветромах

Вот выехал старик!
Ты думаешь, ума от этого прибудет?

Свирелкин

Конечно. Без наук ум можно ль просветить?

Тромпетин

И вкус разборчивый возможно ль получить?

Ветромах

Ils sont foux! А на что ж я знатного толь рода?
На то ль, чтоб голову учением трудить
И не уметь без книг, всё знав, разумным быть?
Лишь черни не дана отличная свобода
Быть умным без наук. Не правда ли, мадам?
Мы, знатные, совсем родимся уж готовы.
Как я умен теперь, я так родился сам.
И я себя за всю ученость не отдам,

Тромпетин

Однако...

Ветромах

Знаю, вы велики пустословы.
Учиться должно — вы хотите доказать;
Но доказательства, как смерть, я ненавижу.
Что знаю, знаю то; чтоб словом всё сказать, —
Я думаю, что вас я этим не обижу,
Когда скажу я вам en trois ou quatre mots:
С своей ученостью vous tes des grands sots.

Явление 7

Лентягина, Тромпетин, Свирелкин, Ветромах, судья.

Судья
(*Ветромаху*)
Насилу отыскал его высокородье.

Ветромах
Кто ты таков? Чего ты хочешь от меня?

Судья
В долгах несметных всё я ваше плодородье
Хочу собрать, вам будь не в гнев, сего же дня.

Ветромах
Из дома бешеных ты, видно, увернулся:
Не ведаю, каких ты требуешь долгов.
Кто дал комиссион? и кто ты сам таков?

Судья
Я прежде был судья, а ныне повихнулся,
Сиречь отставку взял.

Ветромах
Как ты отставку взял?
Ты сам ли попросил или начальник дал?

Судья
Вот странные еще какие рассужденья!
Берешь ли сам или дают — ведь всё ж возьмешь
И разницы меж тем нималой не найдешь.
Да дело не о том, и слов для сокращенья
Скажу: отставку взял. Я стряпаю теперь.

Ветромах
А! а! ты стряпаешь; насилу разумею;
И места ищешь ты быть поваром, — поверь,
Хоть нужды в поваре нимало не имею,
Однако же приму тебя, чтобы дать хлеб.

Судья

Да в хлебе вашем нам нималых нет потреб.
Однако ж мной для вас состряпана похлебка,
Котору расхлебать я к вам сюда принес.

(*Показывает бумагу Ветромаху, близко к лицу*.)

Искусства моего вот маленькая пробка.

Ветромах
(*с сердцем*)

Какой ты кажешь вздор? Дурак! под самый нос!

Судья

Изрядно! всяка брань — прибавок мне дохода.
Свидетели здесь есть, —

(*к прочим*)

прошу прислушать вас:
Что тысяча семьсот и девяноста года —

(*Указывая на бумагу*.)

Вот месяц и число — правительства указ,
Гласящий взять его до будущей заплаты,
Я приносил при всей компании честной;
Что вздором называл он сей указ святой;
И после, не страшась никаковой палаты,
Ругательски ругал меня он дураком.

Ветромах

Бездельник!

Судья

Ну, еще нельзя ль и кулаком
И после палочкой мне кое-что прибавить?
Всё это денежки наличны для меня.
Побои и толчки умею переплавить
Я в злато и сребро; и я сего же дня...

Ветромах

Отвяжешься ли ты?

Судья

Готов я отвязаться,
Лишь только узел мой с собою развяжи:
В правление сей час изволь-ка показаться
И за долги себя иль деньги положи;
И дело решено. Вы как ни благородны,
Однако же дотоль не будете свободны.

Ветромах

Я думаю, что я сыскать порук могу.

Судья

Изрядно, ежели им только можно верить.

Ветромах
(*указывая на Лентягину*)

Вот будет кто, спроси — увидишь, что не лгу.

Лентягина

А сколько должен он?

Судья

Ни счислить, ни измерить
Того не можно вдруг.

Ветромах
(*Лентягиной*)

Ручайтеся, мадам,
Я после с Улинькой сквитаюсь и отдам.

Лентягина

О, дерзкий человек! повеса недостойный!

Ветромах

Qu'entends-je! таковым приемом tout fait
До бесконечности interdit, stup fait...
Когда бы каракт р мой не был толь спокойный...

Лентягина

Тогда бы от стыда ты должен умереть!

Ветромах

Ведь этого, мадам, я не привык терпеть.

Лентягина

Поди к своей Жавот, чтоб с ней мотать бесчестно.
Поди; а я должна тебя навек презреть.

Судья
(*Лентягиной*)

Так это милости твоей уже известно?
Да знаете ли вы меж ними договор?
Хоть он и женится, с Жавот не расставаться.

Ветромах

Ну, есть ли тут о чем, мадам, вдаваться в спор?
И можно ль bagatelle такою заниматься?
Я сделал ce contrat — грех этот невелик, —
Чтоб не забыть, мадам, французский мне язык.

Свирелкин
(*Лентягиной*)

И впрямь, когда язык французский он забудет,
Что из него тогда на этом свете будет?

Тромпетин

Чем модный разум он возможет показать?
Останется ему иль лаять, иль мычать.

Явление 8

Лентягина, Ветромах, судья, Свирелкин,
Тромпетин, Прият и Пролаз.

Пролаз
(*Лентягиной*)

По воле вашей, вам Прията представляю.

Прият

Такого счастия, сударыня, не ждал;
И я сей день всех дней блаженней почитаю:
Такого в жизни я еще и не видал.

Лентягина
(*Пролазу*)

Прекрасный молодец. Вот случай я имею

Повесе отомстить!..

(*Прияту*.)

Я очень сожалею,
Что не могла, суд рь, я вас узнать давно.

Пролаз

Мне это было всё судьбой положено,
Чтоб вашего ему знакомства честь доставить;
И бесконечное его почтенье к вам...

Ветромах

Vous tes en d lire et vous radotez, мадам.
Знакомство это всех нас, знатных, позабавит...
Нет, нет, я Улиньку не допущу к тому.

Лентягина

Ты бредишь и меня бесчиньем пострамляешь.
Какое право ты на дочь иметь дерзаешь?

Ветромах

Ее любовь ко мне

(*указывая на Прията*)

я докажу ему.

Прият

(*в сторону. Пролазу*)

Я погибаю! чувств я всех, Пролаз, лишаюсь!

Пролаз

(*Прияту*)

Не будьте просты так.

Лентягина

(*Прияту*)

Что сделалося вам?
Бледнеете, суд рь!

Ветромах

Что н жды в том, мадам,
Он красен, бледен ли? Я этим оскорбляюсь,
Что вы в нем prenez part, — а вот и Уля к нам!

Теперь в любви ее могу я вас уверить.
Она, имея вкус, людей умеет мерить.

Явление 9

Лентягина, Ветромах, судья, Тромпетин,
Свирелкин, Улинька, Марина, Прият, Пролаз.

Улинька
(*став пред Лентягиной на колени*)

Позвольте, матушка, к ногам мне вашим пасть.

Лентягина

Что это значит?

Ветромах

Что ее безмерна страсть,
Которая ее ко мне так мучит много.

Лентягина
(*Улиньке*)

Ты знаешь над тобой родительскую власть;
И, должность рассмотрев твою ко мне ты строго,
О том не говори, что хочешь мне сказать.

Улинька

Лишь слово...

Лентягина

Нет. Тому вовеки не бывать.

Ветромах

Любя вы дочь, h las! вы сжальтеся над нею.

Улинька
(*Ветромаху*)

Соединитеся вы с просьбою моею,
Чтоб матушка могла терпение иметь
И выслушала всё.

Ветромах

Не дайте умереть
Вы вашей дочери. Вы видите: страдает

И счастья быть моей en tremblant ожидает.
Иль, черт меня возьми, иначе поступлю!

Улинька
(*Лентягиной*)

Ах, сжальтесь! вашего прошу ль соизволенья
Мне муку облегчить, которую терплю, —
Прошу я одного лишь только позволенья
Открыть вам сердце. Вы, всё таинство узнав...

Лентягина

Какое таинство?

Улинька

Горя в нежнейшей страсти,
Я рвусь...

Ветромах
(*ко всем с видом, довольным собою*)

Вы видите ль, господчики, я прав!

Улинька

Однако, зная долг к родительской я власти...

Лентягина

Да договаривай и кончи поскорей.

Ветромах

Tout est dit, мадам! для ней я всех милей.
Except moi у ней иного нет в предмете.

Улинька
(*указывая на Прията*)

Вот тот, который мне милее всех на свете!

Прият
(*став на колени пред Лентягиной*)

Я в свет родился жить и умереть для ней!

Ветромах

Que vois-je! Для чего ж я просьбой унижался?

Лентягина

В иное время мне б обиден показался

Сей случай, и меня б он мог на гнев привесть;
Он тронул бы мою чувствительную честь,
Что, мне не доложась, унизилась влюбиться
Ты, Улинька; но как мне должно отомстить,
То позволяю я тебе его любить.

(*К Прияту*.)

Вам честию, суд рь, уж можно тою льститься,
Чтоб зятем быть моим.

Ветромах

Опомнися, мадам!

Прият

(*Лентягиной*)

Я знаю: счастия такого я не стою,
Оно, сударыня, прилично лишь богам.

Лентягина

За мысль такую к вам почтение удвою
И радуюсь, что вам я счастие устрою.

(*Улинька и Прият целуют руки*.)

Явление 10

Лентягина, Улинька, Прият, Ветромах, Тромпетин, Свирелкин, судья, Пролаз, Марина, майор и Трусим.

Трусим

Скажи, любезный друг! я чем же виноват,
Что ты родителям уродом показался!

Майор

И я не виноват. Не отвертишься, брат.
Ты сам же на меня с невестой навязался,
Итак, где хошь возьми, а мне жену поставь.

Трусим

(*Лентягиной*)

Пожалуй, ты меня, родимая, избавь.
Чтоб я его женил, ко мне он приступает.

Нет места от него, как тень, за мной шагает.
Пожалуй, помоги.

Лентягина

Что сделать я могу?

Трусим

Да Улиньку отдай вот этому врагу;
Скорее б от него нам только отвязаться!

Лентягина

Пустое!

Трусим

Для чего?

Лентягина

Не может это статься.

Трусим

Да почему, скажи?

Лентягина

Уж Уля отдана,
И возле жениха теперь стоит она.

Трусим
(*майору*)

Ну, слышишь...

Майор

А чего ж зевал ты, дурачина?

Трусим

Не сам ли ты, скажи, стараться мне мешал?
Ну, если сделалась такая уж причина,
Как быть... Мне помнится, что мне ты намекал,
Что из отставки ты опять желаешь в службу?

Майор

Изрядно, окажи ты мне хоть эту дружбу.

Трусим

Изволь, порожнее уж место приискал.

Майор

Какое?

Трусим

Хоть тебе оно и не по чину,
Да жалованье есть, и можно будет жить.
Пред милостивцем я нагну сегодня ж спину.

Майор

Изрядно! я готов и как-нибудь служить.

Трусим

На этом месте, брат! ты будешь и в покое.
Строки две-три черкнуть...

Майор

Да место то какое?

Трусим

А переводческо.

Майор

Не зная языков,
Мне как переводить?

Трусим

Куда ты, брат, каков!
Какая н жда в том? Ну, все ли много знают?
Всё как-нибудь... Горшки не боги ж обжигают.

Майор

И вправду так. Смотри ж, чтоб это не ушло,
Иль будет от меня тебе навеки зло.

Явление 11

Лентягин, Лентягина, Улинька, Трусим, майор, судья, Ветромах, Прият, Трompетин, Свирелкин, Пролаз и Марина.

Лентягин

Как сладко я уснул!.. Вы все здесь собралися,
И женушка моя, и прочи дураки...

Зачем опять пришли все эти чудаки?
Пролаз! с тобою мы еще не обнялися.

(*Обнимает Пролаза*.)

Лентягина
Теперь я рада, что тобой любим Пролаз;
Не знав его, пред ним я очень согрешила.

Лентягин
Что слышу? Отчего нашел толь добрый час?

Лентягина
На радости, что дочь я нашу сговорила.

Лентягин
Я также сговорил.

Лентягина
Скажи-ка мне, кто он?
Мой будет зять Прият...

Лентягин
А мой, верь мне, Семен.

Лентягина
Ты в прежни дурости опять теперь вступаешь.

(*С сердцем*.)

Что это за Семен?

Лентягин
(*с сердцем*)
Что это за Прият?

Трусим
(*Лентягину*)
А вот, любезный друг, ты сам его узнаешь.
Увидевши его, ты очень будешь рад.

(*Подводит Прията к Лентягину*.)

Лентягин
Что вижу?.. Да, Пролаз, на что ж он нарядился?

Пролаз

Для свадьбы он немного прикудрился.
А после, честь свою украся сертуком,
Ввек не расстанется с тобой и колпаком.
Он и теперь одет, как философский модник:
Всё просто, чисто так, как сердце у него.

Лентягин

(*Прияту*)

Ты философией уж стал мне ближний сродник,
Увидя же в тебе я зятя моего,
И более меж нас наш узел укрепится.
Ну, обними ж меня — ввек станем вместе жить.
На это ты, жена, должна уж согласиться.

Лентягина

И я, и дочь.

Лентягин

Смотри, умна как станови́тся!

Трусим

А я-таки как тут, где надо услужить.
Кабы не я, опять вам долго бы браниться.

Лентягин

Как будет весело! Мой зять, Пролаз и я,
Отменной мудрости отборная семья,
Подымем дурости людские мы на шутки
И дома у себя растопчем предрассудки;
В тулупах, в колпаках мы век златой введем.

Лентягина

Итак, мы рядную теперь писать пойдем.

Лентягин

Ни для чего себя я рядной не унижу,
И философии я этим честь обижу.
Писанием пускай тот свой крепит обет,
Кто может обмануть.

Прият

Так, в рядной н жды нет.

Пролаз

(*Лентягину*)

Ведь я сказал: как ты, он так же мыслит точно,

Лентягин

(*жене*)

Пойдем же их женить, и что болтать беспрочно!

(*Взяв Улиньку и Прията за руки, уходит.*)

Пролаз

(*Лентягиной*)

От философии моей хочу я плод
С Мариной показать.

Лентягина

И я того желаю.

(*Ветромаху.*)

Желаю радостей я вам с мамзель Жавот.

(*Уходит, и с нею Марина.*)

Ветромах

Je suis content, что я не вшел в мещанский род.
Мне кажется, что я весь кузницей воняю.
Adieu.

Судья

(*удерживая Ветромаха*)

Постой, когда я больше не жених
И в волокитстве мне когда Амур так лих,
То прежнее мое искусство принимаю
И, волочась в судах за вами по долгам,
Пригожству моему сам должное отдам.

(*За Ветромахом уходит.*)

Майор

Смотри же ты, Трусим, чтоб был я переводчик.

Трусим

Не бось, уж я взялся, и что тут говорить.

(*Майор уходит.*)

Тромпетин

Любезный наш Трусим дурной в женитьбе сводчик.

Свирелкин

Надежда наша вся прошла, как тень.

Трусим

Ну, как же быть!
В другом служить готов, лишь только намекните.
Чего для счастия вы вашего хотите?

Тромпетин

Теснее с музами в союз хотим вступить.

Трусим

Кто? девушки они иль вдовушки, скажите?
Изволь, посватаю, чтоб вас на них женить.

(*Уходят.*)

Пролаз
(*один*)

Окончив дело, я теперь могу смеяться
Всем этим чудакам!.. Постой, постой, Пролаз!
И оберни-ка ты на всех свой строгий глаз,
А пуще на себя — не станешь забавляться:
Увидишь, ежели не слишком ты дурак,
Что всякий, много ли иль мало, но чудак;
И глупость, предстоя при каждого рожденьи,
Нам всем дурачиться дает благословенье!

НЕСЧАСТИЕ ОТ КАРЕТЫ

Комическая опера в двух действиях

Действующие лица:

Господин Фирюлин.
Госпожа Фирюлина.
Анюта, дочь Трофимова.
Лукьян, ее любовник.
Трофим, отец Анютин.
Афанасий, шут.
Клементий, приказчик.
Толпа крестьян.

Действие происходит в деревне господина Фирюлина, находящейся недалеко от Санкт-Петербурга.

Действие первое

Явление 1

Театр представляет долину, окруженную горами, на одной стороне видны вдали крестьянские избы.

Л у к ь я н (*имея в руках связку*). Уф! как я устал, бежав из города. Я только вчера отсюда, а кажется, будто год моей Анюты не видал... отдохнуть не могу... но напрасно я так торопился. Солнце еще высоко. Вот день, в который я счастлив буду. Чрез час... да! чрез час... повсюду будешь ты со мной... чрез час будешь ты моя жена. Анютушка будет моя!.. какая это радость! Анюта, вот дары тебе, которые я в городе купил.

Ария

Вот розовый тебе платок.
Когда, меня целуя, ты краснеешь,
Тогда ты цвет такой в лице имеешь.
Вот бисер, бел как снег; но он далек
От белизны Анюты дорогия.
О пышные вы жители градские,
Которых видел я в сей час,
Стократно я счастливей вас.

Пойду, пойду к любезной Анюте... а! да вот и она.

Явление 2

Лукьян, Анюта.

А н ю т а. Насилу я тебя дождалася.

Л у к ь я н. Здравствуй, Анютушка, голубушка.

А н ю т а. Можно ли так долго замедлиться в городе!

Л у к ь я н. Я бы виноват был, когда бы не ты сама была тому причиною. Я все искупил, что для тебя и для меня надобно.

А н ю т а. Итак, сегодня совершенно буду я твоя?

Л у к ь я н. Сегодня! Я так тебя люблю, что едва счастию моему верю.

А н ю т а. О чем сомневаться? Батюшка мой видел, как ты бежал в деревню. Он пошел уже к попу; и я думаю, скоро к нам будет сказать, что поп в церкви; а после не только приказчик, и барин сам не может нас разлучить.

Л у к ь я н. Как я счастлив!

А н ю т а. Скажи, что ты видел в городе?

Л у к ь я н. Шум, великолепие. Золото реками льется, а счастия ни капли. Словом: все то же видел, что видали мы с тобой, когда там жили у старого барина, который нас воспитал, как детей своих, и после смерти которого мы брошены; но я тебя люблю и тобой любим; мне не надобно целого света. Так ли и ты меня, Анютушка, любишь, как я тебя люблю?

А н ю т а. Люблю ли я тебя? Не стыдно ли тебе? Я сегодня за тебя замуж выхожу, а ты сомневаешься! Ты тем меня огорчаешь. И я бы на тебя рассердилась, если бы не такое время было.

А р и я

Ты сомненьем огорчаешь
Нежность сердца моего
И блаженство помрачаешь
Дня счастливого сего.
Если, как ты уверяешь,
Страстно так меня любя,
Счастье всё во мне включаешь,
Нет счастливее тебя.

Л у к ь я н. Не сердись, Анютушка! я виноват... но чем же я виноват? Моя чрезвычайная любовь тебе досадила; мне кажется, никому нельзя так много любить, как я тебя люблю.

Д у э т

Л у к ь я н
Люби ты так меня,
Как я люблю тебя,
Как я люблю сердечно.

А н ю т а
На то хочу я жить,
Чтобы тебя любить,
Чтобы любити вечно.

Лукьян	(*вместе*)	Анюта
Боюсь увидеть и во сне, Чтобы лишиться мне тебя.		Любить тебя — вот счастье мне. Мне всё противно без тебя.

Л у к ь я н. Вот и батюшка твой. Что он так печален?

Явление 3

Трофим, Лукьян, Анюта.

А н ю т а. Что тебе, батюшка, сделалось?
Л у к ь я н. Уже ли поп в церкви?
Т р о ф и м. Нет еще.
Л у к ь я н. Да отчего ты так грустен?
Т р о ф и м. Ох, друг мой Лукьянушка, беда!
А н ю т а. Скажи, батюшка, что такое?
Т р о ф и м. Беда! чего тебе больше, — беда!
А н ю т а. Что, разве поп не хочет венчать?
Т р о ф и м. Не то!
Л у к ь я н. Умилосердись, скажи, что такое?
Т р о ф и м. Не пугайся, приказчик приехал.
Л у к ь я н. Что ж это за беда?
Т р о ф и м. Это не беда, что он приехал, да то, что пристал у попа на дворе.
А н ю т а. Какая ж и то беда?
Т р о ф и м. И то не беда, что он пристал у попа, да то беда, что он, Анютушка, сердит; а даром он никогда сердит не бывает.
Л у к ь я н. Ну, так мы ему за то заплатим, чтоб он перестал сердиться.
Т р о ф и м. Боюсь, чтоб нам слишком дорого не заплатить. Я его так сердитого и никогда не видал. Я пришел к попу и, отправя им обоим по поклону, сказал: «Батюшка, пожалуй в церковь, — уже и Лукьян из города воротился; и твою милость, господин приказчик, просим на свадебный пир»; а он, как зверь, посмотрел на меня и закричал: «Погоди, это не уйдет, и сегодня свадьбы не бывать».
Л у к ь я н. Свадьбы не бывать!
Т р о ф и м. Да, Лукьянушка.

А н ю т а. Да для чего же?

Т р о ф и м. Не знаю, Анютушка.

Л у к ь я н. Пойду к этому злодею, который счастие мое удаляет; пойду, пускай возьмет, что хочет, я все отдам, лишь только б не препятствовал мне сегодня быть благополучным. Боже мой! как мы несчастливы! Нам должно пить, есть и жениться по воле тех, которые нашим мучением веселятся и которые без нас бы с голоду померли. Пойдем, Трофим, пойдем и ты, Анютушка, помогите мне его упрашивать.

А н ю т а. Да вот и приказчик. Зачем с ним так много людей?

Т р о ф и м. Ахти! он еще сердитее кажется.

Явление 4

Трофим, Лукьян, Анюта и приказчик Клементий с крестьянами.

П р и к а з ч и к. Возьмите его.

Т р о ф и м. Господин приказчик!

П р и к а з ч и к. Чего?

Т р о ф и м. Помилуй, я милости твоей челом бью овцой.

П р и к а з ч и к. Изрядно. Возьмите же его.

Т р о ф и м. Помилуй, и бараном.

П р и к а з ч и к. Очень хорошо. Что вы стали? Да! Лукьяна возьмите!

Т р о ф и м. А я, право, думал, что меня; кабы еще немного, всю бы скотину отдал.

Л у к ь я н. А за что бы взять меня?

П р и к а з ч и к. Я знаю за что.

Л у к ь я н. Ты знаешь, да я не знаю.

Т р о ф и м. Не спорь, Лукьянушка, ведь он приказчик. Уж он знает, что делает.

Л у к ь я н. Он приказчик, однако у нас и барин есть.

П р и к а з ч и к. Да по чьему же, когда не по барскому, приказу я это делаю? Он мне прислал указ, и вот я его вам прочитаю. (*Приказчик читает*.) «О ты, которого глупым и варварским именем Клементия доныне бесчестили, из особливой моей к тебе милости, за то, что ты большую часть крестьян одел по-французски, жалую тебя Клеманом». (*Приказчик при этом слове смотрит на всех, и мужики кланяются*.)

Трофим и мужики. Дай Бог счастия в новом чину.

Приказчик (*продолжает читать*). «И впредь повелеваю всем не оф... ан!.. си... ро... вать...» (*Перестает читать.*) Не офансировать. Это, кажется, не чин, однако я не разумею. (*Читает.*) «Не офансировать тебя словом Клементия, а называть Клеманом». (*Спесиво смотря на всех.*) А называть Клеманом! слышите ли?

Трофим и мужики. Слышим-ста, слава Богу, мы все ради.

Приказчик (*продолжает читать*). «Между тем знай, что мне прекрайняя нужда в деньгах. К празднику надобна мне необходимо новая карета. Хотя у меня и много их, но эта вывезена из Парижа; вообрази себе, господин Клеман, какое бесчестие, не только мне, да и вам всем, что ваш барин не будет ездить в этой прекрасной карете; а барыня ваша не купит себе тех прекрасных головных уборов, которые также прямо из Парижа привезены. От такого стыда честный человек должен удавиться. Ты мне писал, что хлеб не родился; это дело не мое, и я не виноват, что и земля у нас хуже французской. Я тебе приказываю и прошу, не погуби меня; найди, где хочешь, денег. Теперь уже ты Клеман и носишь по моей сеньерской милости платье французского бальи, и так должно быть тебе умнее и проворнее. Мало ли есть способов достать денег? Например, нет ли у вас на продажу годных людей в рекруты. Итак, нахватай их и продай. Фирюлин».

Ну, видите ли, что я не виноват и барское приказание исполняю? Поздравляю тебя, Лукьян, служивым.

Анюта. Я повсюду готова с тобою; где будешь ты, там мне везде хорошо.

Трофим. А мне с кем же остаться? Все меня оставить хотят.

Приказчик. Не суетись, Трофим. Ведь он еще не женат. Анюта твоя и нам нужна; есть люди, которые ее не меньше Лукьяна любят.

Анюта. Да я их любить не могу.

Приказчик. Как! ты не можешь приказчика любить? любить Клемана?

Анюта. Не только приказчика, ни барина и никого. Лукьян мне всех милее.

Приказчик. Увидим, увидим.

Лукьян. А что ты сделаешь?

П р и к а з ч и к. Что я сделаю? только что Анюта будет моя.

Лукьян
(*взяв Анюту за руку, с грозным видом*)

А р и я

Доколе стану жить,
Того не может быть!
Когда с душою разлучуся,
Тогда, тогда ее лишуся!
А прежде нет, не может быть,
Чтобы ее меня лишить.
Ко мне осмелься приступить,
Увидишь то, кто всё теряет,
Тот всё на свете презирает.

Явление 5

Приказчик, Трофим, Анюта, Лукьян, шут.

П р и к а з ч и к. Зачем ты, Афанасий?

Ш у т. Как зачем! Барин и с барыней ездят на охоте и скоро сюда будут. Здравствуй, Трофим, здравствуй... ба! Лукьян, за что тебя мужики, схватив, держат?

П р и к а з ч и к. За то, что годится в солдаты, а барину надобна новая карета.

Ш у т. О! он виноват.

Л у к ь я н. Еще одну вину позабыл сказать.

Ш у т. Какую?

Л у к ь я н. Что хочет у меня отнять Анюту.

Ш у т. Он прав.

Л у к ь я н. Я без нее жить не могу.

Ш у т. А приказчику какая в том нужда? было б ему хорошо. И я, когда бы не был женат, соблазнился бы не только тебя, и всех приказчиков отдать в солдаты, чтобы Анютою владеть.

П р и к а з ч и к. Вот Афанасий дело говорит.

А р и я

Как свежий на кусту цветок,
Которого не трогал ветерок,

Листки пред солнцем открывает
И всяк его сорвать желает, —
Анюта наша такова,
Всем нравится и всем мила.

(*К мужикам*). Я пойду навстречу барину, а вы смотрите за ним.

Явление 6

Анюта, Лукьян, Трофим, шут.

Лукьян. Я думал, что ты вступишься за нас, но и ты сторону берешь бесчеловечного приказчика.

Шут. Что ж мне делать? Сам виноват: ты вырос, так что можно на тебя купить около трети кареты; не вырастать было так дорого.

Лукьян. Ты шутишь, а у меня не смех на уме. Тебе хорошо; хотя ты по-французски и не разумеешь, однако барин тебя любит, а только мы несчастливы.

Трофим. Мы, бедные, несчастливы!

Шут. И вам бы недурно было, когда б вы шутить умели.

Ария

Полезным быть — нет хуже ничего.
На свете таково:
Кто шут, кто плут,
Того не гнут,
А тот страдает,
Кто работ ет.
О чем грустить, стонать? —
На свете всё плевать, плевать.
По дудочке чужой плясать — вот вся наука,
Быть ш том, плутом — в том вся штука.

Трофим. Помилуй, вступись за нас у барина.

Анюта. Сжалься над нами, Афанасьюшка.

Шут. Я бы сжалился, кабы льзя было; да барин-то у нас такой, что ничем русским его нельзя умилосердить.

Трофим. Что это за диковина!

Шут. Он и имен русских ненавидит; и меня, нарядивши в праздничное отца своего платье, перекрестил из Афанасья — Буфоном.

Т р о ф и м. Какая ему в том нужда?
Ш у т. О! великая.
Т р о ф и м. Разве он богатее будет от того?
Ш у т. На что ему богатее быть, он и так доволен; и теперь только остается ему дурачиться.
Л у к ь я н. Оставьте пустяки. Афанасий, помоги нам, ты много можешь у барина, и я тебе заслужу.
Ш у т. Вот Лукьян говорит, как надо умному.
А н ю т а (*отдавая дары Лукьяновы*). Возьми все, что я имею; у меня только и есть, что Лукьян мне купил. Возьми; мне ничего не надобно; лишь только избавь его.
Ш у т (*взяв*). Она еще умилительнее и Лукьяна говорит.
Т р о ф и м (*вынув деньги*). Вот и от меня, а после...
Ш у т. Еще.
Л у к ь я н (*показывая деньги*). Когда ты поможешь нам, вот мои последние деньги, они все будут твои.
Ш у т. Фу пропасть, что это за люди! От них отговориться не можно. Лукьян! Ты можешь мне теперь отдать деньги, я уверяю, что вас отстою. (*Лукьян ему отдает деньги*.) Подите успокойтесь, я слышу охотничьи рога. Барин наш близко едет.

Явление 7

Приказчик и прежние.

Приказчик

Возьмите скуйте вы его.

Трофим

За что, и чем я винен?

Приказчик
(*к Трофиму*)

Не до тебя, до зятя твоего
Мне дело есть; ты стар, так ты невинен.

(*К мужикам*.)

Лукьяна скуйте, да, его.

Шут и Лукьян
(*вместе*)
Куют плутов; вели сковать себя.

Приказчик
И ты передо мной еще бесчинен!
Заставлю я тебя учтивым быть,
Тебя приму в свои я руки.

Лукьян	Трофим
(*вместе*)	
Чем винен я, за что такие муки?	Чем винен он, за что такие муки?

Анюта
Вели мне с ним делить все стр шны муки.
Вели меня, вели ты с ним сковать.
Готова с ним страдать и умирать.

(*Упав к ногам приказчику*.)

Помилуй, сжалься надо мною.

Лукьян
Не плачь, владей сама собою,
Страданье прекрати и стон.
Невинен я, что может сделать он!

Мужики, Трофим	Анюта, Лукьян, шут
(*вместе*)	
Вели́ко дело, ведь приказчик он!	Вели́ко ль дело, что приказчик он!

Действие второе

Явление 1

Лукьян
(*один, в цепях*)

Среди надежды и боязни
Колеблюсь и мятусь…
Ах! если я ее лишусь!..
Какие нестерпимы казни!
Я млею, трепещу…
Но может быть, напрасно я грущу;
Премену, может быть, моей увижу доле,
А если мне уже не будет средства боле,
Во смерти я прибежище сыщу.

Явление 2

Трофим и Лукьян.

Лукьян. Что скажешь, Трофим?
Трофим. А что, ничего. Бедный Лукьян! бедный Лукьян!
Лукьян. Говори скорее; я на всё изготовился.
Трофим. Дурно, Лукьянушка!
Лукьян. Конечно, Афанасий ничего не мог сделать.
Трофим. Он просил за нас, да ничего не выпросил; приказчик пересилил; и барин за него Анюту выдает.
Лукьян. Ну, все теперь кончилось!
Трофим. Как мне жаль тебя!
Лукьян. Так надежды никакой не осталось?
Трофим. Видно, что никакой; Афанасий уже пошел затем, чтоб нам все отдать, что у нас взял; не тужи, и твои деньги принесет.
Лукьян. Перед ним! мне ничего не надобно!

Явление 3

Трофим, Лукьян, Анюта.

Анюта (*с поспешностию вбежав*). Лукьян! ах! что делать?

Терцет

Лукьян
О, нестерпима часть!

Анюта
О, гибельная страсть!

Трофим
Приказчикова власть.

(*Вместе.*)

Я с тобою погибаю;
Я тебя навек теряю.
Ах! навек, навек прости!
Можно ль, можно ль то снести?

Явление 4

Трофим, Лукьян, Анюта и шут.

Шут. Вот я тотчас вам принесу, что у вас взял.

Трофим. А я думал, что ты и принес.

Шут. Нет еще; ведь не так легко отдать, как взять. У всех людей привычка, что берут, как хватают, а отдавать тяжелы. А тебе, Лукьян, отдавать ли деньги? Ведь ты умирать хочешь... ась? не надобно... слышу. Вот ему-то прямо свет постыл. Плюнь на всё; умри, это лучший способ. Ты не можешь поверить, как этот свет плох. Право, он того не стоит, чтоб в нем жить. Видишь, от каких безделиц беда. Ты влюблен в Анюту, Анюта в тебя, в Анюту приказчик, барин в карету, а карета безденежно никого не любит. А от этого и всё хоть брось. Я, как друг, тебе советую умереть.

Ария

Провал возьми весь свет,
Где столько бед
То от карет,

То от манжет,
То от Анют,
И где приказчик плут!

Однако я еще не отчаиваюсь: барин сам сюда скоро приедет. Вы сами его попросите, я вам буду помогать, авось-либо... Лукьян! не умеешь ли ты по-французски?

Лукьян. На что это?

Шут. То-то бы хорошо было.

Лукьян. Я немного слов французских выучил, когда жил при старом барине, и Анюта также знает.

Шут. Как это хорошо! теперь, пожалуй себе, не умирай; деньги твои верно будут мои.

Явление 5

Фирюлин, Фирюлина, приказчик, шут, а в отдалении Трофим, Анюта и Лукьян.

Фирюлин. Варварский народ! дикая сторона! какое невежество! какие грубые имена! как ими деликатес моего слуха повреждается! Видно, что мне самому приняться за экономию и переменить все названия, которые портят уши; это первое мое дело будет.

Фирюлина. Я удивляюсь, душа моя! наша деревня так близко от столицы, а никто здесь по-французски не умеет; а во Франции от столицы верст за сто все по-французски говорят.

Шут. Есть чему дивиться, вы, я думаю, с мужем скоро и тому станете удивляться, что собаки лают, а не говорят.

Фирюлин. Ха! ха! ха! как это хорошо сказано! по чести, здесь говорят, как лают. Какие врали! не правда ли?

Шут. То так, когда посмотришь на вас.

Фирюлин. Когда посмотришь на нас, великую разницу увидишь, не правда ли? А и мы еще, и мы, ах! — ничего перед французами.

Шут. Стоило ездить затем, чтобы вывезти одно презрение не только к землякам, да и к самим себе.

Фирюлин. Довольно бы, правду сказать, было и этого, но мы с женою вывезли еще много диковинок для просвещения грубого народа: красные каблуки я, а она чепчики.

Ф и р ю л и н а. Которые почти все разошлися, и теперь надобно самой покупать; а денег…

Ф и р ю л и н (*к приказчику*). Клеман, дорогой Клеман нам поможет.

П р и к а з ч и к. Извольте быть надежны, деньги будут.

Ф и р ю л и н. А девочка будет твоя, о которой ты просил.

Ш у т. Вывезли много вы диковинок, а жалости к слугам своим ничего не привезли, знать, там этого нет.

Ф и р ю л и н. Жалости к русским? Ты рехнулся, Буфон. Жалость моя вся осталась во Франции; и теперь от слез не могу воздержаться, вспомнив… о, Paris!

Ш у т. Это хорошо! плакать о том, что вы не там, а слуг своих без жалости мучить; и за что? Чтоб французскую карету купить.

Ф и р ю л и н. Перестань, и не говори об этом! Нам, несчастным, возвратившимся из Франции в эту дикую сторону, одно только утешение и осталось, что на русскую дрянь, сделав честный оборот, можно достать что-нибудь порядочное французское; да и того удовольствия хотят нас лишить.

Ш у т. Теперь живите как хотите; я вам сказываю, что от вас уйду; и можно ли при вас жить? Того и бойся, что променяют на красный французский каблук.

Ф и р ю л и н. Нет, нет, тебя я не отдам.

Ш у т. Да разве хуже меня продаете? (*Указывая на Лукьяна.*) Посмотрите, какого молодца, который еще и по-французски знает!

Ф и р ю л и н. И по-французски! Mon Dieu! что я слышу!

Ф и р ю л и н а. Ах! Mon c ur! он по-французски знает, а скован! это никак нейдет.

Ф и р ю л и н. Это ужасно, horrible! снимите с него цепи. Mon ami! я перед тобой виноват.

П р и к а з ч и к. А карета французская…

Ш у т. Молчи, плут.

Ф и р ю л и н. А это что за девочка? Она недурна.

Л у к ь я н. Ах, сударь, это та, которую я люблю больше себя, которая меня любит и которую вы отдаете за приказчика.

Ф и р ю л и н. Что делать? Я слово дал.

А н ю т а

Отец твой нас любил, а сын его терзает.
Жестокий, жизнь мою в Лукьяне отнимает.

Лукьян

Вели ты умертвить меня в сию минуту,
А после уж отдай иному ты Анюту.

Вместе

На слезы посмотри
Тебе подвластных,
Страданье прекрати
Тобой несчастных.

Фирюлин. Parbleu! Я этому б не поверил, чтобы и русские люди могли так нежно любить; я вне себя от удивления! Да не во Франции ль я? Что он чувствует любовь, тому не так дивлюсь: он говорит по-французски, а ты, девчоночка, а ты?

Шут. И она разумеет.

Фирюлин. И она! теперь меньше дивлюсь.

Лукьян (*на коленях*). Monseigneur! сжальтесь над нами.

Анюта (*на коленях*). Madame! вступитесь за нас.

Фирюлин. Monseigneur! Madame! Встаньте, вы меня этими словами в такую жалость привели, что я от слез удержаться не могу.

Шут. Оставленную жалость во Франции вытащили оттуда два французские слова: видите ли вы, какого сокровища лишал вас плут приказчик?

Фирюлин (*грозя приказчику*). Monsieur Клеман, ты бездельник.

Фирюлина. Mon cher! соединим их; они достойны друг друга и достойны жить при нас.

Приказчик. Разве вы изволили отдумать карету покупать?

Фирюлин. Нет, но у меня еще много людей и без него, а мне такой лакей надобен, который бы знал по-французски, чтоб ездить за мной. (*К Лукьяну.*) Соглашаешься ли ты никогда не говорить по-русски?

Лукьян. Я вам клянусь, и это мое последнее русское слово.

Шут (*Лукьяну*). Смотри же не промолвись. (*Фирюлину:*) Видите ли, какой он вам полезный человек?

Ария

Какая это радость,
Какая сердцу сладость;
Коль, стоя назади,
Не говоря по-русски,

И вместо, чтоб кричать «поди»,
Кричать он будет по-французски!
Какая это радость,
Какая сердцу сладость,
Как станет он о чем шуметь,
На улице никто не будет разуметь!

Фирюлин (*к Лукьяну*). Ну, mon ami! женись на ней, mariez-vous, теперь я тебе позволяю.

Фирюлина. Я этому очень рада! Они так друг друга любят, что мне, по чести, за них было тошно.

Трофим (*кланяясь Фирюлину*). Ты отец...

Фирюлин. Что это за тварь? Меня отцом называть смеет! Разве мой батюшка был твой отец; а я не хочу такому свинье отцом быть. Впредь не отваживайся.

Шут. Ни слова по-французски не разумеет, а туды же лезет.

Трофим. Не я, да кровь во мне говорит, Афанасьюшка.

Фирюлин (*к Лукьяну и Анюте*). Ну, вы теперь счастливы; я тому рад. Мы едем, а вы, женясь, приезжайте к нам в город.

(*Фирюлин и Фирюлина уходят.*)

Шут (*к приказчику*). Приказчик! что ж ты не зовешь к себе на свадьбу?

(*Приказчик уходит с сердцем.*)

Явление последнее

Шут, Лукьян, Анюта, Трофим и крестьяне.

Шут. Ну, видите ли, когда я чего захочу, то все сделаю.

Лукьян. Ты жизнь мне дал; будь уверен, что я вечно не забуду твоего благодеяния.

Анюта. И я.

Трофим. И я.

Шут. О чем вы плакали? Где шут Афанасий, там надобно смеяться. Видите ли, что на свете ни о чем не надобно тужить; и никогда не надобно прежде времени умирать.

Должно ль, чтоб нас жизнь крушила,
Хоть и много в жизни зла?

Вас безделка погубила,
Но безделка и спасла.

Лукьян

Никогда не позабуду,
Чем меня ты одолжил;
В ней всечасно видеть буду,
Что мне жизнь ты возвратил.

Анюта
(*к шуту*)

Что напасти окончались,
Тем должна тебе и я.

(*Лукьяну*.)

Мы с тобой всего лишались,
Но ты мой, а я твоя.

Трофим
(*шуту, кланяясь*)

Афанасью благодарен,
Что Анютушка жива.
Ох! скрутил было нас барин!
Ох! французска голова!

Хор

Должно ль, чтоб нас жизнь крушила,
Хоть и много в жизни зла?

Шут и крестьяне — Трофим, Лукьян и Анюта
(*вместе*)

Вас — Нас

Вместе

Безделка погубила,
Но безделка и спасла.

СКУПОЙ

Комическая опера в одном действии

Д е й с т в у ю щ и е   л и ц а:

С к р я г и н, опекун Любимы.
Л ю б и м а, племянница его.
М и л о в и д, любовник ее.
М а р ф а, служанка Миловида, в виде графини, в которую Скрягин влюблен.
П р о л а з, слуга Миловида, в службе у Скрягина.

Явление 1

Скрягин, Марфа, Пролаз.

Скрягин. Умилосердитесь, ваше сиятельство, не гневайтесь на меня; ваш гнев мне смерть.

Марфа. Отстань от меня!.. я ничего не хочу слушать.

Скрягин (*к графине*). Помилуй... (*к Пролазу*) Пролаз! что делать?

Пролаз. Подите немного в сторону; авось, я ее уговорю.

(*Скрягин удаляется*.)

Пролаз (*к Марфе*). Нет, уж и впрямь ты слишком много перед ним чванишься. Ты не забывай-таки, что ты не графиня, а Марфа, — такая же служанка, как и я...

Марфа (*к Пролазу*). А, ты не забывай-таки, что тебе надобно притвориться дураком; что в том польза Миловида, нашего барина. Поди, исправляй должность дурака, и не мешай мне быть графиней... Поди прочь.

Скрягин (*подошед к Пролазу*). Что изволила сказать?

Пролаз. И приступу нет.

Скрягин (*к Марфе*). Помилуй...

Терцет

Марфа
(*к Скрягину*)

Прочь, прочь от глаз моих, скупец!

Скрягин
(*к Марфе*)

Помилуй, свет мой, не сердися.

Пролаз
(*к Марфе*)

Сиятельная, не бесися.

Марфа

(*к Скрягину*)

Негодный! прочь поди, срамец!
Чтоб ты меня любил, не верю.

Скрягин

(*к Марфе*)

Клянусь, что я не лицемерю;
Я в том и присягнуть готов.

Марфа

(*к Скрягину*)

Но чем меня уверить можешь?

Скрягин

(*к Марфе*)

Какую клятву ты наложишь?

Марфа

(*к Скрягину*)

На место клятв, на место слов,
Ты делом мне кажи любовь.
Я ничему без дел не верю.

Скрягин

(*к Марфе*)

Клянусь, что я не лицемерю.
Пролаз, проси, со мной божись.

Скрягин и Пролаз

(*став на колени, вместе*)

Помилуй, сжалься, не сердись.
О чем, сиятельна, хлопочешь?

Пролаз

(*один*)

Он денег даст, когда ты хочешь.

Скрягин
(*с сердцем на Пролаза*)

Ты врешь, болван; где денег взять?
Нет денег, нет: на что мне лгать?

(*К Марфе*.)

Люблю тебя я всей душею;
А ни полушки не имею.

Марфа
(*к Скрягину*)

Прочь, прочь от глаз моих, срамец!
Негодный, прочь поди, скупец!

(*Хочет идти*.)

Скрягин
(*к Марфе*)

Изволь... постой... остановися...
Пролазушка, проси, клянися.

Скрягин и Пролаз	Марфа
(*вместе*)	
Вперед не будем виноваты	Вперед не будьте виноваты
Вперед мы будем тороваты	Вперед вы будьте тороваты

Марфа. Посмотри на себя, можно ли тебя любить! Как оборван! какие заплаты! на атлас сукно, на сукне тафта! Ты не любовник, а киса. Какой стыд быть твоей любовницей! (*Хочет уйти*.)

Скрягин. Постойте, ваше сиятельство! я еще по домашнему... еще не успел одеться: у меня есть-таки кое-что надеть; да такой дурацкий обычай: к чему привыкну, ношу до износу... Когда вправду изволите меня любить, и для вас это добрый знак... знак постоянства, верности.

Марфа. Я любила тебя... но хочу перестать. Не знаю, что еще удерживает меня его бросить... Слушай... в последний раз тебе говорю: если меня не станешь слушаться, навек прости. (*Уходит с сердцем*.)

Явление 2

Скрягин, Пролаз.

Пролаз. Экая, барин, графиня на нашу шею навязалась!

Скрягин. Обворожила меня, проклятая! сделала без ума. Я пропаду, коли не отстану... Образумлюсь... отвяжусь от нее... провал ее возьми!

Пролаз. Ин, пойти сказать ей, что барин перестал ее любить. (*Притворяется, будто хочет идти.*)

Скрягин. Постой! (*В сторону.*) Какой простой человек! что на уме, то и на языке.

Пролаз. Долго ли с нею мучиться?

Скрягин. Правду говоришь. (*В сторону.*) Хоть прост, а добрый человек. Ты не поверишь, как мне хочется от ней отвязаться.

Ария

Поди к графине этой.

(*Пролаз притворяется, что хочет идти.*)

Скажи, что я ведь не болван.
Нет, нет, скажи, что я одетый
В нарядный мой кафтан;
Во всем ее покорен воле,
Ее не раздражу я боле.
Что ж ты стал?

Пролаз (*плюет*). Как же ты не болван? не знаешь, что делать.

Скрягин (*в сторону*). Пречестный малый! (*К Пролазу.*) Пролазушка! брани меня, высеки, коли хочешь, лишь бы только от этой графини отучить... Да нельзя; я ее так люблю... как будто бы она вся из золота вылита... Отчего это?

Пролаз. Как отчего? она пригожа, молода, знатная барыня, такая умная, такая богатая.

Скрягин. Ты думаешь, что она богата?

Пролаз. Думаю ли? Я знаю, да и наверное знаю.

Ария

Ее деревни... говорят,
Их много... а лежат...

Они вблизи Китая,
Вот там, где много чая,
Где чай и лошади едят.
Вот так-то говорят;
Там горы, горы золотые,
И там по улицам блестят
Везде каменья дорогие.
Мужик, коль хочет что испечь,
Одной корицей топит печь,
А сапоги гвоздикой подбивает;
Не квас, мадеру испивает.

С к р я г и н. И я сперва то же думал. Она было начала меня дарить: посмотри, какая табакерка.

П р о л а з. Вижу, — золотая... эту дрянь к ней возами из Китая возят.

С к р я г и н. Разве там нюхают табак?

П р о л а з. В старину не нюхивали; а ныне и там избаловались.

С к р я г и н. Свет везде час от часу слабее становится. Я по себе чувствую, и меня черт дернул влюбиться.

П р о л а з. Чего ж бояться любить графиню? Ведь не даром любишь: она тебя дарит.

С к р я г и н. Да... дарит... началось было, да скоро кончилось.

П р о л а з. Опять скоро начнется, дай только ей оброк получить. Чем она тебя дарила, это было последнее из прошлогоднего запаса.

С к р я г и н. Эх! для чего я не ранее познакомился с нею, или для чего не подождал до запаса в нее влюбиться?

П р о л а з. Не бось: что было, опять будет.

С к р я г и н. Быть так, когда начал любить, пришло долюбливать... чувствую, что мне тошно без нее... Сходи к ней, Пролазушка... умилостиви ее... позови ко мне.

П р о л а з. Да скинь лохмотье... а то...

С к р я г и н. Ох!.. приготовь мне тот богатый кафтан, что вчера принесли.

П р о л а з. В заклад?

С к р я г и н. У тебя все в закладе... как будто у меня деньги есть... Хороший приятель мне отдал на сохранение.

П р о л а з. Да это платье узко тебе.

С к р я г и н. Не твоя беда... неужто новое сделать нарочно для того, что это узко?

П р о л а з. Да как же чужое платье носить?

С к р я г и н. Слышишь ли, оно и ему узко. Он мне с тем и отдал, чтоб я его поразносил.

П р о л а з. Право?.. так ты этим промышляешь?

С к р я г и н. Между нами сказано, этим я только и кормлюсь, что за деньги узкое разнашиваю.

П р о л а з. Ну, не знал же я... барин! Вот, это старые сапоги ты мне купил узки... нельзя ли их поразносить?

С к р я г и н. Хорошо... да только помни, что они тебе на год даны.

П р о л а з. На год?

С к р я г и н. А как же?

П р о л а з. Ну, ин на год. Я из одной обуви у тебя служу; надлежало бы почаще переменять... да для тебя все сделаю и буду хоть лет пять носить.

С к р я г и н (*в сторону*). Как любит меня этот простяк. Клад, а не человек. (*К Пролазу*) Только графине этого не сказывай.

П р о л а з. Я не скажу... да сапоги сами со временем скажут.

С к р я г и н. Сходи же к графине-то, Пролазушка!

П р о л а з. Вот твоя племянница идет.

С к р я г и н. Житья нет от этой девки; не промолвись, что я люблю графиню.

П р о л а з. Вот на! мне какая нужда?

Явление 3

Скрягин, Пролаз, Любима.

Л ю б и м а. Здравствуйте, дядюшка. (*Целует у него руку*.)

С к р я г и н. Здравствуй. За что ты целуешь мою руку? (*В сторону*.) Ох!.. не дал ли я ей чего-нибудь ошибкою?

Л ю б и м а. Это странный вопрос. Или вам противно почтение, которым я обязана вам? Вы заступаете в моем сиротстве место моего отца.

П р о л а з (*к Скрягину, тихо*). Хочет поддеть на лылы.

С к р я г и н (*к Пролазу, тихо*). Разумею; да что ж ты нейдешь к графине?

Л ю б и м а. Будучи мне ближний родственник, вы приняли труд управлять моею молодостью и моим имением.

С к р я г и н. Имением дело другое, а молодостью нет... Молодости в рост нельзя отдавать... (*Тихо к Пролазу.*) Да пойдешь ли ты к графине-то?

(*Пролаз уходит.*)

Л ю б и м а. Это разумеется, что, приняв по воле правительства, меня в свою опеку, вы обязались устроить мое сердце, просвещать мой разум.

С к р я г и н. Не разумею, что говоришь. Это какая-то ваша новомодная чепуха!.. да этого же ничего и в указе нет, которым ты мне под опеку отдана... а кто что прибавит или убавит, Боже сохрани, худо бывает.

Л ю б и м а. Кажется, я ничего не прибавляю. Я вам отдана под опеку; это значит, что вам должно стараться обо всем, что нужно к благополучию моему... Но положим, чтоб это касалось только до одного имения: человеколюбие не налагает ли на вас приятную должность — воспитанием сделать мне благотворение, а себе честь?

С к р я г и н (*дразнит Любиму*). Человеколюбие!.. воспитание!.. благотворение!.. Что это у вас ныне за человеколюбие? В старину этих длинных слов у нас не слыхать, а хорошо было... Бывало... это разумеется, у кого денежки есть... процентов десятка по три слупишь... вот-те и человеколюбие... Дочь ли, сына ли, племянницу ли вспоишь, вскормишь... такое толстенькое дитя, как теленок... поваливается себе на печи, ни о чем не думает... вот-те и воспитание... а ныне завелись какие-то монастыри... корпусы... ссудные да сохранные казны! (*В сторону.*) Мне это пуще острого ножа.

Л ю б и м а. Что ж, дядюшка, лучше этого быть может? Одно людей делает людьми, а другое верное прибежище тем, которым нужда... а жестоким и алчным ростовщикам узда.

С к р я г и н. Ростовщикам? а кто бы это был?

Л ю б и м а. Те, которые несносными процентами разоряют.

С к р я г и н. То есть, у кого деньги есть.

Л ю б и м а. Конечно.

С к р я г и н. Ну, так это не я... Что у меня не только нет, да и не бывало денег, показывает то, что я с ними не умею обходиться. Из твоих двадцати тысяч насилу некоторую часть я процента по три без малого с рук сбыл.

Л ю б и м а. Итак, если вы хоть безделицу собрали на мои деньги, пожалуйте мне.

С к р я г и н (*торопливо*). А на что? (*В сторону*.) Вот к чему это посещение клонилось!

Л ю б и м а. Мне хочется несколько книг для себя купить.

С к р я г и н. Книг!.. девке книги читать!

Л ю б и м а. Разве девке не должно умной быть?

С к р я г и н. Не должно, не должно.

Л ю б и м а. Или мы не такие ж люди, как и мужчины?

С к р я г и н (*с сердцем*). Такие ж; да у меня на книги денег нет.

Л ю б и м а. Да на что ж у вас есть деньги?

С к р я г и н. Разве... на булавки...

Л ю б и м а. Не вы ли сами сказали, что вы несколько процентов собрали?

С к р я г и н. Когда это я сказал?

Л ю б и м а. Как, вы отпираетесь от слов своих?

С к р я г и н. Да, да бишь, сказал; какая дурная память! Да ведь без малого по три процента, и то некоторую только часть.

Л ю б и м а. Если четвертую часть?

С к р я г и н. Четвертую! пять тысяч! как тебе не стыдно! этакую беду скоро ли отдать... сот пять только.

Л ю б и м а. Итак, это сделает пятнадцать рублей... пожалуйте хоть это.

С к р я г и н. Тотчас сочла... пристало ли девке так скоро считать... это неблагопристойно... стыдись, сударыня.

Л ю б и м а. Чего мне стыдиться? вам должно краснеть.

С к р я г и н. Да где мне взять пятнадцать рублей?.. ты знаешь, ведь надобно тебя содержать.

Л ю б и м а. Меня!.. вы знаете, что доходами из деревень моих я содержу себя, да и вас...

С к р я г и н. Вот плоды нынешнего воспитания!.. вот плоды от книг! Молоденькая девочка, дяде наступя на горло, вымучивает деньги... режет... грабит.

Л ю б и м а. Я у вас своего прошу.

С к р я г и н. Послушай... от чего у тебя такая дерзость?

Л ю б и м а. Вам истина дерзостью, кажется. Но верьте, если вы так со мною станете поступать, то...

С к р я г и н. Что ты сделаешь?

Л ю б и м а. Я вам скажу, что я уже в совершенных летах...

С к р я г и н. Пустое, пустое... по указу надобно тебе еще два года не быть в совершенных летах.

Л ю б и м а. Как это? мне уже двадцать первый год.

С к р я г и н. Да по указу тебе осьмнадцатый год.

Л ю б и м а. Правительству ложно донесено. Я имею верные доказательства.

С к р я г и н. Увидим, увидим... мне некогда с тобою пустяки болтать... (*В сторону*.) Графиня скоро будет... пора одеваться. (*Уходит*.)

Явление 4

Л ю б и м а (*одна*). Долго ли мне мучиться?.. но девке стыдно с дядею в суд вступать, хотя дядя и достоин иметь подобную себе племянницу... У меня сердце не так низко, и я лучше терпеть соглашусь... Терпеть! и не быть еще два года соединенною с любезным Миловидом, которого люблю более себя, который и меня подобно любит... Ах! если б удалась хитрость, которую любовь Миловиду внушила!.. сколько б я была счастлива!

А р и я

Душу мыслью той питаю,
Что мила драгому я;
В нем я счастье обретаю,
В нем мой свет, в нем жизнь моя.
Ты, судьба, наш пламень зная,
Зришь невинность двух сердец:
Нежну страсть увенчив я,
Нашим мукам дай конец.

Что я вижу? Миловид сюда идет!.. сердце трепещет от радости. Но как он осмелился?.. Ах! если дядюшка увидит нас.

Явление 5

Миловид, Любима.

Л ю б и м а. Как вы сюда пришли? мы так редко видаемся, а от этого и надолго расстаться можем. Вы знаете, что дядя мой, алча править моим имением, боится замужества моего, как огня, и от всех мужчин меня удаляет.

М и л о в и д. Знаю, сударыня, да что делать? Для меня те минуты горьки, в которые вас не вижу. Я не мог себя преодолеть. Увидя растворенные вороты, вошел, чтоб насытиться зрением твоих прелестей, чтоб прекрасные руки расцеловать. Теперь доволен, счастлив.

Ария

Счастливей нет меня
В тот час, как я с тобою;
Взирая на тебя,
Встречаюся с душою,
Я все позабываю,
Что без тебя терплю;
Себя не ощущаю,
Лишь помню, что люблю.

Л ю б и м а. Подите скорее. Ах, если дядюшка придет!

М и л о в и д. Не бойтесь, сударыня. Идучи украдкою мимо чулана, услышал я, что кто-то пыхтит. Заглянув тихонько, увидел, что дядюшка ваш какой-то кафтан напяливает на себя. Если он непременно захочет его вздеть, то, верно, до завтра промучится.

Л ю б и м а. Но я боюсь...

М и л о в и д. Не уменьшайте моего благополучия. Не огорчайте страхом минут, дражайших всей жизни моей. Пускай ваш дядюшка придет сюда; у меня уже готова увертка.

Л ю б и м а. А какая?

М и л о в и д. Я скажу ему, что крайняя нужда привела меня к нему занять у него денег... а вот и поддельная наша графиня, а с нею и Пролаз!

Явление 6

Миловид, Любима, Марфа, Пролаз.

Миловид. Ну, Марфа, что скажешь?

Марфа. Марфа ничего не скажет; а графиня все.

Миловид. Перестань шутить. Будь графиней перед Скрягиным, а передо мною — ты моя служанка.

Марфа. Когда так, то у меня и руки опустились и не знаю, что говорить.

Пролаз (*к Марфе*). Ты нарочно дело продолжаешь, чтоб быть графиней. Тебе хорошо; каково-то мне? Я должен, по милости барина (*указывая на Миловида*), служа у скупого, быть дураком.

Марфа. Куда как нежен! иной и во весь свой век дурак, да ему не скучно; а тебе досталось на несколько дней, да и тут скучаешь.

Любима. Сделай одолжение, Марфушка! я тебя буду любить более, нежели когда бы ты прямая была графиня.

Марфа. Вот как говорят, кто свет знает. Извольте, теперь все скажу. Скрягина я довела моею красотою, моим умом, моим проворством до того, что он без меня жить не может... Жениться на графине, которая мила как ангел; словом, на такой, как я, показалось бы счастьем и всякому.

Миловид. Тише, тише, ваше сиятельство, перестань гордиться. Без табакерок золотых, которые я дал тебе, чтоб подарить господина Скрягина, твои прелести были бы ему неприметны. Посредством золота любовь вкралась в сердце его.

Пролаз (*Марфе, тихо*). Слышишь ли? табакерок; а у Скрягина только одна.

Марфа (*Пролазу, тихо*). Слышу; остальное пополам.

Пролаз. Всякий себя хвалит; я молчу, как будто я и ничего не делаю.

Миловид. Верь, что я и тебя не позабуду. Как скоро мое счастие совершится моею женитьбою, я вас обоих наградя, женю, по твоему желанию, тебя на Марфе.

Пролаз (*к Марфе*). Слышишь ли, постарайся же для себя.

Марфа (*к Любиме*). Сегодня от Скрягина надеюсь выманить ваши двадцать тысяч. Сегодня я вас награжу и выдам замуж за этого грубияна, который к графиням не имеет почтения.

М и л о в и д (*к Марфе*). Сколько буду счастлив и сколько тебе благодарен!

Л ю б и м а. Я вечно не позабуду твоих одолжений.

М а р ф а. Да можно ли вам верить? Я знаю ведь, каковы бара! Как нужда, все обещают; а потом...

А р и я

Как будешь мне ты госпожа,
Тогда сидя́ у туалета,
Над прелестями ворожа,
В окне коль мало будет света,
Коль тень в лице покажет черноту, —
Служанке отвечать за красоту,
И за огар в средине лета;
В мороз
За красный нос.
Не так приколота манжета,
Не так мантилия надета, —
То все мне будет стоить слез.

Л ю б и м а. Как ты ошибаешься! Тебе мой нрав известен; он никогда не переменится.

М и л о в и д. Я так твердо надеюсь на Марфино проворство, что тебя, красавица, уже моею почитаю... Я презрел бы твое все приданое... без тебя сокровища всего света для меня ничто; но этим одним только способом могу достигнуть до моего благополучия. Твой дядюшка, лишась денег твоих, не захочет тебя держать у себя... ты моя! непременно моя! (*Целует с восторгом ее руку*.)

П р о л а з (*обнимая Марфу*). А ты моя, моя, моя!

(*В то самое время, как Миловид у Любимы целует руку, а Марфа с Пролазом обнимаются, Скрягин входит в богатом, но весьма узком и коротком кафтане. Камзол застегнут одною только пуговицею.*)

Явление 7

Скрягин, Миловид, Любима, Пролаз, Марфа.

Квинтет

Скрягин

Что вижу! плуты, воры, воры!

(*К Миловиду*.)

Ты красть пришел...

(*К Марфе и Пролазу*.)

и вы... и вы...

(*У Скрягина дух занимается от ярости*.)

Миловид, Любима, Пролаз, Марфа

Твои решенья очень скоры.
Мечта твоей то головы.

Скрягин

Обманщики вы, воры, воры!

Миловид, Любима, Пролаз, Марфа

Твои сомненья вздоры, вздоры.
Послушай нас, послушай нас.

Скрягин

Что слушать мне от вас, от вас.

(*К Миловиду*.) Что ты за человек? откуда ты пришел? к кому? зачем?

Миловид. Я имею крайнюю нужду.

Скрягин. Крайнюю нужду до моей племянницы? (*К Марфе*.) А вашему сиятельству не стыдно ли с слугою обниматься.

Марфа. Я не слугу, да тебя обнимала.

Скрягин. Меня!.. да меня здесь не было.

Марфа. Ты всегда со мною. (*Указывает на сердце*.) Вот тут.

Скрягин (*к Миловиду*). Поди, поди щеголек: какая тебе нужда до племянницы?

Миловид. Мне не до племянницы вашей нужда, до вас: я ее просил, чтоб она за меня у вас замолвила слово.

Скрягин (*в сторону*). Конечно, хочет денег взаймы. Добро пожаловать. Он так смотрит, что много процентов даст. Только чтоб графиня не услышала. (*К Любиме*.) Любима! поди поближе к ее сиятельству, позабавь ее. (*К Миловиду*.) Пожалуй-ка ко мне. (*Отводит его в сторону*.) Кто ты таков?

Миловид. Я Миловидов.

Скрягин. Да не сын ли того, который прошлого года скончался?

Миловид. Сын, сударь.

Скрягин. Не за тем ли вы пожаловали, чтоб заплатить, ежели он мне должен?

Миловид. Помнится, он не должен вам.

Скрягин. Я потерпел бы, хоть и должен.

Миловид. Я знаю ваше снисхождение; но за то, что батюшка мой...

Скрягин (*поднимает с полу упавшие блестки с платья Миловидова и кладет в карман*). Твое платье, я чай, золотом вышито?

Миловид. Золотом, сударь.

Скрягин. Вот это отпоролось, дурно смотреть. (*Вынимает ножницы из кармана, обрезывает с платья Миловидова немного шитья и кладет в карман*.)

Миловид. За то, что батюшка мой не имел удовольствия быть должным вам, я прошу доставить мне это счастие под заклад.

Скрягин. По старой дружбе с отцом твоим, изволь; да каков заклад?

Миловид. Серебряная посуда.

Скрягин. Всего лучше; не как деревни; лежит себе в сундуке и ничего не говорит. (*В сторону*.) Можно искусненько и пообрезать.

Миловид. Да и какое же серебро! такая прекрасная работа, что уж ничего дурного нет для глаз. Итак, теперь остается о процентах условиться.

Скрягин. Вот люблю; хоть молодой человек, а умен... Надобно во всем порядок... Я не из тех, которые в нужде приструнивают молодых людей... да и Бог убьет, с приятельским сыном так дурно поступать... Я с рубля на каждый день более полушки не возьму.

Миловид. Как вам не стыдно!

Скрягин. Да как этого меньше? Ведь менее полушки и монеты нет.

Миловид. Это в год придет без малого капитал на капитал... это безбожно!

Скрягин (*с сердцем*). Да что же ты шумишь, как в вольный дом зашел. Поди, поди, откуда пришел.

Миловид. Не горячись, господин Скрягин; ты сам меня обидел, вздумав, что я бессчетный.

Скрягин. Нет, солгал: я никого не обижаю. Мы знаем законы... ты, видно, прибираешься взять бесчестье с меня... так нет.

Марфа. О чем вы шумите?

Миловид. Пожалуйста, ваше сиятельство, разберите нас.

Скрягин. Нет... ее сиятельство не в свое дело не вмешается. Поди, поди, дружок... что это? и в своем доме воли нет. Я говорю, что поди вон.

(*Миловид уходит.*)

(*К Любиме.*) А ты, сударыня, моя племянница, приманиваешь только ко мне всякий сброд людей: поди-ка в свою комнату, да сиди там... Я тебе прижму хвост.

Явление 8

Скрягин, Марфа, Пролаз.

Скрягин. Ну, ваше сиятельство, не думал бы я... чтоб вы слугу...

Марфа. Я тебе говорю, что ты пустое вздумал. Ты меня обижаешь...

Скрягин. Да растолкуйте мне...

Марфа. Ты, за свое низкое подозрение, не достоин изъяснения. Мне надобно пожать плечами, плюнуть и идти прочь.

Скрягин. Постойте. Я виноват. Ваше сиятельство...

Марфа. Как! чтоб я лучами моего сиятельства обняла темноту низкой породы Пролаза!

Скрягин. Этого быть не может... мне за суетами так показалось.

Марфа. Нет, не показалось, это было; да как было? Говоря с ним о моей любви к тебе, я так забылась, что думала ты стоишь передо мною, и обняла его.

Пролаз. Видишь ли, барин, как это случилось... она так тебя любит, хотя бы осел стоял на моем месте, и его бы обняла, думая что ты.

Скрягин (*к Марфе*). Ох! я виноват, матушка, ваше сиятельство, пред тобою! Ох виноват! Чем заслужить?

М а р ф а. Одной любовью; я больше ничего не требую.

С к р я г и н (*низко кланяясь*). Как я счастлив! (*К Пролазу*.) Поди, запри вороты замком и никого не пускай.

(*Пролаз уходит*.)

М а р ф а. Как пристал этот кафтан!.. как ты в нем статен, пригож!

С к р я г и н. Много милости… кабы не хлопоты, я бы таки чему быть; а это суеты меня иссушили… Плохо жить недостаточным людям… везде сам суйся; такая нужда, что и Господи не приведи.

М а р ф а. От этого и богатые не избегнут. Я-таки имею достаток; но теперь...

С к р я г и н (*нахмурясь, в сторону*). Черт меня дернул о недостатках говорить.

М а р ф а. Когда же нашей свадьбе быть, вы и не подумаете?

С к р я г и н (*с улыбкою*). Я всечасно всей моей душой, всеми чувствами готов.

М а р ф а. Да к этому не одна душа и не одни чувства надобны.

С к р я г и н (*с улыбкою*). Знаю, знаю матушка, ваше сиятельство. Да ведь, кажется, я не так дряхл.

М а р ф а. Я это вижу, и видя радуюсь. Да… этого все еще мало для свадьбы… Мы в свете живем, моя душа!.. Из деревень ко мне еще не бывали… Денег нет.

С к р я г и н (*нахмурясь*). Экая беда! ныне ничего говорить нельзя… Чем ни начни, все на деньги кончится.

М а р ф а. Как мне хочется за вас замуж!

С к р я г и н (*улыбаясь*). Матушка, ваше сиятельство, не поверишь, как и мне хочется жениться!

М а р ф а. Проклятые мои люди все-то из деревни не бывали.

С к р я г и н. Что они так долго мешкают?

М а р ф а. Сами рассудите, как далеко!.. близ Китая… не можно ли…

С к р я г и н. Перестанем говорить о ваших деревнях… а лучше о том, как мы друг друга любим.

Д у э т

(*вместе*)

М а р ф а	С к р я г и н
Мои деревни близ Китая,	Горя́ к тебе я, млея, т я,
Я жду всяк час оброка с них,	Лишь только во очах драгих,

И в грусти от крестьян моих,
Всяк день я денег ожидая,
Хотя богатою слыву,
Но я как нищая живу.
Доколе люди притащ тся,
Ссуди, я заплачу все вдруг.

Лишь только во устах твоих,
Мое все счастье обретая.
Тебя моей душой зову,
Тобою я одной живу.
Я слышу у ворот стучатся,
Я слышу самый сильный стук.

(*Скрягин хочет идти.*)

Марфа (*останавливал его*). Постой, Скрягин! недостойный любви такой графини, как я! преподлый человек!.. Вот как ты меня любишь! Ты говоришь, чтобы жениться на мне в том все твое счастие... да и должно так быть... Любовь унизила меня до того, что я хочу быть за тобой... я, богатейшая, знатнейшая и, может быть, и прекраснейшая!.. Ты это знаешь; а ты, когда я хочу час нашего брака, час твоего счастия приблизить, ты его отдаляешь; и для чего? для денег... для этого сора, который ко мне кучами привозят... которым, если выйду за тебя, могу тебя по уши засыпать...

Скрягин. Да если медными, так ведь немного.

Марфа. Молчи, негодный!.. золотыми... Хоть тошно мне будет... но навек прости, прескаредный скупец.

Скрягин. Постой, не погуби меня... будь родная мать... Да сколько тебе надобно... я хоть оборву себя, да найду... изволь, матушка, ваше сиятельство... только люби меня... изволь, кое-как сколочу сотни две.

Марфа. Сотни две! мне сотнями руки марать! Нет, ни полушкою меньше нельзя двадцати тысяч рублей.

Скрягин (*упадает*). Ух!.. погубила меня... зарезала... съела живого. Ну, теперь не свадьбе, разве погребенью моему быть...

Марфа. Как хочешь... от этого все зависит.

Скрягин. Постой... разве по закладной где найду под деревни...

Марфа. Чтоб я унизилась закладные писать!.. Нет, это не бывало и быть не может... это неприлично моему знатному состоянию... Пожалуй, я маленькое обязательство дам... а как из деревни придут, то все заплачу... и процентов столько, сколько угодно... Ну! выбирай: или дав мне двадцать тысяч, жениться на мне хоть завтра, или без того никогда меня не видать.

А р и я

Прости... Навеки, может быть...
Не хочешь ты со мной расстаться.
Еще не перестал любить.
Я рада; должно мне признаться,
Мне как с душой с тобой расстаться.
Толь страстно, пламенно любя,
Не слышать и не зреть тебя,
Мне как со светом не видаться.

(*В сторону*.)

Какие глазки сделал он!
Он смотрит так, как обезьяны,
Когда не им пекут каштаны.
Какой пускает нежный стон!

(*К Скрягину*.)

О, жизнь моя! о, мой любезный!
Окончим ссоры бесполезны.
За что крушить друг друга нам?
Скажи ты мне, скажи, я дам.
Опять нахмурил брови;
Вот знак твоей любови!
Прости, прости, срамец,
Навек прости, скупец.

(*Уходит.*)

Явление 9

С к р я г и н (*один*). На час остановись... Ну, пропал я! между двух пропастей по волоску иду... с обеих сторон смерть!.. Пролаз! Пролаз!.. Экий проклятый, нейдет... Я думаю, он спит спокойно... и нужды нет, что барина хотят уморить... Гей! Пролаз!

П р о л а з (*не выходя*). Чего?

С к р я г и н. Да придешь ли ты сюда?

П р о л а з. Да говори, ведь мне и отсюда слышно.

Скрягин. Негодница! сюда поди.
Пролаз. Тотчас.
Скрягин. Ног волочить не могу.

Явление 10

Скрягин, Пролаз.

Пролаз. Ну, что там такое сделалось?
Скрягин. Графиня опять рассердилась.
Пролаз. Рассердилась; а все-таки любит.
Скрягин. А почему ты это знаешь?
Пролаз. Идучи мимо, велела мне от тебя ответ принести.
Скрягин. Поди ж, Пролазушка к ней, моей голубушке, отнеси...
Пролаз. Давай.
Скрягин. Ответ; да поскорее.
Пролаз. Да какой же ответ?
Скрягин. Пришедши, прямо в ноги повались... Скажи, что я умру, ежели она будет сердиться на меня. Проси, как можно, чтоб не гневалась... чтоб меня не погубила... Пролазушка! не худо при этом и заплакать.
Пролаз. Да я никогда не плакивал и за себя; как же мне за чужого плакать?
Скрягин. Ну, да поди ж.
Пролаз. Мне одному идти?
Скрягин. А с кем же? разве ты дороги не знаешь?
Пролаз. С голыми руками?
Скрягин. Надень перчатки.
Пролаз. Ты знаешь, что ей нужда.
Скрягин. Это не твое дело.
Пролаз. Ин я пойду.
Скрягин. Постой.
Пролаз. Чего изволишь?
Скрягин. Скажи, что она моя сударка.
Пролаз. Больше ничего?
Скрягин. Ничего. (*Пролаз хочет идти*.) Постой!.. на вот. (*Пролаз протягивает руку*.) Еще скажи ей, что я больше себя ее люблю.
Пролаз. Только?

Скрягин. Чего ж ей больше?.. Нет, нет, постой... О, проклятая любовь!.. Пролазушка! худо небогатому жить; а и того хуже любить... Скажи... нет у меня ни полушки.

Пролаз. Прости.

Скрягин. Постой, негодница! ты никогда до конца не выслушаешь того, что я тебе приказываю. Что ж мне еще велеть ей сказать?

Пролаз. Не знаю.

Скрягин. Как люди глупы, что они влюбляются... да еще в кого?.. в графиню!.. Любил бы по своим доходам.

Пролаз. Твое за нею не пропадет.

Скрягин. Вправду ты говоришь?

Пролаз. Конечно, вправду... Стану я тебя обманывать.

Скрягин. Поди ж, скажи ей: быть так!.. Что стал? не думаешь ли, что я еще что-нибудь скажу? Беги и не оглядывайся.

(*Пролаз, закрыв руками глаза, хочет бежать.*)

Скрягин. Постой!.. ты разумеешь ли, что значит это: быть так?

Дуэт

Пролаз

Я мыслю, что в твоем быть так
Есть двадцать тысяч.

Скрягин

Врешь, дурак!

Пролаз

Графиня ведь того просила.

Скрягин

Графиня, может быть, шутила.

(*вместе*)

Скрягин

Поди, скажи лишь ей: быть так...

Пролаз

Пойду, скажу лишь ей: быть так.

Скрягин

И рта не разевай ты боле.

Пролаз
Зевать не в нашей, барин, воле.

Скрягин
Зевай, как хочешь, ты зевай,
О деньгах только не болтай.

Пролаз
Она сама о том ведь спросит.
Она не любит тех,
Кто ей как будто бы на смех,
Одно «быть так» приносит.

(*вместе*)

Скрягин
На первый случай отнеси быть так.

Пролаз
На первый случай отнесу быть так.

(*Пролаз уходит.*)

Явление 11

Скрягин
(*один*)

Речитатив

Пришло тебе, о Скрягин! до зарезу!
Беда ужасная, беда со всех сторон,
И нет мне оборон...
Когда б увидел я во сне такую грезу,
Я охнул бы, и мой пропал бы сон;
И так бы ужаснулся,
Что, может быть, и вечно б не проснулся...
А это все, ох! было наяву!..
А я, а я еще живу!..
Умри скорей, доколь графиня не прибудет,
И денежки во гроб с собою спрячь;
А там что будет, то и будет...
Ты плачешь, Скрягин... плачь!

Глупец! на что было прельщаться?..
И хочется любить, и денег жаль...
Проклят тот человек, кто выдумал влюбляться!
Он сделал только тем нам лишнюю печаль...
Я слышу шум!.. Кто там?.. Никак графиня скачет...
Я умираю!.. умер... ну, прости!..
Велите хоронить меня нести...
Графиня, может быть, от жалости заплачет.
И денег не возьмет... тогда воскресну я!
Я деньги сберегу, и будешь ты моя...
Но нет, еще все тихо
И мне смертельно лихо.
Дух занимается и не могу дышать...
Легко ли двадцать тысяч дать,
Хотя и в ссуду;
Однако же не на серебряну посуду;
Не на алмаз,
На пару только глаз,
На маленькую рожу...
Лишь вздумаю о том, мороз дерет мне кожу.
Нет, нет... тебя люблю, графиня, я;
Но мне милее жизнь моя.
Любезных денежек лишася, жить не можно...
Пустое говорю... и без графини тошно...
Кипит во мне, волнуется вся кровь...
Что делать мне?.. о, деньги! о, любовь...
Да что ж, о чем же я крушусь?
Племянницыны деньги есть:
Их в рост отдать велит закон и честь.
Не столько горестно я с ними разлучусь;
Ведь отдавать же их когда-нибудь...
Попал на истинный я путь.

Явление 12

Скрягин, Пролаз (*несет на голове корзину*).

Скрягин. Что ты мне скажешь, любезный друг, Пролаз?

Пролаз

Ария

Вот тебе подарки.
От твоей сударки;
К ней плывут уж барки
Из китайских стран,
Сильный караван,
Морем и землею:
Золото, сребро,
Всякое добро
Ты возьмешь за нею...

(*Снимая с головы корзину.*) Вот на, посмотри. К ней на почте прислали пропасть образчиков того, что везут на караванах. (*Вынимает из корзины.*) Она из них прислала несколько тебе показать; а коли полюбятся, и подарить.

Скрягин. Как не полюбиться!

Пролаз. Вот парчи.

Скрягин (*обрадовавшись*). Какие ж это образчики? аршин по шести: из этого можно платье сделать.

Пролаз. Ты по образчикам можешь рассудить, как она богата.

Скрягин. Какое это изобилие! Да что это за кусочки?.. ахти!.. никак серебро и золото.

Пролаз. Это образчики того серебра и золота, которое к ней везут.

Скрягин. Сколько пуд?

Пролаз. Не знаю. Посмотри, чистое ли оно?

Скрягин (*положа в карман*). Самое чистое.

Пролаз. То-то ж, а ты не хотел ей дать денег... кабы увидел, что там у нее в доме чудится.

Скрягин. А что такое?

Пролаз. От здешних самых богатых купцов к ней проходу нет. Насилу я мог до нее продраться.

Скрягин. А зачем к ней они пришли?

Пролаз. Друг перед другом рвутся ей денег в заем дать.

Скрягин. Что ж она?

Пролаз. Не берет.

Скрягин. А для чего?

Пролаз. Кроме тебя никому этого одолжения не хочет сделать.

Скрягин. Изволь, изволь матушка ваше сиятельство… экие проворы наши купцы!

Пролаз. Везде хотят поживиться… да нас с тобою не проведут… Поди ж, готовь ей деньги; она скоро будет.

Скрягин. Хорошо, Пролазушка. (*Взяв корзину, уходит*.)

Явление 13

Пролаз (*один*). Ну, кажется, дело теперь к концу приходит. (*Оборотясь к кулисам*.) Господин Миловид! настоящий мой барин! (*Миловид показывается*.) нет, нет, спрячьтесь; еще не время. Я дам знак, как надобно будет выйти, — я закашляюсь… Что это Марфа медлит? Экая негодница!.. все дело испортить может. Скрягин скоро вынесет деньги; а когда ее не будет здесь, то опять отнесет и в сундук запрячет… а из сундука у скупого трудно добывать.

Явление 14

Пролаз, Марфа с двумя лакеями.

Пролаз. Я было начал тебя побранивать.

Марфа. А за что?

Пролаз. Что ты долго не ехала.

Марфа. Ты ведь знаешь, сколько у меня хлопот… караваны едут.

Пролаз. Перестань шутить… Скрягин скоро деньги вынесет… Поймали мы его на уду; теперь смотри, чтоб только не сорвался.

Явление 15

Скрягин, Марфа, Пролаз.

Скрягин (*неся под пазухой сверток ассигнаций, а в руке лист белой бумаги. Увидя издали Марфу*). Уф!.. она уж и приехала. (*Хочет назад уйти*.)

М а р ф а. Куда вы, господин Скрягин? Что вам сделалось?

С к р я г и н. Не прогневайтесь, ваше сиятельство, обморок было ошиб. Мне что-то тошно.

М а р ф а (*удерживая его*). Нет, ничего... зачем назад идти... мы люди свои, не осудим. Вам может и при мне тошно быть.

П р о л а з. Ты, барин, побледнел.

С к р я г и н. Слышишь ли, тошно.

М а р ф а. Как хорош!.. Побледнев, еще лучше стал... дай Бог, чтоб ему и всегда тошнилось.

С к р я г и н. Благодарствую, матушка, ваше сиятельство.

М а р ф а. За что за то благодарить, что я вас люблю... это не в моей воле... Каковы образчики?

С к р я г и н. Пребогатые.

М а р ф а. Да что ты так печален, душа моя?

С к р я г и н. Я?.. я весел.

П р о л а з. Будешь печален, как пришло отдавать двадцать тысяч.

С к р я г и н (*тихо Пролазу*). Молчи, дуралей! на что ты вспомнил... То-то простота — хуже воровства.

М а р ф а. Неужто ты от этого грустен?

С к р я г и н. Он врет, ваше сиятельство... я рад.

М а р ф а. Я знаю, что ты рад; да и для чего не быть... ты, почитай, свою жену одолжаешь... завтра, или послезавтра я твоя... Да что ты такое держишь?.. это, конечно, деньги.

С к р я г и н (*дрожащим голосом*). Деньги... может быть...

М а р ф а. Все равно, я и ассигнациями возьму. (*Марфа вырывает сверток.*)

С к р я г и н (*хочет опять взять*). Знаю... знаю... да надобно пересчитать.

П р о л а з. Дай в последний раз налюбоваться, — дай проститься, сиятельная графиня.

М а р ф а. Я верю вашему счету. (*К лакею.*) На, возьми и отнеси домой. (*Лакей, приняв деньги, тотчас уходит.*)

С к р я г и н. Так скоро?

М а р ф а. Я люблю скоро оканчивать мои дела.

С к р я г и н (*в сторону*). О, проклятая любовь! до чего ты меня довела!.. (*К Марфе.*) Да надобно бы расписочку... обязательство... в смерти и в животе Бог волен... а деньги-то не мои.

М а р ф а. Я готова написать расписку.

С к р я г и н. Слышу, матушка, ваше сиятельство; оно не дурно для всякого случая. Пролаз! подвинь столик с чернильницею... да тихонько, не переломи ножки.

(*Пролаз подает стол с чернильницею*.)

М а р ф а. Вы мне сказывайте, как писать... я, право, никогда этих низостей не делывала.

С к р я г и н. Извольте, стану сказывать. (*Подвигает стул и садится.*)

П р о л а з (*тихо Марфе*). Как же ты будешь писать? ведь ты не умеешь грамоте. На что ты надеешься?

М а р ф а (*тихо Пролазу*). На счастие.

П р о л а з (*тихо Марфе*). Ведь грамота не кости.

С к р я г и н. Извольте писать; только ради Бога не ставьте точек и запятых: в них иного толку нет, кроме, что много чернил да бумаги выходит.

М а р ф а. Не опасайся. Одни низкие люди запятые ставят; а мы, знатные, никогда.

С к р я г и н. Хорошо. Пишите ж.

М а р ф а. Готова.

Терцет

Скрягин

Тысяча семьсот
Семьдесят осьмого году.

Марфа

Да на что сначала год?

Пролаз

Д лжно сделать эту моду.

Скрягин

Водится в расписках так.

Марфа

Напишу, изволь, быть так.

Вместе

Тысяча семьсот
Семьдесят осьмого году.

Скрягин
Ноября девятого числа.

Пролаз
Марфа провела осла.

Марфа
Ноября девятого осла.

Скрягин
Ох! числа, а не осла:
Худо, очень худо слышишь.

Марфа
Как услышишь, так напишешь.

Пролаз
Не тужи, ведь из осла
Можно выправить числа.

Скрягин
После очень осторожно
Это сделать будет можно.
Продолжать теперь изволь:
Я, чин, имя и позванье...

Марфа
В голове ужасна боль...
О, несносное терзанье!

Скрягин
Денег нет, расписки нет.

Все вместе
Тмится, тмится, меркнет свет...
О, несносное терзанье

Явление 16

Скрягин, Марфа, Пролаз, Любима.

Скрягин. Ох! на эту пору и племянница идет... увидит, что мы пишем!.. станет спрашивать, а деньги-то ведь ее я отдал.

Марфа. Право ее... не бойтеся.

Скрягин (*к Любиме*). Зачем ты пришла?

Любима. Услышала, что ее сиятельство здесь: я сочла должностью моею отдать ей почтение.

Скрягин. Великая ее нужда до твоего, почтения.

Любима. Я вам помешала; что вы такое писали?

Скрягин. Так, ничего... мы шалили. (*Берет лист, на котором Марфа писала.*) Да что это... тут не написано ни года, ни числа; какие-то каракульки.

Марфа. Разве ты позабыл, что мы шалили?

Скрягин. А деньги-то?..

Марфа. Какие?

Пролаз (*к Скрягину*). Я говорил тебе: эй, графиня эта подденет тебя.

Скрягин (*Марфе*). Как? разве вы от меня денег...

Марфа (*тихо*). Как тебе не стыдно кричать... Я нарочно для племянницы твоей притворяюсь.

Скрягин. Знаю, матушка, ваше сиятельство. (*К Любиме.*) Да что ты здесь делаешь?

Марфа (*тихо*). Не выгоняйте ее: она догадается. (*Вслух.*) Пускай она будет здесь. Она такая премиленькая девочка!

Скрягин (*вслух*). Да, премиленькая!.. ее вы не знаете. (*Тихо Марфе.*) Напишите хоть при ней расписку... не уморите меня.

Марфа (*тихо*). Да я не умею.

Скрягин. Только такого-то года и числа получила я от такого-то столько-то тысяч и обязуюсь платить по тридцати процентов в год... это я для племянницы говорю... деньги ее, а она такая скупая, что страх и подумать... мне житья не будет.

(*Марфа садится писать.*)

Любима. У вас есть какие-нибудь тайны.

Скрягин. Никаких.

Любима. Не может быть.

Марфа. Право, никаких.

Пролаз (*к Скрягину*). Вы не знаете, что сказать... вот я нечто выдумал, чтоб племянницу обмануть... Велишь ли?

Скрягин. Ну, говори.

Пролаз (*к Любиме*). Графиня задает ему урок.

Л ю б и м а. Разве дядюшка чему у ней учится?
П р о л а з. А как же... не быть скупым.
Л ю б и м а. Не худо.
С к р я г и н. Молчи, дурак!

(*Пролаз кашляет*.)

М а р ф а. Какое дурное перо! нельзя ничего написать.
С к р я г и н. Как-нибудь, матушка, ваше сиятельство. Мне ужасно как хочется иметь письмецо твоей руки.

(*Пролаз сильно кашляет*.)

М а р ф а. Как этот дуралей мне кашлем своим мешает!
С к р я г и н (*к Пролазу*). Да выйдешь ли ты вон, повеса?

Явление 17

Скрягин, Марфа, Пролаз, Любима, Миловид.

М а р ф а. А, вот и господин Миловид! Здравствуй, мой друг!
С к р я г и н. Зачем он? Разве вы его знаете?
М а р ф а. Мы давно с ним знакомы.
С к р я г и н. Почему?
М а р ф а. Будто этому причину можно сказать. В большом свете познакомишься, и сама не знаешь как.
С к р я г и н (*к Миловиду*). Зачем опять пожаловал?
М и л о в и д. За тем же, за чем и прежде был, имея крайнюю нужду в деньгах: я соглашаюсь платить тот рост, который вы назначили.
С к р я г и н (*громко*). Да какие у меня деньги? (*Тихо*.) Не верь; есть, сколько надобно.
М а р ф а. Если надобны деньги, теперь и мы можем вас ссудить с госпожою Любимою.
С к р я г и н. Как, с госпожою Любимою?
М а р ф а. Да те двадцать тысяч, которые я у вас взяла, ведь ей принадлежат?
С к р я г и н. Да, ей. (*Тихо Марфе*.) Как вам не стыдно? так-то вы меня любите!

Л ю б и м а (*Скрягину*). Вы мои деньги отдали... нет... ничего... я очень рада.

С к р я г и н. Да, твои отдал... как хочешь с нею сама ведайся.

М а р ф а (*взяв за руку Любиму, приводит к Миловиду*). А вы, как хотите, с ним ведайтесь.

С к р я г и н. Что это такое? я ничего не разумею.

М а р ф а. Я вам порядочно растолкую: двадцать тысяч рублей, принадлежащие госпоже Любиме — вашей племяннице, отдали вы мне.

С к р я г и н. Так, точно так.

М а р ф а. Мне они не надобны, я их отдала господину Миловиду.

С к р я г и н. За что?

М а р ф а. А вот за что: он в вашу племянницу смертельно влюблен.

С к р я г и н. Да за это сами платят.

М а р ф а. Правда; однако ж и она в него также смертельно влюблена; и они хотят сочетаться браком.

С к р я г и н. Пустое.

М а р ф а. Право, не пустое.

С к р я г и н. Да вам какая нужда до этого?

М а р ф а. Они меня просили, и я не могла отговориться.

С к р я г и н. Ты, сударыня, будешь в стороне; а с ними я разведаюсь... еще ведь она из-под моей опеки не вышла.

Л ю б и м а. Не должны ли вы о моем счастии стараться? А если должны, могу ли я иметь жениха достойнее Миловида? Да сверх того, я его так люблю, что без него жить не могу.

С к р я г и н. Жить не могу... а я докажу, что можешь жить.

М и л о в и д. Я вас прошу как сродника, заступающего место ее отца, сделать меня счастливым... и...

С к р я г и н. Поди, поди в другое место за счастием.

П р о л а з. У нас нет его.

М и л о в и д. Или я не стою вашей племянницы?

С к р я г и н. Теперь стоишь... а вперед... дай-ка ей в девках посидеть года два... как хорошенько вызреет... чему быть, и лучше тебя женихи сыщутся.

М и л о в и д (*вынимая бумагу из кармана*). Если просьба не помогает, то эта бумага поможет. Я в суде доказал, что она в совершенных летах, что вы с нею дурно поступаете. И вот избавление ее из-под неволи нестерпимой... прочитайте.

Скрягин (*читает тихо, а наконец вслух дрожащим голосом*). «Того ради под опекою не быть и имение возвратить ей в полную власть». Я против указов не спорщик. Пожалуй, хоть все отними... да, полно, нечего. (*Миловиду указывая на Любиму*.) Возьми себе ее. (*К Марфе*.) Я хотел на них плевать, лишь только бы ваше сиятельство меня по своей милости жаловали... Да что же, и вы мне не отвечаете?

Марфа. С кем вы говорите?

Скрягин. С вашим сиятельством.

Марфа. Ох!.. ведь я не сиятельство.

Скрягин. Нет нужды... лишь только бы караваны-то приехали.

Марфа. Ух!.. все потонули.

Скрягин. Что это за несчастие!.. Итак, все пропало?

Марфа. Все!.. ведь придет же несчастие! разжалована из графинь... и лишилась всего несметного богатства.

Скрягин. Полно, полно... изволите шутя меня обманывать.

Марфа. Нет, никогда ничего справедливее я с вами не говаривала.

Пролаз. Вот так-то на свете: одного несчастие другому делает счастие... Она графства лишена, а мне ум отдан.

Скрягин. Что это за вздор?.. Я этакой чепухи от роду не слыхивал... Вы все плуты... обманщики.

Пролаз и Марфа (*становясь на колена*). Виноваты.

Скрягин. Кто же вы?

Марфа. Я не графиня.

Пролаз. Я не дурак.

Скрягин (*к Пролазу*). Я вижу, ты мошенник, и тебе тюрьмы не миновать... а об этой я не знаю, что и думать... (*Марфе, с сердцем*.) Скажи, где девались твои караваны, твои деревни близ Китая?.. или я...

Марфа. Вот-на еще за что люди сердятся, что нет ни деревень, ни караванов... где мне взять?

Скрягин (*к Марфе и Пролазу, с яростью*). Я вас обоих уморю, удавлю!

Миловид (*удерживая его*). Постой, господин Скрягин, я должен за мою служанку и за моего слугу вступиться.

Скрягин. Что слышу! твоя служанка! твой слуга!

Миловид. Точно так.

Скрягин. Теперь весь злодейский обман открылся, теперь... дух занимается... черт с вами!

Ария

Будьте вечно от меня проклятты,
Пусть вам адом будет целый свет!
Словом, чтоб желать вам вдруг всех бед,
Будьте, будьте столько тороваты,
Чтоб в неделю деньги все прожить;
После б мне деревни заложить.
Я б заставил вас стонать, тужить.
Ох, ох, ох! кому меня тошнее?

Миловид, Любима, Пролаз, Марфа
(*вместе смеются*)

Ха, ха, ха! есть ли кто его смешнее?
Есть ли кто счастливей нас?
Наши желанья свершились,
Наши сердца соединились;
О, блаженный час!

СБИТЕНЩИК

Комическая опера в трех действиях

Д е й с т в у ю щ и е   л и ц а:

В о л д ы р е в, купец, переселившийся в Петербург из другого города, где он назывался Макеем.

П а ш а, дочь другого купца, под опекою Волдырева, который в нее влюблен и хочет на ней жениться.

С т е п а н, сбитенщик.

Ф а д д е й, работник Волдырева.

В л а с ь е в н а, работница Волдырева.

И з в е д, офицер в службе, влюблен в Пашу.

Б о л т а й, отставной офицер, сын секретаря того же города, откуда Волдырев, влюбленный также в Пашу и знакомый с Волдыревым, не зная, что он переменил имя Макея.

Полицейские пристава.

Действие в Санкт-Петербурге, иногда на улице, пред домом Волдырева, а иногда внутри его дома.

Действие первое

Явление 1

Театр представляет улицу пред домом Волдырева.
Рассвет дня.

Степан, сбитенщик, один.

Ария

Вот сбитень! вот горячий!
Кто сбитня моего?
Все кушают его:
И воин, и подьячий,
Лакей и скороход,
И весь честн й народ.
Честны́е господа!
Пожалуйте сюда.

Как еще рано! Вся здешняя улица спит; и в доме Волдырева окна еще закрыты. Этот Волдырев хочет жениться на Паше, своей вскормленнице. Нет, дружок; этот кусочек не по тебе. Ты и Власьевны моей не стоишь, даром что она твоя работница. Найди себе такую же глупую жену, каков твой работник, Фаддей, так и будет тебе по плечу.

Явление 2

Степан и Извед.

Извед. Вот дом той, которую смертельно люблю. Какая красота! а притом какая милая невинность, которая еще более возвышает прелести! Признаться должно, что не моего вкуса красавицы испытанные в свете, которые все знают и не стыдятся того; а Паша!..

Ария

Не утрення заря играет
Перед рассветом чиста дня;

Дух Пашин на лице блистает,
Невинностью к себе маня.
Не роза стебель уклоняет,
Ее коль тронет ветерок;
Краснея, Паша отвращает
От жадных взоров свой глазок.

С т е п а н. Как же эта ранняя птичка сладко воспевает! Он Пашу поминал; видно, что влюблен в нее. Добро пожаловать. Вот два любовника сошлись: он к Паше, а я к Власьевне.

И з в е д (*сам с собою*). Кто здесь? не из дома ли Волдырева? Отважусь, подойду. (*К Степану*.) Кто ты таков, друг мой?

С т е п а н. Чего изволите? сбитня?

И з в е д. Нет; я думал...

С т е п а н. А что думал?

И з в е д. Так, ничего.

С т е п а н. А я так знаю, что ты думаешь.

И з в е д. Нельзя того знать никому.

С т е п а н. Не изволишь ли об заклад?

И з в е д. Ты проиграешь.

С т е п а н. Нет ничего; давай о рубле.

И з в е д. Изволь, я держу.

С т е п а н. Выньте же. Что держут, то в руках имеют. (*Извед вынимает рубль*.) Ты любишь Пашу, которая под опекою у Волдырева.

И з в е д. Так точно, мой друг; так, люблю ее как душу. Вот твой рубль.

С т е п а н. Эк обрадовался, что я угадал!

И з в е д. Да почему ты это узнал?

С т е п а н. Как почему?.. Даром, что я так смотрю; я живал на свете и кое-чему учился. После того, как меня отдали в солдаты...

И з в е д. Как! ты солдатом был? зачем же ты оставил это честное ремесло?

С т е п а н. Честное?.. Мне кажется, честнее людей лечить, нежели бить; и для того постарался я, чтоб меня определили в аптеку. Вот там-то я просветился в разных высоких науках...

И з в е д (*усмехаясь*). Верю, верю.

С т е п а н. Сделался искусен во многих вещах. Больше всего был я силен толочь миндаль, сахар, корицу и прочее; так что от моего искусства всегда большая часть убывала того, что ко мне в

ступу попадало. Но как везде много завистливых людей, то и назвали они это, между нами сказано, кражею. Однако я тогда уже имел моим искусством нажитой изрядный достаточек; и потому мне, как обыкновенно у людей водится, никакого вреда не сделали, а только в чистую отпустили, то есть, обобрав меня, отставили. Таким образом окончив в аптеке мои науки, вступил я в большой свет. Служил у знатных, у судей, у военных, у иностранных в прочая. Все прошел, всего насмотрелся, все наскучило. Узнал, что все на свете вздор... и удалился от света. Сильная привычка к науке составлять лекарства решила меня составлять сбитень и им торговать. Сбитень мой во всем городе в великом почтении, то есть у бедных, да у скупых. Волдырев им довольно нахвалиться не может. Этим напитком поит он и Пашу, которая достойна пить кофе. Мой сбитень отворяет мне вороты в дом Волдырева, куда он ни одного мужчины не впускает от ревности к вскормленнице, на которой хочет сам жениться и которую воспитал он сущим ягненком. Подумай, кому достанется такое сокровище!

И з в е д. Да для чего же ты старался быть вхож в этот дом?

С т е п а н. Причина тому, барин, у меня с тобою одна, а именно — любовь. Тебя Паша сокрушила, а мне вскружила голову Власьевна, работница Волдырева; однако я тебя счастливее.

И з в е д. Так ты мне можешь помочь?

С т е п а н. Помочь?.. это трудновато. Однако увидим, что будет.

И з в е д. Все, чего только пожелаешь. Как скоро дело сделается, то... я наперед ничего не говорю... ты будешь мной доволен.

С т е п а н. Будешь?.. все это хорошо, да...

И з в е д. Или ты сомневаешься о чести моей? или, так долго учася знать людей, не можешь различить честного человека с бездельником?

С т е п а н. Да ежели по словам, так все люди честны.

И з в е д. Вот тебе десять рублей в задаток.

С т е п а н. О! о! вот теперь нимало не сомневаюсь о честности вашей; а без задатка, как узнаешь. Готов служить. Да скажите, как вы познакомились с нею? Для меня это не понятно.

И з в е д. Я, увидя ее в окно, остолбенел от ее прелестей. Долго с нее глаз не спускал, и она во все время на меня украдкою посматривала. На мои поклоны отвечала робкими, но нечто значущими поклонами.

С т е п а н. Все эти нечто значущие поклоны без меня ничего не значат. Положитесь на меня: я вам ручаюсь, что все иначе пойдет. Подите ж теперь отсюда; да не далеко отходите, чтоб услышать, когда я вас позову. Я постараюсь, чтобы вам поближе увидаться с Пашею,

И з в е д (*обнимая сбитенщика*). Ты мне жизнь отдаешь. Я тебе клянусь.

С т е п а н. Полно уверять, поди. Твоя первая клятва у меня уже в кармане.

Явление 3

С т е п а н (*один, снимая баклагу*). Служить любовникам для меня не новое. Такая должность в нынешнее время прибыльнее торга сбитнем. Есть дураки, которые стыдятся этого. Пустое! как подумаешь, то ли делают и не наша братья, да только умеючи, так и все гладко. Все от искусства зависит.

А р и я

Кажется, не ложно,
Все на свете можно
Покупать,
Продавать;
Только должно
Осторожно
Поступать.
Люди всем торгуют,
Да и в ус не дуют.
И Степан
Не болван;
Только должно
Осторожно
Класть в карман.
Правда, честен б ди,
Только как все люди;
От ума
Не до дна,
Вчетвертину,
Вполовину,

Не сполна.
Чтя корысть едину,
Всяк свою скотину
То сосет,
То стрижет:
Кто умеет,
Тот и бреет
Весь завод...
Чтобы выйти в люди,
Что плывет, все ди.

(*Увидя входящего Болтая, который пристально на дом Волдырева смотрит.*)

Ба! что это за особа выступает и так быстро смотрит на дом Волдырева? Какой же франт! Уж не другой ли любовник к Паше подбирается? давай его сюда.

Явление 4

Степан, Болтай.

Болтай. Здравствуй, мужичок.

Степан. Здравствуй, красавчик.

Болтай. Так я тебе кажусь красавцем?

Степан. Очень.

Болтай (*говорит очень скоро*). Я радуюсь, что ты одного вкуса со мною. Ты знаешь ли меня? я Болтай, отставной офицер, сын провинциального секретаря; недавно сюда приехал. Скажи мне, мужичок, чей этот дом, где я вчера видел прекрасную девочку? Чья она дочь? с кем живет? с отцом ли? с дядею ли? с братом ли? с дедом ли? сколько за нею приданого? Как же она мила! Можешь ли меня с нею познакомить? Познакомь только, познакомь; а поймать ее за сердчишко это мое уже дело, и я...

Степан (*так же скоро отвечает*). Постойте, сударь, отдохните и дайте мне отвечать. Я вас не знал, а теперь знаю, что вы Болтай. Дом этот купца Волдырева. Девочка, которую вы видели, его вскормленница, невеста богатая, которую он прочит за себя; а познакомить можно.

Болтай (*тащит Степана*). Можно? Пойдем же, пойдем поскорее.

Степан. Тише, тише, убавь хода. Это не так скоро делается.

Б о л т а й. А для чего?

С т е п а н. А для того, во-первых, Волдырев ревнив, как турок, и со двора никуда не выходит; во-вторых, сухая ложка рот дерет.

Б о л т а й. Что ж это значит?

С т е п а н. Как! вы секретарский сын, а этой пословицы не разумеете?

Б о л т а й. А! разумею: ты хочешь за труды.

С т е п а н. То-то же.

Б о л т а й. Изволь, мой друг, изволь, с радостью. Наперед кину хоть сто рублей (*ищет в карманах*), а после и тысячи не пожалею. Вот на! (*Степан протягивает руку, а Болтай вынимает пустые руки из карманов*.) Какая у меня дурная привычка деньги всегда дома оставлять! Потерпи до завтра.

С т е п а н. До завтра? вот прямой секретарский сынок! Если это батюшкино завтра, то оно никогда не кончится.

Б о л т а й. Потерпи.

С т е п а н. Ин потерпим оба: я денег, а ты знакомства с Пашею.

Б о л т а й. Да могу ли быть уверен?

С т е п а н. Будь уверен, только поскорее исправляйся; а когда замедлишь, то у нас есть другие торгаши на Пашу.

Б о л т а й. Другие? и могут столько ж дать, как я? пустое... Поверь, если бы у меня и не было своих денег, то такой человек, как я, везде имеет великий кредит. Здесь у меня есть мой земляк, купец, по имени Макей, которого с самого моего приезда ищу и не могу найти... Ну, да обнадежь только меня.

С т е п а н. Ох! надейся.

Б о л т а й. Так это очень твердо?

С т е п а н. Нельзя тверже, и так, как будто бы и сделано.

Б о л т а й. Право! Так я могу моим приятелям кое-что к своей чести об этом рассказать?

С т е п а н. Какой неотвязчивый! Сказывай, что хочешь.

Б о л т а й. Спасибо! это мне всего нужнее. (*В сторону*.) Уверив, что скоро женюсь на богатой, скорее достану денег в заем; а как достану, то скоро и женюсь. Виват проворный ум! (*Идет и опять возвращается*.) Да ты кто таков, и как тебя зовут?

С т е п а н (*в сторону*). Чтобы не попасть в беду с этим болтуном, скажусь не своим именем. (*К Болтаю*.) Я работник Волдырева; а зовут меня Фаддеем.

Болтай. Прости же; я иду за деньгами. (*Идучи*.) Ох! кабы найти мне этого Макея.

Явление 5

С т е п а н (*один*). Какой глупый вертопрах! Нет, на этого нечего надеяться. Видно, словами богат, а в кармане ни алтына. Лучше за прежнего держаться; тот и поступью, и карманом мне по сердцу. Слышан голос Волдырева. Скоро меня со сбитнем к нему позовут. (*Поднимает баклагу.*) А вот он и сам. Что это за чудо! идет со двора, да и так рано!

Явление 6

С т е п а н, Ф а д д е й, В о л д ы р е в.

В о л д ы р е в (*не видя Степана, говорит, оборотясь к своему дому*). Фаддей! запри крепко-накрепко ворота; и подворотню заложи так, чтоб и червяк проползти не мог.

Ф а д д е й (*выглядывая из ворот*). Слышу-ста. А коли ты воротишься, тебя пускать ли?

В о л д ы р е в. Болван! как хозяина не пустить?

Ф а д д е й (*выглядывая*). Слышу-ста; никого не пущу. Да ты не велел пускать и червя; я за это не берусь, как его усмотришь?

В о л д ы р е в. Это только так говорится.

Ф а д д е й (*выглядывая*). А на что же ты обманываешь?

В о л д ы р е в. Дуралей! это разумеется, чтоб ты никого, кто бы он ни был, к нам в дом не впускал.

Ф а д д е й (*выглядывая*). А! а! разумею-ста: никого не пушу, кроме тебя да червя.

В о л д ы р е в. Смотри ж.

Ф а д д е й (*выглядывая*). Смотрю-ста.

В о л д ы р е в. Нехудо будет, если найдешь дубинку потолще для всякого случая.

Ф а д д е й (*выглядывая*). Посочу-ста.

В о л д ы р е в (*сам с собою, не видя Степана*). Глупый человек гораздо лучше остряка. Все сделает верно и точно, что ему прикажет хозяин. Ум надобен тому, кто повелевает; а кто исполняет приказания, тому надобна глупая точность. (*Увидя Степана.*) А! Степан, спасибо, что ты здесь.

С т е п а н. Зная, что по утрам всегда сбитень кушаешь, я уже давно пришел. Да куда так рано со двора?

В о л д ы р е в. Сегодня у меня весь день прехлопотливый.

Степан. А что бы такое?

Волдырев. Сегодня попозже намерен я жениться.

Степан (*в сторону*). Вот те на! Ну, как же он меня подъел! (*К Волдыреву*.) Жениться? кто? ты?

Волдырев. Да, да, я сам; чему же дивишься?

Степан. Да на ком?

Волдырев. На Паше. Как будто ты не знаешь.

Степан. На Паше? не верю.

Волдырев. А для чего?

Степан. А для того, что она еще не дозрела; а ты слишком переспел.

Волдырев. Это не твоя беда; я знаю, что я делаю.

Степан. Послушай-ка совета твоего верного Степана.

Волдырев. Ну.

Степан. Брось это.

Волдырев. Скорее умру, нежели это оставлю.

Степан. Умный человек должен думать и о будущем. Ну, ежели она тебя не станет любить... ну, ежели какой молодчик... ну, ежели...

Волдырев. Ох! оставь твои ежели, они никогда не могут сбыться. Глупенькой! все мною предусмотрено, все предосторожности взяты. Ты ничего не разумеешь.

Степан. Мое дело сторона. Только желаю тебе счастия больше других.

Волдырев. Другие за это не так, как я, принялись. Слушай, я тебе все расскажу. Паша под опеку мне от покойного отца ее, с которым мы вместе торговали, досталась младенцем с великим достатком. Чтобы торга нашего не разделять, вошло мне в голову на ней жениться. Боялся я всегда того, о чем ты мне теперь намекал, и для того я возрастил ее смиренницею. Сам уча ее грамоте, вселил в нее сильный страх к Богу и Макею. Вот так-то тогда меня звали и иного мне имени не было.

Степан (*в сторону*). Ну, что я сделал! этот проклятый Болтай ищет Макея, а Макей-то сам Волдырев. Я этого и не знал; да полно, я взял предосторожность назваться Фаддеем.

Волдырев. Что ж ты не слушаешь? Между тем, как Паша подросла, то стала больно пригожа и мне сильно по сердцу. Хотя я всячески старался, чтоб ее никто не видал, однако, черт знает, как ее увидел наш судья холостой. Ты знаешь, как судьи

зорки, и знаешь, можно ли с ними бороться; и для того я из своей отчизны переселился в Питер, и к старинному имени приклеил новое прозвание, которое, по обычаю прочей нашей братьи охотников дворяниться, кончится на ов. А со временем постараюсь достать офицерский или и выше чин, чтобы ходить в шпаге с темляком и в шарфе.

С т е п а н. Ну, ну, кстати ли это твоему толстому брюху, твоему плоскому, широкому лицу? Не лучше ли быть полезным купцом, нежели, сделавшись офицером, не быть ни тем, ни другим, и стать из чего-нибудь ни то, ни сё, то есть, как у нас говорят, произвести себя в так.

В о л д ы р е в. Пустое! Хуже меня достают себе чины; но оставим это. Здесь я спокойно живу. Пашу мою никто не знает. Она стыдлива и робка, научена мною почитать за грех и то, когда на молодого мужчину и ненарочно посмотрит. Вся ее премудрость в том, чтоб верить всему, что я ей скажу. Весь ее свет — я, да приходский наш поп; вся ее забава — штопать мое белье. Словом, я ее сделал такою, как мне надобно. Пускай она проста: что это мешает? Я ее очень люблю и уверен, что буду женат без товарищей. Да и на что жене ум? разве на то, чтоб мужа обманывать? Чтобы не быть дураком, лучший способ — на дурочке жениться. Ты видишь, как я все осторожно распорядил. Для большей безопасности принял я к себе Фаддея и Власьевну, которых ты знаешь. Их совершенная глупость не может ни в чем Паше глаз открыть; и они, а особливо Фаддей, ни на волос от воли моей отступить не смеют.

С т е п а н. Да что же тебе приспичило сегодня жениться?

В о л д ы р е в. А чего же еще ждать? Мне скоро пятьдесят лет минет, а я крайнюю охоту имею нажить себе побольше маленьких Волдыревых; только о том и думаю, и всякий час наяву этим брежу. Как весело видеть своих цыпляток!

А р и я

Какие маленьки цыплятки!
А все они мои ребятки!
Такие ж глазки, те ж носки,
В них нету ничего чужова;
Все маленькие волдырки
Большого Волдырева.

Дай-ка сбитню, на дорогу. (*Степан ему наливает.*) Пора мне, пора. Хочется сегодня кончить мои дела, чтоб завтра, то есть после свадьбы, долго не выходить со двора.

С т е п а н. Да хоть бы ты к свадьбе сделал себе новое платье.

В о л д ы р е в. А на что это? Паша моя так проста, что меня в новом не узнает и не захочет за меня замуж. Прости.

Явление 7

С т е п а н (*один*). Ну, что делать? черт разве это знал, что его прорвет сегодня жениться. Как пособить этому молодому офицеру, которого я всем сердцем полюбил. Задаток взял, а материала поставить и надежды нет. Однако надобно все силы употребить, да как до этого дойти? Ворота заперты, а Фаддей, эта Волдырева скотина, ни для чего не впустит. Разве деньги помогут. Деньга, говорят, и камень долбит; а Фаддей еще не совсем камень. Попытаемся. А! да вот он и сам! чего-то ищет.

Явление 8

Степан, Фаддей.

Ф а д д е й (*выходя из ворот*). Хозяин ушел. Велел дубинку сыскать потолще; дубинки, хоть што, не нашел. (*Увидя Степана.*) А, Степанушка! здорово.

С т е п а н. Здорово, Фаддеюшка.

Ф а д д е й (*сам себе*). Фаддеюшка! Эк он учлив стал! бывало, все бранится. (*К Степану.*) Не знаешь ли, Степанушка, где дубинку потолще достать?

С т е п а н. Знаю, Фаддеюшка.

Ф а д д е й. Пожалуйста скажи.

С т е п а н. Изволь, для ча другу не сказать.

Ф а д д е й (*сам себе*). Другу! добрый парень. Он меня полюбил я и сам не знаю за что. (*К Степану.*) Да скажи же, где?

С т е п а н. Вот, видишь ли эту улицу? Всю ее пройди и повороти на улицу направо. Иди, иди, и придешь к переулку. Повороти в переулок, там опять увидишь переулок: в этом переулке еще переулочек, а в этом переулочке домик небольшой; возле калитки этого домика стоит дубинка. Так и найдешь ее.

Ф а д д е й. Ух, как далеко!
С т е п а н. Как быть, нигде ближе нет.
Ф а д д е й. Уж мне этот хозяин! на что ему дубина?
С т е п а н. А как же? крепче будешь караулить. На-ка сбитеньку на дорогу.
Ф а д д е й. Да денег-ста нет.
С т е п а н. Пей без денег, сколько хошь.
Ф а д д е й (*пьет*). Что тебе сделалось, что ты так ласков?
С т е п а н. Я сегодня вас всех что-то очень люблю.
Ф а д д е й. Спасибо-ста. Ин пойти ж.
С т е п а н. Поди.
Ф а д д е й. Все направо?
С т е п а н. Всё направо.
Ф а д д е й. А налево?
С т е п а н. Нет, Боже упаси.
Ф а д д е й. Слышу-ста.

Явление 9

Степан, один, а потом Извед.

С т е п а н. Ну, сбыл и этого! Начало ладно. Гей! господин офицер! (*Извед выходит.*) Не знаю, как твое честное имя.
И з в е д. Меня зовут Извед. Что наше дело?
С т е п а н. Все хорошо. Сегодня в ночь Волдырев женится...
И з в е д. Что слышу? я погиб!
С т е п а н. Постой, постой. Я еще не договорил, а ты уже и запечалился. Не бось: чем ближе беда, тем больше ума. Пойдем теперь же в дом. (*Хочет отворить ворота Волдырева.*) Ба! видно, Власьевна заперла ворота. О! эту я скоро уломаю. (*Кличет.*) Власьевна! Власьевна! что, ты разве оглохла?
В л а с ь е в н а (*в доме*). Кто там?
С т е п а н. Твой милый друг Степан.
В л а с ь е в н а. Ну к черту, недосуг.
С т е п а н. Вот нежная любовь! Острамила, проклятая. Да выгляни на часок.
В л а с ь е в н а. Слышь, недосуг.
С т е п а н. Как, недосуг посмотреть на Степана?
В л а с ь е в н а (*выглядывая в окно*). Ну что там, какие узоры?

С т е п а н. Сойди-ка сюда: мне нужда с тобою поговорить. Сойди-ка, да отвори ворота. Фаддей далеко ушел, а хозяин долго не будет.

В л а с ь е в н а. Да слышь, право работы много.

Д у э т

С т е п а н
Кинь заботы,
Милый друг,
Кинь заботы.

В л а с ь е в н а
Недосуг;
От работы
Я без рук.

С т е п а н
Выпей, выпей медов ва.

В л а с ь е в н а
Я боюся Волдырева.

С т е п а н
Плюнь ты, плюнь на дурака.

В л а с ь е в н а
Натолкает мне бока.

О б а в м е с т е
Да для милого дружка
И сережка из ушка.

(*Власьевна выходит; отворяет ворота, и Степан с Изведом входят в дом. Театр переменяется и представляет внутренний покой Волдырева.*)

Явление 10

П а ш а (*с торопливостью входит*). Так, это он со Власьевной и со Степаном идет на крыльцо; он, которого я в окно видела. Он, точно он, это я наверное знаю. В окно смотря на него, сердце у

меня так билось, так билось; и теперь точно так же бьется. Когда опекун мой Макей сердится, и тогда оно так же дрожит... так же да не так. Уж не будет ли и этот моим опекуном?.. Ох, кабы это да сбылось!

Явление 11

Паша, Извед, Степан, Власьевна.

Власьевна. Затеяли вы дурное. Я говорю, что дурное.

Степан. Пустое, Власьевна. Ты моя сударка, ты моя красавка.

Власьевна. То-то красавка!

Степан. Сначала тебе кажется дурно, а после самой слюбится.

Извед (*сам к себе*). Какое действие любовь в нас производит! не знаю что говорить и чем начать.

Степан (*Изведу*). Что ж ты как вкопанный стоишь? Ох ты воин-горе! Подойди к ней.

Власьевна. Как не так, подойди только. Ведь у Власьевны и кулаки есть. (*К Паше.*) Что ты глаза на него выпялила? разве забыла, что хозяин тебе твердил: грешно на молодых мужиков смотреть.

Паша. Ах, это правда! Я было это при нем и забыла. (*Отворачивается от Изведа, однако украдкою смотрит на него.*)

Власьевна. Зевай, зевай! черт тотчас попутает; я это по себе знаю. И как хозяин узнает, то достанется; а мне и того боле. (*К Изведу и Степану.*) Подите, подите, откуда пришли.

Степан (*Изведу*). Разве не знаешь, чем в этаких случаях уговаривать? Ведь все люди — Степаны. Сунь ей что-нибудь.

Извед (*Власьевне*). Власьевна! ты хочешь, чтоб я умер; сжалься надо мной.

Власьевна (с *сердцем*). Нет, нет; хозяин говорит... (*Извед ей дает деньги. Власьевна, проворно взяв деньги, переменяет голос.*) Да, да, ведь не я, хозяин это говорит.

Степан (*Власьевне*). Ну, любо ли?

Власьевна. Чему-то быть, повеселее на уме. (*Изведу.*) Ну, поди себе к Паше, я и рукой махну.

Извед (*Власьевне*). Ты мне жизнь отдаешь.

Власьевна. А то как же; я не хочу тебе смерти.

И з в е д (*Паше*). Вы видите перед собой, сударыня...

П а ш а. Я не сударыня, а зовут меня Паша; да опекун меня иногда Пашенькой называет.

И з в е д. О, неоцененная невинность! прекрасная Пашенька! ты видишь несчастного...

П а ш а. Кто? вы несчастны? да от кого?

И з в е д. От тебя.

П а ш а. От меня! ах какая беда! да как это сделалось? я, право, вам никакого худа не желаю.

И з в е д. Ты дала мне рану, от которой я умру.

В л а с ь е в н а. Смотри пожалуй, что она начудесила.

П а ш а. Ах какое несчастие! Да в которое место я рану вам дала? да как это сделалось? разве ненароком. Не уронила ль я чего, как вы мимо нашего дома ходили? кажется нет. Не Фаддей ли что бросил?

В л а с ь е в н а. Так точно Фаддей; некому больше.

И з в е д. Нет, не Фаддей; но вы вашими прекрасными глазами поранили мне сердце, и вы же меня исцелить можете.

А р и я

Твой взгляд, как пламенна стрела,
Во сердце нежное вонзился:
Ты рану смертну мне дала
И я всех чувств моих лишился
Страдая от очей твоих,
Спасенье вижу только в них.
Ты видя, как меня терзаешь,
Ах, сжалься, сжалься надо мной!
С такой небесной красотой.
Или ты жалости не знаешь?

П а ш а. Ни слова не понимаю. Мои глаза поранили сердце!

В л а с ь е в н а. Ан хозяин-та и прав, что не велит тебе ни на кого смотреть.

П а ш а (*к Изведу*). Так вам очень больно?

И з в е д. Нельзя больше.

П а ш а. Бедненький!.. вы говорите, что я вас и вылечить могу... это еще слава Богу. Да только чем?

И з в е д. Дайте мне вашу руку: это несколько облегчит мою болезнь.

П а ш а (*протягивает обе руки*). Изволь хоть обе, лишь только бы полегче было. (*Извед целует руки у Паши*.) Целуйте, целуйте сколько хотите. Мне это очень приятно. Да что это такое? каждый ваш поцелуй я чувствую на сердце. Этого со мною с роду не бывало.

В л а с ь е в н а. Что ты, Паша, так в лице переменилась? Уж не пристало ли тебе от него?

П а ш а. Боюсь; не грех ли путает меня? Конечно, мой опекун правду говорил.

И з в е д. Не верьте ему, он вас обманывает.

А р и я

Паша

Я того не понимаю,
Чем тогда изнемогаю,
Как смотрю я на тебя:
Сердце ноет, сердце бьется,
Кровь кипит и мысль мятется
И не помню я себя.
Как с Макеем я бываю,
Скучно мне и я зеваю;
А с тобою все не то:
Ты один лишь мне веселье,
А другое все безделье,
Все на свете мне ничто.
Отчего ж с тобой мне стыдно?
Грех великий, это видно,
Видно, прав мой опекун.
Отчего же сердце бьется?
Отчего же мысль мятется?
Видно, что Макей не лгун.
Но во всем моем смятеньи
Сладки чувствую мученьи;
Мне спокойства то милей.
Чудно ль, что к грехам все падки,
Ежели грехи так сладки
И приятны для людей.

И з в е д. Я вас уверить могу...

С т е п а н. Что тут пустяки калякать; как ни кабенься, тому же быть. (*К Паше.*) Ну видишь ли, он тебя жестоко полюбил, и вечно будет любить. И ты его ведь также любишь?

П а ш а. Как же не любить.

В л а с ь е в н а. Как его не любить.

С т е п а н. На что о том много болтать, что можно двумя словами сказать? У нас с Власьевной так скорее кончилось. Не правда ли?

В л а с ь е в н а. Да ведь у тебя не как у людей.

И з в е д (*Паше*). И так я могу льститься, что вы будете меня любить?..

П а ш а. Какое буду, я и так уже люблю.

И з в е д. Сколько я благополучен! Чтобы совершить мое счастие, согласитесь мне отдать навеки ваше сердце.

П а ш а. Как же вынуть сердце? Ведь больно будет... Я лучше всю себя вам отдам.

С т е п а н. Опять за сердце принялся. Видишь ли, этой чепухи здесь не разумеют. (*К Паше.*) Он хочет на тебе жениться.

П а ш а. Ах! этого сделать нельзя. Опекун мой того же хочет. Разве нельзя ли обоим на мне жениться?

И з в е д. Как! вы и опекуна так же, как меня, любите?

П а ш а. Ах, нет! я тебя люблю, а его боюсь.

С т е п а н. Будь на первый случай этим доволен. Теперь пора идти отсюда. Впрочем, положись на меня.

И з в е д (*к Паше*). Как несносно мне вас оставить! по крайней мере примите, в знак нежности моей, вот это колечко с моим именем.

П а ш а. Что ж бы дать и мне? У меня ничего нет. Вот я себе подвязки сшила; возьмите одну, на которой мое имя вышито.

И з в е д. Из рук твоих прекрасных, с твоим дражайшим именем, это мне всего света и жизни моей дороже.

В л а с ь е в н а. Охти! кто-то стучится?

С т е п а н. Посмотри в окно.

Ф и н а л

В л а с ь е в н а
(*посмотрев в окно*)

Беда! беда! Фаддей идет.

Паша
(*посмотрев в окно*)
Что делать? он уж у ворот.

Извед
Чего же так вы оробели?

Степан
Чего же вы оторопели?

Паша
Макею все расскажет он!

Власьевна
Уж будет, будет нам трезвон!

Извед
А я всему тому причина.

Степан
Не бось: Фаддей ведь дурачина;
А вы мне все ведь не враги.

Паша, Власьевна и Извед
Степан, пожалуй помоги.

Степан
Готов; ведь вы мне не враги.

Фаддей
(*в окно лезет*)
Поймал я вас, дружки драгие,
Тотчас ворота на запор;
Да я лих мастер на забор.
Какие умыслы дурные!

Степан
О, шут! так ты-то дал совет
Такому ж плуту-офицеру
К нам влезть по твоему манеру?

Извед
Он, точно он.

Ф а д д е й
Не я, нет, нет.

С т е п а н
Еще ты смеешь запираться!

И з в е д
Да как ты смеешь запираться?

В л а с ь е в н а
Фаддей! ну полно запираться.

П а ш а
Фаддей! ну полно запираться.

Ф а д д е й
Так я же стал и виноват.

И з в е д, П а ш а, В л а с ь е в н а, С т е п а н
Когда все то же говорят,
Во всем ты точно виноват.

Ф а д д е й
Ахти! какая же причина?

С т е п а н, И з в е д
Во всем ты винен, дурачина.

И з в е д, П а ш а, В л а с ь е в н а, С т е п а н
Во всем лишь ты один причина.

Ф а д д е й
Во всем лишь я один причина.

Действие второе

Явление 1

Театр представляет улицу.

Извед, Степан.

Извед. Какое несчастие! поищем вместе.

Степан. Что такое сделалось? что вы потеряли?

Извед. Не знаю как, второпях обронил подвязку Пашину.

Степан. Есть о чем суетиться. Когда Пашу достанешь, то и все будет твое. Поди отсюда, чтоб нас с тобою не увидел Волдырев. Поди, оставь меня вымышлять способы в твою пользу.

Извед. Однако...

Степан. Поди же, делай что велят.

Явление 2

Степан (*один*). Теперь-то, Степан, покажи проворство ума. Волдырев скоро воротится, а Фаддей проклятый нас видел. Как вывернуться из этих хлопот?.. я, право, и сам не знаю. Нет нужды! счастие сильнее ума. Положусь на его волю. Без счастия, как ни будь проворен, пригож, умен, учен — все будешь дурак дураком.

Ария

Счастье строит все на свете,
Без него куда с умом.
Ездит счастие в карете;
А с умом идешь пешком.
Знаем мы людей довольно,
Знаем с головы до ног;
Говорить, так будет больно
Вдоль спины и поперек.
Но сказать о них не ложно
Потихоньку может всяк:

Без ума-таки жить можно,
А без счастия никак.

Надо мне с Власьевной перемолвить, да боюсь Фаддея. (*Кличет с осторожностью.*) Власьевна! Власьевна!

Явление 3

Степан, Власьевна (*выглядывая из окна*).

Власьевна. Ты тут, Степан?

Степан. Видишь, что тут. Заварили мы брагу.

Власьевна. Подлинно, что заварили; и всему ты виноват.

Степан. Нет, Власьевна, не я; а денежки. Что говорить? коли дело не так пойдет, то мы оба с тобою виноваты. Теперь надобно подумать, как бы выпутаться.

Власьевна. Ты себе думай; а я не умею.

Степан. Что делает Фаддей?

Власьевна. Спит, как колода.

Степан. Это хорошо. Он заспит то, что видел; а ежели вспомнит, так скажи, что ему это во сне пригрезилось. Божись, лги и стой в том. Буде же это не поможет и как-нибудь Волдырев проведает, то скажи, что в то время, как Фаддей ушел со двора и оставил ворота не заперты, какой-то незнакомый офицер вошел к Паше и стал ластиться к ней, и что ты его не допускала.

Власьевна. И ведомо, я таки то и делала.

Степан. Что в это время Фаддей пришел, что офицер дал тебе и ему деньги. Вы деньги взяли, а офицера выгнали.

Власьевна. Какой же ты плут, Степан!

Степан. Простота сердечная! иначе жить нельзя на свете.

Власьевна. Да как же, у Фаддея денег нет?

Степан. Безделица! я тебя всему научу. Фаддей спит; положи ему за пазуху сколько-нибудь из тех денег, что тебе офицер дал.

Власьевна. Нет, нет, и не думай этого; коли что другое, так изволь, а денег не дам.

Степан. Глупенькая! офицер тебе за все заплатит. Как женится на Паше, то даст тебе столько, что ты и пересчитать не будешь уметь.

Власьевна. Это еще далеко. Коли хочешь, дай свои.

Степан (*бросает ей в окно деньги*). На, на, возьми. Поймала ль?

Власьевна. Поймала. Вот, теперь дело-то и ладно.

Степан. Ну, поди же, сделай все, что я говорил; и Пашу тому же научи, а обо мне ни слова.

Власьевна. Слышу, слышу.

Степан (*один*). Степан! запутывай, не бось. Ба, да вот и Болтай выступает.

Явление 4

Болтай, Степан.

Болтай (*держа в руках подвязку, которую Извед потерял, сам к себе*). Так, это ее подвязка; вот и имя ее вышито. Паша, без сомнения, не зная, как любовь объявить мне, выбросила свою подвязку, чтоб я по этому узнал, что она меня любит, мною пылает. (*Увидя Степана*.) Ведь ты Фаддей?

Степан. Кажется.

Болтай. Знаешь ли ты мое счастие? Знаешь ли?

Степан. Что! конечно, нашли знакомого своего купца Макея?

Болтай. Нет, сто раз лучше.

Степан. Неужто клад?

Болтай. И того лучше.

Степан. Так я и ума не приложу.

Болтай. Видишь ли ты эту подвязку?

Степан. Вижу. (*В сторону*.) Это Пашина, которую Извед потерял.

Болтай. Что это значит? ась?

Степан. То-то, плут, как далеко заехал! уж и подвязку Паша подарила.

Болтай. То-то же! видишь ли, как у нас проворят!

Степан. Вижу; да как тебе досталась?

Болтай. Ты не успел мигнуть, а я с Пашею в окно познакомился, пленил ее и получил этот драгоценный подарок с ее ножки.

Степан (*в сторону*). О, проклятый лжец! (*К Болтаю*.) Да где ты ее так близко видел?

Болтай. В комнате у нее, в комнате.

Степан. Это вздор! Без меня туда никто войти не может.

Болтай. Нет, я пошутил. Она мне в окно кинула. Ну, да это все равно, что был я у нее, что не был. Ведь ты обещал меня ввести?

С т е п а н. Обещал, да ты сам знаешь, за чем дело стало.

Б о л т а й. Разумею. Этого проклятого Макея не знаю где найти.

С т е п а н. Докуда найдешь, прости. Смотри ж, старайся о деньгах. Я знаю, что Паша в тебя влюбилась; она мне это сама сказала.

Явление 5

Б о л т а й (*один*). О! это я без тебя знаю. И кто может против меня устоять?

А р и я

Я всегда то ведал,
А теперь отведал,
Что такой молодец,
Что такой удалец
Только взглянет,
Так пленит;
Только взглянет,
Так увянет,
Кто глядит.

Теперь осталось только денег достать. Куда запрятался этот негодница Макей?.. Кто-то идет. Что я вижу! походка, кажется, его. Так же толст, так же тюленеват, такой же брюхан.

Явление 6

В о л д ы р е в, Б о л т а й.

Б о л т а й. Не ошибаюсь ли? это Макей!

В о л д ы р е в. Это Болтай!

Б о л т а й. Дорогой Макей! друг отца моего!

В о л д ы р е в. Любезный Болтай! сын друга моего! давно ли здесь?

Б о л т а й. Дней десять, и все улицы и переулки отоптал, искав тебя.

В о л д ы р е в. От батюшки твоего я давно письмо получил, что ты за его делами сюда будешь; и чтобы, в случае нужды, я тебя ссудил деньгами. Я на вексель охотно исполню его просьбу, помня его старую хлеб-соль, как он мне по казенным подрядам помогал.

Б о л т а й. Никогда нам твоя помощь так не была нужна, как теперь. Ссудя меня деньгами, ты счастие мое кончишь. Когда я счастлив буду в начатом моем деле, будет счастлив отец мой; будешь счастлив и ты, друг наш.

В о л д ы р е в. Не сомневаюсь в вашей дружбе. Да какое это дело? покупное ли? подрядное ли? или...

Б о л т а й. Это такое дело, ежели ты ссудишь меня хотя пятьюстами рублями, то этою безделкою сегодня же достану пятьдесят тысяч рублей, а может быть и более.

В о л д ы р е в. Фу, пропасть какая денег! Изволь, с радостию дам. На такое полезное дело как не ссудить. Да нельзя ли и моей просьбы исполнить?

Б о л т а й. Говори, я для друга все сделаю.

В о л д ы р е в. Возьми меня хоть в четвертую долю.

Б о л т а й. Друг мой, это дело не такое, чтоб в долю кого-нибудь брать. Я в часть и отца родного не возьму.

В о л д ы р е в. Какое же это дело?

Б о л т а й. Женитьба на богатой красоточке, которая в меня по уши влюбилась; а потому и я ее должен любить.

В о л д ы р е в. Статочное ли это дело!

Б о л т а й. Это такое статочное дело, что если сегодня мне дашь денег, то я сегодня и женюсь.

В о л д ы р е в. Охотно! Как же это кстати случилось! и я сегодня женюсь.

Б о л т а й. Сегодня! обними меня, мой друг? Нельзя ли, чтоб нас один поп венчал? чтоб вместе пир свадебный пополам...

В о л д ы р е в. В этом крайней нужды нет. Да кто твоя невеста? скажи, ежели можно тайну объявить и, открыв все твое счастие, порадовать друга.

Б о л т а й. Я дурно бы сделал, если б был неискренен против тебя. Только никому не проболтайся.

В о л д ы р е в. О! ты знаешь мою скромность.

Б о л т а й. Слушай же, дивись проворству моего ума, силе моей красоты и радуйся моему благополучию.

В о л д ы р е в. Ох! слушаю и готов радоваться.

Б о л т а й (*указывая на дом Волдырева*). Видишь ли этот дом, любезный друг Макей?

В о л д ы р е в. Ну!..

Болтай. В этом доме живет девочка, по имени Паша.

Волдырев. Ну, ну!..

Болтай. Да слушай с терпением. Она богатого купца дочь, под опекою другого купчишки, по имени Волдырева, скряги, бездельника, дурака, ревнивца...

Волдырев. Сам ты такой.

Болтай. Что ты сердишься? разве он тебе знаком?

Волдырев. Нет; да это дурная привычка, не знав людей, бранить. (*В сторону*.) О, Боже мой! что я должен терпеть и что будет со мною?

Болтай. Ежели тебе противно, что я его браню, то я и перестану.

Волдырев. Нет, продолжай, продолжай.

Болтай. Этот мерзавец Волдырев держит свою прекрасную питомицу взаперти, никому не показывает ее и ей никого. Так ревнив, что все домашние животные у него женского рода, выключая одного работника Фаддея. Ты знаешь, ежели ты когда молод бывал, что, несмотря на всякие осторожности, на крепкие замки, затворы, задвижки, когда только хоть маленькая скважинка есть, то любовь пролезет. Паша увидела меня в окно, полюбила; Фаддей помог и я был у нее.

Волдырев (*в сторону*). Я пропал! (*К Болтаю*.) Да каким способом ты вошел?

Болтай. Что нужды до этого: довольно, что я был у нее. Вот знак ее любви. Вот какой подарок! Смотри, любуйся. (*Показывает подвязку.*) Это ясное доказательство.

Волдырев (*в сторону*). Так, это ее подвязка. О, негодная смиренница!

Болтай. Что ж ты так нахмурился?

Волдырев. Так. Не знаю, что-то нездоровится. (*В сторону*.) О, какое злое мученье! Вот и вся моя осторожность к черту.

Болтай. Теперь окончание моего благополучия от тебя зависит. Помоги обмануть негодяя, который мучит Пашу и недостоин и смотреть на нее. Подумай, дорогой Макей, как будет рваться этот срамец Волдырев, когда я увезу его Пашу и на ней женюсь. Как весело ревнивых обманывать! Как это смешно! Лет близ двадцати поил, кормил, лелеял, и для кого? для меня! ха, ха, ха! Да что ж ты не смеешься?

Волдырев (*сухим смехом*). Да, да, смеюсь и я: ха, ха, ха! (*В сторону*.) О, проклятая участь!

Дуэт

Болтай

Смейся, дорогой Макей,
Старикову неуспеху.
В тщетной ревности своей
Волдырев достоин смеху.
Ха, ха, ха, ха!
Шевели ты бородой,
Смейся вместе ты со мной.
Что ж ты так, Макей, нахмурен?

Волдырев

Я в сей день здоровьем дурен
И смеяться, ей, не лгу,
Хоть хочу, да не могу.

Болтай

Полно, ты сердит, не болен,
Будто чем ты не доволен.

Волдырев

Что ты сделал, хоть грешно;
Но мне право то смешно.

Болтай

Смейся ж, смейся ты со мною.

Волдырев

Хохочу я всей душою.

Болтай и Волдырев
(*Волдырев принужденно*)

Ха, ха, ха, ха!

Болтай. Ну, любезный Макей, давай же деньги.

Волдырев. Со мною нет.

Болтай. Когда же получу?

Волдырев. Завтра.

Болтай. Нельзя ли сегодня? Ты видишь, какая мне крайняя нужда. Будь уверен, ты не раскаешься, когда я женюсь.

В о л д ы р е в. Не прежде, как завтра.
Б о л т а й. Как быть, потерплю и до завтра. Прости. (*Идет.*)
В о л д ы р е в. Прости. (*В сторону.*) Провались к черту.
Б о л т а й (*воротясь*). Самое нужное позабыл. Скажи, где я тебя найду? Где ты живешь?
В о л д ы р е в (*с смущением*). Я?.. я живу отсюда далеко.
Б о л т а й. Где ж мы увидимся?
В о л д ы р е в. Коли хочешь, на этом месте.
Б о л т а й. Очень хорошо. Я здесь только что не ночую. Прости. (*Идет и опять ворочается.*) Еще забыл что ни нужное. Смотри, Макей, чтоб Волдырев не проведал.
В о л д ы р е в. Да долго ли этого будет? или ты думаешь...
Б о л т а й. О, нет! я тебя скромным почитаю. Однако в таком деле довольно предосторожности взять нельзя. Свет ныне так болтлив, так болтлив...
В о л д ы р е в. Прости, прости.
Б о л т а й. Прости, и готовь деньги.

Явление 7

В о л д ы р е в (*один*). Не знаю, как он меня не уморил. Преглупый повеса! негодный ветреник! Сколько я страдал! Бешенство, горесть, стыд, тоску, я все это должен был перед ним глотать. Был должен притворяться, слушать, как он меня самого ругал; и притом еще казать веселый вид и с ним вместе смеяться над собою. Я вне себя.

А р и я

Смех такой злее слез;
Кожу дерет мороз,
Чувства мятутся,
Не вижу ни зги.
Пускай так смеются
Мои лишь враги.
Ревность, досада
Жгут мою кровь —
Злая любовь!
Сердцу надсада!

Вот плоды долговременного моего старания и осторожностей сделать себе жену безопасную! Один молодой вертопрах в два часа все уничтожил, и мою надежду, может быть, разбил, как фарфоровую чашку... Войду в мой дом, все переломаю, всех прибью, и саму Пашу. Нет, в сердцах я все испорчу. Надобно искусно поступить. Надобно притвориться, а теперь я не в состоянии казаться спокойным. Пойду наперед немного прогуляюсь.

Явление 8

Театр представляет внутренний покой Волдырева.

Власьевна, Фаддей, зевая со сна.

Власьевна. Долго ли тебе дрыхнуть?

Фаддей. Видишь, устал. Куда бишь я прежде сна ходил?

Власьевна. Не ведаю.

Фаддей. И я забыл.

Власьевна. Так ты ничего не помнишь?

Фаддей. Помню што-то.

Власьевна. Да что ж такое?

Фаддей. Не знаю... кажется, будто Степан, сбитенщик...

Власьевна. Врешь, врешь, Степана ты не видал.

Фаддей. А для ча?

Власьевна. А для та, што и я его не видала.

Фаддей. Да ведь у нас розные глаза. Я своими гляжу, а ты своими.

Власьевна. Да тебе здесь того нельзя видеть, чего я не вижу.

Фаддей. Я не говорю, что здесь... Да што ты! как же с офицером-та вместе?..

Власьевна. С каким офицером?.. это тебе причудилось во сне.

Фаддей. Никак и взабыль во сне.

Власьевна. Да нечему больше быть, как во сне.

Фаддей (*смеется глупым смехом*). Ха, ха, ха! Какой же смешной сон! будто я через забор перелез и увидел вместе тебя, Пашу и какого-то офицера...

Власьевна. А Степана?

Фаддей. Да ты говоришь, что я его не видал.

Власьевна. Видишь ли, что это во сне?

Ф а д д е й. Вижу.
В л а с ь е в н а. И не спорь же, что это не во сне.
Ф а д д е й. А мне что спорить: по мне во сне, так во сне.
В л а с ь е в н а. А еще что ты видел?
Ф а д д е й. Видел, что хозяин тут стоял, как баран, с рогами.
В л а с ь е в н а. Ну, видишь ли, что это во сне?
Ф а д д е й. Вижу... а вот, как он воротится, то я пощупаю. Коли нет рогов, так во сне.
В о л д ы р е в (*стучась за кулисами*). Фаддей! Власьевна! отоприте.
В л а с ь е в н а (*Фаддею*). Хозяин стучится, поди отопри. (*Фаддей уходит*.) Хозяин идет, от страха живот замирает. Да как ему узнать? я с Пашею обо всем переговорила, как Степан меня научил; и Фаддею деньги за пазуху положила. Охти мне! вот и хозяин. Как же он угрюм! весь посинел, как будто чем подавился.

Явление 9

Волдырев, Власьевна.

В о л д ы р е в (*сам к себе*). Несмотря на мою прогулку и на все усилие, которое себе делаю, чтоб не сердиться, насилу удерживаюсь. (Ко Власьевне, охриплым голосом) Все ль у вас здорово?
В л а с ь е в н а (*робко*). Все.
В о л д ы р е в. Где Паша?
В л а с ь е в н а. В своей спальне, что-то работает.
В о л д ы р е в. Конечно, подвязки?
В л а с ь е в н а. Не знаю.
В о л д ы р е в. Как я пошел со двора, была ль она весела?
В л а с ь е в н а. Нет.
В о л д ы р е в. Что ж, печальна?
В л а с ь е в н а. Нет.
В о л д ы р е в. А для чего?
В л а с ь е в н а. Для того... для того, что не была печальна.
В о л д ы р е в. Да что ж она такое была?
В л а с ь е в н а. Так.
В о л д ы р е в. Хотела ль она, чтоб я скорей домой пришел?
В л а с ь е в н а. А как же.
В о л д ы р е в. Так она меня очень дожидалась?

Власьевна. Как не дожидаться. Корова ли, гнедко ли затопают, все думала, что это ты.

Волдырев (*сам себе*). По ее словам, кажется, она ничего не знает. Я думаю, Фаддей во всем виноват. (*Кличет.*) Фаддей! Фаддей!

Власьевна (*хочет идти*). Вот я его кликну.

Волдырев. Будь здесь. (*Кличет.*) Фаддей! Фаддей!

Фаддей (*за кулисами*). Тотчас.

Волдырев. Скорей ступай.

Фаддей. Приду-ста.

Волдырев. Да что ж ты нейдешь?

Фаддей. Недосуг-ста; квас пью.

Волдырев. Ежели ты сюда теперь же не выйдешь, то я тебе целые три дня не дам ни есть, ни пить.

Фаддей (*выходит*). А коли так, то я здесь. (*В сторону.*) Что это он так сердит?

Волдырев. Подойди поближе, смотри мне прямо в глаза.

Фаддей (*выпяля на Волдырева глаза*). Ну, смотрю.

Волдырев. Ты плут.

Фаддей. Ой ли!

Волдырев (*грозно*). Ты думаешь, что я ничего не знаю… ты думаешь, негодная животина!..

Фаддей. Да што ты напираешь!

Волдырев (*увидя, что Власьевна кивает Фаддею*). А ты что там… поди сюда… стань на эту сторону! а он на ту… нет, стань туда, а ты сюда… Уф! задыхаюсь! (*Волдырев при сем сильно толкает их с места на место.*)

Фаддей и Власьевна (*становясь на колени*). Помилуй, не съешь нас.

Волдырев (*сам себе*). Я дурно делаю, что сержусь. Я их только застращаю, а ничего не выведаю. Надобно ласково обойтись. С дураками должно, как с детьми поступать… Встаньте, друзья мои. Я вас ничем не трону, только мне всю правду скажите. (*К Власьевне.*) Да что ты все ему киваешь?

Власьевна. Чтоб он всю правду сказал.

Фаддей. Да у меня никакой правды нет.

Волдырев (*с сердцем*). Как, плут!.. (*Удерживаясь.*) Друг мой, Фаддеюшка! ты знаешь, что я тебя люблю, и я знаю, что ты меня любишь.

Ф а д д е й (*обнимая Волдырева*). Ну, так мы друг друга любим.
В о л д ы р е в. Скажи, что здесь было без меня, что ты видел?
Ф а д д е й. А што я видел?.. Видел какого-то офицера с Пашей и со Власьевной.
В о л д ы р е в (*к Власьевне*). Так-то ты меня обманываешь.
В л а с ь е в н а. Я никого не видала. Это разве ему во сне пригрезилось.
В о л д ы р е в (*Фаддею*). Слышишь ли, что она говорит?
Ф а д д е й. А вот я погляжу, во сне ли я это видел. (*Подходит к Волдыреву и щупает его лоб.*)
В о л д ы р е в (*отталкивая его*). Что это, дуралей!
Ф а д д е й. Точнехонько во сне это я все видел.
В о л д ы р е в. Да почему ж?
Ф а д д е й. Пускай Власьевна скажет.
В л а с ь е в н а. А мне почему знать? ведь ты спал, а не я.
В о л д ы р е в. Да скажешь ли хотя то, что ты во сне видел?
Ф а д д е й. Будто у тебя голова баранья, будто я через забор лез, будто Паша, Власьевна, будто офицер, и черт тя знает что.
В о л д ы р е в. Терпенья не достает. Однако должно крепиться. (*К Фаддею.*) И ты в том стоишь, что ты во сне видел?
Ф а д д е й. Стою; а коли не веришь, сам у себя пощупай. (*Указывает на лоб.*)
В о л д ы р е в. Дело не о том. Офицера во сне ли, или наяву видел?
Ф а д д е й. По мне все равно.
В о л д ы р е в. Да мне не все равно.
Ф а д д е й. Спроси у Власьевны. Вот и она говорит, што во сне.
В л а с ь е в н а. Точнехонько во сне.
В о л д ы р е в (*сам себе*). Я от них толку вечно не добьюсь. (*К Власьевне.*) Поди, приведи мне Пашу.
Ф а д д е й. Это лучше. Я и Пашу видел во сне; авось-либо она штонибудь знает.

Явление 10

П а ш а, В о л д ы р е в, Ф а д д е й, В л а с ь е в н а.

В о л д ы р е в (*в сторону*). Видя ее, как подумать, что она виновата? (*К Паше.*) Сегодня погода хороша.
П а ш а. Хороша.
В о л д ы р е в. Да ты разве в окно смотрела.

П а ш а. Смотрела.
В о л д ы р е в. Так ты только без меня в окно смотришь?
П а ш а. Да я и дело делала.
В о л д ы р е в. Дело? а какое?
П а ш а. Чулки штопала.
В о л д ы р е в. А подвязки?
П а ш а. Шила.
В о л д ы р е в. Покажи мне их.
П а ш а (*вынимает одну*). Вот.
В о л д ы р е в. Да это только одна, а другая где?
П а ш а. Не знаю, куда затерялась.
В о л д ы р е в. Поищи.
П а ш а. Я уж искала; да нигде не нашла. Конечно, мышь затащила. Вы знаете, у нас много мышей.
В о л д ы р е в. Мышь? а я ее видел у кота.
В л а с ь е в н а. Так-то оно и есть. Кот эту мышь поймал, которая подвязку затащила. Поделом ей.
В о л д ы р е в. Молчи, негодная! Я знаю все ваши проказы. (*В сторону*.) Мне надобно их так поймать, чтоб им нельзя было увернуться. А может быть, еще все не так было, как я думал. Может быть, Болтай половину прибавил. Это можно скоро узнать. Скажу им, что пойду со двора, а сам дома спрячусь. Ежели это правда, молодчик мой не замедлит прийти к окну; а там увидим, и по тому станем судить. (*К Паше*.) Я иду со двора; ты поди в свою спальню. (*К Фаддею и Власьевне*.) А вы отсюда ни на пядь.

Явление 11

Ф а д д е й, В л а с ь е в н а.

Ф а д д е й. Ни на пядь. То-то хорошо! стой себе на одном месте, не ворочайся. Да скажи Власьевна, за што он так сердит?
В л а с ь е в н а. Видно, за то, что ты во сне видел.
Ф а д д е й. А ему какая нужда?
В л а с ь е в н а. Ему досадно, что ты Пашу вместе с офицером видел.
Ф а д д е й. А я чем виноват? Когда не спишь, то, штобы не видать, можно зажмуриться; а коли спишь, этого сделать нельзя. Власьевна! отчего, коли спишь, хотя глаза зажмурены, а видишь?

В л а с ь е в н а. Это не видишь, а думаешь.
Ф а д д е й. А што такое думаешь?
В л а с ь е в н а. Я и сама не знаю.
Ф а д д е й. Чу! Власьевна; нишкни! кто-то с Пашей говорит.
В л а с ь е в н а. Кому говорить? она одна сидит.
Ф а д д е й. Слышишь ли, как она шевелится; как будто чему-то рада. И рада и охает.
В л а с ь е в н а. Я пойду посмотрю.
Ф а д д е й. Не пущу; хозяин не велел отсюда ни на пядь. Здесь послушаем, от чего она всполошилась.
В о л д ы р е в (*подкрадываясь*). Кто-то к окну подошел. Конечно, это наш волокита. Посмотрим, что будет.
Ф а д д е й (*увидя Волдырева*). Хозяин! мы отсюда...
В о л д ы р е в. Молчи. Если кто из вас слово промолвит, я того прибью. (*Власьевна хочет идти.*) Куда ты? Стой здесь. (*Власьевна кашляет.*) Ежели кто хоть немного кашлянет, то... Стойте так тихо, как будто бы вас здесь не было.

И з в е д и П а ш а
(*за кулисами поют*)

Д у э т

И з в е д
Пашенька, жизнь моя!
Посмотри ты в окошко.
По тебе мучусь я,
Выгляни хоть немножко.

П а ш а
Бедненькой! болен он!
Пособить чем, не знаю.
Мне его жалок стон,
И сама я стонаю.

И з в е д
Без тебя жизнь горька.

П а ш а
На, лечись, вот рука;
На, целуй хоть в окошко.

Извед
Да стена высока,
Наклонись хоть немножко.

Паша
Не могу, доставай.

Оба вместе
О, любовь! помогай.

Паша (*за кулисами*). Нет, нельзя достать. Вот посмотрю, не можно ли впустить. (*Выбегая на театр.*) Матушка, Власьевна! вот он тут под окном. Не можно ли его сюда, матушка Власьевна?

Волдырев (*который закрывался за Фаддеем и Власьевной, вдруг показывается Паше и говорит ее голосом*). Матушка Власьевна! а! а! негодница! Что теперь скажешь? (*К Фаддею и Власьевне.*) И вы, мои злодеи, что теперь скажете?

Фаддей. Я? ничего.

Волдырев (*Фаддею*). Что, и это во сне?

Фаддей (*щупая свои глаза*). Кажется, не во сне. Я гляжу.

Волдырев. Я тебя проучу, бездельник, я тебя!

Фаддей. Помилуй, чем я виноват?

Волдырев. Ты один виноват во всем, я это вижу. (*Указывая на Власьевну.*) А эта по тебе потакала.

Власьевна. Так-таки, один он во всем виноват.

Волдырев. Плут!.. Ну, Власьевна, я тебя прощу, скажи только правду, как он офицера впустил?

Власьевна. Всю правду скажу. Лишь только ты со двора, и Фаддей со двора, и оставил ворота не заперты; а офицер-то молодой пришел, да и к Паше.

Волдырев. Я пропал!

Власьевна. Я его не пускала.

Волдырев. Ну, еще что?

Власьевна. Да нельзя было не пустить.

Волдырев. Да кончишь ли ты? Что еще было?

Власьевна. Он все около Паши увивался.

Волдырев. А еще что?

Власьевна. Только. Фаддей пришел.

Фаддей. Без вины виноват.

В о л д ы р е в (*к Власьевне*). Ну?

В л а с ь е в н а. Офицер нам дал денег.

Ф а д д е й. Денег? Лжешь, Власьевна.

В л а с ь е в н а. Ну, что запираться, Фаддей. Пощупай-ка за пазухой.

Ф а д д е й (*пощупав, вынимает деньги*). Ахти и вправду деньги! (*Опять кладет за пазуху с радостью*.) Так, я во всем виноват.

В о л д ы р е в. Ну, еще что было?

В л а с ь е в н а. Мы деньги взяли, а офицера выпроводили.

Ф а д д е й. Выпроводили его.

В о л д ы р е в. Да за что ж он вам деньги дал?

В л а с ь е в н а. А кто его знает?

Ф а д д е й. А кто его знает?

В о л д ы р е в. Это за то, что ему было весело с Пашей. (*К Паше*.) И тебе было любо?

П а ш а. А как же!

В о л д ы р е в (*в сторону*). Какое мученье! Может быть, должно бы, для спокойства моего, не спрашивать более ни о чем... Но сколько боюсь знать, столько боюсь и не знать... Может быть... нет нужды. (*К Фаддею и Власьевне*.) Подите отсюда и дожидайтесь, покуда вас кликну.

Явление 12

Волдырев, Паша.

В о л д ы р е в. Ну, Паша! станем говорить по-дружески. Ты не знаешь опасностей от сетей, которые дьявольское наваждение ставит повсюду таким молодым девочкам, как ты. Я тебя люблю, ты это ведаешь. Ты от простоты проступилась передо мной, что позволила офицеру быть с собою. Я тебя в том прощаю; но скажи мне, да скажи только всю правду, что он делал, когда был с тобою?

П а ш а. Он все мне говорил, что меня любит так, что нельзя больше; что меня любит самою большою любовию.

В о л д ы р е в. А ты ему веришь?

П а ш а. Как же! он так хорош, так хорош, что не станет лгать. Ах! если бы вы видели и то, как он говорил, и то, что он делал, — вы бы сами поверили, что он меня любит.

В о л д ы р е в (*с смущением*). Да что ж он такое говорил, и что он делал?

П а ш а. Он говорил, что от меня болен, что я его ранила; я очень испугалась, однако он сказал, что я его вылечу, ежели ему дам...

В о л д ы р е в (*испугавшись*). Что такое?

П а ш а. Руку поцеловать.

В о л д ы р е в. Уф!

П а ш а. Я на то согласилась, и ему тотчас полегче стало... Ох! кабы вы видели, как он целовал...

В о л д ы р е в. А больше он ничего не делал, как только целовал?

П а ш а. Да разе еще что делают?

В о л д ы р е в. Нет... Да чтобы вылечиться, не требовал ли он у тебя еще чего-нибудь?

П а ш а. Нет, право нет; а если б попросил, то как бы отказать? Он только говорил, что хочет на мне жениться.

В о л д ы р е в (*в сторону*). Уф! насилу мое мучительное сомнение миновалось. Слава Богу! Я не дорого заплатил за мою оплошность. Теперь не буду дурак. Господин Болтай, я ручаюсь, что ты ее более не увидишь, или я достоин буду, чтоб ты на мой счет веселился. (*К Паше.*) Ты не знаешь, Пашенька, душа моя, какой опасности твоя простота тебя подвергала. Я тебе все растолкую. Слушай: все это, что тебе так приятно казалось, не что иное, как самый душепагубный грех, за которой в аду варят в горячей смоле. Все эти молодчики со сладкими словами, с гладкими щеками, с душистыми кудрями, с подщипанными кафтанчиками, не что иное, как приманка сатаны. Подожди, покуда выйдешь замуж.

П а ш а. Так это уже не будет грешно замужем?

В о л д ы р е в. Нет.

П а ш а. Выдайте ж меня поскорее.

В о л д ы р е в. Я не менее тебя того желаю, и для этого со двора ходил.

П а ш а (*в сторону*). Так он, конечно, сам офицера-то мне и сыскал. (*К Волдыреву.*) Как я рада! да вправду ли вы говорите?

В о л д ы р е в. Вправду. И я рад, что ты хочешь замуж. (*В сторону.*) Все, что я почитал в ней любовью к офицеру, есть не что другое, как только охота замуж.

Паша. Когда выйду замуж, как я вам буду благодарна! Я вас расцелую.

Болдырев. И с моей стороны то же будет. (*В сторону*.) О, невинность сердечная! О, миленькая овечка! Как я ее люблю, и как буду счастлив, женясь на ней!

Паша. Да когда же мне замуж идти?

Болдырев. Завтра.

Паша (*смеясь*). Завтра?

Болдырев. И ты от радости смеешься?

Паша. Да.

Болдырев. Я очень рад, когда увижу тебя довольною.

Паша. Как будет мне с ним весело! Я за ним теперь же пошлю.

Болдырев. За кем?

Паша. За офицером.

Болдырев. Постой, постой, не торопись: я не о нем думал; у тебя другой будет муж.

Паша. А кто?

Болдырев. Я.

Паша. Да говорят, за двумя быть нельзя?

Болдырев. Нельзя; да я один и буду.

Паша. Ни для чего этого не сделаю. Какая жалость! Он так пригож! Мне без него до смерти будет тошно.

Болдырев. Я сделаю, что не будет тошно.

Паша. Нельзя статься: с ним одним я только могу быть весела.

Болдырев. А со мною?

Паша. Нет.

Болдырев. Так ты его любишь?

Паша. Люблю.

Болдырев. А меня?

Паша. Нет.

Болдырев. Как нет, негодная!

Паша. За что вы сердитесь? разве вы хотите, чтоб я лгала?

Болдырев. Да за что ж ты меня не любишь, окаянная?

Паша. Не ведаю.

Болдырев. Ты знаешь, как я старался, чтоб ты меня любила, и все это понапрасну.

Паша. Что делать! офицер это лучше вас умел сделать. Он без всякого труда мне тотчас полюбился.

В о л д ы р е в. Или и то ни во что, что я тебя вскормил?

П а ш а. За это офицер вам заплатит до полушки.

В о л д ы р е в. Я его платы не хочу. Кто чего не продает, того продать никто принудить не может.

П а ш а. Да я ведь не товар.

В о л д ы р е в. Что с тобою говорить. За такие дерзкие слова надобно до полусмерти прибить, и все тут.

П а ш а. Вы это можете сделать, ежели вам угодно.

В о л д ы р е в (*в сторону*). Это слово и этот взгляд опять меня обезоружили, и я растаял. О, любовь! о, женщины! что вы такое? Ну, Пашенька, помиримся.

П а ш а. С охотою. Я на вас не сержусь; лишь только любить не могу.

В о л д ы р е в. Неблагодарная! что мне делать, чтоб ты меня любила? И чем этот мой злодей тебе нравнее меня? Посмотри на меня. Во всем во мне увидишь постоянство, крепость: стан ли? есть что обнять; рука ли? есть чем хватить; нога ли? есть чем ступить. А в нем ветреность, жидкость. Плюнь на этого негодника. Ты будешь со мною счастливее.

П а ш а. Неправда.

В о л д ы р е в. Нет, полно мне терпеть. Теперь я все сделаю, что, за твою неблагодарность, мне сердце велит. Я тебя запру в четырех стенах. Ты у меня никогда и света не увидишь. Все окна, все двери, ворота глухо-наглухо заколочу, законопачу, и сам буду в слуховое окно лазить... Фаддей! Власьевна! (*Фаддей и Власьевна приходят.*) Подите, отведите ее в спальню; закройте все окна. Заприте ее там, и сами сюда приходите.

Явление 13

В о л д ы р е в (*один*). Я дрожу! кровь кипит и мерзнет. Не помню, что делаю. Зачем черт меня со двора носил? Я так сердит, что разбил бы себя по щекам, а Болтая убил бы до смерти. Пойду, поищу Степана-сбитенщика. Он на все провор, да и мне дружен. Поговорю, посоветую с ним. Он мне поможет найти, по желанию моему, старушку для присмотра за Пашею; а между тем, чтоб беды не сделалось, обласкаю Фаддея и Власьевну, чтобы они, когда придет этот мерзкой, этот негодный повеса Болтай, хорошенько бы ему бока наколотили.

Явление 14

Волдырев, Фаддей, Власьевна.

Власьевна. Заперли Пашу.

Фаддей. Вот и ключ.

Волдырев. Вы мои верные, добрые, истинные друзья.

Фаддей. Конечно так-ста.

Власьевна. Мы и спим и видим только то, чтоб тебе было все в угоду.

Волдырев. Благодарствую. У меня есть до вас просьба.

Фаддей, Власьевна (*вместе*). Изволь-ста, все сделаем.

Волдырев. За крайней нуждой мне надобно со двора.

Фаддей, Власьевна. Поди-ста.

Волдырев. Коли офицер придет без меня, что вы сделаете?

Власьевна. Мы его не пустим, черт с ним.

Волдырев. Это мало, что не пустите; надобно его хорошенько отучить дубиною.

Фаддей. Изволь-ста, я его отдубашу так, что у меня и ног не унесет.

Власьевна. Уж мы ему бока натолкаем. Позабудет у нас за чужими девками гоняться.

Волдырев. Какую вы мне свою любовь по его спине покажете! Как я вам буду благодарен! Вы увидите; да только смотрите ж хорошенько.

Фаддей. Положись-ста на меня: уж я на свою руку охулки не положу.

Власьевна. И я, — даром, что у меня кулак поменьше.

Волдырев. Не верьте его сладким словам.

Власьевна, Фаддей (*вместе*). Не бось.

Волдырев. Хоть деньги станет давать, не берите.

Фаддей, Власьевна (*вместе*). Не бось.

Волдырев. Как вы поступите, если он станет вас просить вот так:

Трио

Волдырев
(*к Фаддею*)

Фаддеюшка, сердечушко мое!
Ты покажи мне хоть на час ее.

Ф а д д е й
(*замахиваясь на Волдырева*)

Прочь, прочь отсюда убирайся.

В о л д ы р е в

Ладно.

(*К Власьевне.*)

О Власьевна! любезный светик мой!
Надежда вся моя в тебе одной.

В л а с ь е в н а
(*замахиваясь на Волдырева*)

Ну к черту! отвяжись, пошел.

В о л д ы р е в

Изрядно.

(*К обоим.*)

Какие в вас свирепые сердца!
Потешьте хоть немного молодца.

Ф а д д е й, В л а с ь е в н а
(*толкая вместе Волдырева*)

Ты плут, мошенник и бездельник;
Не барин ты, не барин, ты кисельник.

В о л д ы р е в
(*между тем, как его толкают*)

Изрядно, ладно, очень хорошо.
От вас услуг я даром не желаю,
Чего хотите, все вам обещаю.

(*Дает им деньги медные, и они берут.*)

Вот вам, вот вам вперед; а там еще, —
Лишь только вы мне Пашу покажите,
Или и той утехи не дадите?

Ф а д д е й, В л а с ь е в н а
(*толкая сильно Волдырева*)

Пошел же вон отселе, негодяй,
Пошел, болван, пустого не болтай.

В о л д ы р е в. Полно, полно; вы и вправду деретесь. Ведь я не офицер.

Ф а д д е й. А нам-ста невдогад. Да так ли мы делали?

В о л д ы р е в. Так, все так, выключая только, что денег не надобно брать.

В л а с ь е в н а. Мы это запамятовали.

В о л д ы р е в. Подите. Я вам дарю деньги, что вы у меня взяли; с тем однако ж, чтоб вы у офицера не брали.

Ф а д д е й, В л а с ь е в н а (*вместе*). Слышим-ста.

Ф а д д е й. А коли серебряные станет давать?

В о л д ы р е в. Ни золотых не берите.

Ф а д д е й. Жаль этого, однако слышим-ста.

Действие третье

Явление 1

Театр представляет улицу пред домом Волдырева.

Волдырев, Степан.

Степан. Какая диковинка! как можно было думать, чтобы без тебя случилась такая проказа!

Волдырев. Все, что я тебе, друг мой, Степанушка, сказывал, все это, к несчастию моему, до одного слова правда; и этот негодяй Болтай похимистил у меня сердце Пашино.

Степан. Чудеса на свете! Видишь ли, каковы женщины! Уж ты ли не детина, а и тебя променяй, да на кого еще!

Волдырев. Ты говори, Степанушка! Кабы ты видел этого Болтая, больше бы удивился. О, как бы я доволен был, если бы кто его хорошенько поколотил! Мне так хочется ему отомстить, что никогда не хотелось так в летний жаркий день мартовского пива со льду напиться.

Степан. Коли хочешь, я тебе это сделаю.

Волдырев. Право? (*Обнимает Степана.*) Одолжи меня, друг мой!.. Да как же ты его узнаешь?

Степан. Ведь ты мне рассказывал, каков он... и я на него как теперь гляжу.

Волдырев. Нет, лучше я тебе его укажу.

Степан. Ах, что ты делаешь! Все дело испортишь. Увидя меня с тобой, он догадается.

Волдырев. Правду, правду говоришь. Прости ж, мне некогда. Проклятый Болтай то сделал, что я до завтра должен отложить мою свадьбу. Уж дня не много осталось. Прости. Постарайся как можно сыскать и привести сегодня ж такую старуху, о какой я тебя просил.

Степан. Все для тебя сделаю.

Явление 2

С т е п а н (*один*). Ну, не правда ли, что счастие всего сильнее? Как все хорошо идет. Волдырев не Изведа, а Болтая подозревает; у меня помощи просит, и сам в мои сети как ряпушка в закол плывет. Вот этою-то старухою я его на удочку поймаю. Старухою будет сам Извед. Однако, чтобы вернее было, надобно постараться поставить Волдыреву такой крюк, чтоб он в это время дома быть не мог. Как бы это сделать? А вот как: ничего нет легче. Приниматься за Болтая. Я его так врючу, что вся беда на него падет. Я его... да вот и Болтай кстати.

Явление 3

Болтай, Степан.

С т е п а н. А я тебя ищу.

Б о л т а й. О! меня не надобно искать: я сам тотчас явлюсь. Я таков, ежели что затею, то чтобы у меня тут же и было. Я скор как вихрь, проворен, умен...

С т е п а н. Вот на! когда я хочу тебе о важном деле говорить, то вместо того, чтоб слушать, ты себя хвалишь...

Б о л т а й. Виноват... да сказать о себе добренькое словцо, человеку моих достоинств простительно. Ну, говори же, говори о важном деле. Конечно, Паша?..

С т е п а н. Ты пресчастливый человек!

Б о л т а й. Что? не занемогла ли она от любви ко мне?

С т е п а н. Нет, больше.

Б о л т а й. Что ж, умерла?

С т е п а н. Нет, — еще она, слава Богу, все в добром здоровье.

Б о л т а й. Да что ж такое? Конечно, она не спит, не ест, не пьет?

С т е п а н. Нет, нет, она все это делает; да только хочет, чтоб ты ее увел и женился б на ней.

Б о л т а й. О! я готов, пойдем, пойдем!

С т е п а н. Да как тебе не стыдно? это надобно искусно сделать. Ворота заперты; надобно, чтоб ты, как хорошенько смеркнется, пришел сюда с лестницею, приставил бы ее к окну, вошел бы сквозь окно в спальню Пашину, и опять из окна вышел бы вон с нею. Вот как это должно сделать!

Б о л т а й. Разумею, разумею, — на что долго говорить? мне лишь намекни, то я все и понял. О! это я верно сделаю, уверь Пашу; скажи ей, чтоб она не тосковала... Знаешь ли, я Макея-то нашел. Теперь в его деньгах мне нужды нет; а только в том, чтоб он тут был, как я в окно полезу. Пойду его искать.

Явление 4

Волдырев, Степан.

В о л д ы р е в. Что, ты уже и узнал повесу?

С т е п а н. Как не узнать? Какой же болван! меня с Фаддеем не распознал. Да что такое у него с Фаддеем? Видно, он на него надеется.

В о л д ы р е в. Я это думаю.

С т е п а н. Я тебе давно говорил, что Фаддей плут, даром что ротозеем смотрит.

В о л д ы р е в. Однако, меня не проведут.

С т е п а н. Статочное ли дело тебя обмануть.

В о л д ы р е в. Да для чего ж ты не поколотил этого Болтая? Ведь ты мне обещал.

С т е п а н. Я больше сделал. Ты хочешь ему отомстить; да побить офицера, хотя и негодящего, дурно будет. И так я выдумал, что ты можешь наказать его в силу законов.

В о л д ы р е в. В силу законов! А как это, мой друг, Степанушка?

С т е п а н. А вот как... Ведь ты знаешь, что он всему верит?

В о л д ы р е в. Знаю, что он глуп.

С т е п а н. Я ему сказал, будто Паша велела ему в сумерки придти с лестницей и в окно увести ее. Он это верно сделает; и как полезет, то ты можешь его, как мошенника, поймать с десятскими, которых ты, я думаю, постараешься для этого подставить. И так ты Болтаю отомстишь, как захочешь; а он и не узнает, от кого ему беда.

В о л д ы р е в (*смеется*). Ха, ха, ха! ай да Степан! то-то прямо удружил! (*Обнимает его.*) Благодарствую за любовь.

С т е п а н. Видишь ли, кабы ты давно за меня держался, все бы лучше было.

В о л д ы р е в. Вперед только и будет у меня света в окне, что ты... Да что же старуху?

С т е п а н. Готова. Я за нею иду и тотчас приведу… вот и Болтай; смотри не проговорись.

В о л д ы р е в. Не бось, не проведут меня.

Явление 5

Волдырев, Болтай.

Б о л т а й. Я тебя ищу, мой друг, любезный Макей! Ты мне денег обещал; да мне в них нужды нет. Сегодня же на вечер я сам могу тебя ссудить. Сколько тебе надобно? Говори. Золотом ли? серебром ли? бумажками ль? медью ли, или какою другою монетою?

В о л д ы р е в. Мне ничего не надо.

Б о л т а й. Я ни за что не постою; только ты мне помоги.

В о л д ы р е в. В чем только? готов любезному другу. (*В сторону.*) Как же я над ним потешусь!

Б о л т а й. Мои любовные хлопотишки, о которых я тебе сказывал, приходят к концу. И вот только теперь получил я самое радостное известие.

В о л д ы р е в. А какое?

Б о л т а й. Эта девочка, Паша, велела мне в сумерки придти с лестницей и увести ее в окно.

В о л д ы р е в. Изрядно, изрядно!

Б о л т а й. Надобно, чтоб со мною при этом, для всякого случая, был человек верный. Кто же мне тебя вернее?

В о л д ы р е в. И конечно. Я готов другу услужить. (*В сторону.*) Конечно, я над ним повеселюсь.

Болтай

Ария

Как же, как себя потешим
Мы над этим стариком!
Мы над этим лешим,
Над ревнивым дураком!
Занеможет?..
Нужды нет.

Умереть он может!..
Пусть очистит свет.
Прости. Не промигай сумерек.

В о л д ы р е в. Как промигать! я прежде тебя здесь буду.

Явление 6

В о л д ы р е в (*один*). Теперь я отдыхаю по проворной милости Степана. Ай да Степан! От его выдумки я не только могу отомстить, да и безопасно жениться. Чем ему отслужить?.. Божусь, кроме него ни у кого сбитня не пить. А! да вот и он со старухою.

Явление 7

И з в е д в наряде старухи, В о л д ы р е в, С т е п а н.

С т е п а н
А р и я

Вот тебе твоя старуха!
Знает, знает свет она;
Эта баба не проруха,
Лишь на то и создана,
Говорю я без издевок,
Лишь на то и создана,
Чтобы только мучить девок.

В о л д ы р е в (*Степану*). Да что у нее все лицо закутано?
С т е п а н. Часто мучится зубами; а когда не мучится, то боится, чтоб не сглазили.
В о л д ы р е в. Это я люблю. (*К Изведу.*) Сколько лет тебе, старушка?
И з в е д (*подделываясь под голос старухи*). Не запомню, мой свет.
В о л д ы р е в (*Степану*). Что это за чудо? старухи болтливы; а эта так мало говорит?
С т е п а н. В том-то и вся сила. Она мало говорит, да много делает.
В о л д ы р е в. Это хорошо; это я люблю; да дело не о том. (*К Изведу.*) Есть у меня молоденькая девочка...
И з в е д. Знаю; я за этим и пришла.
В о л д ы р е в. Пожалуй вступись в мою бедность. Будь ей и мне мать родная. Живи у меня, и смотри, чтоб она не баловалась.

И з в е д. Я уж обещала. Поверь мне... да что, я не люблю наперед уверять. Ты, мой свет, на деле увидишь мое мастерство.

С т е п а н (*Волдыреву*). О! она не любит пустяков калякать. Ей бы поскорее к делу. Ну, за чем же стало?

В о л д ы р е в (*Изведу*). Пойдем; а договор после сделаем.

И з в е д. Тогда, как мною доволен будешь?

В о л д ы р е в (*Степану*). Ты мне, Степанушка, клад нашел. Прости.

Явление 8

С т е п а н (*один*). Ну! впустил козла в огород. Теперь пойду приготовлять все, чтобы, как скоро уведет Извед Пашу, тотчас им и обвенчаться. Степан! ты сегодня довольно поработал; да и не даром; — только вечный хлебец себе достал. Вот как честные люди на свете счастие себе достают!

Явление 9

Театр представляет комнаты Волдырева.

В о л д ы р е в, И з в е д в виде старухи,
Ф а д д е й, В л а с ь е в н а.

В о л д ы р е в. Вот ключ, Власьевна, поди, выпусти Пашу и приведи к нам. (*К Изведу.*) Теперь, по твоей милости, бабушка, не будет мне нужды запирать эту негодницу.

И з в е д. Я ее приберу к рукам.

Явление 10

В о л д ы р е в, И з в е д, П а ш а, Ф а д д е й, В л а с ь е в н а.

И з в е д (*в сторону*). Я ее вижу! сердце обмирает от радости.

В о л д ы р е в (*Паше*). Добро пожаловать. Теперь ты опять на воле; однако не радуйся. Вот (*указывая на Изведа*) моя спасительница. С нею не будет мне нужды ни в замках, ни в ключах. Вот тебе ключ самый крепкий. Она тебя научит, как тебе меня одного почитать и любить; а коли не послушаешься слов, так у нее есть и кулаки.

И з в е д (*Паше*). Позабудешь у меня глазеть, — позабудешь любить этого офицера, который тебе голову вскружил.

П а ш а. Нет, никогда не позабуду и ничто вам не поможет. Я его так люблю, так люблю, что и сказать не можно.

А р и я

В нем мою я душу вижу;
Для него я все стерплю:

(*Волдыреву.*)

Сколь тебя я ненавижу,
Столько я его люблю.
Кинь ты труд свой бесполезный;
Сделать уж нельзя того,
Чтобы вышел вид любезный
Вон из сердца моего.
Он всего, что есть, дороже,
Не могу его забыть;
Мне о нем не думать, то же,
То же, что без чувства быть.

И з в е д (*в сторону*). Какое несказанное удовольствие, не быв узнанным, слышать такие нежности, такую непритворную любовь!

В о л д ы р е в (*с сердцем к Изведу*). Видишь ли, какова она! Видишь, что не маленький, а самый большой черт в нее вселился. Я не знаю, что меня удерживает...

И з в е д (*удерживая его*). Не горячись, мой свет. Сердцем и побоями нельзя чертей выгонять. Тут надобно иное. Я знаю, как приворожить и отворожить.

Ф а д д е й (*к Власьевне*). Ох, Власьевна! она колдунья!

В о л д ы р е в (*к Изведу*). Делай, мать моя, что изволишь. Колдуй, ворожи, брани, бей, секи, лишь только б она меня любила.

П а ш а. Офицер не ворожил и не дрался, а я его люблю.

И з в е д. Да что ты и впрямь с своим офицером; и чем Макей Волдырев не офицер?

В о л д ы р е в. За этим дело не станет, — лишь только люби меня, а то я не только простым, да еще и штаб-офицером буду.

П а ш а. Да тем не будете, которого я люблю.

В о л д ы р е в (*к Изведу*). Что делать? Хоть тресни.

Извед. Ох! положись на меня, уж я сказала, все будет ладно. (*К Паше.*) Я тебя переделаю. Что ты так смотришь на меня? не веришь? Увидим, увидим.

Ария
(*голосом старухи*)

Глазок ты не щурь,
Все я разумею,
И любовну дурь
Прогонять умею.
У меня люби
Одного Макея.
Чем же он, скажи,
Чем других сквернее?

Волдырев. Правда, бабушка, правда. Чем я хуже других: да видно мое несчастие.

Извед. Не печалься. Оставь нас одних. Я без тебя, на просторе, все лучше сделаю. Ежели тебе нужда со двора идти, поди себе. Как назад придешь, все не то увидишь.

Волдырев. Я все на твою волю отдаю. Постарайся, как можно, чтоб она меня к завтрему полюбила. Мне это очень нужно, для того, что завтра на ней женюсь.

Извед. Я все еще сегодня кончу.

Волдырев. Прости и верь, что я твой вечно слуга. (*Фаддею и Власьевне.*) А вы без меня все делайте, что эта старушка прикажет. От ее воли ни на волос.

Фаддей (*со страхом*). Слышу-ста, лишь только бы она нас не съела.

Волдырев (*отходя, сам к себе*). Одно дело сделал. Кажется, будет путь. Пойду теперь другое доделывать: потешиться над Болтаем и поместить его с плутами, чего он весьма достоин.

Явление 11

Паша, Извед, Власьевна, Фаддей.

Фаддей и Власьевна (*издали низко кланяясь*). Что, бабушка, прикажешь делать?

Извед. Подите прочь отсюда.

Ф а д д е й (*идучи назад*). Ух! слава Богу! Кабы можно, верст на сто бы от колдуньи ушел.

В л а с ь е в н а. Куда бежишь? Ведь она сказала, поди прочь, а не вон. Спроси у нее.

Ф а д д е й. Нет, сама спроси, а я боюсь.

В л а с ь е в н а. Нет, ты спроси.

Ф а д д е й. Не из чего. Я лучше подале стану, чтоб, какова беда, и стрелка дать. (*Отходит с Власьевной подале.*)

И з в е д (*к Паше*). Итак, сударыня, вы намерены вечно любить офицера?

П а ш а. Покуда жива.

И з в е д. Ну, если бы он теперь сюда пришел затем, чтоб вас увезть?

П а ш а. Я готова сей же час.

И з в е д. И чтоб на вас жениться?

П а ш а. Готова! готова! Да где он? Конечно, ты его знаешь? Скажи, ради Бога, скажи, где он?

И з в е д (*открываясь и сбрасывая с себя одежду старухи*). Он у ног твоих! Он твои целует руки!

П а ш а. Ах! не колдовство ли это?

В л а с ь е в н а (*в сторону*). Это наш офицер!

Ф а д д е й (*к Власьевне*). Что Паше сделалось, что она в такой сумятице? (Оглянувшись.) Да што это, не старуха!

В л а с ь е в н а. Видишь ли, колдунья оборотилась.

Ф а д д е й. Ну, пропал я! (*Уходит.*)

И з в е д (*Паше*). Вы видите, что это я сам. Клянусь, что я вас люблю более себя, более жизни.

П а ш а. Да правда ль это?

И з в е д. В чем вы сомневаетесь?

Д у э т

П а ш а

Ты станешь ли, мой милый друг,
Меня всегда любить сердечно?

И з в е д

Навек тобой прельщен мой дух,
Моей душой ты будешь вечно.

Паша
Как я люблю, люби равно,
Не надобно мне боле.

Извед
Мне сердце лишь на то дано,
Чтоб быть в твоей неволе.

Вместе
Любить и жить мне то одно,
Мне смерть с тобой расстаться.
Мне сердце лишь на то дано,
Чтобы тобой прельщаться.

Власьевна. А! а! дружок! опять за нашими.
Извед. Молчи, Власьевна, это не твое дело.
Паша. Власьевна! это не твое дело.

(*Извед дает Власьевне деньги*.)

Власьевна (*принимая деньги*). Ну, это не мое дело.
Извед. Пора нам идти. Не медлите. Не сделайте того, чтоб я навек вас лишился.
Паша. Пойдем.
Извед (*отходя*). Смотри, Власьевна, чтоб ваш мужик не сделал нам какой помехи.
Власьевна. Нет, он тебя боится. Он думает, что ты колдунья.

Явление 12

Власьевна, а потом Фаддей.

Власьевна. Фаддей! поди сюда!
Фаддей. Боюсь.
Власьевна. Не бось, колдунья провалилась.
Фаддей. А Паша?
Власьевна. С нею же вместе.
Фаддей. Ну, я говорил, быть бедам. Ох, Власьевна, страшно! Уж темно становится... Пойду лучше лягу спать; а там по мне хоть трава не расти.

Явление 13

Театр представляет улицу пред домом Волдырева. Сумерки.
Волдырев, и с ним толпа десятских.

Волдырев. Так, мои друзья; я вчера, идучи но этой улице, по счастию подслушал, что вор сегодня, как очень смеркнется, полезет ко мне в окно. Спрячьтесь вы в этом месте. (*Отводит их за кулисы*.) Теперь-то я прямо доволен. Дома у меня все в безопасности под присмотром этой дорогой старушки; а здесь я могу наказать бездельника Болтая, могу отомстить!.. что этого слаще! Уж я его отделаю; а завтра и женюсь на Паше. Сколько вдруг праздников!

Явление 14

Болтай с лестницей и Волдырев.

Болтай (*шепотом кличет*). Макей! Макей! тут ли ты?

Волдырев (*также*). Я здесь, Болтай, я здесь! Не бось, никого нет, начинай свое дело.

Болтай. Я чуть вижу, так темно.

(*Между тем как Болтай находит дом Волдырева, приставляет лестницу и лезет к окну, музыка играет, и следующее с музыкою же продолжается*.)

Болтай
(*на лестнице, стучась полегоньку в окно*)

Пашенька, уж темно;
Отвори мне окно,
И узнай, узнай Болтая.
Пашенька! жизнь моя!
Мною мучась и страдая,
Радуйся, это я...
Никто, никто не отвечает!

(*Увидя у Волдырева дома множество десятских, с робостью.*)

Какое множество людей!

(*Кличет Волдырева потихоньку*.)

Макей! Макей! мой друг, Макей!..

Он также рта не разевает…
Страх меня, страх берет.

Десятские
Кто идет? кто идет?

Волдырев
(*с яростью*)

Караул! караул! держите!
Возьмите вора и свяжите.

Десятские
Кто идет? кто идет?

Волдырев
(*с яростью*)

Возьмите вора и свяжите,
На части плута разорвите.

(*Десятские тащат Болтая с лестницы.*)

Болтай
Страх меня, страх берет.
Пропал! погиб я и с Макеем!..
Любовь, тебя вперед
Пусть черт возьмет!

Волдырев
(*с яростью*)

Поступайте как с злодеем,
Как с губителем моим.

Десятские
Не бось; мы знать себя дадим.

Болтай
Мое любовью сердце сжато;
Что я не плут, в том клясться рад.

Волдырев
(*с яростью*)

Он плут, и точно виноват.

Десятские
Не бось, что в руки к нам прижато,
То все уж будет виновато.

Волдырев. Возьмите же его и ведите, куда знаете.

Болтай. Что слышу! и Макей мне изменил!

Волдырев. Нет дружок; ты сам себе изменил. Кабы язычок ты держал покороче, может быть, и удалось бы тебе сплутовать.

Явление 15

Волдырев, Болтай, десятские, Фаддей с фонарем и Власьевна.

Фаддей (*выходя из ворот*). Слышал, хозяйской голос. Что он ревет? Никак ведьму ловит?

Волдырев. Что ты, Власьевна? что ты, Фаддей?

Фаддей. Вишь, хозяин, ты вопил. Я вышел на подмогу.

Болтай. Что это такое? Этот Фаддей не тот, который мне знаком. Вышел из дому Волдырева и Макея хозяином называет... Я ничего не понимаю.

Волдырев. Я тебе растолкую. Макей и Волдырев, это одно, как плут, дурак и Болтай одно же.

Болтай. Да для чего же ты мне давно этого не сказал? Так ли с друзьми поступают?

Волдырев. Я тебе в полиции и более докажу мою дружбу. (*К Фаддею и Власьевне.*) Что, все ли у нас дома здорово?

Фаддей. Все здорово, и Власьевна, и я.

Волдырев. А Паша со старухой?

Фаддей. Паша со старухой?.. не тут-то было.

Волдырев. Что он такое болтает, Власьевна?

Власьевна. Сделался такой грех.

Волдырев. Какой грех?

Фаддей. Будто не знаешь. О чем же вопил? Ведь ловил ведьму, которая утащила Пашу, черт тя знает, куда. Как тебе не стыдно. Погубил бедную девку.

Волдырев. Какая ведьма?

Власьевна. Он о старухе говорит.

Фаддей. Обернулась в молодца, да с Пашею и провалилась.

В о л д ы р е в. Власьевна! какой он вздор мелет?

В л а с ь е в н а. Что таить. Дома нет ни старухи, ни Паши.

В о л д ы р е в. Ну, пропал я! Эта старуха какая-нибудь плутовка, и это Болтаевы штуки.

Б о л т а й. Как можно меня обижать! я старух терпеть не могу.

Ф а д д е й (*Волдыреву*). Допрашивай его, это его дело.

В о л д ы р е в (*Болтаю*). Видишь ли, и Фаддей тебя винит, — Фаддей, который тебе помогал.

Б о л т а й. Этого Фаддея я и не знаю.

В о л д ы р е в (*к Фаддею*). А ты его знаешь ли?

Ф а д д е й. Нет. Да как узнаешь? ведьма на часу раз сто обернется.

Б о л т а й. Перестань врать о ведьме; скажи, знаешь ли его?

Ф а д д е й. Нет, впервые на роду вижу.

Б о л т а й. Тот Фаддей совсем не таков. Тот во сто раз умнее, проворнее; а этот дурачина.

В о л д ы р е в. Ну, теперь я догадываюсь; это Степановы плутни. Он меня зарезал, погубил, это я вижу. (*К Фаддею и Власьевне*.) А вы, дурачье, чего смотрели?

В л а с ь е в н а. Да ведь ты сам велел старуху во всем слушаться.

В о л д ы р е в. Я бешусь! (*К десятским*.) Друзья мои! помогите мне искать мою Пашу... Помогите... бегите повсюду. Не оставьте ни одного дома... обыскивайте все и всех... А! да вот и плут Степан идет... ловите, держите его.

Явление 16

Волдырев, Болтай, десятские, Фаддей, Власьевна, Степан.

С т е п а н. На что меня ловить? я и сам иду.

Б о л т а й. Вот мой Фаддей!

В о л д ы р е в (*к десятским*). Держите его: он превеликой плут.

С т е п а н. Вы видите, господа честные, плут ли я?

О д и н и з д е с я т с к и х. Одни плуты так поздно по улицам шатаются.

С т е п а н. Я их и днем видал.

В о л д ы р е в. Что он плут, я докажу. Где Паша?

С т е п а н. Паша! Она в добрых руках. Здорова и так весела никогда у тебя не бывала. Вот и она.

Волдырев. Что я вижу? с каким она офицером?
Степан. Он сам тебе это скажет.

Явление 17

Волдырев, Болтай, десятские, Фаддей, Власьевна, Паша, Извед, Степан.

Извед (*Волдыреву*). Извините меня, господин Волдырев, что я на Паше женился.

Волдырев. Женился?.. Уф! (*К десятским.*) Возьмите их всех на съезжую.

Извед (*к десятским*). Как смеете вы офицера служащего брать? и за что?

Волдырев. Что женился.

Извед. Если за это брать, то весь свет будет на съезжей.

Волдырев. Да ты воровски женился. Как можно это сделать без моего согласия? и по какому праву?

Извед. Твое согласие не нужно. Ты ей не отец; а право мое у ней в сердце.

Паша. Точно так.

Волдырев. Мне должно треснуть сколько от любви, столько от досады. (*К десятским.*) Возьмите вы хоть этого плута сбитенщика, чтобы над кем-нибудь выместить.

Извед. Не троньте его: он добрый человек.

Один из десятских. Чем докажешь?

Извед (*бросает им деньги*). Вот чем.

Десятские. А! а!

Болтай. Брат Макей! Нечего взять. Видно, нам только двум остаться в голях.

Один из десятских. Коли хочешь кому-нибудь сделать зло, так вели взять этого. (*Указывая на Болтая.*) Мы свидетели, как он лез в окно.

Болтай. Нет, и я не виноват: я только лез, а (*указывая на Изведа*) он достал.

Степан. Итак, лучше никого не трогать и остаться при своих. Худой мир лучше доброй брани.

Волдырев. Бездельник! Проклят тот день, в который мне сбитень твой полюбился. Вперед его никогда пить не буду.

Степан. Пожалуй, я тебе прощаю и то, что ты в долг напил.

Извед. Чтоб тебя, господин Волдырев, утешить, то лишь только не сердись на нас, я упрошу Пашу из имения, принадлежащего ей, уступить знатную часть, и во всех по законам принадлежащих процентах прощаю.

Болтай. Когда пошло на прощанье, то и я ему (*указывая на Степана*) прощаю, что он меня в дураки ввел.

Степан. Зачем об такой безделице тужить? Не ты первый, не ты последний.

Извед (*Волдыреву*). Согласись быть нам другом.

Паша. Простите меня, сударь. Я вас вечно как отца буду любить, и ручаюсь, что и муж мой будет вас так же почитать.

Болтай. Право, я советую лучше простить.

Волдырев. Пришло простить, когда нельзя наказать.

Степан. Что прибыли злиться? Вот я такой человек, что ни на кого не сержусь, и оттого живу веселее на свете. Забавнее любить, нежели ненавидеть ближнего. Так и долг христианский велит.

Волдырев. Плут! Ты изрядно исполнил против меня этот долг. Ну, да как быть, я всем прощаю, (*к Изведу*) с тем однако же, что ты мне обещал.

Хор

Прочь отсюда грусть, досада!
Нет нималых в них утех:
Сердцу лишь они надсада,
И стократ полезней смех.

Извед, Паша

Нет несносней ненавидеть,
Нет приятнее — любить.
Волдырев, Степан, Болтай
Зверь утеху в злобе видит;
Мы рожденны в дружбе жить.

Все

Прочь отсюда грусть, и проч.

ПРИТВОРНО СУМАСШЕДШАЯ

Комическая опера в двух действиях

Действующие лица:

Албе рт, опекун.
Лиза, питомица его.
Агафья, служанка ее.
Эраст, любовник Лизы.
Криспин, слуга его.
Слесари.
Разные люди.

Действие происходит близ Венеции, в загородном доме Алберта; а оканчивается в Венеции, на площади Св. Марка.

Действие первое

Явление 1

Лиза, Агафья.

Дуэт

Агафья

Во сне глубоком все, —
Лишь ты по утренней росе
Одна зарю встречаешь.

Лиза

Тс, тише! ты не знаешь,
Что здесь Эраст драгой —
Любовник верный мой.

Агафья

Неужто воротился? —

Лиза

Я видела в окно,
Как там в кустах он крылся.

(*Вместе.*)

Одной любви дано
Такое остро око,
Что видит в ночь оно
Равно, как в день, далеко.

Агафья. Надобно, чтоб у любовников глаза были очень зорки. Как, когда темно, вы могли узнать Эраста между кустов?

Лиза. Он, точно он. И если чего глаза не досмотрели, то сердце мне досказало. Он, — некому больше быть.

Агафья. Пускай он. Только скажите, как вы могли обмануть осторожность вашего ревнивого, старого опекуна Алберта? Неужто он опростоволосился в первый раз и на ночь не запер ворот?

Л и з а. К счастию моему, кто-то вышел, и я тотчас воспользовалась этим случаем.

А г а ф ь я. Вы очень хорошо сделали, что поспешили увидеться с Эрастом; а то бы бедненький, дожидаясь вас долго на росе, мог простудиться... Однако его не видать; а между тем, если опекун нас увидит здесь, что будет?

Л и з а. Он мне более не страшен. Я хочу, чего бы мне то ни стоило, освободиться от власти гнусного ревнивца. Нет больше сил сносить такую жизнь; я намерена ему явно показывать, сколько его ненавижу.

А г а ф ь я. Да подкрепит Небо такое похвальное намерение! Что касается до меня, я лучше бы желала служить черту, нежели ему. Говорят, черт, как жиды, в субботу ничего не делает: то по крайней мере, тогда бы отдых был. А у нашего Алберта никогда покою нет. Поутру, ввечеру, в полдень, в полночь, каждую минуту должно с ним возиться. То окно поплотнее закрой, то дверь покрепче запри, то в погреб сходи посмотреть все ли цело, то вскарабкайся на чердак поглядеть не идет ли кто издали. И сна ему нет: когда одним глазом спит, то другим караулит. Никогда не смеется, всегда сердит, брюзглив, скуп, жесток, как тюремный караульщик.

Л и з а. Скоро все наши беды кончатся. Какая разница Эраст! прекрасен, молод, весел, добродетелен. Я вместе с ним возрощена у его матери. Сходство нравов соединило наши сердца; а любовь сей узел сделала неразрешимым... Но вороты отворились.

А г а ф ь я. Чему дивиться? наш сударик Алберт на поиск выходит. Станем подале, притаитесь.

Явление 2

А л б е р т, Л и з а, А г а ф ь я.

А л б е р т (*не видя их*). Во всю ночь в моем доме я ходил дозором. Все спокойно спят. Этого не довольно, что внутри все здорово; надобно, чтоб и снаружи было таково же. За тем-то я и вышел. Слава Богу! кажется, все хорошо. Однако меня смущает то, что в сумерки вчера какой-то волокита около дома шатался. Я снисхождению моему не могу надивиться. Уж полгода в здешнем загородном доме живу с Лизою, а еще не только не заклал

кирпичами всех окон снаружи, да и решеток железных не приделал. Это весьма нужно для нежности плененного моего сердца. Лиза меня пленила, и я ее должен пленить, за замок. Кротость портит девичью добродетель. Велю приделать железные болты, толщиною в руку. Замки висячие снутри: тогда-то моя любовь отдохнет, да и для Лизы это спокойнее… Кто-то шевелится здесь… заря мне помогает видеть… Кто идет?.. Не отвечает… это дурной знак… Кто идет? кто идет? говори, убью!

А г а ф ь я. Прохожие.

А л б е р т. Это Агафьин голос. Она, а с нею и Лиза.

Л и з а. Это вы, господин Алберт, на карауле стоите?

А л б е р т. Я, я сам. А вы зачем здесь так рано?

Л и з а. Всю ночь я спать не могла… я чувствовала жар.

А л б е р т. Знаешь ли, что честные девушки, у которых нет дурного на уме, спокойно спят и жару не чувствуют.

Л и з а. И у меня доброе на уме, однако я спать не могла, и для того вышла на заре прохладными воздухом напитаться.

А г а ф ь я. Да, мы любим зарю и прохладный воздух глотать.

А л б е р т. А разве заря и прохладный воздух не могут пожаловать войти в открытое окно? Нет, вы здесь делаете заговор, чтоб меня обмануть.

А г а ф ь я (*в сторону*). Как бы это было хорошо!

А л б е р т (*к Агафье*). Что ты говоришь?

А г а ф ь я. Ни слова.

А л б е р т. Ты что-то сказала?

А г а ф ь я. Я сказала, что хотя бы и хотелось спать, да нельзя. Проклятый домовой во всю ночь бегает сверху вниз, снизу наверх; кашляет, пыхтит, кряхтит, чихает, бренчит ключами. Скверный жид мучит нас всех своим шумом.

А л б е р т. А кто этот проклятый домовой, этот скверный жид?

А г а ф ь я. Вы.

А л б е р т. Как, негодная, можешь ты это обо мне сказать?

А г а ф ь я. Я это точно знаю.

А л б е р т. Почему?

А г а ф ь я. А вот почему. Чтобы узнать дух ли или человек нас тревожит, я ночью в узеньких сенцах протянула веревочку и спряталась. Четверти часа не прошло, как кто-то выбежал, запнулся, упал, и во все горло закричал: помогите! умираю! Я вышла

со свечкой и увидела, что вы, растянувшись, лежите. Большая во весь лоб запятая и расплющенный ваш нос, как точка, ясно показали мне, что вы не дух, а плоть.

А л б е р т (*подбегает к Агафье, чтоб ее ударить*). Так ты эту шутку со мною сыграла?

Л и з а (*удерживая его*). Тише, сударь, тише.

А л б е р т (*Лизе*). Смотри, чтобы и тебе не досталось. (*В сторону.*) Эту дерзкую служанку надобно бы мне со двора согнать; но она мне нужна. (*Лизе.*) Поди, сударыня, поди домой, или я силою тебя отведу.

Л и з а

А р и я

Если сердце не согласно,
Принуждение напрасно.
Лютость, брани, это вздор!
Можно строгости в отпор,
Душу твердую представить.
Коль несносен бед собор,
Можно тяжку жизнь оставить.
Но мне рано умирать;
Смерть уже последне средство.
Постараюсь окончать
Я мое игрою бедство.

(*Уходит.*)

А л б е р т. А ты останься здесь: мне нужда с тобою говорить.

Явление 3

А л б е р т, А г а ф ь я.

А л б е р т (*в сторону*). Надобно ее приласкать. (*К Агафье.*) Помиримся, я тебя люблю, и хотя ты мне нос расшибла, но я тебя прощаю; только сделай мне некоторую услугу, за которую тебя после награжу.

А г а ф ь я. Посмотрим, какая это услуга.

А л б е р т. Ты, я думаю, уже приметила, какими глазами я смотрю на Лизу?

А г а ф ь я. Как не приметить? Вы на нее смотрите, как сова на голубку.

А л б е р т. Скажи лучше, как голубь на голубку.

А г а ф ь я. Ну, положим, что вы голубь. Что ж из этого будет?

А л б е р т. Из этого будет, что она моя будет жена.

А г а ф ь я. Ваша жена? как вам не стыдно!

А л б е р т. Что ты этим сказать хочешь?

А г а ф ь я. Как вам не стыдно, я говорю.

А л б е р т. Что это значит?

А г а ф ь я. Это значит, что вам стыдно при старости не иметь и столько ума, чтобы не сделать такого огромного дурачества.

А л б е р т. Дурачества? Разве жениться дурачество? Я бездетен, я хочу нажить детей.

А г а ф ь я. Вам детей?.. быть не может.

А л б е р т. Это не твое, а мое дело. Но оставим пустоглаголанье, станем о деле говорить. Послушай, с тех пор, как мы здесь живем, отбою нет от волокит; эти жадные волки хотят похитить мою овечку, которую я с таким рачением стерегу: и для того надобно снаружи закрыть частыми решетками все окна. Это Лизе не будет приятно; и для того, опасаясь вместо любви произвесть ненависть к себе, прошу покорно тебя, возьмись позолотить эту горькую пилюлю: дай ей знать, что это делается только для безопасности от воров, которые будто бы прошлую ночь ограбили дом нашего соседа.

А г а ф ь я. Подите, сударь, вы без милости дурачитесь... то глупо, что хотите жениться в другой раз; а то еще глупее, что влюбились в молодую девушку; а это из рук вон глупо, что хотите ее запереть.

А л б е р т. Я на это имею сильные причины.

А г а ф ь я. Я также имею сильные причины с вами вместе не сумасбродничать.

А л б е р т. Знаешь ли, что я чего просьбою не могу сделать, то сделаю силою, и тогда бойся меня.

А г а ф ь я. Сердитесь, бранитесь, как хотите, а я ваша покорная услужница.

А р и я

От сердца тресни ты себе;
Но хуже дьявола ревнивый!..

Какой черт в голову тебе
Вложил тот замысл несчастливый,
Чтобы в любовь замком склонять,
И б лтом сердце уловлять.

Явление 4

Алберт (*один*). Весь свет против меня; Агафья никуда не годится; однако боюсь ее переменить, чтоб хуже не было. Замки, задвижки, болты, решетки, вы моя надежда, помочь, отрада! Пойду к слесарям и приведу их сюда.

Ария

Скрыв от глаз прелестный вид,
Отучу я волокит,
Нагло пяля дерзко зренье,
Лизу приводить на грех.
Все их только в том уменье,
Оттого их весь успех,
Чтобы шаркнуть башмаками,
Сжаться так пред дорогой;
И дрягая так ногой,
Хвастать толстыми икр ми.
К зеркалу прильнув глазами,
Видеться всяк час с собой.

Явление 5

Алберт, Криспин.

Криспин (*входя*). Барин мой, утомленный дорогою и любовью, покоится недалеко отсюда на постоялом дворе; а меня послал сюда поразнюхать, то есть, по военному, рекогносцировать. (*Увидя Алберта*.) Кто это? кажется, Алберт. Этот чертополох, этот дракон, который стережет наше руно; хотя не золотое, но дороже золотого.
Алберт. Что ты здесь делаешь один у моих ворот?
Криспин. Я не один, а имею удовольствие быть с вами. Здравствуйте, сударь.
Алберт. Здравствуй.

К р и с п и н. Все ли вы в добром здоровье?

А л б е р т. Здоров.

К р и с п и н. Я этому очень рад.

А л б е р т. Рад ли ты, или не рад, какая мне нужда? Скажи, кто ты таков?

К р и с п и н. Трудно это сказать, я все: война, мореплавание, все науки, все художества, все ремесла мое дело. Вселенная мой дом.

К р и с п и н. Велико же у тебя жилище. (*В сторону*.) Этот человек с головы до ног кажется превеличайший плут. (*К Криспину*.) Скажи, зачем ты здесь?

К р и с п и н. Чтоб отсюда прочь идти. Прощайте.

А л б е р т. Постой! ты должен мне сказать, зачем сюда пришел?

К р и с п и н (*в сторону*). Я не знаю, что ему сказать.

А л б е р т. Говори.

К р и с п и н. Я сюда пришел было за важным делом; но имея слабую память, я это дело позабыл.

А л б е р т. Как может это статься!

К р и с п и н. Вы не верите? Хотите ли, я вам расскажу некоторые со мною приключения, которые вам ясно докажут, сколько моя память от обременения глубокими науками слаба. Однажды (это было не здесь, а в Неаполе), некоторая женщина, прекрасная и богатая, в которую я был смертельно влюблен, влюбилась и в меня. После свадьбы, когда приданое было у меня в руках, мне надобно было ехать. Конечно, сильная страсть смутила мою память. Но дивитесь беспамятству моему: я приданое увез, а жену позабыл.

А л б е р т. Ты своими пустяками...

К р и с п и н. Постойте, сударь. Еще однажды, некоторые девицы просили у меня у ювелира купить разные вещи. Я пришел к нему с деньгами, вещи взял и, позабывшись, и деньги, и вещи с собою из города увез.

А л б е р т. Знаешь ли, дружок, что твои рассказы, а наипаче твой вид, показывает, что ты сюда пришел затем, чтоб, высмотря все теперь, уже ночью влезть в дом?

К р и с п и н. Кто, я, сударь? Вы худо умеете узнавать по лицу: у меня совсем другое в голове. Я силен в медицине. Вот теперь вспомнил зачем сюда зашел. Мне нужны некоторые травы, и я ищу...

А л б е р т. Чего?

К р и с п и н. Чертополоха.

А л б е р т. Здесь нет.

К р и с п и н (*смотря на Алберта*). А я его вижу.

А л б е р т. Когда видишь, сорви, да ступай к черту.

К р и с п и н. Постойте, мне еще надобна трава Иван-да-Марья. Иван у меня есть, только Марью хочется отыскать. Тогда-то никакая болезнь не устоит против меня. Знаете ли, что я умею от всего лечить? От каменной, от лихорадки, от горячки, от кашля, от...

А л б е р т. Однако твое платье этого не показывает.

К р и с п и н. Вы знаете, что не платье делает нас учеными. Скажите мне, не больны ли вы чем-нибудь?

А л б е р т. Я очень здоров.

К р и с п и н. Жаль этого. Я желал бы вас видеть при смерти, чтоб показать мое искусство.

А л б е р т. Я не сделаю тебе этой угодности.

К р и с п и н. Знаете ли вы, сударь, что я и храбрый воин?

А л б е р т. Не знаю, и знать не хочу. Но после всего этого болтанья, скажи, чего ты хочешь от меня?

К р и с п и н. Чего я хочу?

А л б е р т. Да.

К р и с п и н. Ничего. Да разве ничего не хотя от вас, нельзя с вами говорить? или, не говоря с вами, нельзя прогуливаться здесь?

А л б е р т. Можно, да только не долго. Прощай.

К р и с п и н. Прощайте. Однако наперед скажите мне, кому принадлежит этот загородной дом?

А л б е р т. Кому?.. хозяину своему.

К р и с п и н. Вот как надобно отвечать. Вы так чисто, так ясно говорите, что нельзя без огорчения отстать от разговора с вами. И так позвольте спросить еще у вас, скоро ль мы можем приехать в город?

А л б е р т. Очень скоро, ежели очень скоро отправитесь. Счастливый путь.

К р и с п и н. Еще, сударь, на часок.

А л б е р т. Что это еще?

К р и с п и н. Скажите мне, сударь, который час?

А л б е р т. Что, разве я башня с часами? В другом месте об этом можешь осведомиться. Убирайся за добра-ума; мне твои слова и твой вид нестерпимы. Прощай, добрый день.

Криспин

Ария

Позвольте ж поблагодарить
За дружеское угощенье;
Мне с вами говорить
Вели́ко утешенье.
Позвольте отыскать вперед
Мне Марью да Ивана,
Тем сильна исцелится рана,
Мне много чести принесет.

(*Притворяется, будто уходит.*)

Явление 6

Алберт (*один*). Какой дерзкий плут! Он более утверждает мое намерение, оградить крепкою железною безопасностью мой дом, где прекрасная Лиза, где такое неоцененное сокровище хранится. Я теперь же иду за слесарями. (*Отходит.*)

Явление 7

Криспин (*указывая вслед Алберту*). Это не человек, а медведь. Такое начало приводит меня в робость! Однако увидим, что будет. Ох, если б дело дошло до баталии, как бы я оказал себя над Албертом!.. Но вот мой барин.

Явление 8

Эраст, Криспин.

Эраст. Ну, что скажешь, дорогой Криспин! Видел ли ты прекрасную Лизу? Видел ли ты опекуна? И есть ли надежда моей любви?

Криспин. Если бы мне надобно было видеть коршуна и малиновку, а я бы сказал, что видел только коршуна: угадали ль бы вы, кого я видел?

Эраст. Опекуна?

Криспин. Вы угадали, я его только видел.

Э р а с т. Пожалуй, оставь свои загадки и говори со мною попросту. Теперь шутки не у места.

К р и с п и н. Когда вы не хотите шуток, то я признаюсь, что хитрость не поможет; а надобно эту крепость взять пушками.

Э р а с т. Как бы то ни было и во что бы ни стало, мы город возьмем. Любовь все преодолевает.

К р и с п и н. Город возьмем! Вы хорошо сказали. Да как это сделать? Если бы были у нас деньги, я не отчаялся бы об успехе. Вы знаете, что деньги и в любви, равно как в войне, дают победу.

Э р а с т. Не беспокойся об этом. За Лизою тридцать тысяч червонных приданого. А если бы она и ничего не имела, я ее любил бы более всех самых богатейших. Она со мной воспитана у матери моей; еще тогда любовь глубоко вкоренилась в наши сердца. После смерти моей матери, по присуждению родственников, она досталась под опеку этому гнусному старику Алберту. Я его не знаю и он меня не знает. Говорят, что у него самая гнусная душа.

К р и с п и н. Вам правду сказали. Нам надобно наперед узнать хитростью ли, или силою действовать? Открытою ли осадою, или нечаянным нападением исподтишка.

Э р а с т. Со мною недавно возвратясь из похода, ты еще не отвык от военных выражений.

К р и с п и н. Во всех, сударь, делах надобно прежде рук головою работать. Я не сегодня знаком с войною. Я с вами был два раза на сражении, то есть, вы в строю, а я при обозе. Наслышась от офицеров, которые со мною бывали, я знаю, что для успеха надобно прежде хорошенько узнать внешность крепости, потом, узнав крепкие и слабые места, вести осаду, открыть траншеи, палить из пушек, сделать пролом в стене; потом сделать приступ, бить, резать, грабить... Не то ли же делают, когда и к девушке приступают? Не правда ли, сударь?

Э р а с т. Правда. Агафья нам с руки?

К р и с п и н. Потому что я ей с руки. Тем лучше, сударь. Чем более приятелей в крепости, тем удачнее осада. Надобно предуведомить нам Лизу и Агафью, то есть, наших приятелей в крепости; надобно дать им сигнал, что мы ночью, без шума, без барабанного боя приступим.

Э р а с т. Я думаю, Лиза может меня услышать?

Ария

Лиза? Лиза дорогая!
Ежели меня ты любишь так,
Как тебя, мой свет, люблю страдая,
Ты подай какой-нибудь мне знак.
Слышу воздыханья, стоны;
Можно ли мне их снести?
Мне они священные законы,
Должно жизнь мою в тебе спасти!

Криспин. Уйдемте, сударь, спрячемся; опекун идет с какими-то копчеными людьми.

(*Уходят.*)

Явление 9

Лиза, Агафья.

Финал

Лиза

Долго с милым не видаться, —
Грустью смертною терзаться,
Зря всечасно кто постыл,
Это выше всяких сил.

Агафья

Не печаль нужна, проворство.
В час, когда грозят беды;
Хитрость только и притворство
Кажут к счастью нам следы.

Обе вместе

И любовь, которая нас мучит, —
Средству, как утешиться, научит.

(*Отходят.*)

Опекун и слесари

Алберт

Начинайте работ ть!
Тут замочек, там решетку.

Первый слесарь
Знают нашу все работку.

Второй слесарь
Мы умеем все ковать,

Третий слесарь
Наше дело замыкать.

(*Начинают работать.*)

Опекун
Лучше всякой мне музыки!
Звук приятный: ток! ток! ток!
О, дражайший молоток!

(*Опекун это повторяет вместе с слесарями.*)

Агафья
Что за хари, страшны, дики?

Лиза
Кто велит вам так стучать?

Алберт
(*к служанке и к любовнице*)
Не мешайтесь в наше дело.

(*К слесарям.*)

Продолжайте, братцы, смело.

Лиза, Агафья
Да нельзя ли нам сказать?

Опекун
Видишь, вас любя,
Для себя
Запираю.

Лиза
Умираю!

Агафья

Тут не надо умирать,
Но им в рожу наплевать,

Лиза

Всю мою надежду рушат!

Алберт

(*к слесарям*)

Работ йте!

Агафья

Нет, постой, —
Домик этот мой.

Слесари

Ну, кого ж из вас нам слушать?

Алберт

(*к слесарям*)

Я один
Господин.
Продолжайте!

Агафья

(*к слесарям*)

Стойте, черти;

Лиза

(*опекуну*)

Иль моей ты хочешь смерти?

Агафья

(*к слесарям*)

Слышьте, хочет уморить.
Верьте, всем в тюрьме вам быть

Слесари

Плохо, плохо это дело.

А л б е р т
(*к слесарям*)

Вы слесари,
Не лекари.
Жизнь не ваше дело.
Куйте только смело,
Вдвое заплач   .

(*К служанке*.)

А тебя я проучу!

Л и з а
Сжалься на мои ты слезы,
Или я умру сейчас.

А л б е р т
Это женские угрозы:
Знаю, женщины, я вас.
Хоть не будешь тем милее,
Но с замком любить вернее.

(*К слесарям*.)

Ну, братцы, ну, ковать!

С л е с а р и
Наше дело замыкать.

(*Начинают работать*.)

А л б е р т, с л е с а р и
Звук приятный, ток! ток! ток!

Л и з а, А г а ф ь я
Звук ужасный, ток! ток! ток!

А л б е р т, с л е с а р и	Л и з а, А г а ф ь я
(*вместе*)	
О, дражайший молоток!	О, смертельный молоток!

Действие второе

Явление 1

Эраст, Криспин, ищут друг друга.

Дуэт

Эраст
(*не видя Криспина*)

Криспин! Криспин! слуга негодный!
Где он?

Криспин
(*не видя Эраста*)

Эраст! Эраст! Где он?
О, барин слуг бесить пригодный!

Вместе
(*не видя друг друга*)

Я сделаю себе закон,
Чтобы с ним несколько быть строже.

Эраст
(*не видя Криспина*)

Почувствует он то на роже.

Криспин
(*не видя Эраста*)

Минута эта всех дороже!

Эраст
(*не видя Криспина*)

Криспин! плут без вести пропал.

Криспин
(*не видя Эраста*)

Эраст! Эраст! Его черт взял.

Вместе
(*не видя друг друга*)

Какое мне терпенье надо!
О, пресмертельная досада!

Криспин
Эраст!

Эраст
Криспин?

Вместе
(*обрадовавшись*)

Вот он! вот он!
Насилу отыскался.

(*Указывая всяк на себя.*)

Разумным людям нет препон.

Эраст
Уже я с Лизой повидался.

Криспин
Уж я с Агафьей повидался.

Криспин
Безмерно счастлив господин,
Слугою у кого Криспин.

Эраст
Безмерно счастлив тот Криспин,
Которому я господин.

Эраст	Криспин
(*вместе*)	
Уже я с Лизой повидался.	Уж я с Агафьей повидался.

Эраст. Несмотря на все тиранские опекуна заклепы, Лиза нашла способ увидаться со мною из небольшой отдушины на кровле и бросила мне письмо.

Криспин. Ваше барское дело, вы видели Лизу очень высоко; а я, как слуга, Агафью очень низко, то есть сквозь большое

отверстие под забором, которого опекун, не усмотря, еще не закупорил.

Э р а с т. Послушай, я тебе прочитаю это милое письмо.

К р и с п и н. Не читайте, сударь. Все знаю, что в нем, написано.

Э р а с т. Как?

К р и с п и н. Агафья мне то говорила, что Лиза вам писала. Все знаю штуки, которые она выдумала, чтобы избавить себя от опекуна и отдаться вам навеки.

Э р а с т. Что скажешь об этой хитрости?

К р и с п и н. Дивлюсь пружинам женского ума, когда любовный дух ими движет.

Э р а с т. Надобно, чтоб все было готово к нашему отъезду. Сегодня же ввечеру хочу ее от тяжкого ига освободить.

К р и с п и н. Так вы намерены ее увезти?

Э р а с т. Это всего вернее.

К р и с п и н. Согласен; только я опасаюсь...

Э р а с т. Чего ты боишься?

К р и с п и н. Полиции.

Э р а с т. Да я ведь на Лизе женюсь.

К р и с п и н. Это очень хорошо. Вы будете женаты, а я повешен.

Э р а с т. Венеция отсюда очень близко. Лучшего убежища найти нельзя. Там царствует радость и веселие, там увенчаем мы браком нашу любовь.

Явление 2

Алберт, Эраст, Криспин.

А л б е р т. Не знаю, где-то и какой ученый сказал: «тайну надобно всего более хранить и всего мудренее сберечь». Однако, не во гнев буди этому ученому, хранение девичьей добродетели гораздо мудренее. (*Увидя Криспина и Эраста.*) Кто это?.. Опять тот же плут и с ним еще другой. (*К Эрасту и Криспину, которые ему кланяются.*) Оставьте эти ужимистые поклоны! Что вам угодно? говорите, только не долго.

Э р а с т. Незнаком в здешних местах, я, увидя вас, почитаю за должность засвидетельствовать вам мое почтение.

А л б е р т. Только?.. слуга покорный.

Э р а с т. Неподалеку изломалась моя коляска; покуда ее чинят, я хотел прогуляться и напитаться здешним приятным и здоровым воздухом.

А л б е р т. Вы ошибаетесь: здесь воздух очень нездоров и проезжающим бывает часто смертелен.

Э р а с т (*указывая на Криспина*). Имея с собою искусного врача, мне это не опасно.

К р и с п и н. Так, сударь. Вы не знаете, какой я человек. Вы не знаете, что мое имя известно во всех краях света. Однажды, в Турции, я вылечил из сераля первую султаншу.

А л б е р т. Какая мне нужда?

Э р а с т (*Алберту*). Позвольте мне усомниться, чтоб воздух был здесь нездоров; иное показывает свежий цвет вашего лица.

А л б е р т. Свежий, или не свежий, какое дело?

К р и с п и н. Не магазин ли, сударь, этот дом, который весь за железными решетками и за огромными замками?

А л б е р т. Магазин.

Э р а с т. А что в нем хранится?

А л б е р т. Вы очень любопытны.

Э р а с т. Разумею. Не такой ли это магазин, как у меня, в котором я не запас, а жену прячу?

А л б е р т. Как, вы женаты и запираете жену? (*Слушает Эраста с умильным видом.*)

Э р а с т. Я вам, как приятель, откроюсь чистосердечно, что имею слабость быть женатым только для себя. И теперь моя супруга без меня за замком. Вы можете, ежели хотите, смеяться и шутить надо мною; я соглашаюсь лучше слыть дураком, нежели сами знаете чем...

А л б е р т. Умное, разумное, похвальное дело!

К р и с п и н. И я таков же; хотя не женат и вечно не женюсь, потому что этого во всем нашем семействе не водится. И отец, и дед, и прадед, и прапрадед мои не были женаты; и я им последую. Только ежели б нечаянно случилось жениться, жену за замок.

А л б е р т (*в сторону*). Эти люди, право, честные; напрасно я о них дурно думал. (*Вслух.*) Пускай себе этому смеются щегольки, петиметры, жены, которым мужья потворствуют; смейтесь и называйте меня явно ревнивым скаредом, — смейтесь от злобы, а я от доброго сердца вам смеюсь!

Э р а с т. Да хотя бы вы и ревнивы были, на что скрывать; это не порок, но добродетель, — это показывает нежное и чувствительное сердце. Иные рассуждают, что ревнивый не любовник, но мучитель той, которую любит; что в бешенстве несносен всем и противен сам себе; что он чудовище, изверженное из ада; что всякий обмануть его должен почитать себе удовольствием. Вот так другие говорят; а я, вот как говорю: что всякий честный человек должен ревностью питать свою любовь; что нельзя любить не ревнуя, ни ревновать не любя.

А л б е р т. Вы меня прельщаете, удивляете вашими рассуждениями. Я желал бы написать все ваши слова.

К р и с п и н. Пойдемте к вам, я тотчас их напишу.

А л б е р т. Покорно благодарю, я это все упомню. Вам нечего больше мне сказать. Вот ваша дорога. Прощайте. Я вам желаю вечно иметь такие благородные мысли, и чтоб коляска ваша скорее была готова.

Явление 3

Алберт, Эраст, Криспин, Агафья.

А г а ф ь я. Помогите! все пропало! все погибло! Ах, какой ужасный случай! бедный господин Алберт. Ах, какое несчастие! горький господин Алберт. Где он? где он?

А л б е р т. Я здесь. Что такое?

А г а ф ь я. Несчастный Алберт! он этого удара не снесет. Где он?

А л б е р т. Я здесь: ослепла что ли ты? Скажи, что сделалось?

А г а ф ь я. Не могу опомниться...

А л б е р т. Что такое приключилось?

А г а ф ь я. Самое злое несчастие.

А л б е р т. Да скажешь ли ты?

А г а ф ь я. Лиза...

А л б е р т. Что Лиза?

А г а ф ь я. С ума сошла, никто не думал, не гадал.

А л б е р т. Лиза с ума сошла?

А г а ф ь я. Ах, сударь! как скоро вы ее закупорили, тотчас глаза у ней помутились, губы посинели и покрылись пеною. Стала головою биться в стену, чтобы ее разбить, освободиться.

К р и с п и н. Девушки как шампанское: когда крепко закупоришь, то пенится и хочет разорвать бутылку.

А л б е р т. Ах, какая моя беда! Продолжай, Агафьюшка, что она еще делает?

А г а ф ь я. Такую чепуху несет, что от ужаса у меня волосы дыбом становятся. То видит весь ад с чертями, между которыми и вас узнает.

А л б е р т. Бедненькая! меня-таки не забывает.

А г а ф ь я. Нет, лишь только вы ей представитесь, то на то место, где вы ей кажетесь, плюет, царапает. Потом, вздумав, что она превеличайший музыкант, берет цитру, играет, и так жалко припевает, что нельзя не рыдать. Я думала, что я слезами вся изойду.

А л б е р т. Бедненькая Лиза! бедный Алберт!

А г а ф ь я. Потом, вздумав, что она воин, вместо лат надевает ваш черный замасленный камзол, который ее тридцатью годами старее, берет вашу заржавленную шпагу, марширует; и это и жалко, и смешно.

А л б е р т. О, бедненькая Лиза! О, бедный Алберт! Пропал я навеки. О, проклятая осторожность! О, несчастные замки, решетки, болты!.. черт вас возьми!

А г а ф ь я. Тут не крушиться надобно, а помощь подавать. Постарайтесь сыскать искусного лекаря.

А л б е р т. Все силы употреблю. А ты, Агафьюшка, поди к ней, не оставляй ее. Не запирай ворот, уже теперь не к чему.

А г а ф ь я. Какая это жалость!

А р и я

Толь страшну видя перемену,
Нельзя не плакать и врагу.
Без слез я вспомнить не могу,
Что бьется головой о стену,
Как будто бы она баран.
Поплакав, можно ль не смеяться?
Тамб р приняв за барабан,
Она, как воин, хочет драться!

(*Уходит.*)

Явление 4

Алберт, Эраст, Криспин.

А л б е р т (*Эрасту*). Извините, государь мой, что я в моем несчастии так замешан, что не могу вам оказать должной учтивости.

Э р а с т. Это меня чувствительно трогает. Я желаю, чтоб вы порадованы были; а нам время ехать...

А л б е р т. Ах, сударь! останьтесь, вы мне можете помочь. (*Указывая на Криспина.*) Этот человек у вас...

Э р а с т. Так, сударь.

А л б е р т. Попросите его, чтоб он своим искусством в лекарской науке утешил меня. Может, он имеет лекарства, полезные слабым мозгам.

К р и с п и н. Имею сударь, и самые сильные... да только вы давеча со мною так обошлись, что...

А л б е р т. Ах, сударь! забудьте это.

К р и с п и н. Как! можно ли толь грубо поступать? Я спросил у вас, который час, а вы отвечали: я не башня с часами.

А л б е р т. Простите мне, государь мой.

К р и с п и н. Знаете ли, что со мною так нигде не поступали, даже и в самой Варварии.

А л б е р т. Как вы немилосердны! Вы не хотите избавить от смерти такую красавицу. (*К Эрасту.*) Сделайте милость, попросите его за меня.

Э р а с т. Господин Криспин, я вас прошу, заклинаю.

К р и с п и н. Мне еще надобно сходить с моею книгою справиться.

Э р а с т (*Криспину, отведши его в сторону, на ухо*). Поди и, приготовя лошадей, возвратись сюда скорее.

К р и с п и н (*Эрасту так же*). Да скажите, что мы сделаем без денег? у нас нет ни полушки.

Э р а с т (*Криспину*). Любовь нам сыщет. Я имею уверение в письме от Лизы, что она нам денег достанет.

А л б е р т (*становится на колена пред Криспином*). Обнимаю ваши ноги, сжальтесь надо мною; сделайте милость, о чем и знакомый ваш просит вас.

Криспин
(*гордо*)
А р и я

Изволь! коль просишь, помогу
Моим бессмертным ей лекарством.

Оно, растений всех над царством,
Царь сильный, верь мне, ей, не лгу.
Не много хлопочу,
Но все я им лечу;
Хирагру,
Подагру,
Сиятику,
И азиятику,
Удушье,
Бездушье
И всех людей, и всех скотов,
И все, что кончится на *ов*,
То есть и дураков.

(*В сторону.*)

А в том числе опекунов.

(*Уходит.*)

Явление 5

Алберт, Эраст.

Алберт. Ах! сударь, куда же господин лекарь ушел?

Эраст. За лекарством. Вы видели, как я его отвел; тогда мне удалось уговорить его. Он немного упрям и своенравен; однако если возьмется, то из мертвых воскресит.

Алберт. Какая милость с вашей стороны до меня! Вы мне прямой друг.

Явление 6

Алберт, Эраст, Агафья,
потом Лиза в платье старухи.

Агафья. Сумасбродство Лизино час от часу умножается. Я думаю, что надобно будет ее наконец связать... А вот она и сама, одетая старушкой.

Лиза. Добрый день, мои дети! Да сохранит Небо вас в здоровье, в радости. Печаль не годится никуды. Надобно, надобно веселиться, я вам говорю.

Э р а с т (*Алберту*). Как она прекрасна, несмотря на безобразную одежду!

Л и з а. Вы дивитесь, что я так свежа, несмотря на мои седины. Я вас всех здоровее; читаю без очков, ем в день раз по осьми, из бутылочки тяну, как надо; еще у меня все зубы целы, хотя мне уже сегодня сто лет исполнилось.

А л б е р т. Какой вздор она говорит!

Л и з а. Что нынешние люди перед старинными! (*Поднимает с полу щепочку*.) Не стоят вот этой щепочки.

Э р а с т. Часто ли на нее это находит?

А л б е р т. Никогда не бывало. Надобно, чтоб ее обворожили.

Л и з а. Кабы не дети, я бы еще вдвое моложе казалась. Тринадцати лет выдали меня замуж; двадцати лет еще не исполнилось мне, а уже было у меня четырнадцать ребят.

А г а ф ь я. О! о, какая плодовитость!

Л и з а. И все мальчики. Эти плуты на мою беду родились. По смерти отца они завели со мною дело, и меня лишают всего имения, — имения толь усердно заслуженного!

А л б е р т. Можно ли больше с ума сойти!

А г а ф ь я (*в сторону*). Как эта плутовка хорошо свою ролю играет!

Л и з а (*указывая на Эраста*). Вот мой стряпчий: знаю, надобно тебе денег. (*К Алберту*.) Господин откупщик, ссудите меня ста червонными на производство в пользу мою дела.

А л б е р т. Ты бредишь, Лизанька.

Л и з а. Если у меня ста червонных не будет, то и приду в отчаяние.

А л б е р т. Подумай, душа моя.

Л и з а. Если вы честный человек, не откажете мне.

А л б е р т (*тихо Эрасту*). Надобно ее по шерсти гладить.

Э р а с т (*к Алберту*). Вы умно сделаете. Не надобно спорить с сумасшедшими, чтоб не умножить сумасбродства.

А г а ф ь я (*Алберту*). Если вы откажете ей, то она может из окна выброситься.

А л б е р т. Это правда.

А г а ф ь я. Мне помнится, у вас в кармане сто червонных, которые вам сегодня должник принес.

А л б е р т. Я ей их отдам; после можно будет назад взять. (*Громко Лизе*.) Вот тебе, душа моя, сто червонных на производство дела.

Л и з а. Спасибо. Теперь уверена, что дело мое в пользу мне кончится. На, Агафья, отдай деньги моему стряпчему.

А г а ф ь я. Слышу, сударыня.

Э р а с т. Я клянусь вам верно служить.

Л и з а. Спасибо, спасибо вам всем.

А р и я

Добры, честны люди,
Мир и благодать
С вами вечно буди.
Небо, не забуди
Милость им подать.

(*Отходит. Алберт ее до ворот провожает.*)

А г а ф ь я (*отдавая тихо Эрасту кошелек*). Вот, сударь, вам на производство дела.

Э р а с т (*тихо Агафье*). Все будет кончено.

А л б е р т (*возвращаясь, Агафье*). Поди за ней, да береги деньги.

А г а ф ь я (*отходя*). Не боитесь, они в добрых руках.

Явление 7

А л б е р т, Э р а с т потом К р и с п и н.

А л б е р т. Вы видите, в каком она состоянии, а лекарь нейдет.

Э р а с т. Не знаю, что его задержало; ему бы уж надобно здесь быть... да вот и он.

А л б е р т (*Криспину*). Ах, сударь, спешите скорей. Мы оба вас с нетерпеливостью ожидаем.

К р и с п и н. Некоторый преученый медик сказал: «во всем, что ты делаешь, спеши медленно». Однако ж, государи мои, я в такое короткое время много наделал... Старался узнать, где ее болезнь, вверху ли, или внизу. Иппократ говорит «да», а Галлиен говорит «нет». Итак, чтоб этих старинных господ согласить, кажется, я не долго медлил.

А л б е р т. Поэтому вы теперь видите, где ее болезнь?

К р и с п и н. Так ясно, как сквозь чистый хрусталь.

А л б е р т. Тем лучше. Да лечивали ль вы когда-нибудь такие болезни?

К р и с п и н. Лечивал ли я? предорогой вопрос! Конечно, лечил. А впрочем, я не люблю мешаться в то, чего не разумею. Я признаюсь, что тут входит несколько колдовства, чему я научился у некоторого жида, в Аравии. Тремя словами я могу прогнать самое сильное бешенство. Ах, если б вы с ума сошли, вы б увидели...

А л б е р т. Я вам благодарю за ваше усердие ко мне.

Явление 8

А л б е р т, Э р а с т, К р и с п и н, А г а ф ь я, потом Л и з а в виде капельмейстера.

А г а ф ь я (*к Алберту*). Долго ли вам не посылать за лекарем? Посмотрите, какие вздоры она делает. Ей вздумалось, что она капельмейстер... Вот она.

Л и з а (*входя с нотною бумагою, поет прелюдию*). Вы со мною одного ремесла? то есть музыканты? то есть чада ут-ре-ми-фа-со-ля. Люди тщеславные, думающие о себе, что без вас свет не может стоять. И правда, я член музыки, и то же думаю. Без гармонии, то есть, без согласия, все распадется. Я сочиняю музыку, и весь свет хвалит ее.

А л б е р т. Ах, Агафьюшка, она совсем без ума!

Л и з а. Ума? Ума у меня много, только для музыки, а впрочем, я на все плюю. Вы сами люди искусные и знаете, что такое бемоль.

А л б е р т. У нее глаза совсем помутились!

Л и з а (*Алберту*). Голос, который я сочиняю, а, ми, ла; это моя любимая мера. Тон жив, быстр; движение легкое, новое, скоротечное. Дай руку, я по ней буду бить меру. (*Сильно бьет по руке опекуна.*) Раз, два, три. Как он морщится. Какая на харе его разноголосица. Прочь от меня несмысленный, с варварским ухом музыкант! Осел не должен там мешать голоса своего, где соловьи поют.

К р и с п и н (*указывая на Эраста*). Вот он лучше пропоет.

Л и з а. Сегодня ввечеру, я дам вам серенаду. Музыку беглую сочиню: адажио, анданте, ничего не поможет, — я этим лишь беды прибавлю; а фуга шмык через забор. В ней будут инструменты разные: кларнет, гобои, флейты, скрипки, валторны.

К р и с п и н. Забыли вы еще рога.

Л и з а. Рога? да, да, еще рога. Они как кстати, как пригодны моей музыке! (*К опекуну.*) Крепки ль у тебя ноги, чтобы протанцевать по моей фуге?

А р и я

На крыльях фуги восхищенна,
Мои вздымаются власа.
Превыше смертных вознесенна,
Отверзты вижу небеса.

(*После арии Лиза, взяв, опекуна танцевать, вертит его и после уходит, а с нею и Агафья.*)

Явление 9

Алберт, Эраст, Криспин.

А л б е р т. Ах, государи мои! на вас вся моя надежда. Вы видите, как ее бешенство увеличивается, помогите ей скорее.

Э р а с т (*Криспину*). Что ж, за чем дело стало? Господин Криспин, долго ли это будет? Вы, отсюда идучи, мне слово дали все изготовить.

К р и с п и н. Еще надо несколько помедлить.

А л б е р т. А для чего?

К р и с п и н. А для того, что ее болезнь еще не созрела. Вы знаете, когда плод сорвешь неспелый, то... плод будет не спелый... из сучка пойдет некоторая влажность... плода нельзя будет вкусить... сучок может иссохнуть... дерево зачахнет... А я ваш покорный слуга... вы разумеете меня?

А л б е р т
(*Криспину*)

А р и я

Скажи ж, когда созреет
У лапушки моей?

Когда ж болезнь поспеет,
Чтоб дать лекарства ей?
Когда не исцелится,
Придет мне с ног свалиться.

Только скажите, когда ж ее болезнь созреет?

Криспин (*указывая на Эраста*). Когда ему угодно.

Эраст. Мне? мне теперь же угодно.

Криспин. Вы знаете, за чем дело стало. (*На ухо.*) Деньги, деньги.

Эраст (*на ухо Криспину*). У меня в кармане.

Алберт. Итак, я ее сюда выведу.

Криспин. Это лучше. На чистом воздухе лекарства действительнее.

Алберт. Да вот она и сама идет в одежде военной, со шпагою в руках.

Криспин. Не хочет ли она всех нас в рекруты взять?

Явление 10

Алберт, Лиза, Агафья, Эраст, Криспин.

Лиза. Я в поход уже совсем собралась. Экипаж мой готов, и деньги есть. (*К Эрасту.*) Как кстати, граф, что я тебя здесь нашла! (*К Криспину.*) И ты также, князь! я рада, что тебя вижу.

Алберт. Какое ужасное сумасбродство!

Лиза. Как несчастливы те офицеры, которые должны иметь дело с ростовщиками. Мне сколько стоило труда найти сто червонных; да и то какие? все обрезанные. Это жид, скряга, бездушник, который меня ими ссудил. Однако ж наконец я готова служить отечеству. (*К Эрасту и Криспину.*) От вас зависит со мною ехать.

Эраст. Повсюду, где вы ни будете, последую за нами. (*К Алберту.*) Надобно ей во всем потакать.

Криспин. И я буду всегда чистить вашу шпагу, которая немного заржавела.

Лиза. Время выступать на поле чести.

Р е ч и т а т и в

Бесплодно в свете жить, то низко и обидно.
Спокойствие для душ возвышенных постыдно.
Стремлюсь к победе, к славе я!
Я вижу стан ужасных мавров.
Слышу я топот коней, глас труб и звук литавров.
Душа восторженна моя,
Геройских алчет лавров.
Ступайте, воины; со мной мои друзья!
Не страшно все, коль с вами я.
Какие молньи блещут,
И громы здесь ревут!
Уже враги трепещут,
Уже от нас бегут.
Скорей штыки примкните,
Злодеев не щадите.
Разите, разите, разите!

К р и с п и н. В короткое время сколько крови пролито!

А л б е р т. Кажется, нельзя ее вылечить?

К р и с п и н (*Алберту*). (*Между тем как Криспин говорит, Эраст с Лизою на ухо разговаривают.*) Нет, вместо того все хорошо идет, ее болезнь созрела и силится вон вырваться. Теперь-то надобно помогать. Ах, если б был такой человек, который бы согласился принять в себя того демона, который ее мучит.

А л б е р т. Агафья может это сделать.

А г а ф ь я. Покорно благодарствую; я чужого демона не приму, у меня свой есть.

Э р а с т (*Криспину*). Спеши скорей. Ее болезнь в самом совершенстве.

К р и с п и н. Скорей? эта болезнь не шутка. Если бы она была в мужчине, то другое дело; а в женском теле, не так-то скоро можно вылечить.

Э р а с т (*Алберту*). Чтоб узнать, не хвастает ли он, я подвергну себя его опыту, и если ничего не выйдет, то я ему отшучу.

К р и с п и н (*Эрасту*). Так я же над вами подшучу. Станьте подле нее. (*К Алберту.*) Позволите ли ему взять ее за руку, чтоб притяжение более действовало?

А л б е р т. Изволь. Я на все согласен.

К р и с п и н. Очень хорошо. Теперь вы увидите, кто я. (*Делает палочкою своею несколько знаков над головами любовников, и произносит сии слова.*) Макрон, Галиен, Моздок, Гипократа.

Л и з а (*поднимаясь со стула*). Какой густой облак исчезает пред моими глазами!

Э р а с т. Какой ужасный мрак скрывает свет от глаз!

Л и з а. Какую сладостную тишину я чувствую в моей душе!

Э р а с т. Смятение страшное объемлет мои чувства! Отверзлись страшные передо мною бездны! Какое чудовище зияет на меня (*Вынимает шпагу и гонится за Албертом.*) Погибни от моей руки.

К р и с п и н (*становясь между Албертом и Эрастом, говорит к Алберту*). Ах, сударь, уйдите отсюда: он вас сгрызет.

Э р а с т. Дайте мне пролить его кровь, смешанную с ядом!

К р и с п и н (*удерживая Эраста*). Постойте. Я немного слишком ему переложил лекарства. (*К Алберту.*) Нет ли у вас какого спирту? Английских, или Гофмановых капель? Принесите поскорей, дать ему понюхать, или проглотить.

А л б е р т (*вынимая ключ*). На, Агафья, сходи принеси.

А г а ф ь я. Нет, сударь, боюсь. Я могу не то принести. У вас там много скляночек.

К р и с п и н. Побегайте сами скорее! Или хотите, чтоб умер такой человек, который из дружбы к вам собою пожертвовал?

А г а ф ь я. Бегите скорей.

А л б е р т. Хорошо, я тотчас возвращусь.

(*Отходит.*)

Явление 11

Эраст, Лиза, Криспин, Агафья.

К р и с п и н. Уйдемте поскорей. Все готово нам уехать.

Э р а с т (*Лизе*). Нам не должно тратить время.

Л и з а. Я вам вручаю судьбу моей жизни.

А г а ф ь я. Виват Криспин! виват сумасбродство!

(*Отходят.*)

Явление 12

Алберт (*один*). Вот самые славные капли. Они только что мертвых не воскрешают… Но я никого не вижу! Что это? Какое сомнение вселяется в меня?.. Лиза! Агафья!.. Никто не отвечает… Лиза! Агафья! где вы?.. Нигде нет. Изменницы ушли… По какой дороге. Воры! воры! ограбили меня! Куда мне идти? куда бежать? не знаю. Туда ль? сюда ль? не ведаю. Ноги меня не держат… я упадаю… Вот, какую шутку со мной сыграли. Поеду их искать на край света; ничего не пощажу. Пускай меня повесят, лишь только бы их повесили. Они, верно, в Венеции; я туда еду. (*Отходит*.)

Явление последнее

Театр представляет площадь в Венеции Св. Марка.

Хор весельчаков

Глупостью мудрый считает
В радостях дни проводить:
Будто бы мудрость грустить.
Сам он не знает,
Пустое болтает.

(*Выходят Эраст и Лиза*.)

Эраст

Питанье жизни моея,
Душа души моей прельщенной.

Лиза

Тобой одним счастли́ва я;
И кто счастливей во вселенной?

Эраст

Прошла напасть, как легка тень,

Лиза

Настал для нас прекрасный день!

Вместе

Я в сердце не вмещаю
Всей радости моей;
Тобой живу, тобой я душу восхищаю,
И из твоих приемлю жизнь очей.

(*Уходят. Слуга и служанка выходят с разных сторон.*)

Криспин
(*увидя служанку*)

О, клад, который отыскался!
Агафья! свет моих очей!

Агафья

Где так ты долго зазевался?
О, светлый луч моих лучей!

Криспин

Отрада будущих ночей!
Повсюду я метался,
Чтоб барина найти.

Агафья

Где барышня, и я не знаю.

Вместе

Но скоро их найдем, я чаю.
Пойдем же вместе по пути.

(*Уходят.*)

Алберт
(*с бешенством вбегает*)

Все к черту, и решетки, и запоры!

(*К предстоящим.*)

Послушайте, какая часть моя:
Бездельники, разбойники и воры
Ограбили, зарезали меня.

Предстоящие
Когда зарезан ты, поди ж умри спокойно.

Алберт
(*с сердцем*)
Шутить так можно ль недостойно!

Другие предстоящие
Не стыдно ль там тебе стонать,
Где всяк приходит веселиться.

Алберт
(*к предстоящим*)
Подайте помощь мне сыскать...

Третьи предстоящие
Не хочешь ли протанцевать?

Алберт
Ну можно ль не взбеситься?
Кому? мне танцевать!

Предстоящие
Ха! ха! ха! ха!
Когда старик лишается рассудка,
Смешнее всяких эта шутка.

Алберт
(*Эрасту*)
А, а! нашел, нашел злодея.

(*К Лизе*.)

И ты, моя сударка с ним.

Эраст
Над ней ты права не имея,
Вернись скорей к замкам своим.

Криспин
И по себе нашед молодку,
Заприся с нею за решетку.

Агафья

А мы хотим на воле погулять.

Алберт

А я, чтоб правду вам сказать,
Хочу, чтоб вы висели.

Криспин, Агафья

Нет, мы не любим вышины.

Алберт подходит к любовнице, чтоб ее взять.

Эраст

Прочь от моей жены!

Алберт

Что слышу? погубили, съели!!

(*К предстоящим*.)

Вы слышите их все вины́?
Ловите их, вяжите,
В тюрьму скорей ведите.

Предстоящие

Полно, полно, друг наш, врать.

Алберт

Что делать? что начать?

Предстоящие

Всего полезней замолчать.
Страшитесь обладать сердцами,
Одними только лишь замками.

Алберт

О, часть, в жестокости безмерна!

Предстоящие

О, старость! сл ба, легковерна!

Алберт

О, женщины! вы адский плод!

Предстоящие

Какой урод! какой урод! ха! ха! ха!

Алберт

(*к предстоящим*)

Пускай и всех вас черт возьмет.

Предстоящие

Какой урод! какой урод!

МУЖЬЯ,
ЖЕНИХИ СВОИХ ЖЕН

Комическая опера в двух действиях

Д е й с т в у ю щ и е л и ц а:

Э р а с т, под именем Медора.
С т р е л я й, слуга его, под именем Пролаза.
И з а б е л л а, под именем Прелесты.
А ф р о с и н ь я, ее служанка, под именем Марфы.

Действие происходит на постоялом дворе.

Действие первое

Явление 1

Медор и Пролаз.

Дуэт

Пролаз
(*с досадою*)

Кладу мое весло на борт;
Грести я с вами не желаю.
Отдайте мне вы мой пасп рт;
Я вас навеки оставляю.

Медор
Ты прежде был доволен мной.
Пролаз, что сделалось с тобой?

Пролаз
Всего сказать нельзя в музы́ке:
Мешает мне то дур, то моль,
И ут, и ре, и ми фа соль...
Типун, как будто на язы́ке.

Вместе
Чтобы себя нам изъяснить,
Болтать не станем по музы́ке;
А будем прозой говорить.

Медор. Скажи ж, для чего ты не хочешь у меня служить?
Пролаз. Для того, что я вольный человек.
Медор. Это будто ответ! ты поэтому можешь не служить... Мне надобно знать, почему не хочешь?
Пролаз. По самой сильной причине.
Медор. Что ж, разве мало жалованья?
Пролаз. Нет, сударь.
Медор. Разве я тебя худо кормлю?

П р о л а з. Нет.
М е д о р. Дурно одеваю, обуваю?
П р о л а з. Нет, сударь, нет.
М е д о р. Жестоко с тобою поступаю?
П р о л а з. Нет.
М е д о р. Поэтому я добрый господин.
П р о л а з. Очень добрый.
М е д о р. За что ж ты меня хочешь оставить?
П р о л а з. Вы хотите жениться.
М е д о р. Что ж тебе?
П р о л а з. Когда вы женитесь, то и я не утерплю.
М е д о р. А для чего ж? женись и ты.
П р о л а з. Покорный слуга, сударь! Я и первою женою чуть не подавился. Моя жена, Афросинья, достойная служанка своей госпожи, Изабеллы, вашей сожительницы, вскружила мне голову так же, как ваша вам. От этого я так женский пол возненавидел, что чуть было не пошел в монахи; но вы меня спасли, уехав из России. Обе они, как сказывают, изволили отправиться на тот свет; вечная им память! лишь только бы убрались отсюда, а то я не злопамятлив. Я им желаю более покоя там, нежели нам здесь было от них.
М е д о р. Мой друг, Пролаз! хотя наши жены виноваты, однако подумаем-ка не виноваты ли и мы?
П р о л а з. Не виноваты ли и мы!.. Вы уж начинаете вступаться за женщин, вы, которые недавно их так много ненавидели. Теперь нечего сомневаться, вы твердо намерены жениться на этой вдове Прелесте, о которой вам говорили, которая с нами на этом постоялом дворе живет, и которой вы еще и не видали; однако с которою положено свидание сегодня.
М е д о р. Признаюсь, что хочу на ней жениться. Все меня к тому привлекает: похвалы прелестям ее души и лица, богатство ее, мое состояние. Ты знаешь, что от путешествия в иностранных землях моя казна очень расстроилась. Притом же признаюсь, что холостое состояние мне несносно становится. Не иметь никого на свете, кто бы брал участие, это ужасно! жена быть может половина меня, другой я.
П р о л а з. Другой я!.. половина меня, которая лишает покоя, щиплет, кусает другую половину. Другой я, домовой первому я.

Вспомните вашу супругу. Ее своенравие, бешенство, ее алчность кокетствовать, всегда вам вопреки говорить, всегда вас унижать, презирать, гнушаться вами... Черт пересчитает все то, как она вас мучила. Вспомните, что вы, быв так же вспыльчивы, вышли очень благоразумно из терпения и чрез месяц после свадьбы принуждены были ее оставить, продать ваше имение и уехать в чужие краи, где мы с лишком десять лет таскались, переменив имена, вы из Эраста в Медора, а я из Стреляя в Пролаза... Говорят, что путешествия просвещают, — неправда: мы поехали, чтобы научиться меньше дурачиться, а возвратились, чтоб сделать точно ту же глупость, от которой отсюда уехали.

М е д о р. Или ты думаешь, что и в другой раз я несчастливо женюсь. Поэтому тебе кажутся все женщины одинаковы с моею женою?

П р о л а з. Как две капли воды. Где мы ни бывали, — во Франции, в Голландии, в Англии, в Испании, в Италии, везде у женщин разная наружность, разные ухватки, а внутренность все одна. Все они розы, — иная кудрявее, иная глаже; но у всех шипы, которые колются. Розы для любовников, а шипы для мужей. Все они за безделицу готовы съесть своих супругов. Ха, ха, ха, ха! я вспомнил с сожительницею вашею последнюю вашу ссору, от которой вы разошлись. Дело стало за брови. Она, увидя какого-то молодого человека с бровями каштанового цвета, называла его прекрасным, восхищалась им; а вам говорила, что у вас пакостные, мерзкие брови. Вам стало это досадно, вы разгорячились и смертно поссорились.

М е д о р. Но сыщутся женщины, которым и мои брови будут угодны.

П р о л а з. Ах, сударь! как мало вы их знаете; через несколько недель после свадьбы всегда у мужа брови хуже всех других.

М е д о р. Как бы то ни было, я хочу в другой раз испытать счастия; однако ж не как прежде, не кинусь прямо в воду... Я хочу употребить хитрость... простительную, чтоб вызнать совершенно ее нрав.

П р о л а з. Какая это хитрость?

М е д о р. Я надену твою ливрею, а ты мое платье; я твоего слугу представлять буду, а ты моего господина. Этим способом все выведать могу.

П р о л а з. Очень хорошо. Вот на это я согласен... Авось либо!.. счастие и не это делает... авось либо! я поймаю сердце этой

госпожи Прелесты. Таким образом может быть я и соглашусь жениться; от жены-госпожи можно кое-что вытерпеть.

М е д о р. Если случится, что она в тебя влюбится, тогда буду я о женщинах одного мнения с тобою.

П р о л а з. Какое самолюбие!.. а для чего ж и в меня не влюбиться? Вся разность только в том, что вы в карете, а я за каретой езжу; что я стою, когда вы сидите; что вы кличете меня: Пролаз! а я откликаюсь: чего изволите?.. Когда ж я стану то делать, что вы, тогда разница кончится, и преимущество, может быть, будет еще на моей стороне.

М е д о р. Ты видишь, самолюбив ли я, когда на твою дерзость ни слова не отвечаю. Я иду переодеваться; ступай за мною.

П р о л а з. Я тотчас буду.

Явление 2

П р о л а з (*один*). Все говорят, что эта Прелеста очень богата. Ну, ежели и в самом деле любовь сделает такую проказу, что я буду господином, да еще и богатым... и богатым, следовательно и знатным... Ну, ежели это и вправду станется; а для чего ж и не статься? Чем я не человек? не стар, не дурен, ловок, строен и вояжировал... Вояжировал! о! это много значит у женщин!.. немножко не знатного рода я был до вояжа; а вояжи сделали со мною то же, что с низкими металлами огонь: все медное, железное, свинцовое очистили, и остался я весь золото... следовательно, я благороден! еще же мало ли таких чужестранцев, которые в отечестве были скороходы, сапожники, кучера; а сюда приехав, стали графы, шевалье, маркизы. Они только сюда доехали, а я и туда и сюда съездил; следовательно, я очень благороден... чего ж во мне не достает?.. осталось только прельстить. Это безделица... наверное, подцеплю эту сударку и буду господин Пролаз... Виват Пролаз!

А р и я

Уж кажется, я еду цугом;
Карета в золоте горит,
И издали гремящим стуком
Посторониться всем велит.

Богатством нужен и полезен,
Кричать я стану, не боясь:
А! здравствуй граф!.. как ты любезен!
Что так давно не видно, князь!

Я вижу женщин... пойду переряжаться.

Явление 3

Прелеста в платье служанки,
Марфа в платье госпожи.

Марфа. Не знаю, сударыня, каково вам служанкой, а мне, право, недурно барыней. Барам гораздо просторнее на свете. Но скажите мне, не будет ли вам досадно, если я, госпожою по воле вашей наряженная, поймаю сердце этого господина Медора, которого вам так выгодно описывали, что вложили в вас охоту посмотреть его; а может быть, и выйти за него замуж. Я, зная себя, говорила вам: эй, не шутите так; но вы того непременно хотели, чтоб лучше вызнать его. Раскаетесь, может быть, да поздно!

Прелеста. Нимало не раскаюсь.

Марфа. Что ж вы сделаете?

Прелеста. Останусь вечно вдовой.

Марфа. Да верно ли это, что вы вдова?

Прелеста. Я желала бы, чтоб это было не верно; но ты знаешь, как долго мои старания узнать, жив ли мой муж, были напрасны; и мне, по многим верным признакам, должно было заключить, что его более на свете нет, к несчастию моему.

Марфа. К несчастию?.. Вы совсем, сударыня, переменились... Как это будто несчастие, чтобы в другой раз выйти замуж? Спросите у наших сестер; многие скажут: дай Бог, почаще бы это несчастие случалось.

Прелеста. Ах, Марфа! заблуждение легкомыслия, даже и во время ослепления молодости, не составляет счастия. Что ни говори, одна добродетель всем нравится; и даже тот, или та, которые, не могши исправиться, кажется, презирают ее и над нею шутят, внутренне признаются, что она выше всего.

Марфа. Сударыня! вы прежде не так говорили.

Прелеста. Я всегда это чувствовала; но дурное воспитание, примеры так называемого большого света, то есть дурного знаком-

ства, ветреный нрав увлекли меня от меня самой. Однако всякой раз, когда я преступалась, внутренно стыдилась самое себя; но вместо того, чтобы признанием загладить проступок, я имела постыдную гордость, оставаясь в нем, оправдать его. А как ошибку, которую защищаешь, ничем иным нельзя оправдать, как другими ошибками, то и делала я беспрестанно новые дурачества.

Марфа. Ах, как это все умно!.. жаль только, что я не понимаю.

Прелеста. Все это можешь понять из жизни моей. Ты знаешь, что до пятнадцати лет я жила у тетушки в необходимом принуждении, которое всегда для молодых людей полезно, но несносно. Мне захотелось освободиться от неволи... Уехав тайно, вышла я замуж за Эраста. Он был столько же молод, столько же беспутен, как и я. Не могши вынесть моих дурачеств, за что я его теперь и не виню, он скоро оставил меня и, продав имение, скрылся... Тогда, в самой крайности, раздражив тетку, которая любила меня, как себя, не знала я, что делать. Однако не могла себя принудить, приехав к ней, просить у ней прощения и помощи. Несмотря на мою глупую гордость, эта нежная тетка сама ко мне приехала и, не укоряя ни в чем, взяла меня к себе. Такое великодушие тронуло меня... Я почувствовала себя и, гнушаясь собою, старалась быть достойною ее благодеяния... Недолго это продолжалось. Она скончалась, оставя мне все свое великое имение. Ни вдова, ни замужняя жена и, наполнив тот город, где мы жили, слухом моих разных глупостей, которые молва обыкновенно увеличивает, мы с тобой уехали сюда, где нас никто не знает.

Марфа. Да и мудрено ли? когда мы даже переменили и наши имена — вы из Изабеллы в Прелесту, а я из Афросиньи в Марфу. Словом сказать, мы совсем переменились. Жаль, что себя выдаем за вдов. Нам бы можно называться и девицами. Ведь случаются девки вдовствующие, для чего ж не быть и вдовам девствующим... Мы здесь никому неизвестны. И хотя бы наши мужья были живы и к нам бы приехали, мы можем им сказать, что мы не мы — и они гриб скушают.

Прелеста. Напротив того, я была бы безмерно счастлива, если бы могла увидеть мужа, которого столько огорчила.

А р и я

Хол дности прервав оковы,
Им первым дух мой возгорел;
Открыв пути мне к счастью новы,
Он первый мил мне быть умел.
Когда б не наша гордость ни́зка,
Хотеть собой весь свет прельстить;
Та честь к бесславью столько бли́зка,
Могла б я им счастли́ва быть.

М а р ф а. Что касается до меня, я моего Стреляя не хочу видеть. Если он умер, Бог с ним, а если жив, черт с ним. Особливо теперь, когда счастие мне пальчиком манит, с вашим именем и в вашем уборе выйти замуж так выгодно, что я с вами сравняюсь... Это очень щекотливо; однако, сударыня, виновата ли я, что я прекрасна, мила; что я, может быть, пленю дворянина, который, говорят, вояжировал так долго, что вырос в вояжах; и, между нами сказано, сударыня, мне больше кстати прельстить того, кто был в чужих краях: я потерлась около всего иностранного и долго у маршанд де мод училась шить, кроить, наряжать, наряжаться, куафе и прочим искусствам. Умею кстати молвить слова три-четыре по-французски, умею исподтишка страстно взглянуть и вовремя вздохнуть, задуматься без мыслей, заговорить непонятно, приятно погнусить, покартавить. Приманив мужчинку, всегда быть им недовольною; жаловаться, ссориться, помиловать его и опять побраниться. Ревновать без причины, любя казать презрение; а что главное дело, иметь в запасе полдюжины воздыхателей, чтоб из них любой, тотчас бы занял пустое место. Вот что надобно для нашей чести. Вы, сударыня, прежде одного мнения были со мною; а теперь с вашею добродетелью далеко от меня отстали, или, лучше сказать, вы с нею так отяжелели, что я до вас скоро долечу и буду такая ж барыня, как вы.

А р и я

Когда пожалуешь ко мне,
То на софе пушистой лежа,
Себя на ней покоя, нежа,
Не пробудясь и не во сне,

Скажу тебе: садись ко мне.
Прошедшу ночь спала я дурно...
Ведь ты со мною сан фасонь?..
Потом, обняв я вас амурно,
Скажу: ты ужасть как мила!
И ты меня с ума свела.

Я вижу лакея; конечно, это слуга нашего жениха.

Явление 4

Прелеста, Марфа, Медор в ливрее.

Медор (*к Марфе*). Я прислан от моего господина Медора наведаться, у себя ли госпожа Прелеста?.. Не ей ли имею честь свидетельствовать мое почтение?

Марфа. Ей; но, друг мой, ты очень дерзок с твоим почтением! Видя, что я госпожа, ты мог бы меня не беспокоить и спросить у моей служанки, которая здесь. Указывая на Прелесту.

Медор. Извините, сударыня. Я думал, что будет учтивее вам самой представить желание моего господина иметь честь видеть вас.

Марфа. Ну, ну, ну! Я тебе прощаю, потому что я милостива и потому что я сама хочу познакомиться с твоим барином.

Медор (*в сторону*). Какая наглая!

Прелеста (*в сторону*). Если барин таков, как слуга, то я могу им быть довольна.

Марфа (*к Медору*). Между тем я хочу, чтоб ты познакомился с моею служанкою. Марфа, подойди к нему.

Медор. Это должность мужчин. (*Подходя к Прелесте.*) Марфушка, я поручаю себя в вашу милость.

Марфа. О! это слишком учтиво для русского слуги.

Медор. Я, сударыня, долго вояжировал, и привык обходиться как должно дворянину.

Прелеста (*Медору*). Верьте, что учтивость никогда не может быть вредна. Это задаток к получению нашего уважения.

Медор (*в сторону*). Какие чувствования!.. (*К Прелесте.*) Верьте, оно для меня дорого от вас.

Прелеста (*в сторону*). Какие выражения!.. (*К Медору.*) Мне кажется, вы шутите.

М а р ф а. Да перестанете ли вы, показывая друг другу почтение в моих глазах, манкировать его ко мне!

М е д о р. Вы ошибаетесь, сударыня; тот, который оказывает к вашей служанке такое почтение, не может не иметь его к вам. (*В сторону*.) Если бы ты на нее походила.

П р е л е с т а (*в сторону*). Как он умен!.. Какая жалость, что он слуга!

Явление 5

П р е л е с т а, М а р ф а, М е д о р, П р о л а з,
в одежде господина.

П р о л а з (*выходя*). Какие это беспутные слуги! куда их пошлешь, они рады там ножки складсть и, дожидаясь их, должно треснуть с досады... (*Увидя Медора*.) А! да вот он. Как ты осмелился нетерпеливую импасианс моей любви прогневать? Слушай! Если бы... (*указывая на Марфу*) не эти прелестные глаза, то я бы тебя морбле! то я бы... (*Грозит ему*.)

М е д о р (*ему на ухо*). Ты забываешься, шалун!

П р о л а з (*ему на ухо*). Вы отнимаете у меня кураж быть барином. Вы все испортите.

М е д о р (*вслух*). Я, сударь, был бы не учтив, если бы ушел, не выслушав повеления госпожи Прелесты, которая вас изволит ожидать.

П р о л а з (*Марфе*). Ах, так это вы, мадам! но о чем я спрашиваю? это бы мне можно знать по движению сердца моего, которое, увидя вас, тотчас стало бить в набат; и все чувства мои в тревоге, напрасно стараются залить пожар, в котором я весь горю.

М а р ф а. Поэтому вы можете легко вспыхнуть?

П р о л а з. Как порох!

М а р ф а. Итак, ваше сердце часто загоралось? Вы прежде нередко любили?

П р о л а з. Нет, сударыня, никогда; но я часто был любим... Я могу без хвастовства сказать, что в чужих краях я завоевал пропасть красавиц... Вы, без сомнения, читали старинные сказки, в которых лишь только удалой рыцарь покажется принцессам, то и наведет им бессонницу... Вот это я! но теперь, ма принцесс! уже мне от вас не спать!

М а р ф а. Гелас! мон пренс, — я думаю это неправда; но одна только галантери.

П р о л а з. Пускай я за обедом подавлюсь, если не от сердца говорю!

М а р ф а (*в сторону*). Какие страстные речи! какая ужасная разница между ним и моим сквернавцем-мужем!

П р о л а з (*в сторону*). Какие прелести! ах! если б моя жена, покойная обезьяна, на нее походила, как бы я по ней плакал!.. (*Вслух Марфе.*) Могу ли я — о, красота санпарель! иметь когда-нибудь эспуар тронуть ваше сердце?

М а р ф а. Гелас!

П р о л а з. Что значит этот томный гелас, или признание, что ваше сердце нежно?

М а р ф а. Гелас! это еще не признание... (*Увидя, что Медор и Прелеста смеются.*) Да, слуги наши смеются... Это не... неловко... я... я стыдлива... извините!.. екскюзе... любовь моя, которая начинала показываться, опять спряталась... Я... я вся в контузии... извините... я... я вся от вас удаляюсь... (*Уходит.*)

П р о л а з. А я... я весь за вами бегу, чтобы тет-а-тет окончить декларасион любви (*Уходит.*)

Д у э т

М а р ф а
(*останавливая Пролаза, за ней идущего, начинает*)

Полно, полно так шалить —
Дайте на часок мне время.

П р о л а з

Надобно любовно бремя
С плеч моих тотчас свалить.

М а р ф а

Как вы так нетерпеливы!

П р о л а з

Слишком, слишком вы стыдливы.

М а р ф а

Таковой быть д лжно мне.

П р о л а з

Это все по старине!
Стыд теперь уже не в моде,
В черном только он народе.

Марфа
Мне казалось завсегда,
Будто стыдно без стыда.

Вместе
Но к чему же он пригоден?
Галантом с ним не свободен.
Стыд не годен никуда.

Явление 6

Прелеста и Медор.

Медор. Как часто обманывают нас слухи! Уверенный рассказами о прелестях, об уме вашей барыни, я хотел нетерпеливо увидеть ее. Но что же? Увидя, жалею, для чего не вы барыня, или для чего она на вас не походит.

Прелеста. Что ж вам в этом?

Медор. А то, что я имел бы барыню, достойную искреннего почтения... Но что я говорю — почтения? достойную обожания!

Прелеста. Господин слуга, вы забываетесь.

Медор. А почему я забываюсь?

Прелеста. А потому, что вы... что вы говорите... (*в сторону*) ...я смущаюсь и не знаю, что сказать.

Медор. Но что же я такое сказал , что бы могло вас огорчить?

Прелеста. Вы хотите, чтоб я была барыня. Разве надобно быть госпожой, чтоб понравиться господину Пролазу?

Медор. Нет; надобно быть точно прелестною Марфою, чтоб обворожить все мои чувства... Но...

Прелеста. Но... что ж бы из этого вышло, если б я могла обворожить ваши чувства?

Медор. То, что теперь выходит. Что я, видя душу мою в ваших глазах, без вас бы жить не мог, если бы...

Прелеста. Вы сами перервали вашу речь, и хорошо сделали; когда бы стали продолжать, я бы не допустила вас договорить.

Медор. А для чего?

Прелеста. Для того, что... перестаньте мне изъяснять вашу нежность, может быть притворную, как то обыкновенно водится у мужчин, чтоб только посрамить женщину.

Медор. Кто? я?.. чтоб я имел толь низкие мысли!.. чтоб я, так мало почитая вас, толь мало бы почитал себя, чтоб гнусным обманщиком быть... Я клянусь...

Прелеста. Не клянитесь... Я от вас никаких клятв не принимаю.

Медор. Но я хотел только клясться, что я вас не обманываю, говоря, сколь пламенно вас любил бы...

Прелеста. Я вас просила, чтоб вы о любви ничего не говорили, или я уйду... (*Хочет уйти*.)

Медор (*удерживая ее*). Ради Бога, не уходите. Я вам клянусь, что более о любви ни слова не скажу.

Ария

(*пред финалом*)

Не стану больше говорить,
Я чувства изъяснять не стану;
Что мне не можно не любить,
Что я тобой горю и вяну.

(*В сторону*.)

К чему ты, рок, меня привел?
Служанкою я мог плениться!
Вот я какой предмет нашел!
Бешусь, и должно мне беситься!

(*К Прелесте*.)

Не стану больше говорить,
Я чувства изъяснять не стану;
Что мне не можно не любить,
Что я тобой горю и вяну.

Прелеста

Уйду и слушать перестану,
Когда ты станешь мне твердить,
Что любишь ты, что мной пылаешь.
Чего ты ожидать дерзаешь,
Являя мне твою любовь?

Медор

Хоть гордость мне твоя несносна,
Хоть ты во мне тревожишь кровь,

Хоть будет часть моя тем злостна, —
Но презирай мою любовь.

Прелеста

Могу ль тебе платить презреньем,
Умея почитать меня; —
Довольствуйся моим почтеньем.

Прелеста
(*в сторону*)

Медор
(*в сторону*)

(*вместе*)

Даю я сей совет стеня.

Примаю сей совет стеня.

Явление 7

Прелеста, Медор, Марфа и Пролаз.

Марфа
(*выходя*)

Вы слишком для меня опасны!

Пролаз

Гелас! на что ж вы так прекрасны?

Медор
(*в сторону*)

Быв так мила и пригож ,
Почто она не госпожа?

Прелеста
(*в сторону*)

Душой прелестен и собой,
Почто родился он слугой?

Пролаз

Итак, ма рень! скажи мне — да.

Марфа

Позволь, чтобы я погодила.

Пролаз

Сказать люблю, иль то беда?

Марфа

Гелас! еще я никогда
Такова да не говорила.

Пролаз

А как же, как же вы вдова!

Марфа

Вертиж! кружится голова!
В спокойстве н жду я имею.

Прелеста

Смущаюсь, мучусь, стражду, млею!

Медор

О, как моя томится грудь!

Прелеста, Медор, Марфа
(*вместе*)

Смущаюсь, мучусь, стражду, млею!

Все вместе

Нам д лжно, д лжно отдохнуть.

Действие второе

Явление 1

Прелеста
(*одна*)

Ария

Тщетно от любви я убегаю,
От себя уйти я не могу;
Тщетно вид драгой из сердца рву,
Вместе с ним и сердце вырываю.
Кто ж, о, рок! ах, кто мне столько мил?..
Стыд во мне смятенный дух терзает,
Кровь кипяща в сердце замерзает...
Я лишаюсь чувств... лишаюсь сил.

О, безумное любопытство! о, странная участь моя! Почто имела я желание увидеть этого, так много расхваленного и так глупого и несносного Медора?.. и почто, о, судьба! что думала в господине найти, я то все нашла и с таким совершенством в его слуге? Какое благородство! какая душа! какие приятности! и притом сходство некоторое с моим мужем... Как бы то ни было, хотя умру, но даже и приметить не дам моей толь ужасной склонности... Ах! почто не могу ее и от себя самой сокрыть?

Явление 2

Медор и Прелеста.

Прелеста (*с смятением*). Зачем вы?

Медор. Не пугайтесь, я не забуду вашего повеления. Я не за тем пришел, чтобы вам, открывая сердце, говорить, что я без вас жить не могу, что прелести ваши из мыслей моих не могут истребиться, что рана моя неисцелима, что я, лишась спокойствия, мучусь, что... но вы взор отвращаете... верьте, что я не за

тем пришел. Хотя говорить, сколько я вас люблю, составляет все мое блаженство, но я слишком много вас обожаю, чтобы, для счастия моего, вам хотеть досаждать. Вы мне запрещаете, и я замолчу.

П р е л е с т а. Вы очень хорошо сделаете… (*В сторону*.) Несчастная!

М е д о р. Но скажите мне… Это до любви уже не касается.

П р е л е с т а. Когда так, я с вами готова говорить.

М е д о р. Скажите мне причину такого вашего запрещения, которое мне несносно. Скажите, для того ли, что я вам противен, и это сделает меня несчастнейшим, или только для того, что вы, чувствуя в себе толь безмерное превосходство, которым так щедро одарила вас природа, произведя вас несправедливо в низком состоянии, стыдитесь, что слуга влюбился в вас… и что, если бы я не был слуга… Вы краснеете, и это не умножает ваших прелестей, потому что уже нельзя прелестнее быть… а… стыдливость только оживляет их. Почто закрывать ее цвет толь редкий, толь прелестный?

П р е л е с т а. Какое мое состояние! я должна стыдиться и самой моей стыдливости.

М е д о р. Возможно ли стыдиться того, что показывает добродетель. Знайте, что бесстыдство женщины есть верный знак ее позора; и та, которая уже никогда не краснеет, оттого только, что прежде слишком много краснела.

П р е л е с т а. Вы меня приводите в удивление. Как, слуга, и слуга такого нелепого господина, так умен, такие имеет чувствования, пристойные одному благородному воспитанию, душе возвышенной!

М е д о р. Да разве натура дала обязательство знатной породе, чтоб только над ней истощать свои благодеяния?.. Вы, сами вы не пример ли тому?

А р и я

Умом, душой, красами,
Ты помрачая всех,
Прекрасными очами
Рождаешь тьму утех.
Когда б я был владетель,
Я так же бы любя…

Верь, Небо мне свидетель!..
На трон возвел тебя.

Прелеста. Я вижу, что мне должно оставить вас для того, что, несмотря на все мои просьбы, не перестаете говорить о любви.

Медор. Виноват, забываюсь!.. может быть, и мне так же как и вам, должно бы не хотеть говорить о том; но... сердце, одолевая рассудок, против воли вырывается и летит к вам. Однако я перестану... Вот я и замолчал.

Прелеста. О чем же бы нам поговорить?

Медор. Не знаю. У меня нет иных ни чувств, ни мыслей. И если сердце принуждено молчать, то я сделаюсь совершенно немым.

Прелеста. Опять?.. да разве нельзя найти другого разговора?

Медор. Я не умею; найдите вы.

Прелеста. Станем говорить о вашем барине.

Медор. Ох, какой дурной разговор вы выдумали!

Прелеста. Я знаю; но я этого хочу.

Медор. Я повинуюсь.

Прелеста. Для чего он нейдет к барыне моей, и что он теперь делает?

Медор. То, что обыкновенно петиметры делают. Перед зеркалом кабенясь, в третий раз велит перечесывать волосы себе: то побелее, то посерее себя пудрит. За один волос, который немного от букли отстал, он так на парикмахера сердится, как будто бы его чести сделана смертельная обида. Между тем выделывает глаза свои, как бы им прекраснее казаться. То жмурит их, то выпяливает как можно более; то нос вытягивает, который ему кажется короток; то рот сжимает, чтоб не так велик казался; то губы кусает, чтоб краснее были; и словом сказать, его искусство дерется с натурою и хочет победить ее.

Прелеста. Предорогое упражнение!.. однако теперь бы мог он это оставить и поскорее придти к барыне моей, которая на него может рассердиться за медленность его.

Медор. Он скоро может умилостивить ее. Они, кажется, друг для друга рождены. Этаким людям не столько нужды в любви, сколько в том, чтобы наряднее и лучше казаться. Их сердце не таково, как мое. Если я не могу быть вами любим, если...

Явление 3

Медор, Прелеста и Пролаз, щегольски наряжен.

П р о л а з. Прекрасно! браво!.. (*К Медору*.) Продолжай, мой друг, продолжай! я не за тем пришел, чтобы вам помешать.

П р е л е с т а. Что это значит? и в чем помешать?

П р о л а з. Вы оба в конфузии… нет, нет, право, для меня это не противно… Я люблю проворных слуг. Он весь в меня… Пришел, увидел, победил. Не бойтесь, не смущайтесь… я вам позволяю, и ручаюсь, что и будущая жена моя на то согласна.

М е д о р (*ему на ухо*). Перестанешь ли ты врать, бездельник?

П р о л а з (*вслух*). К чему такая стыдливость, застенчивость? Я хочу быть вашим конфиданом.

П р е л е с т а (*с сердцем*). Я, государь мой, не заслуживаю такого унижения. Вы меня не знаете и, может быть, не можете вообразить, какую я имею душу.

П р о л а з. Какую имеешь душу… ну, ну кстати ли так подделываться под гордую... Какую имеет душу! вот прекрасно!.. душа Марфы!

М е д о р (*на ухо*). Если ты не удержишь своего языка, то я тебя тотчас в слугу превращу.

П р е л е с т а (*в сторону*). Досада, горесть рвут мое сердце, тем более, что оно виновато… (*К Пролазу*.) Вы, конечно, хотите увидеть мою барыню.

П р о л а з. А как же; или ты думаешь, что я попусту так щегольски нарядился? Поди мами! скажи ей, что я готов себя ей показать. Я надеюсь, что она этого нетерпеливо ожидает. Постой!.. скажи мне, служаночка, каков я тебе кажусь?

П р е л е с т а. Вы? мне?.. очень забавны кажетесь.

Явление 4

Медор и Пролаз.

М е д о р. Еще бы немного, я бы забылся и прибил бы тебя.

П р о л а з. Меня, сударь?.. не верю. Вы так кротки.

М е д о р. Да теперь ты меня вывел из терпения.

П р о л а з. Чем, сударь?

М е д о р. Твоею наглостью, твоим непочтением к этой прекрасной служанке.

П р о л а з. Что слышу я! она и вправду вас поддела?

М е д о р. Врешь, шалун.

П р о л а з. На что ж вы хотите, чтоб я ее почитал?

М е д о р (*в сторону*). Он меня приводит в замешательство… (*Вслух*.) Да разве ты не должен почитать ту, которая достойна почтения, хотя бы я и не был привязан.

П р о л а з. Вы забываетесь… я, представляя ваше лицо, не хотел уронить вас почтением к служанке.

М е д о р. Бездельник!.. да ты… ты меня бесишь!

П р о л а з. Когда вы сердитесь, я замолчу.

М е д о р. Нет, говори.

П р о л а з. Что прикажете?

М е д о р. Не думая того, что я в нее влюблен, скажи, не прелестна ли она?

П р о л а з. Согласен, сударь. Мне только мудрено, что вы говорите со мною о служанке, вместо того, чтоб, следуя вашему первому намерению, расспрашивать у меня о барыне.

М е д о р. Что мне о ней расспрашивать?

П р о л а з. Как что? о той, на которой вы женитесь?

М е д о р. Женюсь!.. мне и думать о ней гадко.

П р о л а з. Право?.. так вы мне оставляете свободное поле?

М е д о р. С радостью.

П р о л а з. Вы не шутите?

М е д о р. Нет.

П р о л а з. Итак, с позволения вашего, я могу пуссировать мой авантаж… Да что я говорю? вы, может быть, не дурно делаете, уступая мне мою добычу, которую моя ловкость уже поймала и в зубах держит. Верьте, если я кого пленю, та уже не может расплениться; и она, как муха, прильнув крылышками к патоке, тут и умереть должна.

М е д о р. Перед тобой.

П р о л а з. Ах! я такого, как вы, доброго господина не знаю… Вы делаете мою фортуну, да и какую фортуну! жените на дворянке прекрасной, богатой… (*Увидя входящую Марфу*.) Прочь отсюда, мой друг, прочь! умей жить на свете, и всегда оттуда выходи, где Амур соединяет двух. Поди; а чтоб тебе не скучно

было, вот тебе на гулянье... (*Ищет денег в карманах и не находит.*) Ну, сам ты виноват, ты позабыл положить мне в карман мой золотом набитый кошелек... однако все равно, ты можешь сам взять... поди, хоть горсть заграбь... ты знаешь, как я тебя люблю.

Явление 5

Марфа и Пролаз.

Пролаз. А, вот и вы, моя королева! нетерпеливость меня чуть-чуть не задавила, и я был здесь телом, а с вами душою: а желал бы и телом быть: это посолиднее.

Марфа. Я сомневаюсь, мосье! вы, кажется, притворяетесь нетерпеливым. Любовь наша еще не остепенилась и не может быть так сильна. Она лишь только родилась. Она еще анфан, и такой анфан, который чуть дышит.

Пролаз. Мервель де но жур! Вы ошибаетесь. Любовь моя не залежалась в колыбели. Первый ваш взгляд ее родил, другой укрепил, а от третьего она выросла с меня. И как вы мать ее, то ваша должность записать в службу этого недоросля, который так сильно меня беспокоит, прося со слезами работать на вас во всю жизнь свою.

Марфа. Ах, мон шер, как вы неотвязны! Если б вы не так умно говорили, я право бы рассердилась; но грас вашему разуму, вы все выпросить можете.

Пролаз. Сериеземан, запишите мою любовь хоть в рядовые; а там уж я ручаюсь, что вы скоро сами ее произведете... Апропо, вы что-то сказали о моем уме. Я вам признаюсь чистосердечно, у меня его так много, что желал бы удалить... Он мне уж в тягость.

Марфа. Да и нельзя не быть тому; вы так долго вояжировали.

Пролаз. Вояжировал, читал. И теперь хоть не вояжирую, но беспрестанно читаю.

Марфа. И это вашей тандрес ко мне не мешает? И вы можете иным заниматься кроме меня?

Пролаз. Не мог бы, когда б я не так был умен... но я умею, читая, вас любить, и вас любя, читать.

М а р ф а. Какие прекрасные экспресии!.. (*В сторону.*) Я не понимаю; но надобно, чтоб это было очень умно, потому, что он вояжировал и много читал.

П р о л а з (*в сторону*). Я сам не понимаю, что я сказал; однако никто не смеет не разуметь того, кто вояжировал… (*К Марфе.*) Чтобы доказать вам, какой я охотник до лектюр, то вот и книга со мной… (*Вынимает книгу из кармана.*)

М а р ф а (*в сторону*). Какое несчастие, что я читать не умею! я могу осрамиться.

П р о л а з. Это, мадам, преважная и преполезная книга.

М а р ф а. О чем она трактует, мосье?

П р о л а з (*раскрыв книгу и поднося к глазам Марфы*). Это вы, мадам, по ее титулу увидите.

М а р ф а. Извините, мосье, я и сама так много, так много употребляла лектюр, что глаза испортила. А чтобы совсем не ослепнуть, боюсь теперь и заглянуть в книгу. Это мне делает горрер.

П р о л а з. Вы правы: надобно беречь такие прекрасные глаза.

М а р ф а. Однако, вы удовольствуете мое любопытство и прочтете что-нибудь.

П р о л а з. Какая это чрезвычайная книга. Вы можете, мадам, и потому рассудить, что она, для отличия от прочих ученостей, напечатана не обыкновенными, а красными чернилами. Извольте слушать… (*Читает.*) Елеман де ла туалет, или систем де ла коафюрт. Вы, без сомнения, знаете, мадам, что такое систем?

М а р ф а. Это какой-нибудь чепчик, мосье.

П р о л а з. Браво, мадам! точно так.

М а р ф а. Куда как мне хочется сделать себе систем на голову!

П р о л а з. Багатель, мадам, багатель! то ли вы еще услышите… (*Продолжает читать.*) Коафюр для сокращения очень длинного лица. Убор на голову из блонд для узких лбов и долгих носов. Суплеман замысловатый для возвышения впалых щек. Корнет летучий, чтобы глаза выдавались вперед; дормез, чтобы поутру казаться умнее… Этого довольно… Вы видите ли, какое это сокровище? и могу ли я, упражняясь в таком чтении, не думать о вас?

М а р ф а. Я вам очень обязана. Надобно признаться, что одни только французы могут безобразие сделать прекрасным; и я не удивляюсь, что многие вояжеры так просвещены, а особливо вы.

П р о л а з. О! что касается до меня, то бель-летр мое дурачество.

М а р ф а. Я думаю, что вы и сами сочиняете.

П р о л а з. Ах, мадам, се мон фор! И если вам не противно, я спою вам шансон, что я, чесав волосы, сделал на вашу ко мне жестокость.

М а р ф а. О, мосье! песни моя глупость.

П р о л а з. Извольте ж слушать.

А р и я

Мое, ах! сердце, как сури,
Попавшись к вам в любезный каж,
Кричит: мадам не умори,
Амур меня приводит в раж.
По чести, право, же ме мер,
Так мучит, будто бадинаж.
Не надсади меня сверх мер,
Пусти меня ты в бель-этаж.

М а р ф а. Браво! прекрасно! как это и умно и страстно!

П р о л а з. Вы видите, мадам, чтоб сделать сносным наш русский жаргон, я эту песенку унизал французскими словами, как жемчугом.

М а р ф а. Вы это очень апропо сделали.

П р о л а з. Я боялся чистым руселейном разодрать мой рот и деликатес ваших прекрасных ушей повредить.

М а р ф а. Вы очень милостивы!

П р о л а з. Каково вам кажется это сравнение: сердце как сури? сердце как мышоночек маленький, крошечный.

М а р ф а. Это ужасть как нежно!

П р о л а з. А это: попалось в ваш любезный каж, в вашу клеточку! ась? не правда ли, что это замысловато?

М а р ф а. Нельзя больше.

П р о л а з. А это: амур приводит в раж и после же ме мер?

М а р ф а. Это ужасть как страстно!

П р о л а з. Потому, что это сердце говорило… А наконец: пусти меня ты в бель-этаж? Не правда ли, что в этой одной мысли есть тысяча мыслей?

М а р ф а. Какое тысяча, мне кажется, больше миллиона!.. мон кер! я от этого без ума.

П р о л а з. Я желал бы, чтоб эта была правда и чтобы вы, хотя без ума, сказали мне: же вуз-ем.

М а р ф а. Как вы галан, мусье! мне кажется, что я наконец от вас никак не отделаюсь... Вы не знаете, что стоит нашей сестре сказать же вуз-ем.

П р о л а з. Да позвольте мне хотя догадаться?

М а р ф а. Вы меня пусируете... Быть так! ну, ну догадывайтесь...

П р о л а з. Я догадываюсь, что я счастлив!.. о, идол моей души! загвоздка сердца моего!

Явление 6

Прелеста, Марфа и Пролаз.

П р е л е с т а (*Марфе*). Мне до вас крайняя нужда.

П р о л а з. Говори, мами, говори при мне. Теперь уж у нас с нею одинакие интересы, и я могу по хозяйству моей жене кое-что присоветовать.

П р е л е с т а. Вашей жене?.. да она еще не вышла за вас.

П р о л а з. Все равно, мы уж на слове положили.

М а р ф а. Да. Он меня к тому принудил... (*Тихо Прелесте*.) Согласитесь на мое счастие: вы видите, что он в меня смертельно влюблен.

П р е л е с т а (*Марфе на ухо*). Ты врешь!

М а р ф а (*тихо Прелесте*). Я ведь говорила, что будет вам досадно.

П р о л а з (*Прелесте*). Послушай, субреточка, ты не знаешь, как мне досаждаешь тем, что ты здесь... Ведаешь ли ты, что я уже на такой ноге с твоею госпожою, что и не спросясь ее могу тебя выслать.

П р е л е с т а. Потише, государь мой.

М а р ф а. Оставьте ее, мосье. Ей в самом деле есть нужда со мною поговорить. Оставьте нас на час, мон кер!

П р о л а з. Мон кер! это слово меня обезоружило. Я для вас вытерплю мучение, чтобы на минуту расстаться с вами. Однако, позволь, мадам, сказать, что вы слишком смирны, слишком ба-

луете вашу горничную... но багатель, — я это все переделаю, а между тем, чтоб нам от нее отвязаться, я пришлю к ней моего слугу... она тогда не будет так упряма.

Явление 7

Прелеста и Марфа.

Марфа. Что это? не приметил ли он чего-нибудь за вами с его слугою?

Прелеста. Какая дерзость! как ты смеешь и подумать о том! и какие признаки?

Марфа. Я о вас не говорю. Но этот слуга, кажется мне, великий волокита. Он так томен, так воздыхает, что в четвертой комнате слышно, и на вас смотрит, как будто наглядеться не может.

Прелеста. Какая мне до того нужда?

Марфа. Вам, конечно, нет... но он, будучи строен, статен, довольно пригож и не дурак, кажется, что слишком чувствует себя... Вы задумались.

Прелеста. Отчего?.. ты дура!

Марфа. А! а! я вижу, что вас мучит.

Прелеста. Что такое?

Марфа. Ну, ведь я вам говорила, что я опасна. Страсть барина его ко мне колет вам глаза. Я вас уверяю, что дело уже далеко. Хотя он узнает, что вы моя барыня, это ничего не поможет, и он все-таки на мне женится.

Прелеста. Что мне нужды до этого?

Марфа. Как? по чести, я вам этим не досаждаю?

Прелеста. Ни на волос.

Марфа. Удивительно мое счастие. Такой редкий человек не может вас тронуть.

Прелеста. Такой низкой души человек для тебя только и родился.

Марфа. Это зависть говорит, сударыня.

Прелеста. Перестанем об этом говорить. Я пришла тебе сказать нечто поважнее.

Марфа. Что такое, сударыня?

П р е л е с т а. Я намерена отсюда ехать.

М а р ф а. Что я слышу! вы меня зарезать хотите.

П р е л е с т а. Как бы то ни было, мне необходимо должно это сделать.

М а р ф а. Ах, сударыня!

П р е л е с т а. Поди, и собирайся в дорогу.

М а р ф а. Ах, сударыня! какой каприз!

П р е л е с т а. Делай, что я тебе велю.

М а р ф а. Ах! и так скоро!

П р е л е с т а. Я хочу через час уехать.

М а р ф а. Сжальтесь над моею страстью и, позволя мне выйти за Медора, хоть тем накажите его за то, что он в меня, а не в вас влюбился.

П р е л е с т а. Ты хочешь, чтобы я была обманщицею. Я уже устала от этой комедии. Поди, или я тебя здесь брошу.

Марфа

Ария

Погибаю,
Умираю,
Тошно мне...
В сей стране
Оставляю
Все, что есть...
К черту честь,
И дворянство,
Барство, чванство;
Будто сон
Миновались;
И остались
Грусти, стон.

Явление 8

П р е л е с т а (*одна*). Наконец я за разум взялась; и нельзя лучше вздумать, как уехать отсюда, чтобы спастись от этой проклятой любви. Образумясь собственными несчастиями моими от

заблуждений молодости, я теперь в раскаянии и сожалении, что принудила мужа, которого любила, в беспутстве сравняться со мною. Без него десять лет вела жизнь уединенную и беспорочную, которою едва могла загладить проступок одного мгновения души, более ветреной, нежели порочной. А теперь опять одно мгновение любопытства то все разрушает… (*Здесь выходит Медор, так что его Прелеста не примечает. Прелеста продолжает.*) Вот твердость человеков!.. однако хотя не в нашей воле состоит, чтоб не быть слабыми, но в нашей воле, противясь слабости, терзаться. Во что бы то ни было, не допущу себя до низости любить слугу… Не допущу себя любить? несчастная! в моей ли это власти?.. и более ли мы здравым рассудком, как сердцем, живем… Здравым рассудком?.. разве здравый рассудок противен натуре и запрещает любить того, кто любезен, кто прекраснее и благороднее этих одним только родом гордящихся дворян. Не все ли равно?.. лишь бы быть счастливою. Это рассуждение мне кажется очень справедливо… Справедливо?.. потому что льстит моей слабости… Легкая философия! чтобы все то, что утешает наши чувства, наклонять на свою сторону… Нет… нет! сильные предрассудки смешаны с необходимою должностью.

Дуэт

Хотя на век лишусь покоя,
Меня хоть грусти умертвят;
Но твердость я мою удвоя,
Лишусь постыдных мне отрад.

Медор
(*не быв примечен Прелестою*)

Таких речей не понимаю,
Мое в них счастье обретаю,
И то являл ее мне взгляд;
Любим, но ею тщетно таю.

Прелеста
(*не примечая Медора*)

На части сердце рви любовь!

Медор

(*не быв примечен Прелестою*)

Кипит, волнуется вся кровь!

Прелеста

(*не примечая Медора*)

Но я тебе не покорюся.

(*вместе*)

Медор	Прелеста
От гордости такой мятуся; Но гордость множит лишь любовь!	От гордости такой мятуся; И гордость множит лишь любовь!

Прелеста

(*не примечая Медора*)

Навек с сим городом прощуся,
От страсти грустной убегу.

Медор

(*не быв примечен Прелестою*)

Нет, с нею ввек не разлучуся,
Сего я сделать не могу.

(*вместе*)

Медор	Прелеста
Лишась ее, себя лишуся, Ты торжествуешь, о, любовь! Гася твой жар, я лишь крушуся.	Лишась его, себя лишуся; Навек погибни, о, любовь! Я горько от того крушуся.

Прелеста (*не примечая Медора*). Намерение взято. Я теперь же удалюсь от сего места, где я так долго спокойно жила; и где, наконец, мог смутить мое спокойствие слуга!.. о Небо!.. слуга!.. но за что ж я негодую на него? в чем он виноват? или в том, что так прелестен?.. что я ему так мила?.. Это моя вина, а не его... Я за то себя накажу вечным терзанием. Прости все, что здесь, — прости навеки...

(*Хочет идти.*)

М е д о р. Постойте!

П р е л е с т а. Ах, вы здесь!

М е д о р. Здесь; и с тем, чтобы вечно с вами не разлучаться. Нет, вы не уедете отсюда; я вас уверяю, не уедете без меня.

П р е л е с т а. Поэтому вы здесь подслушивали меня?

М е д о р. Все слышал, к счастию моему.

П р е л е с т а. Вы этим подали мне причину сердиться на вас и уменьшить мое почтение.

М е д о р. Сердитесь, уменьшите ваше почтение за то, что я... слыша, как вы боролись против моего блаженства, не хотел перервать тех, жизнию моею наполненных слов, которых бы я от вас никогда не услышал... Нет, вы не уедете отсюда.

П р е л е с т а. Но какое дерзновение, и кто вам дал такую власть надо мною?

М е д о р. Любовь нежнейшая, которая преодолела во мне предрассуждение; любовь, которая вас в слуге раздражала, и которую повергаю к твоим ногам, уверяя, что я не слуга.

П р е л е с т а. Кто же вы?..

Явление 9

Прелеста, Медор и Пролаз.

П р о л а з. Продолжайте, продолжайте! я умею на свете жить; и того не вижу, чего видеть не надобно.

М е д о р (*с сердцем*). Молчи! Я тебе запрещаю быть дерзким.

П р о л а з (*оторопев*). Очень хорошо... (*К Прелесте*.) Я... я с ним на дружеской ноге, и люблю его фамилиарите... Оно меня веселит... Я с вами бы поговорил, да некогда... Я ищу ту, которая вся вошла в мое сердце, и с руками и с ногами...

(*Уходит*.)

Явление 10

Медор и Прелеста.

Прелеста. Ваше признание, что вы не слуга, подтверждают ваши грозные и повелительные речи вашему барину, который это терпеливо снес… Кто же вы, скажите?

Медор. Я сам Медор; я господин того, который здесь в моем наряде и под моим именем гоняется за сердцем вашей барыни.

Прелеста. Что слышу!

Медор. Извините эту хитрость! она для того сделана, чтобы в другой раз в женитьбе не ошибиться мне, чтобы вызнать нрав вашей барыни. Но в этом нужды не было. Она столь откровенна, что с первого взгляда умела во мне произвести к себе отвращение; однако, эта хитрость доставила мне счастие более, нежели я чаял. Она открыла мне в низком состоянии сокровище, для которого я не смотрю на мой род… перед которым все низко, все мало.

Прелеста. Как! вы были женаты?.. (*В сторону.*) Сходство его… О, Небо!

Медор. Или то, что я был женат, вас смущает?.. Или вдовец не может быть вам приятен?

Прелеста. Ах! нет, сударь!.. (*В сторону.*) О, Небеса! не обманываете ли вы несчастную… но трепет сердца моего мне говорит… (*К Медору.*) где? в России ли, или в чужих краях вы в первый брак вступили? и давно ли?

Медор. Сии радостные для меня часы протекли. Ваше любопытство огорчает воспоминанием прошедшего.

Прелеста. Может быть, мое любопытство более достойно уважения, нежели вы думаете; удовольствуйте его, — я вас прошу.

Медор. Я повинуюсь… Женился я в России, и тому уже с лишком десять лет.

Прелеста (*в сторону*). То самое время!

Медор. Вы еще более смущаетесь.

Прелеста. Скажите, в котором месте и на ком?

Медор. Вы меня и самого этими вопросами смущаете… Я должен вам пересказать то, что составляло мое счастие… но… судьба того не хотела.

П р е л е с т а. Судьба, сударь?.. да в чем судьба виновата, когда мы не правы... Скажите мне, где вы женились... я этого требую!

М е д о р. В моем селе, называемом Избытково, которое теперь уже не мое.

П р е л е с т а. На ком и как ее звали?

М е д о р. Изабелла. Она от тетки...

П р е л е с т а. Довольно, сударь, все ясно!

М е д о р. Вы трепещете?.. бледнеете?..

П р е л е с т а. Эраст! почто вы Медором называетесь?

М е д о р. Что слышу? как вы это знаете?

П р е л е с т а (*бросясь в его объятия*). Или вы не узнаёте вашей Изабеллы? я не смею сказать вашей жены, которая принудила вас так жестоко с собою поступить, которая однако же, хотя была того достойна, но слишком наказана грызением совести и сожалением целых десяти лет... Или вы не узнаёте... не узнаёте ее, если она еще вам противна? Мне приятнее казаться вам Марфою любимою, нежели Изабеллою ненавистною.

М е д о р. О, Небо! толь чудным происшествием изумленный, не знаю верить ли тому, что я вижу? Так это ты, хотя смертельно меня раздражившая, но всегда любимая супруга! так это ты!.. какою завесою глаза мои были закрыты, что я не мог узнать того, о чем сердце мне так ясно говорило?.. Перемена имени, лица, нрава, состояние служанки, были мне препоною. Скажи мне: или твой муж, выключая, что нашел тебя, может еще умножить свое блаженство, исторгнув тебя из состояния, в которое тебя судьба унизила?

П р е л е с т а. Нет, любезный Эраст, нет, мое состояние очень хорошо. А что я представляю служанку, это также и с моей стороны хитрость. Небо внушило нам обоим одну мысль, чтобы нас соединить навеки, возвратя тебе меня, достойную тебя.

Явление 11

Прелеста, Медор, Пролаз и Марфа, в коротком платье.

П р о л а з (*Марфе*). Ма шер! вы очень любите наряжаться.

М а р ф а. Я безмерно люблю, мосье, дезабилье.

П р о л а з. Вы во всем прекрасны, и простота вас еще прелестнее делает. Я не люблю этих помпонов, этих панье, которые сердцу не дают близехонько гореть, и которые любовь аршина за два не допускают к красавице... Но скажите, когда же наша свадьба?.. еще несколько часов — и я весь истлею.

М а р ф а. Ах, мосье! вам надобно как-нибудь прохладить себя на время... Свадьбе так скоро быть нельзя... ко мне пишут из деревни... мне необходимо туда ехать должно.

П р о л а з. Что слышу, жестокая!.. уф! дух занимается!

М а р ф а (*Прелесте, тихо*). Вы видите ли, как вы немилосерды?

П р о л а з (*Марфе*). Вы меня, как кинжалом в бок.

М а р ф а. Что делать? необходимость злой судьбы... Я умираю!.. (*Упадает на стул.*)

П р о л а з (*к Медору*). Я не могу на ногах стоять. Слуга! поддержи меня.

М е д о р. Ну, полно, и сам устоишь. Когда ты так слаб бывал, Пролаз?

М а р ф а (*вдруг вскоча со стула*). Что слышу? Пролаз!

П р е л е с т а. Так это Пролаз, Марфа?

П р о л а з. Как? это Марфа?

М е д о р. Точно так. Комедия кончилась; подите переодевайтесь.

П р о л а з (*Марфе*). Мадам! знаешь ли, что за такие шутки у нас, во Франции, жизнью рискуют?

М а р ф а (*Пролазу*). Мосье! знаешь ли, что у нас, в России, за этакие плутни в рожу плюют?

П р е л е с т а. Вы оба равно друг перед другом виноваты. Перестаньте ссориться, будьте веселы в то время, когда я от радости вне себя, — нашла мужа.

М е д о р. И я мою любезную жену.

П р о л а з (*рассматривая Марфу*). Хотя есть некоторое сходство, но я верить не могу... О, страшное предчувствие (*К Марфе.*) Тошно мне... Мадам! уж не жена ли и ты моя?

М а р ф а. Вся кровь моя хладеет... (*К Пролазу.*) Мосье! уж не муж ли ты мой?

П р о л а з. Надобно этому быть... Я чувствую, что из сердца моего любовь выбирается помаленьку и уступает место ненависти.

П р е л е с т а (*Пролазу*). Не сомневайся: это твоя Афросинья.

Пролаз. Ох!

Медор (*Марфе*). А это Стреляй.

Марфа. Ай! сам черт тебя сюда принес.

Пролаз (*жалостным голосом*). Скажи мне, моя вселюбезнейшая супруга, для чего ты не изволила умереть?

Марфа. Умереть!.. Негодный пьяница, мот! для чего ты не повешен?.. я тебе глаза выцарапаю.

Пролаз. Тише, тише, мадам! так грубо с вояжиром поступать!.. о, сила, о, действие брака! как она мне противна!

Марфа. Я чувствовала к нему самую нежную любовь. Ах, что я делала!.. он мой муж?.. если ты хочешь быть спокоен, не подступай ко мне вечно.

Пролаз. В этом все мое желанье... (*К Медору.*) Отпустите меня, сударь, от себя. Я лучше по миру скитаться буду, умирать с голоду и с холоду, нежели жить в том месте, где она будет.

Медор. Нет, мы вас помирим.

Марфа. Как он гадок!

Пролаз. Как она мерзка!.. (*К Медору.*) Эх, сударь! что и вы делаете? разве вы забыли каштановые брови? я вижу на что вы надеетесь: на то, что и ваши покаштановели, — надолго ли это будет?

Медор. Молчи, шалун!

Прелеста (*Медору*). Не сердитесь на него. Он не досаждает мне, вспоминая мои дурачества, когда раскаяние их загладило, когда добродетель очистила мою любовь к вам. Тот один не любит, что ему напоминают его проступки, кто надеется еще проступиться.

Медор. О, супруга! достойная моего обожания. Если ты меня любишь равно, как я тебя, то ты никогда передо мною не была виновата.

Пролаз (*Марфе*). Слышишь ли, мадам! как честные люди поговаривают?

Медор. Ну, Афросиньюшка, помирись с ним.

Прелеста. Ты меня этим одолжишь.

Марфа. Разве для того, что он долго вояжировал: и то с тем, чтоб ему называться всегда Пролазом, а не Стреляем. Это имя мне гадко; я старинного ничего не люблю.

Пролаз. Согласен. А чтоб совсем из мысли истребить, что мы были когда-нибудь женаты, то я упрошу барина, чтоб он приказал всю свадебную церемонию, и со столом и с питием, сызнова отправить, чтоб можно было живо вообразить, будто я на тебе в первый раз женюсь.

Медор. С охотою.

Финал

Все вместе

Забудем все, забудем что прошло,
И счастием затмим минувше зло.

Медор
(*Прелесте*)

Любовь меня с тобой соединила;
А ветреность надолго разлучила.
С тобою я твоей цены не знал;
Лишась тебя, узнал; что я терял.

Все вместе

Забудем все, забудем что прошло,
И счастием затмим минувше зло.

Прелеста

Хоть ветреность меня и отвращала,
Но сердцем я с тобою пребывала.
Наполни ты мою блаженством грудь,
Мои вины навеки позабудь.

Все вместе

Забудем все, забудем что прошло,
И счастием затмим минувше зло.

Пролаз

Коль без жены по свету погуляешь,
И, возвратясь, ее ты не узнаешь;
Хотя от ней терпел и много зла,
Однако же покажется мила.

Все вместе

Забудем все, забудем что прошло,
И счастием затмим минувше зло.

Марфа

Когда от нас наш крылся муж лет десять,
Когда его, по счастью, не повесят,
Когда притом не так ревнив и лих,
Быть может он приятен, как жених.

Все вместе

Забудем все, забудем что прошло,
И счастием затмим минувше зло.

КОММЕНТАРИИ

Список сокращений

Глинка	— *Глинка С. Н.* Записки // Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания. М., 1996.
Гозенпуд	— Стихотворная комедия, комическая опера, водевиль XVIII — начала XIX вв.: В 2 т. / Сост. А. А. Гозенпуд. Т. 1. Л., 1990.
Драмматический словарь	— Драмматический словарь. СПб., 1881. (Воспроизведение издания 1787 г.).
ИРДТ	— История русского драматического театра: В 7 т. Т. 1. М., 1977.
Комментарий	— *Княжнин Я. Б.* Избранные произведения. Л., 1961. Коммент. Л. И. Кулаковой. С. 719–763.
Кулакова	— *Кулакова Л. И.* Жизнь и творчество Я. Б. Княжнина // Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Л., 1961. С. 5–58.
Ливанова	— *Ливанова Т. Н.* Русская музыкальная культура XVIII в. Т. 2. М., 1953.
Письма русских писателей	— Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980.
Рабинович	— *Рабинович А. С.* Русская опера до Глинки. М., 1943.
Российский феатр	— Российский феатр, или Полное собрание всех российских феатральных сочинений.

Собрание сочинений Я. Б. Княжнина в конце XVIII — первой половине XIX вв. выдержало четыре издания. Первое из них вышло при жизни писателя (СПб., 1787) в четырех томах и включало трагедии «Дидона», «Владимир и Ярополк», «Росслав», «Владисан», «Титово милосердие», комедии «Хвастун», «Неудачный примиритель», комические оперы «Несчастье от кареты», «Скупой», «Сбитенщик», «Притворно сумасшедшая», мелодраму «Орфей». Второе (М., 1802–1803) и третье (СПб., 1817–1818) пятитомные издания одинаковы по составу. Помимо перечисленных текстов они включают трагедию «Софонисба», комедии «Чудаки», «Траур» и комическую оперу «Мужья, женихи своих жен». Все названные произведения вошли в двухтомное собрание сочинений Княжнина, выпущенное А. Смирдиным (СПб., 1847–1848). Большинство пьес писателя было также опубликовано в периодическом издании «Российский феатр»: «Росслав» (Ч. 6. СПб., 1787); «Хвастун» (Ч. 10. СПб., 1787); «Несчастье от кареты» (Ч. 24. СПб., 1788); «Сбитенщик», «Скупой» (Ч. 30. СПб., 1789); «Дидона», «Титово милосердие», «Владисан» (Ч. 32. СПб., 1790); «Неудачный примиритель» (Ч. 33. СПб., 1790); «Софонисба», «Владимир и Ярополк» (Ч. 34. СПб., 1790); «Вадим Новгородский» (Ч. 39. СПб., 1793); «Чудаки» (Ч. 41. СПб., 1794). Все перечисленные издания некомментированные. В XX в. в серии «Библиотека поэта» вышло научное издание сочинений Княжнина, подготовленное Л. И. Кулаковой (*Княжнин Я. Б.* Избранные произведения. Л., 1961) и включающее трагедии «Дидона», «Ольга», «Росслав», «Вадим Новгородский», комедии «Хвастун», «Чудаки», комическую оперу «Несчастье от кареты», мелодраму «Орфей». Кроме того, пьесы «Росслав», «Вадим Новгородский», «Хвастун», «Несчастье от кареты», «Орфей» вошли в сборник, составленный А. П. Валагиным (*Княжнин Я. Б.* Избранное. М., 1991). Наличие пьес в перечисленных изданиях отмечается в тех случаях, если эта публикация была первой. Указываются также отдельные издания пьес и их публикации в антологиях текстов XVIII в.

Рукописи Княжнина до сих пор не обнаружены, поэтому в предлагаемом сборнике тексты, вошедшие в том «Избранные произведения» (Л., 1961), печатаются по этому изданию, как наиболее авторитетному. Все они сопоставлены со смирдинским изданием «Сочинений» Княжнина 1847–1848 гг., по которому печатаются пьесы, не выпускавшиеся «Библиотекой поэта». Незначительные разночтения не приводятся.

Орфография и пунктуация текстов приближена к современной. Исправлены окончания прилагательных, причастий и местоимений (*ого/его* вместо *аго/яго*; в ж. р. *ые/ие* вместо *ыя/ия*), кроме слов в рифменной позиции. Упорядочено написание глухих и звонких согласных (*рассуждать* вместо *разсуждать*; *просьба* вместо *прозьба*; *сегодня* вместо *севодни* и т. д.). Унифицировано написание союзов и союзных слов, наречий и частиц (*неужели* вместо *не уже ли*; *наверх* вместо *на верх*; *итак* вместо *и так* и т. д.). Сохранена лексика, характерная для языка XVIII в., отражающая особенности произношения, в том числе просторечная (*страм, коллегский, минавея* и т. д.). Пунктуация преимущественно воспроизведена по изданиям XVIII в., но в отдельных случаях в соответствии с интонацией расставлены вопросительные и восклицательные знаки, выделены запятыми причастные и деепричастные обороты и сняты лишние точки с запятыми.

Хвастун

Впервые: Российский Феатр. Ч. 10. СПб., 1786. Отд. изд.: СПб., 1786. Имеется во всех сборниках пьес Княжнина. См. также: Русская литература XVIII века / Сост. Г. П. Макогоненко. Л., 1970. С. 385–428; *Гозенпуд*. С. 324–440. (Серия «Библиотека поэта»). В начале XIX в. при постановках текст пьесы сокращался, устранялись некоторые реплики Честона, что связано как с цензурными вмешательствами, так и с требованиями большей сценичности. Новейшие издания вернулись к каноническому тексту.

Л. И. Кулакова датирует пьесу 1785 г. (Комментарий. С. 737); возможно, тогда же она и была поставлена в Петербурге (см.: ИРДТ. С. 470). Первая известная дата представления комедии в Москве — 16 апреля 1786 г. Уже через год «Драмматический словарь» свидетельствует о пьесе: «Много раз представляема была в Санкт-Петербурге и Москве. Комедия, нравящаяся публике и приносящая честь сочинителю» (Драмматический словарь. С. 151–152). «Хвастун» был одной из наиболее репертуарных русских комедий, чаще ставился в Москве, возможно потому, что изображал именно столичные нравы. С 1786 по 1792 гг. пьеса была сыграна на публичной сцене 4 раза в Петербурге и 17 раз в Москве. В 1794–1797 гг. в обеих столицах вместе — 8 раз, в 1799–1800 гг. — 10, в 1802–1803 — 8, в 1805–1808 — 9 и еще 3 раза в 1811 г. в Москве. После войны 1812 года интерес к комедии ослабевает, но она периодически появляется на сцене: в Петербурге (в 1816–1817 гг. — 4, в 1825–1827 гг. — 7 спектаклей) и в Москве (7 спектаклей с 1814 по 1827 гг.). В постановках «Хвастуна» на петербургской сцене участвовали многие видные актеры. В 1790 г. в спектакле были заняты П. А. Плавильщиков (Верхолет), С. Н. Сандунов (Полист), А. М. Крутицкий (Простодум), А. М. Михайлова (Чванкина), А. Прокофьев (Благочинный); 13 октября 1825 г. при возобновлении спектакля играли: И. И. Сосницкий (Верхолет, позднее — Полист), Е. Бобров (Простодум), Величкина-старшая (Чванкина), А. Рамазанов (Полист). Современники отмечали также исполнение роли Просто-

дума московским актером В. П. Померанцевым. «Хвастун» представлялся и любителями, в 1820-х гг. на вечере у А. Н. Оленина Простодума с успехом сыграл И. А. Крылов, а Верхолета — П. А. Катенин. Пьеса постоянно входила в репертуар крепостных трупп (например, А. Р. Воронцова) и рано появилась на провинциальной сцене. Уже в 1787 г. во время пребывания Екатерины II в Калуге в местном театре спешно поставили «Хвастуна» по просьбе императрицы, желавшей во время представления позабавиться над наместником М. Н. Кречетниковым (см. подробнее вступ. статью, с. XLIII). В конце XVIII в. комедия была поставлена также в Харькове (Вольный театр) и в Нижнем Новгороде (труппой Н. Г. Шаховского), в 1818–1821 гг. шла в Полтаве.

Источником для «Хвастуна» послужила комедия «Важная особа» О. Брюэса и Ж. Палапра (O. Brueys, J. Palaprat, «L'Important», 1703). Все действующие лица находят соответствия во французской пьесе: граф де Клинкан (Верхолет), г-н де Корнишон (Простодум), маркиза (Чванкина), Марианна (Милена), Дорант (Замир), г-н де Вьезанкур (Честон), Лабранш (Полист), Мартона (Марина), банкир и его приказчик объединены в одно лицо приказчика. Княжнин выбросил из пьесы роль Нинон, младшей дочери маркизы, пытавшейся разоблачить графа. Общая направленность интриги и композиция «Хвастуна» почерпнуты из комедии Брюэса. Однако лишь 19 явлений из 50 имеют отдельные текстуальные совпадения. Проблематика и сюжеты произведений заметно отличаются друг от друга, что приводит к несходству характеров. О существенных различиях, позволяющих считать комедию Княжнина вполне оригинальным произведением, см. во вступ. статье (с. XLVII–XLVIII); ниже отметим лишь расхождения с источником в тех сценах, где имеются текстуальные совпадения: д. I, явл. 1, 2, 9, 10; д. II, явл. 1–6, 9, 10; д. III, явл. 6; д. V, явл. 5–10.

Действующие лица

Полист — вероятно от *франц.* «poli» — «вежливый, учтивый, гладкий, лоснящийся». Возможна также ассоциация с русским словом «лист», так как у Брюэса Лабранш (*франц.* la branche) значит «ветка, сучок».

Простодум — в языке XVIII в. «простой» чаще, чем в современном, значило «глупый» (ср. Простаковы в «Недоросле» Д. И. Фонвизина), поэтому имя героя можно понять как «Тугодум», хотя допустима и трактовка «примитивно мыслящий».

Честон — возможно, отсылка к положительному внесценическому персонажу «Недоросля» Д. И. Фонвизина Честану, дяде Милона и другу Стародума.

Советник из наместничества — по губернской реформе 1775 г. были учреждены наместничества, объединявшие 2–3 губернии. В правление каждого наместничества, кроме генерал-губернатора (наместника), входило два советника. Таким образом, Честон — довольно влиятельное лицо.

Замир — имя героя — ироническая отсылка к трагедии Н. П. Николева «Сорена и Замир» (см. вступ. статью, с. XXV–XXVI).

Приказчик — служитель в лавке.

Благочинный — служитель Управы благочиния (полиции).

Гейдук (гайдук) — нарядный лакей, предназначенный для торжественных выездов.

Действие I

С. 5 *Уже давно отвык от русских я ухваток* — реплика Полиста свидетельствует о том, что в доме Верхолета все устроено на европейский лад, в частности, не практикуется распространенный в России XVIII в. обычай бить слуг (о слугах в комедиях Княжнина см. во вступ. ст.)

Потазать — побить в поучение, помучить в наказание.

Приосамиться — приосаниться, принять важный вид.

Явление 2. — В отличие от Полиста, герой комедии Брюэса Лабранш после упоминания о наследстве тетки рассказывает Корнишону всю правду и уговаривает его помочь племяннику в плутнях. Для того чтобы убедить Корнишона, что он действительно Лабранш, хитрый слуга сообщает ряд бытовых подробностей из собственной жизни и из жизни своего собеседника. Рассуждений об изменении внешности и о службе у Брюэса нет.

...тепла у этого нога — это состоятельный человек.

С. 6 *Бездельников всегда плутами называем* — в языке XVIII в. слово «бездельник» в первую очередь значило «плут», «мошенник», тот, кто совершает противозаконные, бесчестные поступки.

С. 7 *В наследство сто рублей* — для крестьянина очень крупная сумма, на которую можно было, например, купить экипаж, пустошь в Тверском или Ярославском наместничестве, проехать с комфортом от Петербурга до Москвы и т. д.

С. 9 *...ударов сто влеплю* — сто ударов, конечно, не тростью, а кнутом — распространенная в XVIII в. форма наказания беглых крестьян. Французский посол Л.-Ф. Сегюр приводит анекдот о том, как в те же годы невинный человек получил по приказанию весьма просвещенного графа по ошибке сто ударов, предназначенные беглому повару (Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 332–334). Несмотря на тяжесть этого наказания, оно представлялось умеренным. В дневнике одного помещика 1760-х гг. записано: «Впредь, ежели кто из людей наших высечется плетьми на дровнях, дано будет сто ударов... таковым более одной недели лежать не давать» (Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1989. С. 257).

С. 10 *От желтой, сударь, их причинныя муки* — по тогдашней моде, заимствованной из Франции, волосы и парики пудрили, причем пудра могла быть как белого, так и серого, желтого и даже розового оттенков.

С. 10 *...вышли мне ужасные крюки* — возникли ужасные сложности.

Штукарить — фокусничать.

...пудру в печке жарить — для придания пудре желтого цвета ее подвергали тепловой обработке.

Винновый туз — туз пик.

Врютиться — (перен.) впутаться, попасть в беду, дурное положение, долги и т. д.

Ужесть — ужас, слово из модного щегольского жаргона, употребляемое с усилительным значением, «очень». Подобное словоупотребление часто критиковалось в сатирических текстах XVIII в. Например, Н. П. Осипов в журнале «Что-нибудь от безделья на досуге» (1798. Вып. 26. С. 414) в «Лексиконе для щеголей и модников» пишет: «Ужасно. Старинное употребительное слово, которое по милости нынешнего остроумия введено для обозначения самых приятнейших предметов; как напр.: она ужасно прекрасна; он ужасно честен и проч.».

С. 11 *...честь рождает ум* — под честью здесь разумеется знатность, почет, то есть умным становится (считается) тот, кто знатен.

С. 12 *Какого ж, секретарь Полистушка, ты чина?* — в конце XVIII в. чины, в названии которых присутствует слово «секретарь», редко совмещались с собственно секретарской должностью, как первоначально полагалось по «Табели о рангах». Полист употребляет слово «секретарь» для обозначения своей должности при Верхолете, Простодум же полагает, что это чин в официальном учреждении, причем чин и должность он не различает, как видно из дальнейшего диалога.

Губернский секретарь — по «Табели о рангах» чин 12 класса (при низшем 14-м).

Коллегский (коллежский) секретарь — гражданский чин 9 класса.

Сенатских выше нет у нас секретарей — секретарь Сената — должность, для которой не было соименного чина, но занимали ее обычно чиновники 8–7 класса.

Вы скудны разумом, хоть хлебом там богаты — злободневный намек: в 1785–1786 гг., когда был написан и поставлен «Хвастун», был сильный неурожай, цена хлеба в Петербурге возросла до 4,5 руб. за четверть (209,91 л).

Недавно новые чинам здесь вышли штаты — штаты — утвержденные правительством и составлявшиеся для каждого учреждения списки чинов и должностей лиц, состоящих на государственной службе, с указанием их жалования и иных отпущенных казной на данное учреждение денежных сумм. В 1780-х гг. вышли новые штаты по Петербургской губернии, но за ними последовали аналогичные распоряжения по многим другим губерниям, поэтому речь, конечно, идет не об этом. Иных штатов в начале 1780-х гг. в столице не утверждалось, кроме штатов Управы Благочиния и городских амбаров, при-

чем последние пересматривались неоднократно. Зато в конце 1786 г., одновременно с первыми постановками пьесы, вышли штаты ряда столичных учреждений, в том числе придворной конторы, где были секретари 8 и 7 класса. Поэтому современники могли воспринимать реплику героя как злободневный намек.

С. 14 *Сертук* — сюртук (от *франц.* sur tout — везде), верхняя мужская одежда, впоследствии ставшая домашней, а затем повседневным дневным костюмом. В отличие от кафтана, сюртук шился из однотонной, чаще темной, ткани без каких-либо украшений.

С. 16 *...чин достать себе протоколиста* — так называемый внетабельный чин (ниже 14 класса, не включенный в «Табель о рангах») гражданских служащих, выполняющих механическую работу. Однако для портного это малодостижимые высоты: жалование протоколистов в конце XVIII в. — от 150 до 300 руб. в год, то есть выше жалования младших офицеров.

Так может и Полист уже давать чины / Да, мелкие одни во власть мне отданы — чины давало правительство, чиновник мог лишь ходатайствовать о производстве подчиненных в подведомственный ему чин или о назначении на нижестоящую должность. Секретарь вельможи Полист мог испрашивать только внетабельные чины.

С. 17 *Кого поищет Бог...* — оборванная пословица: кого поищет Бог (то есть наградит своей милостью), тому все удается.

...я граф — с XVIII в. неродовитые русские дворяне, как знак особенной милости, получали титул графов Российской или Священной Римской империи, а княжеское достоинство за редчайшими исключениями передавалось лишь по роду. К графам относились как к «новой» знати, второсортной по родовитости по сравнению с князьями, но часто более могущественной при дворе.

С. 18 *...штабского чинишка мне добиться* — штабскими назывались чины 8, 7 и 6 класса, низший штабский чин давал потомственное дворянство.

С. 19 *Асессор (коллежский)* — гражданский чин 8 класса.

Сенатор — должность члена Правительствующего Сената, высшего законодательного органа власти, мог занимать лишь чиновник 3–2 класса.

Втюрить — (перен.) втянуть, втравить, ввести в беду, убыток.

Канцлер — высший гражданский чин, который мог занимать лишь один человек, обычно исполнявший дипломатическую должность. Жалованье канцлера составляло 7 тыс. руб. в год и 12 тыс. руб. кормовых.

С. 20 *...в год дохода ... до тридцати; прежний управитель ... обокрал ... на пятнадцать тысяч* — 30 тыс. в качестве дохода с имения — огромная сумма, она равняется половине от сбора подушной подати в казну с Петербургской губернии в 1786 г. Впрочем, ничего нереального в рассказе Верхолета нет, если предположить, что он попал «в случай»:

годовой доход графа П. И. Шувалова в середине XVIII в. составлял 200 тыс. руб., фаворита Екатерины II С. Г. Зорича в 1780-х гг. — 100 тыс. руб., в конце XVIII в. 6 тыс. крестьян князя Волконского платили 30 тыс. руб. оброка.

С. 21 *А вы не приказали высечь / Или бездельника на каторгу сослать* — указом от 11 января 1765 г. правительство разрешало помещикам ссылать провинившихся крепостных в каторжную работу.

...стал в пень — остолбенел, неожиданно встал в тупик; часто используемая Княжниным поговорка.

...неисправен — должник, который не может вернуть долга.

...забавен — (перен.) странен.

С. 22 *Три тысячи скопил... и т. д.* — очень большая сумма, которую, как справедливо замечает Простодум, помещику средней руки нельзя скопить продажей хлеба и скота: до неурожая 1785 г. четверть хлеба стоила около 2 руб., в провинции овцы от 2 руб., коровы — от 5 руб. 3 тыс. составлял годовой пенсион Д. И. Фонвизина, вышедшего в отставку в чине статского советника (5 класс) и десятилетнее жалование Княжнина, получавшего в год 300 руб.

...кстати в рекруты торгуючи людьми — Простодум нарушает закон, так как рекрутская повинность была обязательной, брать деньги за излишек рекрутов помещикам запрещалось, и он учитывался в счет следующего набора. Указ 1766 г. также запрещал продажу крестьян за три месяца до начала набора, так как помещики и вольные общины, не желая отдавать в солдаты своих крестьян, выставляли чужих, и продажа крестьян в рекруты составляла важную часть помещичьего дохода. Рассуждая об этом в «Путешествии из Москвы в Петербург» А. С. Пушкин цитирует реплику Простодума. Неточно цитирует как поговорку эту фразу в своих записках С. Н. Глинка, приводя известные ему реальные примеры подобных случаев. См. также примеч. к «Несчастью от кареты» (с. 551–552).

Сиятельный — к графу обращались «ваше сиятельство».

...рок наш очень крут — наши обстоятельства очень тяжелы.

С. 23 *...душ две тысячи* — дворяне, имевшие более 500 душ считались крупнопоместными. Екатерина II пожаловала своему фавориту А. М. Дмитриеву-Мамонову при его женитьбе на княгине Д. Ф. Щербатовой 2250 душ, и это считалось щедрым подарком. Однако по меркам XVIII в. состояние Чванкиной не исключительное: с одной стороны, она богаче, например, Д. И. Фонвизина, имевшего более тысячи душ, но не может и равняться со многими вельможами, распоряжавшимися десятками, а то и сотнями тысяч крепостных. Княжнин в конце 1770-х гг. имел около 300 душ.

С. 24 *...превратила нас из черепах в орлов* — имеется в виду сюжет басни Эзопа «Орел и Черепаха», согласно которому Черепаха захотела летать и попросила Орла помочь ей в этом. В данном случае сравне-

ние содержит в себе скрытую иронию, так как в басне Орел бросил Черепаху и она разбилась.

С. 24 *Я еду гейдуков, лакеев нанимать* — у влиятельнейших вельмож XVIII в. было множество дворни: например, граф К. Г. Разумовский, под чьим началом Княжнин состоял в юности, имел, выйдя в отставку, в своем распоряжении, 261 штатного слугу. Если бы Верхолет не окружил себя пышной свитой, в его знатность никто бы не поверил.

С. 25 *...пыхи... вельможески* — «пыхать» (перен.) — чваниться, жить роскошно.

С. 26 *Иной бы, кто себя, как куколку, ведет...* — т. е. одевается по моде и умеет вести себя в обществе. Для литературы XVIII в., особенно сатирической, характерно сопоставление щеголя с куклой.

Явление 9. — У Брюэса Лабранш называет Корнишона своим дядей без его согласия и без предварительной договоренности, говоря, что так нужно для пользы Клинкана. Мартона сразу же узнает о наследстве, которое получил Лабранш.

С. 29 *Вздыхательной любви не сильный я работник* — в соответствии с традициями сентиментальной литературы влюбленному полагалось вздыхать и томиться, не решаясь признаться в своем чувстве. Полист же ведет себя как деловой и предприимчивый человек.

С. 30 *Правдуха человек* — искренний и всегда стоящий за правду.

Проворить — здесь: стараться, отчасти — плутовать.

Действие II

С. 31 *Явление 1.* — В комедии Брюэса маркиза сначала хотела выдать свою дочь за Клеона, но потом помолвила ее с Дорантом, теперь же мечтает о ее браке с графом Клинканом, однако до конца пьесы так и не решается ни на что окончательно. В отличие от Чванкиной, это дама знатная и титулованная. У Брюэса нет сцены туалета пожилой модницы, а Клинкан с самого начала действия представляется графом, поэтому известия о пожаловании ему титула нет.

С. 32 *Случайный человек* — в XVIII в. слово «случай» часто означало «удача», следовательно «попасть в случай» — «испытать милость судьбы», а чаще — более конкретно: «попасть в милость при дворе», «случайный человек» — влиятельная особа, пользующаяся расположением и покровительством власть имущих. Подробнее см. вступ. статью.

С. 35 *Явление 2.* — Близкая по содержанию сцена помещается в конце комедии Брюэса (д. V, явл. 3).

С. 36 *...должен завсегда чин чина почитать* — широко распространенная в XVIII в. формулировка основной идеи «Табели о рангах» (1722), введя которую, Петр I установил жесткие иерархические отношения между всеми лицами, находящимися или состоявшими прежде на государственной службе, а также членами их семейств. Встречается в большинстве сборников пословиц XVIII в.

С. 36 *Чтоб не подвергнуться законов строгих штрафу, / Так должен уступить дворянчик место графу* — по законам XVIII в. лицо, не соблюдавшее чиновную иерархию, платило штраф в размере двух месячных окладов своего чина. Однако нетитулованный дворянин и граф не чины, и наказания за неуважение титула законами не предусматривалось, поскольку еще Петр I упразднил местничество (раздачу чинов по родовитости). Княжнин здесь демонстрирует не только невежество Чванкиной и ее преклонение перед знатностью, но и опасения просвещенных людей, вызванные разделением дворянства на классы в «Жалованной грамоте дворянству» 1785 г., которая грозила возобновлением местничества. Реальных последствий это разделение, однако, почти не имело, за исключением того, что в привилегированные закрытые учебные заведения принимались лишь дети титулованных или столбовых дворян.

Пусть жертвы свет несет случайности его — пусть свет приносит жертвы его «случайности» (см. примеч. на с. 516).

С. 37 *Тот вечно не вздыхает / И весел завсегда, кто в книги не глядел* — ср. реплику Фамусова в «Горе от ума» А. С. Грибоедова: «Ей сна нет от французских книг, / А мне от русских больно спится» (д. I, явл. 2).

Явление 3. — Некоторые реплики, близкие к содержащимся в этом явлении, встречаются в разных местах комедии Брюэса.

...о всячине — о разных вещах.

С. 38 *...по комнате* — в покоях царицы.

С. 39 *Явление 4.* — В комедии Брюэса явл. 4–5 соответствует одна сцена (д. II, явл. 2). Во французском источнике отсутствует чтение прошений и упоминание о письмах к королям. Для того, чтобы уверить маркизу в своей влиятельности при дворе, граф показывает ей некие документы, заверенные нотариусом, но на самом деле подложные, о благополучном решении какой-то тяжбы, которую ведет маркиза. Клинкан обещает также устроить ее детей в привилегированные учебные заведения и на службу. Приказчик банкира, который приходит во время разговора Клинкана с маркизой, в отличие от приказчика в комедии Княжнина, не должен маркизе.

С. 40 *«Я разными стихами... и т. д.»* — А. А. Гозенпуд полагает, что подразумевается Н. П. Николев (*Гозенпуд*. С. 681), но это представляется сомнительным, несмотря на враждебные отношения драматургов: Николев был в 1785 г. еще молод (27 лет) и не мог при всей своей амбициозности претендовать на старшинство в русской поэзии. Вероятнее видеть здесь намек на В. П. Петрова или даже на М. М. Хераскова.

Парнас — в греческой мифологии священная гора бога Аполлона, куда собирались его любимцы, великие поэты.

С. 40 *«Из стран далеких света... и т. д.»* — в русских комедиях XVIII в. часто высмеиваются иностранцы, мечтавшие осуществить в России свои утопические проекты за счет правительства. Екатерина II, очень не любившая таких прожектеров, вывела одного из них, известного писателя Мерсье де ла Ривьера, в своих пьесах «Именины госпожи Ворчалкиной» и «Передняя знатного боярина» (обе — 1772). Хотя «Хвастун» написан значительно позднее, быть может, здесь высмеяно то же лицо. Воспоминания Л.-Ф. Сегюра показывают, что императрица с удовольствием вспоминала о Мерсье де ла Ривьере и в конце 1780-х гг.

С. 41 *Осетить* — пленить.

Пред знатностью его все червь и паутина — возможно, иронически перевернутая цитата из Нагорной проповеди Христа (Мф. 6, 19): «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут».

С. 44 *Страм* (разг., устар.) — срам, позор.

...слышим-ста — частица *-ста* служила в литературе XVIII в. показателем простонародной, диалектной речи.

С. 46 *Выфантьичем* — отчество с окончанием на *-вич* в XVIII в. присваивалось почти исключительно дворянам, а купцам лишь в случае особенного богатства или почета. Быть может, речь идет о богатом иностранном купце и его отчество — искаженное простонародное образование от имени Бонифаций.

Очення (простонар.) — очень.

С. 48 *Не скоро, да здорово* — ср. с репликой Фамусова в «Горе от ума» А. С. Грибоедова о екатерининском вельможе Максиме Петровиче, который падал, чтобы рассмешить царицу, и тем добился чинов: «Упал он больно, встал здорово» (д. II, явл. 2).

С. 49 *Торжок* — уездный город Тверской губернии.

Тверь — губернский город, довольно большой по меркам XVIII в. (по переписи 1783 г. — 15095 человек). Оба города находятся на почтовом тракте между Петербургом и Москвой, поэтому странно, что живущая в дальней губернии Чванкина часто в них бывала.

Москва — территория Москвы составляла в те времена более 8700 га, поэтому Верхолет побоялся сравнивать с ней свое село. Впрочем, при всей фантастичности, рассказ героя Княжнина не идет в сравнение с реальностью XVIII в.: граф Н. П. Шереметев владел 800 тыс. га земли и 200 тыс. душ, А. А. Безбородко — 40 тыс. душ, своему фавориту С. Г. Зоричу Екатерина II пожаловала в потомственное владение два местечка в 4 и 6 тысяч душ (население Москвы в середине XVIII в. дошло до 250 тыс. чел.).

С. 50 *...госпожой моих ста душ* — осторожный Полист называет эту цифру намеренно: помещики, владевшие ста душами считались уже среднепоместными. Таким образом, Полист одновременно пре-

подносит себя не самым бедным помещиком и не пускается в фантастические преувеличения. Для служанки Марины это партия блестящая.

С. 50 *...я покорный...* — фраза не закончена: я покорный слуга ваш.

С. 51 *Как видно, что с пути ее романы сбили / Романы!.. Я ее поотучу от них! / Романы!.. Слушаться таких людей дурных!* — Чванкина принимает слово «роман» за имя, не зная о соответствующем литературном жанре. Возможно, подобные случаи в XVIII в. были нередки. Так, А. Е. Лабзина вспоминала о своей молодости в доме поэта Хераскова: «К счастью, я еще не имела случая читать романов, да и не слыхала имени сего. Случилось, раз начали говорить о вышедших вновь книгах и помянули роман, и я уж несколько раз слышала. Наконец, спросила у Елизаветы Васильевны, о каком она все говорит Романе, а я его у них никогда не вижу. Тут мне уж было сказано, что не о человеке говорили, а о книгах, которые так называются: "но тебе их читать рано и нехорошо"» (*Лабзина А. Е.* Воспоминания. СПб., 1914. С. 47). Здесь видно и нравственное предубеждение против романов как школы порока, которое Княжнин, в отличие от своего учителя Сумарокова и его литературного окружения, не разделял и даже перевел французский роман «Несчастные любовники».

С. 52 *Явление 8.* — Реплики, близкие к имеющимся в явл. 8–9, в комедии Брюэса встречаются в явл. 6–8 последнего действия.

Пять тысяч ей рублев приданым обещаю — для горничной огромные деньги. Если бы Полист и Марина получили вольную, то они могли бы с таким капиталом записаться в купцы второй гильдии. В «Недоросле» Д. И. Фонвизина Софья, наследница десяти тысяч, кажется провинциальным помещикам завидной невестой.

С. 55 *Фортуну только раз поймать бы за тупей* — забавное для человека XVIII в. смешение возвышенного и бытового. *Фортуна* — в римской мифологии богиня удачи, у которой не было волос на затылке, чтобы ее нельзя было ухватить сзади. Ср. двустишие Дионисия Катона (III–IV вв.): «Случай лови за чуб: лишь спереди он лохматый, / Сзади же лыс совершенно. Упустишь — вовек не поймаешь». *Тупей* — (от *франц.* toupet) — начес над лбом, модный элемент прически во 2-й пол. XVIII в.

Явление 11. — В комедии Брюэса влюбленных ссорит не переодевание служанки, а письмо с отказом, которое Марианна написала своему прежнему жениху Клеону, а Мартона вручила Доранту.

...дав ему я вид измены — в его присутствии сделав вид, что я (то есть мнимая Милена) изменяю ему.

Длинный хвост — вероятно имеется в виду шлейф платья.

С. 58 *Милена, делаюсь тобою я глупцом* — ты меня делаешь глупцом.

Действие III

С. 63 *Наставлен понимать всю должности подробность...* — то есть получив обязательное для дворянина воспитание: осознав гражданский долг (служение отечеству) и приобретя специальные знания, необходимые для квалифицированного исполнения долга.

Носить ничем еще не заслуженный чин — Замир видимо с малолетства числился на службе и еще личными заслугами не подтвердил прав на свой хотя небольшой, но все же офицерский чин. Хотя записывать детей в полк закон запрещал, Честон поступил с сыном как большинство дворян его эпохи, но, будучи человеком порядочным, требует теперь от Замира ревностной службы. Аналогичную ситуацию позднее описал А. С. Пушкин в «Капитанской дочке», снабдив соответствующую главу эпиграфом из «Хвастуна». Сам Княжнин также записал сыновей Александра и Бориса на военную службу очень рано, старший из них именно в 1785 г. приступил к реальному исполнению своих служебных обязанностей. В диалогах Честона и Замира возможно имеются автобиографические аллюзии.

Титло — титул, звание, здесь: принадлежность к дворянству.

...род — мечта... — то есть: родовитость — выдумка, призрак.

...прямую честь. Но в чем она?.. — в XVIII в. в образованном кругу понятие «честь» все больше начинает осмысляться как отличие не столько родовое или сословное (хотя престиж дворянской чести сохраняется), сколько индивидуальное, заслуженное человеком, выполняющим свой долг подданного, христианина, представителя своего класса, человека (в понимании философов-просветителей). Подробнее о многообразии значений слова «честь» в конце XVIII в. см.: *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. М., 1999. С. 180–183, 275–276.

...число поручиков прибавлю — военный чин 11 класса имели многие молодые офицеры.

Когда б хоть ротою я мог повелевать — ротами командовали капитаны и ротмистры (чины 9 класса).

Чтобы нам с честию во власти показаться, / Так надо наперед уметь повиноваться — высказывания, напоминающие реплику Честона, часто встречаются в письмах образованных дворян конца XVIII в. Так, известный историк князь М. М. Щербатов писал в 1781 г. сыну: «...Хотя ты еще и в нижнем чине офицерства, презирать свою должность не должно, ибо кто в маленьком чину обленчив и нерачив, в том и в большом чину пути не будет» (Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981. С. 61).

С. 65 *На свадьбе выступлю с тобою минавею. / С тобою польш...* — менуэт и полонез — медленные парные танцы, обязательные на всяком бале XVIII в. В менуэте (от *франц.* menu — мелкий) кавалер и дама, при-

держивающая края соей юбки, движутся параллельно, короткими шагами, приседая и подпрыгивая, поэтому Чванкина хочет танцевать его с молодым Замиром. Более спокойный и торжественный полонез (польский танец) — проход через залу (или даже несколько зал), при котором кавалер под музыку плавно ведет даму за руку, иногда делая pointe, т. е. вставая на носки. Такой танец можно танцевать и с пожилым Честоном. Полонезом обычно открывали балы и в этой ситуации Чванкиной приличнее идти с Честоном.

С. 66 *Пощунять* — построже поучить уму-разуму.

...можете себя вы графом позабавить — то есть можете получить удовольствие от графского общества.

Явление 6. — В комедии Брюэса этот эпизод разбит на два явления (д. III, явл. 3, 4). Сначала Клинкан разговаривает с Вьезанкуром, не зная, кто он, и рассказывает о том, как он облагодетельствовал Вьезанкура, затем повторяет то же самое при маркизе. Комический портрет Вьезанкура у Брюэса отсутствует.

С. 69 *То был бы гвардии он завтра капитан / Того не надобно, пусть в армии послужит / Изрядно сказано; пускай его потужит…* — Верхолет угадывает мечты Замира (см. явл. 3). Гвардия — привилегированная часть войск, гвардейские офицеры считались на два чина выше армейских. Капитан гвардии (9 класс) получал чин полковника (6 класс) при переходе в армию и бригадирский или статского советника (5 класс) при выходе в отставку или переходе в статскую службу (*Тучков С. А.* Записки // Золотой век Екатерины Великой. Воспоминания. М., 1996. С. 185). Существенно было и различие в жаловании: у армейского поручика — 150–250 руб. в год, у армейского подполковника — около 500 руб., у капитана гвардии — 600–700 руб. Приведенные строки Княжнина А. С. Пушкин взял эпиграфом к главе I повести «Капитанская дочка».

С. 70 *И в городе у нас коллежский он советник* — имеется в виду не чин 6 класса, а должность Честона (см. примеч. на с. 511).

С. 72 *...чрез подлости достоинств не ловитель* — не охотится подло за выгодами.

...барин — честь его, а служба — покровитель... — его барином является честь, а покровителем — служба.

Лицо широкое его, как уложенье, / Одето в красненький сафьянный переплет — «Уложение» (свод законов Российской империи) — огромные толстые тома, переплетенные в красный сафьян. Эти строки в слегка измененном виде А. С. Пушкин приводит как пословицу в повести «Гробовщик» для описания портрета одного из персонажей, а князь П. А. Вяземский цитирует их в своих записных книжках для характеристики внешности сенатора И. В. Лопухина.

...лгать... врать — в XVIII в. слово «врать» чаще использовалось не как синоним слова «лгать», а в значениях «говорить глупости, бес-

смыслицу, вздор», «заговариваться», «говорить лишнее». В таком смысле чаще всего оно используется и Княжниным.

С. 74 *Так что ж, что ты Честон, хоть знаю, да не верю* — эту строку как пословицу цитирует А. С. Пушкин в неоконченной статье «Опровержение на критики» (1830).

С. 75 *Убила ты бобра* — полностью пословица звучит так: «Убил бобра, а не нашел добра».

С. 76 *Ужом и жабой лезть* — приспосабливаться.

Купец-провал — проклятый, окаянный.

С. 79 *...меня, равно как скот мой, жмут* — притесняют и меня, и мой скот.

Проворства — здесь: способности навредить, сплутовать.

И как на собственных, на их косить лугах — незаконный захват крупными помещиками земель своих соседей — частое явление в конце XVIII в. В сатирическом «Отрывке толкового словаря» Княжнин писал: «Циркуль — верный инструмент для землемера, как на десятинах бедного помещика расположить богатого». Подобный мотив обыгрывается при изображении быта тех лет в комедии В. В. Капниста «Ябеда» (д. I, явл. 6), а потом в романе А. С. Пушкина «Дубровский».

С. 80 *...богат, как Соломон* — согласно Библии, царь Соломон получил в дар от Бога мудрость, долголетие и несметные богатства, которым удивлялись самые богатые правители Вселенной.

С. 81 *Надо кровь тебе с племянником пустить* — кровопускание (выведение из организма «дурной» крови) считалось в XVIII в. одним из универсальных средств лечения, особенно при лихорадке, бреде, помешательстве. Ироническое обыгрывание кровопускания для указания на безумие героев встречается в комедиях. У А. П. Сумарокова в «Опекуне» (1768): «Чужехват. ...Нисаньке надо кровь пустить... она в жестокой горячке и бредит, и в уме совсем повредилася... я хочу на ней жениться, а она за меня нейдет. — Валерий (*особливо*). Кровь-то пустить надобно ему, а не ей» (явл. 10).

Действие IV

С. 82 *К вечерне... повенчаться* — венчание после вечерни — ситуация странная и маловероятная: если к службе звонили около 6 часов вечера, то венчание началось бы не раньше чем в девятом часу, чрезвычайно поздно. Быть может, нарушение реального правдоподобия необходимо Княжнину для сохранения сценической достоверности протекания действия в течение одного дня, как того требовал соблюдавшийся в XVIII в. закон единства времени.

С. 91 *Ты был ли на войне... Слыхал ли обо мне, / Какие чудеса в последнюю я строил?* — последняя по времени военная кампания до начала действия пьесы — покорение Крыма и Кубани (1783), однако она не была кровопролитной, до этого была война с Турцией 1768–1774 гг.

А. А. Гозенпуд полагает, что в ней Верхолет не мог участвовать, ибо был ребенком (*Гозенпуд.* С. 681), но ведь Верхолет не видался с дядей 10 лет, то есть с середины 1770-х гг., и не сказано, что он был тогда ребенком. Герою может быть во время действия пьесы лет 30, наиболее удобное время для женитьбы, по представлениям XVIII в. Не случайно, Замир не был смущен упоминанием о последней войне.

С. 92 *Очаков. — Быть нельзя. — Очаков иль Бендеры...* — черноморский порт Очаков был захвачен в 1737 г. (до рождения Верхолета), но потом вновь отошел к Турции и во время войны 1768–1774 гг. не был взят. Поэтому Верхолет поправляется: крепость Бендеры в Бессарабии взята 16 сентября 1770 г.

Я граф, сударь, я граф, мне низко с вами драться — хотя кодекс дворянской чести предписывал драться на дуэли независимо от чина и титула всем дворянам, на практике это правило часто нарушалось. Например, фаворит Екатерины II, князь Г. А. Потемкин, был известен тем, что часто отказывался от дуэли, мотивируя это своей знатностью и высокопоставленностью. Поэтому Верхолет в данном случае ведет себя именно как вельможа «в случае», фаворит (подробнее о дуэлях в литературе XVIII в., в том числе в произведениях Княжнина, см.: *Рейфман И.* Ритуализованная агрессия. Дуэль в русской культуре и литературе. М., 2002. С. 137–154)

Действие V

С. 105 *Епанча* — плащ.

Встрел (простореч.) — встретил.

Бесчинно — здесь каламбурное употребление слова: непочтительно (не уважая чин) и буйно, агрессивно одновременно. Остроту иронии придает то, что бес-чинно смотрит благо-чинный (полицейский).

...дядя наш уж чист — то есть у дяди больше нет денег.

С. 106 *Или вертливости не знаешь колеса, / На коем счастие слепое здесь кружится? ... Фортуна — женщина, так любит перемену* — Фортуну (см. примеч. на с. 519) изображали с повязкой на глазах и стоящей на кружащемся колесе, что обозначало беспричинность и переменчивость удачи. В стихотворении А. А. Ржевского «Фортуна» повествуется о том, как Фортуна вышла замуж за Рок, но изменяла ему, за что он ее ослепил.

...ты прост по этой смете — то есть в этом отношении твое положение надежно.

С. 108 *Агент* — крупный дипломатический служащий, обладающий полномочиями от пославшей его державы.

Резидент — дипломатический служащий, постоянно проживающий в чужом государстве.

С. 109 *Никак уже отсель дорога вам запала?* — Или вы не можете отсюда идти?
...моя карета не бывала — то есть еще не подана.
Да время хорошо... — (калька с *франц.*: il fait beau temps) — погода хороша.

С. 110 *Гербовник* — собрание гербов, первый том подобного издания был выпущен в России позднее, уже при Павле I (1798 г.). В данном случае, видимо, имеется в виду необходимый для доказательства знатности происхождения подбор родословных грамот и гербов предков.
...я не люблю гербов. / Во знаках лошадей, подков, медведей, сов — герб служил зримым свидетельством знатности, он выдавался дворянам специальным правительственным учреждением — Герольдией. Многие купцы и простолюдины стремились получить герб, чтобы приобрести внешнюю представительность; напротив, сторонники просветительской философии видели в почитании родовых гербов предрассудок, поскольку истинное благородство заключается не в символах, а в реальных заслугах. Полист своей репликой ханжески претендует на прогрессивный либерализм и бескорыстие в духе философии Честона и Замира.

С. 112 *Делает содомы* — от названия библейского города Содом, который был уничтожен небесным огнем за распутство и бесчинство жителей (Быт. 19); здесь: устраивает шум, бесчинство и скандал.

С. 113 *Явление 5.* — В финале комедии Брюэса не участвует полицейский, Клинкан не попадает под суд. Вьезанкур показывает маркизе официальное правительственное решение о том, что ее тяжба, о которой хлопотал граф, проиграна; приходит банкир, задолжавший маркизе, и предлагает в оплату долга векселя парижан, которыми ему заплатили его должники: больше всего оказалось векселей Клинкана. Корнишон тоже не желает потакать плутовству племянника и открывает правду. Клинкан и Лабранш уходят, а Марианна выходит за Доранта.
...терпеть умору — терпеть неудобства, связанные с убытками.
Ты сущий атеист... — в данном случае не в прямом значении, а как распространенное в XVIII в. ругательство. Атеистами («безбожниками») называли сторонников разных философских течений, отклонявшихся от официальной религии, отношение к которым у носителей традиционного сознания, особенно невежественных как Простодум, было резко отрицательным.

С. 117 *Запасец припустил у ваших я ворот* — весь свой запас я отдал вам.

С. 119 *...где короли владеют вдруг четыре* — карточные короли.
Однако же он блажь — о взбалмошном человеке, которому приходит в голову блажь.

С. 120 *Скло* (простореч.) — стекло.

С. 123 *Полушка* — медная монета в четверть копейки.

С. 124 *Слышишь ли, мой граф, какой в нем толк?* — Слышишь ли, о чем он толкует?

С. 125 *Дом смирения* — дом заключения, в который помещались нарушители общественного порядка.

...как без шапки — источник поговорки состоит в том, что появляться в публичном месте с непокрытой головой считалось неприличным.

Съел я гриб! — попал в пренеприятное положение.

Стеклянный дворянин — мнимый дворянин. Выражение, заимствованное из комедии Брюэса.

Неудачный примиритель, или Без обеду домой поеду

Впервые: Собр. соч. Т. 3. СПб., 1787. Точное время создания неизвестно. Впервые поставлена, видимо, в Харькове в середине августа 1790 г. (во время Успенской ярмарки) силами учащихся местной гимназии под руководством актера И. Москвичева (все роли исполняли мужчины). Этим спектаклем был открыт Харьковский театр. Об иных постановках комедии сведений найти не удалось.

Источником пьесы является глава X («История двух друзей, которая может послужить полезным уроком для всех, кому случилось поселиться в доме у супружеской четы») четвертой части романа Г. Филдинга «История приключений Джозефа Эндрюса и его друга господина Абрахама Адамса» (H. Fielding, «The History of the Adventures of Joseph Andrews...», 1747). Возможно, имеется какое-либо посредствующее драматическое сочинение, но его обнаружить пока не удалось. В романе посещение гостем имения старых друзей произошло случайно, а не с целью их примирить, о ссорах супругов он узнал лишь на третий день по приезде. Финал вставной новеллы Филдингом намеренно оборван на одной из реплик спора между друзьями. Подробнее см. вступ. статью (с. XLIX).

Составители выражают благодарность д. ф. н. Е. В. Маркасовой за помощь в комментировании терминов риторики.

Действующие лица

Кутерьма — у Филдинга Ленард, имя его жены не названо.

Миротвор — у Филдинга Поль.

Ростер (от *нем.* «rosten» или *англ.* «roast») — «жаркое»; у Филдинга отсутствует.

Синекдохос у Филдинга отсутствует; имя произведено прибавлением греческого окончания *-ос* к риторическому термину «синекдоха» (обозначение целого через часть или части через целое (например, «в стаде сто *голов*»).

Действие I

С. 129 *Кассероль* — от *франц.* casserole — кастрюля.

Кухмистер — главный повар.

С. 129 *В поваренной все есть: астрономия, физика, химия, мораль и сама медицина...* — в эпоху Просвещения философскому осмыслению подверглась даже кулинария. Итог теориям гастрономов, напоминающий рассуждения Ростера, подведен в начале XIX в. французом Брилья-Савареном в «Физиологии вкуса»: «Гастрономия имеет отношения: к естественной истории по классификации питательных веществ; к физике — по исследованию их свойств; к химии — по различным анализам и разложениям, которым они подвергаются; к кухне — по искусству приготовлять различные кушанья и придавать им приятный вкус; к торговле по изысканию средств к наивыгоднейшей покупке нужных для нее предметов и к выгоднейшей продаже приготовленных ею продуктов; наконец, к политической экономии — по тем источникам дохода, которые она доставляет государству, и по тем средствам обмена, которые она дает народам» (Культура застолья XIX века. М., 1999. С. 204–205). Видимо, Княжнин высмеивает теории известного английского физика Б. Томпсона, графа Румфорда (1753–1814), прославившегося также кулинарными изобретениями. Стремясь создать пищу по строго научным принципам, питательнейшую, наиболее дешевую и здоровую, Румфорд составил суп, получивший его имя и состоявший из смеси пищевых отходов. Движение последователей ученого быстро охватило Европу. Комментируемая фраза стала крылатой. Она цитируется с указанием источника в рецензии «Вестника Европы» на «Прихотник..., содержащий в себе календарь объедения» Гримо де ла Рейнера (1810. Ч. 29. С. 137). Косвенно эта же фраза обыгрывается в фельетоне Ф. В. Булгарина «Обед» (Северная пчела. 1840. № 7): «В искусство обедать входят все науки, от астрономии и математики, химии и минералогии, до грамматики и правописания включительно».

Жареное была земля, а вертел — ось ее — такое популярное обоснование системы Коперника ввел в начале XVII в. французский писатель Сирано де Бержерак в книге «Государства и империи Луны»: «Было бы одинаково смешно думать, что это великое светило станет вращаться вокруг точки, до которой ему нет никакого дела, как было бы смешно предположить при виде жареного жаворонка, что вокруг него вертелась печь». В России этот мотив популяризировал М. В. Ломоносов, который в эпиграмме «На противников системы Коперника» («Случились вместе два астронома в пиру», 1761) заставляет решить спор между Коперником и Птолемеем повара: «Он дал такой ответ: «Что в том Коперник прав, / Я правду докажу, на Солнце не бывав. / Кто видел простака из поваров такого, / Который бы вертел очаг кругом жаркого?» Подробнее см.: *Рак В. Д.* Возможный источник стихотворения «Случились вместе два астронома в пиру...» // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975. С. 217–219.

С. 132 *Макерони* (от *итал.* maccheroni) — макаронами в XVIII в. в России и Франции, откуда в Россию шла кулинарная мода, называли разновидность миндального печенья. Когда это слово употребляли как Ростер, в привычном нам значении, то делали оговорки: «Макароны тут не то разумеется, что конфектчики пекут сахарные с миндалем, а очень мелко крошенная и сушеная лапша, каковая из чужих краев к нам привозится и в овощных лавках продается» (Новая полная поваренная книга, составленная из 710 правил... Изд. 4-е. СПб., 1808. С. 379). Еще в первой трети XIX в. в России не умели делать макароны и считали их редким иноземным кушаньем.

Олио (от *исп.* olla) — национальное испанское блюдо, о котором в России узнали в конце XVIII в. А. Г. Орлов-Чесменский в письме 1797 г. передает рассказ о том, что у испанцев «любимое кушанье олла подрида и что оно весьма дорого, что в этом кушанье все жаркие, какие можно вздумать, и все соусы, и что оно походит на пирамиду» (Культура застолья XIX века. М., 1999. С. 99). Действительно, это густая похлебка из нескольких видов мяса (говядина с костью, телятина или баранина, свинина, сало, копченая колбаса) и овощей (капуста, морковь, горох, лук, сельдерей, чеснок и т. д.) с приправами.

Суп алоаньон (от *франц.* l'oignon) — луковый суп считается французским национальным блюдом. В. А. Левшин в «Поваре королевском» (М., 1816) приводит следующий рецепт: «Не клав еще в кастрюлю лука, изрезанного в ломтики, растопи четверть фунта масла коровьего (больше или меньше, соображаясь количеству супа), обжарь в нем лук, пока довольно пожелтеет, влей тогда воды, сколько нужно для супа, приправь солью и мелко истолченным перцем и вари четверть часа. В суповой чаше размочи белого хлеба упомянутым постным бульоном, а на это выложи приготовленный суп».

...немцу лапша с гусиным салом — лапша — блюдо не только немецкой, но и русской кухни, иностранный оттенок кушанью придает гусиное сало, которое на Руси использовалось не так активно, как свиное или баранье.

С. 133 *Бланманже... желе* — популярные в XVIII в. виды десерта, студенистые блюда, приготовленные с использованием осетрового клея (рыбный желатин) или желатина, добытого из оленьего рога. Бланманже (от *франц.* blanc-manger — «белое кушанье») делалось на основе миндального молока с различными добавками (ванилином и пр.), могло подаваться в застывшем виде, реже — горячим (тогда готовилось без желатина). Желе варилось из ягодных или фруктовых сиропов и киселей и всегда подавалось холодным.

...пирог... с цыплятами ль, или с куропатками — в России конца XVIII в. иностранные повара, предпочитавшие дрожжевому тесту слоеное, пекли высокие пироги, по форме напоминающие ящик, наполнен-

ный начинкой, которую составляли обыкновенно не мелко рубленные, а крупные части птиц (крылышки, ножки и т. д.), иногда целые маленькие птички или рыбы, которые приготовлялись заранее, а затем укладывались в несколько слоев внутрь пирога, покрывались тонкой крышкой из теста и пеклись в течение 20–30 минут (подробнее см.: *Похлебкин В. В.* Кушать подано! М., 1993. С. 59–63). В романе Филдинга речь шла не о пироге, а о жарком, причем поспорили супруги потому, что муж настрелял куропаток, а жена сама жарила на вертеле дупелей.

С. 134 *...какой-то король, который от скуки сам стряпал...* — возможно имеется в виду герцог Филипп Орлеанский, регент (1715–1723) при малолетнем французском короле Людовике XV, прославившийся как талантливый кулинар.

С. 136 *Дает ему пощечину.* — хороший повар очень ценился, в «Московских ведомостях» за 1790 г. сообщается о продаже крепостного повара за 600 руб. (в 2–3 раза дороже, чем продавали рекрутов). Ростер, видимо, не крепостной, а нанятый повар. Однако даже свободное положение и мастерство не спасало поваров от жестокого обращения, и судьба героя комедии в этом отношении весьма показательна. А. И. Дельвиг уже в XIX в. рассказывает о князе Максутове, который, «будучи очень вспыльчив и очень малого роста..., найдя счета повара преувеличенными, становился на стул и бил по щекам повара, который подчинялся этим побоям без отговорок, хотя и жил у нас по найму...» (Культура застолья XIX века. М., 1999. С. 71).

Действие II

С. 138 *...показаться шалунами... ужиться с сумасбродом* — в языке XVIII в. слова «шалун» («шаль») и «сумасброд» часто означали «глупец, безумец», «шалость», «сумасбродство» — «глупость, безумие», их смысловые оттенки хорошо объяснил Д. И. Фонвизин в «Опыте российского сословника»: «Сумасброд никогда не следует рассудку, с которого сбрел, а руководствуется во всех своих делах одним воображением. Шаль притворяется обыкновенно глупее, нежели он есть, для того что без сего притворства не стало бы природного ума его возбудить на себя внимания. Невежда называется человек без просвещения. Глупец тот, которого ум весьма ограничен. Дурак, который ума вовсе не имеет». Кроме того, шалунами часто называли щеголей.

С. 140 *...избавиться от предрассудка, без которого крестьяне, мои подданные, меня счастливее тем, что могут жен своих делать так кроткими, как овечки* — в XVIII в. в светских кругах стали считать варварским и неблагородным патриархальное правило, освященное «Домостроем», допускавшее использование телесного наказания в случае неповиновения жены мужу.

С. 141 *...надлежало разрешить ремень их сапогов* — по обычаю древности рабы хозяина или сами хозяева, в зависимости от общественного положения гостя, должны были в знак почтения снять его обувь. Древние носили сандалии, отсюда и пословица, которую невольно осовременил Синекдохос.

...по хрии — хрия — риторический термин греч. происхождения, обозначавший изречение, сопровождающееся его детальным анализом и имеющее четырехчастную структуру (вступление, истолкование, утверждение и заключение).

С. 142 *Optime* — превосходно (*лат.*).

Гипотипозис — (*ипотипосес*) — термин риторики, буквально обозначающий изображение, представление. Этим термином обозначалось достижение такой выразительности описания, при котором описываемое словно представало перед глазами. Когда Синекдохос выражает восторг по поводу высказывания Марины «Сделать чтобы они не спорили, все равно, что сделать чтобы кошка не ловила мышей, чтобы пух по реке против течения плыл» и т. д., возникает двусмысленность: представить воочию все, что перечислила Марина крайне сложно. Из этого следует, что Синекдохос, называя эту фигуру гипотипосисом, не вполне отчетливо представляет себе значение этого термина.

Оле — выражение восторга, восхищения.

Силлогизма (силлогизм) — логическое умозаключение, состоящее из двух посылок и вывода, например: 1) Кай — человек; 2) люди смертны; 3) значит Кай смертен.

С. 143 *По метафору* — выражаясь сопоставительно: метафора (здесь — метафор) — перенос значения слова по сходству признака (например, трава — бархат лугов).

Устен — уст, т. е. рта.

Криле — крыло.

Синекдохус!.. Вы меня изволили унизить — превращение посредством перемены окончания греческого имени (на *-ос*) в латинское (на *-ус*) воспринимается как унижение, поскольку уже в XVIII в. было распространено представлении о римлянах как о подражателях греков. Так, в Московском университете профессор Барсов задавал сочинения о преимуществах греческого языка перед латинским. Прием присоединения латинского окончания к греческому имени для подчеркивания невежества героя был позже использован Н. В. Гоголем: сына Манилова звали Фемистоклюс.

С. 144 *...искать бесчестия* — по закону за нанесенное оскорбление (бесчестье) обидчик должен был заплатить штраф, величина которого увеличивалась, если, кроме морального ущерба, был причинен физический. Закон о штрафе за бесчестье существовал до 1852 г. Взять бесчестье — на жаргоне XVIII в. значит получить такой штраф. На практике к

штрафу за бесчестье в основном обращались представители недворянских сословий, т. е. в том случае, если была невозможна дуэль. Сумма за бесчестье была немалая, так П. А. Вяземский в «Записных книжках» (М., 1963. С. 51) писал о 25 рублях, заплаченных в начале XIX в. обидчиком некой старушке.

С. 144 *Какою силлогизмою... барбара, целарент? ферио, баралиптом? или какою иною?* — здесь Синекдохос демонстрирует знание начала стихотворения, служившего для запоминания модусов (разновидностей) силлогизма, отличающихся друг от друга типами суждений, из которых они составлены. Полный текст, созданный Петром Испанским (1210 или 1220–1277) и активно использовавшийся в средневековых университетах, выглядел так: «BARBARA, CELARENT, DARII, FERIO, — que prioris; / CESARE, CAMESTRES, FESTINO, BAROKO, — secundae; / tertia, DARAPTI, DISAMIS, DATISI, FELAPTON; / BOCARDO, FERISON habet, / quarta insuper addit BRAMALIP, CAMENES, DIMARIS, FESAPO, FRESISON». Слова, обозначающие модусы, были составлены искусственно (они даны здесь прописными буквами): каждый гласный обозначал вид суждения (общеутвердительное — A, общеотрицательное — E, частноотрицательное — I, частноутвердительное — O). Этот мнемонический текст позволял запомнить не только сами схемы построения силлогизмов, но и системы их приведения от одного модуса к другому.

Ergo — следовательно (*лат.*).

С. 145 *Еллиногреческим* — древнегреческим.

...в истории, как в деятельной, так и в естественной — история в современном значении слова названа здесь деятельной, естественная история — естествознание.

Тропов, или фигур риторики — риторическая фигура — нарушение привычной языковой нормы, используемое для большей выразительности речи; тропы — слова в переносном значении — относили к фигурам переосмысления.

Ridendo castigat mores — смеясь исправляет нравы (*лат.*). Сочиненный новолатинским поэтом Сантелем (1630–1697) девиз итальянской комической труппы Доминика в Париже. После избрания этого девиза театром Французской комедии (Домом Мольера), поговорка стала восприниматься как формулировка основной задачи всякого сатирика.

С. 146 *Finis и омега* — этим выражением категорически подчеркивается конец речи. *Finis* — конец (*лат.*). *Омега* — последняя буква греческого алфавита.

...имеющему сто тысящей златых талантов... драхму — талант и драхма — распространенные в древности весовые и денежные единицы. В одном таланте было 6 тыс. драхм (около 26,2 кг).

Пиитика — поэтика.

С. 146 *Феология* — теология, богословие.

Метафизика — раздел философии, изучающий первоначала бытия, недоступные чувственному познанию.

Ифика — этика.

Иерополитика — священная политика.

Аристофан (450–384 гг. до н. э.) — великий греческий комедиограф, принимавший своими произведениями активное участие в политической жизни Афин. Его пьесы в XVIII в. представлялись хотя и смешными, но чрезвычайно грубыми.

Ювенал Децим Юний (ок. 60–127?) — римский поэт-сатирик, резко и язвительно изобразивший современные ему нравы.

С. 148 *...приличнее, чтобы и камзол был белый* — у Филдинга речь идет не о белом и розовом камзоле, а о красном и желтом жилете. *Камзол* — мужская одежда без рукавов, которую носили на нижнюю рубашку под кафтан, разновидность длинного жилета.

С. 149 *...я, как военный человек, предпочитаю зеленый* — мундиры русских пехотных войск были зеленого цвета.

С. 151 *...эта была мечта* — в языке XVIII в. слово «мечта» часто употреблялось в значении «обман», «мираж», «галлюцинация».

Nego — отрицаю, отвергаю (*лат.*).

Действие III

С. 152 *Купидо сердце мое как всадник коня лозою подстрекает... парит и т. д.* — речь Синекдохоса, обращенная к Марине, имеет, по его мнению, риторически безупречное начало. В действительности же здесь нарушаются нормы создания хрии, так как во вступлении не должно быть сказано о непосредственном поводе для ее создания, должен быть лишь «подступ» к теме. Это дает читателю возможность усомниться в том, что далее, как обещает Синекдохос, «последует хрия, из множества силлогизм соплетенная, против чего никому устоять не можно».

Сухарева башня — архитектурное сооружение в Москве, построенное в 1692–1701 гг. по проекту Петра I и названное в честь полковника Л. П. Сухарева, сохранившего верность царю во время бунта стрельцов. Восьмигранная шатровая башня венчала массивное двухэтажное здание, стоявшее на воротах. За высоту (около 63 м) получила в народе широкую известность и прозвание «невесты Ивана Великого», высочайшей московской колокольни. «Стиль всего здания Сухаревой башни представляет смесь ломбардского с готическим. Прочность его необыкновенна, и прочность эту составляет глубина его фундамента; когда подле него проводили трубы для водопровода, то никак не могли докопаться до самого основания постройки» (*Кондратьев И. К.* Седая старина Москвы. М., 1999. С. 467). В 1934 г. башня была разрушена.

С. 152 *Геркулесова палица* — герой греческих мифов Геркулес обладал огромной силой, основным оружием его была палица.
Хартия — здесь: бумага.
Чарка — старинная мера объема жидкости (0,12 л) и сосуд соответствующей вместимости.

С. 153 *Punctum exclamationis* — восклицательный знак (*лат.*).
Exordium — вступление (*лат.*).

С. 154 *Сенека* — Луций Анней (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — римский писатель и философ-стоик.
Любочестие — честолюбие.

С. 155 *Сократ* (470/469–399 гг. до н. э.) и *Диоген Синопский* (404–323 гг. до н. э.) — греческие философы, чья личная жизнь известна преимущественно по историческим анекдотам. Сократ, учитель Платона, был, по преданию, женат на Ксантиппе, отличавшейся сварливым нравом. Был ли женат киник Диоген, сведений нет, но сомнения Ростера понятны, если вспомнить легенду о том, что философ жил в бочке на городской площади.

С. 159 *Фарс* — здесь: фарш, начинка для пирога.
Бездельник — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 512).
Стал в пень — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 515).

Траур, или Утешенная вдова

Впервые: Собр. соч. Т. 5. М., 1803. Написана, вероятно, не ранее конца 1787 г.: в собрание сочинений 1787 г. пьеса не вошла, время действия охарактеризовано как военное, а война с Турцией началась 13 (24) августа 1787 г. Еще вероятнее предположить, что пьеса написана после начала войны со Швецией (21 июня (2 июля) 1788 г.), ведь офицер Ветран прибыл в отпуск из Выборга. Первые известные даты постановок комедии в Петербурге — 22 мая и 11 октября 1789 г. Трудно сказать, почему пьеса была снята со сцены, но после ее возобновления в 1795 г. в Петербурге (4 февраля) и постановки в Москве (10 декабря), «Траур» стал одной из самых репертуарных русских комедий. В 1795–1800 гг. прошло 29 спектаклей в Петербурге и 11 в Москве, в 1802–1809 — на обеих столичных сценах вместе 21, в 1811–1816 — 20 представлений, в 1819–1822 гг. комедия была еще 5 раз дана в Москве. Вероятно, прекращение постановок «Траура» объяснялось тем, что некоторые реалии устарели. 22 мая 1839 г. в Петербурге и 11 октября 1844 г. в Москве (словно в ознаменование пятидесятилетия премьеры) была представлена переделка комедии Княжнина (как специально оговорено в афише) «Чего на свете не бывает, или У кого что болит, тот о том и говорит», водевиль в 1 действии В. В. Годунова. Успех этой переделки был весьма значителен и прочен: в Петербурге (1839–1893 гг.) пьеса прошла 119, в Москве (1844–1883 гг.) — 37 раз.

Действующие лица

Постан — видимо это имя должно ассоциироваться со словом «постоянный» и противопоставляться имени легкомысленного Ветрана.

Карачун — простонародное наименование смерти. Поскольку Карачун говорит: «по вашей русской пословице» (д. II, явл. 1), видно, что он иностранец, а его имя стилизовано под русифицированное прозвище.

Действие I

С. 169 *Сто рублей золотых* — 100 руб. золотыми монетами (империалами), приравненными к 10 руб. серебром (золото ценилось в 15 раз дороже, чем серебро).

С. 170 *Бездельник* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 512).

С. 171 *Кондолировать* — от *лат.* condoleo — соболезновать.

...никому не дозволяю со мной шутить, разве только моим больным, в случае нужды, для растягивания их селезенки — растягивание селезенки, органа, регулирующего образование и обращение крови, связывается в сознании людей XVIII в. с шутками, видимо, через популярную тогда теорию «гуморов», согласно которой сангвинический (полнокровный) человек расположен к веселью и шуткам. Вместе с тем, увеличение объема селезенки — признак скорее патологический, чем благоприятный, поэтому цель, которой добивается Карачун, заставляя пациентов смеяться, их гибель. Однако представление о враче как о враге смеха сформировано не антимедицинской комедиографией, а восходит к трудам Гиппократа: «Тот врач, который изливается в смехе и сверх меры весел, считается тяжелым, и этого должно в особенности избегать» (*Гиппократ*. Клятва. Закон о враче. Наставления. Минск, 1999. С. 18).

С. 172 *Двести рублей* — сумма для оплаты одного визита огромная: столько денег получал в год лекарь, состоящий на государственной службе. За 200 руб. после смерти Княжнина издатель И. П. Глазунов купил все его ненапечатанные рукописи, а в 1787 г. за 400 руб. 150 экземпляров четырехтомного собрания сочинений писателя.

...он сам виноват в том, что умер... — типичные для комедийных врачей аргументы Карачуна восходят к совершенно серьезным аргументам Гиппократа, защищавшего не сумевших вылечить больного врачей: «Не гораздо ли правильнее думать, что они-то предписывают надлежащее, а те больные натурально не могут повиноваться как следует, а не повинуясь, подвергаются смерти. И причину этого люди, неправильно рассуждающие, возлагают на совершенно безвинных, а виновных оправдывают» (*Гиппократ.* Клятва. Закон о враче. Наставления. С. 54).

Ордонация — от *лат.* ordinatio — назначение, предписание.

Волочила; как будто старинный воевода челобитчика. Однако вы апелляцию внесли в коллегию смерти — воеводами в народе продолжали называть и после петровских реформ начальников государственных

учреждений; подобная терминология использовалась в сатирических текстах для отвлечения цензуры, не случайно воевода назван старинным. *Челобитчик* — проситель. *Апелляция* — прошение о пересмотре решения низшей инстанции при судебном процессе. *Коллегия* — высшие органы исполнительной и судебной власти в XVIII в.

С. 172 *Эскулап* — греческий бог врачевания.

Бургав (Бургаве) Герман (1668–1738) — голландский врач и химик, противник шарлатанства и создатель первой научной клиники, впервые использовавший в медицине термометр и лупу. При видимом уважении к Бургаве уподобление античного божества и новейшего ученого должно было в XVIII в. дать комический эффект, особенно если Княжнин имел в виду не великого врача, а его племянника Германа Каау-Бургава (1705–1753) — лейб-медика императрицы Елизаветы Петровны и президента российской Медицинской коллегии, или Абрагама Каау-Бургава (1715–1758) — медика, профессора Петербургской Академии наук.

Молодчик мой с темляком — особенностями офицерского мундира в XVIII в. были шелковый черно-золотой шарф, повязанный на поясе, и шпага с темляком (петлей, прикрепленной к эфесу, чтобы удобнее держать оружие) из черно-желтой ленты, часто с кистями, а также трость.

...последний цирюльник — в XVIII в. цирюльники не только стригли и брили, но выполняли простейшие хирургические операции (делали кровопускания и т. д.).

С. 174 *...ежели офицер отправлен... и т. д.* — в екатерининскую эпоху начинает складываться офицерское сообщество, решение которого оказывается законом для всякого его члена, слово данное товарищам по полку является нерушимым. Ветран поэтому с шутливым ужасом уподобляет суд офицерского сообщества трибуналу, а нарушение товарищеского обещания дезертирству.

С. 175 *Нынешнее военное время* — см. общий коммент. к пьесе (с. 532).

С. 176 *Мою роту* — ротами командовали капитаны (чин 9 класса).

С. 177 *...как Марс из рук Венеры от вас отправлюсь в полк* — в римской мифологии бог войны Марс был возлюбленным богини любви Венеры.

С. 179 *...о тысяче рублях* — приблизительно трехмесячное жалование Ветрана.

Шалуну и ветренику — см. примеч. к «Неудачному примирителю» (с. 528).

Он врет — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 521–522).

Действие II

С. 182 *...однако же доискался в Галиене, что не голове должно было болеть, а печенке* — великий римский медик Клавдий Гален (129–201?) считался непререкаемым авторитетом, и его имя часто использовали шарлатаны для придания весомости своим речам.

С. 182 *Даром бросают свой бисер* — отсылка к фразе из Нагорной проповеди Христа (Мф. 7, 9): «Не давайте святыни псам и не мечите бисера своего перед свиниями, дабы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас».

...в первые три дня за шесть раз кровопускания — пристрастие к кровопусканиям — типичная черта врача в старинной комедии, однако она не является выдумкой. В лечебниках XVIII в. предлагалось пускать кровь при насморке и зубной боли (*Тиссо А. И.* Наставление народу в рассуждении его здоровья. СПб., 1781. С. 108, 116), при горячке, полнокровии и глазных болях — фунт (4 унции), даже при головной боли с похмелья рекомендовалось выпить холодной воды и пустить две унции крови (*Рост Х.* Деревенский лечебник. М., 1793. С. 8, 9, 11). Но если предположить, что Карачун при каждой операции ограничился всего одной унцией (109 г.), что, как было видно из примера, не было принято даже при легких заболеваниях, то за три дня Добросердов потерял очень много крови, не менее 650 г., и это крайне обессилило больного.

С. 183 *Империал* — золотая десятирублевая монета.

Мои лошади гораздо более рубля в день стоят — Карачун несомненно преувеличивает стоимость содержания лошадей.

С. 184 *Крендели... из Выборга* — в Павловской слободе Выборга выпекались крендели, не черствевшие в течение 10 дней, поэтому перевозившиеся в соседние области России и пользовавшиеся широкой известностью. После отхода Выборга к Финляндии производство их постепенно прекратилось и секрет был забыт. Технология приготовления выборгских кренделей подробно исследована В. В. Похлебкиным (*Похлебкин В. В.* Моя кухня и мое меню. М., 1999. С. 360–362), который, к сожалению, не будучи знаком с комментируемой пьесой Княжнина, ошибочно утверждает: «Выборгские крендели “родились”, по-видимому, в третьем десятилетии XIX в. До тех пор о них никто и нигде не упоминает». Тесто приготовляется в три приема: сперва густое, наподобие замазки, тесто из пшеничной муки на молоке и пресных дрожжах; после подхода опары в нее добавляются мука, молоко, яйца, сливочное масло, сахарный песок и кардамон; поднявшееся тесто взбивают до пузырьков, загибают крендели в форме восьмерки и оставляют их подходить. Перед тем как посадить крендели в русскую печь, их на специальной лопате, покрытой соломой, быстро окунают в кипяток, благодаря чему они и не черствеют.

С. 189 *Контроданс* — (от *франц.* contredanse) бальный танец, который считался веселым и танцевался 2–4 парами. Дамы и кавалеры становились друг напротив друга и исполняли разнообразные фигуры, в которых допускалась импровизация.

...без фигуры нельзя показать всего искусства — фигурой называется движение пары (или пар), а не одного танцора.

Чудаки

Впервые отдельным изданием: СПб., 1793, тиражом 1212 экз. Единого мнения о времени создания пьесы среди исследователей не существует. Наиболее авторитетна датировка — 1790 г., поскольку эта дата упоминается в пьесе (д. V, явл. 7) (см.: Комментарий. С. 739; *Берков П. Н.* История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 289). Нарушение в комедии ряда традиционных канонов также позволяет отнести это произведение к позднему творчеству Княжнина. Однако более подробное исследование прототипов персонажей может внести значительные поправки в принятую датировку. Первые постановки состоялись 21 и 24 апреля 1791 г. в Петербурге, 3 июля 1795 г. пьеса была возобновлена на столичной сцене и до 1800 г. сыграна еще 7 раз, в 1793 г. комедия была 4 раза дана в Москве (премьера — 28 сентября). В начале XIX в. «Чудаки» пользовались заметной популярностью: на публичном театре в Петербурге и Москве прошло в 1803–1809 гг. — 14, в 1812–1817 гг. — 11 спектаклей. В 1819 и 1822 гг. пьеса возобновлялась в Москве, в 1826–1827 гг. в Петербурге. «Чудаки» разыгрывались любителями (например, учащимися первого, пушкинского выпуска Царскосельского лицея), входили в репертуар крепостных трупп (например, А. Р. Воронцова), провинциальных театров (в 1811 г. комедия шла в Пензе, в 1813 г. в Нижнем Новгороде в театре Н. Г. Шаховского, в 1818–1821 гг. в Полтаве). В постановках пьесы участвовали многие видные актеры — в конце XVIII в. А. М. Крутицкий (Лентягин), С. Н. Сандунов (Пролаз), в начале XIX в. К. П. Кавалеров (Высонос). Об успехе комедии свидетельствует появление подражаний (*Голицын А. Н.* Новые чудаки, или Прожектер. М., 1798). Текст «Чудаков» в начале XIX в. был несколько изменен, возможно, А. Я. Княжниным, часто редактировавшим сочинения отца. Л. И. Кулакова выделяет три группы искажений, внесенных в авторский текст: перевод французских реплик Ветромаха, устранение резких сатирических выпадов и смягчение грубых выражений. При нынешнем издании комедии эти поправки не учитываются, поскольку очевидна их независимость от воли автора.

Исследователи указывали на связь пьесы с комедией Ф. Нерико Детуша «Особенный человек» (*D stouches Ph. Nericault.* L'homme singulier), которая впервые была поставлена в 1764 г., после смерти Детуша, и не имела успеха. Однако можно предположить, что в «Чудаках» содержатся аллюзии на некоторые реальные события (см. подробнее вступ. статью и примеч. к отдельным репликам).

Действующие лица

...недавно вышедший в дворянство ... по-своему философствующий — Лентягин многими чертами напоминает известного своим богатством и чудачеством П. А. Демидова (1710–1788). Знаменательно и сходство имен Памфил Андреевич (Лентягин) — Прокофий Акинфьевич (Демидов), и происхождение: дед Демидова, Никита Демидович, как и отец Лентягина, был тульским кузнецом, которому богатство и заслуги перед государством дали возможность

перейти в дворянство. От второго брака Демидов имел четырех дочерей, заботился о судьбе племянницы, их выход замуж периодически превращался в общественное событие, Демидов делал смотр многочисленным женихам, которые его обычно не удовлетворяли, к сватовству и обсуждению приданого подключался двор. Любимая дочь Демидова Анастасия в 1785 г. вышла замуж за бывшего дворецкого Демидова М. И. Хозикова, секретаря начальника Княжнина, И. И. Бецкого. Прокофий Акинфьевич был связан с Бецким давно и жертвовал огромные суммы на Воспитательный дом и иные просветительные учреждения. Сам он, несмотря на богатство и чин действительного статского советника, резко отзывался о высшем свете, предпочитал домашний образ жизни, хотя роскошный, но простой, без церемоний, занимался садоводством и пчеловодством.

Прият, молодой, весьма романический дворянин — чувствительный, романтически настроенный под влиянием сентиментальной литературы, в том числе, любовных романов. Не исключено, что прототипом Прията (а отчасти, быть может, и Пролаза) послужил М. И. Хозиков, а прототипом Улиньки была А. П. Демидова.

Ветромах — видимо, это имя должно ассоциироваться со словом «вертопрах» (повеса, легкомысленный человек, в XVIII в. также — модник, щеголь).

Трусим, приятель всемирный — достаточно типичный комедийный характер, своеобразная разновидность нахлебника, человек, который всех знает и всем пытается помочь по мере сил и разумения.

Майор — офицерский чин 8 класса.

Тромпетин (от *франц.* «trompette» — «труба») писал, видимо, в высоких жанрах (поэмы, поскольку именно этот жанр традиционно символизировала труба, и оды, как видно из текста пьесы).

Свирелкин писал любовную лирику (свирель (цевница) аллегорически обозначала идиллию и элегию). Противостояние одописца и интимного лирика в лице Ломоносова и Сумарокова встречается у Княжнина уже в сатирической поэме «Бой стихотворцев» (середина 1760-х гг.). Хотя у Тромпетина и Свирелкина, вероятно, существуют прототипы, точно установить их трудно, поскольку противостояние «громкой» и «сладостной» поэзии — один из важнейших аспектов литературной полемики на протяжении всего XVIII в. Ср. басню М. М. Хераскова 1764 г. «Труба и свирелка», где отдается предпочтение свирели, т. е. легкой поэзии.

Пролаз (в XVIII в. так называли плутов) и *Марина* — типичные для Княжнина имена слуг (см. «Неудачный примиритель», «Скупой», «Хвастун»).

Действие I

С. 193 *Честь* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 520).
Философия те враки презирает — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 521–522).

С. 194 *Аршин* — старинная мера длины, равная 71,12 см.

С. 194 *Вполы* — наполовину.

...пуговиц пустых — т. е. лишних пуговиц, пришитых для красоты. Пуговицы появились только в XVIII в. и часто изготавливались из дорогих материалов. Мода на форму пуговиц менялась едва ли не чаще, чем на фасон платья.

С. 195 *Наветка* — подвох.

С. 196 *Но что людей смешит, не все ведь то грешно* — здесь сформулировано принципиально новое для России XVIII в. отношение к смеху, возникшее под влиянием европейского юмористического искусства и характерное для эпох рококо и сентиментализма. Прежде смешное отождествлялось (в зависимости от силы смеха) с низким, недостойным, ненормальным и порочным. В конце столетия подобному сатирическому, враждебному глумлению все чаще противопоставляется добродушный и жизнерадостный, порой сочувственный и ободряющий смех.

С. 197 *...опыты потребны для друзей... опытом лишь дружество крепится* — дружба требует доказательств и ими укрепляется.

Полушка — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 524).

Безделка — что-то маловажное, не заслуживающее внимания.

С. 199 *Казанья* — сказки.

Не умножай меня ты, говоря со мною — Лентягин демонстрирует демократизм в духе характерных для эпохи Просвещения представлений о внесословной ценности человека и предлагает своему слуге обращаться к нему на «ты», относя местоимение «вы» только к множественному числу.

С. 200 *О, люта часть моя!* — О, моя лютая участь!

Бездельник — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 512).

С. 201 *Моих лакеев штатных* — у Лентягиной не деревенские крепостные лакеи, а (как позднее сообщает Марина) специально нанятый штат дворни. Героиня стремится подчеркнуть то, что это ее собственные, а не принадлежащие мужу слуги, и то, что в своем доме она полная госпожа, словно монарх в своих владениях, ее дворня подчинена штатам, подобно государственным служащим.

Ударов тысячу — ср. примеч. к «Хвастуну» (с. 512).

Сенека — см. примеч. к «Неудачному примирителю» (с. 532). Сенека имел в последующие эпохи репутацию человека сурового и принципиального. В многочисленных трактатах по этике «О гневе», «О милосердии», «О спокойствии духа», «О стойкости мудреца» и т. д. он учил сдерживать страсти и стремиться к невозмутимому спокойствию при любых обстоятельствах. Сенека призывал презирать богатства и провозглашал равенство людей всех сословий: «Я... узнаю, что ты обходишься со своими рабами как с близкими. Так и подобает при твоем уме и образованности. Они рабы? Нет, люди. Они рабы? Нет, твои соседи по дому. Они рабы? Нет, твои товарищи по рабству, если ты вспомнишь, что и над тобой, и над ними одинакова власть фортуны».

С. 202 *Страм* (разг. устар.) — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 518).
Те люди... случайны — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 516).
Подлость — первоначально подлым называли низкое по происхождению, простонародное. В конце XVIII в. смысл слова был перенесен с социальных явлений на нравственные. Д. И. Фонвизин в «Опыте российского сословника» пишет: «Человек бывает низок состоянием, а подл душою». Читатель комедий Княжнина должен иметь в виду, что двойное значение слова «подлый» постоянно обыгрывается в них (см., например, каламбурное использование слова «подлец» в д. III, явл. 4).
Но льзя ль... со львом сравнился крот? — возможно имеется в виду басня Эзопа «Лев и Мышь», в которой Лев смеялся над тем, что Мышь может быть ему полезна, но впоследствии имел возможность в этом убедиться, так как Мышь перегрызла сети, в которые он попал.

С. 203 *...как же ты забавен* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 515).
Я дочь, племянница князей и генералов, / Могу ль я быть равна с женами всех капралов — в XVIII в. женщины наряду с мужчинами имели чины: жена — чин мужа, дочь считалась на три класса ниже отца (дочь генерала (1–5 класс) имела чин не ниже 8 класса), но выйдя замуж, отцовский чин или титул теряла. Племянницы, конечно, ни титула, ни чина не наследовали. Юридически тщеславные притязания Лентягиной, вышедшей замуж за «безродного» и не служащего, не имеют оснований. Капрал — внетабельный (ниже 14 класса) офицерский чин, в XIX в. переименованный в унтер-офицерский.

С. 204 *...платьем шалунов* — здесь: модным, щегольским платьем. См. также примеч. к «Неудачному примирителю» (с. 528).
Пыхи — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 516).

С. 205 *В фандарах* — женское платье, расклешенное книзу за счет вшитых в юбку треугольных клиньев (фанд).
В карете цугом — в экипаже, где лошади (обычно четверка или шестерка) запряжены одна за другой: ездить таким образом могли лишь самые богатые и знатные люди. Ездить парой называлось «мещанская езда».

С. 206 *Мещанский дух* — простонародный дух: к мещанскому сословию, по закону 1775 г., относились горожане, владевшие капиталом менее 500 руб.
Повадить — вывести, истребить.
Еще нет двух часов... о стыд! — в XVIII в. обычно обедали около полудня. Так поступали крестьяне, купцы, провинциальные, а порой и столичные дворяне, соблюдавшие традиционный распорядок дня, по которому необходимо было рано вставать и рано ложиться спать. Так, А. Т. Болотов и Г. Р. Державин, описывая жизнь в своих усадь-

бах, говорят об обеде в полдень. Однако представители света под влиянием иноземной моды считали, что традиционный режим — либо признак средневекового варварства, либо порождение бедности. В конце XVIII в. стало модным вставать поздно, особенно для щеголей, которые ночи проводят на балах (ср. у Державина в «Фелице» слова вельможи: «А я, проспавши до полудня...», а в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская»: «Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут...») и обедать не ранее четырех часов. Императрица Екатерина II обедала во втором часу дня или в два часа, поэтому аристократические претензии Лентягиной оказываются особенно смешны.

С. 209 *Содом* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 524).

С. 211 *Чив* — щедр.

Ужесть — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 513).

С. 213 *Я мой товар принес к товару твоему* — традиционная формула, используемая при сватовстве: «У вас товар (невеста), у нас — купец (жених)». В данном случае и жених, и невеста выступают в качестве товара, тем самым справедливо подчеркнута их пассивность.

С. 214 *Он выступает так, как театральный царь* — согласно правилам театрального искусства XVIII в. актер, игравший царя, должен был обладать величественной осанкой, двигаться важно и медленно, с достоинством, гордо глядя перед собой. Для поддержания осанки актеры часто использовали корсет, который еще более затруднял их движения. Считается, что известный французский актер Монфлери умер от того, что слишком сильно затянул корсет (см. Хрестоматия по истории западноевропейского театра / Сост. С. С. Мокульский. Т. 1. М., 1953. С. 677).

Действие II

С. 217 *Во фраке мердоа и в розовом платочке* — Прият, как и полагается сентиментальному герою, предпочитает пастельные тона (мердоа — от *франц.* merde d'oie — цвета гусиного помета, т. е. светло-серого).

Селадон — влюбленный пастух, герой романа французского писателя Оноре д'Юрфе «Астрея», с которым вероятно ассоциирует себя Прият.

По рощам и лугам с овечками гуляет... — т. е. воображает себя пастушком, героем идиллий и эклог, типичных сентиментальных жанров.

С. 218 *Манерным прыганьем вперед, и вкось, и взад* — для щеголя очень важно было владение искусством замысловатых и длительных поклонов.

С. 219 *То правда, робок он... и т. д.* — в этом отрывке противопоставляются два типа поведения при ухаживании за дамой: робкое и нерешительное у чувствительного героя и настойчивое и даже наглое у щеголя. Щеголи, изображаемые в сатирической литературе, часто уподобляют покорение женского сердца военной операции.

С. 219 *Гранодер* (гренадер) — первоначально солдаты-гранатометчики. В XVIII в. рослые отборные солдаты пехоты, использовавшиеся во время штурмов в авангарде и по флангам.
Ma charmante — моя прелестная (*франц.*).
Tous ces gens, madame — все эти люди, сударыня (*франц.*).

С. 220 *Friponne* — плутовка (*франц.*).
Вы приседаете! какое просвещенье! — Ветромах понимает просвещенье как владение светскими манерами, в частности, умением кланяться (см. примеч. на с. 540).
Maman — маменька/матушка (*франц.*).
Она не знает, что такое шить и плесть... и т. д. — в этом отрывке следует описание типичного распорядка дня щеголихи, поздно встающей, не утруждающей себя никакой работой, зато умеющей танцевать и петь и предпочитающей французский язык русскому.
Pour les gens du haut ton — для людей высшего света (*франц.*).
Jargon — испорченный язык, жаргон (*франц.*).
Экспримировать — от *франц.* exprimer — выражать.

С. 221 *Je brule, je languis!* — Я горю, я млею! (*франц.*) Цит. из трагедии Княжнина «Росслав», д. I, явл. 3. Скрытый комизм данной цитаты состоит в том, что в трагедии эти слова произносит идеальный герой, который, несмотря на возвышенность своих любовных переживаний, стыдится их.
Fi donc — выражение удивления смешанного с неприязнью (*франц.*).
Epoux — супруг (*франц.*).
Commen vous portez-vous — как вы себя чувствуете (*франц.*).
Je vous jure — я вам клянусь (*франц.*).
Que le diable m'emporte — черт меня возьми (*франц.*).
Par une grande porte — в широкие ворота (*франц.*).
Ma t te horriblement — моя голова ужасно (*франц.*).
Нажимация — искаж. от *франц.* imagination — воображение.

С. 222 *Грасы* — от *франц.* grace — прелесть.
Je m'en flatte — я льщусь (*франц.*).
Discours frivole — игривая беседа (*франц.*).

С. 223 *Не стыдно ли себя поставить в счет ослов? / И философствовать — дворянское ли дело?* — в XVIII в. занятия наукой и философией часто воспринимались как занятия «неблагородные», поскольку большинство российских ученых были либо разночинцами, либо мелкопоместными дворянами, либо выходцами из-за границы. Профессорское звание давало дворянство, поэтому казалось достойной целью именно для простолюдина. Кроме того, наиболее популярное и известное в России XVIII в. философское направление — просветительское — отрицало сословные привилегии и было исполнено буржуазного, антидворянского пафоса.

С. 224 *O, ciel* — о, небо (*франц.*).

С. 224 *Tous mes voeux* — все мои желания (*франц.*).
Agnes Sorel (Агнесса Сорель) (1409–1450) — фаворитка французского короля Карла VII, известная в XVIII в. благодаря поэме Вольтера «Орлеанская девственница», где она выведена как прекрасная женщина, искушенная в любви и обожаемая королем.
Je jurerai toujours — я всегда готов поклясться (*франц.*).
Делать кур — от *франц.* faire la cour — ухаживать.
Крим — от *франц.* crime — преступление.
Divinit — божество (*франц.*).
Beaucoup d'honneur, monsieur — много чести, сударь (*франц.*).

С. 225 *Флатируете* — от *франц.* flatter — льстить.
Мерит — от *франц.* m rite — достоинство.
J'ose vous это dire — я осмелюсь это вам сказать (*франц.*).
Delire — восторг, восхищение (*франц.*).
Qu'un homme tel que moi — что такой человек, как я (*франц.*).
Comment — как (*франц.*).
Helas — увы (*франц.*).

С. 226 *On ne peut plus* — лучше быть не может (*франц.*).
Que мысли vous avez — что ваши мысли (*франц.*).
V ritable — истинные (*франц.*).
Vous-vous moquez, monsieur — вы смеетесь над собою, сударь (*франц.*).
Je ne le croirai point — я этому ни за что не поверю (*франц.*).

С. 227 *Пикируетесь* — от *франц.* piquer — обижать(ся).
...мой отец... пречестный был кузнец — см. примеч. на с. 536–537.
Qu'entends-je — что слышу я (*франц.*).

С. 229 *У милостивца мне Андроса то случилось... и т. д.* — аллюзия на рассказ Трусима имеется в «Горе от ума» Грибоедова (д. II, явл. 2) в рассказе Фамусова о его дяде Максиме Петровиче, который для того, чтобы позабавить Екатерину II, несколько раз упал в ее присутствии и был за это награжден.

С. 230 *Констапель* — чин 13 класса в морской артиллерии.
Инде — в ином месте.

С. 232 *И очень филоз ф, зовут его Семен* — Пролаз выбирает для Прията простонародное имя, ориентируясь на убеждения Лентягина, выступающего против всего иностранного.

С. 233 *Аркадских пастушков* — Аркадия — в греч. мифологии страна райской невинности и патриархальной простоты, с благодатным климатом и населенная пастухами. Изображение Аркадии составляло содержание эклог и идиллий. Эти лирические жанры часто смешивают, хотя еще Сумароков и его последователи противопоставляли идиллии эклогам, так как в последних обязательным элементом являлся диалог.
Оставя робости романныя беремя — освободившись от бремени нерешительности, заимствованному из романов.

С. 233 *Селадонство* — см. примеч. на с. 540.
С. 234 *Ох, загоните вы овечек ваших в клев… Не стыдно ль вам, сударь, в тот час пасти баранов* — ирония Пролаза строится на буквальном понимании идиллических клише.
С. 235 *Филемон, Тирсис, Арсам, Аркас* — имена пастухов, типичных героев идиллий и эклог. Например, Тирсис упоминается в первой идиллии Феокрита и седьмой эклоге Вергилия. Аркас (один из вариантов имени царя Аркадии) часто встречается в русской поэзии («Аркас» В. И. Майкова, девятая эклога А. П. Сумарокова «Белиза»).

Действие III

С. 237 *Maraud* — мошенник (*франц.*).
С. 238 *Сибуль* — от *франц.* ciboule — шнитт-лук.
Pourquoi — почему (*франц.*).
Вертопрашный — см. примеч. на с. 537.
Poliment — вежливо (*франц.*).
Яган — Иоганн.
С. 239 *Bagatelle* — безделица (*франц.*).
Перюкье — от *франц.* perruquier — парикмахер.
...пукольки вам ставит по яйцу — т. е. делает большие букли в прическе.
Травник — зеленщик.
Tais-toi — молчи (*франц.*).
Являюсь, как звезда в параде на показ — кавалеры орденов обязаны были надевать звезду (знак отличия первых степеней ордена), облачаясь в парадный мундир, на всех торжественных приемах, но в обычные дни ее не носили.
С. 240 *Кеньги* — теплая обувь, валяная, меховая или кожаная, с теплым подбоем без голенищ.
О ком ты врешь? — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 521–522).
Которая себя любить вас подрядила за восемь тысячей… на каждый год — то есть она получает на тысячу рублей больше, чем канцлер, одна из первых особ в государстве.
Уй — от *франц.* oui — да.
С. 242 *Je me rends, tu triomphes* — я сдаюсь, ты торжествуешь.
С. 244 *L'impertinent! le fat!* — наглец, хлыщ (*франц.*).
С. 246 *Бадинкою* — от *франц.* badine — тросточка.
Офискирует — от *франц.* offusquer — оскорбить.
С. 247 *Содом* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 524).
С. 249 *...еще того не ведает жених: / Сам сделаю ему о этом предложенье* — презрение Лентягина к традициям выражается и в том, что он сам намерен делать предложение жениху, хотя обычно для этого прибегали к помощи посредников-сватов.
С. 250 *Князь ли он? иль граф? или хотя барон?* — из трех дворянских титулов, существовавших в России XVIII в. княжеский мыслился самым

почетным, поскольку его носили лишь потомки древних родов. Последним, кто жаловал этим титулом, был Петр I. *Граф* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 514). *Барон* — титул, появившийся в России в XVIII в. и присваивавшийся обычно незнатным, но попавшим в милость при дворе или очень богатым людям, порой баронство фактически покупалось, хотя это и было незаконно. Отношение к баронам было поэтому несколько пренебрежительным.

С. 259 *Квартермистр (квартирмейстер)* — лицо, ведающее размещением войск по квартирам.

С. 262 *...все люди одинаки: и я, старинный штаб, и офицер простой?* — популярный в литературе XVIII в. сатирический выпад против чиновной кастовости. Бригадир в одноименной комедии Фонвизина говорит о Боге: «Я не верю, чтоб волосы были у всех считаны. Не диво, что наши сочтены. Я — бригадир, и ежели у пяти классов волос не считают, то у кого же и считать их ему? ... Как можно подумать, что Богу, который все знает, неизвестен будто наш табель о рангах?» Табельные (старшие) чины в России делились на три уровня: генеральские (1–5 классы), штаб-офицерские (6–8 классы), обер-офицерские, простые, по словам майора (9–14 классы).

Не так же ли как все... Какая разница меж нас? — подобные аргументы против сословного и чиновного неравенства приводились философами и писателями эпохи Просвещения. Позднее близкий к реплике Лентягина фрагмент (возможно, аллюзия) встречается в «Записках сумасшедшего» Н. В. Гоголя. «Что ж из того, что он камер-юнкер? — пишет Поприщин. — Ведь через то... не прибавится третий глаз на лбу. Ведь у него же нос не из золота сделан, а так же, как и у меня, как и у всякого; ведь он им нюхает, а не ест, чихает, а не кашляет».

Иль я не весь майор, а если весь майор, / Так все то, что мое... и т. д. — игра слов, основанная на созвучии слов майор (маiор) и мое (маiо).

С. 263 *Парнас* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 517); недостойные певцы с Парнаса изгонялись (ср. реплику Свирелкина в д. V, явл. 5).

Пегас — в античной мифологии крылатый конь, на котором летали поэты в приступе вдохновения.

С. 264 *О рангах штат прочти...* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 513).

И в рифмах пишутся ль когда-нибудь патенты? — полемический выпад Княжнина. Патентом называлось свидетельство о праве на титул, должность или чин. Многие торжественные оды второстепенных поэтов конца XVIII в. были близки к патенту в стихах, поскольку без подлинного чувства доказывали величие вельможи-покровителя, часто мнимое. Княжнин часто высмеивал бездарных одописцев (см., например, его стихотворное послание «К княгине Дашковой») и считал похвальную оду отмирающим жанром. Сходные образы встречаются и в других сатирах на одописцев тех лет (ср. «в стихах реляция» в «Чужом толке» (1794) И. И. Дмитриева).

С. 264 *Стряпчий* — поверенный в судебных делах.

Экстрактец (экстракт) — докладная записка с кратким изложением судебного дела.

С. 265 *В смятенье вержут дух* — повергают дух в смущенье (одический штамп).

С. 266 *Грации* — в римской мифологии три богини изящества и красоты, сестры, сопровождавшие Венеру — богиню любви и красоты.

С. 267 *Овчинки добрые по векселям сдираю* — т. е. имею большой доход с каждого векселя.

Законец натяну с тебя бесчестье взять... я даже и увечье — см. примеч. к «Неудачному примирителю» (с. 529–530). Многие кляузники кормились, провоцируя окружающих на ссору и получая по суду компенсацию, либо шантажируя «обидчика», который предпочитал откупиться, не доводя дела до официального разбирательства. Д. И. Фонвизин в журнале «Друг честных людей, или Стародум» опубликовал письмо надворного советника Взяткина, который хотел бы превратить штрафы за бесчестие в постоянный доход и просит о «получении определенного по законам бесчестия и увечья как за сию, уже данную мне, пощечину, так генерально и за все могущие впредь со мной воспоследовать» (*Фонвизин Д. И.* Друг честных людей, или Стародум // Друг честных людей. М., 1989. С. 107). В то же время, предлагать бесчестье дворянину считалось оскорбительным, так как он должен был решать такие дела на дуэли, хотя поединки и были в России запрещены.

Действие IV

С. 269 *Он в ябеде себе находит содержанье / Из одного в другой переходя приказ* — ведение судебных дел незаконными методами в XVIII в. называлось ябедой. Поскольку взяточничество и иные злоупотребления чиновников преследовались властью, то хитрый ябедник, чтобы не подвергнуться наказанию, переходил из одного учреждения (которые в народе часто именовались допетровским термином «приказ») в другое.

С. 270 *Сиречь* — то есть.

С. 272 *Подтетерить* — подловить.

Лабет — от *лат.* labes — стыд.

И сделав вексельным уставом оборот — вексельный устав был впервые принят в России 16 мая 1729 г., позднее неоднократно уточнялся и дорабатывался и предписывал правила оформления векселей, ведения финансовых операций посредством кредитных документов и, что в данном случае особенно важно, взыскания денег по векселям.

С. 275 *Феникс* — мифическая птица, сжигающая себя на гнезде, а затем возрождающаяся из пепла. Здесь употреблено в значении «диковинка». В образе Феникса часто подчеркивалось его одиночество, как например в баснях Лессинга и Флориана «Феникс».

С. 278 *...для того себе считает нужным брак, / Чтоб вывести семью премудрых, нам подобных* — если признать прототипом Прията Хозикова, то в данной реплике можно видеть намек на его почти родственную заботу о Воспитательном доме, который был создан для реализации педагогических людей просветителей, стремившихся вырастить новое поколение идеальных философов.

Expr s — нарочно (*франц.*).

В пень станет голова — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 515).

С. 280 *...какой промышленник!* — здесь: пройдоха (от глагола «промышлять»). Слово «промышленность» в современном значении ввел Н. М. Карамзин в начале XIX в.

...точи твои, кому ты хочешь, пешки — обманывай, кого хочешь.

От нашей секты прочь... — Пролаз имеет в виду секту «философов», возможно намекая на аналогию с масонской ложей.

Bassesse — низость (*франц.*).

Obstacle — препятствие (*франц.*).

O, sort! — О, рок! (*франц.*).

Риваль — от *франц.* rival — соперник.

Подорожная – документ, дававший право проезда по России на государственных лошадях.

С. 281 *Хочу, чтоб ты убил путем французской чести* — т. е. на дуэли. Дуэль считалась в России французским заимствованием и понятие дуэльной чести часто именовалось по-французски pointe d'honneur.

Sot — глупец (*франц.*).

С. 282 *Сто ударов* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 512).

Десть — 25 листов бумаги.

С. 285 *Пеня* — жалоба.

С. 289 *Слыхал я: философ не любит умирать* — просветители часто выступали против дуэли, считая ее проявлением зависимости от светских предрассудков. Например, Ж.-Ж. Руссо в романе «Юлия, или Новая Элоиза» устами своей героини Юлии критикует дуэль как «дикий предрассудок», апеллируя к античности, где дуэль не имеет аналогов.

С. 291 *Колоться ль должно нам иль рубку произвесть* — выбор оружия должен был производиться до начала дуэли секундантами с учетом возможностей противников, которые все же обязаны были прийти к какому-то соглашению. Случаи, когда дуэль не состоялась, потому что противники не смогли договориться о типе оружия, неизвестны. Дуэль Пролаза и Высоноса пародийна, поэтому в ней нарушаются все правила.

С. 292 *...ин изволь, и стань же в позитуру / Увидишь, проколю как я твою фигуру* — эти строки А. С. Пушкин поставил эпиграфом к главе 4 повести «Капитанская дочка» (изменив слово «увидишь» на «посмотришь»). *Позитура* — фехтовальный термин, который означает позу, принимаемую участником поединка.

С. 293 *Скло* (простонар.) — стекло.

С. 296 *И помнится у нас по полной оплеухе* — А. С. Пушкин неточно цитирует этот стих как пословицу в статье «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (1831).

Действие V

С. 297 *При перевязке ран... не чувствовать терзанья* — общий наркоз при хирургических операциях впервые в России применил Н. И. Пирогов в середине XIX в., до этого для облегчения мучений раненых им действительно давали алкоголь.

С. 300 *...играть изволит в едну* — една (одна) — карточная игра в «очко» («двадцать одно»), распространенная и поныне.

Фортунина крыльца я на низу стоя... — богиня Фортуна (см. примеч. к «Хвастуну» на с. 519) иронически уподоблена вельможе, при выходе которого служители и просители стояли на крыльце соответственно чину и общественному положению.

С. 301 *Омрак* (простонар.) — обморок.

Кубарь — детская игрушка, кружащийся деревянный шар, приводимый в движение бичом.

С. 302 *Ваш праотец был сват Осколду древнему, что Киевом ворочал* — бояре Рюрика Аскольд (Оскольд) и Дир княжили в Киеве, ходили воевать с Византией и около 882 г. были убиты новгородским князем Олегом, захватившим Киев. Более подробных сведений об этих легендарных лицах нет, поэтому возведенная к свату Аскольда родословная иллюзорна. Русскому зрителю XVIII в. имя древнего князя было знакомо по весьма репертуарной трагедии А. П. Сумарокова «Семира» (1751), в которой Оскольд устраивал в Киеве мятеж против Олега и погибал, а его сестра Семира выходила замуж за сына Олега, Ростислава. Если учесть этот сюжет, то не окажется ли род Лентягиной возведен к Олегу?

С. 303 *Эпиталама* — свадебная песнь, жанр античной лирики.

С. 304 *...струя пермесских вод* — воды Кастальского ключа, которые, согласно античной мифологии, давали вдохновение поэтам.

Драгой Ирисе... — в любовной лирике XVIII в. в подражание античной поэзии использовались условные имена, казавшиеся возвышенно-поэтическими по сравнению с реальными бытовыми. *Ириса* — одно из наиболее популярных подобного рода имен, так звали римскую богиню радуги.

С. 305 *Глаза пресветло-голубые... и т. д.* — голубоглазая героиня — штамп сентиментальной литературы. Показательно, что Н. М. Каразмин в первой редакции «Бедной Лизы» наделил свою героиню черными глазами, но потом исправил их на голубые (см. *Кочеткова Н. Д.* Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 198–201). Ср. также стихотворение

П. Г. Гагарина «Черные глаза и голубые»: «Страсти буйство в глазе черном, / Страсти нежность в голубом».

С. 305 *Алкид* — Геркулес, величайший греческий герой.

С. 306 *Венера* — в римской мифологии богиня любви.

Аполлон — в греческой мифологии бог-покровитель искусств.

В идиллиях — см. примеч. на с. 542. Смешение греческих и латинских имен богов типично для литературы XVIII в.

Феб — одно из имен Аполлона, означающее «Блистающий».

В элегиях — лирическое стихотворение медитативного, чаще печального содержания, преимущественно от первого лица.

Содом — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 524).

С. 307 *«Ода на мороз»* — согласно правилам нормативной поэтики, ода обычно посвящалась событиям государственной жизни или философским размышлениям. Мороз, осмысленный как значительное событие и избранный предметом одического восторга, с точки зрения читателя XVIII в., — нелепость. Однако тема зимы стала весьма популярна у русских поэтов конца XVIII в.: «Желание зимы» (1778) М. Н. Муравьева, описание царства Зимы в 12 песни «Россиады» (1779) М. М. Хераскова, «На рождение в севере порфирородного отрока» (1779), «Желание зимы» (1787), «Осень во время осады Очакова» (1788) Г. Р. Державина, «Русский 1791 год. Зима» и «Зима» (1790-е гг.) Н. А. Львова, «Мой отъезд в феврале месяце» (1793) А. И. Клушина, «Зимние явления» (1799) А. С. Жуковой, «Зима» (1802) Ф. П. Ключарева, «Зима» (1806) В. В. Капниста. Эти тексты восходят к известной оде Ж.-Б. Руссо (1670–1741) «Зима» и трактуют разрабатываемый образ совершенно по-разному. Трудно сказать, на кого из участников полемики намекает Княжнин. Стоит все же вспомнить, что он был близок к поэтам Львовского кружка (Львов, Державин, Капнист), чьи описания зимы как правило пародийны по отношению к мрачному и возвышенному изображению этого времени года у Хераскова и его последователей-сентименталистов.

С. 308 *Глазуновы* — братья и компаньоны, издатели и книготорговцы, Матвей Петрович (1757–1830), основатель фирмы, открывший в 1782 г. книжную лавку в Москве, в 1784 г. — в Петербурге, Василий и Иван (1762–1831), сперва заведовавший петербургской лавкой, в 1788 г. открывший собственную книжную торговлю в столице, а в 1790 г. организовавший издательство. Княжнин, видимо, имеет в виду последнего, поскольку именно у него продавал свои сочинения.

Я видел, как твои, изодраны в прилавки... и т. д. — в русской литературе довольно частый мотив использования бумаги с текстом художественного произведения в качестве обычной, в том числе оберточной, бумаги (ср. в сатире И. И. Дмитриева «Чужой толк»: «И оду уж его тисненью предают, / И в оде уж его нам ваксу продают»).

Здесь комичность ссоры между поэтами заключается в том, что спор идет о предпочтительности для их стихов галантерейной или рыбной лавки.

С. 309 *Денигреваться* — от *франц.* d nigrer — позорить, здесь: опозориться.

quel propos, fi donc — фи, с какой стати (*франц.*).

Honte — честь (*франц.*).

Сотиз — от *франц.* sottise — глупость.

С. 310 *Бетиз* — от *франц.* b tise — скотство.

Ils sont foux — они безумцы (*франц.*).

En trois ou quatre mots — в трех-четырех словах (*франц.*).

Vous tes des grands sots — вы великие глупцы (*франц.*).

С. 311 *Его высокородье* — в XVIII в. официальное обращение к лицам 5-го класса, низшего генеральского чина. Судья употребляет эту формулу просто как подчеркнуто почтительное обращение.

Комиссион — (от *франц.* commission) поручение.

Я стряпаю теперь — я теперь стряпчий. Стряпчие часто были отставными, в том числе и уволенными за взятки, чиновниками, которые помогали клиентам составлять прошения, подбирали ссылки на нужные законы и руководили тяжущимися во время процесса. Поскольку института адвокатуры в России не существовало, деятельность стряпчих была необходима и очень доходна.

С. 312 *...не страшась никаковой палаты...* — речь идет о гражданской и уголовной палатах, на которые разделялся суд по указу 1775 г.

Все это денежки наличны для меня — см. примеч. на с. 545 и к «Неудачному примирителю» (с. 529–530).

С. 313 *В правление сей час изволь-ка показаться* — Губернское правление включало в себя суд.

...я сыскать порук могу — если неисправному должнику удавалось найти поручителя, то есть перевести вексель на иное платежеспособное лицо с согласия последнего, то он избегал заключения в долговой тюрьме.

Tout fait — совсем (*франц.*).

Interdit, stup fait — изумлен, ошеломлен (*франц.*).

Карактер — от *франц.* caract re — характер.

С. 314 *Ce contrat* — этот договор (*франц.*).

С. 315 *Vous tes en d lire et vous radotez* — вы в бреду и заговариваетесь (*франц.*).

Prenez part — принимаете участие (*франц.*).

С. 317 *En tremblant* — с трепетом (*франц.*).

Tout est dit — все сказано (*франц.*).

Except moi — кроме меня (*франц.*).

Que vois-je — что вижу я (*франц.*).

С. 322 *Рядная* — обязательство, подписываемое при помолвке, в котором оговаривались, в частности, вопросы приданого. В XVIII в. составление рядной воспринималось уже либо как устаревшая традиция, либо как процедура, унизительная для порядочного, не способного

на обман человека. Интересно, что модница Лентягина предлагает писать рядную и не считает это неблагородным. В XIX в. рядные составлялись, главным образом, у купцов, реже — у провинциальных дворян.

С. 323 *Je suis content* — я доволен (*франц.*).
Adieu — прощайте (*франц.*).

Несчастье от кареты

Впервые отдельным изданием: СПб., 1779. Имеется во всех сборниках пьес Княжнина. См. также: Комедия и комическая опера XVIII в. / Подготовка текста и вступ. статья П. Н. Беркова. М.; Л., 1950. С. 247–262. А. Я. Княжнин и Е. Болховитинов полагали, что пьеса написана не позднее 1772 г., однако, даже если это так, отсылки к опере М. В. Попова «Анюта» (1772) (подробнее см. вступит. статью, с. XXXVI–XXXVII) показывают, что автор дорабатывал текст. Поставлена впервые на придворном театре и дана в Петербурге в присутствии императрицы и великого князя Павла Петровича с супругой 7 ноября 1779 г. В письме Д. И. Хвостову от 19 ноября 1779 г. М. Н. Муравьев следующим образом описывает премьеру: «Мы забавляемся здесь русской оперою комическою... Какие актеры! Вы не можете представить, с какою радостию принято у нас сие рождение нового зрелища: седьмого числа сего месяца дана была в первый раз опера комическая “Несчастье от кареты”, сочинение Якова Борисовича. Господин Пашкевич, сочинитель музыки, был сам действующим лицом на театре. Молодая девица, певица, дебютировала в роли Анюты. Ее любовник, Лукьян был этот Черников, который всегда лучше игрывал Шумского, а теперь себя превосходит» (Цит. по: Комментарий. С. 742). 26 июля 1780 г. впервые дана на московской сцене. В столице «Несчастье от кареты» ставили лишь при жизни автора и довольно редко: с 1779 по 1791 гг. прошло всего 8 спектаклей, несмотря на то, что роль Фирюлина с блеском исполнял А. М. Крутицкий, и, по свидетельству С. Н. Глинки, это была любимая комическая опера императрицы (*Глинка*. С. 100). Зато в Москве опера была очень популярна: в 1780–1800 гг. она была сыграна 44 раза и еще дважды в 1810 г. «Несчастье от кареты» часто ставилось в крепостных театрах — А. Р. Воронцова, Н. П. Шереметева, в 1802 г. в театре графа Волькенштейна роль Фирюлина исполнял юный М. С. Щепкин. Пьеса шла также на провинциальной сцене, в частности, в вольном харьковском театре. В 1921 г. в Москве известный режиссер Н. М. Фореггер поставил учебный спектакль по опере Княжнина в труппе бывших красноармейцев. Роль Фирюлина в этой постановке была одной из первых актерских работ Э. П. Гарина.
Музыку к опере написал Василий Алексеевич Пашкевич (1742–1797) — в то время скрипач, с 1789 г. — дирижер придворного оркестра. Впоследствии Пашкевич создал музыку к операм Княжнина «Скупой» и императрицы Екатерины II «Февей».

Действующие лица

Фамилия *Фирюлин* происходит, по мнению Л. И. Кулаковой, от диалектного «фирюля» — «простак, глупец». Возможно также созвучие с лат. и итал. «ferula» — «прут, розга».

Анюта — имя, популярное для обозначения крестьянской девушки в русских комических операх, начиная с первой из них — «Анюты» М. В. Попова.

Возможно, что учтены значения имен:

Трофим — *греч.* «кормилец».

Афанасий — *греч.* «бессмертный».

Шут — в Европе шуты почти исчезли к началу XVIII в., в России же официальное содержание придворных шутов прекратилось только при Екатерине II, но во многих дворянских семействах шуты продолжали существовать вплоть до царствования Александра I (подробнее см. *Кросс Э.* «Такую роль глупец не одолеет» — Афанасий в пьесе Княжнина «Несчастье от кареты» // XVIII век. Сб. 21. СПб., 1999. С. 228–238).

Клементий — *греч.* «кроткий».

Приказчик — здесь: управляющий имением.

Действие I

С. 327 *...долину, окруженную горами* — декорация пьесы условна, стилизована под европейскую сентиментальную идиллию, например, под входящие в моду идиллии швейцарского поэта С. Геснера, действие которых происходит в альпийских долинах. Если деревня Фирюлина находится недалеко от Петербурга (об этом сказано дважды), то гор в ее окрестностях быть не может: даже при Валдайской возвышенности долин нет.

С. 330 *...челом бью овцой* — бить челом (лбом) — подавать прошение (первоначально с земным поклоном, ударяясь лбом до земли). Трофим просит о помиловании, предлагая за это овцу.

С. 331 *Оф... ан!.. си... ро... вать* — от *франц.* offenser — оскорблять.

Бальи — от *франц.* bailli — судья.

...на продажу годных людей в рекруты — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 515).

С. 333 *...можно на тебя купить около трети кареты...* — официальная цена рекрута в то время — 150 руб., но так как продажа рекрутов была незаконной, то реальная цена была значительно выше. В 1777 г. Г. А. Полетико писал: «Здесь за людей очень хорошо платят, за одного человека, годного в солдаты, дают по 300 и по 400 рублей» (Киевская старина. 1893. Т. 41. № 5. С. 211). Неплохой, но достаточно скромный экипаж можно было купить за 100–120 руб. Производство карет в России только начиналось и находилось в ведении иностранных мастеров, большая часть экипажей привозилась из-за границы, поэтому цены на них были высоки. В 1779 г. Н. М. Голицын

сообщал в письме, что некий князь просил его заказать мастеру четырехместную карету от 900 до 1200 руб. и одноместную в 700 руб., так, чтобы вместе они стоили не дороже 2000 руб., а В. Б. Голицын приискал четырехместный экипаж за 825 и двухместный за 625 руб., причем к последнему предлагалось еще заказать шоры за 200 руб. (Памятники московской деловой письменности XVIII века. М., 1981. С. 38–39). В сатирической «Карманной книжке» (М., 1791. С. 46–48) говорится, что цена на карету, которую может себе позволить дворянин, должна соотноситься с числом принадлежащих ему душ, т. е. владельцу 100 душ полагается покупать карету за 100 руб. и т. д. С другой стороны, кареты вельмож могли стоить целого имения. Так, С. К. Нарышкин приехал на бракосочетание Петра III в карете за 30 тыс. руб., у которой даже в колесах были зеркальные стекла. Тем не менее, соотношение рекрута и кареты в опере Княжнина вполне правдоподобно. Оно повторяется в сцене рекрутского набора в «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) А. Н. Радищева, возможно, содержащей аллюзию на «Несчастье от кареты»: «...я подошел к толпе, среди которой увидел трех скованных человек крепчайшими железами... Они принадлежали одному помещику, которому занадобилися деньги на новую карету, и для получения оной он продал их для отдачи в рекруты казенным крестьянам... Господин сих несчастных, взяв по договору деньги, отпускает их на волю; они, будто по желанию, приписываются в государственные крестьяне к той волости, которая за них платила деньги, а волость по общему приговору отдает их в солдаты», освобождая своих крестьян от повинности («Городня»). Другой способ обойти закон о запрете продажи рекрутов — письменный договор о заключении купчей после набора.

С. 333 *...нарядивши в праздничное отца своего платье, перекрестил из Афанасья — Буфоном.* — Буфон (*франц.* bouffon) — шут. Поскольку отец Фирюлина оценивается как хороший помещик, а его сын — поклонник французов — как жестокий гонитель всего отечественного, можно предположить, что старый барин одевался в русское платье, вызывавшее смех сына.

Действие II

С. 336 *Перед ним* — у него, за ним.

С. 337 *О, нестерпима часть!* — о, нестерпимая участь!

С. 338 *Деликатес* — от *франц.* delicatesse — утонченность, нежность

Какие врали! — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 521–522).

...красные каблуки я, а она чепчики — мода на каблуки красного цвета как у женской, так и у мужской обуви была заимствована из Франции в последней трети XVIII века. Чепчики вошли в моду в тот же период.

С. 339 *O, Paris!* — О, Париж! (*франц.*)

С. 339 *Mon Dieu!* — Боже мой! (*франц.*)
Mon coeur! — Сердце мое! (*франц.*)
Horrible! — Ужасно! (*франц.*)
Mon ami! — Мой друг! (*франц.*)

С. 340 *Parbleu!* — Черт возьми! (*франц.*)
Monseigneur! — Государь! (*франц.*) (полное обращение крепостного крестьянина к своему помещику).
Madame! — Государыня! (*франц.*)
Monsieur — господин (*франц.*).
Бездельник — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 512).
Mon cher! — Дорогой мой! (*франц.*)
Стоя назади — на запятках кареты.

С. 341 *«Поди»* — кричали кучера и лакеи или форейторы, отгоняя прохожих от кареты.
Mariez-vous — женитесь (*франц.*).
Что это за тварь? Меня отцом называть смеет! — Л. И. Кулакова отмечает параллель этой реплики с фрагментом из «Копии с отписки», напечатанной в журнале Н. И. Новикова «Трутень»: «С Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублей и он на сходе высечен. Он сказал: я-де это сказал с глупости, и напредки он тебя, государя, отцом называть не будет» (Комментарий. С. 742).

С. 342 *Безделка* — см. примеч. к «Чудакам» (с. 538).

Скупой

Впервые: Собр. соч. Т. 3. СПб., 1787. Написана и впервые представлена в Петербурге около 1782 г. Возможно замысел возник в 1780 г., когда Княжнин хлопотал об освобождении московской девицы Марьи Гавриловны Барановой из-под опеки притеснявшего ее секретаря А. А. Игнатова. На столичной императорской сцене вновь появилась лишь в 1811–1812 гг. и была сыграна всего трижды. В Москве опера была очень популярна; впервые дана 22 мая 1782 г. и до 1807 г. прошла 22 раза в Петровском театре и в здании Воксала. «Скупого» ставили на рубеже XVIII и XIX вв. также в крепостных (у А. Р. Воронцова) и вольных провинциальных (харьковском) театрах. Музыку к опере написал В. А. Пашкевич (см. примеч. к «Несчастью от кареты» на с. 550).

С. 345 *Сиятельная* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 515).

С. 347 *Полушка* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 524).
Тороватый — щедрый.
Киса — кошелек.

С. 348 *Провал ее возьми!* — Провались она!

С. 351 *Хочет поддеть на лылы* — хочет обмануть.

С. 351 *Человеколюбие!.. В старину этих длинных слов у нас не слыхать...* — ср. слова Бартоло в «Севильском цирюльнике» (1775) Бомарше: «Век варварства!.. что он дал нам такого, за что мы могли бы его восхвалять? Всякого рода глупости: вольномыслие, всемирное тяготение, электричество, веротерпимость, оспoпрививание, хину, энциклопедию и драматические произведения...» (д. I, явл. 3).

...процентов десятка по три слупишь... — огромный процент, так как официально обычной брали 6 %. А. П. Сумароков говорил о своем зяте А. И. Бутурлине как о безжалостном ростовщике, приводя в доказательство, что он берет по десяти рублей со ста, то есть 10 % (Письма русских писателей. С. 104).

Дочь ли, сына ли, племянницу ли вспоишь... вот те и воспитание... — здесь Скрягин упоминает устаревавшие домостроевские принципы воспитания детей, в которых главное внимание уделялось физическому здоровью, измерявшемуся степенью упитанности ребенка (ср. воспитание Митрофанушки в «Недоросле» (1781) Д. И. Фонвизина).

А ныне завелись какие-то монастыри... корпусы... ссудные да сохранные казны! — имеются в виду: Воспитательное общество благородных девиц при Смольном монастыре (создано в 1764 г.), Сухопутный шляхетный (1732 г.) и Морской (1752 г.) кадетские и Пажеский (1759 г.) корпусы, ссудные и сохранные казны (кассы) (впервые — в 1771 г.) при Воспитательных домах (приютах) и других культурно-просветительных учреждениях для обеспечения денежного состояния детей, воспитывающихся за счет государства, после достижения ими совершеннолетия, а также для помощи «нужду в деньгах имеющим и в той нужде ростовщиками утесняемым». Ссудные кассы выдавали денежные ссуды под 6-процентный залог драгоценностей и недвижимости, причем один процент отчислялся на нужды Воспитательного дома. Перечисленные учреждения находились в ведении И. И. Бецкого, ставшего незадолго до написания пьесы начальником Княжнина, и казались венцом гуманности, плодом просвещения и даже смелым экспериментом в духе современной французской философии. Должно, однако, заметить, что при всей прогрессивности их устройства и неоценимом вкладе в развитие русской культуры, быт воспитанников этих заведений зависел порой от лиц, подобных княжнинскому Скрягину: на стол воспитанника Сухопутного кадетского корпуса в день полагалось 18 коп., Пажеского корпуса — рубль, что, по свидетельствам мемуаристов, оказывалось явно недостаточным для молодых организмов. В Воспитательном доме на каждого ребенка отводилось всего 27 руб. в год, что определяло высокую смертность питомцев (за десятилетие 1780-х гг. из них выжило всего 12 процентов). Известно также, что бухгалтер ссудной кассы Х. Ф. Фрейтаг за 1779–1782 гг. службы задолжал казне 6826 руб. 10 коп.

С. 352 *Книг!.. девке книги читать!* — распространение женского образования раздражало поборников патриархальных нравов. Ср. реплику г-жи Простаковой в «Недоросле» (1781) Д. И. Фонвизина: «Вот до чего дожили. К девушкам письма пишут! девушки грамоте умеют!.. я, благодаря Бога, не так воспитана. Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому» (д. I, явл. 6).
Пять тысяч! — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 519).
Пятнадцать рублей — собрание сочинений Княжнина стоило около 4 руб. в переплете.

С. 358 *Я с рубля на каждый день более полушки не возьму* — неслыханный процент: 0,25 процентов в день (с рубля — полушка), то есть 86,25 процентов в год.
Это в год придет без малого капитал на капитал — то есть через год долг удвоится.

С. 359 *...как в вольный дом зашел* — вольными домами называли публичные дома, трактиры и иные увеселительные заведения.
...прибираешься взять бесчестье с меня... — см. примеч. к «Неудачному примирителю» (с. 529–530) и «Чудакам» (с. 545).

С. 362 *Зреть* — видеть.
На час остановись... — на миг остановись.

С. 367 *Аршин* — см. примеч. к «Чудакам» (с. 537).

С. 369 *Все равно, я и ассигнациями возьму* — введенные в 1768 г. ассигнации (бумажные деньги) обменивались только на медную монету и стали быстро обесцениваться. В стране установился двойной денежный курс: более дорогие серебряные деньги и дешевые (бумажные и медные).

Сбитенщик

Впервые: Собр. соч. Т. 3. СПб., 1787. Последний раз полностью издавался в сборнике: Комическая опера XVIII в. М., 1913. Опера написана, согласно традиционной датировке, около 1783 г. и, видимо, в 1784 г. поставлена в Петербурге (см.: ИРДТ. С. 463). Первые известные даты постановок — 2 октября 1786 г. в Петербурге и 27 января 1787 г. в Москве. «Сбитенщик» — наиболее популярное произведение Княжнина, дольше всего удержавшееся на сцене, и одна из самых репертуарных русских пьес в конце XVIII — первой половине XIX в. В столице при жизни автора (до 1791 г.) опера прошла 6 раз, после возобновления (12 сентября 1795 г.) до 1804 г. — 15 раз. Успех оперы в Москве был исключителен — с 1787 по 1806 гг. она давалась 40 раз. Интерес к «Сбитенщику» не уменьшался и позднее: в 1810–1816 и 1818–1827 гг. было дано по 27 представлений оперы вместе на петербургской и московской сценах. Пьеса возобновлялась в обеих столицах также в 1831–1834 гг. (8 спектаклей) и в 1850–1852 гг. в Петербурге (7 спектаклей). Современники отмечали блестящее исполнение роли Степана В. Чер-

никовым (Драмматический словарь. С. 60); Волдырева с успехом играл А. Г. Ожогин. В середине XIX в. партию Степана пел видный оперный артист О. А. Петров. «Сбитенщика» охотно ставили в крепостных театрах (например, у А. Р. Воронцова). В 1802 г. в театре графа Волькенштейна роль Степана исполнял юный М. С. Щепкин. Опера входила в репертуар большинства провинциальных театров первой половины XIX в.: постоянно шла в Харькове, Казани (в исполнении крепостных трупп П. П. Есипова и П. А. Соколова), Иркутске. О популярности оперы свидетельствует появление пьес, продолжающих ее действие — «Свадьба господина Волдырева» (1793) В. А. Левшина и «Мельник и Сбитенщик — соперники» (1794) П. А. Плавильщикова.

Зимой 1921 г. режиссер В. Жемчужный поставил оперу Княжнина под названием «Продавец сбитня» с новой музыкой в Театре РСФСР Втором. Роли исполняли члены самодеятельной труппы бывших красноармейцев. Степана играл А. Шалонский, Болтая — молодой Э. П. Гарин, считавший эту роль первой своей серьезной работой и оставивший интересные воспоминания о спектакле: «В доме 53 по Арбату, в котором жил А. С. Пушкин после женитьбы... был оборудован чистый и уютный зрительный зал мест на 250... Удалось добыть несколько мешков ситцевого лоскута. Весь женский состав принялся нашивать, по указаниям художников эти лоскуты на мешковину. Задник представлял собою две арки, многоцветные стены были похожи на крестьянские лоскутные одеяла, занавесы в арках занимали буквы, нашитые из лоскутов другого цвета. "Театр Петрушки" — было написано на них. Порталы украшены разноцветными листами бумаги. На порталах огромные бумажные фонари. Они "работали" в ночных сценах. Действующие лица были костюмированы соответственно декорациями, преувеличенно подчеркнуто. В спектакле участвовала "собака", ее шкура была сделана из лоскутов, нашитых на мешковину и висевших, как шерсть у пуделя. Нерадов, изображавший собаку, лаял с мастерством, а так как собака выступала на стороне добра и справедливости, то ее искусные интонации вызывали особый восторг зрителя» (*Гарин Э. П.* С Мейерхольдом (воспоминания). М., 1974. С. 18). Спектакль имел значительный успех, артисты ездили с ним на гастроли в Вязьму, Тулу и Рязань. О представлении с похвалой отозвались известные режиссеры В. Э. Мейерхольд и В. М. Бебутов.

Музыку, с которой опера ставилась в XVIII–XIX вв., написал придворный музыкант А. Бюлан.

В пьесе используются мотивы комедий Ж.-Б. Мольера «Школа жен» (*Moliere J.-B.* L' cole des femmes. 1662) и П.-О. К. де Бомарше «Севильский цирюльник, или Тщетная предосторожность» (*Beaumarchais P.-A. C.* Le Barbier de Seville. 1775); подробнее см. вступ. статью (с. XLIX–L).

Действующие лица

Сбитенщик — продавец сбитня — горячего безалкогольного напитка, приготовленного из меда и сахара с пряностями, сваренных в кипятке (иногда в

трактирах делали алкогольный сбитень на винной основе). Состав напитка бывал различным: так содержание меда и сахара в сиропе могло колебаться от 300 г. (по 150 г. каждого ингредиента) до 150 г., из пряностей добавлялись обычно корица, гвоздика, имбирь или кардамон, мята и др. Сбитень — национальный русский напиток, весьма питательный и дешевый. «Есть у них, — пишет о русских Казанова, — восхитительный напиток, название которого я запамятовал, лучше, чем щербет, что пьют в Константинополе в домах знатных вельмож» (*Казанова Дж.* История моей жизни. М., 1991. С. 574).

Волдырев... Макеем — хотя фамилии у купцов стали появляться уже с XVI в., но это касалось только «именитого купечества», а значительная часть купцов оставались бесфамильными вплоть до XIX в. Фамилия считалась дворянской привилегией, а купечество постоянно пополнялось за счет низших сословий. Для того чтобы именоваться по фамилии, купец должен был получить особое разрешение как минимум городских органов власти. Поэтому называясь Волдыревым, т. е. присваивая себе фамилию, купец Макей повышает свой социальный статус обманным путем (см.: *Никонов В. А.* Имя и общество. М., 1974. С. 160–178).

Извед — вероятно, это имя должно значить «опытный, ловкий».

...сын секретаря того же города — секретарь — небольшая должность в одном из судебных учреждений.

Полицейские пристава — мелкая полицейская должность, надзиратели за порядком и арестантами.

Действие I

С. 379 *Подьячий* — чиновник, судья.

С. 381 *Сбитень мой... у скупых* — в конце XVIII в. европейские горячие напитки (чай, кофе, шоколад) стали заметно вытеснять сбитень, который благодаря своей дешевизне превратился главным образом в простонародное лакомство.

Достойна пить кофе — кофе в России был введен в употребление при Петре I и, оставаясь дорогим, считался аристократическим напитком. Это был любимый напиток Екатерины II, употреблявшей чай лишь как лекарство. Императрице приготовляли из лучшего мокко крепчайший напиток в особом золоченом кофейнике, в который насыпали фунт кофе, а получалось ровно две маленькие чашки, но крепость смягчалась сливками.

Бездельник — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 512).

С. 382 *Баклага* — высокий и круглый деревянный сосуд, долбленый или обручный, в котором торговцы носили сбитень.

С. 383 *Бреет весь завод* — т. е. все стадо (от глагола заводить).

...провинциального секретаря — имеется в виду, вероятно, не гражданский чин 13 класса, а должность отца Болтая.

С. 384 *Виват* (*лат.* vivat) — да здравствует.

С. 385 *Вертопрах* — см. примеч. к «Чудакам» (с. 537).
Алтын — три копейки.
Посочу-ста — поищу. См. примеч. к «Хвастуну» (с. 518).
С. 387 *...офицерский или и выше чин... в шарфе* — см. примеч. к «Трауру» (с. 534).
С. 388 *Учлив* (простонар.) — учтив.
Для ча (простонар.) — для чего.
С. 389 *Острамила* — опозорила, от «страм» (см. примеч. к «Хвастуну», с. 518).
С. 394 *Кабениться (кобениться)* — корчиться, кривляться; перен. ломаться, чваниться.

Действие II

С. 397 *Счастье строит все на свете* — счастье — здесь: случай, удача, строит — устраивает. Ария Степана является переводом немецкого стихотворения: Ohne Gl ck in unsern Tagen, / Hielt Vern nfst und Klugheit nicht; / Gl ck f hrt auf einen gold'nen Wagen, / Wer vern nftig zu F ssen kriecht. Этот текст приписывают Х. Ф. Вейссе (*Глинка.* С. 93–94) и Х. Ф. Геллерту (*Тихонравов Н. С.* Сочинения. Т. III. Ч. 2. М., 1898. С. 323). Эта ария Степана была, по свидетельству современников, популярна еще в середине XIX в.
Говорить, так будет больно... поперек — если высказать свое мнение, то высекут.
С. 401 *Безделка* — см. примеч. к «Чудакам» (с. 538).
С. 405 *Взабыль* — как быль, т. е. на самом деле.
С. 410 *Нишкни* (простонар.) — замолчи.
С. 416 *...на руку охулки не положу* — охулка — осуждение, от глагола хулить.
С. 417 *Кисельник* — тот, кто производит и продает кисель; перен. вялый и хилый человек. Возможна аллюзия на басню А. П. Сумарокова «Кисельник» (1761), герой которой оказывался разбойником.
С. 418 *...деньги медные... А если серебряные станет давать? — Ни золотых не берите* — см. примеч. к «Скупому» (с. 555) и к «Трауру» (с. 533).

Действие III

С. 419 *Похимистил* (разг.) — похитил.
...мартовского пива... — по способу приготовления пиво делилось на летнее (мартовское) и зимнее. Мартовское требовало более длительной выдержки и брожения при более низкой температуре и отличалось от зимнего по набору и качеству ингредиентов.
С. 420 *...как ряпушка в закол плывет* — для промысла небольшой по размерам, но вкусной рыбы ряпушки на Ладожском озере использовались заколы — два параллельные ряда сетей, первый из которых имеет отверстия, а второй сплошной, внутри сети расставлены мережи (сети, натянутые на обручи, куда попадает рыба, натолкнувшаяся на препятствие).
Врючу — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 513).

С. 421 *Десятские* — полицейские.
С. 425 *...не только простым, да еще и штаб-офицером буду* — простые (обер) офицеры 14–9, а штаб-офицеры — 8–6 класса.
С. 432 *Перестань врать о ведьме* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 521–522).
С. 433 *...на съезжую* — в полицейский участок.

Притворно сумасшедшая

Впервые: Собр. соч. Т. 4. СПб., 1787. Время создания точно неизвестно, видимо, середина 1780-х гг. Премьера состоялась 29 июня в Петербурге. Опера не имела успеха и в столице более не представлялась. В Москве была поставлена 21 января 1795 г. и до 1800 г. прошла 7 раз. Музыку к опере написал Дж. Астарита. Традиционно считается, что пьеса представляет собой переделку комедии Ж.-Ф. Реньяра «Любовное безумие» (*Regnard J.-F.* Folies Amoureuses. 1704), однако, возможно, Княжнин пользовался и реньяровским источником — итальянской оперой Строцци «Притворно сумасшедшая» (1645), который мог быть известен композитору Астарита. Трехактную комедию Реньяра Княжнин перекомпоновал в два действия и добавил финальную сцену в Венеции, которая, впрочем, могла содержаться в итальянской опере. Из важнейших изменений, внесенных Княжниным следует отметить перестановку переодеваний героини: у Реньяра сперва она наряжается музыкантом, потом слуга вызывается ее лечить, потом она наряжается старушкой.

Действующие лица

Имена всех персонажей почерпнуты из иностранного источника, однако Княжнин поменял ролями героинь: Агата (греч. «добрая»; в русском произношении — *Агафья*) у Реньяра — госпожа, а Лизетта (русская *Лиза*) — служанка. Хотя такое распределение имен вполне соответствует западной комедийной традиции, Княжнин отказывается от него: имя Агафья кажется ему «низким», простонародным, а Лиза ассоциируется с условной героиней французской сентиментальной лирики, что видно из стихотворений самого Княжнина «Флор и Лиза» (1778), «Ты и Вы. Письмо к Лизе» (1786).

Эраст (*греч.* «любимый») — типичное в сентиментальной литературе имя героя-любовника (наиболее известен Эраст из «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина).

Криспин — одно из традиционных имен слуги-плута в классической комедии (ср. «Криспин — соперник своего господина», 1707, А. Р. Лесажа).

Площадь св. Марка — центральная площадь Венеции, на которой расположены пятикупольный собор св. Марка с колокольней и правительственные здания Старых и Новых Прокураций, поблизости находится Дворец Дожей (правителей Венеции). В конце XVIII в. Венеция еще была независимой купеческой республикой и славилась, в частности, пышным ежегод-

ным весенним карнавалом, к которому отнесено последнее явление оперы. На площади св. Марка разворачивались главные события празднества — шествия, гулянья и маскарады, выступления акробатов, дрессировщиков и плясунов, кукольные представления, торговля предсказателей, знахарей-шарлатанов и пр.

Действие I

С. 438 *...черт, как жиды, в субботу ничего не делает...* — обыграно происхождение слова «шабаш» (еженедельный праздник, устраиваемый, по народным представлениям, чертом и его слугами) от еврейского «шаббат» («суббота», день, в который было завершено творение мира и который назначен Богом, по мнению иудеев, для абсолютного отдыха).

С. 442 *Этот чертополох...* — видимо, Княжнин пользовался итальянским источником: *итал.* «lappola» («чертополох») означает также «назойливый человек» (ср. русское «пристал, как репей»). Далее это значение слова каламбурно обыграно в том же явлении в разговоре с Албертом.

...этот дракон... дороже золотого — согласно греческому мифу, Язон на корабле «Арго» ездил в Колхиду за драгоценным золотым руном (овечьей шкурой), которое стерег дракон.

Действие II

С. 453 *Ужимистые поклоны* — см. примеч. к «Чудакам» (с. 540).

С. 454 *Петиметры* — щеголи, модники. В журнале А. П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» (1759. С. 748) происхождение этого слова объясняется так: «Впротчем же слово Петиметер в новейшие времена известно стало, и как думают, во времена герцога Мазарина впервые появилось, который был сыном Маршала и пожалован был чином Гранметера над Артиллериею. А имя Петиметер придавалось молодым придворным людям, которые одних лет с Герцогом и Гранметером и во всех поступках и поведениях ему подражали».

С. 456 *Берет цитру* — у Реньяра героиня берет гитару. Княжнин намеренно упоминает более «возвышенный» и, возможно, модный в благородной среде щипковый музыкальный инструмент: в конце XVIII в. даже в Европе цитра была еще новинкой.

...тамбур приняв за барабан — каламбур: *франц.* «tambour» обозначает и круглые пяльцы (в этом значении слово было заимствовано в России), и барабан.

С. 457 *Полушка* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 524).

С. 458 *Хирагру... и т. д.* — ария Криспина пародирует зазывания ярмарочных шарлатанов, в которых упоминались наряду с реальными недугами фантастические, наряду с физическими — нравственные.

С. 458 *Хирагра* (*греч.* «капкан для рук») и *подагра* (*греч.* «капкан для ног») — заболевания, возникающие в результате нарушения обмена веществ и проявляющиеся, в частности в поражении суставов рук и ног.

Азиятика — видимо, холера («morbus asiaticus»).

Сиятика (возможно от «сиятельства»), видимо, должно соотноситься со строчкой «И все, что кончится на *-ов*» и направлено против социального недуга — стремления дураков, а иногда и опекунов (ср. в «Сбитенщике») попасть в высший, «благородный» круг (важный предмет сатиры Княжнина).

С. 460 *...спеши медленно* — известная латинская (а изначально, видимо, греческая) пословица «Festina lente» («Спеши медленно») не имеет специального медицинского источника. Историк Светоний называет ее (в греческом варианте) любимой пословицей императора Августа. Гораций упоминает это изречение в «Искусстве поэзии».

Иппократ — Гиппократ, греческий врач (460 до н. э. — 377 до н. э.).

Галлиен — Клавдий Гален, римский медик (129–201?).

С. 461 *Капельмейстер* — в XVIII в. руководитель и дирижер оркестра.

Прелюдия — вступление к музыкальному произведению.

Ут-ре-ми-фа-со-ля — музыкальная гамма; *Ut* (*лат.*) — нота до.

Бемоль — знак понижения музыкального звука на полтона.

С. 462 *Музыку беглую сочиню: адажио, анданте...* — абсурдная фраза: адажио (*итал.* adagio) — медленный, анданте (*итал.* andante) — умеренно медленный (быстрее адажио) музыкальный темп.

Фуга шмык через забор — внешне бессмысленный каламбур. *Фуга* (*лат.* «бег, бегство») — форма полифонической музыки, в которой основная музыкальная тема многократно воспроизводится во всех голосах. Лиза не только предрекает свой побег, но и намекает на средства к нему: разыгранное героиней безумие по форме исполнения напоминает принцип фуги.

Рога — в 1780-х гг. в Петербурге была очень популярна роговая музыка, введенная егермейстером С. К. Нарышкиным. У Княжнина здесь каламбур с отсылкой к выражению «наставить рога».

С. 465 *Макрон, Галиен, Моздок, Гипократа* — перечисление имен представляет собой пародийное заклинание, в которое возможно некоторые имена вставлены только для созвучия.

Макрон — Макрон Невий Серторий — римский политический деятель, времен правления Тиверия и Калигулы, по приказанию последнего Макрон умертвил себя и свою жену.

Галиен — см. выше.

Моздок — крепость на Кавказе, основанная в 1763 г. Возможно также имеется в виду Маздок, манихейский жрец, возглавивший народное восстание в Иране на рубеже V–VI вв.

Гипократа — см. выше.

С. 465 *Английских или Гофмановых капель* — успокоительные капли, составленные врачом Ф. Гофманом (1660–1742).

С. 467 *...какая часть моя* — здесь: какая моя участь.

Бездельники — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 512).

С. 469 *Полно, полно, друг наш врать* — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 521–522).

Мужья, женихи своих жен

Впервые: Собр. соч. Т. 5. М., 1803. Т. Н. Ливанова и Л. И. Кулакова датируют оперу примерно 1784 г. (*Ливанова*. С. 143–144; Комментарий. С. 719), однако в таком случае неясно, почему она не вошла в собрание 1787 г. Музыка к опере не сохранилась, ее автор неизвестен, указание на А. Бюлана (Русский биографический словарь. Т. 3. СПб., 1908. С. 690) представляется сомнительным, поскольку статья содержит фактические ошибки. Сведения о постановках пьесы также отсутствуют. Возможно, она не имела успеха на сцене, что подвигло А. Я. Княжнина переработать оперу своего отца в двухактную комедию (СПб., 1825), которая была поставлена 15 октября 1812 г. в Петербурге, 4 июня 1818 г. в Москве и была сыграна в обеих столицах до 1823 г. 13 раз.

Действующие лица

Эраст — см. примеч. к «Притворно сумасшедшей» (с. 559).

Медор — герой поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд» (1532), сарацинский рыцарь, который пишет на деревьях свой вензель, переплетенный с вензелем его возлюбленной Анжелики. Увидев эти надписи Роланд сходит с ума.

Стреляй — калька с *франц.* la fleche (именно так часто переводилось имя Лафлеш, распространенное во французских комедиях).

Пролаз — см. примеч. к «Чудакам» (с. 537).

Действие I

С. 473 *Дуэт* — при восприятии этого дуэта следует учитывать, что в сатирической литературе конца XVIII в., в частности, в журналах Крылова, нередко высмеивалось ведение бытового диалога под музыку в жанре комической оперы (см. *Ливанова*. С. 97, 306–316).

...то дур, то моль... — то мажорный, то минорный лад.

И ут, и ре, и ми-фа-соль... — см. примеч. к «Притворно сумасшедшей» (с. 561).

С. 476 *Вояжировать* — от *франц.* voyager — путешествовать.

С. 479 *Маршанд де мод* — от *франц.* marchand de mode — модная торговка.

Куафе — от *франц.* coiffure — прическа.

...приятно погнусить, покартавить... — говорить с французским акцентом, как было модно.

С. 479 *...на софе пушистой лежа...* — в России конца XVIII в. после турецких войн просторная и мягкая софа (диван) вошла в моду как предмет восточной роскоши и неги; в богатых домах оформляют специальные комнаты — диванные, обстановка которых располагала к любовным свиданиям и утехам (ср. в «Фелице» Г. Р. Державина: «На бархатном диване лежа, / Младой девицы чувства нежа, / Вливаю в сердце ей любовь»). Поэтому софа воспринималась как неотъемлемая деталь не только богатого дома, но и современных форм любовного флирта, не вполне приличный предмет фривольного поведения. У И. И. Дмитриева в сказке «Модная жена», где именно в диванной героиня встречается со своим любовником, сказано: «Диван для городской вострушки, / Когда на нем она сам-друг, / Опаснее, чем для пастушки / Средь рощицы зеленый луг. / И эта выдумка диванов, / По чести, месть нам от султанов!»

С. 480 *Сан фасонь* — от *франц.* sans fa on — без церемоний, запросто.
Амурно — от *франц.* amour — любовно.
Скажу: ты ужасть как мила! — ужасть (ужесть) — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 513).

С. 481 *Манкировать* — от *франц.* manquer — упускать, здесь: не выказывать.
Импасианс — от *франц.* impatience — нетерпение.
Морбле — от *франц.* morbleu — черт возьми.
Шалун — см. примеч. к «Неудачному примирителю» (с. 528).
Кураж — от *франц.* courage — смелость.
Мадам — от *франц.* madame — сударыня.
Ма принцесс — от *франц.* ma princesse — моя принцесса.
Гелас! мон пренс — от *франц.* h las, mon prince — увы, мой принц.
Галантери — от *франц.* galanterie — обходительность.

С. 482 *Санпарель* — от *франц.* sans pareille — несравненная.
Эспуар — от *франц.* espoir — надежду.
Екскюзе — от *франц.* excuser — извините.
Контузии — от *франц.* contusion — удар, потрясение. Возможно также искаж. *франц.* confusion — смущение, или опечатка в издании XVIII в.
Тет-а-тет — от *франц.* t te- -t te — наедине.
Декларасион — от *франц.* declaration — объявление.

С. 483 *Галантом* — от *франц.* gallant homme — благородный, обходительный человек.

С. 485 *Ма рень* — от *франц.* ma reine — моя королева.

С. 486 *Вертиж* — от *франц.* vertige — головокружение.

Действие II

С. 490 *Конфузии* — от *франц.* confusion — в смущении.
Врать — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 521–522).
Бездельник — см. примеч. к «Хвастуну» (с. 512).
Конфиданом — от *франц.* confident — поверенным.

С. 490 *Мами* — от *франц.* m'ami — мой друг.
С. 491 *Пуссировать авантаж* — от *франц.* pousser avantage — увеличить преимущества.
Делаете фортуну — от *франц.* faire fortune — здесь: составляете мое счастье.
С. 492 *Анфан* — от *франц.* enfant — ребенок.
Мервель де но жур — от *франц.* merveille de nos jours — чудо наших дней.
Мон шер — от *франц.* mon cher — мой дорогой.
Грас — от *франц.* grace — благодаря.
Сериеземан — от *франц.* s rieusement — серьезно.
...запишите мою любовь хоть в рядовые; а там уж я ручаюсь, что вы скоро сами ее произведете... — имеется в виду производство в офицерский чин.
Апропо — от *франц.* propos — кстати.
Тандрес — от *франц.* tendresse — нежность.
С. 493 *Экспресии* — от *франц.* expression — выражения.
Лектюр — от *франц.* lecture — чтение.
Трактовать — от *франц.* traiter — повествует.
Горрер — от *франц.* horreure — ужас.
...напечатана не обыкновенными, а красными чернилами — книги, посвященные модам, часто печатали красными чернилами.
Елеман де ла туалет, или систем де ла коафюрт — от *франц.* « l ments de la toilette o syst me de la coiffure» — начальные основания туалета, или устройство прически.
Багатель — от *франц.* bagatelle — безделка.
Блонд — от *франц.* blonde — шелковое кружево.
Суплеман — от *франц.* supplement — дополнение, здесь накладные волосы.
Корнет — от *франц.* cornette — чепчик.
Дормез — от *франц.* dormeuse — ночной чепчик.
С. 494 *Бель-летр* — от *франц.* belles-lettres — изящная словесность.
Се мон фор — от *франц.* c'est mon fort — здесь: это мой конек.
Шансон — от *франц.* chanson — песня.
...мое дурачество ...моя глупость — выражения, характерные для щегольского жаргона.
Сури — от *франц.* souris — мышь.
Каж — от *франц.* cage — клетка.
Раж — от *франц.* rage — безумие.
Же ме мер — от *франц.* je me mer — я умираю.
Бадинаж — от *франц.* badinage — шутка.
Бель-этаж — от *франц.* belle tage — высокий первый этаж, этаж дома над полуподвалом.
Жаргон — от *франц.* jargon — говор, наречие.
...чистым руселейном... — здесь: русским языком.

С. 494 *Деликатес* — от *франц.* d licatesse — утонченность, нежность.
С. 495 *Мон кер* — от *франц.* mon c ur — сердце мое.
Же вуз-ем — от *франц.* je vous aime — я вас люблю.
Субреточка — от *франц.* soubrette — служаночка, театральное амплуа бойкой и хитрой горничной.
С. 500 *Фамилиарите* — от *франц.* familiarit — непринужденное обращение.
С. 502 *Дезабилье* — от *франц.* d shabill — домашнее или утреннее платье, простое по фасону и материалу, которое иногда носили без корсета.
С. 503 *Панье* — от *франц.* panier — нижняя юбка в форме колокола, обшитая несколькими обручами из китового уса или тростника.
Аршин — см. примеч. к «Чудакам» (с. 537).

Содержание

Серия
«Российская Драматическая Библиотека»
Кн. 3

Яков Борисович Княжнин

КОМЕДИИ
И КОМИЧЕСКИЕ ОПЕРЫ

Составители:
Александра Юрьевна Веселова, Николай Александрович Гуськов

Ответственный редактор *П. В. Дмитриев*
Редактор *А. И. Даревский*
Художник *Л. Е. Миллер*
Корректор *В. А. Преснова*
Компьютерная верстка *А. Б. Левкиной*

Лицензия ИД № 03369 от 28 ноября 2000 г.
Издательство «Гиперион»,
199178, Санкт-Петербург, В. О., Большой пр., 55
E-mail: hyperion@mail.rcom.ru

Сдано в набор 25.03.2003. Подписано в печать 20.05.2003. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Baskerville. Усл. печ. л. 50,6.
Тираж 3000 экз. Заказ № 236.

ISBN 5-89332-082-4

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Аргонавт»,
197022, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 37, лит. А.